БЕЛАРУСЬ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

•

БЕЛАРУСЬ
У СУЧАСНЫМ СВЕЦЕ

•

BELARUS
IN CONTEMPORARY WORLD

Материалы
XXIV Международной научной конференции,
посвященной 104-й годовщине образования
Белорусского государственного университета
и 30-летию факультета международных отношений

Минск, 23 октября 2025 г.

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

БЕЛАРУСЬ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Материалы
XXIV Международной научной конференции,
посвященной 104-й годовщине образования
Белорусского государственного университета
и 30-летию факультета международных отношений

Минск, 23 октября 2025 г.

Минск
БГУ
2025

УДК 327(476)(06)+339.9(476)(06)+34(476)(06)
ББК 66.4(4Беи)я43+65.59(4Беи)я431+67.99(4Беи)я431
Б43

Редакционная коллегия:
кандидат политических наук *Е. А. Достанко* (гл. ред.);
доктор экономических наук *Л. Н. Давыденко*;
доктор политических наук *Р. О. Есин*;
доктор исторических наук *В. А. Острога*;
кандидат юридических наук *С. М. Ананич*;
кандидат исторических наук *И. М. Авласенко*;
кандидат исторических наук *В. Р. Боровой*;
кандидат исторических наук *А. С. Миксюк*;
кандидат исторических наук *О. П. Рубо*;
кандидат исторических наук *А. В. Селиванов*;
кандидат экономических наук *Л. И. Тарарышкина*;
кандидат исторических наук *А. В. Тихомиров*;
кандидат экономических наук *Н. В. Юрова*

Рецензенты:
доктор экономических наук *А. В. Данильченко*;
доктор юридических наук *Е. Ф. Довгань*;
доктор исторических наук *А. А. Челядинский*

Беларусь в современном мире : материалы XXIV Между-
Б43 нар. науч. конф., посвящ. 104-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та и 30-летию фак. междунар. отношений, Минск, 23 окт. 2025 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2025. — 719 с.
ISBN 978-985-881-838-8.

Рассматриваются актуальные проблемы международных отношений, вопросы внешней политики и дипломатии Республики Беларусь, исследуются современные тенденции в развитии международной правосубъектности, а также приоритеты и перспективы международного экономического сотрудничества страны.

УДК 327(476)(06)+339.9(476)(06)+34(476)(06)
ББК 66.4(4Беи)я43+65.59(4Беи)я431+67.99(4Беи)я431

ISBN 978-985-881-838-8 © БГУ, 2025

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ
ФАКУЛЬТЭТ МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІН

БЕЛАРУСЬ
У СУЧАСНЫМ СВЕЦЕ

Матэрыялы
XXIV Міжнароднай навуковай канферэнцыі,
прысвечанай 104-й гадавіне заснавання
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
і 30-годдзю факультэта міжнародных адносін

Мінск, 23 кастрычніка 2025 г.

Мінск
БДУ
2025

УДК 327(476)(06)+339.9(476)(06)+34(476)(06)
ББК 66.4(4Беи)я43+65.59(4Беи)я431+67.99(4Беи)я431
Б43

Р э д а к ц ы й н а я к а л е г і я:
кандыдат палітычных навук *А. А. Дастанка* (гал. рэд.);
доктар эканамічных навук *Л. М. Давыдзенка*;
доктар палітычных навук *Р. А. Есін*;
доктар гістарычных навук *В. А. Астрога*;
кандыдат юрыдычных навук *С. М. Ананіч*;
кандыдат гістарычных навук *І. М. Аўласенка*;
кандыдат гістарычных навук *В. Р. Баравой*;
кандыдат гістарычных навук *А. С. Міксюк*;
кандыдат гістарычных навук *А. П. Рубо*;
кандыдат гістарычных навук *А. У. Селіванаў*;
кандыдат эканамічных навук *Л. І. Тарарышкіна*;
кандыдат гістарычных навук *А. В. Ціхаміраў*;
кандыдат эканамічных навук *Н. В. Юрава*

Р э ц э н з е н т ы:
доктар эканамічных навук *А. В. Данільчанка*;
доктар юрыдычных навук *А. Ф. Доўгань*;
доктар гістарычных навук *А. А. Чалядзінскі*

Беларусь у сучасным свеце : матэрыялы XXIV Міжнар. навук. канф., прысвеч. 104-й гадавіне заснавання Беларус. дзярж. ун-та і 30-годдзю фак. міжнар. адносін, Мінск, 23 кастр. 2025 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. А. Дастанка (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2025. — 719 с.
ISBN 978-985-881-838-8.

Разглядаюцца актуальныя праблемы міжнародных адносін, пытанні знешняй палітыкі і дыпламатыі Рэспублікі Беларусь, даследуюцца сучасныя тэндэнцыі ў развіцці міжнароднай правасуб'ектнасці, а таксама прыярытэты і перспектывы міжнароднага эканамічнага супрацоўніцтва краіны.

УДК 327(476)(06)+339.9(476)(06)+34(476)(06)
ББК 66.4(4Беи)я43+65.59(4Беи)я431+67.99(4Беи)я431

ISBN 978-985-881-838-8
© БДУ, 2025

BELARUSIAN STATE UNIVERSITY
FACULTY OF INTERNATIONAL RELATIONS

BELARUS
IN CONTEMPORARY WORLD

Proceedings
of the 24th International Scientific Conference
dedicated to the 104th Anniversary
of Belarusian State University
and the 30th Anniversary
of the Faculty of International Relations

Minsk, October 23, 2025

Minsk
BSU
2025

UDC 327(476)(06)+339.9(476)(06)+34(476)(06)

E d i t o r i a l B o a r d:
Candidate of Sciences (Political Sciences)
A. A. Dastanka (Editor-in-Chief);
Doctor of Sciences (Economics) *L. N. Davydenko*;
Doctor of Sciences (Political Sciences) *R. O. Yesin*;
Doctor of Sciences (History) *V. A. Astroha*;
Candidate of Sciences (Law) *S. M. Ananich*;
Candidate of Sciences (History) *I. A. Aulasenka*;
Candidate of Sciences (History) *V. R. Borovoi*;
Candidate of Sciences (History) *A. S. Miksiuk*;
Candidate of Sciences (History) *O. P. Rubo*;
Candidate of Sciences (History) *A. V. Selivanov*;
Candidate of Sciences (Economics) *L. I. Tararyshkina*;
Candidate of Sciences (History) *A. V. Tikhomirov*;
Candidate of Sciences (Economics) *N. V. Yurova*

R e v i e w e r s:
Doctor of Sciences (Economics) *A. V. Danilchenko*;
Doctor of Sciences (Law) *A. F. Douhan*;
Doctor of Sciences (History) *A. A. Chelyadinsky*

Belarus in Contemporary World : Proceedings of the 24th International Scientific Conference dedicated to the 104th Anniversary of Belarusian State University and the 30th Anniversary of the Faculty of International Relations, Minsk, 23 Oct. 2025 / Belarus. State Univ. ; ed. by A. A. Dastanka (Editor-in-Chief) [et al.]. — Minsk : BSU, 2025. — 719 p.
ISBN 978-985-881-838-8.

The proceedings examine current issues of international relations, the foreign policy and diplomacy of the Republic of Belarus, explores trends in the development of the country's international legal personality, and considers the priorities and prospects of its international economic cooperation.

UDC 327(476)(06)+339.9(476)(06)+34(476)(06)

ISBN 978-985-881-838-8 © BSU, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово декана факультета международных отношений Е. А. Достанко 15

СЕКЦИЯ 1. ПОБЕДА И БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ПОЛИТИКА (К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОД В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)

Валодзькін А. А. Гістарычныя ўрокі місій ААН у Руандзе і Дэмакратычнай Рэспубліцы Конга 21
Дземідовіч А. В. Рэспубліка Беларусь і Арганізацыя Дагавора аб калектыўнай бяспецы: дактрынальнае абгрунтаванне ўзаемадзеяння і пазіцыя адносна развіцця арганізацыі на сучасным этапе 33
Жилинская И. В. Внешнеполитическая пропаганда СССР по «культурным каналам» в 1925–1941 гг. (на примере деятельности Всесоюзного общества культурной связи с заграницей) 45
Ковяко И. И. Первопроходцы, энтузиасты и баловни судьбы: три послевоенных поколения германистов Великобритании и США 56
Миксюк А. С. Гастродипломатия как инструмент развития международного диалога и формирования позитивного имиджа: возможности для Беларуси 68
Свилас С. Ф. Кафедра международных отношений в составе факультета международных отношений БГУ: первый опыт 81
Селиванов А. В. Подходы Верховных комиссаров ООН по делам беженцев к решению проблемы вынужденной миграции в Африке (1951–1990 гг.) 92
Соколов А. П. Политика безопасности ФРГ: подходы правительства Ф. Мерца 101
Федорович А. И. Африканский союз в архитектуре ООН: трансформация роли Глобального Юга 107

Фрольцов В. В. Полихронность и преодоление европоцентризма в изучении международных отношений как актуальные исследовательские задачи 117
Челядинский А. А. Великая Отечественная война и Латинская Америка (1941–1945 гг.) 127
Чувилов И. А. Приоритеты внешней политики Зимбабве 135
Шарапа А. В., Снапкоўскі У. Е. Аб стварэнні і дзейнасці факультэта міжнародных адносін БДУ ў 1990-я гг. ... 143

СЕКЦИЯ 2. СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Андрощук С. В. Перспективы развития белорусско-африканского сотрудничества в рамках выставки «БелАгро» 157
Ань Нань. Консолидация интересов Китая с Египтом, ЮАР и Эфиопией в рамках БРИКС 166
Аожигэлэ. Эволюция экономических, культурных и политических стратегий китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны ... 174
Василевская В. Э. Участие Республики Беларусь в реализации инициативы КНР «Один пояс, один путь»: исторический экскурс 181
Василенко Д. С. Парламентское измерение Мюнхенской конференции по безопасности 190
Гедимин М. А., Свилас С. Ф. Формирование концепции «мягкой силы» бразильской дипломатии в XXI в. ... 197
Жэнь Сюэ. Влияние конфуцианства на внешнюю политику Китая в 1927–1949 гг. 205
Ли Цзинин. Влияние «декитаизации» экономики Индии на китайско-индийские отношения 215
Ли Янян. Китайские иммигранты в Сингапуре 222
Лю Вэньдун. Тенденции развития Шанхайской организации сотрудничества и инициативы КНР 228

Лю Лу. Партнерство Китая и России как основа деятельности БРИКС 238
Лю Юань. Стратегия Китая в Северной Африке: как избежать ловушки гегемонизма 246
Сун Юйхун. Установление официальных отношений Оттавы и Пекина в 1970 г.: политические и экономические императивы правительства П. Трюдо 254
Тертель М. И. Сотрудничество в сфере безопасности в Латинской Америке (на примере Союза южноамериканских наций) 261
Хемеда И. А. Т. С. Роль Египта в арабо-израильском противостоянии 1948–1949 гг. 267
Хэ Бицзюань. Политика Китая в отношении Афганистана (2014–2021 гг.) 275
Цинь Сяосюань. Внешнеполитическая стратегия КНР в отношении стран Центральной и Восточной Европы через призму реализации инициативы «Один пояс, один путь» 283
Черняк А. Д. Международная организация по медиации как передовой инструмент международного регулирования конфликтов 292
Ян Минхуэй. Сотрудничество государств – членов БРИКС и африканских стран 301

СЕКЦИЯ 3. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА

Ананич С. М. Совершенствование коллизионного регулирования договорных брачно-семейных отношений с иностранным элементом 311
Давыденко Д. Л. Пограничные правовые институты, на примере мировой сделки, в кодификации международного частного права 318
Леанович Е. Б. Комплексное разрешение трансграничных частноправовых отношений на основе синтеза коллизионных и материальных норм 326

Маглыш А. А., Кузнецова И. С. Проблемы применения дипломатических и консульских иммунитетов и привилегий в киберпространстве 334
Huang Zeyan. The International Status of Intellectual Property Protection in the Context of Artificial Intelligence and China's Legislative Responses 343
Шандроха Е. В., Ананич С. М. Проблематика законодательного закрепления правовых последствий отобрания ребенка без лишения родительских прав 351
Шмакова К. А. Сравнительно-правовой анализ условий и порядка заключения брака в Республике Беларусь и Итальянской Республике 359

СЕКЦИЯ 4. СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ООН: ВЗГЛЯД ИЗ БЕЛАРУСИ

Богатырева Е. А. Расходы на человеческий потенциал в странах мировой экономики: структура и эффективность 371
Головенчик Г. Г., Мэн Цзыминь. Вызовы и угрозы трансграничной электронной торговли 379
Давыденко Е. Л. Цифровизация экономики Республики Беларусь на современном этапе 393
Журавская К. С. «Зеленая» экономика стран Европейского союза в контексте кризисов 2020–2022 гг. 400
Петрашевская А. В Реализация ЦУР в сфере обращения с электронными отходами: международный опыт ... 406
Петрашевская Ю. В., Нестерова А. А. Роль креативных индустрий в странах Шанхайской организации сотрудничества: потенциал, вызовы и перспективы 413
Петрашевская Ю. В. Развитие экспорта креативных продуктов в мировой экономике 423
Юрова Н. В Развитие экономики стран Шанхайской организации сотрудничества через призму человеческого потенциала 434

СЕКЦИЯ 5. ИНДУСТРИЯ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА БЕЛАРУСИ: 80 ЛЕТ МИРНОГО СОЗИДАНИЯ

Аўласенка І. М. Падарожжа Міхася Лынькова ў Індыю ў 1956 г.: погляд пісьменніка, турыста, дыпламата 447
Borovskaya E. A., Yudchits I. S. Visa-Free Regime as an Instrument of Economic Counteraction to Sanctions 457
Латушко А. А., Гайдукевич Л. М. Культурно-религиозная идентичность и степень ее влияния на безопасное развитие туризма в Ближневосточном макрорегионе 464
Давыденко Л. Н. Институциональные подходы к регулированию агроэкотуризма в Республике Беларусь ... 474
Дедок В. М., Тимофеева К. А. Инвестиционная деятельность в международном гостиничном секторе: теоретические аспекты 486
Жэнь Цянь. Исследовательские оценки значения туризма во внешнеполитической деятельности современного Китая 497
Мозговая О. С., Яцута М. А. Направления развития международного туризма между Республикой Беларусь и странами Азиатско-Тихоокеанского макрорегиона 505
Морозов Д. В. Пути продвижения белорусского туристического продукта в Китайской Народной Республике в 2024–2025 гг. 515

СЕКЦИЯ 6. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА И МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛОГИСТИКИ

Гапеева М. А., Капустина Н. Н. Сравнительный анализ лучших логистических компаний Республики Беларусь: факторы и причины их успеха 525

Yelovaya E. M. International Practice of Using Artificial Intelligence in Customs: Prospects for Implementation in the Republic of Belarus 534
Квятович А. А. О формах международного таможенного сотрудничества 544
Миронюк А. В., Острога В. А. Психологические предпосылки незаконного ввоза товаров: мотивационный анализ 554
Острога В. А. Развитие структурной системы таможенных органов на территории Беларуси в 1918–1991 гг. ... 564
Попова Е. А., Власова Г. М. Применение методов криминальной психологии при проведении личного таможенного досмотра 573
Соркин С. В. Оценка сбалансированности внешнеторговых связей Республики Беларусь 579
Семашко Е. А., Лапковская П. И. Разработка методического обеспечения оценки цифровой трансформации транспортно- логистической деятельности 585
Торкайло И. А., Ходакова А. А. Сравнительный анализ таможенных органов Беларуси и стран Азии в контексте интеграционных процессов Евразийского экономического союза 593
Ходакова А. А., Мазуренко Д. В. Обеспечение экологической безопасности в таможенной сфере 601
Chepik T. A., Chepik A. A. Cooperation with Governmentaland Other Organizations and Institutions as a Way to Improve the Efficiency of Customs Authorities 609

СЕКЦИЯ 7. ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: БЕЗОПАСНОСТЬ, ТЕНДЕНЦИИ, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

Зеленева И. В. Перспективы сотрудничества Беларуси и российского Дальнего Востока 619

Масленкова Е. В. Развитие экосистемы регулирования трудовой миграции 626
Минько Н. С. Конституционная безопасность как основание обеспечения экономической безопасности на евразийском пространстве 635
Сапрыка В. А., Солоха В. В. Общественная дипломатия приграничных регионов в процессах евразийской интеграции 644
Тарарышкина Л. И. Финансы в евразийской интеграции: аспекты и значение 651
Тома А. Ю. Информационно-аналитическое обеспечение органов ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзного государства 658

СЕКЦИЯ 8. ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И АФРИКАНИСТИКИ

Ботеновская Е. С., Е Юйху. Инновации в области цифровых технологий как фактор повышении конкурентоспособности Китая 669
Есин Р. О., Рубо О. П. Китай и Африка: построение «сообщества единой судьбы в новую эпоху» 677
Лещенко К. И. Автобиографичность и историчность поэзии Вэнь Тяньсяна 685
Лещенко К. И., Журко Л. С. Опыт проведения Модели Шанхайской организации сотрудничества на факультете международных отношений Белорусского государственного университета 693
Рубо О. П. Значение Африки в реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» 703
Liu Ziqi A Study on Strategies for Sustainable Development of the green economy in the China-Belarus Industrial Park 710

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ДЕКАНА ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ Е. А. ДОСТАНКО

Уважаемые участники!

От имени факультета международных отношений Белорусского государственного университета и от себя лично искренне рада приветствовать вас на страницах сборника статей международной научной конференции «Беларусь в современном мире». Этот год для нас особенный, поскольку мы отмечаем сразу три знаменательные даты: 80-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 80-ю годовщину создания Организации Объединенных Наций и 30-летие создания факультета международных отношений. Эти события, каждое в своей плоскости, имеют огромное значение для нашего факультета и нашей страны.

Победа в Великой Отечественной войне – это символ героизма и стойкости белорусского народа, его вклада в освобождение от немецко-фашистских захватчиков, а также важный фактор независимости современной Беларуси. Деятельность нашего факультета заключается в продвижении стратегических национальных интересов, в частности, защите традиционных духовно-нравственных ценностей белорусского народа, развитии национальной культуры и сохранении исторической памяти, преемственности поколений, закрепленных в Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (2024 г.).

Создание ООН в 1945 г. – это попытка человечества избежать повторения трагических событий и построить мир, основанный на принципах сотрудничества, справедливости и уважения международного права. Сегодня, в мире, полном вызовов и угроз, роль ООН становится как никогда актуальной. Серьезные кризисы последних лет требуют ее укрепления, скоординированных международных усилий. Критический анализ деятельности ООН необходим для повышения ее эффективности.

Юбилей факультета международных отношений Белорусского государственного университета означает три десятилетия плодотворной работы по подготовке высококвалифицированных специалистов, способных эффективно представлять и защищать интересы Беларуси на международной арене. За эти годы ФМО стал кузницей кадров для Министерства иностранных дел Республики Беларусь, других государственных органов, международных организаций, аналитических центров и компаний. Факультет оперативно учитывает изменения во внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетах страны, открывает новые специальности, в частности, международную конфликтологию, международную логистику и африканистику, все больше внимания в своих исследованиях ученые ФМО уделяют странам «дальней дуги» – Азии, Африки и Латинской Америки.

В целом, факультет международных отношений БГУ сыграл важную роль в становлении и развитии белорусской науки о международных отношениях. В этом году в рамках конференции «Беларусь в современном мире» работают 8 секций, которые соответствуют всем специальностям факультета.

Сборник статей, который вы держите в руках, является отражением актуальных исследований по широкому спектру вопросов, связанных с внешней политикой Беларуси, ее участием в интеграционных процессах, взаимодействием с различными регионами и странами, а также с глобальными процессами и вызовами современности. В статьях авторов затронуты темы, отражающие историческую память о Великой Отечественной войне, осмысление роли ООН в современном миропорядке, выявлены современные вызовы для мировой экономики и международного права, рассмотрены актуальные проблемы туризма, таможенного дела и международной логистики, раскрыты интеграционные процессы на евразийском пространстве, представлены исследования в области востоковедения и

африканистики, обозначены перспективы развития стран в условиях глобальной турбулентности.

Международная научная конференция «Беларусь в современном мире» – это, прежде всего, открытая площадка для обсуждения актуальных вопросов и обмена экспертным мнением. Определение места и роли Республики Беларусь в контексте современных геополитических трансформаций представляет собой сложную исследовательскую задачу. Ее решение требует глубокого анализа и всестороннего исследования актуальных проблем и вызовов.

Уверена, что представленные в сборнике материалы будут интересны и полезны не только специалистам, занимающимся международной проблематикой, но и широкому кругу читателей.

Благодарю всех авторов за их вклад в развитие белорусской науки и за активное участие в конференции. Желаю Вам плодотворной работы, интересных дискуссий и новых профессиональных достижений!

Секция 1

ПОБЕДА И БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ПОЛИТИКА (К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)

ГІСТАРЫЧНЫЯ ЎРОКІ МІСІЙ ААН У РУАНДЗЕ І ДЭМАКРАТЫЧНАЙ РЭСПУБЛІЦЫ КОНГА

А. А. Валодзькін

Інстытут гісторыі НАН Беларусі,
вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь, valodzkin@history.by
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, valodzkin@bsu.by

Актуальнасць тэмы абумоўлена важным месцам міратворства ў структуры дзейнасці ААН, а таксама новай эскалацыяй канфлікту паміж Руандай і Дэмакратычнай Рэспублікай Конга з пачатку 2025 г. У артыкуле разглядаецца дзейнасць міратворчых місій ААН у абедзвюх гэтых краінах. Адлюстраваны гістарычны кантэкст і мэты кожнай з гэтых місій, тое, якім чынам Савет Бяспекі ААН рэагаваў на змены сітуацыі і да якіх вынікіаў вялі прынятыя ім рашэнні. Звяртаецца ўвага на тое, што некаторыя краіны выкарыстоўвалі гэтыя аперацыі ААН дзеля дасягнення сваіх асабістых мэт. У высновах адзначаюцца агульныя рысы і адрозненні гэтых дзвюх аперацый і параўноўваюцца іх ацэнкі. У высновах адзначаецца, што хаця абедзве аперацыі былі звязаны з разгортваннем у рэгіёне Вялікіх Афрканскіх азёр канфлікту паміж хуту і тутсі і пачыналіся як місіі па маніторынгу выканання пагадненняў аб перамір'і, ступень усведамлення ААН сур'езнасці сітуацыі значна адрознівалася, што ў выніку прывяло да рознай эффектыўнасці гэтых аперацый: калі місія ў Руандзе зараз ацэньваецца як цалкам правальная, то дзейнасць місіі ў ДРК выклікае неадназначныя ацэнкі.

Ключавыя словы: міратворчыя аперацыі; Руанда; Дэмакратычная Рэпубліка Конга; Савет Бяспекі ААН; генацыд у Руандзе; Кангалезскія войны.

ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ МИССИЙ ООН В РУАНДЕ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ КОНГО

А. А. Володькин

Институт истории НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь,
valodzkin@history.by
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
valodzkin@bsu.by

Актуальность темы обусловлена важным местом миротворчества в структуре деятельности ООН, а также новой эскалацией конфликта между Руандой и Демократической Республикой Конго с начала 2025 г. В статье рассматривается деятельность миротворческих миссий ООН в обеих этих странах. Отражены исторический контекст и цели каждой из этих миссий, то, каким образом Совет Безопасности ООН реагировал на изменение ситуации и к каким результатам приводили принятые им решения. Обращается внимание на то, что некоторые страны использовали данные операции ООН для достижения своих личных целей. В выводах отмечаются общие черты и различия этих двух операций, сравниваются их оценки. В выводах отмечается, что хотя обе операции были связаны с развертыванием в регионе Великих Африканских озер конфликта между хуту и тутси и начинались как миссии по контролю за выполнением соглашений о перемирии, степень осознания ООН серьезности ситуации существенно различалась, что в конечном итоге привело к разной эффективности этих операций: если миссия в Руанде сейчас оценивается как полностью провальная, то деятельность миссии в ДРК вызывает неоднозначные оценки.

Ключевые слова: миротворческие операции; Руанда; Демократическая Республика Конго; Совет Безопасности ООН; геноцид в Руанде; Конголезские войны.

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE UN MISSIONS IN RWANDA AND THE DEMOCRATIC REPUBLIC OF THE CONGO

A. A. Valodzkin

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademicheskaya Street, Minsk 220072, Belarus, valodzkin@history.by
Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, valodzkin@bsu.by

The relevance of the topic is due to the important place of peacekeeping in the structure of UN activities, as well as the new escalation of the conflict between Rwanda and the Democratic Republic of the Congo since the beginning of 2025. The article examines the activities of UN peacekeeping missions in both of these countries. It also reflects the historical context and goals of each of these missions, the UN Security Council responses to changes in the situation and the results of its decisions. Attention is drawn to the fact that some countries used these UN operations to achieve their own personal goals. The conclusions note the common features and differences of these two operations and compare their assessments. The conclusions note that although both operations were linked to outbreak of the conflict between Hutu and Tutsi in the African Great Lakes region and began as missions to monitor implementation of ceasefire agreements, the UN's degree of awareness of the seriousness of situation varied significantly, which ultimately led to different effectiveness of these operations: if the mission in Rwanda is now assessed as a complete failure, the activities of the mission in the DRC provoke mixed assessments.

Keywords: peacekeeping operations; Rwanda; Democratic Republic of the Congo; UN Security Council; Rwandan genocide; Congolese wars.

У студзені 2025 г. сусветныя медыя паведамілі аб разрыве дыпламатычных адносін паміж дзвюмя суседнімі краінамі – Дэмакратычнай Рэспублікай Конга (ДРК) і Руандай у выніку абвастрэння ўзброенага канфлікту ва ўсходніх раёнах першай з іх з удзелам другой. Гэтыя дзве

краіны злучае не толькі шматгадовая гісторыя этнічнага канфлікту паміж народамі хуту і тутсі, але і тое, што ў абедзвюх з іх (хоць і ў розныя гады) дзейнічалі міратворчыя місіі Арганізацыі Аб'яднаных Нацый (ААН) Міратворчая дзейнасць ААН з'яўляецца адным з важнейшых накірункаў працы гэтай арганізацыі з першых гадоў яе існавання. Добрым сведчаннем прызнання вялікага ўнёску міратворчых сіл ААН у справу забеспячэння міру ва ўсім свеце стала прысуджэнне ім Нобелеўскай прэміі міру ў 1988 г. Разам з тым пасля завяршэння халоднай вайны, змены сусветнага балансу сіл і асноўных прынцыпаў міжнародных адносін эфектыўнасць дзейнасці ААН пачала зніжацца і ў ёй абазначыліся крызісныя з'явы, што выклікалі шмат крытыкі ў адрас гэтай арганізацыі і патрабаванняў яе карэннага рэфармавання. Адной з найбольш яскравых тэндэнцый, што адлюстроўвалі гэтыя крызісныя з'явы, стала правядзенне на мяжы XX–XXI стст. шэрагу цалкам правальных міратворчых аперацый – місіі ў Босніі, Самалі і г. д. Таму мэтай гэтай працы з'яўляецца параўнаўчая характарыстыка міратворчых місій ААН у дзвюх суседніх краінах рэгіёну Вялікіх Афрыканскіх азёр.

Асноўнымі крыніцамі інфармацыі па вызначанай тэме з'яўляюцца дакументы ААН – напрыклад, рэзалюцыі Савета Бяспекі ААН аб стварэнні адпаведных місій і вызначэнні іх мандата, а таксама справаздачы Генеральнага сакратара ААН аб ходзе гэтых аперацый. Яшчэ адной цікавай крыніцай па дзейнасці Місіі па аказанні дапамогі Руандзе (*UNAMIR*) сталі апублікаваныя мемуары кіраўніка міратворчых сіл ААН у Руандзе канадскага генерала Р. Даллера [1]. Гістарыяграфію па тэме даследавання складаюць пераважна агульныя працы, прысвечаныя генацыду ў Руандзе і Другой кангалезскай вайне, а таксама пасляваенным канфліктам ва ўсходняй частцы ДРК, у якіх дзейнасць місій ААН з'яўляецца толькі адным з сюжэтаў. Да гэтай катэгорыі варта аднесці публікацыі такіх аўтараў, як Ж. Прунье [2] і І. У. Крывушын [3]. Сустракаюцца і пу-

блікацыі адмыслова прысвечаныя дзейнасці місій ААН у Руандзе і ДРК. Сярод іх варта вылучыць асобныя публікацыі Г. М. Сідаравай [4] і некаторых іншых аўтараў [5–6].

Пачатак Місіі ААН па аказанні дапамогі Руандзе (*UNAMIR*) быў пакладзены рэзалюцыяй Савета Бяспекі ААН № 872 (1993) ад 5 кастрычніка 1993 г., якая вызначыла яе мандат і паўнамоцтвы. Згодна з ёй галоўнай мэтай Місіі быў нагляд за выкананнем заключаных у жніўні 1993 г. Арушскіх пагадненняў паміж урадам Руанды, які цалкам кантраляваўся народам хуту і прадстаўляў выключна яго інтарэсы, і паўстанцкай групоўкай Руандыйскі патрыятычны фронт (РПФ) народа тутсі. Гэтыя пагадненні павінны былі пакласці канец грамадзянскай вайне, што доўжылася ў Руандзе з 1990 г., праз стварэнне новага кааліцыйнага ўраду, які б прадстаўляў палітычныя арганізацыі абодвух народаў. Адпаведна, *UNAMIR* павінна была ажыццяўляць кантроль за аховай правапарадку і забяспечваць бяспеку пры размеркаванні гуманітарнай дапамогі ў пераходны перыяд. Пры гэтым у мандаце ўсяляк падкрэслівалася нейтральная пазіцыя міратворцаў, адпаведна якой ім забаранялася ўступаць у ваенныя сутыкненні з канфліктуючымі бакамі і, ўвогуле, выкарыстоўваць зброю супраць мясцовага насельніцтва. Такая стрыманая пазіцыя ААН у дачыненні прымянення сілы пры ўрэгуляванні ўнутраных канфліктаў была абумоўлена вялікімі стратамі міратворцаў падчас нядаўняй аперацыі ў Самалі ў тым жа 1993 г. Ваенны кантынгент місіі *UNAMIR* складаўся з вайскоўцаў Бангладэш, Бельгіі, Ганы і некаторых іншых краін. Яго колькасць вагаласяся ад 2,5 тыс. напачатку да 0,4 тыс. на піку генацыду ў Руандзе, калі пасля забойства некалькіх міратворцаў некаторыя краіны адклікалі свае вайсковыя кантынгенты, і да 5,5 тыс. на завяршальным этапе [1; 7].

Такая абмежаванасць колькасці і мандату аанаўскага кантынгенту не дазволіла яму наладзіць эфектыўную ахову грамадзянскага насельніцтва, калі пасля гібелі прэзідэнта Ж. Хаб'ярэманы 6 красавіка 1994 г. ў Руандзе па-

чаўся генацыд супраць тутсі і памяркоўных хуту. Як пісаў пасля кіраўнік місіі генерал Р. Даллер, ён яшчэ з лістапада 1993 г. неаднаразова папярэджваў і Генеральнага сакратара ААН К. Анана, і створаны ў 1992 г. Дэпартамент аперацый па падтрыманню міра аб тым, што групоўкі радыкальных хуту (інтэрахамве) атрымліваюць зброю ад руандыйскай арміі і амаль адкрыта рыхтуюцца да агрэсіўных дзеянняў. З гэтай нагоды ён прасіў дазвол на правядзенне пошукаў сховішчаў зброі і прымусовага раззбраення гэтых радыкальных груповак. Аднак дазволу на гэта ён так і не атрымаў [1, с. 146].

Пасля пачатку генацыду супраць тутсі і памяркоўных хуту міратворцы пачалі ствараць зоны бяспекі, дзе б мірнае насельніцтва магло ўратавацца. Самай вядомай з іх стаў стадыён Амахора ў сталіцы краіны г. Кігалі. Пры гэтым у шарагу выпадкаў міратворцы не маглі, ці не жадалі забяспечыць бяспеку тых, хто шукаў паратунку пад іх аховай. Калі 11 красавіка Бельгія і Францыя прынялі рашэнне аб эвакуацыі сваіх грамадзян з Руанды, міратворчыя кантынгенты гэтых краін проста пакінулі аб'екты, што раней знаходзіліся пад іх аховай на волю арганізатараў генацыду ў выніку чаго тысячы людзей, якія шукалі там паратунку, былі забітыя [2, p. 244].

Савет Бяспекі ААН пасля пачатку генацыду ў Руандзе не толькі не пашырыў мандат *UNAMIR*, але і двойчы прымаў рашэнні аб скарачэнні міратворчага кантынгенту, каб мінімізаваць страты сярод міратворцаў. Толькі пасля перамог паўстанцаў з РПФ, што ставілі мэту спыніць генацыд супраць тутсі, у выніку якіх у маі–чэрвені 1994 г. значная тэрыторыя краіны апынулася пад іх кантролем, кантынгент місіі ААН зноў пачаў павялічвацца. Пасля таго як у ліпені таго ж году сілы РПФ занялі сталіцу Кігалі і генацыд быў фактычна спынены, задачы *UNAMIR* зноў змяніліся. На завяршальным этапе, ажно да заканчэння свайго мандату 8 сакавіка 1996 г. місія садзейнічала бяспечнаму вяртанню бежанцаў дадому і дзейнасці

створанага ў лістападзе 1994 г. Міжнароднага трыбунала па Руандзе. Пры гэтым некаторыя краіны выкарыстоўвалі мандат ААН дзеля дасягнення сваіх уласных мэт. Напрыклад, французскія міратворцы правялі летам 1994 г. асобную аперацыю «Біруза». Фармальна яна была накіравана на стварэнне гуманітарных карыдораў для вяртання ўцекачоў. Аднак насамрэч французы ўсяляк супрацьдзейнічалі ўсталяванню сіламі РПФ кантролю над заходняй мяжой Руанды і тым самым дапамаглі шматлікім арганізатарам генацыду ўцячы ў суседні Заір (зараз – ДРК), дзе яны стварылі свае ваенныя базы і пачалі рабіць адтуль рэйды на руандыйскую тэрыторыю [2, p. 292; 7].

Вынікам пераследу на тэрыторыі ДРК радыкальных хуту, што ўчынілі генацыд, войскамі новага руандыйскага ўраду, створанага на базе РПФ, стала Першая кангалезская вайна (1996–1997 гг.), у якой супраць радыкальных хуту і падтрымаўшага іх кангалезскага прэзідэнта Ж. Мабуту выступіла кааліцыя Руанды, Уганды, кангалезскіх паўстанцаў-тутсі і іншых груповак, апазіцыйных рэжыму Мабуту. Вынікам той вайны стала звяржэнне шматгадовага праўлення Ж. Мабуту і прыход да ўлады ў ДРК апазіцыйных сіл на чале з Л. Кабілай, які паабяцаў раззброіць фарміраванні радыкальных хуту, а паўстанцкія групоўкі мясцовых тутсі інтэграваць у кангалезскую армію. Аднак у хуткім часе паміж пераможцамі пачаліся рознагалоссі, што прывялі да Другой кангалезскай вайны (1998–2003 гг.). Яна стала самым крывавым ваенным канфліктам у гісторыі Афрыкі. Цягам яе загінула каля 5 млн чалавек. У вайне непасрэдна ўдзельнічалі: ДРК, Ангола, Намібія, Зімбабве, Судан і Чад – з аднаго боку, і Руанда, Уганда і Бурундзі – з другога. Таму яе яшчэ часам называюць Вялікай афрыканскай вайной [8, p. 194].

10 ліпеня 1999 г. у сталіцы Замбіі г. Лусака канфліктуючыя бакі заключылі перамір'е. і ўжо 15 ліпеня Генеральны сакратар ААН прапанаваў размясціць у ДРК міратворчую місію для назірання за выкананнем гэтага пагаднення. Ад-

паведна прынятай у жніўні таго ж году рэзалюцыі СБ ААН № 1258 у сталіцы краін, што яго падпісалі, былі накіраваны афіцэры сувязі. А рэзалюцыяй № 1279 ад 30 лістапада 1999 г. была створана міратворчая Місія ААН у ДРК (*MONUC*). Першапачаткова мандат гэтай місіі ўключаў назіранне за спыненнем агня, развядзенне канфліктуючых бакоў ад лініі фронту і забеспячэнне сувязі паміж усімі падпісантамі пагаднення аб перамір'і. Пазней яе мандат быў пашыраны і уключыў адсочванне выканання ўсіх пунктаў пагаднення аб спыненні ваенных дзеянняў, а таксама шэраг іншых задач па забеспячэнню бяспекі мірнага насельніцтва і спыненню гвалту падчас лакальных канфліктаў на ўсходзе ДРК [4, с. 102].

Рэзалюцыяй № 1291 ад 24 лютага 2000 г. Савет Бяспекі ААН санкцыянаваў разгортванне ў ДРК міратворчага кантынгенту колькасцю звыш 5,5 тыс. вайскоўцаў. Свае вайсковыя падраздзяленне для гэтай місіі прадаставілі каля 30 краін з розных кантынентаў. А камандуючым сіламі ААН у ДРК быў прызначаны сенегальскі генерал М. Дыялла. Разгортванне місіі пачалося напрыканцы 2000 г. у 13 пунктах па ўсёй краіне. І ўжо напачатку 2001 г. былі дасягнуты першыя поспехі па адсоўванню канфліктуючых бакоў ад лініі фронту. Аднак праз вялізныя памеры краіны і працягласць лініі фронту сіл *MONUC* не хапала ні на абарону грамадзянскага насельніцтва, ні нават на эвакуацыю грамадзянскага персаналу ААН. Таму міратворцы засяродзіліся пераважна на ахове крытычных аб'ектаў гуманітарнай дапамогі ад марадзёрства. Акрамя таго яны дапамагалі аднавіць судаходства па рацэ Конга і расследавалі выпадкі парушэння рэжыму спынення агня [8, с. 199].

Пасля падпісання 20 ліпеня 2002 г. у Прэторыі мірнага пагаднення паміж прэзідэнтамі ДРК і Руанды сілы *MONUC* ажыццяўлялі кантроль за вывадам войск Руанды і Уганды з кангалезскай тэрыторыі. Аднак пасля выведу замежных войск сітуацыя ва ўсходніх раёнах ДРК толькі пагоршылася, бо ў правінцыях Ітуры (у 2003 г.) і Ківу (у 2004 г.) акты-

візавалі баявыя дзеянні мясцовыя паўстанцкія групоўкі, якія здзейснілі шэраг нападаў і забойстваў міратворцаў ААН. У адказ Савет Бяспекі ААН прыняў некалькі рэзалюцый аб павелічэнні колькасці міратворчага кантынгенту і аб пашырэнні яго мандату. У 2005 г. колькасць сіл ААН дасягнула 16 тыс. чалавек і ім было дазволена выкарыстоўваць ваенныя сродкі дзеля правядзення баявых аперацый супраць паўстанцаў з мэтай іх раззбраення. Да таго ж у дапамогу *MONUC* ЕС па ініцыятыве Францыі правёў у 2003 г. у ДРК сваю дадатковую міратворчыю аперацыю «Артэміс» [4, с. 105].

У 2006 г. яшчэ адной задачай *MONUC* стала дапамога ў арганізацыі парламенцкіх і прэзідэнцкіх выбараў у ДРК і забеспячэнне бяспекі падчас іх правядзення. Як адзначае Г. М. Сідарава, важную ролю ў іх падрыхтоўцы ў 2003–2006 гг. адыгрываў створаны пад кіраўніцтвам гэтай місіі Міжнародны камітэт падтрымкі пераходнага перыяду. Ён неаднаразова выконваў функцыі медыяцыі каб прадухіліць перарастанне супярэчнасцяў паміж удзельнікамі пераходнага кааліцыйнага ўраду ДРК у аднаўленне ўзброенага канфлікту. Пасля выбараў місія ААН працягнула сваю працу ў краіне, выконваючы ў адпаведнасці з мандатам Савета Бяспекі ААН шэраг задач у галіне забеспячэнне бяспекі і вяршынства права, а таксама па ўрэгуляванню лакальных канфліктаў у некалькіх правінцыях ДРК. Паколькі з-за гэтых лакальных канфліктаў, што перыядычна ўспыхвалі ў розных правінцыях, сітуацыя з бяспекай у краіне заставалася складанай, Савет Бяспекі сваёй рэзалюцыяй № 1925 ад 1 ліпеня 2010 г. працягнуў мандат міратворчай місіі ўжо пад новай назвай – Місія ААН па стабілізацыі ў ДРК (*MONUSCO*). Пры гэтым і яе кантынгент, і мандат былі яшчэ больш пашыраны. А асноўныя акцэнты дзейнасці змешчаны ў бок аховы грамадзянскага насельніцтва, гуманітарнага персаналу і правоў чалавека. *MONUSCO* працягвае сваю дзейнасць да цяперашняга часу [9].

Такім чынам, параўноўваючы дзейнасць і вынікі абедзвюх місій можна зрабіць наступныя высновы. Іх правядзенне было звязана з рознымі фазамі развіцця канфлікту паміж этна-сацыяльнымі групамі хуту і тутсі ў рэгіёне Вялікіх Афрыканскіх азёр. Місія *UNAMIR* праводзілася калі гэты канфлікт яшчэ быў лакалізаваны пераважна ў межах Руанды, а *MONUC* – калі пасля генацыду ў Руандзе і Бурундзі ён разам з бежанцамі перамясціўся на тэрыторыю ДРК і справакаваў самы маштабны ваенны канфлікт у посткаланіяльнай гісторыі Афрыкі – Другую кангалезскую вайну.

Мандат абедзвюх місій пачынаўся з маніторынгу выканання пагадненняў аб перамір'і. Аднак далейшае іх развіццё прынцыпова адрознівалася. Місія *UNAMIR*, нягледзячы на паступаўшыя папярэджанні аказалася цалкам непадрыхтаванай да эскалацыі канфлікту і пачатку генацыду ў Руандзе – больш за тое, на піку генацыду, калі рашучае ўмяшальніцтва міратворцаў было патрэбна як ніколі, Саветі Бяспекі адзінагалосна прымае рашэнне аб скарачэнні міратворчага кантынгенту да мінімуму. А некаторыя краіны ўвогуле выкарыстоўвалі гэтую місію для вырашэння сваіх ўласных задач: Бельгія – дзеля эвакуацыі з Руанды сваіх грамадзян, не зважаючы на страты мясцовага насельніцтва, а Францыя – дзеля супрацьдзеяння РПФ і выратавання некаторых арганізатараў генацыду. Гэтую сітуацыю можна патлумачыць тым, што ААН была дэмаралізавана нядаўняй паразай сваіх аперацый у Босніі і Самалі, а ўвага пастаянных членаў Савета Бяспекі была засяроджана на канфліктах на тэрыторыі былой Югаславіі, постсавецкай прасторы і Блізкім Усходзе. Адпаведна падзеі ў Руандзе апынуліся амаль цалкам па-за іх увагай. Таму і рэакцыя ААН была запозненай і часам цалкам неадэкватнай.

Місія *MONUC* разгортвалася ўжо ў іншых умовах. Па-першае, стала зразумела, што канфлікт у рэгіёне Вялікіх Афрыканскіх азёр не толькі не спыніцца сам сабой, але і

дэманструе выразную тэндэнцыю да пашырэння. Па-другое, вострая фаза канфліктаў на Усходзе Еўропы на той момант была ўжо пераадолена і усе яны былі альбо ўрэгуляваны палітычнымі сродкамі, альбо надзейна замарожаны. Але галоўнае, менавіта ў гэты час ЕС, рыхтуючыся да свайго самага буйнога пашырэння і ўзмацнення палітычнага складніку еўрапейскай інтэграцыі, імкнуўся заявіць аб сабе як аб сур'ёзным цэнтры сілы ў сусветнай палітыцы і важным донары міжнароднай бяспекі. Таму да місіі ААН у ДРК краіны ЕС праявілі куды большую ўвагу, чым да місіі ў Руандзе. Таму яны была арганізавана значна лепш – падтрымку міратворцам аказвалі прадстаўніцтвы Праграмы развіцця ААН і шэрагу іншых аанаўскіх структур. А галоўнае, калі ў 2003–2004 гг. адбылася эскалацыя канфліктаў у Ітуры і Ківу СБ ААН аператыўна прыняў рашэнне аб павелічэнні міратворчага кантынгенту і пашырэнні яго мандату дзеля правядзення рашучых ваенных аперацый супраць парушальнікаў міру ў гэтых рэгіёнах.

Калі місія ААН у Руандзе ўсімі ацэньваецца як правальная, ацэнкі місіі ў ДРК вельмі розняцца. Адны адзначаюць, што за працяглы перыяд свайго правядзення яна так і не здолела пакласці канец канфліктам у ДРК, а з улікам памераў краіны, колькасць міратворчага кантынгенту такая ж недастатковая, як і раней ў Руандзе. Іншыя звяртаюць увагу на тое, што толькі дзякуючы гэтай місіі ДРК увогуле яшчэ існуе як адзіная дзяржава і не распалася на мноства частак, паміж якімі б непазбежна пачаліся новыя канфлікты.

Бібліяграфічны спіс

1. Dallaire, R. Shake Hands with the Devil: the Failure of Humanity in Rwanda / R. Dallaire. – London : Arrow Books, 2005. – 562 p.

2. Prunier, G. The Rwanda Crisis: History of a Genocide / G. Prunier. – London : C. Hurst & Co. Publishers, 1998. – 424 p.

3. Кривушин, И. В. Сто дней во власти безумия: Руандийский геноцид 1994 г. / И. В. Кривушин. – М. : Издат. дом ВШЭ, 2015. – 527 с.

4. Сидорова, Г. М. Международная поддержка мирных усилий в Демократической республике Конго в переходный период (2003–2006 гг.) / Г. М. Сидорова // Вестник СПбГУ. Востоковедение и Африканистика. – 2011. – № 4. – С. 102–108. – URL: https://aasjournal.spbu.ru/article/view/2620 (дата обращения: 12.04.2025).

5. Казанцева, А. Ю. Опыт проведения миротворческой миссии ООН в Руанде: проблема соотношения ценности человеческой жизни и национальных интересов государств / А. Ю. Казанцева // Практики воспроизводства ценностей: гуманитарный, социальный и экономический аспекты : материалы Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 14–15 нояб. 2019 г. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2020. – С. 122–124.

6. Де Сейта, Л. Ограничения применения политических инструментов миротворческой деятельности ООН: на примере Руандийского конфликта 1990–1994 годов / Л. Де Сейта // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 10. – С. 207–211. – URL: https://socgum-journal.ru/upload/iblock/a74/a48u2vtlfzaj0kx6eeiyed74shnktq2v/_%D0%A1%D0%93%D0%97_10_2024_11-12-24.pdf (дата обращения: 12.04.2025).

7. 100 Days of Slaughter: A Chronology of U.S./U.N. Actions. // PBS. – URL: http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/evil/etc/slaughter.html (date of access: 12.04.2025).

8. Reyntjens, F. The Great African War: Congo and Regional Geopolitics, 1996–2006 / F. Reyntjens. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 339 p.

9. Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго // Операции ООН по поддержанию мира. – URL: https://peacekeeping.un.org/ru/mission/monusco (дата обращения: 12.04.2025).

РЭСПУБЛІКА БЕЛАРУСЬ І АРГАНІЗАЦЫЯ ДАГАВОРА АБ КАЛЕКТЫЎНАЙ БЯСПЕЦЫ: ДАКТРЫНАЛЬНАЕ АБГРУНТАВАННЕ ЎЗАЕМАДЗЕЯННЯ І ПАЗІЦЫЯ АДНОСНА РАЗВІЦЦЯ АРГАНІЗАЦЫІ НА СУЧАСНЫМ ЭТАПЕ

А. В. Дземідовіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, dzemidovich@bsu.by

Артыкул прысвечаны аналізу ролі і месца Арганізацыі Дагавора аб калектыўнай бяспецы (АДКБ) у дактрынальных дакументах Рэспублікі Беларусь, а таксама выяўленню пазіцыі дзяржавы адносна развіцця арганізацыі на сучасным этапе. Звяртаецца ўвага на ролю і месца АДКБ у знешнепалітычнай стратэгіі Рэспублікі Беларусь, вылучаюцца ініцыятывы дзяржавы ў арганізацыі, а таксама пазіцыя Рэспублікі Беларусь па забеспячэнні рэгіянальнай бяспекі і актуальных напрамках развіцця Арганізацыі Дагавора аб калектыўнай бяспецы. На аснове аналізу Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі і Ваеннай дактрыны Рэспублікі Беларусь, зацверджаных у 2024 г., указваецца, што ўдзел Беларусі ў АДКБ з'яўляецца адной з асноў знешняй палітыкі дзяржавы ў сферы падтрымання міру і бяспекі. У артыкуле падкрэсліваецца актыўная і адказная пазіцыя Рэспублікі Беларусь як удзельніка АДКБ, што праявілася ў мэтах і прыярытэтах Беларусі падчас яе апошняга старшынства ў арганізацыі, а таксама ініцыятывах, і прапановах, агучаных Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь. Пазіцыя Рэспублікі Беларусь адносна развіцця арганізацыі ўключае ініцыятывы, накіраваныя на ўзмацненне ўнутранай еднасці дзяржаў-удзельніц, урэгуляванне і недапушчэнне крызісаў у рэгіёне адказнасці, павышэнне ролі арганізацыі і яе супрацоўніцтва з іншымі актарамі міжнародных адносін, умацаванне ваеннага складніку і інстытуцыйнага патэнцыялу АДКБ у інфармацыйна-аналітычнай сферы.

Ключавыя словы: Рэспубліка Беларусь; Арганізацыя Дагавора аб калектыўнай бяспецы; бяспека; міжнародныя арганізацыі; шматбаковая дыпламатыя.

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ДОКТРИНАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПОЗИЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Е. В. Демидович

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
dzemidovich@bsu.by

Статья посвящена анализу роли и места Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в доктринальных документах Республики Беларусь, а также выявлению позиции государства относительно развития организации на современном этапе. Обращается внимание на роль и место ОДКБ во внешнеполитической стратегии Республики Беларусь, выделяются инициативы государства в организации, а также позиция Республики Беларусь по обеспечению региональной безопасности и актуальных направлениях развития Организации Договора о коллективной безопасности. На основе анализа Концепции национальной безопасности и Военной доктрины Республики Беларусь, утвержденных в 2024 г., указывается, что участие Беларуси в ОДКБ является одной из основ внешней политики государства в области поддержания мира и безопасности. В статье подчеркивается активная и ответственная позиция Республики Беларусь как члена ОДКБ, что проявилось в целях и приоритетах Беларуси в период ее последнего председательства в организации, а также в инициативах и предложениях, озвученных Президентом Республики Беларусь. Позиция Республики Беларусь относительно развития организации включает инициативы, направленные на укрепление внутреннего единства государств-членов, разрешение и предотвращение кризисов в регионе ответственности, повышение роли организации и ее взаимодействия с другими субъектами международных отношений, укрепление военной составляющей и институционального потенциала ОДКБ в информационно-аналитической сфере.

Ключевые слова: Республика Беларусь; Организация Договора о коллективной безопасности; безопасность; международные организации; многосторонняя дипломатия.

THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION: DOCTRINAL JUSTIFICATION OF INTERACTION AND POSITION REGARDING THE DEVELOPMENT OF THE ORGANIZATION AT THE PRESENT STAGE

A. V. Dzemidovich

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, dzemidovich@bsu.by

The article is devoted to the analysis of the role and place of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) in the doctrinal documents of the Republic of Belarus, as well as identifying the position of the state regarding the development of the organization at the present stage. Attention is drawn to the role and place of the CSTO in the foreign policy strategy of the Republic of Belarus, the state's initiatives in the organization are highlighted, as well as the position of the Republic of Belarus on ensuring regional security and current directions of development of the Collective Security Treaty Organization. Based on the analysis of the National Security Concept and the Military Doctrine of the Republic of Belarus, approved in 2024, it is indicated that Belarus' participation in the CSTO is one of the foundations of the state's foreign policy in the field of maintaining peace and security. The article emphasizes the active and responsible position of the Republic of Belarus as a member of the CSTO, which was manifested in the goals and priorities of Belarus during its last chairmanship of the organization, as well as in the initiatives and proposals voiced by the President of the Republic of Belarus. The position of the Republic of Belarus regarding the development of the organization includes initiatives aimed at strengthening the internal unity of member states, resolving and preventing crises in the region of responsibility, increasing the role of the organization and its interaction with other subjects of international relations, strengthening the military component and institutional potential of the CSTO in the information and analytical sphere.

Keywords: Republic of Belarus; Collective Security Treaty Organization; security; international organizations; multilateral diplomacy.

Рэспубліка Беларусь з'яўляецца членам Арганізацыі Дагавора аб калектыўнай бяспецы (АДКБ) з 2002 г. (да Дагавора аб калектыўнай бяспецы далучылася ў снежні 1993 г.). АДКБ займае важнае месца ў знешнепалітычнай стратэгіі дзяржавы, што ўзмацняецца ў апошні час з улікам змен у сістэме глабальнай бяспекі, а таксама новых выклікаў у зоне адказнасці арганізацыі.

Мэта дадзенага артыкула – ацэнка ролі і месца Арганізацыі Дагавора аб калектыўнай бяспецы ў дактрынальных дакументах Рэспублікі Беларусь, а таксама выяўленне пазіцыі дзяржавы адносна развіцця арганізацыі на сучасным этапе. Аўтар за ўмоўную кропку адліку перыяду для аналізу ўзяў 2023 г. – год папярэдняга старшынства Рэспублікі Беларусь у арганізацыі, што з'яўляецца ніжняй храналагічнай рамкай даследавання.

Аб'ектам даследавання з'яўляецца ўдзел Рэспублікі Беларусь у Арганізацыі Дагавора аб калектыўнай бяспецы; прадметам – абгрунтаванне ўзаемадзеяння Рэспублікі Беларусь у АДКБ у дактрынальных дакументах, а таксама выяўленне пазіцыі адносна развіцця арганізацыі на сучасным этапе.

Аналізуючы ўзаемадзеянне Рэспублікі Беларусь з АДКБ, неабходна звярнуць увагу, якое месца адзводзіцца дадзенай структуры ў дакументах, якія адлюстроўваюць афіцыйныя погляды дзяржавы на сферу бяспекі.

Роля АДКБ вызначана і выкладзена у **дактрынальных дакументах – Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь і Ваеннай дактрыне Рэспублікі Беларусь.** У апошняй рэдакцыі Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі, зацверджанай Усебеларускім народным сходам у красавіку 2024 г., увогуле ўсебаковае супрацоўніцтва Рэспублікі Беларусь з дружалюбнымі краінамі ў межах інтэграцыйных аб'яднанняў трактуецца як адна з асноў знешнепалітычнай дзейнасці (разам са стратэгічнымі сазюзніцкімі адносінамі з Расійскай Федэрацыяй, умацаваннем стратэгічнага партнёрства з Кітай-

скай Народнай Рэспублікай, узаемадзеянні з іншымі дзяржавамі, якія паважаюць нашы погляды і інтарэсы) [1, с. 8]. З улікам рызыкі парушэння стратэгічнай стабільнасці ў рэгіёне Усходняй Еўропы, адзначаецца сярод іншага, што саюзніцкія адносіны з Расійскай Федэрацыяй і дзяржавамі – членамі АДКБ «забяспечваюць ваенную бяспеку краіны на ўзроўні абароннай дастатковасці» [1, с. 10]. «Удзел у сістэмах міжнароднай і рэгіянальнай калектыўнай бяспекі» адпаведна Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі з'яўляецца адным з прынцыпаў забеспячэння нацыянальнай бяспекі [1, с. 19]. Сярод напрамкаў, на якіх сканцэнтраваны меры па абароне ад знешніх пагроз нацыянальнай бяспекі, і якія маюць дачыненне да пазначанай тэмы, са зместу дакумента можна вылучыць актыўны ўдзел у дзейнасці АДКБ, што трактуецца як неад'емны складнік падтрымкі міжнароднай і еўразійскай бяспекі, а таксама «ўдзел у выкананні пасрэдніцкіх функцый пры ўрэгуляванні канфліктаў і ажыццяўленні міратворчай дзейнасці пад эгідай ААН і АДКБ» [1, с. 21]. Адпаведная роля адводзіцца арганізацыі ў плане абароны ад знешніх крыніц ваенных пагроз: праз павышэнне эфектыўнасці сіл і сродкаў калектыўнай бяспекі АДКБ [1, с. 27].

Ваенная дактрына Рэспублікі Беларусь, зацверджаная ў красавіку 2024 г., сярод мэт ваеннай палітыкі дзяржавы вызначае «развіццё і ўмацаванне сістэм калектыўнай бяспекі ў межах Саюзнай дзяржавы, АДКБ і Садружнасці незалежных дзяржаў» [2, с. 15], а таксама «прадвіжэнне ініцыятыў па падтрыманні міжнароднага міру і бяспекі» пад эгідай такіх міжнародных арганізацый як ААН, АБСЕ, АДКБ [2, с. 15]. Адзначана, што для рэалізацыі мэт ваеннай палітыкі Рэспубліка Беларусь у межах АДКБ будзе працягваць «умацоўваць рэгіянальную сістэму калектыўнай бяспекі, прымаць неабходныя меры па павышэнні згуртаванасці дзяржаў-членаў, удасканаленні сістэмы крызіснага рэагавання, а таксама пашырэнні ўдзелу ў дзейнасці па падтрыманні міжнароднага міру і бяспекі» [2, с. 15].

Спецыфіка і прырода Ваеннай дактрыны як важнейшага дакумента ў галіне абароны абумовіла той факт, што месца і роля АДКБ паслядоўна выкладзены ў алгарытме мер, якія могуць рэалізавацца дзяржавай у залежнасці ад узроўню ваенных небяспек, якія ранжыраваны наступным чынам: рызыка, выклік, пагроза. Глава 7 пад назвай «Забеспячэнне ваеннай бяспекі» ўтрымлівае параграф 1 «Недапушчэнне эскалацыі ваенных небяспек і прадухіленне ваенных канфліктаў», дзе ўзгодненасць палітыка-дыпламатычных і іншых неваенных мер у межах Саюзнай дзяржавы і АДКБ разглядаецца як адзін са спосабаў рэагавання пры наяўнасці ваеннай небяспекі на ўзроўні рызыкі [2, с. 17]. Пры наяўнасці ваеннай пагрозы на ўзроўні выкліку праводзяцца меры, характэрныя для ўзроўню рызыкі, а таксама дадатковыя, сярод якіх – «задзейнічанне патэнцыялу дзяржаў – саюзнікаў Рэспублікі Беларусь для недапушчэння далейшай эскалацыі ваенных небяспек і прадухілення ўзнікнення ваенных канфліктаў» [2, с. 18]. Пры наяўнасці ваеннай пагрозы Рэспублікі Беларусь – задзейнічанне патэнцыялу АДКБ (сіл і сродкаў), а таксама «дэманстрацыя рашучасці прымяніць ваенную сілу, у тым ліку сумесна з дзяржавамі – саюзнікамі» разглядаюцца ў Ваеннай дактрыне як элементы комплексу дадатковых мер апроч тых, якія праводзяцца на ўзроўнях рызыкі і выкліку [2, с.18]. Прадугледжана выкарыстанне дапамогі дзяржаў – саюзнікаў і дружалюбных краін у выпадку ўзнікнення непасрэднай пагрозы агрэсіі (параграф 2 «Асновы падрыхтоўкі абароны») [2, с. 19]. Выкарыстанне магчымасцей дзяржаў-саюзнікаў рэгламентуе і параграф 2 «Неваенныя меры па вырашэнні ваенных канфліктаў» Главы 8 пад назвай «Вырашэнне ваенных канфліктаў».

Асобная глава Ваеннай дактрыны – Глава 9 «Прымяненне ваеннай сілы ў рамках выканнання саюзніцкіх абавязацельстваў і ўдзелу ў дзейнасці па падтрыманні міжнароднага міру і бяспекі» – датычыцца выкарыстання ваеннай сілы ў межах саюзніцкіх абавязацельстваў.

Яна, апрача іншага, прадугледжвае адпаведныя меры з боку Рэспублікі Беларусь у адказ у выпадку выкарыстання ваеннай сілы, накіраванай супраць аднаго з суб'ектаў Саюзнай дзяржавы, а таксама ў выпадку агрэсіі супраць аднаго з членаў АДКБ, што будзе трактавацца як агрэсія супраць усіх дзяржаў-удзельніц арганізацыі [2, с. 25]. Такім чынам захаваны асноватворны прынцып калектыўнай бяспекі – прынцып непадзельнасці бяспекі, што трактуецца як адзін з асноўных у дзейнасці АДКБ. Агавораны ўдзел Рэспублікі Беларусь у міратворчай дзейнасці, у тым ліку пад эгідай ААН і АДКБ [2, с. 25]. Сярод асноўных напрамкаў ваенна-тэхнічнага супрацоўніцтва вылучаецца «развіццё сістэм абмену ваенна-тэхнічнай інфармацыяй» у межах АДКБ [2, с. 32].

Старшынство дзяржавы ў АДКБ яскрава **адлюстроўвае яе канцэптуальнае бачанне місіі арганізацыі** з улікам актуальных выклікаў часу. Як ужо было адзначана вышэй, папярэдні раз Рэспубліка Беларусь старшынствавала ў АДКБ у 2023 г. Старшынство Беларусі прайшло пад дэвізам «Праз салідарнасць і супрацоўніцтва – да міру і бяспекі», што адюстравала сутнасць беларускай пазіцыі адносна развіцця як самой арганізацыі, так і міжнародных адносін у рэгіянальным і глабальным вымярэнні. Мэтамі старшынства Рэспублікі Беларусь у АДКБ на той час з'яўляліся: на ўнутраным контуры – узмацненне згуртаванасці дзяржаў – членаў АДКБ, паніжэнне ўзроўню напружанасці і ўрэгуляванне супярэчнасцей паміж імі; на знешнім – умацаванне ролі АДКБ у сістэме міжнародных адносін [3]. Прыярытэтамі з'яўлялася наступнае: урэгуляванне крызісных сітуацый і недапушчэнне далейшай дэстабілізацыі ў зоне адказнасці АДКБ; эфектыўнае пазіцыянаванне АДКБ у сістэме міжнародных адносін шляхам развіцця супрацоўніцтва з міжнароднымі арганізацыямі і трэцімі краінамі, а таксама адаптацыяй арганізацыі да зменлівых выклікаў і пагроз; умацаванне ваеннага складніку арганізацыі, а менавіта павышэнне га-

тоўнасці кампанентаў войскаў АДКБ да выканання задач па прызначэнні, а таксама ўмацаванне ваенна-тэхнічнага супрацоўніцтва; нарошчванне інстытуцыйнага патэнцыялу АДКБ у інфармацыйна-аналітычнай сферы [3].

Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка на сесіі Савета калектыўнай бяспекі АДКБ, якая адбылася 23 ліста-пада 2023 г., аналізуючы дзейнасць арганізацыі падчас старшынства Беларусі, адзначыў, што мэты, абазначаныя беларускім бокам, у цэлым дасягнуты [4]. Таксама кіраўнік дзяржавы агучыў пазіцыі і прапановы Рэспублікі Беларусь адносна развіцця арганізацыі, падкрэсліўшы важнасць захвання балансу нацыянальных і калектыўных інтарэсаў дзяржавамі – членамі АДКБ. Так, А. Р. Лукашэнка падзяліўся меркаваннем адносна развіцця міжнародных адносін, падкрэсліўшы асноўныя тэндэнцыі іх развіцця, сярод якіх: паэтапны пераход да шматпалярнасці, крызіс міжнароднага права, гонка ўзбраенняў, разгаранне ачагоў рэгіянальных канфліктаў, мілітарызацыя суседніх дзяржаў – членаў НАТА і інш. Прэзідэнтам падкрэслена неабходнасць адэкватнага рэагавання на выклікі часу і ўзгодненасць дзеянняў у гэтым плане, адзначана здольнасць АДКБ спраўляцца з цяжкасцямі ў зоне сваёй адказнасці, звернута ўвага на важнасць прагрэсу ва ўрэгуляванні канфлікту на Паўднёвым Каўказе і вырашэнні супярэчнасцей паміж Кыргызстанам і Таджыкістанам. Кіраўнік Рэспублікі Беларусь адзначыў, што прыярытэтныя напрамкі старшынства, прапанаваныя ў свой час нашай краінай, сфармуляваны з ідэяй на даўгатэрміновую перспектыву развіцця АДКБ [4]. Пры гэтым агучана думка, што неабходна быць больш моцнымі і згрутаванымі, выказана пажаданне Казахстану (на той час – краіна, да якой пераходзіла старшынство ў АДКБ) садзейнічаць пераемнасці ў рэалізацыі прыярытэтных кірункаў.

Ацэнка дзейнасці АДКБ і прапановы адносна далейшага развіцця арганізацыі былі **артыкуляваны главой Рэспублікі Беларусь** на сесіі Савета калек-

тыўнай бяспекі АДКБ (вышэйшага органа арганізацыі), якая адбылася 28 лістапада 2024 г. у Астане. Удзельнікі пасяджэння выказалі меркаванні аб ваенна-палітычнай сітуацыі ў рэгіёне, абмеркавалі вынікі і перспектывы далейшага супрацоўніцтва; дадзена ацэнка старшынства Рэспублікі Казахстан у арганізацыі, заслуханы прыярытэты Кыргызскай Рэспублікі, да якой перайшло старшынство ў арганізацыі з 1 студзеня 2025 г. [5]. У сваім выступленні Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка вызначыў роль АДКБ, адзначыўшы, што ў новай парадыгме міжнародных адносін арганізацыя павінна стаць адной з ваенна-палітычных апор архітэктуры еўразійскай бяспекі. Беларускім лідарам былі прадстаўлены новыя задачы, якія павінна рашаць АДКБ дзеля ўмацавання еўрапейскай бяспекі, унутранай еднасці, пазітыўнага іміджу арганізацыі [6]. Сярод іх:

1) неабходнасць павышэння ўзаемадзеяння міжнародных рэгіянальных арганізацый, прадстаўленых у еўразійскай прасторы – АСЕАН, АДКБ, ШАС, СНД, Нарады па ўзаемадзеянні і мерах даверу ў Азіі, Савета супрацоўніцтва арабскіх дзяржаў Персідскага заліва. У якасці механізму рэалізацыі дадзенай задачы прапанавана пашырыць фармат рэгулярных сустрэч кіраўніцтва АДКБ, ШАС і СНД, далучыўшы да яго вышэйшых службовых асоб іншых рэгіянальных арганізацый. Адзначалася, што Беларусь гатова стать местам правядзення падобнага форуму. Падкрэслівалася важнасць абмеркавання пытанняў больш цеснага ўзаемадзяння АДКБ і ШАС і неабходнасць выкарыстання патэнцыялу апошняй у сферы падтрымання бяспекі;

2) неабходнасць актывізацыі супрацоўніцтва ў галіне інфрамацыйнай бяспекі і праблем, звязаным з некантралюемым выкарыстаннем магчымасцей штучнага інтэлекту. А. Р. Лукашэнка адзначыў, што АДКБ да практычнага вырашэння дадзеных пытанняў пакуль што не прыступіла. Узгадана Пагадненне аб супрацоўніцтве дзяржаў – членаў

Арганізацыі Дагавора аб калектыўнай бяспецы ў вобласці забеспячэння інфармацыйнай бяспекі, падпісанае ў Мінску 30 лістапада 2017 г., ад якога, патрэбна «павысіць практычную аддачу». Нагадаем, што дадзенае пагадненне ўступіла ў сілу для Рэспублікі Беларусь 1 красавіка 2019 г. [7]. Яго мэтай з'яўляецца развіццё ўзаемадзеяння ў інтарэсах забеспячэння інфармацыйнай бяспекі дзяржаў – членаў АДКБ, для дасягення якой, удзельнікі, згодна з пагадненнем, сярод іншага, абавязваліся садзейнічаць «распрацоўцы і больш хуткаму прыняццю пад эгідай ААН універсальных правіл, норм і прынцыпаў адказных паводзін дзяржаў у інфармацыйнай прасторы» [8];

3) стварыць агульны дагаворна-прававы механізм, які б дазволіў у будучым забяспечыць рэжым кантролю над узбраеннем новага тыпу [6].

Шэраг агучаных задач і ініцыятыў знайшоў адлюстраванне ў Дэкларацыі Савета калектыўнай бяспекі Арганізацыі Дагавора аб калектыўнай бяспецы [9].

Генеральны Сакратар АДКБ І. Н. Тасмагамбетаў ў інтэрв'ю, дадзенаму інфармацыйнаму агенцтву БелТА, ацэньваючы ўклад Рэспублікі Беларусь у АДКБ, адзначыў: «Важна падкрэсліць, што Беларусь заўсёды дэманстравала выключна адказны і ініцыятыўны падыход да ўдзелу ў АДКБ. Многія палітычныя і абаронныя праекты, рэалізаваныя ў фармаце арганізацыі, атрымалі імпульс менавіта дзякуючы актыўнай пазіцыі Мінска» [10].

У якасці заключэння можна сказаць, што АДКБ займае важнае месца ў знешнепалітычнай стратэгіі Рэспублікі Беларусь. Асэнсаванне ролі арганізацыі адлюстравана ў абноўленых дактрынальных дакументах – Канцэпцыі нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь і Ваеннай дактрыне Рэспублікі Беларусь – з улікам новай геапалітычнай сітуацыі і тэндэнцый развіцця міжнародных адносін. Рэспубліка Беларусь – адказны і надзейны партнёр па арганізацыі, а яе пазіцыя адносна развіцця АДКБ на сучасным этапе характарызуецца ўзважаным, актыўным, гібкім па-

дыходам, што дэманструе здольнасць хутка рэагаваць на выклікі сучаснасці, а часам іх прадугадваць.

Бібліяграфічны спіс

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Решение Всебелорус. народ. собрания от 25 апр. 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0005 (дата обращения: 10.06.2025).

2. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь : Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апр. 2024 г. № 6 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0006 (дата обращения: 10.06.2025).

3. Участие в саммите ОДКБ в Ереване // Президент Республики Беларусь. – 23.11.2022. – URL: https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-23-noyabrya-primet-uchastie-v-sammite-odkb-v-erevane (дата обращения: 10.06.2025).

4. Сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ // Президент Республики Беларусь. – 23.11.2023. – URL: https://president.gov.by/ru/events/sammit-organizacii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti (дата обращения: 10.06.2025).

5. В Астане состоялась сессия СКБ ОДКБ // Организация Договора о коллективной безопасности. – 24.11.2024. – URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-astane-sostoyalas-sessiya-skb-odkb/#loaded (дата обращения: 10.06.2025).

6. Саммит Организации Договора о коллективной безопасности // Президент Республики Беларусь. – 28.11.2024. – URL: https://president.gov.by/ru/events/sammit-organizacii-dogovora-o-kollektivnoj-bezopasnosti (дата обращения: 10.06.2025).

7. В государствах – членах ОДКБ вступило в силу Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности // Организация Договора о коллективной безопасности: [сайт]. – URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-gosudarstvakh-chlenakh-odkb-vstupilo-v-silu-soglashenie-o-sotrudnichestve-gosudarstv-chlenov-odkb-/#loaded (дата обращения: 10.06.2025).

8. Соглашение о сотрудничестве государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспече-

ния информационной безопасности : [подписано в Минске 30 нояб. 2017 г.] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/542645728 (дата обращения: 10.06.2025).

9. Декларация Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 28 нояб. 2024 г. // Организация Договора о коллективной безопасности. – 03.12.2024. – URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/deklaratsiya-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-/#loaded (дата обращения: 10.06.2025).

10. Интервью Генерального секретаря ОДКБ Имангали Тасмагамбетова информагентству БелТА // Организация Договора о коллективной безопасности. – 01.07.2024. – URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/intervyu-generalnogo-sekretarya-odkb-imangali-tasmagambetova-informagentstvu-belta/#loaded (дата обращения: 10.06.2025).

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА СССР ПО «КУЛЬТУРНЫМ КАНАЛАМ» В 1925–1941 гг. (на примере деятельности Всесоюзного общества культурной связи с заграницей)

И. В. Жилинская

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ZhilinIV@bsu.by

В статье на основе анализа деятельности Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в 1925–1941 гг. выявляются слабые стороны и достижения в организации внешнеполитической пропаганды СССР по «культурным каналам». Отмечается, что в данный период не сложилось четкой стратегии внешней информационной и культурной политики, централизованной системы институтов и управления в рассматриваемой сфере. Организации-исполнители часто дублировали друг друга, конкурировали между собой, не обладали достаточной информацией о внешней политике Советского Союза и зарубежных странах, поэтому часто действовали вразрез с внешнеполитическими стратегиями СССР, применяли стандартные формы работы без учета особенностей того или иного государства. Наиболее удачными формами в этот период стали прием зарубежных гостей, посещавших СССР, и книгообмен.

Ключевые слова: СССР; внешнеполитическая пропаганда; «культурные каналы»; Всесоюзное общество культурной связи с заграницей; прием иностранцев; книгообмен.

FOREIGN POLICY PROPAGANDA OF THE USSR THROUGH «CULTURAL CHANNELS» IN 1925–1941 (based on the Activities of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries)

I. V. Zhilinskaya

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademicheskaya Street, Minsk 220072, Belarus
Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, ZhilinIV@bsu.by

Based on the analysis of the activities of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries in 1925–1941, the article identifies weaknesses and achievements in organizing foreign policy propaganda of the USSR through «cultural channels». It is noted that during this period, a strategy for foreign information and cultural policy, a centralized system of institutions and management in the area under consideration did not develop. The implementing organizations often duplicated each other, competed with each other, did not have sufficient information about the foreign policy of the Soviet Union and foreign countries, therefore they often acted contrary to the foreign policy strategies of the USSR, applied standard forms of work without taking into account the peculiarities of a particular state. The most successful forms during this period were the reception of foreign guests visiting the USSR and book exchange.

Keywords: USSR; foreign policy propaganda; «cultural channels»; All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries; reception of foreigners; book exchange.

Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) было образовано в 1925 г. с целью установления и развития культурного сотрудничества с зарубежными странами. При этом советское руководство стремилось в среде зарубежной интеллигенции подчеркнуть общественный характер данной организации, таким образом оказывать влияние на зарубежные страны используя инструменты «мягкой силы». Опыт Советского Союза по созданию и ис-

пользованию подобных инструментов в условиях дипломатической изоляции и идеологического противостояния с ведущими государствами актуален и сегодня.

Наибольшее внимание ВОКС и его деятельности уделяют советские исследователи Н. В. Киселева [1] и И. С. Никольская [2], в работах которых отражен солидный фактический материал по деятельности Всесоюзного общества, а также российские авторы И. А. Анатшева [3], Ю. А. Гриднев [4], В. И. Фокин [5], А. В. Голубев и В. А. Невежин [6] и др., которые более критично оценивают деятельность Общества, обращая внимание и на ее пропагандистский характер. В англо- и франкоязычной историографии также нашли отражение некоторые аспекты деятельности ВОКС. В наибольшей степени это касается работ М. Дэвида-Фокса [7], Ж.-Ф. Файе [8] и Л. Стерн [9], которые характеризуют Общество как инструмент внешнеполитической пропаганды СССР.

Вместе с тем, авторы указанных работ не рассматривают деятельность ВОКС как системного элемента внешнеполитической пропаганды СССР, его отношения с иными структурами этого процесса, успехи и неудачи в достижении поставленных перед Обществом задач. Поэтому целью данной статьи является выявление недочетов и успехов в организации внешнепропагандистской деятельности СССР, направленной на зарубежную интеллигенцию в межвоенный период, на основе анализа деятельности Всесоюзного общества культурной связи с заграницей.

Межвоенный период стал первичным этапом процесса формирования внешней культурной политики советского государства, поэтому характеризовался достаточным количеством недочетов и ошибок, в том числе системного характера, которые повлияли на эффективность ведения внешней пропагандистской работы по «культурным каналам».

Важнейшим из таких недочетов стало отсутствие единой выработанной стратегии внешней информационной и

культурной политики, что повлекло за собой и отсутствие четкого руководства и координации организациями-исполнителями в данном направлении, в том числе и ВОКС. Так, задачи, поставленные перед Всесоюзным обществом, были довольно размытыми, отсутствовало четкое руководство как со стороны партийных, так и государственных органов. Оно ограничивалось лишь согласованием мероприятий и контрольными функциями. Имели место некоторые указания, но в основном они касались отдельных мероприятий. Общей линии и четких директив по работе Общества, формирования общей стратегии, роли и места ВОКС в системе органов, осуществляющих внешнеполитическую пропаганду, выработано так и не было. Например, в письме председателя ВОКС О. Д. Каменевой в ЦК ВКП(б) подчеркивалось, что «...со стороны ЦК все директивы ограничивались только лаконичным указанием: «Не возражать» против этой работы» [10, оп. 1а, д. 97, л. 1об.]. Более того, архивные документы свидетельствуют о том, что по крайней мере во второй половине 1920-х гг. задачи ВОКС формулировало руководство Общества. В 1927 г. О. Д. Каменева, выступая с докладом на Оргбюро ВКП(б), озвучила задачи ВОКС как «обработку» промежуточного слоя – интеллектуальной общественности, «пользуясь для проникновения в эти круги флагом “нейтрального” общества» [10, оп. 1а, д. 97, л. 44]. Примечателен тот факт, что ни на самом заседании, ни в его резолюции никаких дополнений, изменений, каких-либо замечаний сделано не было, следовательно, ВОКС считал, что эта резолюция была директивной. Но после расширенного заседания Бюро Правления ВОКС 29 декабря 1927 г. стало ясно, что цели и задачи, которые формулировались до этого, не столь очевидны. Поэтому в своем письме в КЦ ВКП(б) О. Д. Каменева писала: «Надо ускорить решение вопроса об общей установке ВОКС, о том, на кого ВОКС держит курс в работе за рубежом: на теперешние ли круги... или по линии, указанной тов. Ягломом. Диапазон нашей ра-

боты очень широк... и совершенно четкая директива здесь настоятельно необходима» [10, оп. 1а, д. 97, л. 3].

Подобная ситуация складывалась и в отношении роли и места ВОКС в системе органов внешнеполитической пропаганды СССР. Несмотря на то, что непосредственным «куратором» ВОКС являлся НКИД, Общество не имело нужной информации ни от полпредств, ни от заведующих территориальными отделами Комиссариата, ни сводок печати.

Кроме того, в постановлении Комиссии НКИД о работе ВОКС от 1940 г., в качестве недостатков работы этой организации указывалось на то, что Общество было оторвано от жизни научных, культурных и художественных организаций СССР, лишено информации о их работе, которую нужно пропагандировать за границей, оно не имело авторитета и вместо выполнения посреднических функций и контроля качества отправляемого за границу материала и т. д. само бралось за заказы. Нарекание со стороны НКИД вызывало и распыление по странам и формам работы, которые по большей части были стандартными и не учитывали особенностей страны и индивидуальных задач ВОКС. Отмечалась и слабая связь с отделениями ВОКС [11, ф. 17, оп. 125, д. 11, л. 17]. Довольно тесные связи были налажены с отделением в Ленинграде, Закавказским отделением, но о работе Белорусского общества ВОКС практически не имело никакой информации, а Всеукраинское общество культурных связей к концу 1930-х гг. и вовсе стало самостоятельной единицей, не согласовывавшей свою работу ни с ВОКС, ни с НКИД.

Следует отметить, что возможности Всесоюзного общества по изучению особенностей отдельных стран и учета их в работе были крайне ограничены, так как оно не имело доступа к информации о зарубежных странах. Уполномоченные ВОКС за границей выполняли эту работу по совместительству, являясь как правило, сотрудниками полпредств, уделяли недостаточное внимание, а порою и полностью игнорировали задания ВОКС [11, ф. 17, оп. 125, д. 11,

л. 118]. Не было доступа к соответствующей информации, поступающей по иным каналам, и у руководства Всесоюзного общества. В этом отношении примечателен тот факт, что в письме от 5 октября 1940 г. Председатель Правления ВОКС В. Кеменов просил Г. М. Маленкова поддержать ходатайство перед В. М. Молотовым о разрешении ему пользоваться сводками «Служебного ТАСС» [11, ф. 17, оп. 125, д. 11, л. 35]. Кроме того, в своей сопроводительной записке к документу под названием «Обзор дружественных организаций в США в январе – мае 1941 г.», направленной на имя заведующего отделом США НКИД Г. Н. Зарубина, в котором значительное место отводилось деятельности Русско-Американских институтов – организаций, непосредственно работающих в связке с ВОКС – полпред СССР в США К. А. Уманский ставил вопрос о целесообразности ознакомления В. Кеменова с указанным документом, отмечая, что последнему «не мешало бы с ним познакомиться» [12, л. 21].

Таким образом, каналы ВОКС по связям с рядом зарубежных стран были достаточно слабыми в информационном плане, а само общество оторвано от НКИД, и в своей работе «часто действовало невпопад» [11, ф. 17, оп. 125, д. 11, л. 17].

В результате Комиссия НКИД постановила обязать Отдел печати Народного комиссариата иностранных дел разработать план инструктивных совещаний с руководящими работниками ВОКС с целью обеспечения их своевременной политической информацией», а также «Обязать полпредов лично руководить проведением внешних ВОКСовских мероприятий за границей», а «учитывая задачи и объем ВОКСовских мероприятий в странах США, Китае, Синьцзяне, Болгарии – уполномоченных ВОКСа в этих странах освободить от другой работы в полпредствах» (оставив их в звании секретарей полпредств) [11, ф. 17, оп. 125, д. 11, л. 8].

Нарекание руководящих органов вызывал и тот факт, что ВОКС так и не смог в полном объеме перестроить свою

работу на пропагандистский лад. Так, в документе указывалось, что деятельность Общества за границей носила большей частью узко-культурологический характер, страдала аполитичностью [11, ф. 17, оп. 125, д. 11, л. 17]. В указанной ранее сопроводительной записке К. А. Уманский, при характеристике деятельности Русско-Американских институтов в США употребил понятие «работа воксовского типа», понимая под ним деятельность организаций «пугающихся политики» и «не всегда способных ею заниматься». Он считал, что Англо-Русские институты, работающие непосредственно с ВОКС, для пропагандистской работы не подходили [12, л. 20].

Довольно серьезным недостатком в организации пропагандистской работы с зарубежными целевыми аудиториями являлся так называемый «параллелизм». Несмотря на то, что ВОКС стремился монополизировать сферу работы с иностранной интеллигенцией, ему сделать это не удалось, наоборот, к 1940 г. существовало достаточное количество учреждений и организаций, которые параллельно реализовывали те же цели и задачи и по тем же каналам. Например, в плане приема представителей иностранной интеллигенции в СССР, ВОКС довольно серьезно конкурировал с Интуристом и ВЦСПС, которые также активно проводили эту работу. И если раньше ВЦСПС, например, был нацелен исключительно на иностранных представителей рабочего класса, то уже в середине 1930-х гг. появляются директивы, предписывающие не замыкаться на рабочем классе, а идти в более широкие слои зарубежной интеллигенции [11, ф. 495, оп. 99, д. 35, л. 1–2].

Наиболее ярко «параллелизм» проявился в сфере внешней информационной деятельности. Так, например, Отдел печати ВОКС занимался в основном подготовкой статей о разных сторонах жизни Советского Союза для отправки их за границу и размещения там в периодических изданиях. Часть таких статей помещалось в «Бюллетене ВОКС», выходящем на английском, французском и немец-

ком языках. Другая организация – Литературное агентство Всесоюзного объединения «Международная книга» Народного комиссариата внешней торговли, в функции которого входила охрана авторских прав при переводе советских книг, пьес, нот за границей, распространение статей на коммерческих началах, стало готовить статьи на те же темы и бесплатно рассылать по тем же адресам, что и ВОКС. В результате в постановлении НКИД от 1940 г. «для ликвидации существующего параллелизма» Отделу печати НКИД поручалось уточнить функции отдела печати ВОКС и Литературного агентства НКВТ» [11, ф. 17, оп. 125, д. 11, л. 9]. А с 3 октября 1940 г. был установлен порядок, согласно которому все материалы, предназначенные для иностранной печати, должны предварительно рассматриваться в Управлении пропаганды и агитации (УПА) ЦК ВКП(б) [11, ф. 17, оп. 125, д. 11, л. 20].

Кроме того, Иностранная комиссия Союза Советских писателей вела свою работу также независимо от ВОКС, напрямую делала запросы в НКИД и ЦК ВКП(б) по вопросам командирования советских писателей за границу и приглашения иностранных писателей в СССР. ВОКС узнавало обо всем этом пост-фактум и влиять на эти процессы не могло.

Таким образом, ВОКС не смогло стать основной организацией, координирующей всю «культурную пропаганду» за границей. Как подчеркивалось в Постановлении Комиссии НКИД «О работе ВОКС» от 23 июля 1940 г., «Общество не сможет координировать культурную пропаганду за границей до тех пор, пока она будет вестись столь же бессистемно, как сейчас, рядом организаций, независимых от ВОКС» [11, ф. 17, оп. 125, д. 11, л. 18]. Комиссией НКИД было решено просить СНК СССР обязать Комитет по делами искусств, Комитет по делам высшей школы, Комитет по делам кинематографии, Комитет по делам физкультуры и спорта, а также творческие союзы – советских писателей, композиторов, художников, архитекторов, –

все мероприятия, проводимые ими за границей в форме культурной связи согласовывать с ВОКС [11, ф. 17, оп. 125, д. 11, л. 10]. Однако, вплоть до начала Великой Отечественной войны, такие согласования не осуществлялись.

Одной из наиболее удачных в использовании ВОКС форм и технологий являлся прием в СССР иностранных гостей из числа интеллигенции. Технология работы с иностранцами окончательно отрабатывается к 1933 г., когда формулируются основные требования к объектам показа (и, следовательно, сами каталоги этих объектов), принцип отбора тех, кто приедет, сбора информации о приезжающих, отработка самой программы работы с гостями и последующее отслеживание того, как человек, побывавший в СССР распространяет информацию об увиденном у себя на родине. Через «обслуживание ВОКС» в 1920-е – 1930-е гг. проходило от 453 до 1443 иностранных посетителей Советского Союза в год [10, оп. 1, д. 100, л. 104; оп. 8, д. 249, л. 10].

Наиболее успешно реализуемой формой работы ВОКС с зарубежной целевой аудиторией являлся книгообмен. В целом за весь межвоенный период существования ВОКС (1925–1941 гг.) советские библиотеки и научные учреждения отправили через его Отдел международного книгообмена своим иностранным партнерам почти 1 млн книг и журналов, получив более 1858 тыс. зарубежных изданий [11, ф. 17, оп. 125. д. 10, л. 125]. Объем книгообменных операций осуществляемых ВОКС в 1931–1933 гг. в 3,5 раза превышал объем подобных операций, реализуемых Книжной палатой РСФСР, на которую были возложены основные функции по реализации международного книгообмена СССР. Количество советских библиотек и учреждений, принимавших участие в книгообмене посредствам ВОКС варьировалось от 424 в 1927 г. [10, оп. 10, д. 130, л. 9] и до 1169 в 1937 г. [10, оп. 10, д. 903, л. 33] Число зарубежных корреспондентов в 1927 г. составляло 1060 [10, оп. 10, д. 130, л. 9], а к 1937 г. выросло до 4025 [10, оп. 10, д. 903, л. 83об.]. Доля научной литературы в книгообмене состав-

ляла не менее 85 %, а в середине 1930-х гг. – доходила да 94 %, что способствовало созданию имиджа советской страны, как страны с большим и активно развивающемся научным потенциалом. С другой стороны, удельный вес отправленной за рубеж литературы, имеющей пропагандистскую направленность (издания, раскрывающие преимущества советской системы, это, как правило издания обществоведческого и экономического характера) составлял не более 15 % (без учета соответствующих статей в общих трудах университетов).

Выявленные архивные документы УПА ЦК ВКП(б) свидетельствуют о том, что в 1940 г. Управление проводило мониторинг работы организаций и учреждений, работающих в сфере международных культурных и информационных контактов с зарубежными странами. При этом важно отметить, что в большинстве справок и аналитических материалов проверяющих содержится заключение об отсутствии единого государственного и политического руководства данной работой, невысокое качество посылаемых за рубеж материалов, отсутствие надлежащего контроля.

Таким образом, можно констатировать, что вплоть до начала Великой Отечественной войны в СССР так и не сложилось четкой централизованной системы институтов и управления внешнеполитической пропаганды по «культурным каналам». Такая работа, как правило велась бессистемно множеством организаций, конкурирующих и дублирующих друг друга.

Библиографический список

1. Киселева, Н. В. Из истории борьбы советской общественности за прорыв культурной блокады СССР (ВОКС: середина 20-х – начало 30-х годов) / отв. ред. В. Н. Смирнов. – Ростов-н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1991. – 158 с.

2. Никольская, Л. С. Международные культурные связи СССР в первое десятилетие Советской власти : к истории ВОКС и зарубежных обществ культурной связи с СССР : дис. ... канд. ист. наук :

07.00.00 / Никольская Людмила Серафимовна ; АН СССР. Ин-т истории СССР. – М., 1970. – 603 л.

3. Анатшева, И. А. Роль Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в развитии международного сотрудничества СССР. 1925–1939 гг. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Анатшева Ирина Анатольевна ; Москов. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1994. – 179 л.

4. Гриднев, Ю. А. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (1925–1929 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Гриднев Юрий Алексеевич ; Москов. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2006. – 183 л.

5. Фокин, В. И. Международное сотрудничество в области культуры и СССР, 20-е – 30-е годы XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.15 / Фокин Владимир Иванович ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2000. – 418 л.

6. Голубев, А. В. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. / А. В. Голубев, В. А. Невежин. – М. : Ин-т рос. истории РАН: Центр гуманитар. инициатив, 2016. – 238 с.

7. Дэвид-Фокс, М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / М. Дэвид-Фокс ; пер. с англ. В. Макарова ; науч. ред. Л. Долбилов и В. Рыжковский. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 568 с.

8. Fayet, J.-F. VOKS. Le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres / J.-F. Fayet. – Genève : Georg Editeur, 2014. – 598 p.

9. Stern, L. Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920-40: From Red Square to the Left Bank / L. Stern. – London ; New York : Routledge, 2006. – 269 p.

10. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283.

11. Российский государственный архив социально-политической истории.

12. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 6, оп. 3, АВТО, д. 279, папка 21 // СССР и союзники: документа архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции. – URL: https://agk.mid.ru/fonds/sekretariat-v-m-molotova/sekretariat-v-m-molotova/3-avto/?PAGEN_1=24 (дата обращения: 12.04.2024).

13. Российский государственный архив социально-политической истории.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ, ЭНТУЗИАСТЫ И БАЛОВНИ СУДЬБЫ: ТРИ ПОСЛЕВОЕННЫХ ПОКОЛЕНИЯ ГЕРМАНИСТОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

И. И. Ковяко

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kaviaka@bsu.by

Статья посвящена изучению особенностей проведения научных исследований в области исторической германистики в Великобритании и США в послевоенный период. Определены три поколения авторов, формировавших научный дискурс с середины 1940-х до середины 2010-х гг. Выявлены благоприятные и сдерживающие факторы, которые оказали влияние на работу каждого поколения исследователей. Особое внимание уделено идеологии «холодной войны», формированию источниковой базы, вопросам личной памяти и общественного мнения, деятельности профильных центров германских исследований, развитию информационных технологий и цифровизации науки. Сделан вывод о высокой преемственности трех поколений, что позволило превратить англо-американскую историографию германского вопроса в самостоятельный предмет исследования.

Ключевые слова: англо-американская историография; историческая германистика; источниковая база; «холодная война»; институционализация исследований; цифровизация науки.

PIONEERS, ENTHUSIASTS AND DARLINGS OF DESTINY: THREE POST-WAR GENERATIONS OF GERMANISTS IN GREAT BRITAIN AND THE U.S.

I. I. Kaviaka

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, kaviaka@bsu.by

The article is devoted to the study of scientific research peculiarities in historical German studies in Great Britain and the U.S. in the post-war period. Three generations of authors who shaped the scientific

discourse from the mid-1940s to the mid-2010s identified. Favorable and restraining factors that influenced the work of each generation revealed. Particular attention is paid to the Cold War ideology, the formation of the source base, issues of personal memory and public opinion, the activities of specialized centers of German studies, the development of information technology and the digitalization of science. A conclusion is made about the high continuity of the three generations, which made it possible to turn the Anglo-American historiography of the German question into an independent subject of research.

Keywords: Anglo-American historiography; historical German studies; source base; Cold War; institutionalization of research; digitalization of science.

Работа историков в различные периоды развития общества, государства и международных отношений имела свою специфику. Исследователи использовали имеющуюся в их распоряжении источниковую базу, наработки авторов предыдущих лет, принимали во внимание текущие интересы государства как в области внутренней, так и внешней политики. Это накладывало отпечаток на постановку исследовательских задач, авторские оценки и выводы, формирование прогнозов и практических рекомендаций для официальных структур. Англо-американская историография послевоенного периода в этом смысле не стала исключением. Традиционный рационализм и прагматизм англо-саксонской научной традиции способствовал тесной связи исследований с насущными задачами практической политики Великобритании и США.

Германский вопрос являлся одним из гордиевых узлов международных отношений после Второй мировой войны. Он имел важнейшее значение для четверки держав-победительниц, его возможное решение предопределяло расстановку сил в Европе. В условиях «холодной войны» малейшие изменения в состоянии проблемы вызывали пристальное внимание руководства Великобритании, США, СССР и Франции. Это сопровождалось глубоким и

всесторонним анализом ситуации в Германии на страницах научных публикаций. В 1945–1990 гг. историческая германистика являлась одним из наиболее востребованных тематических направлений в историографии великих держав. Несмотря на то, что исследования охватывали широкий круг вопросов, особым вниманием в Великобритании и США пользовались темы, посвященные ситуации в послевоенной Германии и развитию германского вопроса.

Целью данной статьи является определение характерных черт и особенностей организации исследований по исторической германистике в Великобритании и США в послевоенный период. Выбор хронологических рамок обусловлен формированием научного дискурса авторами трех поколений историков-германистов. В качестве источников выступают разнообразные публикации исследователей Великобритании и США, посвященные послевоенной Германии и германскому вопросу в международных отношениях: статьи в научных журналах и сборниках, монографии, диссертационные исследования на соискание ученых степеней *MA* и *PhD*. В отечественной и зарубежной историографии специальные работы по заявленной теме отсутствуют.

Изучение германского вопроса в Великобритании и США началось сразу после окончания Второй мировой войны. В конце 1940-х гг. были представлены к защите первые диссертации [1–3], на рубеже 1940–1950-х гг. появились тематические монографии [4; 5]. Первое поколение исследователей столкнулось с многочисленными препятствиями, среди которых, в первую очередь, следует выделить ограниченность источниковой базы. Анализ библиографических списков публикаций второй половины 1940-х – середины 1960-х гг. показал, что изучение ситуации в послевоенной Германии осуществлялось преимущественно на основе источников британского и американского происхождения. Начиная со второй полови-

ны 1950-х гг. они были дополнены западногерманскими источниками. Вместе с тем данные по ту сторону железного занавеса практически не использовались. Это можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, ученые из Великобритании и США были весьма ограничены в возможностях осуществить командировку в СССР или ГДР. Западные фонды не выказывали интереса к финансированию проектов, связанных с Восточной Германией. Кроме того, подобные поездки в условиях нарастания «холодной войны» и появления маккартизма могли привести к неприятностям на работе и подозрениям в связях с «красными». Во-вторых, со стороны СССР и ГДР массовые визиты западных авторов также не поощрялись. Информация, посвященная деятельности СВАГ, материалы МИД СССР и прочие официальные документы, касающиеся советской политики в Германии, были недоступны как иностранным, так и многим советским историкам.

Ограниченность источниковой базы дополнялась отсутствием профильных центров германских исследований. Единственным исключением являлся Центр германских исследований на базе Лондонского университета, который непрерывно осуществлял свою деятельность с 1828 г. Основная же работа осуществлялась на базе университетских центров и кафедр, в среде учеников и последователей отдельных профессоров-германистов. На работу историков оказывало влияние и идеологическое противостояние Запада и Востока на первом и наиболее ожесточенном этапе «холодной войны». Это вынуждало формулировать выводы и разрабатывать практические рекомендации с учетом текущих задач внешней политики Вашингтона и Лондона. Кроме того, историки ощущали влияние личного опыта и общественного мнения, которое зачастую поддерживало и транслировало антигерманские настроения. Многие авторы, особенно в США, являлись выходцами из Германии. Некоторые из них покинули страну в связи с приходом к власти НСДАП и не могли полностью абстрагироваться от

личных впечатлений и мнений, связанных с немецким национальным характером, германской внешней политикой [6; 7].

Первое поколение германистов Великобритании и США работало в сложных условиях. Исследователям приходилось делать первые шаги в изучении послевоенной Германии, используя ограниченные ресурсы и принимая во внимание повестку национальных правительств в период жесткого противостояния с СССР. Отсутствие сложившихся институтов и сообществ затрудняло обмен опытом и апробацию исследований.

Второе поколение историков-германистов пришло на смену в середине 1960-х гг. и формировало научную повестку вплоть до конца 1980-х гг. Представители данного поколения работали в более благоприятных условиях, что поддерживало научный и творческий энтузиазм. Они оказались свободны от личных переживаний, связанных со Второй мировой войной, и ощущали на себе положительное влияние эпохи. Начальный этап их творчества пришелся на годы международной разрядки и Новой восточной политики, что сказалось на развитии исторической науки. Подписание Московского договора 1970 г. и нормализация отношений ФРГ и ГДР в 1972 г. заметно улучшили отношения между Западом и Востоком, а вместе с этим расширили возможности использования британскими и американскими авторами альтернативных ресурсов. Авторы из Великобритании и США стали активнее привлекать советские и восточногерманские источники [8–10]. Несмотря на то, что они не отличались большим разнообразием и сводились в основном к партийным документам, публикациям в официальной прессе и работам политических деятелей, сам факт их привлечения свидетельствовал о стремлении авторов достичь более высокой степени объективности полученных результатов. На втором этапе своей работы, который пришелся на конец 1970-х – середину 1980-х гг., авторы второго поколения были вынуждены

принимать во внимание реалии нового витка «холодной войны» и сопряженные с этим ограничения.

Благоприятным обстоятельством работы данного поколения стала институционализация германских исследований в Великобритании и США. Ее активная стадия пришлась на 1970-е–1980-е гг., когда в Вашингтоне и Лондоне были созданы Германские исторические институты, появились профильные общества и ассоциации [11]. На их базе были собраны тематические библиотеки, организован выпуск журналов и сборников, на регулярной основе проходили научные конференции, ежегодно организовывались конкурсы на лучшую монографию и диссертацию по исторической германистике. Дополнительные возможности получения грантов и стипендий стимулировали интерес со стороны молодых и состоявшихся исследователей, расширяли возможности международного научного сотрудничества и апробации результатов исследований. Регулярное финансирование Германских исторических институтов со стороны крупных немецких концернов, таких как «Фольксваген» и «БМВ», предоставляло устойчивую материальную базу для развития как уже существовавших, так и новых актуальных направлений исторической германистики.

Несмотря на очевидное улучшение условий творческого труда, авторы второго поколения по-прежнему оставались ограничены в своих ресурсах и возможностях. Главным препятствием на пути развития исторической германистики оставалась «холодная война» и ее символ в Европе – раскол Германии. Доступ к источникам и, в меньшей степени, формирование авторских оценок и прогнозов по-прежнему зависели от общего климата взаимоотношений сверхдержав. Приход к власти М. С. Горбачева и реализация «нового политического мышления» привели к заметному улучшению диалога между Востоком и Западом. Это не замедлило сказаться на развитии гуманитарных и общественных наук по обе стороны стремительно поднимавшегося занавеса.

На рубеже 1980-х–1990-х гг. эстафету приняло третье поколение историков-германистов, представителей которого по праву можно назвать баловнями судьбы. По сравнению с предыдущими поколениями их работа велась в гораздо более благоприятных условиях. Этому способствовало сразу несколько обстоятельств.

Окончание «холодной войны», объединение Германии и последующий распад СССР нивелировали идеологическое влияние на историческую германистику Великобритании и США. В период «однополярного момента» казалось, что споры о мировом порядке, путях и моделях развития обществ и государств подошли к концу [12]. Противостояние сверхдержав больше не оказывало воздействия на формирование академической повестки и научных прогнозов. Свобода выражения авторских мнений и оценок достигла наивысшего уровня. Политические круги США и Великобритании считали, что Запад одержал победу в многолетней «холодной войне» и демонстрировали великодушие и снисходительность, присущие победителям. Это заметно уменьшило груз идеологической ответственности в академической среде и способствовало оживлению научной дискуссии по вопросам исторического прошлого. В такой ситуации третье поколение авторов приступило к переоценке и переосмыслению германской политики союзников. Это привело к появлению работ, в которых весьма положительно оценивались действия СССР и возлагалась ответственность за раскол Германии, Берлинские кризисы и иные напряженные моменты на западных союзников. Исследователи открыто заговорили о нежелании стран Запада продолжать переговоры с СССР о создании единого германского правительства в конце 1940-х гг., о несерьезном отношении к аналогичным советским инициативам начала 1950-х гг. [13; 14]. В годы «холодной войны» подобные публикации являлись скорее исключением.

Третье поколение германистов получило широкий доступ к источникам. Этому способствовали несколько

факторов. Во-первых, появилась возможность работать с архивными документами и материалами, ранее расположенными на территории ГДР и СССР. Правительства объединенной Германии и Российской Федерации поддерживали развитие совместных исследований и академический обмен, создание профильных центров и деятельность фондов, что снимало прежние ограничения и значительно облегчало работу историков. Во-вторых, в XXI в. появились электронные библиотеки и архивы, которые предлагали работать с первоисточниками, не выходя из дома или, как минимум, не покидая пределы страны. Это снимало вопросы поиска средств на организацию зарубежных командировок, оформление сопутствующей документации, позволяло экономить время и проводить качественную научную работу с минимальными материальными издержками. Авторы из Великобритании и США получили возможность изучить и проанализировать огромное количество первоисточников восточногерманского и советского происхождения. С одной стороны, как отмечалось выше, это содействовало переоценке событий прошлого. С другой стороны, в 1990-х–2010-х гг. в англо-американской историографии наблюдался стремительный рост количества работ, посвященных ГДР и советской политике в отношении Германии [15; 16; 17; 18; 19]. Именно третьему поколению авторов предстояло заполнить эти тематические ниши в историографии, которые вплоть до 1990-х гг. имели много белых и серых пятен. Ученые демонстрировали разнообразие методологических подходов к изучению послевоенной Германии и германского вопроса. Помимо традиционного изучения политической истории стремительно набирали популярность исследования в области социальной истории, истории повседневности, гендерной истории, политики памяти и национальной идентичности.

Положительное влияние на работу авторов оказывала дальнейшая институционализация германских исследований, открытие в 1990-х гг. новых профильных центров на

базе университетов (Калифорнийский и Джорджтаунский университеты, Университет Висконсин), Центра германских исследований Института Европы РАН. Объединенная Германия обладала всеми необходимыми ресурсами для оказания материальной и финансовой поддержки подобным структурам и демонстрировала готовность ее оказать. Многочисленные мероприятия на базе уже созданных и новообразованных институтов вносили весомый вклад в развитие академической мобильности, расширение возможностей обмена опытом, апробации исследований и получения финансовой поддержки в виде грантов и стипендий, содействовали росту публикационной активности. Развитие информационных технологий и цифровизация науки привела к тому, что центры и институты вслед за библиотеками и архивами также перешли к оцифровке документов и материалов [20]. Это упростило и расширило доступ к первоисточникам, предоставив дополнительные возможности исследователям.

Таким образом, представители первого поколения германистов Великобритании и США являлись первопроходцами в области изучения послевоенной Германии и германского вопроса. Они испытывали затруднения в связи с ограниченным доступом к первоисточникам, отсутствием профильных институтов, идеологическим влиянием «холодной войны», личным опытом переживания военных событий, антигерманскими настроениями в обществе. Им приходилось изучать современность, что всегда является очень трудным и рискованным предприятием. Помимо перечисленных обстоятельств необходимо отметить и малочисленность историографической базы, ведь авторы первого поколения могли использовать лишь недавно опубликованные работы своих современников.

Второе поколение – энтузиасты – оказалось в более благоприятных условиях. Международная разрядка и новый дух эпохи вдохновляли авторов, стимулировали использование источников советского и восточногерманско-

го происхождения. Время нивелировало антигерманские настроения и фактор личного опыта, спустя 20 лет после войны сформировалось новое поколение, которое смотрело в сторону ФРГ более оптимистично. Несомненным преимуществом данного периода стала активная институционализация германистики в Великобритании и США при поддержке правительства Западной Германии и крупных немецких концернов.

Однако настоящими баловнями судьбы стали представители третьего поколения, которые оказались свободны от идеологии «холодной войны» и получили беспрецедентный доступ к первоисточникам. Они извлекли немалую пользу из технических достижений эпохи, которые обеспечили широкий доступ в Интернет и сопутствующую цифровизацию науки, создание электронных баз данных библиотек и архивов. Открытие новых институтов и профильных центров дополнительно благоприятствовало организации и развитию германских исследований, широкие возможности финансирования стимулировали разработку новых тем и направлений. Баловни судьбы имели возможность опереться на многочисленные публикации первого и второго поколений авторов, переосмыслить отдельные вопросы и заполнить существовавшие пробелы.

На примере трех поколений германистов Великобритании и США можно убедиться, что быть первым всегда нелегко. Однако невозможно не заметить, что именно кропотливая и упорная работа первопроходцев создала надежный фундамент для энтузиастов, которые, в свою очередь, подготовили приход баловней судьбы. Как сказал И. Ньютон, «если я и видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов». Преемственность поколений авторов позволила англо-американской историографии сформировать богатое наследие в области германистики, которое уже превратилось в самостоятельный предмет исследования.

Библиографический список.

1. Allen, M. Treatment of American prisoners of war in Germany : diss. ... Master of Arts / Allen Marvin Richard; University of Oklahoma. – Norman, 1947. – 136 p.

2. Cowan, M. The political and economic aspects of American Military Government in Germany : diss. ... Master of Arts / Cowan Margaret Eleanor ; Boston University. – Boston, 1948. – 168 p.

3. Herak, M. Education, democracy, and Germany : diss. ... Master of Arts / Herak Mary Helen ; University of Arizona. – Tucson, 1948. – 109 p.

4. Rodnick, D. Postwar Germans. An anthropologist's account / D. Rodnick. – New Heaven : Yale University, 1948. – 233 p.

5. Warburg, J. Germany: key to peace / J. Warburg. – Cambridge, Mass. : Harvard University, 1953. – 344 p.

6. Tetens, T. The new Germany and the old Nazis / T. H. Tetens. – New York : Random House, 1961. – 286 p.

7. Thayer, Ch. The unquiet Germans / Ch. Thayer. – New York : Harper and Brothers, 1957. – 275 p.

8. Steele, J. Inside East Germany: the state that came in from the cold / J. Steele. – New York : Urizen, 1977. – 256 p.

9. Roberts, G. The Ostpolitik and relations between the two Germanies / G. Roberts // The Ostpolitik and political change in Germany / Ed. by R. Tilford. – Westmead : Saxon House, 1975. – P. 77–93.

10. Childs, D. The GDR: Moscow's German ally / D. Childs. – London : Allen&Unwinn, 1983. – 346 p.

11. Ковяко, И. И. Формирование и деятельность центров изучения послевоенной истории Германии в Великобритании и США / И. И. Ковяко // Весці БДПУ. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2022. – № 2. – С. 6–10. – URL: https://elib.bspu.by/handle/doc/55926 (date of access: 12.05.2025).

12. Krauthammer, Ch. The unipolar moment / Ch. Krauthammer // Foreign Affairs. – 1990. – Vol. 70, N 1. – P. 23–33.

13. Ковяко, И. И. Проблема ответственности великих держав за раскол Германии в 1945–1949 гг.: основные подходы в англо-американской историографии / И. И. Ковяко // Новая наука: современное состояние и перспективы развития : материалы Междунар. науч.–практ. конф., Прага, 21 окт. 2017 г. / под общ. ред. А. И. Вострецова. – Уфа : Мир науки, 2017. – С. 187–192. – URL: http://science-peace.ru/files/NNSSiPR_2017.pdf (дата обращения: 01.05.2025).

14. Kaviaka, I. I. Soviet initiatives 1952 on German question in British and American historiography / I. I. Kaviaka // BSPU Bulletin. Ser. 2, History. Philosophy, Political Science. Sociology. Economics. Culture Studies. – 2018. – N 2 (96). – P. 18–22. – URL: https://elib.bspu.by/handle/doc/40259 (date of access: 12.05.2025).

15. Berger, S. Friendly enemies. Britain and the GDR, 1949–1990 / S. Berger, N. LaPorte. – New York : Berghahn, 2015. – 363 p.

16. Pritchard, G. The making of the GDR, 1945–53. From antifascism to Stalinism / G. Pritchard. – Manchester : Manchester University, 2000. – 244 p.

17. Sarotte, M. Dealing with the devil. East Germany, détente, and Ostpolitik, 1969–1973 / M. Sarotte. – London : University of North Carolina, 2001. – 295 p.

18. Grix, J. The role of the masses in the collapse of the GDR / J. Grix. – London : Macmillan, 2000. – 213 p.

19. Blessing, B. The antifascist classroom: Denazification in Soviet–occupied Germany, 1945–1949 / B. Blessing. – London ; New York : Palgrave Macmillan, 2006. – 304 p.

20. Berghoff, H. The German Historical Institute in Washington, 1987–2012: A short history / H. Berghoff, R. Wetzell // Bulletin of the German Historical Institute. – 2012. – N 8. – P. 7–31. – URL: https://www.ghi-dc.org/fileadmin/publications/Bulletin_Supplement/Supplement_8/supp8.pdf (date of access: 12.05.2025).

ГАСТРОДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ДИАЛОГА И ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

А. С. Миксюк

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, miksiukas@bsu.by

Статья посвящена исследованию феномена гастродипломатии и возможностей применения гастродипломатии в качестве интрумента развития международного диплога и формирования позитивного имиджа. Проанализированы частный и публичный компонент гастродипломатии. Установлены преимущества ее применения для достижения политических, экономических, культурных интересов государства: универсальная природа, многофункциональность, непрямые методы продвижения. Определено, что в Республике Беларусь при отсутствии единой национальной программы по развитию гастродипломатии отдельные ее элементы используются в продвижении туризма и национальной продукции, деятельности загранпредставительств, организации визитов на высшем и высоком уровнях. Отмечен интеграционный потенциал гастродипломатии как драйвера многостороннего сотрудничества на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: гастродипломатия; кулинарная дипломатия; культурное сотрудничество; мягкая сила; Республика Беларусь; СНГ.

GASTRODIPLOMACY AS A TOOL FOR FOSTERING INTERNATIONAL DIALOGUE AND BUILDING A POSITIVE IMAGE: OPPORTUNITIES FOR BELARUS

A. S. Miksiuk

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, miksiukas@bsu.by

This article examines the phenomenon of gastrodiplomacy and explores its potential as a tool for fostering international dialogue and building a positive image. It analyzes both the private and public dimensions of gastrodiplomacy. The advantages of utilizing gastrodiplomacy to advance a state's political, economic, and cultural interests are established, including its universal nature, multifunctionality, and reliance on indirect promotion methods. It has been determined that while the Republic of Belarus lacks a unified national program for developing gastrodiplomacy, individual elements are employed in tourism and national product promotion, the activities of its diplomatic missions abroad, and the organization of highest- and high-level visits. The integrative potential of gastrodplomacy as a driver of multilateral cooperation within the post-Soviet space is highlighted.

Keywords: gastrodiplomacy; culinary diplomacy; cultural cooperation; soft power; Republic of Belarus; CIS.

Гастрономическая культура является универсальным языком коммуникации благодаря сочетанию биологических и социокультурных механизмов. Еда первична для поддержания жизни любого человека, независимо от расы, этноса, религии, убеждений. Совместная трапеза помогает преодолевать языковые барьеры и создает социальные связи через переживание общего опыта, ритуалы гостеприимства (к примеру, традиции «хлеба-соли» в славянских культурах). Одновременно еда является репрезентацией национальной идентичности и трансформирует уникальные культурные коды в конкретный опыт.

Цель данной статьи заключается в анализе потенциала, возможностей и перспектив гастродипломатии для развития международного диалога и формирования позитивного имиджа на примере Республики Беларусь.

Авторство термина «гастродипломатия» (англ. *Gastrodiplomacy*) принадлежит коллективу журнала «*The Economist*», на страницах которого термин был упомянут впервые в 2002 г. Статья была посвящена амбициозному проекту Таиланда по продвижению национальной кухни за рубежом и рассмотрению тайской еды как способа «углубления отношений с другими странами» [1]. Стоит, однако, отметить, что этот год вряд ли можно назвать полноценной точкой отсчета и самого явления, и истории его изучения. Совместные приемы пищи с древних времен сопровождали визиты иностранных делегаций и являлись предметом осмысления. Прежде всего, обращение к еде как к «каналу коммуникации» или «сути конфликта» свойственно гастрополитике [2, p. 494]. Кроме того, термины «гастрономическая дипломатия» или «кулинарная дипломатия» применялись и ранее. Так, К. Константину рассуждал о гастрономической дипломатии при рассмотрении традиций совместных трапез (глава «Гастрономическая дипломатия: соучастие, общение, коммуникация») [3, p. 125–141]. Таким образом, гастродипломатию сложно назвать абсолютно новой формой дипломатических отношений.

Тем не менее, новый звучный термин и опыт Таиланда оказались вдохновляющими. После 2002 г. спонсируемые правительствами программы и проекты гастродипломатии были объявлены во многих странах: Дании, Норвегии и Швеции (совместный проект «*The Nordic Food Movement*», 2004 г.), Перу («*Perú Mucho Gusto*», 2006 г.), Малайзии («*The Malaysia Kitchen Programme*», 2006 г.), Японии («*Washoku-Try Japan's Good Food*», 2006 г.), Республике Корея (концепт «*K-Food*» по аналогии с «*K-Pop*», «*Kimchi Bus Project*», 2011 г.), Индонезии («*Spice Up The World*», 2021 г.) и др. Характерно, что первопро-

ходцами национальных гастрономических инициатив стали не признанные западные лидеры кулинарных рейтингов, а преимущественно страны Азии, желающие таким образом повысить свою узнаваемость в мире.

Интерес государств к продвижению национальных кухонь идеально укладывался в популярную концепцию «мягкой силы», предложенную Дж. Наем, и был взаимосвязан с растущей ролью публичной дипломатии с ее широким кругом субъектов и тематических полей. Гастродипломатия стала «инструментом межкультурных отношений и коммуникаций, опираясь на ресурсы и потенциал традиций национальных кухонь народов мира» [4, с. 615].

Актуальный тренд не остался не замеченным и научным сообществом. С начала 2000-х гг. было издано немало научных работ, посвященных данному феномену: одни авторы обращались к теоретизации концепта гастродипломатии, сравнивали понятия «кулинарная дипломатия» и «гастродипломатия» и определяли их содержание (П. С. Рокоуэр [5], С. Чаппл-Сокол [6], Л. Морган [7], В. Г. Циватый [4]), другие же исследовали конкретные кейсы (Р. Матта [8], Ф. Фарина [9], М. Демир и П. Алпер [10] и др.). При этом интерес англоязычных исследователей к данной теме был и остается на порядок выше, чем на постсоветском пространстве, что связано, очевидно, с меньшей активностью государств региона по продвижению национальных брендов через кулинарию.

Гастродипломатия включает два взаимосвязанных аспекта: публичную дипломатию и частную кулинарную дипломатию [6, p. 162].

Частная кулинарная дипломатия является устоявшимся элементом классической дипломатии. Программы любых государственных визитов всегда включают торжественные приемы. Деловые завтраки, обеды и ланчи прочно закрепились в графиках политиков. Любые переговоры, конференции и саммиты предполагают кофе-паузы и приемы пищи. Все они сопровождаются неформальным

общением, способствующим установлению доверительных отношений, успешному диалогу и, в конечном итоге, подписанию взаимовыгодных соглашений. Грамотно составленное меню, демонстрирующее культурную уникальность страны (с учетом национальных и личных ограничений гостей), выступает в качестве мощного инструмента невербальной коммуникации. Однако в век цифровизации и социальных сетей кулинарная дипломатия во многом перестает быть частной: меню государственных приемов, перечни подарков (зачастую включающие эксклюзивные продукты и напитки), фотографии сервировки свободно публикуются, становясь способом продвижения национального бренда. Данная особенность свойственна многим странам, в т. ч. Республике Беларусь. В целом, в той или иной степени кулинарную дипломатию использует любое государство, развивающее двусторонние и многосторонние отношения на мировой арене.

Публичная кулинарная дипломатия заключается в работе с широкой общественностью и, как правило, инициируется национальными правительствами, принимающими и продвигающими разнообразные программы, проекты и инициативы в коллаборации с неправительственными субъектами (бизнес-сообществом, общественными и культурными организациями). Цель данных инициатив заключается в создании сильного позитивного имиджа, что созвучно концепции национального брендинга, сформулированной С. Анхольтом [11]. Использование ресурса кулинарной дипломатии позволяет управлять имиджем страны через проецирование культурного наследия и ценностей вовне, что приводит к повышению привлекательности и «желательности» культуры [9, p. 155]. Речь идет не только об абстрактных позитивных оценках страны в мире, но и о вполне осязаемых преимуществах: укрепление экономических и политических отношений, развитие туризма, продвижение ресторанного бизнеса, рост экспорта национальных продуктов и др. Важно, что ресурс гаст-

родипломатии, как и иных форм публичной дипломатии, может использоваться даже в условиях охлаждения двусторонних отношений.

В Республике Беларусь в настоящее время отсутствует единая целевая национальная программа, посвященная развитию гастродипломатии, однако отсутствие институционализации не означает, что данному направлению не уделяется внимание.

Элементы гастродипломатии интегрированы в некоторые государственные программы и общественные инициативы, прежде всего, в сфере туризма. Так, гастрономический туризм входит в утвержденный Министерством спорта и туризма Республики Беларусь перечень видов туризма [12]. В январе 2020 г. с целью популяризации белорусской национальной кухни была утверждена Дорожная карта по развитию гастрономического туризма в Республике Беларусь. Помимо стандартных пунктов подобных документов (формирование календаря мероприятий, создание тематического раздела на Официальном туристическом портале Беларуси, разработка социальной рекламы и информационных материалов и др.) Дорожная карта содержала актуальный в современных реалиях пункт о включении гастрономических мероприятий в программы туров и визитов в Республику Беларусь представителей СМИ и блогеров зарубежных стран «с целью последующего освещения гастрономического потенциала страны в зарубежных СМИ и социальных сетях» [13].

Таким образом, белорусская кухня была официально признана важным элементом культурного наследия и национального бренда, что привело к разработке информационных ресурсов по данной тематике (путеводители и брошюры, кулинарные карты, перечни агроусадеб, специализирующихся на аутентичной кухне и др.), созданию гастрономических маршрутов и экскурсионных программ с проведением мастер-классов и дегустаций традиционных блюд и напитков [14, с. 163].

Гастрономический туризм и дипломатия достаточно тесно связаны: продвижение национальных гастрономических брендов осуществляется в т. ч. силами дипломатов на базе дипломатических представительств и консульских учреждений, о чем, в частности, упоминается в Государственной программе «Беларусь гостеприимная» на 2021–2025 годы [15]. К примеру, загранучреждения Республики Беларусь получают тематические информационные материалы, проводят мероприятия по продвижению национальных туристических брендов. Сайты посольств содержат раздел «Туризм в Беларуси».

При этом не следует прямо отождествлять гастрономический туризм и гастродипломатию: хотя они имеют общую цель продвижения позитивного имиджа страны, меры по развитию туризма, прежде всего, связаны с вниманием к развитию внутренней инфраструктуры (гастрономические фестивали, маршруты, агроусадьбы и др.), в то время как гастродипломатия делает акцент на продвижение национальной кухни вовне.

Официальные мероприятия и презентации за рубежом являются важным направлением гастродипломатии. Угощение белорусскими продуктами и блюдами традиционной белорусской кухни является неотъемлемым элементом дипломатических приемов, организуемых посольствами (к примеру, [16]). Отдельно в этой связи хочется отметить мероприятия, организуемые для супруг дипломатов, популярностью среди которых пользуются кулинарные мастер-классы [17].

Гастродипломатия Беларуси включает продвижение продуктов на экспорт, подготовку экспозиций для крупных международных выставок, в т. ч. специализированных, посвященных продуктам питания, напиткам, оборудованию и технологиям для пищевой промышленности (к примеру, *Prodexpo* в России, *InterFood Astana* в Казахстане, *SIAL Shanghai* в КНР и др.). Особое место занимает участие в международных гастрономических фестивалях (к приме-

ру, Международном гастрономическом фестивале в Ханое [18]) и проведение Дней культуры Беларуси за рубежом.

Вероятно, на данный момент одним из наиболее перспективных направлений гастродипломатии для Беларуси может стать открытие за рубежом ресторанов национальной кухни. Ресторанный бизнес имеет определенное преимущество перед иными формами гастродипломатии, поскольку способен охватить максимально широкий круг гостей: дипломатические приемы посещает узкий круг людей, связанных со сферой политики и развитием двусторонних отношений, культурные праздники и фестивали привлекают больше гостей, однако постоянно функционирующие точки общественного питания могут принимать посетителей ежедневно. В настоящее время за рубежом работает относительно небольшое количество ресторанов белорусской кухни. Так, при наличии тесных связей Республики Беларусь и КНР первый ресторан белорусской кухни «Мінск» в Китае был открыт не так давно – осенью 2022 г. [19].

Белорусская национальная кухня, бесспорно, обладает многими сильными сторонами, к числу которых можно отнести уникальность и аутентичность, высокое качество продуктов (бренд «Сделано в Беларуси»), взаимосвязь и взаимовлияние культур в силу проживания на территории Беларуси представителей разных народов (что можно использовать для создания совместных проектов). Вместе с тем, белорусская кухня не относится к числу наиболее узнаваемых в мире. По данным популярного портала «*TasteAtlas*» она занимает лишь 75-е место в мировом рейтинге [20]. В этом контексте «кулинарные параллели» с соседними народами являются и определенным вызовом, поскольку создают сложности позиционирования уникальности белорусской кухни на фоне общих славянских традиций. Кроме того, недостаточная узнаваемость белорусской кухни может быть также связана и с нехваткой системной государственной поддержки в продвижении

кулинарии (в т. ч. как инструмента дипломатии), относительно скромным масштабом проводимых мероприятий. Таким образом, национальная кухня остается в некотором роде недооцененным ресурсом.

Отличными площадками для продвижения национальной кухни являются интеграционные структуры (Союзное государство, ЕАЭС, СНГ), что связано с общей историей, элементом ностальгии, большей узнаваемостью и более тесных контактах как граждан, так и правительств государств постсоветского пространства. Немаловажно и то, что рынок СНГ является приоритетным для сбыта белорусской продукции. В силу данных обстоятельств гастродипломатия может стать еще одним «мягким» инструментом интеграции. Глубокое знакомство с национальными кухнями государств – участников СНГ может содействовать лучшему пониманию культур и традиций.

В настоящее время гастродипломатия в жизни Содружества присутствует как элемент саммитов и составная часть мероприятий в гуманитарной сфере (в частности, в области туризма), однако полноценно не находится в фокусе внимания. Мероприятия в сфере гастрономии могли бы быть включены в двухлетние Планы приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества, Межгосударственную программу «Культурные столицы Содружества» и другие проекты СНГ. Также страны СНГ могут обратиться к опыту других многосторонних гастрономических проектов, к примеру, уже упомянутому проекту Дании, Норвегии и Швеции «*The Nordic Food Movement*». Интересным примером совместного мероприятия и гастродипломатии Беларуси в СНГ является организация белорусской стороной «стола дружбы», на котором были представлены традиционные белорусские блюда, в рамках торжественного приема по случаю 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, проведенного Посольством Российской Федерации в Республике Казахстан 5 мая 2025 г. [21].

Отметим также, что в Беларуси создаются условия для продвижения межкультурного диалога в кулинарной сфере. Так, в 2013 г. был дан старт проекту «Кулинарная дипломатия» на телеканале «Беларусь 1»: телешоу, в котором иностранные гости, преимущественно дипломаты, рассказывали о своей культуре через приготовление блюд национальной кухни. Кулинарный аспект присутствует в экспозиции традиционной благотворительной ярмарки жен дипломатов, которую ежегодно проводит Минский международный женский клуб жен послов, дипломатов и иностранных представителей. Подобные мероприятия позволяют жителям Беларуси глубже узнавать другие культуры.

Таким образом, в настоящее время в Беларуси отсутствует единая национальная программа по развитию гастродипломатии, однако ее элементы используются в продвижении туризма и национальной продукции, деятельности загранпредставительств, организации визитов на высшем и высоком уровнях. Гастродипломатия представляет собой многофункциональный инструмент международного взаимодействия, позволяющий использовать потенциал национальной кухни для содействия межкультурному диалогу, формирования позитивного имиджа страны на мировой арене (что особенно актуально в условиях внешнеполитических вызовов), продвижения экономических интересов (экспорт товаров и туристических услуг), развития неформальных контактов. Универсальная природа гастродипломатии, опора на аутентичность и качество, непрямые методы продвижения способны привлечь широкую аудиторию и сформировать устойчивый интерес к белорусской культуре. Гастродипломатия также обладает высоким интеграционным потенциалом и может выступать в роли драйвера многостороннего сотрудничества на постсоветском пространстве через апелляцию к общим культурным кодам и уникальности каждой из стран.

Библиографический список

1. Thailand's gastro-diplomacy // The Economist. – 21.02.2002. – URL: https://www.economist.com/asia/2002/02/21/thailands-gastro-diplomacy (date of access: 30.05.2025).

2. Appadurai, A. Gastro-politics in Hindu South Asia / A. Appadurai // American Ethnologist. – 1981. – Vol. 8, N 3. – P. 494–511. – URL: https://doi.org/10.1525/ae.1981.8.3.02a00050 (date of access: 03.03.2025).

3. Constantinou, C. M. On the way to diplomacy / C. M. Constantinou. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1996. – 180 p.

4. Циватый, В. Г. Гастрономическая дипломатия и кулинарные дипломатические практики в полицентричном мире XXI века: институциональный дискурс / В. Г. Циватый // Беларусь в современном мире : материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 99-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2020 г. – Минск, 2020. – С. 613–619. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/268564 (дата обращения: 03.03.2025).

5. Rockower, P. S. Recipes for gastrodiplomacy / P. S. Rockower // Place Branding and Public Diplomacy. – 2012. – Vol. 8, N 3. – P. 235–246 – URL: https://doi.org/10.1057/pb.2012.17 (date of access: 04.03.2025).

6. Chapple-Sokol, S. Culinary Diplomacy: Breaking Bread to Win Hearts and Minds / S. Chapple-Sokol // The Hague Journal of Diplomacy. – 2013. – Vol. 8, N 2. – P. 161–183. – URL: https://doi.org/10.1163/1871191X-12341244 (date of access: 14.04.2025).

7. Morgan, L. Diplomatic gastronomy: Style and power at the table / L. Morgan // Food and Foodways. – 2012. – Vol. 20, N 2. – P. 146–166. – URL: https://doi.org/10.1080/07409710.2012.680366 (date of access: 14.04.2025).

8. Matta, R. Food for social change in Peru: Narrative and performance of the culinary nation / R. Matta // The Sociological Review. – 2021. – Vol. 69, N 3. – P. 520–537. – URL: https://doi.org/10.1177/00380261211008802 (date of access: 14.04.2025).

9. Farina, F. Japan's gastrodiplomacy as soft power: global washoku and national food security / F. Farina // Journal of Contemporary Eastern Asia. – 2018. – Vol. 17, N 1. – P. 152–167. – URL: https://doi.org/10.17477/jcea.2018.17.1.152 (date of access: 14.04.2025).

10. Demir, M. G20 summit menus as a means of gastrodiplomacy: Messages to the world via menus / M. Demir, P. Alper // International Journal of Gastronomy and Food Science. – 2021. – Vol. 25, Article 100368. – P. 1–8. – URL: https://doi.org/10.1016/j.ijgfs.2021.100368 (date of access: 14.04.2025).

11. Anholt, S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities, and Regions / S. Anholt. – New York : Palgrave MacMillan, 2007. – 134 p.

12. О ведении Единой классификации видов туризма в Республике Беларусь : постановление Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 7 авг. 2023 г. № 36 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22340307 (дата обращения: 01.06.2025).

13. Дорожная карта по развитию гастрономического туризма в Республике Беларусь : [утв. 31 янв. 2020 г.] // Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. – URL: https://www.mart.gov.by/files/live/sites/mart/files/documents/Торговля%20и%20общественное%20питание/2021/Дорожная%20карта.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

14. Заруцкий, С. А. Гастрономический путеводитель как инструмент развития гастрономического туризма в туристской дестинации (на примере г. Бреста) / С. А. Заруцкий, А. Ю. Василечко // Перспективы развития туризма в современных условиях: мировые тенденции и региональные контексты : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 27 сент. 2024 г. / Нац. агентство по туризму. – Минск : Колорград, 2024. – С. 159–166. – URL: https://belarustourism.by/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8%202024.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

15. О Государственной программе «Беларусь гостеприимная» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 янв. 2021 г. № 58 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100058 (дата обращения: 01.06.2025).

16. Культурное сотрудничество с Республикой Корея // Посольство Республики Беларусь в Республике Корея. – URL: https://korea.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/cultural/ (дата обращения: 01.06.2025).

17. Культурное и гуманитарное сотрудничество // Посольство Республики Беларусь в Федеративной Республике Бразилия. – URL: https://www.brazil.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/culture/ (дата обращения: 01.06.2025).

18. Белорусские дипломаты представили национальную кухню на гастрономическом фестивале в Ханое // БЕЛТА. – 09.12.2024. – URL: https://belta.by/society/view/belorusskie-diplomaty-

predstavili-natsionalnuju-kuhnju-na-gastronomicheskom-festivale-v-hanoe-681396-2024/ (дата обращения: 01.06.2025).

19. В Пекине открылся ресторан белорусской кухни «Мінск» // БЕЛТА. – 22.09.2022. – URL: https://belta.by/society/view/v-pekine-otkrylsja-restoran-belorusskoj-kuhni-minsk-525168-2022/ (дата обращения: 01.06.2025).

20. 100 Best Cuisines in the World // TasteAtlas. – URL: https://www.tasteatlas.com/best/cuisines (date of access: 01.06.2025).

21. Об участии Посла Беларуси А. Богданова в торжественном приеме по случаю Дня Победы // Посольство Республики Беларусь в Республике Казахстан. – 05.05.2025. – URL: https://www.kazakhstan.mfa.gov.by/ru/embassy/news/b73040ffe7947408.html (дата обращения: 01.06.2025).

КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОСТАВЕ ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ БГУ: ПЕРВЫЙ ОПЫТ

С. Ф. Свилас

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas@bsu.by

Автор статьи – доцент, а затем профессор кафедры международных отношений, работает на ней с февраля 1994 г. Рассмотрены основные направления деятельности кафедры (учебно-методическое, научно-исследовательское и воспитательное) на протяжении 1995/1996 и 1996/1997 уч. гг. Подчеркнуто значение трехлетнего опыта, полученного кафедрой на историческом факультете БГУ, показана специфика ее кадрового состава, выявлены сложности в работе. Особое внимание уделено практической подготовке студентов на базе внешнеполитического ведомства и общественных организаций республики, активизации международных связей сотрудников и студентов. На основании анализа протоколов кафедры автор пришел к выводу, что создание факультета международных отношений, междисциплинарность в профессиональном общении и подготовке специалистов, расширение возможностей для налаживания диалога с зарубежными коллегами способствовали повышению эффективности педагогической и научно-исследовательской работы.

Ключевые слова: Республика Беларусь; внешняя политика; дипломатия; Белорусский государственный университет; факультет международных отношений; кафедра международных отношений; Министерство иностранных дел; образовательная дипломатия.

THE DEPARTMENT OF INTERNATIONAL RELATIONS WITHIN THE FACULTY OF INTERNATIONAL RELATIONS OF BELARUSIAN STATE UNIVERSITY: FIRST EXPERIENCE

S. F. Svilas

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, svilas@bsu.by

The author of the article is an associate professor and then a professor of the Department of International Relations, working at it since February 1994. The main directions of the department's activity (teaching, research and educational) during the academic years 1995/1996 and 1996/1997 are considered. The importance of the three-year experience gained by the department at the Faculty of History of BSU is emphasized, the peculiarities of its staff composition are shown, and the difficulties in its work are revealed. Special attention is paid to the practical training of students on the basis of the foreign policy department and public organizations of the republic, activation of international relations of the staff and students. Based on the analysis of the department's protocols, the author came to the conclusion that the establishment of the Faculty of International Relations, interdisciplinarity in professional communication and training of specialists, expansion of opportunities for establishing a dialogue with foreign colleagues contributed to the efficiency of pedagogical and research work.

Keywords: Republic of Belarus; foreign policy; diplomacy; Belarusian State University; faculty of international relations; department of international relations; Ministry of Foreign Affairs; educational diplomacy.

Решение Ученого совета БГУ об открытии кафедры международных отношений на историческом факультете было принято 23 марта 1992 г., а 1 сентября того же года кафедра начала свою работу: первый набор студентов на отделение «Международные отношения» исторического факультета состоялся. Профессора А. В. Шарапо и А. А. Челядинский стали членами Ученого совета исторического

факультета, а профессор А. А. Челядинский – еще и членом учебно-методической комиссии, что способствовало накоплению опыта научно-исследовательской и педагогической работы.

1995/1996 уч. г. кафедра начала совю работу в следующем составе: профессора А. В. Шарапо, А. А. Челядинский, А. А. Розанов, В. Е. Снапковский; доценты Н. Е. Аблова, Л. В. Лойко, Д. В. Пономарев, С. Ф. Свилас; секретарь Н. А. Добржанская.

На первом заседании в сентябре 1995 г. обсуждался отчет студентов О. П. Вертинского и В. В. Фрольцова об участии в международном семинаре «Без понимания нет примирения – молодые европейцы с Запада и Востока в диалоге» по приглашению Бранденбургского образовательного центра «Про-Европа». В ФРГ они находились 15 дней и посетили города Барут, Хальбе, Бонн. Участники семинара ознакомились с деятельностью федеральных и региональных органов власти Германии, участвовали в дискуссиях на тему взаимоотношений стран Европы и СНГ, встретились с бывшим премьером ГДР и руководителем ХДС Восточной Германии доктором Л. Мезьером. В год 50-летия окончания Второй мировой войны большое значение организаторы семинара придавали акциям, символизирующим примирение народов посредством встреч с немецкими участниками войны, представителями религиозных общин, смотрителями советских кладбищ на территории Восточной Германии. В программу было включено посещение Зееловских высот и крупнейшего в Европе кладбища солдат Второй мировой войны в Хальбе.

В Бонне студенты ознакомились с историческим и политическим опытом германского федерализма, деятельностью депутатов бундесрата, встретились с госсекретарем правительства земли Бранденбург по вопросам федерации и Европы фон Роттенбургом (СДП). Во время экскурсии в Кёльн они посетили мемориальную квартиру первого федерального канцлера К. Аденауэра и участвовали в дискус-

сии об историческом значении этой личности для Германии и Европы.

О. П. Вертинский и В. В. Фрольцов подчеркнули значение для личностного роста языковой практики, непосредственного изучения актуальных вопросов внешней и внутренней политики Германии, общения со студентами из Германии, Дании, Московского университета [1, л. 4–7]. В организации поездки участвовало и Белорусское общество дружбы и культурной связи, с которым кафедра с самого начала своей истории установила отношения тесного сотрудничества.

1 октября 1995 г. кафедра влилась в состав факультета международных отношений БГУ, а ее заведующий, профессор А. В. Шарапо был назначен деканом. Началось тесное взаимодействие преподавателей с коллегами – экономистами, юристами, преподавателями английского и романо-германских языков. 14 декабря 1995 г. приказом ректора БГУ Ф. Н. Капуцкого был создан Ученый совет ФМО под председательством А. В. Шарапо, куда вошли не только 4 профессора кафедры, но и доценты – Л. М. Хухлындина (заместитель председателя, заместитель декана) и С. Ф. Свилас (ученый секретарь) [2, л. 7].

В декабре 1995 г. кафедра завершила выполнение плановой НИР «Республика Беларусь в системе международных отношений Европы», опубликовав три монографии и 21 статью, в том числе 4 статьи за рубежом (ФРГ, Польша, США, Швейцария). В апреле 1996 г. студенты активно участвовали в научной конференции «75 лет БГУ» [1, л. 21; 36].

Заведующий кафедрой А. В. Шарапо в апреле 1996 г. был командирован в Свободный университет Берлина для решения следующих задач: исследование внутренней и внешней политики ФРГ, проведение лекций по вопросам внешней политики Республики Беларусь, обсуждение плана прохождения практики студентами ФМО в Институте политических наук Свободного университета, ознакомле-

ние с организацией учебного процесса. Он выступил перед студентами с лекцией «О социально-экономическом развитии Республики Беларусь», на которой присутствовал генеральный консул Республики Беларусь в Берлине В. Н. Автух, а также с докладом «О некоторых тенденциях в развитии СНГ». Результатом встреч с доктором И. Шлотцем, частым гостем в Минске, стала договоренность об организации практики студентов ФМО, стажировках преподавателей немецкого языка, обмене молодыми учеными и студентами [1, л. 44–46].

Важное место в работе кафедры занимала организация двухмесячной дипломной практики в Министерстве иностранных дел Республики Беларусь. Ознакомительную практику студенты 2 и 3 курсов проходили в Белорусском обществе дружбы и культурной связи, других общественных организациях, в Комиссии по международным делам Верховного Совета Республики Беларусь [1, л. 24; 33].

В июне 1996 г. состоялся первый выпуск студентов ФМО (дипломников пока имела только кафедра международных отношений). 11 выпускников кафедры защитили дипломные работы: А. П. Бригадин, В. В. Гулевич; Д. В. Кривошеев, В. Г. Мирутко, А. Л. Сидорцов, В. Н. Ставский, О. Н. Юстинский, В. Г. Старовойтов, Ю. О. Слука, Н. А. Почкаев. Темы дипломных работ первого выпуска утвердил и. о. ректора, член-корресподнент Академии наук Беларуси П. Д. Кухарчик [1, л. 12; 28; 2, л. 4–5].

В 1996/1997 уч. г. доценты Л. В. Лойко и А. Н. Сиротский перешли на созданную 1 сентября кафедру дипломатической и консульской службы, а доц. М. Э. Чесновский приступил к работе на полную ставку [2, л. 2]. На первом заседании кафедры А. В. Шарапо рассказал о поездке группы студентов в Германию с целью участия в семинаре Фонда Фридриха Наумана и Свободного университета Берлина, где обсуждались вопросы деятельности международных неправительственных организаций и социальных движений, взаимоотношений ФРГ и стран

СНГ. Профессор университета доктор Й. Шлотц выступил с докладом «Отношения между ФРГ и Беларусью», доктор К. Мейер – «ФРГ – Беларусь: вопросы взаимоотношений в историческом аспекте». Наиболее интересными оказались доклады о положении русских немцев в ФРГ (К. П. Розенберг), социальном государстве и перспективах его развития (М. Голксдорф). Группа посетила федеральное ведомство по охране окружающей среды, ознакомились с бытом студентов. Культурную программу составили экскурсии в Музей капитуляции в Карлхорсте, музей Потсдамской конференции в Цициленхофе, парк Сан-Сусси, Бабельсберг, Глинике [3, л. 4–5].

В октябре 1996 г. кафедра утвердила отчет профессоров А. А. Розанов и А. В. Шарапо о сентябрьской поездке в США по приглашению директора Центра международной безопасности и торговли, профессора Гэри Берча (Университет штата Джорджия, г. Атенс). Целью недельной командировки стало обсуждение программ совместных научных исследований и обменов. А. В. Шарапо проинформировал о перспективах развития БГУ и ФМО, А. А. Розанов – об основных направлениях деятельности возглавляемого им Центра исследований международной безопасности. Белорусская сторона провела консультации для экспертов Университета штата Джорджия, специализирующихся на изучении проблем развития новых независимых государств, их внешней политике и политике безопасности.

Во время встречи с вице-президентом Университета штата Джорджия по академическим делам Б. Прокази А. В. Шарапо детально рассказал о новом статусе БГУ и его структуре, особенностях учебного процесса на ФМО, а помощник президента университета Д. Кокер от имени своего руководства подтвердил стремление установить взаимовыгодные отношения. Частью программы стали встреча с деканом Колледжа искусств и наук У. Андерсоном, занятие со студентами департамента политических наук в рамках курса «проблемы посткоммунизма» на тему «Беларусь

сегодня и ее внешняя политика». Во время встречи с директором Центра имени Дина Раска Т. Шоенбаумом американская сторона выразила желание развивать контакты с кафедрой международного права ФМО БГУ. Профессора БГУ встретились также с руководителем департамента политических наук Т. Лаутом и членами совета Центра Европы в Джорджтаунском университете.

Результатом поездки стало подписание рамочного соглашения между ФМО и Университетом штата Джорджия, где определялись цели и принципы сотрудничества в сфере научных исследований и академических обменов, но без возмещения принимающей стороной расходов на проезд. Обсуждалась возможность совместной разработки двух научных тем – «Сотрудничество США и Беларуси по вопросам экспортного контроля», «НАТО и проблемы нераспространения ядерного оружия» [3, л. 14–17].

В октябре 1996 г., в связи с 75-летием БГУ, грамотами университета были награждены профессора кафедры А. В. Шарапо, А. А. Розанов, А. А. Челядинский – «за плодотворную работу по созданию системы подготовки дипломатических кадров» [3, л. 8].

В январе 1997 г. кафедра утвердила отчет профессора А. А. Розанова о загранкомандировке в Швейцарию на Международную конференцию экспертов СНГ и Швейцарии «Будущее европейской безопасности в свете президентских выборов в России и США» (декабрь 1996 г., 5 дней) по приглашению директора программ исследований международной безопасности женевского Института международных исследований К. Гайстейгера. Среди участников были генеральный директор отделения ООН в Женеве В. Петровский, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации Г. Мамедов, помощник Президента Российской Федерации по вопросам внешней политики Д. Рюриков, директор Института США и Канады С. Рогов, проректор МГИМО МИД России А. Загорский. На конференции рассматривалась роль ОБСЕ, ЕС,

НАТО в укреплении стабильности и безопасности, особое внимание было уделено последствиям реализации планов расширения альянса на Восток. Представители России аргументировали резко негативную позицию Москвы относительно проектов ускоренного продвижения НАТО в восточном направлении.

Профессор А. А. Розанов выступил с двумя докладами – «Беларусь и расширение НАТО» и «Роль и место ОБСЕ в Европе». Он изложил официальную позицию Беларуси по вопросам расширения Североатлантического союза и повышения эффективности ОБСЕ, подход независимых экспертов и специалистов, сделав акцент на необходимости укрепления безопасности на общеевропейской основе с учетом принципа неделимости безопасности и ее универсальности [3, л. 31–33].

Кафедра продолжала разрабатывать плановую тему «Эволюция современных международных отношений», рассчитанную на 1996–2000 гг., а в марте 1997 г. профессор А. В. Шарапо констатировал завершение работы над первым томом сборника «Внешняя политика Беларуси: документы и материалы (1917–1922 гг.)». Он отметил практическую пользу сборника, а участники обсуждения (В. Е. Снапковский, Л. В. Лойко) говорили о необходимости включения в это многотомное издание материалов МИД Республики Беларусь, а также архивов Варшавы и Вильнюса [3, л. 29, 45]. С октября 1996 г. при кафедре действовала студенческая научная лаборатория «Белорусская ССР и Республика Беларусь в ЮНЕСКО» (руководитель С. Ф. Свилас) [4, л. 41].

Студенты 4–5 курсов проходили производственную практику в МИД Беларуси под руководством профессоров А. А. Шарапо, В. Е. Снапковского, А. А. Челядинского, 3 курса (учебная практика) – в консульском управлении МИД, 2 курса (учебно-ознакомительная) – Доме дружбы, Фонде мира, других общественных организациях, Управлении международных связей БГУ [3, л. 42, 48].

В мае 1997 г. кафедра заслушала отчет профессора А. А. Розанова о трехмесячной командировке по приглашению директора Центра исследований международных проблем и проблем безопасности Университета штата Мэриленд доктора М. Дестлера с целью сбора материалов и написания учебного пособия по проблемам внешней политики США. А. А. Розанов посетил занятия по курсу «Внешнеполитический процесс США» для студентов Университета штата Мэриленд в рамках специализации «политические науки», ознакомился с программой курса. Он систематизировал документы и материалы о деятельности Совета национальной безопасности, его организации при администрации У. Клинтона. Был подготовлен аналитический доклад «Роль Совета национальной безопасности и помощника президента по национальной безопасности во внешней политике США», который получил положительную оценку М. Дестлера. Профессор БГУ выступил перед сотрудниками Центра в рамках дискуссии «Внешняя политика США: взгляд зарубежных исследователей», сделав основной упор на разграничении роли США как международного лидера и международного босса [3, л. 56–58].

В марте 1997 г. кафедра единогласно рекомендовала на должность декана факультета профессора А. В. Шарапо [3, л. 48]. В июне 1997 г. рассматривались конкурсные вопросы. При обсуждении кандидатуры М. Э. Чесновского на должность доцента отмечались такие его качества, как «постоянный научный поиск», «большой опыт преподавательской работы», «дипломатически стаж», «внимательность, интеллигентность», готовность помочь, сочувствие» [3, л. 68–69]. Рекомендуя А. В. Шарапо на должность профессора, коллеги подчеркивали его «открытость для инноваций», умение «отсечь ненужное» и «взять самое важное для кафедры и ФМО», «внимательное отношение к кадрам», «непосредственное участие в составлении учебных планов и программ» [3, л. 75].

В июне 1997 г. состоялся второй выпуск кафедры – 25 студентов, из них два иностранца и одна девушка: В. В. Боровиков, С. Р. Белогорцев, С. А. Буткевич, О. П. Вертинский, А. В. Власкин, А. Е. Король, П. П. Кравченко, А. И. Кулик, С. В. Лозицкий, В. А. Малиновский, И. А. Милидович, А. А. Муред, Д. К. Палм, Д. А. Прокопчик, А. А. Романов, С. Я. Рузакевич, Р. Г. Семененя, С. Д. Умрейко, М. В. Хаткевич, Д. Хведченя, О. И. Терещенко, Д. Л. Шевелёв, Т. Ф. Шиманская, Н. Н. Шимчук [3, л. 10–11]. Т. Ф. Шиманская, написавшая дипломную работу на тему «Внешняя политика Франции во время 5-й Республики» и получившая диплом с отличием, во время учебы вызвала интерес университетской прессы [3, л. 53; 5, с. 4].

На июньском заседании кафедра обсуждала также вопрос о рекомендации в аспирантуру. Ее получил, в частности, отличник Д. Л. Шевелёв как «способный, с широким кругом интересов (международные отношения на Ближнем и Дальнем Востоке, история православной церкви)» студент [3, л. 82]. В настоящее время он – доцент кафедры, автор многочисленных публикаций по проблемам международных отношений.

К концу 1996/1997 уч. г. на кафедре работали профессора А. В. Шарапо (декан ФМО и заведующий кафедрой), А. А. Челядинский (член учебно-методической комиссии ФМО), А. А. Розанов, В. Е. Снапковский; доценты М. Э. Чесновский (заместитель декана), Л. М. Хухлындина (заместитель декана), С. Ф. Свилас (ученый секретарь Совета ФМО), Н. Е. Аблова (заместитель декана), В. А. Елфимов; старший преп/одаватель Ю. И. Малевич, преподаватель А. И. Гордейчик [3]. К чтению лекций и организации практики, руководству курсовыми работами привлекались сотрудники МИД Республики Беларусь.

На заседаниях кафедры обсуждались проблемы и трудности в ее развитии: слабая материально-техническая база, отсутствие или нехватка современных учебников и информационных материалов (прежде всего периодиче-

ских изданий). В связи с дефицитом учебных аудиторий занятия проводились в две смены, в зданиях исторического, географического, юридического, философско-экономического факультетов, главного корпуса БГУ. Члены кафедры – декан А. В. Шарапо и его заместитель М. Э. Чесновский – прилагали значительные персональные усилия, чтобы 2 октября 1997 г. состоялось открытие здания ФМО по ул. Академическая, 25.

Библиографический список

1. Протоколы заседаний кафедры международных отношений Белорусского государственного университета и документы к ним за 1995/1996 уч. г. // Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 205, оп. 20, д. 719.

2. Протоколы заседаний Совета ФМО за 1995/1996 уч. г. // Там же. – Д. 718.

3. Протоколы заседаний кафедры международных отношений Белорусского государственного университета и документы к ним за 1996/1997 уч. г. // Там же. – Д. 959.

4. Отчет ФМО о работе за 1996/1997 уч. г. // Там же. – Д. 907, л. 38–51.

5. Беларускі універсітэт. – 1993. – № 14. – С. 4.

ПОДХОДЫ ВЕРХОВНЫХ КОМИССАРОВ ООН ПО ДЕЛАМ БЕЖЕНЦЕВ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ В АФРИКЕ (1951—1990 гг.)

А. В. Селиванов

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
selivanych@bsu.by

В статье дана оценка основным мероприятиям верховных комиссаров ООН по делам беженцев в Африке в период «холодной войны». Показана эволюция их подходов к деятельности агентства на континенте. Отмечено, что Африка стала первой частью света, где УВКБ ООН начало проводить свои программы вне Европы. Выделена активная роль Августа Линдта, Феликса Шнайдера и Садруддина ага Хана в развитии программ помощи беженцам и другим категориям перемещенных лиц на континенте. Период 1980-х гг. отмечен как кризисный для мероприятий помощи в Африке. Сделан вывод о позитивных намерениях руководителей агентства ООН по делам беженцев. При этом для ликвидации проблемы вынужденной миграции необходимо устранение ее коренных причин.

Ключевые слова: вынужденная миграция; Африка; беженцы; Верховный комиссар ООН по делам беженцев.

APPROACHES OF THE UNITED NATIONS HIGH COMMISSIONERS FOR REFUGEES TO ADDRESS FORCED MIGRATION IN AFRICA, 1951–1990

A. V. Selivanov

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, selivanych@bsu.by

The article examines the key events undertaken by successive United Nations High Commissioners for Refugees in Africa during the Cold War

era. It highlites the evolution of their approaches to the agency's activities on the continent and underscores Africa's role as the first region beyond Europe where UNHCR implemented its programs. Special attention is given to the significant contributions of Auguste Lindt, Felix Schnyder, and Sadruddin Aga Khan in shaping assistance strategies for refugees and other displaced populations. The 1980s are characterised as a crisis decade for humanitarian operations in Africa. The study concludes that, while the intentions of UNHCR leadership were largely constructive, the sustainable resolution of forced migration requires addressing its underlying causes.

Keywords: forced migration; Africa; refugees; United Nations High Commissioner for Refugees.

Деятельность Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) в Африке на протяжении почти 75 лет претерпела значительную трансформацию. Начавшись с помощи европейским беженцам после Второй мировой войны УВКБ ООН распространило свой мандат на все регионы планеты и взяло под опеку различные категории вынужденных мигрантов. Африку можно назвать первой стартовой точкой в распространении деятельности Управления в мире.

В деятельности агентства было бы интересно выделить роль Верховных комиссаров ООН по делам беженцев в решении проблемы вынужденной миграции на черном континенте. Целью статьи является краткая характеристика роли верховных комиссаров ООН по делам беженцев на формирование подходов УВКБ ООН на Африканском континенте с 1951 по 1990 г.

Первым Верховным комиссаром ООН по делам беженцев был Геррит Ян ван Хёвен Гудхарт (1901—1956 гг.), осуществлявший эту деятельность вплоть до своей смерти в 1956 г. [1, с. 354]. Созданное в 1950 г. агентство распространяло свой мандат в соответствии с Конвенцией 1951 г. лишь на европейских беженцев, появившихся результате Второй мировой войны. В начальный период Управле-

нием на Африканском континенте не проводилось никаких программ помощи. В докладах Верховного комиссара показаны ситуация с беженцами в Египте, переселение в африканские страны и вопросы открытия представительства агентства в Каире [см.: 2]. Отметим, что УВКБ ООН не имело правовых оснований для реагирования на новые кризисы, например, для помощи вынужденным мигрантам в результате начавшейся в 1954 г. войны за независимость Алжира. Таким образом, первый Верховный комиссар ООН по делам беженцев не участвовал в мероприятиях в Африке по причине ограниченности мандата агентства.

В мае 1957 г. президент Туниса Хабиб Бургиба обратился к новому Верховному комиссару Августу Линдту с призывом оказать помощь тысячам алжирцев [1, с. 43]. Это стало первым вызовом для агентства, связанным с выходом за пределы Европы. К 1958 г. число беженцев в Тунисе и Марокко возросло до более чем 180 000 человек, что А. Линдт в своем отчете прямо назвал «серьезной проблемой» [3, п. 9]. Данный факт подтвердил расширение сферы деятельности организации. Оно произошло на основе гуманитарной необходимости, прежде чем было официально закреплено резолюцией Генеральной Ассамблеи в декабре 1958 г. Документом Верховному комиссару было рекомендовано «продолжить свои действия» в Тунисе и «предпринять аналогичные действия» в Марокко, подтвердив и утвердив принятое им решение [4].

Следующий Верховный комиссар Феликс Шнайдер (1960–1965 гг.) руководил операцией по репатриации алжирских беженцев, что стало первым крупным опытом УВКБ ООН такой работы в контексте африканской деколонизации [1, с. 46—48]. Интересно, что в декабре 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, предоставляющую Верховному комиссару полномочия оказывать помощь как подмандатным беженцам, так и тем, кому он оказывает добрые услуги [5]. Ф. Шнайдер понимал, что Управлению придется использовать механизмы решения

проблем вынужденной миграции для Африки, а в некоторых случаях и разрабатывать новые. При этом Верховном комиссаре явно увеличилось количество вынужденных мигрантов в странах третьего мира, также изменилось распределение финансирование: в 1963 г. африканские программы начали включаться в годовую программу агентства. Исследователи также отмечают дальновидность Ф. Шнайдера, которая заключалась, помимо прочего, в расширении предоставления «добрых услуг», которые начали использоваться еще А. Линдтом во второй половине 1950-х гг. [6, p. 106, 109]. В 1963 г. Верховный комиссар расширил состав Исполнительного комитета УВКБ ООН за счет таких африканских стран как Алжир, Мадагаскар, Нигерия и Танзания [7]. Он также столкнулся с новыми вызовами, связанными с руандийскими беженцами в регионе Великих озер, где массовый характер перемещений привел к принятию метода «группового определения статуса беженца» (*prima facie*), что позволило предоставлять защиту целым группам людей без индивидуальной проверки [1, с. 58]. Кроме того, в период работы Ф. Шнайдера в должности, когда Исполнительный комитет обратился к Верховному комиссару с просьбой изучить пути преодоления временных ограничений. Таким образом, можно отметить позитивный опыт УВКБ ООН в урегулировании миграционного кризиса вокруг Алжира, что смогло стать примером для решения дальнейших африканских проблем.

Садруддин ага Хан работал в должности Верховного комиссара ООН по делам беженцев длительный период — с 1965 по 1977 г. С 1962 по 1965 г. он являлся заместителем Верховного комиссара и в этом качестве посещал Марокко для решения вопросов репатриации алжирских беженцев [1, с. 46; 8]. В своей речи 1 августа 1967 г. перед Экономическим и Социальным Советом ООН Садруддин ага Хан заявил, что беженцы, особенно в Африке, могут принести значительную пользу, «если их включить в конструктив-

ную работу по развитию, а не позволять им бездействовать в лагерях» [9]. Эта позиция напрямую связывала гуманитарную помощь с долгосрочным социально-экономическим развитием, что стало одним из наиболее дальновидных и новаторских элементов во время его работы в должности. Он делал акцент на тесной координации помощи для беженцев с программами развития, чтобы «привести беженцев как можно скорее к нормальным условиям жизни» и снизить политическую напряженность в принимающих странах. В период его руководства агентством принятие Протокола 1967 г., касающегося статуса беженцев, отменило временные и географические ограничения действия Конвенции 1951 г. о статусе беженцев.

Политика УВКБ ООН во второй половине 1960-х гг. почти не отличалось от отличалась от политики первой половины десятилетия. Однако, как отметил Г. Лошер, Садруддин ага Хан старался не вмешиваться в крупные внутренние конфликты 1960-х гг. Как пример, в результате гражданской войны в Нигерии в 1967—1970 гг., в результате которой погибло 1 млн человек, а около 2 млн стали перемещенными лицами [6, p. 145–146].

Также нельзя не отметить, что внутренне перемещенные лица и лица без гражданства стали частью мандата УВКБ ООН в это время. Он также уделял внимание проблеме «экологических беженцев». Поэтому можно обоснованно поддержать мнение Г. Лошера, что в начале 1970-х гг. УВКБ ООН стало ведущей международной гуманитарной организацией [6, p. 153]. Следует констатировать, что Садруддин ага Хан переориентировал УВКБ ООН на решение проблем беженцев в странах «третьего мира», значительное внимание обратив на кризисы в Африке.

В период работы Садруддина ага Хана в качестве Верховного комиссара число вынужденным мигрантов в Африке значительно увеличилось, но расширился и мандат агентства, которое можно было оценивать как крупнейшую международную гуманитарную структуру.

В период пребывания в должности Пола Хартлинга (1978–1985 гг.) Африка продолжила оставаться регионом с самой большой численностью беженцев в мире [1, с. 338]. На протяжении всего своего мандата П. Хартлинг публично и в официальных документах подчеркивал центральную роль Африки в работе УВКБ ООН. В своей статье он отметил, что на африканском континенте проживает самое большое количество беженцев и перемещенных лиц [10, p. 39]. Он хвалил «щедрую политику открытых дверей» африканских стран и их готовность предоставлять убежище, несмотря на ограниченные ресурсы [11]. Г. Лошер свидетельствует о том, что с приходом П. Хартлинга УВКБ ООН стало получать значительно больше средств, в том числе, на помощь африканским беженцам [6, p. 202].

Инициативы, направленные на решение проблем в Африке, начались с Панафриканской конференции по положению беженцев в Африке (Арушская конференция), которая была проведена с 7 по 17 мая 1979 г. в г. Аруше (Танзания) УВКБ ООН, Организацией африканского единства и Экономической комиссией для Африки. На конференции были одобрены рекомендации по международной защите беженцев, включая право на убежище, принцип невысылки и другие права и обязанности беженцев. Рекомендации конференции были поддержаны Советом министров Организации африканского единства в июле 1979 г. и одобрены Исполнительным комитетом УВКБ ООН в октябре того же года [12].

Эта конференция послужила основой для последующих международных мероприятий, включая Международную конференцию по оказанию помощи беженцам в Африке, которая состоялась в Женеве в апреле 1981 г. Ее внимание было сосредоточено на чрезвычайной помощи. Вторая Международную конференцию по оказанию помощи беженцам в Африке, состоявшаяся в 1984 г., стремилась найти долгосрочные решения, связывая гуманитарную помощь с необходимостью развития инфраструктуры

принимающих стран. Последняя оказалась признанной в значительной степени неудачной, что было вызвано недостаточной политической волей и финансовыми ресурсами стран-доноров [13, с. 27].

Таким образом, работа П. Хартлинга в должности началась достаточно оптимистично. Однако дальнейший ход событий показал появление новых и затягивание старых ситуаций с беженцами, что негативно сказалось на реализации программ в Африке.

Следующем Верховным комиссаром стал бывший директор операций Международного комитета Красного Креста Жан-Пьер Оке (1986–1989 гг.). В своих выступлениях он позиционировал добровольную репатриацию как в качестве наиболее желательным решением в сфере вынужденной миграции. Он отмечал, что в 1986 и 1987 гг. 250 000 беженцев вернулись в Чад, Эфиопию и Уганду, частично компенсировав новые миграционные потоки на континенте [14].

С другой стороны, как отмечает Г. Лошер, Верховный комиссар приоритезировал значение операций на местах в ущерб предоставлению защиты, в большинстве случаев принимая единоличные решения. Кроме того, например, упомянутое возвращение эфиопских беженцев из Джибути в 1986 и 1987 гг. показала возможность оказывать «косвенное и прямое давление на беженцев» для осуществления планов [6, p. 249, 252].

Увеличение числа конфликтов, вызвавших новые кризисы с беженцами совпало с финансовым скандалом, связанным с Ж.-П. Оке, в результате чего он покинул свой пост [6, p. 263], оставшись в истории самой неоднозначной фигурой в должности Верховного комиссара.

Его сменил, норвежский дипломат Торвальд Столтенберг (1990 г.), проработав менее года (уже в ноябре он вернулся на должность министра иностранных дел Норвегии), в связи с чем сложно оценить его влияние на решение проблемы вынужденной миграции в Африке.

Таким образом, можно говорить о влиянии подходов верховных комиссаров ООН по делам беженцев на решение проблемы вынужденной миграции в Африке, как ответ на процессы деколонизации и вооруженные конфликты на континенте. При этом, если при Августе Линдте, Феликсе Шнайдере и Садруддине ага Хане ситуация внушала оптимизм, то вызовы 1980-х гг. обнажили новые проблемы, которые были связаны с эскалацией ситуации в разных точках Африки. Подводя итог, скажем, что для решения проблемы вынужденной миграции в Африке следует не только заниматься реализацией соответствующих программ, но и устранением ее коренных причин, о чем говорили и руководители агентства по делам беженцев.

Библиографический список

1. Положение беженцев в мире: пятьдесят лет гуманитарной деятельности / УВКБ ООН. – М. : Интердиалект+, 2000. – 362 с.
2. Selivanov, A. V. International Cooperation on Migration in Africa in the 1950s: an analysis of the UN High Commissioner for Refugees Reports / A. V. Selivanov // Journal of Belarusian State University. International Relations. – 2024. – N 2. – P. 33–38.
3. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН A/4104/Rev.1 // Цифровая библиотека ООН. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/715928 (дата обращения: 12.05.2025).
4. Беженцы в Марокко и Тунисе : док. ООН A/RES/1286(XIII) // Цифровая библиотека ООН. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/206913 (дата обращения: 01.05.2025).
5. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН A/RES/1673(XVI) // Цифровая библиотека ООН. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/204572 (дата обращения: 01.05.2025).
6. Loescher, G. The UNHCR and World Politics: a Perilous Path / G. Loescher. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – xiv, 431 p.
7. Executive Committee's Membership by Year of Admission of Members // UNHCR. – URL: https://www.unhcr.org/media/executive-committee-s-membership-year-admission-members (date of access: 01.05.2025).

8. Sadruddin Aga Khan // UNHCR. – URL: https://www.unhcr.org/about-unhcr/overview/high-commissioner/previous-high-commissioners/sadruddin-aga-khan (date of access: 01.05.2025).

9. Speech by Prince Sadruddin Aga Khan, United Nations High Commissioner for Refugees, to the Forty-third Session of the United Nations Economic and Social Council (ECOSOC), Geneva, 1 August 1967 // UNHCR. – URL: https://www.unhcr.org/publications/speech-prince-sadruddin-aga-khan-united-nations-high-commissioner-refugees-forty-third (date of access: 01.05.2025).

10. Hartling, P. An African Tragedy / P. Hartling // Africa Report. – 1981. – Vol. 26, N 1. – P. 39–41. – URL: https://www.proquest.com/openview/a47c6f7ee3b9794fbf6eb268251f4b0d/1?pq-origsite=gscholar&cbl=1820943 (date of access: 01.05.2025).

11. Statement of Mr. Poul Hartling, United Nations High Commissioner for Refugees, to the Informal Meeting of Permanent Representatives of African States accredited to the United Nations Office at Geneva, 14 July 1983 // UNHCR. – URL: https://www.unhcr.org/publications/statement-mr-poul-hartling-united-nations-high-commissioner-refugees-informal-7 (date of access: 01.05.2025).

12. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев : док. ООН A/35/12 // Цифровая библиотека ООН. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/15211 (дата обращения: 01.05.2025).

13. Селиванов А. В. Африканский вектор деятельности УВКБ ООН в Африке в начале 1980-х гг. / А. В. Селиванов // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2023. — № 2 (105). — С. 22—27.

14. Opening Statement by Mr. Jean-Pierre Hocké, United Nations High Commissioner for Refugees, to the Executive Committee of the High Commissioner's Programme, thirty-eighth session, Geneva, 5 October 1987 // UNHCR. – URL: https://www.unhcr.org/publications/opening-statement-mr-jean-pierre-hocke-united-nations-high-commissioner-refugees-0 (date of access: 01.05.2025).

ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ ФРГ: ПОДХОДЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА Ф. МЕРЦА

А. П. Соколов

МГИМО МИД России,
пр. Вернадского, 76, 119454, г. Москва, Россия,
a.sokolov@inno.mgimo.ru

Статья посвящена рассмотрению первых шагов правительства Фридриха Мерца в сфере безопасности. Приступившая к работе весной 2025 г. правящая коалиция ХДС/ХСС и СДПГ продолжила секьюритизировать основные направления внешней и внутренней политики Германии. В качестве основного источника угроз для немецкой и европейской безопасности признана Российская Федерация. Значительное внимание в коалиционном соглашении черно-красной коалиции уделено миграционному кризису. Внешние и внутренние угрозы безопасности ФРГ рассматриваются канцлером Ф. Мерцем в рамках единого комплекса, требующего системного реагирования со стороны государства.

Ключевые слова: Германия; безопасность; политика безопасности; Фридрих Мерц; ХДС/ХСС, СДПГ, внешняя политика Германии.

SECURITY POLICY OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY: APPROACHES OF THE F. MERZ GOVERNMENT

A. P. Sokolov

Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University),
76 Vernadsky Avenue, Moscow 119454, Russia,
a.sokolov@inno.mgimo.ru

The article is devoted to the examination of the first steps of the Friedrich Merz government in the field of security. The ruling coalition of the CDU/CSU and the SPD, which took office in the spring of 2025, continued to securitize the main directions of Germany's foreign and

domestic policy. The Russian Federation is recognized as the main source of threats to German and European security. Significant attention in the coalition agreement of the black-red coalition is given to the migration crisis. Chancellor F. Merz considers external and internal threats to the security of the FRG within the framework of a single complex, requiring a systemic response from the state.

Keywords: Germany; security; security policy; Friedrich Merz; CDU/CSU, SPD, German foreign policy.

По результатам досрочных выборов в бундестаг 23 февраля 2025 г. победу одержал блок ХДС/ХСС, выдвигавший в качестве кандидата на пост федерального канцлера Ф. Мерца. Консерваторы набрали 28,5 % голосов, улучшив результат осени 2021 г. на несколько процентов. Ближайший преследователь – оппозиционная партия «Альтернатива для Германии» – набрала чуть меньше 21 % голосов [1].

Как показывают опросы общественного мнения и исследования немецких экспертов, одним из основных вопросов, волновавших немецких граждан во время электоральной кампании, был вопрос безопасности. В данном случае безопасность понималась и как категория государственной политики, связанная в внутри- и внешнеполитической проблематикой, и в качестве персональной безопасности, ассоциированной с сохранением привычного уровня жизни и озабоченностью относительно ухудшения криминогенной обстановки в ФРГ. Подобная «секьюритизация» общественного сознания в Германии является следствием как системного ухудшения социально-экономических условий, так и приоритезацией вопросов безопасности со стороны немецкого руководства, выраженной в официальной риторике первых лиц и документах стратегического характера.

Блок ХДС/ХСС, как и оппозиционная АдГ, использовал данные настроения избирателей в своей предвыборной кампании, обещая исправить ошибки «светофорной» коалиции. Ф. Мерц и другие христианские демократы ак-

тивно критиковали правительство О. Шольца с трибуны бундестага и СМИ. После вооруженной эскалации украинского кризиса в феврале 2022 г. ХДС призывал к наращиванию поставок немецкого оружия в распоряжение Киева, в том числе танков, тяжелой артиллерии, самолетов и ракет *Taurus*, выступая в позиции необходимости дальнейшей эскалации конфликта. Центральным внутриполитическим сюжетом, вокруг которого формировалась критика правительства со стороны ХДС стал миграционный кризис. На фоне продолжения притока иностранных граждан на территорию ФРГ и резонансных терактов в немецких городах, совершенных людьми с миграционным прошлыми и даже находящимися в Германии незаконно, христианские демократы требовали ужесточить миграционное законодательство.

Примечательно, что значение миграционной проблемы для немецкого общества сделала возможным совместное голосование фракций ХДС/ХСС и АдГ в бундестаге по инициативе Ф. Мерца об изменениях миграционной политики страны. Ситуативный отход от бойкота «Альтернативы для Германии» вызвал шквал критики на левом фланге немецкой политики, однако в конечном счете не помешал ХДС одержать победу на досрочных парламентских выборах.

Сформировав правящую коалицию вместе с СДПГ весной 2025 г. Ф. Мерц приступил к реализации своих установок в политике безопасности. Коалиционное соглашение между ХДС/ХСС и СДПГ, заключенное 9 апреля 2025 г., продолжает секьюритизированный дух официальных документов ФРГ последних лет [2]. В качестве основной угрозы безопасности Германии фактически обозначена Российская Федерация, которая, впрочем, упоминается в самом документе лишь несколько раз.

С точки зрения внутренних угроз безопасности особое место в коалиционном соглашении отводится миграционному кризису. Его разрешение предполагается реали-

зовать за счет введения мер контроля на границах ФРГ и оптимизации процедуры депортации мигрантов, чье нахождение на территории страны незаконно. При этом необходимость продолжить политику по привлечению квалифицированной рабочей силы и ее интеграции в немецкое общество и экономику не ставится под сомнение.

Подтверждением высокого приоритета вопросов безопасности для канцлера Ф. Мерца является продолжение и расширение военной реформы, начатой в 2022 г. Расходы на оборону были выведены из-под действия «долгового тормоза». Практика создания специального фонда для трат на нужды безопасности получила дальнейшее развитие в виде создания особого фонда в размере 500 млрд евро. Часть средств предполагается направить на модернизацию транспортной инфраструктуры, что позволить решать задачи по ее модернизации как для гражданских, так и для военных целей.

Одним из наиболее важных вопросов военной реформы, который предстоит решить правительству Ф. Мерца, является возобновление комплектования бундесвера на основе всеобщей воинской повинности, отмененной в ФРГ в 2011 г. Задача по увеличению численности немецкой армии до 203 тыс. человек и созданию крупного контингента резервистов не может быть решена при сохранении контрактного принципа комплектования вооруженных сил. Однако данный вопрос требует предметного обсуждения в бундестаге и широкой поддержки в немецком обществе, которое должно переосмыслить свой «постгероический» статус [3].

Первые шаги правительства Ф. Мерца в рамках реализации политики безопасности отчасти возвращают ФРГ к исторической норме «эры Эденауэра», когда молодое западногерманское государство укрепляло свои позиции за счет динамики «холодной войны». Залогом успешного развития Западной Германии ее первые руководители видели в укреплении собственного оборонного потенци-

ала и укреплению союзнических отношений с США. Как отмечал в своих воспоминаниях министр обороны ФРГ Ф.-Й. Штраус: «Решающим мотивом осуществления политики безопасности Конрада Аденауэра было всеобщее, повсеместное ощущение угрозы. Боялись нападения русских, нападения совершенно конкретного, с использованием танков, артиллерии, пехоты. Русские, как рассуждали у нас, не нападут только в том случае, если они так или иначе окажутся вовлеченными в войну с Америкой. Лишь в этом контексте вообще можно понять, почему К. Аденауэр придавал такое большое значение американской гарантии безопасности. Гарантии французов и англичан по сравнению с этим имели меньшее значение; по широко распространенному мнению, их русские совершенно не боялись» [4, с. 249].

Однако немецкие эксперты из Германского общества внешней политики (*DGAP*) (признан нежелательной организацией на территории Российской Федерации) предостерегают от буквального распределения финансового времени на нужды обороны между США и европейскими союзниками по НАТО в равной пропорции [5]. Вместо этого, ЕС необходимо сосредоточиться на развитии тех направлений, где его вклад будет наиболее действенным как для самих европейцев, так и для западного сообщества в целом. Среди таковых выделяют усиление присутствия представителей ЕС на командных позициях в НАТО, развитие средств ПВО, развитие технологий и инфраструктуры получения разведывательных данных, обеспечение возможности ударов по тыловым районам противника, производство дронов и изучение опыта их применения в ходе украинского конфликта.

Секьюритизация внешней и внутренней политики ФРГ на основе противодействия «российской угрозе» будет использоваться правительством Ф. Мерца в качестве объяснительной модели для немецких избирателей, в значительной степени недовольных действиями политиков в

Берлине. С учетом турбулентности в американо-германских отношениях при президенте Д. Трампе, политика безопасности с опорой на трансатлантическое единство позволит немецкому руководству поддерживать отношения с традиционно лояльными ФРГ группами в американской политической элите. Дальнейшая деградация российско-германских отношений с перспективой резонансных провокаций будет дестабилизирующим фактором европейской безопасности.

Библиографический список

1. Bundestagswahl 2025: Endgültiges Ergebnis: Pressemitteilung N 29/25 // Die Bundeswahlleiterin. – 14.03.2025. – URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2025/29_25_endgueltiges-ergebnis.html (date of access: 08.06.2025).

2. Verantwortung für Deutschland. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 21. Legislaturperiode // Der Koalitionsvertrag. – URL: https://www.koalitionsvertrag2025.de/sites/www.koalitionsvertrag2025.de/files/koav_2025.pdf (date of access: 07.06.2025).

3. Тешендорф, П. Просто надеть униформу недостаточно / П. Тешендорф // IPG-Journal: Журнал о международной политике и обществе. – 18.03.2025. – URL: https://www.ipg-journal.io/ru/regiony/evropa/prosto-nadet-formu-ne-dostatochno-2477/ (дата обращения: 07.06.2025).

4. Штраус, Ф.-Й. Воспоминания / Ф.-Й. Штраус. – М.: Междунар. отношения, 1991. – 560 с.

5. Raik, K. Beyond Burden Sharing: Conceptualizing the European Pillar of NATO: DGAP Policy Brief 14 (2025) / K. Raik, M. Terlikowski, M. Baumann // German Council on Foreign Relations. – 17.06.2025. – URL: https://doi.org/10.60823/DGAP-25-42323-en (date of access: 18.06.2025).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-10015, https://rscf.ru/project/24-48-10015/

АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ В АРХИТЕКТУРЕ ООН: ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА

А. И. Федорович

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
fedarovichai@bsu.by

Статья посвящена анализу деятельности Африканского союза в архитектуре Организации Объединенных Наций и трансформации роли Глобального Юга. Устанавливается роль влияния АС на инфраструктуру в рамках ООН, возникающие конфликты интересов и варианты реформ, которые способствовали бы интеграции Союза в обновленную инфраструктуру ООН. Делается вывод о росте влияния Африканского союза в современной архитктуре ООН, что отражается в усилении его роли в миротворческих операциях, активном формировании глобальной повестки, требованиях реформы Советат Безопасности.

Ключевые слова: Африканский союз; Организация Объединенных Наций; Совет Безопасности; Глобальный Юг; Эзулвинийский конснсус; Сиртская декларация; мультилатерализм.

THE AFRICAN UNION IN THE UN ARCHITECTURE: TRANSFORMING THE ROLE OF THE GLOBAL SOUTH

A. I. Fedarovich

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, fedarovichai@bsu.by

The article is devoted to the analysis of the activities of the African Union within the framework of the United Nations architecture and the transformation of the role of the «Global South». The study identifies the Union's influence on the UN infrastructure, emerging conflicts of interest, and possible reform options that would facilitate the Union's integration into a renewed UN system. It concludes that the African

Union's influence within the contemporary UN architecture is increasing, which is reflected in its growing role in peacekeeping operations, active participation in shaping the global agenda, and persistent calls for reform of the Security Council.

Keywords: African Union; United Nations; Security Council; Global South; Ezulwini Consensus; Sirte Declaration; multilateralism.

Современная система международных отношений переживает период глубоких трансформаций, обусловленных смещением центров силы и нарастающим кризисом традиционных институтов глобального управления. На фоне усиливающегося запроса на более инклюзивное и представительное мироустройство, концепция мультилатерализма подвергается существенной переоценке. Одним из наиболее заметных проявлений этих процессов является возрастающая роль акторов Глобального Юга, которые активно стремятся к изменению сложившегося миропорядка и перераспределению влияния на международной арене. В этом контексте Африканский союз (АС) выступает в качестве ключевого коллективного игрока, чья консолидированная позиция и амбиции оказывают все более значительное воздействие на архитектуру Организации Объединенных Наций – центрального элемента системы глобального управления.

Исторически Африканский континент, несмотря на его обширную территорию, демографический потенциал и значение в повестке дня ООН (особенно в вопросах мира и безопасности), был представлен в ключевых органах организации диспропорционально. Однако в последние десятилетия, на фоне укрепления континентальной интеграции, роста экономических показателей и активизации дипломатических усилий, Африканский союз стал выражать коллективные интересы континента, последовательно добиваясь большей справедливости и представительности в глобальных институтах. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью всесторонне-

го анализа динамики взаимодействия АС с ООН, а также понимания того, как это взаимодействие трансформирует глобальную роль «Глобального Юга» и перспективы международного сотрудничества. Цель данной статьи – охарактеризовать эволюцию роли Африканского союза в архитектуре ООН, механизмы и направления его влияния, выявить существующие конфликты интересов и предложить возможные сценарии дальнейшей трансформации глобального управления в контексте возрастающего значения «Глобального Юга».

Источниковую базу исследования составили официальные сайты и документы ООН и Африканского союза, а также такие важные документы как «Эзулвинийский консенсус», «Сиртская декларация» и др., которые оказали существенное влияние на организацию. Эти документы позволили зафиксировать официальные позиции и принятые механизмы сотрудничества. Несмотря на возрастающий интерес к Африканскому союзу как важому актору, по-прежнему наблюдается недостаточность комплексных исследований, всесторонне охватывающих динамику его влияния на архитектуру ООН и трансформацию роли «Глобального Юга» в контексте данного взаимодействия. Это подчеркивает актуальность и научную новизну настоящего исследования.

Возвышение Африканского союза как ключевого актора в международной системе обусловлено как внутренней консолидацией континента, так и стремлением к более адекватному представительству в глобальных институтах. Его роль в архитектуре ООН трансформируется от реципиента помощи и объекта миротворческих усилий к полноценному партнеру и соавтору глобальной повестки.

Исторически африканские государства участвовали в работе ООН индивидуально, что часто приводило к фрагментации усилий и снижению коллективного влияния. Однако создание Организации африканского единства (ОАЕ), а затем ее трансформация в Африканский союз в

2002 г., ознаменовали переход к более скоординированной и единой внешнеполитической позиции континента. АС, обладая собственными институтами, такими как Ассамблея глав государств и правительств, Исполнительный совет и Совет мира и безопасности, стал механизмом для формирования коллективного голоса Африки по ключевым международным вопросам [1; 2].

Одним из наиболее важных направлений взаимодействия АС и ООН является сфера мира и безопасности. Африканский союз активно развивает свои миротворческие и посреднические возможности, стремясь к реализации принципа «африканских решений для африканских проблем». Это находит отражение в регулярном проведении совместных или координируемых миротворческих миссий с ООН, например, в Дарфуре (ЮНАМИД), Сомали (АМИСОМ/АТМИС) и других горячих точках. Такой подход позволяет более эффективно использовать ресурсы и адаптировать операции к местным условиям. Важным требованием, направленным на усиление автономии и возможностей АС в поддержании мира, является его последовательный призыв к более предсказуемому и устойчивому финансированию миротворческих операций, проводимых под его эгидой, путем использования начисленных взносов ООН. Кроме того, АС активно участвует в превентивной дипломатии и посредничестве в региональных конфликтах, часто в тесной координации с ООН, что позволяет своевременно реагировать на кризисные ситуации [3; 4].

Африканский союз является одним из самых последовательных и организованных сторонников реформы Совета Безопасности ООН. Это требование зафиксировано в «Эзулвинийском консенсусе» и «Сиртской декларации» 2005 г., которые призывают к расширению Совета Безопасности ООН. АС настаивает на увеличении числа постоянных и непостоянных мест в Совете Безопасности, утверждая, что Африка должна иметь не менее двух постоянных мест (с правом вето) и пять непостоянных мест. Это тре-

бование основано на принципах исторической справедливости, демографического представительства и того факта, что значительное большинство вопросов в повестке Совета Безопасности касаются африканского континента. Для АС реформа Совета Безопасности ООН является не только вопросом представительства, но и шагом к устранению дисбалансов, унаследованных от колониальной эпохи, и к формированию более справедливого мирового порядка [5; 6].

Помимо мира и безопасности, Африканский союз активно влияет на повестку ООН в сферах устойчивого развития, изменения климата, борьбы с бедностью и гуманитарных вопросов. АС играет ключевую роль в адаптации Целей устойчивого развития (ЦУР) к африканским реалиям через свою «Повестку дня 2063» и активно участвует в международных переговорах по климату, требуя справедливого распределения ответственности и финансовых ресурсов для развивающихся стран. АС также является активным участником дебатов по вопросам миграции и гуманитарных кризисов, выступая за солидарность и ответственность международного сообщества. В целом, институционализация Африканского союза и его последовательная дипломатия привели к качественной трансформации его роли в архитектуре ООН. От пассивного объекта международной политики АС превратился в активного субъекта, способного формулировать и продвигать коллективные интересы, тем самым меняя динамику глобального управления [7].

Несмотря на возрастающее признание роли Африканского союза в ООН, его взаимодействие с глобальной организацией и другими акторами неизбежно порождает конфликты интересов, которые создают значительные вызовы для эффективности мультилатерализма и могут затруднять достижение консенсуса и реализацию общих целей.

Наиболее острый конфликт интересов возникает в вопросе реформы Совета Безопасности. Требование АС о двух постоянных местах с правом вето и пяти непостоян-

ных местах встречает сопротивление как со стороны некоторых действующих постоянных членов, опасающихся размывания своего влияния, так и со стороны отдельных стран Африки, которые могут иметь собственные амбиции на представительство. Этот «внутриафриканский» раскол, хотя и не всегда публичный, ослабляет единую позицию АС и затрудняет достижение консенсуса.

Помимо этого, существуют разногласия по вопросам миротворчества и вмешательства. Хотя АС и ООН активно сотрудничают в миротворческих операциях, нередко возникают противоречия относительно мандатов миссий, их финансирования и принципов вмешательства. АС настаивает на большей автономии в принятии решений по африканским конфликтам, что иногда противоречит подходам ООН или позициям стран-доноров. Вопросы суверенитета и невмешательства часто поднимаются АС в контексте внешних интервенций, что может вызывать напряженность с державами, придерживающимися иных доктрин.

Значительные вызовы создают финансовые и ресурсные ограничения. Несмотря на растущее влияние, Африканский союз и его члены часто сталкиваются с существенными финансовыми и ресурсными ограничениями, что приводит к зависимости от внешней помощи. Это может вызывать трения с донорскими странами, которые нередко выдвигают свои условия, а также конфликты возникают вокруг механизмов распределения глобальных ресурсов для развития и борьбы с изменением климата [8].

Также следует отметить различия в национальных интересах внутри самого АС. Хотя АС представляет собой консолидированную структуру, интересы 55 государств-членов не всегда совпадают. Экономические, политические и культурные различия между субрегионами или отдельными странами могут ослаблять единую позицию АС на международной арене, делая процесс переговоров в ООН более сложным и требующим больших усилий по внутриорганизационной координации.

Наконец, влияние внерегиональных держав также способно создавать конфликты интересов. Некоторые внешние акторы, имеющие свои интересы в Африке, могут пытаться влиять на позицию отдельных членов АС или на весь Союз, что также может создавать конфликты интересов и усложнять взаимодействие с ООН, поскольку это приводит к конкуренции влияний на африканском континенте. Эти конфликты интересов, хотя и являются частью сложной динамики международных отношений, требуют постоянного диалога и поиска компромиссов для эффективного функционирования системы глобального управления и реализации потенциала сотрудничества между ООН и Африканским союзом.

Осознание возрастающей роли Африканского союза и существования конфликтов интересов диктует необходимость реформирования ООН с целью повышения ее легитимности, эффективности и представительности. Интеграция АС в обновленную архитектуру ООН является одним из ключевых направлений этих реформ.

Наиболее сложным, но критически важным аспектом является реформа Совета Безопасности ООН с учетом «Эзулвинийского консенсуса». Ключевым требованием АС остается предоставление как минимум двух постоянных мест с правом вето и пяти непостоянных мест. Реализация этого варианта станет важным шагом к устранению исторической несправедливости и обеспечит более справедливое представительство. Однако это требует изменения Устава ООН и согласия действующих постоянных членов, что является наиболее серьезным препятствием. В случае невозможности полноценной реформы Совета Безопасности, могут быть рассмотрены промежуточные решения, такие как увеличение числа непостоянных мест для Африки, предоставление АС статуса «специального наблюдателя» на заседаниях Совета Безопасности или создание регулярных консультативных механизмов, которые позволят более эффективно учитывать африканскую позицию.

Помимо этого, критически важным является укрепление партнерства между ООН и АС в сфере мира и безопасности. Это предполагает обеспечение предсказуемого и устойчивого финансирования миротворческих миссий АС из начисленных взносов ООН, что позволит АС более эффективно планировать и проводить операции, снижая зависимость от добровольных доноров. Также необходима разработка более четких рамок для совместного планирования, обучения и проведения миротворческих операций, что повысит их эффективность и легитимность. Кроме того, следует усилить совместные механизмы предотвращения конфликтов и посредничества, расширяя сотрудничество между Департаментом по политическим вопросам и вопросам миростроительства ООН и Советом мира и безопасности АС.

Не менее важным является повышение роли АС в других органах ООН. Это может быть достигнуто путем укрепления взаимодействия с Генеральной Ассамблеей через предоставление АС более активного статуса, включая возможность инициирования резолюций или более широкого участия в дебатах по вопросам, касающимся Африки. Также необходимо усилить консультативный статус АС в Экономическом и Социальном Совете для более эффективного продвижения африканской повестки в вопросах устойчивого развития, изменения климата, бедности и здравоохранения. Кроме того, расширение представительства африканских экспертов и граждан АС в секретариате ООН и ее специализированных учреждениях будет способствовать более глубокой интеграции африканской перспективы в работу организации.

Наконец, в условиях, когда полномасштабная реформа затруднена, ООН может сосредоточиться на развитии «гибкого мультилатерализма». В рамках этого подхода АС будет выступать как равноправный партнер в решении конкретных глобальных проблем, формируя коалиции по интересам. Это может включать совместные инициативы

в области борьбы с терроризмом, реагирования на пандемии или реализации проектов устойчивого развития. Реформирование ООН с учетом возрастающей роли Африканского союза является не только вопросом справедливости, но и императивом для сохранения релевантности и эффективности глобального управления.

Проведенный анализ демонстрирует глубокую трансформацию роли Африканского союза в архитектуре ООН, что отражает возрастающее влияние «Глобального Юга». АС, консолидируя интересы континента, активно утверждает себя как ключевой субъект глобального управления, стремящийся к более справедливому представительству в международных институтах. Это проявляется в его последовательных требованиях о реформе Совета Безопасности ООН, значительном вкладе в миротворчество и активном участии в формировании глобальной повестки. Однако этот процесс не лишен серьезных конфликтов интересов, как между АС и традиционными центрами силы, так и внутри самого Союза. Эти противоречия создают значительные препятствия для эффективной работы ООН, делая реформирование организации не просто желательным, а необходимым.

Библиографический список

1. Учредительный акт Африканского союза : [совершено в г. Ломе (Того) 12 июня 2000 г.] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901880996 (дата обращения: 03.06.2025).

2. African Union : [site]. – URL: https://au.int/ (date of access: 04.06.2025).

3. UNAMID : [site]. – URL: https://unamid.unmissions.org/ (date of access: 04.06.2025).

4. ATMIS / AUSSOM : [site]. – URL: https://atmis-au.org/ (date of access: 04.06.2025).

5. The Common African position on the proposed reform of the united nations: «the Ezulwini consensus» : AU Doc. Ext/EX.CL/2 (VII) //

Center for UN Reform Education. – URL: https://old.centerforunreform.org/sites/default/files/Ezulwini%20Consensus.pdf (date of access: 04.06.2025).

6. Sirte Declaration on the Reform of the United Nations : AU Doc. Assembly/AU/Decl. 2 (V), 05.07.2005 // African Union. – URL: https://archives.au.int/handle/123456789/286 (date of access: 05.06.2025).

7. United Nations system support for Agenda 2063: The Africa We Want // United Nations. – URL: https://www.un.org/osaa/reports-and-publications/secretary-generals-reports/un-system-support-agenda-2063/united-nations (date of access: 05.06.2025).

8. Осуществление резолюций Совета Безопасности 2320 (2016) и 2378 (2017) и соображения относительно финансирования операций Африканского союза по содействию миру, санкционированных Советом Безопасности, и предоставление им мандатов : док. ООН S/2003/303 // Цифровая библиотека ООН. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/4010395 (дата обращения: 03.06.2025).

ПОЛИХРОННОСТЬ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ЕВРОПОЦЕНТРИЗМА В ИЗУЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАДАЧИ

В. В. Фрольцов

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, froltsov@bsu.by

В статье обоснована необходимость перехода от европоцентричной к современной многополярной парадигме в изучении международных отношений на основе полихронности актуальных событий, явлений и процессов, которые развиваются одновременно и независимо друг от друга в различных центрах мировой политики XXI в. Выделено формирование новой геополитической реальности – Глобального Юга как следствие деколонизации и потери бывшими европейскими метрополиями опережающих темпов экономического роста на фоне успеха национальных экономик многих их бывших колоний. Отмечено, что в отличие от двух классических школ науки о международных отношениях: реализма и идеализма, которым присущи монохронность и европоцентризм со времени проведения первых теоретических «Больших дебатов» в 1930-е гг., представители критических направлений и, прежде всего, конструктивизма и неомарксизма исходят в изучении государств Азии, Африки и Латинской Америки из полихронности их развития в контексте формирующейся многополярности. Такой подход характерен также для белорусских исследователей, что позволяет дать развернутое системное представление о роли Китая, ведущих государств Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока в контексте формирования нового многополярного мирового порядка.

Ключевые слова: Европоцентризм; полихронность; монохронность; Глобальный Юг; деколонизация; «Большие дебаты»; теория международных отношений; реализм; идеализм; белорусская школа изучения международных отношений.

POLYCHRONICITY AND OVERCOMING EUROCENTRISM IN THE STUDY OF INTERNATIONAL RELATIONS AS A RELEVANT RESEARCH ISSUES

V. V. Froltsov

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, froltsov@bsu.by

The article substantiates the necessity for a transition from a Eurocentric to a relevant multipolar paradigm in the study of International Relations based on the polychronicity of topical events, phenomena and processes developing simultaneously and independently of each other in various centers of world politics in the 21st century. The formation of a new geopolitical reality, and namely the Global South as a consequence of decolonization and the loss of the former European metropolises' accelerated rates of economic growth against the background of the success of the national economies of many of their former colonies is highlighted. It is noted that, unlike the two classical schools of International Relations study: realism and idealism, which both have been characterized by monochronicity and Eurocentrism since the first theoretical «Great Debates» in the 1930s, researchers from the critical schools and, above all, constructivism and neo-Marxism proceed in the study of the Asian, African and Latin American countries from the polychronicity of their development in the context of the emerging multipolarity. This approach is also typical for Belarusian researchers, which allows them to provide a comprehensive systemic understanding of the role of China, and the leading powers of Latin America, Africa, and the Middle East in the context of a new multipolar world order creation.

Keywords: Eurocentrism; polychronicity; monochronicity; the Global South; decolonization; «the Great Debates»; Theory of International Relations; realism; idealism; Belarusian School of International Relations.

Необходимость системного и всестороннего изучения Глобального Юга как новой геополитической реальности в условиях формирования нового мирового порядка в

XXI в. обусловила широкое обсуждение проблемы преодоления европоцентризма как традиционной исследовательской парадигмы в сфере международных отношений. На протяжении многих десятилетий развития двух классических научных школ: реализма и идеализму их видные представители исходили из безусловного и неоспоримого преимущества в мировой политике и экономике ведущих держав Европы, включая СССР, а также США и Японии. Научно-категориальный аппарат и общепризнанная методология классической теории международных отношений сложились в целом к 1930-м гг., когда состоялись первые «Большие дебаты» – широкая академическая дискуссия между реалистами и идеалистами по поводу возможности сохранения мира в условиях формирования блока реваншистских держав и неизбежности войны.

Помимо окончательного разделения двух соперничающих школ первые дебаты стали очевидным свидетельством европоцентризма как определяющей парадигма в изучении международных отношений. Их актуальное состояние и динамика на протяжении столетий определялись раскладом сил между великими державами Европы. Лишь к концу XIX в. к ним присоединились США и Япония, однако исход глобального противостояния, которое обсуждали участники дебатов, должен был определить исход геополитического соперничества именно в Старом Свете. Европоцентризм лег в основу определении двух важнейших понятий формирующейся науки о международных отношениях.

В качестве их основного субъекта выступало *суверенное государство*, политико-правовой статус которого был определен в результате Вестфальского мира 1648 г., позволившего создать одноименную *систему* международных отношений, опиравшуюся на принципы уважения суверенитета европейских государств и поддержания баланса сил в Европе. И Вестфальская, и Венская, и Версальско-Вашингтонская системы были созданы европейскими держа-

вами для преследования собственных интересов. Поэтому суверенные права стран Азии и Африки игнорировались, если они не были способны отстоять их путем применения силы, как это получилось, к примеру, у Японии. Вся остальная часть мира была поделена между колониальными державами. Сложные вассальные межгосударственные отношения между странами Азии и Африки, которые формировались на протяжении веков, если не тысячелетий, и подразумевали иное понимание субъектности, уничтожались в ходе колониальной экспансии, как это произошло, к примеру, на Индийском субконтиненте после создания Британской Индии. Региональные системы международных отношений в Восточной и Южной Азии, Тропической Африке, ранее в Центральной и Южной Америке создавались и функционировали в течении многих веков на принципах, отличных от европейских. Однако они были полностью разрушены, так как сами эти регионы оказались разделены на колониальные владения, протектораты и зависимые территории европейских держав.

Победа стран Антанты в Первой мировой войне привела к еще большему усилению европоцентризма в мировой политике. Прекратила существование Османская империя, а ее бывшие владения перешли под контроль Великобритании и Франции. Япония не смогла добиться поставленных целей в Восточной Азии. В Италии, также недовольной результатами Первой мировой войны, все большей популярностью стала пользоваться идея взять реванш в Африке, превратив Эфиопию в итальянскую колонией, тем самым стерев с ее политической карты единственное полностью суверенное государство.

В этом историческом контексте европоцентризм не подвергался сомнению в качестве исследовательской парадигмы науки о международных отношениях и сохранял эту роль вплоть до 1960-х гг., когда процесс деколонизации привел к появлению третьего мира – более сотни новых независимых государств Азии, Африки, Латинской

Америки, Океании, которые не торопились присоединяться ни к западному, ни и к советскому блоку. Ключевой характеристикой Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений традиционно называется ее биполярность. Однако фактически она перестала полностью отражать сложный многоуровневый характер послевоенного мироустройства после Бандунгской конференции 1955 г., давшей старт созданию Движения неприсоединения. К началу XXI в. в него входили 120 государств, включая Республику Беларусь, а также 20 стран и 10 международных организаций в статусе наблюдателей [1].

На протяжении последних десятилетий «холодной войны» главной слабостью стран третьего мира были неразвитые национальные экономики, созданные в период европейского управления с целью максимальной эксплуатации местных природных ресурсов и рабочей силы, а также использования колониальных рынков для неограниченного импорта товаров из метрополий, что приводило к разорению местных производителей. Зависимые от экспорта сырья экономики новых стран оказались вынуждены ориентироваться на бывшие колониальные державы, которые по-прежнему выступали в качестве основных покупателей их природных ресурсов. По этой причине выбор ускоренной индустриализации, создания собственной технологической основы и подготовки образованных специалистов для производства промышленных товаров был характерен для руководства большинства развивающихся стран. Советский Союз с готовностью оказывал такую помощь, зачастую она была безвозмездной, что предопределило в значительной мере успехи современной политики России как преемника СССР в Африке и других развивающихся регионах мира. Очевидным примером может послужить такое знаковое политическое событие, как Второй саммит «Россия – Африка», который состоялся в конце июля 2023 г. в Санкт-Петербурге с участием официальных делегаций 45 из 54 африканских государств [2].

К началу нынешнего столетия стало очевидно, что многие государства Глобального Юга создали эффективные модели экономического развития, что позволило им обогнать бывшие метрополии и занять важное место в мировой экономике XXI в. Именно развивающиеся страны демонстрируют наиболее впечатляющие темпы экономического роста, формируют актуальную конъюнктуру глобального инвестиционного рынка и вынуждают прежних лидеров экономического развития и, в первую очередь, США переходить к протекционистским мерам, характерным для конца XIX – начала XX вв. Формат геополитического структурирования Глобального Юга, тем не менее, пока еще находится в процессе поиска. На эту важную роль, безусловно и прежде всего, претендует БРИКС, однако в условиях обострения соперничества со странами Запада государствам Глобального Юга может понадобиться более тесное и институализированное объединение усилий.

Новая геополитическая реальность, где Европа – лишь один из центров мировой политики, а руководство США испытывает все большее беспокойство по поводу вероятной будущей утраты статуса единственной сверхдержавы, предопределила переход большинства исследователей к новой парадигме изучения современных международных отношений. В ее основе находится многополярность, определяющая сложно-зависимый и равноправный характер отношений между различными региональными центрами. Важнейшие события, явления и процессы происходят в них параллельно и одновременно, и далеко не всегда они могут быть связаны, хотя традиционный подход к исследованию международных отношений, особенно укорененный в период «холодной войны», подразумевает выявление и раскрытие роли великих держав в любом серьезном региональном конфликте или ином политическом процессе. Характерным примером здесь может послужить очередное обострение отношений между Индией и Пакистаном в конце апреля 2025 г. Несмотря на само-

стоятельность внешней политики обеих региональных держав и очевидные предпосылки продолжающегося на протяжении почти восьми десятилетий конфликта о принадлежности Кашмира, в глобальном информационном пространстве все же начался поиск «внешнего влияния» в действиях и Индии, и Пакистана.

Обусловленная существованием многих и достаточно независимых центров принятия решений в мировой политике, сосредоточенных в различных регионах мира, полихронность стала одной из наиболее характерных тенденций развития международных отношений в начале XXI в. Их многополярный характер уже не может объективно и всестороннее отразить типичная для классических школ реализма и идеализма монохронность, исходящая из определяющих для всего мира политических событий, явлений и процессов в Европе и связанных с ней иных странах Западного мира.

Полихронный подход не является принципиально новым для современной науки о международных отношениях. Он применялся конструктивистами, марксистами и неомарксистами, постмодернистами и представителями других критических направлений в теории международных отношений, прежде всего, для сравнительных исследований политики различных государств, учитывая их значительные культурные и социальные различия. В этой связи особенно справедливым представляется утверждение российского исследователя Т. А. Алексеевой, что не следует упрощать «многокрасочную теоретическую картину» формирования науки о международных отношениях, рассматривая ее лишь через призму «Великих дебатов», что «примитивизирует и упрощает ход становления и развития науки» [3, с. 31].

Обоснованный отказ от европоцентризма и полихронность были также характерны для исследователей, в фокусе научных интересов которых были особенности политического развития и внешней политики государств

Азии, Африки, Океании и Латинской Америки. После деколонизации и обретения независимости их правительства стремились найти собственные самобытные пути построения государственности, предложить уникальные социально-экономические модели с опорой на цивилизационные и культурно-исторические особенности. Характер и динамика этих процессов не отражали европейские представления о обязательных стадиях и закономерностях развития общества и государства. Это требовало разработки отдельной теоретико-методологической основы для изучения каждого региона, а иногда и государства, если речь шла о таких «странах–цивилизациях», как Китай или Индия.

В ходе формирования белорусской школы исследования международных отношений эту важную задачу успешно решали ученые-китаисты. Среди них необходимо, прежде всего, указать профессоров А. М. Байчорова, Р. О. Есина, Ю. И. Малевич, В. М. Мацеля, доцентов В. Р. Борового, О. П. Рубо, И. А. Чувилова. Приверженность цивилизационному подходу с опорой на полихронность отличала работы исследователя-латиноамериканиста профессора А. А. Челядинского, который в начале XXI в. также обратился к всестороннему изучению Африки как нового, усиливающегося регионального центра в современных международных отношениях [4]. В научной дискуссии об историческом и актуальном определении ближневосточного региона приняли участие доценты Ф. С. Саллум и Д. Л. Шевелёв [5; 6]. С открытием в 2025 г. новой практико-ориентированной специальности «Африканистика» на факультете международных отношений БГУ возросла востребованность публикаций, посвященных тенденциям и особенностям развития как отдельных государств Африки, так и континента в целом. Африканской проблематикой, помимо упомянутого выше А. А. Челядинского, начали заниматься профессоры Ю. И. Малевич, С. Ф. Свилас, В. В. Фрольцов, доценты О. С. Журавская, А. В. Селиванов,

И. А. Чувилов, старший преподаватель К. И. Ярмошук, молодые исследователи С. В. Андрощук и А. А. Половинский.

Полихронность является неотъемлемым элементом научно-теоретической основы и для подготовки новых учебно-методических изданий для будущих специалистов в сфере международных отношений. Среди них следует упомянуть электронный учебно-методический комплекс «Политическое страноведение» по новой профильной дисциплине, которая включена в учебные планы сразу четырех специальностей, нацеленных на подготовку современных специалистов в сфере международных отношений, международной конфликтологии, мировой экономики и международной логистики. Разработку планируется использовать и для подготовки будущих специалистов-африканистов. Ее автором выступил молодой исследователь, кандидат политических наук, доцент И. А. Чувилов, который сбалансировал освещение различных стран и регионов таким образом, чтобы дать студентам системное представление о многообразии путей развития человечества, разных цивилизационных и культурно-исторических традициях организации общества и государства [7].

Таким образом, постепенный переход от классического европоцентризма к новой многополярной парадигме изучения международных отношений, которая опирается на полихронность, является актуальной исследовательской задачей для современного поколения белорусских ученых-международников. Вместе с тем, разработка и научно-практическая апробация теоретико-методологической основы для системной и всесторонней характеристики регионов и ключевых государств Глобального Юга в контексте формирования нового многополярного мирового порядка будет опираться на уже накопленный разносторонний опыт политического страноведения и регионоведения. Такой вывод следует сделать с учетом сформированных в предыдущие десятилетия академических традиций изучения белорусскими исследователями

государств Азии, Африки, Латинской Америки, которые также нашли отражение в многочисленных научных и учебно-методических изданиях. научно-практических рекомендациях и публикациях.

Библиографический список

1. History // The Non-Aligned Movement (NAM). The Uganda Chairmanship 2024–2027. – URL: https://nam.go.ug/history (date of access: 25.04.2025).

2. Подведены итоги второго Саммита и Экономического и гуманитарного форума «Россия – Африка» // Саммит «Россия – Африка». – 2023. – URL: https://summitafrica.ru/archive/2023/summit-outcomes/ (дата обращения: 27.03.2025).

3. Алексеева, Т.А. Рождение мифа: начало первых «Великих дебатов» в теории международных отношений / Т. А. Алексеева // Вестн. МГИМО-Университета. – 2015. – № 6 (45). – С. 30–39. – URL: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-6-45-30-39 (дата обращения: 27.03.2025).

4. Челядинский, А. А. Африка в современном мире / А. А. Челядинский, С. А. Лашкевич. – Минск : Право и экономика, 2010. – 321 с.

5. Шевелёв, Д. Л. Ближний Восток и системы международных отношений: принципы, хронология, теории / Д. Л. Шевелёв // Журнал международного права и международных отношений. – 2020. – № 1-2 (92-93). – С. 27–36. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/247660 (дата обращения: 27.03.2025).

6. Salloum, F. S. Evolution of the term «Greater Middle East» / F. S. Salloum // Journal of Belarusian State University. International Relations. – 2019. – N 2. – P. 24–30. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/241612 (date of access: 27.03.2025).

7. Чувилов, И. А. Политическое страноведение : электронный учебно-методический комплекс для специальностей: 6-05-0312-02 «Международные отношения», 6-05-0312-04 «Международная конфликтология», 6-05-0311-03 «Мировая экономика», 6-05-1036-04 «Международная логистика» / И. А. Чувилов ; БГУ. – Минск : БГУ, 2025. – 277 с.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА (1941–1945 гг.)

А. А. Челядинский

Институт истории НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь,
mamachel1952@mail.ru

Актуальность темы обусловлена отутствием в современной науке комплексных исследований о проблеме поддержки народами и государствами Латинской Америки в Великой Отечественной войне советского народа (1941–1945 гг.). Устанавливаются этапы развития солидарности с СССР, включая установление с ним дипломатических отноешний и заканчивая объявлением войны фашистской Германии и милитаристской Японии. Показана важная роль славянских комитетов Латинской Америки.

Ключевые слова: Латинская Америка; СССР; Германия; США; славянские комитеты.

THE GREAT PATRIOTIC WAR AND LATIN AMERICA (1941–1945)

A. A. Chelyadinsky

The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
1 Academic Street, Minsk 220072, Belarus, mamachel1952@mail.ru

The relevance of the topic is due to the lack of comprehensive research in modern science on the problem of support by the peoples and states of Latin America in the Great Patriotic War of the Soviet people (1941–1945). The stages of the development of solidarity with the USSR are revealed, including the establishment of diplomatic relations with it and the declaration of war on fascist Germany and militaristic Japan. The role of the Slavic committees of Latin America is indicated.

Keywords: Latin America; USSR; Germany; USA; Slavic committees.

Борьба советских людей против фашистской Германии нашла отклик в странах Латинской Америки. Этот отклик проявился в двух аспектах. Первый – правящие круги континента должны были как-то реагировать на агрессию нацистов против СССР. В первый год войны их реакция была в основном настороженно-наблюдательной, поскольку успехи вермахта на Восточном фронте шокировали. Лишь министерство иностранных дел Мексики в своем заявлении от 24 июня 1941 г. осудило агрессию Германии, назвав ее «одним из наиболее трагических нарушений международной этики, когда-либо отмеченных в истории [1, с. 13]. Проблема состояла в том, что все государства континента, кроме Колумбии, не имели дипломатических отношений с СССР.

Кроме этого, в Латинской Америке, еще до прихода А. Гитлера к власти, проживало более 2 млн немцев. Среди них были довольно влиятельные прогермански настроенные элементы, которые после 1933 г. стали объединяться в политические партии, ставящие своей целью свержение буржуазных правительств и создание на их месте фашистских государств, которые копировали бы государственный строй нацистской Германии. Последняя, рассчитывая на скорую победу над СССР, планировала войну с США именно с территории Латинской Америки [2, p. 95].

Движение солидарности в СССР на его **начальном этапе** проходило в форме митингов, демонстраций, собраний в поддержку советского народа. В Аргентине 22 июня 1941 г. тысячи жителей Буэнос-Айреса направились в морской порт, чтобы приветствовать моряков, стоящих у причалов советского парохода «Тбилиси» [3, с. 147]. 23 июня Компартия Аргентины напечатала обращение к народу страны, где, осудив нападение Германии, выражала уверенность, что «гитлеровские свиньи, которые суют свое свиное рыло в советский огород, получат сокрушительный удар» [4, с. 36]. Безусловно, такие оптимистические настроения были навеяны, видимо, тогдашней советской пропагандой о скорой победе над врагом.

Действительность была другой. Тем не менее, широкие социальные слои Латинской Америки были восхищены решимостью, твердостью и героизмом советских людей, а компартии разъясняли народам континента новый характер войны, необходимость активного участия своих государств в деле разгрома стран «оси» и оказания действенной помощи, которая не ограничивалась бы **простым объявлением войны**. Но с последним были проблемы. И дело заключалось не только в сопротивлении сторонников Германии, особенно в Аргентине, Чили, Уругвае. Все ожидали реакции США. Но пока они официально не вступали в войну и сделали это только в декабре 1941 г. после разгрома Тихоокеанского флота США в Перл-Харборе. Уже в январе 1942 г. на совещании в Рио-де-Жанейро Латиноамериканских стран и США был рекомендован разрыв дипломатических отношений с державами «оси» и немедленным прекращением «всяких торговых и финансовых отношений с ними» [5, с. 59]. Во многом такая политика правящих кругов объяснялась давлением и движением солидарности с СССР, которое возглавили не только компартии, но и крупнейшие организации континента и отдельных стран – Конфедерация Трудящихся Латинской Америки (КТЛА), Конфедерация Трудящихся Кубы и Федерация крестьян Кубы, Демократический антифашистский союз Чили, Аргентинский демократический союз и др. В их состав входили известные представители творческой интеллигенции континента – Хорхе Саламеа Борда (Колумбия), поэты Пабло Неруда (Чили), Хуан Маринелья (Куба), Х. Мансисидор (Мексика). Они подчеркивали, что солидарность с СССР одновременно является борьбой против фашистских организаций в самой Латинской Америке. Эквадорский писатель Х. Икаса в обращении к советскому народу подчеркивал, что только его героизм «оказался в состоянии внушить надежду на освобождение отчаявшемуся человечеству от кровожадности фашистов и поставленных преград» [1, с. 16].

Второй этап солидарности с СССР возник после разгрома вермахта под Москвой, когда в Латинской Америке начался для нашей страны и ее армии сбор денежных и материальных средств. На Кубе была организована отправка в СССР 1 млн сигарет и 40 тыс. мешков сахара. Тысячи рабочих Аргентины отдали свой однодневный заработок, а также деньги за сверхурочную работу в фонд помощи СССР. Аргентинский демократический союз собрал 100 тыс. песо для закупки медицинских препаратов для СССР. Молодежные организации страны собрали средства на покупку 1 млн бинтов для раненых бойцов Советской Армии. В Чили 20 тыс. шахтеров и 30 тыс. рабочих селитренных предприятий и медных рудников работали сверхурочно для отправки продукции в СССР. В середине июня 1942 г. антифашисты Кубы собрали в пользу нашей страны более 110 т различных товаров, включая сгущенное молоко, табак, мыло, сигареты. Автору данного материала удалось прочитать, что два брата мексиканцы Хорхе и Альдо Виво Эското воевали против вермахта на Ленинградском фронте. Младший – Альдо – погиб, так же, как и кубинец Энрике Вилер в Польше в 1944 г. [6, с. 54].

Говоря о поддержке СССР в Латинской Америке в борьбе против фашизма необходимо отметить и роль славянской трудовой эмиграции, насчитывающей 2 млн человек. Один из первых славянских комитетов помощи СССР был создан в столице Кубы – Гаване. Это произошло уже на пятый день после вторжения вермахта на территорию нашей страны на митинге Белорусско-украинского комитета Гаваны – организации, созданной 1 ноября 1939 г. под влиянием присоединения Западной Беларуси и Западной Украины к СССР. Среди ораторов, выступивших на митинге с осуждением фашистской агрессии против СССР, был член секретариата Революционно-коммунистического союза К. Р. Родригес – будущий одним из руководителей народной Кубы. Тогда же был осуществлен первый сбор средств в фонд помощи СССР. 9 ноября 1941 г. возник пер-

вый комитет помощи родине при белорусско-украинском культурно-просветительском обществе в Сан-Паулу (Бразилия). В рамках отдельных национальных групп происходил процесс консолидации антифашистских сил славянской эмиграции. В декабре 1941 г. был образован Комитет за единство славян в Аргентине, в Уругвае в 1943 г. – Славянский союз, в конце 1941 г. – Межславянский комитет Чили, общество «Славянин» Парагвая [1, с. 33].

В период своей деятельности славяне Латинской Америки наряду с выражением моральной поддержки советским людям оказывали им и эффективную материальную помощь. В начале 1942 г. на борт находившихся в порту Буэнос-Айреса советских судов «Маяковский» и «Сахалин» было погружено несколько сотен тонн подарков, собранных трудящимися Аргентины, в том числе и иммигрантами-славянами. В частности, на «Сахалин» были доставлены контейнеры весом 500 т. с одеждой, продовольствием, медикаментами. Когда судно вышло в море, его догнали на самоходных баржах югославские моряки и передали советским друзьям еще 100 контейнеров с подарками. Поскольку Панамский канал на входе и выходе контролировался немецкими подводными лодками, то кораблям пришлось идти через Магелланов пролив.

В 1943–1945 гг. в регионе родилось много славянских организаций, развернувших широкую работу по сбору материальных средств в СССР. Особенно активную работу проводил основанный в сентябре 1943 г. в Сан-Паулу Русский комитет помощи жертвам войны. 18 марта он организовал благотворительный фестиваль в помощь СССР, где была собрана огромная сумма – 500 тыс. крузейро. В декабре 1944 г. комитет отправил в СССР 21 контейнер с теплой одеждой, а в 1945 г. 48 контейнеров на сумму почти 1 млн крузейро.

Кампания солидарности с СССР, развернувшаяся в Латинской Америке, ускорила процесс нормализации дипломатических отношений государств континента и нашей

страны. Влияние и престиж этой кампании были таковы, что в ней принимали участие не только общественные, профсоюзные деятели, но и члены правительств. Первой это сделала Куба. 5 октября 1942 г. государственный министр Х. А. Мартинес направил ноту В. М. Молотову, в которой отметил, что нота имеет своим предметом оформить, в их полном объеме, дипломатические и консульские отношения между Республикой Куба и СССР [7, с. 37]. Пример Кубы оказал влияние на 12 государств региона, которые разорвали отношения с державами «оси». Вслед за Кубой дипломатические отношения с СССР заключила Мексика.

На митинге солидарности 29 октября 1942 г. в Мексике присутствовали министры правительства, где глава МИД Э. Падилья сообщил, что «отдавая дань уважения народу, который своим героическим сопротивлением жестокой агрессии нацистской диктатуры, спас демократию», Мексика восстанавливает отношения с СССР 12 ноября 1942 г. [8, с. 100–101].

Вместе с тем, кубинцы, мексиканцы, бразильцы, как и другие народы региона, внимательно следили за тем, чем закончится битва под Сталинградом. Уже 7 января 1943 г. президент Мексики Авила Камачо в послании И. Сталину отмечал, что «битва на Волге наряду с обороной Москвы, Ленинграда войдет в историю как одни из самых блестящих страниц советской истории» [9, p. 34]. Мексика предприняла военные действия в борьбе с Германией и Японией. 15 тыс. мексиканских солдат сражались в войсках США, высадившихся в Нормандии, а летчики страны воевали на японском театре.

В целом, те 12 стран, которые разорвали отношения с Германией и Японией, установили или восстановили (как Уругвай) дипломатические отношения с СССР. Но те страны, где было очень сильное влияние Германии и Италии, дипломатически признали СССР гораздо позже. Например, Бразилия, в августе 1942 г., отказавшись от нейтралитета, объявила войну Германии участием своего

экспедиционного караула в Северной Африке и Италии, установила дипломатические отношения с СССР только в марте 1945 г., Чили сделала этот чуть раньше – в декабре 1944 г., а Аргентина только в июне 1946 г. Поэтому не случайно эти страны, а также Парагвай, стали прибежищем для 200 тыс. нацистских преступников, в том числе штандартенфюрера СС В. Рауффа, одного из создателей «душегубки», опробованной в Новинках в 1942 г. В 1973 г. он стал советником А. Пиночета [10, с. 10].

Начало 1945 г. в Латинской Америке встретили с надеждой на окончательную победу над фашизмом. Победа СССР и разгром германского фашизма, а потом и японского милитаризма были с энтузиазмом встречены в самых широких кругах континента. В современных условиях гибридной войны стран Запада против России и Беларуси, в попытках принизить или даже отрицать роль наших народов в разгроме Германии и Японии, **актуально** звучали слова президента Колумбии Льераса Камарго в его приветствии И. Сталину 4 сентября 1945 г.: «Советские солдаты первыми добились того, что свели на нет усилия врага, изменили ход войны, достигнув наиболее полной победы, превосходящей любую победу, одержанную когда-либо вооруженными силами союзников» [11, с. 11–12]. В этих словах – глубокая оценка роли Советского Союза, а также выражение признательности народов Латинской Америки, представители которых, в лице президента Бразилии Луиса Инасиу да Силвы, президента Венесуэлы Николаса Мадуро и президента Кубы Мигеля Диаса-Канеля присутствовали 9 мая 2025 г. на Параде в Москве, посвященного 80-летней годовщине победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Библиографический список

1. Советский Союз – Латинская Америка в годы Второй мировой войны : [сб. ст. и воспоминаний]. – М. : ИЛА АН СССР, 1975. – 96 с.

2. Hitler sobre América Latina. El fascismo alemán sobre Latinoamérica 1933–1943 / F. Katz, J. Hell, K. Kannapin, U. Schlenter. – Mexico : Editorial Fondo de Cultura Popular, 1968. – 176 p.

3. Сизоненко, А. И. СССР и Латинская Америка во время Великой Отечественной войны. / А. И. Сизоненко // Латиноамериканский исторический альманах. – 2016. – № 16. – С. 146–154. – URL: https://ahl.igh.ru/issues/5?locale=ru (дата обращения: 12.05.2025).

4. Лавров, Н. М. Латинская Америка: солидарность с СССР в начале Великой Отечественной войны / Н. М. Лавров // Латинская Америка. – 1975. – № 3. – С. 35–50.

5. Брилев, С. Б. Забытые союзники во Второй мировой войне / С. Б. Брилев. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 712 с.

6. Василькова, И. А. Они защищали Ленинград. / И. А. Василькова // Латинская Америка. – 1985. – № 5. – С. 54–60.

7. Россия – Куба, 1902–2002 : документы и материалы. – М. : Междунар. отношения. 2004. – 736 с.

8. Сизоненко, А. И. Мексика – СССР: их история отношений / А. И. Сизоненко // Латинская Америка. – 1981. – № 7. – С. 98–104.

9. Ortega, C. M. La USSR y America Latina / C. M. Ortega. – Lima, 1968. – 130 p.

10. Челядинский, А. А. Латиноамериканский фашизм сегодня / А. А. Челядинский. – Минск : Университетское, 1984. – 184 с.

11. СССР – Колумбия. 50 лет установления дипломатических отношений, 1935–1985 : документы и материалы. – М. : Политиздат, 1988. – 189 с.

ПРИОРИТЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЗИМБАБВЕ

И. А. Чувилов

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, Беларусь, chuvilovIA@bsu.by

В статье проведен анализ приоритетов внешней политики Зимбабве на современном этапе. Главным приоритетом обозначено региональное направление и сотрудничество в рамках Сообщества развития Юга Африки. Председательство Зимбабве в этой организации в 2025 г. дало возможность для имплементации концептуальных подходов и политических ориентиров Зимбабве в региональную политику. На глобальном уровне важнейшим партнером Зимбабве уже долгое время выступает Китай, который при помощи инициативы «Один пояс, один путь» содействует прогрессивному развитию Зимбабве. Отношения Зимбабве с Республикой Беларусь демонстрирует успешную реализацию обозначенных программ. На дипломатическом уровне отношения Беларуси и Зимбабве характеризуются взаимной поддержкой в международных организациях и схожими позициями по вопросам мировой политики.

Ключевые слова: Зимбабве; внешняя политика; Сообщество развития Юга Африки; Китай; Беларусь.

ZIMBABWE'S FOREIGN POLICY PRIORITIES

I. A. Chuvilov

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, chuvilovIA@bsu.by

The article analyzes the priorities of Zimbabwe's foreign policy at the present stage. The main priority is the regional direction and cooperation within the Southern African Development Community. Zimbabwe's chairmanship of this organization in 2025 provided an opportunity to implement Zimbabwe's conceptual approaches and political guidelines in regional policy. At the global level, China has long been Zimbabwe's most

important partner, which, through the Belt and Road initiative, promotes Zimbabwe's progressive development. Zimbabwe's relations with the Republic of Belarus demonstrate the successful implementation of the designated programs. At the diplomatic level, relations between Belarus and Zimbabwe are characterized by mutual support in international organizations and similar positions on world politics.

Keywords: Zimbabwe; foreign policy; Southern African Development Community; China; Belarus.

Государства Африки обретают все более весомое значение в системе глобальной политики. Внешнеполитическая стратегия Зимбабве определяется комплексом стратегических, экономических и геополитических факторов, направленных на обеспечение национального суверенитета, прогрессивного экономического развития и повышения международного статуса и влияния страны. Формирование внешнеполитической стратегии Зимбабве на современном этапе происходит в условиях сложного исторического наследия, необходимости ускоренной интеграции в глобальные политические и экономические процессы.

Зимбабве занимает особое место в системе международных отношений африканского континента. Такое положение страны обусловлено сочетанием исторических, политических и экономических факторов. Зимбабве обладает значительным политическим капиталом, унаследованным от эпохи борьбы за независимость. Однако при этом ее влияние ограничено внутренними экономическими проблемами и недостаточно обширными международными контактами. Зимбабве играла важную роль в поддержке антиколониальных движений в Южной Африке, что обеспечило ей авторитет среди многих государств региона. Однако к настоящему времени данный ресурс постепенно истощался, в результате чего Зимбабве должна отстаивать собственные подходы к развитию региона, более стремительно развивать партнерские отношения с

африканскими странами и, самое главное, с международными акторами.

В региональной политике Зимбабве отдельное место отведено Сообществу развития Юга Африки (САДК). В рамках этой организации Зимбабве традиционно занимает активную позицию. Зимбабве участвует в разрешении региональных конфликтов, включая миротворческие инициативы в Демократической Республике Конго и Мозамбике, однако ее возможности в этой сфере ограничены собственными экономическими трудностями. В то же время Зимбабве удается сохранять роль одного из центров политического диалога в Южной Африке, чему способствует ее географическое положение и довольно тесные отношения с соседними государствами. В контексте Африканского союза Зимбабве стремится поддерживать имидж государства, приверженного общеафриканской солидарности. Зимбабве выступает за укрепление позиций Африканского союза в глобальных вопросах, включая реформу ООН и международных финансовых институтов.

В 2025 г. Зимбабве занимает в Сообществе развития Юга Африки особое место, поскольку выступает в роли председателя в этой организации. Данное событие стало важным этапом в поддержании международного авторитета страны, показало признание ее роли как одного из центров политического и экономического взаимодействия в Южной Африке. Председательство предоставило Зимбабве возможность влиять на текущую региональную повестку, продвигать собственные инициативы, направленные на углубление интеграционных процессов.

Со стороны Зимбабве особое внимание уделяется привлечению иностранных инвестиций, прежде всего китайских, в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Эксперт по региональному развитию и интеграции Южной Африки М. Мадакуфамба отметил, что Сообществу развития Юга Африки нужно использовать свое стратегическое партнерство с Китаем, в том числе в рамках инициативы

«Один пояс, один путь» для стимулирования сотрудничества и продвижения индустриализации в регионе [1]. «Китай всегда был на стороне Африки, поддерживал проекты развития во всех важных сферах, и это практическое сотрудничество теперь стало еще более важным, учитывая новые вызовы, с которыми Африка сталкивается в эпоху после пандемии, которая теперь требует еще более глубокого и тесного сотрудничества между Китаем и Африкой», – высказался М. Мадакуфамба [1]. Китайские инвестиции играют ключевую роль в модернизации инфраструктуры стран Сообщества развития Юга Африки, включая транспортные коридоры, энергетические проекты и цифровые технологии. Для Зимбабве, как для председателя Сообщества, важно обеспечить баланс между экономическими интересами отдельных государств-членов и общими целями регионального развития.

Еще одним приоритетом председательства Зимбабве стало укрепление продовольственной безопасности в регионе, особенно в свете участившихся засух и климатических аномалий. Страна предлагает расширить сотрудничество в сельскохозяйственном секторе, включая обмен технологиями и создание региональных резервных фондов продовольствия. Этот вопрос особенно актуален для Зимбабве, которая, несмотря на собственные проблемы в сельскохозяйственной отрасли, остается одним из потенциальных поставщиков ряда позиций в соседние государства.

Китай является в целом важнейшим международным партнером Зимбабве. В 2018 г. стороны подняли уровень отношений до всеобъемлющего стратегического сотрудничества и партнерства. Китай постоянно «оказывал посильную помощь в укреплении политической самостоятельности Зимбабве, выступал за равенство всех государств вне зависимости от их уровня экономического развития» [2, с. 757]. В последние годы КНР является одним из крупнейших источников иностранных инвестиций и одним из

основных торговых партнеров Зимбабве. Согласно статистике китайской таможни, в 2023 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Зимбабве достиг 3,122 млрд дол. США, увеличившись на 29,9 % в годовом исчислении [3].

В мае 2025 г. Председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Чжао Лэцзи провел встречу со спикером Национального собрания Зимбабве Дж. Мудендой. Как отметил Чжао Лэцзи, «на протяжении 45 лет с момента установления дипломатических отношений между Китаем и Зимбабве две страны неизменно сохраняют взаимное доверие и поддерживают друг друга, а двусторонние отношения успешно выдержали испытание временем и изменениями в международной ситуации» [4]. Национальное собрание Зимбабве «готово расширять дружественные обмены с ВСНП и обмениваться мнениями по таким вопросам, как содействие социально-экономическому развитию через законотворческую работу, чтобы внести вклад законодательных органов в построение зимбабвийско-китайского сообщества единой судьбы высокого уровня», добавил Дж. Муденда [4]. В целом политическое взаимодействие КНР с Зимбабве основывается на принципах взаимного уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Китайская позиция, подчеркивающая равенство государств независимо от уровня их развития, создает основу для долгосрочного стратегического доверия между странами. Парламентское сотрудничество, проявившееся во встречах руководства законодательных органов, свидетельствует о стремлении сторон к гармонизации правовых систем и обмену опытом в сфере законотворчества.

Руководство Зимбабве видит в Российской Федерации надежного международного партнера. Президент Зимбабве Э. Мнангагва весьма высоко оценил исторический опыт и перспективы отношений России с африканскими странами: «Сейчас весь Африканский континент стал независимым, освободился от колониальной зависимости.

Сегодняшняя задача – это развитие и укрепление сотрудничества с Российской Федерацией. Мы не должны забывать о той помощи, которую оказывала Россия в борьбе за независимость народов Африки в нашем регионе и на всем континенте. Но не нужно останавливаться на достигнутом. Мы должны продолжать укреплять наши отношения теперь уже в областях экономики и культуры» [5]. На международной арене координация позиций двух стран по основным вопросам глобальной повестки дня остается важным элементом взаимодействия. Зимбабве демонстрирует солидарность с Россией по ряду вопросов мировой политики.

В марте 2025 г. Зимбабве подала заявку на вступление в БРИКС [6]. Данный шаг следует рассматривать в контексте общей тенденции расширения БРИКС, которое после включения новых членов в 2024 г. подтвердило свою открытость для других развивающихся стран. Участие в объединении позволило бы Зимбабве получить доступ к альтернативным финансовым механизмам. Членство в БРИКС создало бы дополнительные возможности для привлечения инвестиций в ключевые сектора экономики Зимбабве. В случае успешного вступления Зимбабве могла бы усилить африканское представительство в объединении, дополнив существующих членов с континента – ЮАР и Эфиопию. Это соответствовало бы общей стратегии БРИКС по усилению взаимодействия с африканскими государствами и могло способствовать более сбалансированному региональному представительству в организации.

Взаимодействие Зимбабве с Республикой Беларусь формируется под влиянием современных геополитических и экономических факторов и показывает устойчивость к новым вызовам. На дипломатическом уровне отношения характеризуются взаимной поддержкой в международных организациях и сходными позициями по ряду вопросов глобальной политики. Особое значение

приобретает координация подходов к вопросам многостороннего взаимодействия. По словам президента Зимбабве Эммерсона Мнангагвы, «Беларусь и Зимбабве достигли успехов в двустороннем сотрудничестве, но необходимо двигаться дальше» [7]. Во время официального визита в Беларусь в 2025 г. Эммерсон Мнангагва отметил вклад Беларуси в программу по механизации сельского хозяйства Зимбабве и обеспечение продовольственной безопасности страны: «Это огромный шаг вперед для нас... Мы готовы и далее рассматривать механизацию и модернизацию нашей молочной промышленности с поддержкой белорусских партнеров» [7]. В целом же взаимодействие Зимбабве с Республикой Беларусь формируется в условиях глобальной трансформации международных отношений, где оба государства стремятся к укреплению сотрудничества в самых разных сферах.

Таким образом, проведенный анализ внешнеполитического курса Зимбабве выявил довольно устойчивую систему приоритетов. Региональное направление остается ключевым в стратегии Зимбабве, с особым акцентом на укрепление позиций в рамках Сообщества развития Юга Африки. В 2025 г. Зимбабве имеет в Сообществе развития Юга Африки особое значение, так как выступает в роли председателя в этой организации. Это стало важным этапом в поддержании международного авторитета Зимбабве, показало признание Зимбабве роли как одного из центров политического и экономического взаимодействия в Южной Африке. Зимбабве качественно развивает отношения с КНР, которая является опорным элементом во внешнеполитической стратегии Зимбабве. Повышение уровня отношений до всеобъемлющего стратегического партнерства в 2018 г. институционализировало долгосрочный характер двустороннего сотрудничества, что нашло отражение в регулярных контактах на высоком уровне. Экономическое сотрудничество Зимбабве с Беларусью продолжает развиваться. На дипломатическом уровне от-

ношения Беларуси и Зимбабве характеризуются взаимной поддержкой в международных организациях и схожими позициями по ряду вопросов глобальной повестки дня.

Библиографический список

1. China – SADC cooperation expected to flourish: African think tank // People's daily online. – 29.08.2025. – URL: https://en.people.cn/n3/2024/0829/c90000-20211808.html (date of access: 03.06.2025).

2. Чувилов, И. А. Зимбабве во внешней политике КНР: формирование приоритетов и расширение форм сотрудничества / И. А. Чувилов // Россия и мир в исторической ретроспективе. К 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля А. Н. Косыгина: матер. XXX междунар. науч. конф.: в 3 т. Санкт-Петербург, 11 апр. 2024 г. / под ред. С. И. Бугашева, Ю. В. Ватолиной, А. С. Минина. Т. 1. – Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2024. – С. 753–759. – URL: https://pureportal.spbu.ru/files/119052988/_..._24_1.pdf (дата обращения: 03.06.2025).

3. Зимбабве и Китай осуществляют плодотворное сотрудничество во всех областях – президент Зимбабве // Жэньминь Жибао онлайн. – 05.09.2024. – URL: https://russian.people.com.cn/n3/2024/0905/c95181-20214923.html (дата обращения: 03.06.2025).

4. Председатель ПК ВСНП встретился со спикером Национального собрания Зимбабве // Синьхуа. – 14.05.2025. – URL: https://russian.news.cn/20250514/0adda16a7c4e4aa389f85731ce77adbd/c.html (дата обращения: 03.06.2025).

5. Президент Зимбабве: отношения с Россией можно считать отличными // ТАСС. – 19.01.2019. – URL: https://tass.ru/interviews/6009134 (дата обращения: 03.06.2025).

6. Зимбабве подала заявку в БРИКС // РИА Новости. – 06.03.2025. – URL: https://ria.ru/20250306/zimbabve--2003392388.html (дата обращения: 03.06.2025).

7. Мнангагва: Беларусь и Зимбабве достигли успехов в сотрудничестве, но необходимо двигаться дальше // БЕЛТА. – 14.05.2025. – URL: https://belta.by/politics/view/mnangagva-belarus-i-zimbabve-dostigli-uspehov-v-sotrudnichestve-no-neobhodimo-dvigatsja-dalshe-714744-2025/ (дата обращения: 03.06.2025).

АБ СТВАРЭННІ І ДЗЕЙНАСЦІ ФАКУЛЬТЭТА МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІН БДУ Ў 1990-я гг.

А. В. Шарапа[1)], У. Е. Снапкоўскі[2)]

[1)] Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, sharapa@bsu.by
[2)] Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, snap@bsu.by

У артыкуле коратка разглядаецца гісторыя стварэння і развіцця факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 1990-я гг. Аўтары з'яўляюцца актыўнымі ўдзельнікамі падзей 30-гадовай даўнасці. Гэта першы загадчык кафедры міжнародных адносін і першы дэкан факультэта міжнародных адносін прафесар А. В. Шарапа і адзін са стваральнікаў кафедры міжнародных адносін прафесар У. Е. Снапкоўскі. Артыкул апісвае першыя крокі па стварэнні кафедры (1992 г.) і факультэта міжнародных адносін (1995 г.), уключэнне ў склад факультэта кафедраў міжнароднага права і міжнародных эканамічных адносін і іншых кафедраў. Аўтары асвятляюць пачатак і пашырэнне вучэбнай, навуковай і выхаваўчай дзейнасці факультэта, прывозяць лічбы і факты аб студэнцкай актыўнасці і даследчай працы супрацоўнікаў. Робіцца выснова аб значных адукацыйных и навуковых дасягненнях факультэта.

Ключавыя словы: кафедра міжнародных адносін; факультэт міжнародных адносін; гістарычны факультэт; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; падрыхтоўка спецыялістаў у галіне міжнародных адносін; навуковыя даследаванні ў галіне міжнародных адносін.

О СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ БГУ В 1990-е гг.

А. В. Шарапо[1)], У. Е. Снапковский[2)]

[1)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, sharapa@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, snap@bsu.by

В статье кратко рассматривается история создания и развития факультета международных отношений Белорусского государственного университета в 1990-е гг. Авторы являются активными участниками событий тридцатилетней давности. Это первый заведующий кафедрой международных отношений и первый декан факультета международных отношений профессор А. В. Шарапо и один из создателей кафедры международных отношений профессор У. Е. Снапковский. В статье описываются первые шаги по созданию кафедры (1992 г.) и факультета международных отношений (1995 г.), включение в состав факультета кафедр международного права и международных экономических отношений, а также других кафедр. Авторы освещают начало и расширение учебной, научной и воспитательной деятельности факультета, приводят цифры и факты о студенческой активности и исследовательской работе сотрудников. Делается вывод о значительных образовательных и научных достижениях факультета.

Ключевые слова: кафедра международных отношений; факультет международных отношений; исторический факультет; Белорусский государственный университет; подготовка специалистов в области международных отношений; научные исследования в области международных отношений.

ON THE CREATION AND ACTIVITIES OF THE FACULTY OF INTERNATIONAL RELATIONS OF THE BSU IN THE 1990s

A. V. Sharapa[a], U. E. Snapkouski[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,sharapa@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, snap@bsu.by

The article briefly examines the history of the establishment and development of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University in the 1990s. The authors are active participants in the events of 30 years ago. These are the first head of the Department of International Relations and the first dean of the Faculty of International Relations, Professor A.V. Sharapa, and one of the founders of the Department of International Relations, Professor U. E. Snapkouski. The article describes the first steps towards the establishment of the Department (1992) and the Faculty of International Relations (1995), the inclusion of the Departments of International Law and International Economic Relations and other departments in the faculty. The authors highlight the beginning and expansion of the academic, scientific and educational activities of the faculty, bring figures and facts about student activity and research work of the staff. It concludes that the faculty has achieved significant educational and scientific results.

Keywords: Department of international relations; Faculty of international relations; Faculty of history; Belarusian State University; training of specialists in the field of international relations; scientific research in the field of international relations.

Гісторыі кафедры, факультэта і ўніверсітэта аўтары ўжо прысвечалі свае навуковыя артыкулы, біяграфічныя нататкі і ўспаміны. У больш разгорнутым плане яны былі апублікаваны ў юбілейных выданнях да 25-годдзя кафедры (2017 г.) [1] і 100-годдзя БДУ (2021 г.) [2]. Першы загадчык кафедры і дэкан факультэта міжнародных адносін А. В. Шарапа падводзіў першапачатковыя вынікі пра-

цы кафедры і факультэта ў сувязі з першымі гадамі існавання (5-ці- і 10-цігадовымі юбілеямі факультэта у 2000 і 2005 гг.), акцэнтуючы ўвагу на падрыхтоўцы дыпламатычных кадраў для Міністэрства замежных спраў [3–5].

Другі аўтар, У. Е. Снапкоўскі, працуючы вучоным сакратаром Аддзялення грамадскіх навук АН БССР, зрабіў яшчэ ў 1984 г. першы гістарыяграфічны агляд навуковых даследаванняў у Беларусі ў галіне новай і навейшай гісторыі, у тым ліку на праблемна-тэматычным палетку міжнародных адносін [6]. Потым з'явіліся артыкулы пра дзейнасць аддзела нацыянальных і міжнародных адносін Інстытута гісторыі НАН Беларусі, у якім аўтар працаваў пасля заканчэння аспірантуры ў 1979–2000 гг., у тым ліку загадчыкам аддзела ў 1995-2000 гг., сумяшчаючы працу з прафесарскай пасадай у БДУ [7]. Ён разам з даследчыкам беларускай гістарыяграфіі міжнародных адносін А. В. Гурыным засяроджваў увагу на навуковых даследаваннях супрацоўнікаў кафедры і факультэта, станаўленні новых кірункаў у развіцці беларускай гістарыяграфіі пасля дасягнення незалежнасці Беларусі ў 1991 г. [8].

Неабходнасць стварэння кафедры, а затым на яе аснове факультэта міжнародных адносін была прадыктавана кардынальна новымі геапалітычнымі, рэгіянальнымі і ўнутрыпалітычнымі ўмовамі, якія склаліся для Рэспублікі Беларусь у пачатку 1990-х гг. Нагадаем, што ў савецкі час беларускія дыпламаты рыхтаваліся ў Маскве, галоўным чынам у Маскоўскім дзяржаўным інстытуце міжнародных адносін, больш вядомым пад сваёй рускай абрэвіятурай – «МГИМО». Штогод ад БССР туды накіроўваліся пяць–шэсць чалавек. З распадам СССР і набыццём Рэспублікай Беларусь незалежнасці паўстала крайняя неабходнасць у падрыхтоўцы ў кароткія тэрміны дастатковай колькасці ўласных дыпламатычных працаўнікоў. У якасці базавай вышэйшай навучальнай установы для такой працы быў вызначаны Белдзяржуніверсітэт, дзе былі засяроджаны найбольш кваліфікаваныя прафесарска-выкладчыцкія

кадры і мелася добрая навучальная база. Пачатковы этап стварэння кафедры і факультэта цесна ахоплівае тры гады і звязаны з трыма знамянальнымі датамі: 23 сакавіка і 1 верасня 1992 г. прыняты рашэнні Вучонага савета БДУ аб стварэнні кафедры міжнародных адносін і яе ўключэнні ў склад гістарычнага факультэта. 1 верасня 1992 г. адбыўся першы набор студэнтаў на аддзяленне міжнародных адносін гістфака БДУ. 1 кастрычніка 1995 г. утвораны факультэт міжнародных адносін.

Паралельна са стварэннем падраздзялення па вывучэнні міжнародных палітычных адносін адбываўся працэс далучэння да будучага факультэта структурных адзінак па міжнароднаму праву і сусветнай эканоміцы. 1 верасня 1992 г. створана кафедра міжнароднага права юрыдычнага факультэта. Праз год, 1 верасня 1993 г. першых студэнтаў прыняло аддзяленне міжнароднага права юрфака БДУ. 1 верасня 1994 г. першых студэнтаў залічылі на аддзяленне міжнародных эканамічных адносін філасофска-эканамічнага факультэта БДУ.

У 1992/1993 навуч. г. на аддзяленні «Міжнародныя адносіны» гістарычнага факультэта БДУ вучыліся 50 студэнтаў, з якіх 25 былі адабраны па выніках сумоўя сярод лепшых студэнтаў старэйшых курсаў гістарычнага, юрыдычнага і філасофска-эканамічнага факультэтаў. Пры кафедры міжнародных адносін была створана студэнцкая даследчая і навучальная лабараторыя па праблемах міжнародных адносін. У рамках навуковага супрацоўніцтва былі ўсталяваныя цесныя кантакты з шэрагам замежных універсітэтаў.

2 кастрычніка 1997 г. адбылося афіцыйнае адкрыццё корпуса факультэта міжнародных адносін па вул. Акадэмічнай, 25, дзе будучыя міжнароднікі навучаліся наступныя 15 гадоў. Для забеспячэння сучаснага навучальнага працэсу ў кастрычніку 1997 г. быў адкрыты інфармацыйна-аналітычны цэнтр ФМА, а ў снежні – Цэнтр па вывучэнню ААН, у кастрычніку 1998 г. у поўным аб'ёме

запрацавала бібліятэка факультэта. У красавіку 2000 г. па ініцыятыве БДУ і Міністэрства замежных спраў быў створаны Цэнтр міжнародных даследаванняў.

З улікам асаблівасцей дыпламатычнай работы былі распрацаваны праграмы і вучэбныя планы для аддзялення «Міжнароднае права» юрыдычнага факультэта і аддзялення «Сусветная эканоміка і міжнародныя эканамічныя адносіны» філасофска-эканамічнага факультэта. У выніку далейшых скаардынаваных дзеянняў гэтых двух аддзяленняў і кафедры міжнародных адносін у 1995 г. была створана база для паўнацэннага фарміравання ў БДУ факультэта міжнародных адносін.

Значную ролю ў станоўчым вырашэнні гэтага пытання адыграла МЗС Рэспублікі Беларусь. А вырашальнае значэнне ва ўтварэнні факультэта міжнародных адносін мела сустрэча прафесара А. В. Шарапы з прэм'ер-міністрам Рэспублікі Беларусь В. Ф. Кебічам, пасля якой рэктар БДУ Ф. М. Капуцкі адразу ж падпісаў загад аб стварэнні факультэта. Першы выпуск спецыялістаў аддзялення міжнародных адносін у колькасці 14 чалавек адбыўся ў чэрвені 1995 г.

1 кастрычніка 1995 г. лічыцца Днём стварэння факультэта міжнародных адносін. Новы факультэт аб'яднаў тры аддзяленні і пачаў рыхтаваць спецыялістаў по трох спецыяльнасцях: «Міжнародныя адносіны», «Міжнароднае права» і «Міжнародныя эканамічныя адносіны». Асноўнай задачай гэтага перыяду стаў падбор кваліфікаваных навукова-педагагічных кадраў у галіне гісторыі і тэорыі міжнародных адносін і дыпламатыі (гістарычныя навукі), міжнароднага права (юрыдычныя навукі), міжнародных эканамічных адносін (эканамічныя навукі). Адначасова адбывалася фарміраванне новых кафедр (дыпламатычнай і консульскай службы і ўсходніх моў, якія ўтвораны ў 1996 г.) і міжнароднага турызму (створана 5 кастрычніка 1998 г.). Прафесарска-выкладчыцкі склад факультэта мэтанакіравана нацельваўся на падрыхтоўку беларускіх

спецыялістаў-міжнароднікаў для практычнай работы за мяжой і ў дзяржаўных установах Беларусі, арыентаваных на міжнароднае супрацоўніцтва [9, с. 4–6].

Па стану на 1 верасня 1996 г. на факультэце навучалася 513 студэнтаў па спецыяльнасцях: «Міжнародныя адносіны» – 200, «Міжнароднае права» – 210, «Міжнародныя эканамічныя адносіны» – 103 чалавекі. На факультэце працавала 7 кафедр: міжнародных адносін (загадчык – прафесар А. В. Шарапа), міжнароднага права (загадчык – дацэнт Л. В. Паўлава), міжнародных эканамічных адносін (загадчык – прафесар Л. М. Пятроўская), англійскай мовы (загадчык – дацэнт Т. В. Караічава), рамана-германскіх моў (загадчык – дацэнт Н. І. Хмяльніцкая), усходніх моў (загадчык – дацэнт А. Б. Гойка), дыпламатычнай і консульскай службы (загадчык – дацэнт Л. В. Лойка). Прафесарска-выкладчыцкі склад факультэта налічваў 55 чалавек, у тым ліку 6 прафесараў (дактароў навук) і 24 дацэнта (кандыдатаў навук). У правядзенні заняткаў актыўны ўдзел прымалі супрацоўнікі МЗС і Міністэрства знешнеэканамічных сувязей, акадэмічных інстытутаў [3, с. 54].

Паспяховая праца любога акадэмічнага падраздзялення заўсёды ўлічвае сталае ўзаемадзеянне выкладчыкаў і студэнтаў, актыўную працу органаў студэнцкага самакіравання і моладзевых арганізацый. У лістападзе 1998 г. праведзены першыя Дні факультэта міжнародных адносін, якія сталі традыцыйнымі з удзелам сотняў студэнтаў. На факультэце ўпершыню ў краіне ў 1999 г. арганізаваны заняткі па мадэляванню ААН для беларускіх студэнтаў. У кастрычніку 2000 г. упершыню праведзены студэнцкія Дыпламатычныя чытанні, прысвечаныя Дню заснавання ФМА. У наступным годзе выйшаў першы нумар студэнцкай газеты «ФМ*On-line*».

Шэраг важных падзей у жыцці факультэта адбыўся ў канцы 1990-х гг. 5 кастрычніка 1998 г. створана кафедра міжнароднага турызму (загадчык – дацэнт Л. М. Гайдукевіч), раней у верасні 1997 г. адбыўся першы набор

студэнтаў па спецыяльнасці «Менеджмент у сферы міжнароднага турызму». У чэрвені 1999 г. адбыўся першы выпуск спецыялістаў з веданнем усходніх моў, у верасні 1999 г. – першы набор студэнтаў па спецыяльнасці «Мытная справа». У 1998 г. прафесар А. В. Шарапа ўзначаліў першы ў Беларусі доктарскі спецсавет па спецыяльнасці 07.00.05 (зараз 07.00.15) – Гісторыя міжнародных адносін і знешняй палітыкі, у склад якога ўвайшлі ўсё прафесары кафедры міжнародных адносін і іншыя вядучыя вучоныя-міжнароднікі з універсітэтаў Мінска [10, с. 7–8].

У артыкуле да першай гадавіны дзейнасці факультэта (1996 г.) А. В. Шарапа адзначаў: «Падрыхтоўка дыпламатычных кадраў звязана з выхаваннем спецыялістаў, якія ўмеюць спалучаць у сваёй дзейнасці абарону інтарэсаў сваёй краіны з агульначалавечымі каштоўнасцямі, здольных рашуча адстойваць справу міру і раўнапраўнага міжнароднага супрацоўніцтва, якія маюць высокія маральныя якасці. У працэсе навучання на факультэце студэнты атрымліваюць агульныя і спецыяльныя веды ў галіне гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі, асаблівасцей знешнепалітычнай дзейнасці Рэспублікі Беларусь, яе прыярытэтных напрамкаў. Абавязковай умовай навучання з'яўляецца авалоданне замежнымі мовамі» [3, с. 54–55].

Намаганні кіраўніцтва факультэта і кафедр былі накіраваны на паляпшэнне арганізацыйнай працы, удасканаленне планавання навучальнага працэсу; распрацоўку і забеспячэнне поўнага і якаснага выканання навучальных праграм; павышэнне метадычнага ўзроўню прафесарска-выкладчыцкага складу, удасканаленне навуковай дзейнасці; паляпшэнне матэрыяльнага забеспячэння навучальнага працэсу і вучэбнай базы. Асобная ўвага, па словах дэкана, надавалася ўдасканаленню навучальных праграм. На кафедрах былі распрацаваны новыя праграмы па гісторыі і тэорыі міжнародных адносін, знешняй палітыцы Рэспублікі Беларусь, дыпламатычнай і консульскай службе. Працягвалася работа над складаннем вучэбных

праграм па краіназнаўстве, міжнародных арганізацыях, спецыяльных курсах. У рамках спецыялізацыі ўведзены спецкурсы па праблемах міжнароднай і нацыянальнай бяспекі краін Паўночнай Амерыкі і Еўропы, дзейнасці органаў кіравання ў рамках СНД, ролі дыяспар у знешняй палітыцы Рэспублікі Беларусь. Толькі на кафедры міжнародных адносін у 1995/1996 навуч. г. было падрыхтавана і прачытана 18 спецкурсаў.

Кафедра міжнародных эканамічных адносін праводзіла навуковыя даследаванні па тэмах: «Замежная дзелавая актыўнасць і метады яе дзяржаўнага рэгулявання» і «Інтэрнацыяналізацыя капіталу: тэорыя, палітыка, практыка». Кафедра міжнароднага права вяла распрацоўку па праблемах ролі міжнароднага права ў рэфармаванні прававой сістэмы Рэспублікі Беларусь; даследвала суадносіны міжнароднага права і ўнутранага права Рэспублікі Беларусь у працэсе фарміравання прававой дзяржавы. У 1995 г. кафедры выпусціла зборнік навуковых прац «Актуальныя проблемы международного права». Навучальны працэс і навуковыя даследаванні самым цесным чынам увязваліся з практычнымі задачамі і запатрабаваннямі МЗС, іншых устаноў і арганізацый, для якіх у сценах ўніверсітэта і факультэта рыхтаваліся кадры.

Важнай падзеяй у гісторыі факультэта і БДУ можна лічыць арганізацыю і правядзенне ў красавіку 1997 г. міжнароднай канферэнцыі «Перспектывы стварэння ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе прасторы, вольнай ад ядзернай зброі», якая была арганізавана па ініцыятыве Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі [11]. Ход і вынікі канферэнцыі паспрыялі абмеркаванню беларускай прапановы аб без'ядзернай прасторы і яе вылучэнню на аўтарытэтных міжнародных пляцоўках.

Дэкан А. В. Шарапа ў артыкуле да першай гадавіны дзейнасці факультэта адзначыў і невырашаныя праблемы ў працы ФМА: недахоп аператыўнай палітычнай і эканамічнай інфармацыі па замежных краінах (газет, часопі-

саў, асабліва з краін далёкага замежжа). Ён гаварыў пра неабходнасць арганізацыі практыкі студэнтаў, якая павінна праводзіцца за мяжой. Адзначаў, што пры размеркаванні выпускінікоў не ўсе падрыхтаваныя спецыялісты былі запатрабаваныя падраздзяленнямі МЗС. Стратэгія развіцця факультэта павінна быць накіравана на пашырэнне колькасці спецыяльнасцей, па якіх рыхтаваліся б спецыялісты. У гэтай сувязі пастаўлена задача стварыць Цэнтр павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў для знешнепалітычных і знешнеэканамічных ведамстваў Беларусі, для кіраўнікоў і спецыялістаў прадпрыемстваў, выкладчыкаў ВНУ [3, с. 55].

А. В. Шарапа ва ўступным слове брашуры да 5-годдзя факультэта (верасень 2000 г.) адзначаў, што факультэт хутка стаў адным з найбольш прэстыжных вучэбных падраздзяленняў БДУ і ўсёй сістэмы вышэйшай школы Беларусі. У яго стенах навучаюцца каля тысячы студэнтаў, павышаюць кваліфікацыю больш за 50 магістрантаў, аспірантаў і дактарантаў. Разам з беларускімі грамадзянамі вышэйшую адукацыю атрымліваюць каля 90 замежных навучэнцаў з 7 краін. Вучэбныя праграмы па ўсіх спецыяльнасцях прадугледжваюць інтэнсіўнае вывучэнне замежных моў. Тры кафедры моўных дысцыплін забяспечваюць выкладанне 12 замежных моў. У бліжэйшай перспектыве прадугледжвалася павелічэнне колькасці замежных моў да 20. 2000/2001 навуч. г. забяспечвалі на факультэце 11 кафедр, у штаце якіх працавала 170 выкладчыкаў, у тым ліку 10 прафесароў, каля 70 дацэнтаў і кандыдатаў навук. У 2000 г. адкрыты кафедры мытнай справы і міжнароднага прыватнага і еўрапейскага права. Навучальны працэс забяспечвалі каля 40 супрацоўнікаў адміністратыўна-тэхнічнага персанала [9, с. 2–3].

Як падкрэсліў прафесар А. В. Шарапа ў сувязі з 15-годдзем стварэння факультэта (2010 г.), «работникам “первого призыва” пришлось столкнуться с немалыми трудностями: « У нас не было ни нужного организационного опыта, ни

достаточного количества специально подготовленных кадров, ни надлежащей учебно-материальной базы. Было чувство ответственности за новое и важное государственное дело – подготовку специалистов для пополнения дипломатического корпуса молодого независимого государства Республика Беларусь» [12]. Гэту пачэсную місію піянеры-першапраходцы на ніве вывучэння і выкладання міжнародных адносін у Беларусі выканвалі ў даследаваны перыяд (1990-я гг.) належна і дастойна.

Бібліяграфічны спіс

1. Исследование международных отношений в Республике Беларусь: состояние и перспективы: материалы Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию кафедры международных отношений БГУ, Минск, 6 окт. 2017 г. / редкол.: М. Э. Чесновский (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2018. – 124 с. – URL: https://www.elib.bsu.by/handle/123456789/218932 (дата обращения: 15.05.2025).

2. Даследаванне міжнародных адносін і развіццё замежных сувязей у Беларускім дзяржаўным універсітэце: 1921–2021 гг. / А. В. Шарапа [і інш.]. – Мінск : РІВШ, 2021. – 232 с.

3. Шарапо, А. В. К вопросу о подготовке кадров-международников в Республике Беларусь / А. В. Шарапо // Белорус. журн. мкежднар. права и междунар. отношений. – 1996. – № 1. – С. 54–55. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/31022 (дата обращения: 15.05.2025).

4. Шарапо, А. В. Подготовка дипломатических кадров на факультете международных отношений Белгосуниверситета / А. В. Шарапо // Беларусь в современном мире : материалы II Респ. науч. конф., Минск, 17–18 дек. 2003 г. – Минск : РИВШ, 2004. – С. 3–5. –URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/34294 (дата обращения: 15.05.2025).

5. Шарапо, А. В. 10 лет факультету международных отношений Белорусского государственного университета / А. В. Шарапо // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2005. – № 2. – С. 28–30. – URL: https://evolutio.info/ru/journal-menu/2005-2/2005-2-sharapo (дата обращения: 15.05.2025).

6. Снапковский, В. Е. Исследование проблем новой и новейшей истории в Белорусской ССР / В. Е. Снапковский // Новая и новейшая история. – 1984. – № 2. – С. 168–179.

7. Снапкоўскі, У. Е. Аб навуковых даследаваннях аддзела нацыянальных і міжнародных адносін Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі (1960–1990-я гг.) / У. Е. Снапкоўскі // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2000. – № 1. – С. 72–75. – URL: https://evolutio.info/ru/journal-menu/2000-1/2000-1-snapkouskiy (дата обращения: 15.05.2025).

8. Снапкоўскі, У. Е. Даследаванне міжнародных адносін у Беларускім дзяржаўным універсітэце / У. Е. Снапкоўскі, А. В. Гурын // Веснік Беларус. дзярж. ўн-та. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2006. – № 3. – С. 23–30. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/39831 (дата обращения: 15.05.2025).

9. Факультет международных отношений Белорусского государственного университета 1995–2000. – Минск, 2000. – 40 с.

10. Факультет международных отношений Белорусского государственного университета 1995–2005. Минск, 2005. – 61 с.

11. Перспектива создания в Центральной и Восточной Европе пространства, свободного от ядерного оружия: материалы междунар. конф., Минск, 8–9 апр. 1997 г. – Минск, 1997. – 180 с.

12. Дергач, И. Труден путь к диплому дипломата! 15 лет назад было принято решение о создании факультета международных отношений БГУ / И. Дергач // СБ – Беларусь сегодня. – 01.10.2010. – URL: https://www.sb.by/articles/truden-put-k-diplomu-diplomata-15-let-nazad-bylo-prinyato-reshenie-o-sozdanii-fakulteta-mezhdunarodnykh-otnosheniy-bgu.html (дата обращения: 16.05.2025).

Секция 2

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКО-АФРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ВЫСТАВКИ «БЕЛАГРО»

С. В. Андрощук

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
fmo.androschSV4@bsu.by

Статья посвящена изучению перспектив развития белорусско-африканского сотрудничества на примере выставки «БелАгро-2025». Рассматриваются сильные стороны Республики Беларусь, экспортный потенциал Африки. Определены перспективные направления взаимодействия в рамках выставки. Беларусь активно работает над развитием диалога с Африкой, и участие в выставках, таких как «БелАгро», играет ключевую роль в этом процессе. Так, на мероприятии африканские партнеры имеют возможность ознакомиться с современными технологиями, продукцией, а также выстроить диалог для дальнейшего развития сотрудничества с белорусскими компаниями. В статье определены ключевые сферы белорусско-африканского взаимовыгодного сотрудничества, которые являются главными для поднятия Африки на новый уровень социально-экономического развития, а именно: производство универсальной, многофункциональной белорусской техники, которая способна справляться с разными сельскохозяйственными задачами. Концепция отзывается африканским партнерам, потому как им необходимо освоить в короткие сроки большие объемы сельхозугодий. Инвестиционное сотрудничество, производственная кооперация, создание новых секторов в экономике африканских стран с помощью нашей страны – все это поспособствует эффективному решению основных социально-экономических проблем.

Ключевые слова: белорусско-африканское сотрудничество; страны Африки; Республика Беларусь; выставка «БелАгро»; сельское хозяйство; МАЗ; МТЗ; инвестиционное сотрудничество; производственная кооперация; экономическое сотрудничество.

PROSPECTS FOR BELARUSIAN-AFRICAN COOPERATION AT THE BELAGRO EXHIBITION

S. V. Andrashchuk

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
fmo.androschSV4@bsu.by

The article explores the prospects of Belarusian-African co-operation on the example of the BelAgro exhibition. The article considers the strengths of the Republic of Belarus and the export potential of Africa. The article considers promising areas of cooperation between the Republic of Belarus and African countries within the framework of the BelAgro-2025 exhibition. Belarus is actively working to develop a dialogue with Africa, and participation in exhibitions such as BelAgro plays a key role in this process. At the event, partners from Africa have an opportunity to get acquainted with modern technologies and products, as well as to build a dialogue for further development of cooperation with Belarusian companies. The article identifies key areas of Belarusian-African mutually beneficial cooperation, which are essential for raising Africa to a new level of socio-economic development, namely: the production of universal, multifunctional Belarusian equipment that can cope with various agricultural tasks. This concept is appreciated by African partners, because the volume of agricultural land that needs to be developed in a short period of time is very large. Investment co-operation, production co-operation, creation of new sectors in African economies with the help of our country – all this will contribute to the effective solution of major socio-economic problems. Belarus gets great opportunities for increasing exports, favourable reliable long-term contracts in many areas.

Keywords: Belarusian-African cooperation; African countries; Republic of Belarus; BelAgro exhibition; agriculture; Minsk Automobile Plant; Minsk Tractor Works; investment cooperation; industrial cooperation; economic cooperation.

С момента обретения независимости Беларусь целенаправленно увеличивает свое присутствие на Африканском континенте. На данный момент, Африка является самым

перспективным континентом. Республика Беларусь активно выстраивает торговые отношения, показатели быстро растут. Первые дипломатические миссии были открыты в Египте и Южной Африке. На сегодняшний день, Беларусь располагает уже пятью дипломатическими представительствами в Африке: к уже действующим в Египте и ЮАР добавились посольства Нигерии, Кении и Зимбабве, дипломатические отношения установлены с 51 из 54 стран африканского континента. Основными партнерами в Африке, на данный момент, являются Египет, Зимбабве, Экваториальная Гвинея, ЮАР [1; 2].

Беларусь всегда поддерживала независимость и территориальную целостность африканских государств, и этот подход остается неизменным. В своих отношениях Беларусь основывается на принципах уважения и учитывает интересы всех сторон. На Африканском континенте ценится продукция с пометкой «Сделано в Беларуси», особенно техника. Компания МТЗ и «Гомсельмаш» экспортируют свои тракторы и комбайны в Африку еще со времен Советского Союза, и спрос на белорусскую технику продолжает оставаться высоким [2].

Беларусь активно работает над развитием диалога с Африкой, и участие в выставках, таких как «БелАгро», играет ключевую роль в этом процессе. На мероприятии партнеры из Африки имеют возможность ознакомиться с современными технологиями, продукцией, а также выстроить диалог для дальнейшего развития сотрудничества с белорусскими компаниями. Выставка «БелАгро-2025», проходившая в Минске с 3 по 7 июня 2025 г., стала уже 35-й по счету, проводимой ежегодно с 1990 г. В этом году в ней приняли активное участие делегации из Африки. Впервые это мероприятие посетили делегации из Ботсваны, Ганы, Зимбабве, Мозамбика. С точки зрения оценки перспектив для взаимовыгодного сотрудничества, можно отметить такие страны как Зимбабве, Нигерия, Того, Кения. На выставке были представлены достижения, со-

временные технологии и последние разработки белорусской сельскохозяйственной отрасли, включая новейшую технику, достижения в растениеводстве, животноводстве, рыбоводстве, а также перерабатывающей и пищевой промышленности. Кроме того, участники обсудили широкий круг вопросов, связанных с производством, переработкой и экспортом сельскохозяйственной продукции, а также внедрением инновационных технологий в земледелии и животноводстве.

На выставке «Белагро-2025» более 50 организаций Национальной академии наук продемонстрировали свыше 200 инновационных разработок и технологий, предназначенных для сферы сельскохозяйственного производства.

Высокотехнологичные новинки и образцы серийной техники ориентированы не только на закрытие потребностей Республики Беларусь, но и для раскрытия всего экспортного потенциала нашей страны [3].

Выведение стрессоустойчивых сортов, совершенствование моделей сельхозтехники, создание эффективных удобрений и ветпрепаратов, внедрение умных технологий на фермах и пашнях, автоматизация процессов производства продуктов питания – все это интересует наших африканских партнеров на выставке. Что получают африканские страны по итогам выставки? Это свежие контракты, кооперационные проекты, совместные научные разработки, выгодные поставки [4].

Среди перспективных направлений белорусско-африканского сотрудничества можно выделить: развитие энергетики, сферы здравоохранения, образования, водоснабжения и водоочистки, поставки коммунальной техники, а также нвестиционное сотрудничество, производственная кооперация, создание новых секторов в экономике. Прежде всего – это развитие эффективного сельского хозяйства для обеспечения внутренних потребностей стран Африки [2].

Африка является быстроразвивающимся континентом с острым дефицитом кадров. Актуальна подготовка специ-

алистов с высшим образованием по таким направлениям, как агропромышленный комплекс, машиностроение.

Для легкой промышленности Беларуси вопрос поставок хлопка, сотрудничество в текстильной и кожевенной отраслях остается также актуальным.

Сотрудничество Беларусь-Африка – это взаимовыгодные торговые отношения, при которых Беларусь экспортирует различные виды промышленной и другой продукции в обмен на минеральное и растительное сырье из Африки. Особенно Беларусь заинтересована в добыче золота и лития, запасы которых имеются в этом регионе. Например, изготовление суперконденсаторов требует специального сырья, в первую очередь лития, запасами которого обладает Африка.

Африка, в свою очередь, нуждается в совершенствовании технологий производства продуктов питания. В этой сфере у Беларуси богатый и успешный опыт, которым она может поделиться с африканскими партнерами и оказать помощь в налаживании кооперации на территории Африки. Также, уже на данном этапе, идет активное создание агрохолдингов, где Беларусь уже давно зарекомендовала себя как страну с высококачественной сельскохозяйственной продукцией. Технологии белорусской молочной промышленности отличаются высоким уровнем качества и современностью. Африканские агрохолдинги будут выращивать различные виды культур и заниматься животноводством. Для Африки это будет являться очередным толчком в решении вопросов обеспечения продовольственной безопасности на внутреннем и внешнем рынке. Актуальным вопросам является также создание садов для выращивания цитрусовых и других культур, которые могут впоследствии экспортировать в Беларусь и другие страны [2].

Африка обладает запасами редкоземельных элементов. Они широко применяются в производстве бытовой электроники, в сфере возобновляемых источников энергии, таких как ветряные турбины и электромобили. Так-

же им находят применение в аэрокосмической и военной сферах, для создания высокостойкого стекла, топливных присадок и лазеров. Кроме того, редкоземельные элементы используются для медицинских исследований и лечения некоторых видов онкологических заболеваний.

Создание кооперации, например, по производству прекурсоров для аккумуляторов в Конго, будет обходится в три раза дешевле, чем в развитых странах. Для этого необходимы новые реформы и развитие регионального сотрудничества, что создаст благоприятные условия для инвестиций.

Беларусь готова поделиться наработками ноу-хау в социальной и экономической сфере, а именно различными знаниями и практическим опытом, которые могут быть применены для достижения успеха в социальных взаимодействиях, в выстраивании отношений и решении проблем на макроуровне.

4/5 населения Африки заняты в сельском хозяйстве. Актуальным здесь является модернизация, механизация процессов производства. На сегодняшний день сельское хозяйство Африки нуждается в минеральных удобрениях, которые добываются и производятся в нашей стране: это калийные удобрения, а также различные другие добавки предназначенные для сельского хозяйства. Уже присутствуют сборочные производства сельхозтехники в странах Африки, здесь есть большой потенциал, только на выставке «БелАгро» представлено огромное количество новых образцов техники, акцент делается на новые технологии. А именно, Беларусь занялась использованием возможностей искусственного интеллекта в сельскохозяйственной деятельности: в каждой области уже отобрали ряд хозяйств, которые будут работать в системе точного земледелия, а это оцифровывание полей, использование соответствующей техники [2; 5].

Инновационной разработкой, которая может заинтересовать наших африканских партнеров, является про-

грамма цифровизации растениеводства, направленная на снижение вредоносности болезней сельскохозяйственных культур. Эта система позволит существенно повысить экономическую эффективность выращивания культур, уменьшив возможные потери из-за заболеваний примерно в два раза и сохранив качество продукции. Более того, благодаря этому решению человек без специального образования сможет достигать результатов, сопоставимых с профессионалами, для африканского континента это играет огромное значение, потому как можно без специального образования осваивать огромные территории.

На выставке демонстрировалось достижение МТЗ – пятьсотсильный трактор *BELARUS* 5425, который является самым мощным в классической компоновке в мире. Предприятие внедряет передовые технологии, объединяя различные энергоисточники и агрегаты. Например, со Сморгонского агрегатного завода, входящего в холдинг «МТЗ», был впервые представлен эксклюзивный самоходный подталкиватель кормов *BELARUS* ПК132.

Интересным, с точки зрения африканского рынка, является новый гусеничный агрегат *GOMSELMASH airMS*450, представленный на мероприятии. Он подходит для дискования, вспашки, культивации и боронования, а также для предпосевной обработки почвы и посевов. Он отличается высокой производительностью при чизельном рыхлении, внесении органики и уборке кормовых культур.

Следующая экспозиция – это зерновозы, самосвалы, автоцистерны, автопоезда-техники. Уделяется внимание разработке транспорта для перевозки сельхозпродукции, делается также акцент на новых разработках. Представлен прицеп-цистерна ПЦИП-11для перевозки молока и прочих жидкостей. Такой транспорт является важным звеном для налаживания сбора, доставки готовой продукции в Африке.

Также из необходимых элементов для эффективного сельского хозяйства присутствуют: новый прицеп-пере-

грузчик зерна грузоподъемностью 24 т, применение: перевозка зерна от комбайнов, загрузка сеялок, разбрасывателей удобрений, измельчителей и упаковщиков зерна, прицеп грузоподъемностью 30 т с передней сдвижной стенкой, разбрасыватель жидких удобрений грузоподъемностью 25 т, оснащенный насосом высокой производимости. Все это машины отечественного проверенного производителя – БобруйскАгромаш.

Научно-практический центр НАН Беларуси представил инновационную машину для сельского хозяйства – АМП-6. Это агрегат, предназначенный для безотвальной и предпосевной обработки почвы, закрытия влаги, выравнивания поверхности поля, прикатывания почвы, борьбы с сорнякамя [4].

Таким образом, белорусско-африканское сотрудничество является взаимовыгодным. Предприятия Беларуси стремятся выпускать универсальную, многофункциональную технику, способную справляться с разными сельскохозяйственными задачами. Такая концепция отзывается африканским партнерам, потому, как необходимо освоить в короткие сроки большие объемы сельхозугодий. Инвестиционное сотрудничество, производственная кооперация, создание новых секторов в экономике африканских стран с помощью нашей страны – все это поспособствует эффективному решению основных социально-экономических проблем. В данной партнерстве Беларусь получает большие возможности для наращивания экспорта, выгодные надежные долгосрочные контракты по многим направлениям.

Библиографический список

1. Беларусь и страны Африки и Ближнего Востока // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL https://mfa.gov.by/countries_regions/africa_middle_east/ (дата обращения: 04.06.2025).

2. Сычевич, В. На чем основано сотрудничество Беларуси со странами Африки и какие у него перспективы / В. Сычевич, Е. Кононович, М. Осипов // СБ – Беларусь сегодня. – 02.02.2023. – URL: https://www.sb.by/articles/afrikanskiy-vektor-dalney-dugi.html (дата обращения: 04.06.2025).

3. В Беларуси открылась крупнейшая сельскохозяйственная выставка «БЕЛАГРО-2025» // Информационно-аналитический портал Союзного государства. – 03.06.2025. – URL: https://soyuz.by/tema-dnya/v-belarusi-otkrylas-krupneyshaya-selskohozyaystvennaya-vystavka-belagro-2025 (дата обращения: 04.06.2025).

4. Василевская, В. Мощнейший в мире трактор и теплица в миниатюре. Почему на «Белагро-2025» обязательно стоит побывать / В. Василевская // БЕЛТА. – 03.06.2025. – URL: https://belta.by/society/view/moschnejshij-v-mire-traktor-i-teplitsa-v-miniatjure-pochemu-na-belagro-objazatelno-stoit-pobyvat-718806-2025/ (дата обращения: 04.06.2025).

5. Шулейко: на «Белагро» представлены достижения всех отраслей сельского хозяйства, сельхозмашиностроения // БЕЛТА. – 03.06.2025. – URL: https://belta.by/economics/view/shulejko-na-belagro-predstavleny-dostizhenija-vseh-otraslej-selskogo-hozjajstva-selhozmashinostroenija-718730-2025/ (дата обращения: 04.06.2025).

КОНСОЛИДАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ КИТАЯ С ЕГИПТОМ, ЮАР И ЭФИОПИЕЙ В РАМКАХ БРИКС

Ань Нань

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
ann21471@gmail.com

Статья посвящена анализу интеграции интересов Китая с Египтом, ЮАР и Эфиопией в рамках расширенного формата БРИКС. Подчеркивается, что вступление этих трех государств, представляющих различные субрегионы Африки, усиливает глобальное значение БРИКС как платформы Глобального Юга и способствует продвижению китайской концепции сообщества единой судьбы человечества. В статье раскрыты геополитические и экономические особенности данных стран, а также глубокие политико-экономические связи с КНР, включая участие в инициативе «Один пояс, один путь». Также анализируются стремления африканских государств к увеличению экономической автономии и укреплению позиций в международных структурах. Делается вывод, что модель интеграции интересов на платформе БРИКС создает новое пространство для равноправного, взаимовыгодного и устойчивого сотрудничества между Китаем и африканскими партнерами в условиях меняющегося миропорядка.

Ключевые слова: БРИКС; Китай; Египет; Южная Африка; Эфиопия; сообщество единой судьбы человечества.

CONSOLIDATION OF CHINA'S INTERESTS WITH EGYPT, SOUTH AFRICA, AND ETHIOPIA WITHIN THE BRICS FRAMEWORK

An Nan

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
ann21471@gmail.com

This article analyzes the integration of China's interests with Egypt, South Africa, and Ethiopia within the expanded BRICS format. It highlights that the accession of these three countries, representing various subregions of Africa, enhances the global significance of BRICS as a platform for the Global South and contributes to the advancement of China's concept of a community with a shared future for mankind. The study examines the geopolitical and economic characteristics of these countries, as well as their deep political and economic ties with China, including participation in the Belt and Road Initiative. It also explores the aspirations of African states to increase their economic autonomy and strengthen their positions in international structures. The article concludes that the model of interest integration within the BRICS framework creates a new space for equal, mutually beneficial, and sustainable cooperation between China and its African partners amid a changing global order.

Keywords: BRICS; China; Egypt; South Africa; Ethiopia; community with a shared future for mankind.

В 2006 г. по инициативе Бразилии, России, Индии и Китая было оформлено создание БРИКС с целью укрепления стратегического взаимодействия между крупнейшими развивающимися экономиками. Присоединение ЮАР в 2011 г. ознаменовало первый случай включения африканского государства в состав объединения. В январе 2024 г. число участников БРИКС расширилось за счет Египта, Объединенных Арабских Эмиратов, Ирана и Эфиопии, а в январе 2025 г. – за счет Индонезии, в результате

чего число членов организации достигло десяти. Последовательное увеличение численного состава БРИКС расширило географические и культурные рамки механизма сотрудничества, существенно укрепило его представительность и влияние в системе глобального управления от имени развивающихся стран и стран с формирующимися рынками. Для Китая вступление ЮАР, Египта и Эфиопии стало новым стимулом для углубления китайско-африканского партнерства, открыло дополнительные возможности для практической реализации ключевой внешнеполитической доктрины, а именно концепции построения сообщества единой судьбы человечества.

С момента выдвижения в 2017 г. концепции «БРИКС+» Китай последовательно продвигает идеи открытости и инклюзивности объединения, рассматривая его в качестве ключевой платформы для реализации инициативы построения сообщества единой судьбы человечества. В ходе бизнес-форума саммита БРИКС в Йоханнесбурге в 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин особо подчеркнул необходимость превращения сотрудничества между БРИКС и африканскими странами в образец эффективного южного сотрудничества [1]. В октябре 2024 г. на заседании в формате диалога лидеров «БРИКС+» Си Цзиньпин выступил с программной речью «Объединив мощь “Глобального Юга”, вместе строим сообщество единой судьбы человечества», выразив поддержку расширению объединения и призвав ориентировать реформу глобального управления на принципы справедливости и инклюзивности, руководствуясь концепцией сообщества единой судьбы человечества [2].

Присоединение ЮАР, Египта и Эфиопии укрепило многосторонний характер БРИКС и повысило его представительность от имени стран Глобального Юга, подтвердило решимость Китая в продвижении единства и самостоятельности развивающихся государств, а также в повышении их роли в выработке международной повест-

ки. Учитывая геополитическое значение данных стран как ведущих государств юга, севера и востока Африки, их вступление создает значительный прецедент, способствующий активному вовлечению других африканских стран в реформу глобального управления и в строительство сообщества единой судьбы человечества.

Присоединение этих трех государств к БРИКС основывается на их выраженной геополитической репрезентативности и региональном влиянии на африканском континенте. ЮАР, ставшая первым африканским государством – членом БРИКС, играет важнейшую роль в делах Африки благодаря статусу одной из наиболее развитых экономик континента и участию в составе «Группы двадцати» (*G*20). Вступление Египта и Эфиопии позволило компенсировать относительные ограничения ЮАР в демографическом и экономическом аспектах, одновременно усилив долю африканских государств среди членов объединения. Египет, находящийся на пересечении Северной Африки и арабского мира, традиционно выступает в роли ведущего регионального актора. Эфиопия, являясь вторым по численности населения государством на континенте и местом расположения штаб-квартиры Африканского союза, играет ключевую роль в обеспечении мира и продвижении процессов региональной интеграции. Таким образом, вступление этих трех стран способствует укреплению присутствия всего африканского континента в рамках механизма БРИКС и на глобальной арене в целом.

Необходимо отдельно отметить, что данные государства выстроили устойчивые политические и торгово-экономические связи с Китаем и другими членами БРИКС. Египет на протяжении длительного времени поддерживает тесное сотрудничество с КНР, Российской Федерацией и Индией как в экономической, так и в политической сферах. ЮАР стала первым африканским государством – членом, подписавшим с Китаем документ о сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Эфиопия,

в свою очередь, является одним из ключевых участников данной инициативы на африканском континенте. Эти прочные основы двустороннего и многостороннего взаимодействия создают благоприятные условия для продвижения Китаем интеграции интересов с указанными тремя странами.

С точки зрения африканских государств стремление Египта, ЮАР и Эфиопии к вступлению в БРИКС имеет четко выраженную и стратегически обоснованную направленность. Прежде всего, африканские страны стремятся через механизм БРИКС отстаивать равноправие в международной повестке и право на развитие, преодолевая длительную маргинализацию в системе глобального управления. БРИКС выступает в качестве ключевой координационной платформы сотрудничества Юг – Юг и все чаще используется африканскими государствами как канал для выражения собственных интересов и позиций. Китай активно использует свое влияние в БРИКС и других многосторонних форматах для поддержки повышения международного статуса африканских стран. В частности, КНР первой выступила с инициативой о предоставлении Африканскому союзу статуса полноправного члена *G*20 и оказала необходимую дипломатическую поддержку. Эта цель была достигнута по итогам XV саммита БРИКС в 2023 г. и XVIII саммита *G*20 [3]. В рамках продвижения африканской повестки Китай активно взаимодействует с другими членами объединения, прежде всего с ЮАР, содействуя тому, чтобы дипломатия БРИКС уделяла больше внимания вопросам, актуальным для африканского континента. Министр иностранных дел КНР Ван И открыто заявил о поддержке Южной Африки в выполнении ею функций председателя *G*20 в 2025 г., выразив надежду на то, что глобальное управление будет дополнено ярко выраженным «африканским акцентом» [4].

Во-вторых, в сфере экономики и финансов все три государства стремятся укрепить экономический суверенитет

и сократить зависимость от западноцентричной финансовой архитектуры. Египет неоднократно сталкивался с кризисами ликвидности, в то время как Эфиопия на протяжении длительного периода испытывает давление в виде международных финансовых санкций. Эти обстоятельства во многом коррелируют с позицией БРИКС, направленной на дедолларизацию, расширение расчетов в национальных валютах и обсуждение перспектив создания единой валюты. Платформа БРИКС предоставляет Китаю и африканским странам возможность углубить сотрудничество в области трансграничных расчетов и использования национальных валют, что, в свою очередь, способствует снижению зависимости от доллара США, повышению устойчивости экономик африканских государств и расширению их участия в глобальном управлении.

Углубление торгово-экономических связей между членами объединения является одним из приоритетных направлений сотрудничества в рамках БРИКС. КНР на протяжении 16 лет сохраняет статус крупнейшего торгового партнера Африки. Доля китайско-африканской торговли в общем внешнеторговом обороте африканских стран стабильно растет, а вклад Китая в экономический рост континента превышает 20 %. В 2022 г. объем двусторонней торговли между КНР и странами Африки достиг 282 млрд дол. США, увеличившись на 11,1 % по сравнению с предыдущим годом [5]. С 2009 г. КНР занимает позицию основного торгового партнера ЮАР; стороны активно взаимодействуют в таких ключевых отраслях, как энергетика, промышленное производство и информационные технологии [6]. КНР также является крупнейшим торговым партнером Египта: по итогам 2024 г. объем китайско-египетского товарооборота составил 17,38 млрд дол. США [7]. Сотрудничество между двумя странами охватывает инфраструктурные проекты, энергетику и промышленность. В Эфиопии реализуемые при ведущей роли КНР транспортные и энергетические проекты существенно способ-

ствовали модернизации инфраструктуры и укреплению потенциала устойчивого развития страны.

Таким образом, интеграция интересов Китая с ЮАР, Египтом и Эфиопией в рамках БРИКС не только укрепила стратегическую автономию этих трех государств на международной арене, но и способствовала практической реализации концепции сообщества единой судьбы человечества на африканском континенте. Данный формат сотрудничества преодолевает традиционную логику соперничества великих держав, усиливает механизмы южного сотрудничества и формирует новую парадигму равноправного, взаимовыгодного и инклюзивного взаимодействия между развивающимися странами.

Это подчеркивает как инклюзивность, так и лидерский потенциал БРИКС в трансформации глобального управления. Можно предположить, что в процессе дальнейшего развития отношений и по мере углубления сотрудничества, три указанных государства как представители различных субрегионов Африки будут играть более важную роль в рамках объединения. Заявленные намерения Нигерии, Зимбабве и других африканских стран о вступлении в БРИКС свидетельствуют как об увеличении международной привлекательности механизма, так и о коллективном стремлении африканских государств к построению более справедливого и рационального миропорядка.

Библиографический список

1. 习近平出席金砖国家工商论坛并发表重要讲话 = Си Цзиньпин принял участие в Форуме деловых кругов стран БРИКС и выступил с важной речью // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – 26.07.2018. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/fz_677316/1206_678284/xgxw_678290/201807/t20180726_9319263.shtml (дата обращения: 03.06.2025).

2. 汇聚 «全球南方» 磅礴力量 共同推动构建人类命运共同体 = Объединение мощи «Глобального Юга» для совместного продвижения

построения сообщества единой судьбы человечества // 中国政府网 = Правительство Китайской Народной Республики. – 24.10.2024. – URL: https://www.gov.cn/gongbao/2024/issue_11686/202411/content_6985163.html (дата обращения: 12.06.2025).

3. 陈文兵. 金砖国家合作为推动全球治理贡献力量 / 陈文兵 = Чэнь Вэньбин. Сотрудничество стран БРИКС способствует продвижению глобального управления / Чэнь Вэньбин // 中国社会科学网= Китайский портал. – URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202308/t20230822_5680577.shtml?d=1692882521409 (дата обра-щения: 05.06.2025).

4. 做维护世界和平稳定的力量 = Быть силой по поддержанию мира и стабильности во всем мире // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – 21.02.2025. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjbzhd/202502/t20250221_11559723.shtml (дата обращения: 09.06.2025).

5. 中国与非洲经贸关系报告（2023）= Доклад о торгово-экономических отношениях между Китаем и Африкой (2023) // 中国商务部网站 = Министерство коммерции Китайской Народной Республики. – 10.07.2023. – URL: https://bj.mofcom.gov.cn/sqfb/art/2023/art_0b42ba54ca2743d0bb3571e5607a0416.html (дата обращения: 10.06.2025).

6. 参赞致辞 // 中华人民共和国商务部. – URL: https://za.mofcom.gov.cn/gywm/czzc/art/2023/art_1061f7760f034cff81651ad3bb48f2ef.html (date of access: 12.06.2025). = Приветственное слово советника // Министерство коммерции Китайской Народной Республики. – 123.10.2023. – URL: https://za.mofcom.gov.cn/gywm/czzc/art/2023/art_1061f7760f034cff81651ad3bb48f2ef.html (дата обращения: 09.06.2025).

7. 中国同埃及的关系 = Отношения между Китаем и Египтом // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/fz_677316/1206_677342/sbgx_677346/ (дата обращения: 09.06.2025).

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ, КУЛЬТУРНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аожигэлэ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
arglxky@gmail.com

После Второй мировой войны новые национальные государства Юго-Восточной Азии, столкнувшись с двойными вызовами колониального наследия и нациестроительства, повсеместно приняли экономическую политику, основанную на принципе «приоритета коренного населения», что привело к системному исключению китайской диаспоры. После 1980-х гг., в условиях экономической глобализации и подъема Китая, торговые сети китайских предпринимателей в регионе были переоценены, однако их экономический успех также спровоцировал новый виток этнической напряженности. В то же время, столкнувшись с политикой принудительной ассимиляции и культурного подавления, китайская диаспора сохранила свою этническую идентичность через общественные организации и культурные инновации, постепенно расширив участие от экономической сферы до политической и завершив трансформацию от «маргинализированной группы» до «участника политической системы». В статье, исследуя исторические изменения социального статуса китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны, основное внимание уделяется эволюции ее стратегий в трех аспектах: экономическая адаптация, культурная трансформация и политическое участие. Результаты исследования показывают, что развитие китайской диаспоры отражает не только адаптивные инновации транснациональных этнических групп, но и сложное взаимодействие межэтнических отношений в эпоху глобализации, что имеет важное значение для понимания моделей управления в многоэтнических государствах.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия; китайская диаспора; хуажэнь; антикитайские выступления; общественные организации; этническая идентичность.

EVOLUTION OF ECONOMIC, CULTURAL AND POLITICAL STRATEGIES OF THE CHINESE DIASPORA IN SOUTHEAST ASIA AFTER WORLD WAR II

Aoeigele

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, arglxky@gmail.com

After World War II, the new nation-states of Southeast Asia, faced with the dual challenges of colonial legacy and nation-building, adopted economic policies based on the principle of «indigenism first», which led to the systemic exclusion of the Chinese diaspora. After the 1980s, with economic globalization and the rise of China, the trading networks of Chinese entrepreneurs in the region were re-evaluated, but their economic success also provoked a new round of ethnic tensions. At the same time, faced with policies of forced assimilation and cultural suppression, the Chinese diaspora maintained its ethnic identity through social organizations and cultural innovations, gradually expanding its participation from the economic to the political sphere, and completing the transformation from a «marginalized group» to a «participant in the political system». This article examines the historical changes in the social status of the Chinese diaspora in Southeast Asia after World War II, focusing on the evolution of its strategies in three aspects: economic adaptation, cultural transformation and political participation. The results of the study show that the development of the Chinese diaspora reflects not only the adaptive innovations of transnational ethnic groups, but also the complex interaction of interethnic relations in the era of globalization, which has important implications for understanding the governance patterns of multi-ethnic states.

Keywords: Southeast Asia; Chinese diaspora; Huaren; anti-Chinese protests; public organizations; ethnic identity.

Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии (хуажэнь) относится к натурализованным гражданам китайского происхождения, сохраняющим китайскую культурную идентичность и признаваемым местным большинством

как этническая китайская община. Это определение также включает потомков китайских мигрантов с высокой степенью ассимиляции. Профессор Чжуан Готу в работе «Изменения социального статуса китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны» определяет их как «устойчивую социальную группу, состоящую из китайских мигрантов и их потомков, сохраняющую китайскую идентичность» [1, с. 54].

Юго-Восточная Азия как географический регион на протяжении последних пяти столетий переживала масштабные миграционные процессы, но не сформировала единой «юго-восточноазиатской» идентичности. Регион демонстрирует сложную картину сосуществования и конфликта мультикультурализма, где такие факторы, как взаимодействие восточных и западных цивилизаций, этническое разделение, религиозная адаптация, языковые барьеры и классовые противоречия, могут служить потенциальными катализаторами националистических тенденций.

Процесс строительства национальных государств в Юго-Восточной Азии носил выраженный экзогенный характер, являясь преимущественно продуктом движений за независимость под колониальным давлением. Примечательно, что эти новые национальные государства изначально столкнулись с проблемой незавершенной национальной интеграции – отсутствия единой национальной идентичности среди граждан, что заложило основу для последующих сепаратистских движений. В этих особых исторических условиях сформированные государства Юго-Восточной Азии имели явно нестабильную экономическую основу.

«На первом этапе экономического развития китайской диаспоры в послевоенный период (конец 1940 х – конец 1970 х гг.) правительства последовательно вводили ограничительные меры: на Филиппинах был провозглашен курс «Филиппинцы прежде всего» (1958); ему предшествовал «Закон о национализации розничной торговли», а позднее последовал «Закон о национализации рисовой

и кукурузной промышленности» [2], что вызвало резкие протесты китайской общины против дискриминационной политики [3, p. 82–84]; Лаос в 1960 г. ввел «Декрет о запрете иностранцам заниматься 12 видами деятельности»; Малайзия в 1971 г. запустила 20-летнюю «Новую экономическую политику», предоставляющую малайцам привилегии в экономической сфере; Мьянма в 1948–1960 гг. проводила национализацию предприятий; Таиланд с 1949 г. ввел «Положение о зарезервированных профессиях», к 1960 г. их число достигло 17; Индонезия в 1950 г. инициировала «Программу опорных отраслей», в 1957–1959 гг. последовательно издала «Закон об индонезизации 15 видов промышленности», «Закон о найме иностранцев» и президентский указ № 10, ограничивающий розничную торговлю; режим Южного Вьетнама в 1948–1956 гг. также ввел ряд ограничений на предпринимательскую деятельность иностранцев [4, с. 115].

На втором этапе (после 1980-х гг.) политико-экономическая ситуация в Юго-Восточной Азии значительно изменилась. Политика реформ и открытости Китая создала огромные региональные экономические возможности, и китайские предприниматели в Юго-Восточной Азии, используя свои уникальные коммерческие сети, добились быстрого развития. Это повышение экономического статуса в большинстве стран (кроме Сингапура) вызвало резкую реакцию титульных наций, и некоторые политики сделали защиту экономических интересов коренного населения своим политическим требованием, что еще больше обострило межэтнические противоречия.

В этом контексте некоторые китайские предприятия приняли стратегии совместного предпринимательства с предпринимателями из числа коренного населения или политического рентоориентированного поведения, что, хотя и было адаптивным выбором в конкретных условиях, привело к обвинениям китайского бизнес-сообщества в коррупции. Эта стигматизация в конечном итоге вы-

лилась в насильственные инциденты против китайской общины, такие как майские беспорядки 1998 г. в Индонезии [5]. Чтобы справиться с кризисом выживания, китайцы Юго-Восточной Азии создали разветвленную сеть социальных организаций. Эти гражданские группы, целью которых была взаимопомощь и развитие, не только укрепили сплоченность общины, но и стали важной социальной силой, связывающей Китай и Юго-Восточную Азию. В культурной сфере, несмотря на политику принудительной ассимиляции в некоторых странах (например, полный запрет китайского образования, китайских СМИ и традиционных праздников в Индонезии во времена Сухарто), китайская культурная идентичность, напротив, укрепилась. С 1970-х гг. активизировалась деятельность транснациональных китайских организаций, таких как Всемирная конференция хакка (1971 г.) и Международная конференция теоцзю (1981 г.) [4, с. 115]. После 1990-х гг. такие мероприятия постепенно стали проводиться в самом Китае, что отражает растущее влияние Китая в делах зарубежной китайской диаспоры.

Политическое участие стало важным способом противодействия национализму для китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии. В таких странах, как Сингапур и Малайзия, китайцы пользуются полными политическими правами; Индонезия через политические реформы предоставила китайцам больше возможностей для участия в политике, некоторые даже занимают должности в местной администрации [6]. Согласно данным, количество государственных служащих китайского происхождения в Малайзии увеличилось с 18 человек в 2008 г. до 61 человека в 2009 г., а генеральный секретарь Демократической партии действий Лим Гуан Энг в 2008 г. был избран главным министром Пенанга [7]. Эта трансформация от «экономической элиты» к «политическим участникам» свидетельствует о значительном повышении политической зрелости китайской общины.

Таким образом, в экономическом измерении китайские предприниматели Юго-Восточной Азии должны, основываясь на общенациональных интересах, достигать взаимовыгодного сотрудничества через межэтническое взаимодействие. Это является фундаментальным путем для разрешения экономического национализма. В культурной сфере китайская диаспора через локализованные инновации реализовала модернизацию китайской культуры, оказывая существенное влияние на культурное развитие стран проживания. На политическом уровне, благодаря усилиям нескольких поколений, китайская диаспора Юго-Восточной Азии завершила трансформацию из экономической группы в политическую общность, обеспечив устойчивое развитие этнической группы через институциональное участие. Этот путь доказывает, что коренные интересы зарубежных китайцев всегда неразрывно связаны с развитием стран их проживания.

Библиографический список

1. 庄国土. 二战以后东南亚华族社会地位的变化 / 庄国土 = Чжуан Готу. Изменение социального статуса китайцев Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны / Чжуан Готу. – 厦门 = Сямэнь : 厦门大学出版社 = Изд-во Сямэнь. Ун-та, 2003. – 510 с.

2. An Act Limiting the Right to Engage in the Rice and Corn Industry to Citizens of the Philippines, and for Other Purposes : Reublic Act. 2 August 1960, N 3018 // Lawphil. – URL: https://lawphil.net/statutes/repacts/ra1960/ra_3018_1960.html (date of access: 23.05.2025).

3. Abinales, P. N. State and Society in the Philippines / P. N. Abinales, D. J. Amoroso. – Lanham, Maryland : Rowman & Littlefield Publishers, 2005. – 417 p.

4. 梁英明. 东南亚华商与经济民族主义 / 梁英明 = Лян Инмин. Китайские бизнесмены и экономический национализм в Юго-Восточной Азии / Лян Инмин // 华侨华人历史研究 = Исследования истории зарубежных китайцев. – 2016. – Т. 28, № 3. – С. 115–118.

5. 印尼1998排华暴乱周年：海外印尼华人的历史创伤与身份认同 = Годовщина антикитайских беспорядков 1998 г. в Индонезии: историческая травма и идентичность китайских индонезий-

цев, проживающих за рубежом // BBC News 中文 = BBC на китайском. – 27.05.2024. – URL: https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-69065344 (дата обращения: 24.05.2025).

6. 曹云华. 东南亚华人政治参与的现状、特点与趋势 / 曹云华, 冯悦 = Цао Юньхуа. Текущая ситуация, особенности и тенденции политического участия китайцев в Юго-Восточной Азии / Цао Юньхуа, Фэн Юэ // 东南亚研究= Исследования Юго-Восточной Азии. – 2020. – Т. 32, № 4. – С. 122–139.

7. 东南亚华人参政现状简述 = Краткий обзор текущей ситуации с участием китайцев в политике Юго-Восточной Азии // 百度文库 Baidu Wenku. – 04.05.2015. – URL: https://wenku.baidu.com/view/a58ea91fddccda38366baf28 (дата обращения: 23.05.2025).

УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ КНР «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

В. Э. Василевская

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
vasilevskaya.v.e@mail.ru

Статья посвящена особенностям белорусско-китайского сотрудничества в реализации инициативы КНР «Один пояс, один путь». Внимание концентрируется на промежуточных результатах и перспективах расширения партнерства. Рассматриваются основные фундаментальные документы, определяющие развитие двустороннего сотрудничества в совместном строительстве Экономического пояса Шелкового пути. В качестве основных результатов сотрудничества выделено значение работы Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень», а также совместные проекты по сборке легковых автомобилей марки *Geely*, производству высококачественных комбикормов, первичных и вторичных бумажных волокон.

Ключевые слова: белорусско-китайские отношения; Великий камень; инициатива «Один пояс, один путь»; Экономический пояс Шелкового пути.

PARTICIPATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE IMPLEMENTATION OF THE CHINA'S BELT AND ROAD INITIATIVE: A HISTORICAL DIGRESSION

V. E. Vasilevskaya

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
vasilevskaya.v.e@mail.ru

The article is devoted to the specifics of the Belarusian-Chinese cooperation in the implementation of the Belt and Road initiative.

The focus is on the interim results and the prospects for expanding the partnership. The main fundamental documents determining the development of bilateral cooperation in the joint construction of the Silk Road Economic Belt are considered. The main results of the cooperation highlighted the importance of the work of the Chinese-Belarusian Industrial Park «Great Stone», as well as the project of joint assembly of Geely passenger cars, the project of joint production of high-quality animal feed, the project of joint production of primary and secondary paper fibers.

Keywords: Belarusian-Chinese relations; Great Stone; Belt and Road initiative; Silk Road Economic Belt.

Инициатива «Один пояс, один путь» была выдвинута Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. в качестве идейной связующей расширения экономической интеграции Азии, Европы и Африки по морскому и сухопутному пути. Стратегии получили названия Морской Шелковый путь XXI в. и Экономический пояс Шелкового пути соответственно.

Первым официальным документом инициативы «Один пояс, один путь», раскрывающим ее концептуальное начало является «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XX века». Согласно II разделу указанного документа, посвященному основным принципам совместного строительства Шелкового пути, инициатива «Один пояс, один путь» выступает открытой площадкой для сотрудничества всех заинтересованных государств, международных и региональных организаций. Китай как главный двигатель целей инициативы «Один пояс, один путь» призывает присоединяться к совместному строительству экономических коридоров для общего процветания [1, с. 257]. На настоящем этапе к реализации инициативы «Один пояс, один путь» присоединились порядка 30 международных организаций и свыше 150 стран.

Республика Беларусь является первой страной в Восточной Европе, выразившей открытую поддержку и готовность к практической реализации инициативы китайского руководства «Один пояс, один путь». Подтверждением на официальном уровне поддержки инициативы белорусской стороной является подписание в декабре 2014 г. меморандума между Министерством экономики Беларуси и Министерством коммерции Китая о достижении согласованности по вопросам направлений сотрудничества в рамках проекта Экономический пояс Шелкового пути.

Масштабная работа по реализации инициативы на территории Беларуси была запущена в 2015 г., когда во время государственного визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Минск, Президент Республики Беларусь призвал Китай к расширению двустороннего сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь». «Мы активно поддерживаем это направление и готовы предоставить наши возможности для реализации данного проекта», – отметил Глава белорусского государства А. Г. Лукашенко в ходе официальной встречи с Министром иностранных дел КНР Ван И в апреле 2015 г. [2].

В рамках государственного визита был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между странами, согласно статье 8 которого стороны договорились совместно всесторонне продвигать создание Экономического пояса Шелкового пути и создавать необходимые для этого благоприятные условия [3]. В свою очередь, поручения правительству Президент Республики Беларусь изложил в Директиве № 5 от 31 августа 2015 г.: в пункте 6.2 Совету Министров поручено систематизировать и согласовать национальные программы с подходами проекта инициативы [4].

Импульс укреплению сотрудничества Беларуси и Китая в реализации инициативы «Один пояс, один путь» был дан в результате подписания Совместной Декларации о переходе двусторонних отношений на уровень доверительного всестороннего стратегического партнерства

и взаимовыгодного сотрудничества в сентябре 2016 г. Согласно статье 3 указанной Декларации, стороны договорились продвигать строительство инициативы «Один пояс, один путь» и укреплять сопряжение данной инициативы с национальными стратегиями развития Беларуси. Также в статье 2 документа отмечается, что китайская сторона высоко оценивает подписание Президентом Республики Беларусь Директивы № 5 от 31 августа 2015 г. в исполнении достигнутых договоренностей [5]. В связи с этим в исполнение новых достигнутых договоренностей 3 декабря 2021 г. Президентом Республики Беларусь была подписана Директива № 9. Согласно содержанию документа реализация инициативы «Один пояс, один путь» выделяется в качестве приоритетного направления развития двусторонних отношений, отдельной практической мерой обозначается задача по развитию крупнейшего совместного проекта – индустриального парка «Великий камень» [6].

Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» называют показательным примером белорусско-китайского сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь». На территории Беларуси индустриальный парк является самым крупным инвестиционным проектом, объем заявленных резидентами инвестиций оценивается свыше 1,5 млрд дол. США [7].

Идея создания специальной крупной платформы инвестиционного взаимодействия Китая и Беларуси сложилась еще в 2010 г. Выдвижение Китаем в 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь» способствовало ускорению реализации данной идеи. В результате в июне 2014 г. был заложен первый фундамент в строительстве индустриального парка «Великий камень». Общая территориальная площадь проекта составляет 117,6 км^2, из которых более 100 тыс. м^2 приходится на производственную недвижимость. Благодаря особому правовому режиму, обеспечивающему комфортные условия для видения бизнеса, количество резидентов парка увеличивается с каждым годом. На

настоящем этапе это порядка 150 резидентов из 13 стран мира. Ожидается, что по итогам 2025 г. количество резидентов парка увеличится до 170, к 2030 г. – до 270 [7].

В июне 2021 г. Президент Республики Беларусь подписал Указ о совершенствовании правового регулирования работы индустриального парка, документом утверждены положения, направленные на привлечение новых инвестиций за счет передачи дополнительных полномочий органам власти в осуществлении административных процедур, касающихся поддержки крупных инвестиционных проектов. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, по итогам 2023 г. прямые иностранные инвестиции «Великого камня» увеличились в два раза относительно показателей за 2022 г. (с 14,4 млн дол. США до 28,7 млн дол. США) [8].

Индустриальный парк «Великий камень» демонстрирует устойчивый экономический рост, показатели его работы характеризуются высокими результатами на протяжении уже более 10 лет. По данным Белорусского института стратегических исследований, за 9 месяцев 2024 г. выручка резидентов парка от реализации продукции увеличилась в 1,4 раза в сравнении с аналогичным периодом 2023 г., экспорт товаров и заработная плата работников – в 1,1 раза, прямые иностранные инвестиции – в 1,2 раза, объем производства – в 1,2 раза. При этом в 2024 г. был зафиксирован рекордный рост чистой прибыли предприятий парка – в 19 раз. Также в минувшем году было зарегистрировано 21 высокотехнологичное производство с белорусским, китайским, российским и израильским капиталом [9].

Кроме индустриального парка «Великий камень» в качестве показательных примеров взаимовыгодного белорусско-китайского сотрудничества в реализации инициативы «Один пояс, один путь» следует выделить проекты:

– совместной сборки полного цикла востребованных сегодня на белорусском рынке легковых автомобилей марки *Geely*. Для реализации данного проекта на терри-

тории Беларуси был построен крупный завод площадью 118 га на 1700 рабочих мест, первоначально производственная мощность завода оценивалась в 60 тыс. машин в год, сегодня выпуск увеличился до 80 тыс. экземпляров, поставляемых преимущественно на российский рынок [10]. Фактически благодаря поддержке Китая в Беларуси создан новый отечественный автобренд, пользующийся большим спросом на внутреннем рынке;

– строительства первого в регионе СНГ предприятия с замкнутым циклом агропромышленного производства, аналог которому существует только в Китае, США и Японии – Белорусская национальная биотехнологическая корпорация. Данное производство полностью закрывает потребность внутреннего рынка в аминокислотах и значительно сокращает импорт необходимых для развития сельского хозяйства комбикормов [11]. Строительство крупного производства, подрядчиком которого выступила китайская компания *CITIC Construction*, позволило вывести национальный флагман сельскохозяйственной отрасли на новый качественный уровень;

– запуска первого на территории Беларуси высокотехнологичного производства первичных и вторичных бумажных волокон на предприятии Светлогорский целлюлозно-картонный комбинат. На настоящем этапе продукция предприятия поставляется в 15 стран мира и в большей степени обеспечивает потребности внутреннего рынка. В перспективе планируется расширить ассортимент производства на базе китайских технологий и создать дополнительные условия для привлечения инвестиций [12]. Необходимо подчеркнуть, что Светлогорский целлюлозно-картонный комбинат является самым крупным инвестиционным проектом района, обладающим высоким экономическим знечением. Реализация проекта позволяет обеспечить внутренний рынок качественной продукцией, в рамках импортозамещения и расширить экспортные возможности за рубежом.

Перечисленные проекты обладают не только высоким социальным и экономическим значением, но и оказывают влияние на развитие политической сферы в реализации белорусско-китайского партнерства. Сегодня между Беларусью и Китаем достигнут исторический максимум на политическом уровне взаимодоверия – отношения всепогодного и всестороннего стратегического партнерства. Китай является приоритетным партнером Беларуси во всех сферах взаимодействия, что подтверждается установлением всестороннего сотрудничества, а также надежной опорой в непостоянных условиях политической системы, что подтверждается установлением всепогодного сотрудничества. Благодаря сформированному надежному политическому фундаменту, обеспечивается прогрессивное развитие экономических отношений. За 33 года плодотворного сотрудничества Китай и Беларусь прошли путь от взаимодополняемости к промышленной кооперации до совместных инноваций. Мощный импульс расширению торгово-экономических связей придало активное участие Беларуси в реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь».

Библиографический список

1. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века // Россия и АТР. – 2015. – № 3. – С. 255–270. – URL: http://www.riatr.ru/2015/3/Russia_and_ATR_2015-3_255-270.pdf (дата обращения: 04.06.2025).

2. О визите Министра иностранный дел КНР Ван И в Беларусь // Президент Республики Беларусь. – 08.04.2015. – URL: https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-ministrom-inostrannyx-del-knr-van-i-11179 (дата обращения: 04.06.2025).

3. Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой : [подписан в г. Минске 10 мая 2015 г.] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I01500037 (дата обращения: 04.06.2025).

4. О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой : Директива Президента Респ. Беларусь № 5 от 31 августа 2015 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P01500005 (дата обращения: 04.06.2025).

5. Совместная декларация Республики Беларусь и Китайской Народной Республики об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – URL: https://china.mfa.gov.by/kcfinder/upload/china/files/embassy/decloration.pdf (дата обращения: 04.06.2025).

6. О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой : Директива Президента Респ. Беларусь № 9 от 3 дек. 2021 г // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-no-9-ot-3-dekabrya-2021-g (дата обращения: 04.06.2025).

7. Крыжевич, И. «Великий камень» стал одной из ключевых платформ притяжения зарубежный технологий и инвестиций в Беларусь / И. Крыжевич // СБ – Беларусь сегодня. – 30.11.2024. – URL: https://www.sb.by/articles/blesk-zhemchuzhiny-shelkovogo-puti.html (дата обращения: 04.06.2025).

8. Основные показатели деятельности резидентов Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/statistika-malykh-territoriy/osobye-ekonomicheskie-zony/godovye-dannye/osnovnye-pokazateli-deyatelnosti-rezidentov-kitaysko-belorusskogo-industrialnogo-parka-velikiy-kamen/ (дата обращения: 04.06.2025).

9. Индустриальный парк «Великий камень» демонстрирует устойчивую динамику своего развития // Крупский вестн. – 14.01.2025. – URL: https://krupki.by/index.php/novosti-oblasti/26058-industrialnyj-park-velikij-kamen-demonstriruet-ustojchivuyu-dinamiku-svoego-razvitiya (дата обращения: 04.06.2025).

10. Воронцов А. Чем отличаются Belgee от Geely: репортаж с завода в Беларуси / А. Воронцов // AutoNews. – 22.07.2024. – URL: https://www.autonews.ru/news/669a1ef09a794727c29ae60f (дата обращения: 04.06.2025).

11. Берникович, Д. БНБК позволила сократить импорт аминокислот, наладить производство экспортно ориентированной продук-

ции / Б. Бернікович // СБ – Беларусь сегодня. – 16.01.2025. – URL: https://www.sb.by/articles/kosmicheskaya-unikalnost-korporatsii.html (дата обращения: 04.06.2025).

12. Импортозамещающая продукция и новые проекты. Как развивается Светлогорский ЦКК // БЕЛТА. – 05.03.2024. – URL: https://belta.by/economics/view/importozameschajuschaja-produktsija-i-novye-proekty-kak-razvivaetsja-svetlogorskij-tskk-613648-2024/ (дата обращения: 04.06.2025).

13. Проект Совместной декларации Республики Беларусь и Китайской Народной Республики об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства // Министерство иностранных дел Китайской Народно Республики. – 01.09.2022. – URL: https://china.mfa.gov.by/kcfinder/upload/china/files/embassy/decloration.pdf (дата обращения: 04.06.2025).

ПАРЛАМЕНТСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЮНХЕНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ

Д. С. Василенко

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, fsnq@yandex.ru

Статья посвящена анализу развития парламентского измерения Мюнхенской конференции по безопасности, которая стала ключевой площадкой для обсуждения вопросов региональной стабильности и безопасности. Показано, что статус парламентариев предоставляет дополнительные возможности для международных контактов и выступлений по чувствительным вопросам, выдвижения предложений по актуальным вопросам безопасности. Приведены примеры участия парламентариев в заседаниях Мюнхенской конференции по безопасности из отдельных государств.

Ключевые слова: Мюнхенская конференция по безопасности; парламентаризм; дипломатия; международная безопасность.

THE PARLIAMENTARY DIMENSION OF THE MUNICH SECURITY CONFERENCE

D. S. Vasilenko

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, fsnq@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the development of the parliamentary dimension of the Munich Security Conference, which has become a key platform for discussing issues of regional stability and security. It is shown that the status of parliamentarians provides additional opportunities for international contacts and speeches on sensitive issues, putting forward proposals on topical security issues. Examples of the participation of parliamentarians in the meetings of the Munich Security Conference from individual states are given.

Keywords: Munich Security Conference; parliamentarism; diplomacy; international security.

Мюнхенская конференция по безопасности (МКБ) является важнейшей глобальной площадкой для обсуждения вопросов международной безопасности, которая проводится с 1963 г. На протяжении десятилетий она эволюционировала от форума для диалога между Западной Германией и США до крупнейшего международного мероприятия, где собираются представители правительств, военных структур, бизнеса, гражданского общества и аналитических центров. Парламентская дипломатия играет ключевую роль в международных отношениях, особенно в вопросах, связанных с безопасностью. В отличие от традиционной дипломатии, где переговоры и решения чаще всего осуществляются между правительствами, парламентская дипломатия дает возможность депутатам затрагивать более чувствительные вопросы. Это позволяет создавать более широкие возможности для поиска политических компромиссов, установления межпартийных диалогов и поиска решений по актуальным проблемам.

Парламентарии могут стать ключевыми фигурами в урегулировании конфликтов, предложении новых инициатив в области контроля над вооружениями или обсуждения механизмов снижения глобальных угроз. В этом контексте, парламентская дипломатия на МКБ способствовала созданию устойчивых механизмов диалога и поддержки решений, которые впоследствии внедрялись на уровне правительств.

В Мюнхенской конференции по безопасности традиционно участвуют главы государств, министры обороны и иностранных дел, руководители военных и дипломатических ведомств. Однако с каждым годом на конференции все активнее звучали голоса представителей законодательных органов разных стран. Так, в 2022 г. на конференцию прибыла целая делегация конгрессменов США [1]. Участие парламентариев в обсуждениях на высшем уровне позволяли привносить в диалог новый ракурс – точку зрения гражданского общества и электората.

В ряде случаев в сессиях МКБ принимали участие парламентарии и тех государств, отношения с которыми у стран Запада по ряду вопросов отличаются особой напряженностью. Так, в 2009 г. во время дискуссии о разоружении и нераспространении, бывший иранский переговорщик по ядерной программе на отклонил предложение президента США Обамы о переговорах. Спикер иранского парламента (меджлиса) А. Лариджани обвинил США в применении двойных стандартов, которые терпимо относятся к израильской ядерной программе и ядерным испытаниям, проводимым Пакистаном и Индией и в то же время осуждают его страну за ее ядерную политику. «Старое клише кнута и пряника должно быть отброшено», – заявил А. Лариджани. Тем не менее он приветствовал решение Обамы направить на Ближний Восток специального посланника Дж. Митчелла. «Это позитивный сигнал», – сказал А. Лариджани. Если бы политическое отношение к Тегерану изменилось, Иран был бы готов сотрудничать в разработке новых концепций безопасности, отметил он. В последние годы Соединенные Штаты сожгли множество мостов. «Новый Белый дом может их восстановить», – подчеркнул спикер иранского парламента [2].

Парламентарии играют важную роль в обеспечении контроля за внешней политикой своих стран и оказывают непосредственное влияние на формирование законодательных инициатив, которые касаются вопросов безопасности и обороны, включая бюджетные решения, что позволяет им влиять на оборонные расходы в своих государствах. В этом плане МКБ предоставляет возможность для межпарламентских встреч и дискуссий по различным аспектам международной политики безопасности. На таких мероприятиях парламентарии не только представляли национальные интересы, но и обменивались опытом, лучшими практиками и идеями для решения глобальных проблем.

Особенно важной была роль парламентов в контексте усиления контроля над вооружениями, борьбы с между-

народным терроризмом и в решении вопросов кибербезопасности [3]. Эти темы с каждым годом становились все более актуальными, и парламентарии вносили конкретные предложения по улучшению законодательства, касающегося этих аспектов.

Мюнхенская конференция регулярно организует специальные мероприятия, где обсуждаются конкретные аспекты парламентского взаимодействия в контексте международной безопасности. Одним из таких форматов являются парламентские сессии, в которой принимают участие парламентарии из разных стран для обсуждения политических и законодательных аспектов текущих глобальных вызовов.

На этих сессиях обсуждались вопросы, связанные с законодательными инициативами по противодействию международному терроризму, регулированию оборота оружия, поддержанию мира и стабильности в регионах, а также разработке международных договоров по безопасности. Парламентское сотрудничество в рамках МКБ служило важной площадкой для выработки общих подходов к международной политике безопасности и позволяло наработать новые подходы для решения существующих вызовов. Участие парламентариев в международных встречах способствовало обмену информацией и выработке совместных рекомендаций для правительств.

Парламентское измерение в Мюнхенской конференции играет значительную роль в принятии решений на национальном и международном уровне. Парламентарии являются мостом между гражданами своих стран и международными институтами. Они отражали интересы избирателей в процессе обсуждения важнейших вопросов безопасности и представляли их на международной арене. Кроме того, парламентарии усиливали международное сотрудничество посредством парламентских слушаний, в ходе которых на национальном уровне обсуждались темы, поднятые на МКБ. Эти слушания позволяли адаптировать

международные рекомендации и инициативы в рамках национальных законодательных процессов.

Отдельно стоит отметить растущую роль женщин-парламентариев, которые играют активную роль в обсуждении вопросов безопасности, мира и предотвращения конфликтов. Например, на Мюнхенской конференции по безопасности 2024 г. участники Программы женщин-парламентариев (*WPP*) встретились с высокопоставленными политиками, такими, как премьер-министр Эстонии К. Каллас и бывший госсекретарь США Хиллари Клинтон, что подчеркивает их значение в международном диалоге. В последние годы гендерное измерение безопасности стало одной из ключевых тем на МКБ, и женщины-парламентарии стали важной частью этого процесса. Программа *WPP* создает пространство для молодых женщин, позволяя им вести диалог по внешней политике и безопасности. В этом году в программу вступили 20 недавно избранных женщин-парламентариев из разных стран мира [4].

Предметом выступления парламентариев на Мюнхенской конференции по безопасности является разработка программ по борьбе с транснациональными угрозами, такими, как торговля оружием, наркотрафик и киберпреступность. Парламентарии играли ключевую роль в разработке и утверждении законодательных рамок, которые обеспечивают международное сотрудничество и обмен данными в борьбе с этими угрозами. Другой важный аспект – это поддержка инициатив по ядерному разоружению. Парламентарии активно вовлечены в продвижение договоров и инициатив по сокращению арсеналов ядерного оружия и предотвращению его распространения. В этом контексте парламентская дипломатия способствовала созданию международных соглашений, которые обеспечивали контроль над вооружениями и укрепляли глобальную стабильность.

В 2021 г. заместитель председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации К. Косачев

выступил в рамках специальной сессии Мюнхенской конференции по безопасности, которую организаторы рассматривали в качестве продолжения особого формата МКБ, начатого в феврале с участием президентов США и Франции, а также федерального канцлера Германии. Разговор был полностью посвящен отношениям России и Запада. К. Косачев отметил, что Россия считает одной из причин сложившегося кризиса в отношениях опасную зацикленность Запада на монополярности мироустройства. «Выступая за партийный плюрализм во внутренней политике, в международных отношениях Запад парадоксальным образом пытается установить своего рода «однопартийную» модель. Десятилетиями Запад сужал пространство применения принципов демократии в мире, оставляя их только для внутреннего потребления», – отметил сенатор [5].

Белорусские парламентарии (включая председателей постоянных комиссий Палаты представителей и Совета Республики) не принимали участия в работе МКБ. Однако парламентарии Республики Беларуси привлекались в качестве слушателей на встрече Основной группы МКБ в Минске осенью 2018 г. [6].

В заключение стоит отметить, что парламентское измерение Мюнхенской конференции по безопасности становилось все более важным в условиях глобальных вызовов и угроз. Парламентарии играли ключевую роль в формировании международной политики безопасности, оказывая влияние на принятие решений, представляя интересы своих избирателей и способствуя созданию международных правовых норм и инициатив. Можно предположить, что в условиях роста международных кризисов и нестабильности роль парламентариев в диалоге о безопасности будет только возрастать. Мюнхенская конференция по безопасности являлась важнейшей площадкой для обсуждения этих вопросов, а парламентская дипломатия на любом уровне – оставалась незаменимым инструментом в поиске решений для обеспечения мира и стабильности.

Вместе с тем, опыт последних трех конференций МКБ с 2022 г., в которых не участвовали представители Беларуси и России, дают нам понять, что без учета мнения Минска и Москвы не может быть предметного обсуждения безопасности и развития мира в регионе.

Библиографический список

1. Transcript of U.S. Congressional Delegation Press Conference at the Munich Security Conference // Congresswoman Nancy Pelosi. – 19.02.2022. – URL: https://pelosi.house.gov/news/press-releases/transcript-of-us-congressional-delegation-press-conference-at-the-munich (date of access: 28.05.2025).

2. Thaw in International Relations // The Munich Security Conference. – 09.02.2009. – URL: https://securityconference.org/en/news/full/thaw-in-international-relations/ (date of access: 28.05.2025).

3. Food for Thought: «Rules, Resources and Expertise: Gearing Up for the Digital Age» // The Munich Security Conference – 28.09.2016. – URL: https://securityconference.org/en/news/full/food-for-thought-rules-resources-and-expertise-gearing-up-for-the-digital-age/ (date of access: 28.05.2025).

4. MSC Women Parliamentarians Program // The Munich Security Conference. – URL: https://securityconference.org/en/msc-women-parliamentarians-program/ (date of access: 28.05.2025).

5. К. Косачев выступил в рамках специальной сессии Мюнхенской конференции по безопасности // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. – 26.09.2021. – URL: http://council.gov.ru/events/news/127141/ (дата обращения: 28.05.2025).

6. Бакун, К. Беларусь всегда открыта для диалога – эксперт / К. Бакун // СБ – Беларусь сегодня. – 31.10.2018. – URL: https://www.sb.by/articles/belarus-vsegda-otkryta-dlya-dialoga-ekspert.html (дата обращения: 28.05.2025).

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» БРАЗИЛЬСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В XXI в.

М. А. Гедимин[1)], С. Ф. Свилас[2)]

[1)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, maria.ogar2004@gmail.com
[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas@bsu.by

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью «мягкой силы» в современной системе международных отношений, где Бразилия, обладая уникальным культурным, экономическим и дипломатическим потенциалом, демонстрирует альтернативный подход к внешнеполитическому влиянию. В статье анализируется эволюция бразильской стратегии «мягкой силы» в XXI в., особое внимание уделено периоду 2003–2010 гг., когда при президенте Луле да Силве страна достигла пика международного влияния за счет сочетания культурной дипломатии, экологической повестки и спортивных мегасобытий. Рассмотрены ключевые институциональные механизмы, включая Культурную сеть Бразилии и программу «Наука без границ», а также региональные и глобальные инициативы, такие как МЕРКОСУР, БРИКС и климатическая дипломатия. На основе анализа кризисных явлений 2016–2022 гг. выявлены уязвимости бразильской модели, связанные с внутренней нестабильностью и сменой политического курса. Подчеркнута необходимость балансирования между традиционными партнерами и новыми вызовами, включая цифровизацию и экологическую перезагрузку, для сохранения конкурентоспособности Бразилии в условиях глобальной геополитической трансформации.

Ключевые слова: «мягкая сила»; Федеративная Республика Бразилия; культурная дипломатия; экологическая повестка; спортивная дипломатия; Лула да Силва; БРИКС.

FORMATION OF THE CONCEPT OF «SOFT POWER» OF BRAZILIAN DIPLOMACY IN THE 21st CENTURY

M. A. Hedzimin[a], S. F. Svilas[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
maria.ogar2004@gmail.com
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, svilas@bsu.by

The relevance of this study stems from the growing importance of «soft power» in modern international relations, where Brazil, with its unique cultural, economic, and diplomatic potential, demonstrates an alternative approach to foreign policy influence. The article analyzes the evolution of Brazil's «soft power» strategy in the 21st century, with particular focus on the 2003–2010 period under President Lula da Silva, when the country reached the peak of its international influence through a combination of cultural diplomacy, environmental agenda, and sports mega-events. Key institutional mechanisms are examined, including the Brazilian Cultural Network and the «Science without borders» program, as well as regional and global initiatives such as MERCOSUR, BRICS, and climate diplomacy. Based on an analysis of the crises between 2016 and 2022, the vulnerabilities of Brazil's model are identified, particularly those related to domestic instability and shifts in political direction. The study emphasizes the need to balance traditional partnerships with emerging challenges, including digital transformation and ecological renewal, to maintain Brazil's competitiveness amid global geopolitical changes.

Keywords: «soft power»; Federative Republic of Brazil; cultural diplomacy; environmental agenda; sports diplomacy; Lula da Silva; BRICS.

Актуальность темы обусловлена активным участием Бразилии в региональном и глобальном управлении. Страна является одной из крупнейших экономик мира, принимает деятельное участие в авторитетных междуна-

родных и межрегиональных организациях. Подчеркнем также значение латиноамериканского вектора во внешней политике Республики Беларусь, важность изучения официальным Минском бразильского опыта использования «мягкой силы» для повышения эффективности своей дипломатии и белорусско-бразильских отношений. В белорусской историографии тема «мягкой силы» в дипломатии Бразилии рассматривается впервые.

В современной системе международных отношений концепция «мягкой силы» приобрела особое значение как альтернативный традиционным методам инструмент внешнеполитического влияния. Бразилия, обладающая уникальным сочетанием культурного богатства, экономического потенциала и дипломатических традиций, представляет особый интерес для исследования механизмов реализации «мягкой силы» развивающимися странами. Анализ бразильского опыта позволяет выявить как универсальные закономерности применения концепции, так и специфические особенности, обусловленные положением страны в глобальной геополитической архитектуре, что требует комплексного подхода, учитывающего как работы Дж. Ная, так и специфику латиноамериканского контекста [1].

Теоретическая основа исследования базируется на работах Дж. Ная, который впервые систематизировал понятие «мягкой силы», выделив три ключевых компонента: культуру, политические ценности и внешнюю политику, однако бразильский случай демонстрирует необходимость его уточнения и расширения за счет включения таких элементов, как спортивная дипломатия, экологическая повестка, продовольственная безопасность и институциональное творчество. Они стали отличительной чертой бразильской внешней политики в 2000-х гг. [2, p. 8].

Институционализация концепции «мягкой силы» в бразильской дипломатии происходила поэтапно через создание таких специализированных структур, как Отдел культурной дипломатии (2003), Секретариат по вопросам

Африки и Ближнего Востока (2005), Комиссия по экологической дипломатии (2007). Финансирование упомянутых инструментов выросло с 120 млн дол. в 2003 г. до 480 млн в 2010 г., что составило около 18 % бюджета МИД [3].

Особое значение придавалось Культурной сети Бразилии (*Rede Brasil Cultural*), включившей 38 центров в 32 странах с годовым бюджетом 25 млн дол., а также укреплению академической дипломатии, в частности, программе «Наука без границ» (2011–2015 гг.), обеспечившей обучение 101 тыс. бразильских студентов за рубежом при инвестициях 1,7 млрд дол. [4].

Стратегические приоритеты бразильской «мягкой силы» в региональном измерении включали консолидацию МЕРКОСУР, создание УНАСУР и СЕЛАК. В глобальном масштабе акцент делался на реформу ООН, климатическую дипломатию и продвижение новой архитектуры глобального управления через БРИКС и информационную безопасность, что привело к увеличению индекса международного влияния Бразилии с 3,2 в 2001 г. до 7,8 в 2010 г. по 10-балльной шкале Института международных отношений Сан-Паулу [5].

Эволюция бразильской стратегии «мягкой силы» в XXI в. прошла несколько этапов, среди которых первое президентство Лулы да Силвы (2003–2010 гг.) стало «золотым веком» бразильского влияния. Страна сумела гармонично сочетать региональное лидерство с глобальной амбициозностью, заложив институциональные основы «мягкой силы» через создание специализированных структур и расширение деятельности по продвижению португальского языка, а также реализовав концепцию «гуманитарной дипломатии» в масштабных программах технической помощи странам Африки и Гаити. Это дало основание Бразилии позиционировать себя как лидера глобального Юга [6].

Ключевым инструментом бразильской «мягкой силы» стала «дипломатия мегасобытий», наиболее ярко проя-

вившаяся в период подготовки и проведения Чемпионата мира по футболу 2014 г. и Олимпийских игр 2016 г., которые способствовали формированию позитивного имиджа страны и развитию инфраструктуры. Однако последовавший политический и экономический кризис продемонстрировал уязвимость используемой стратегии, поскольку краткосрочные имиджевые выгоды не были подкреплены устойчивым внутренним развитием [7].

Экологическая составляющая бразильской «мягкой силы», основанная на уникальном природном потенциале Амазонии, претерпела наиболее драматические изменения. В годы первого президентства Лулы да Силва (2003–2011) экологическая дипломатия стала визитной карточкой страны, однако при Жаире Болсонару (2019–2022 гг.) разрушение данного направления нанесло значительный ущерб международному имиджу Бразилии, что наглядно иллюстрирует тезис Ная о необходимости соответствия политики декларируемым ценностям для эффективной реализации «мягкой силы» [8].

Кризисные явления 2016–2022 гг. продемонстрировали уязвимость бразильской модели: сокращение бюджета культурной дипломатии на 60 %, выход из Парижского соглашения, рост вырубки лесов до 13 тыс. кв. км в год и падение индекса международного влияния до 4,1 в 2021 г., что потребовало восстановления доверия через возобновление климатических обязательств, активизацию в БРИКС и запуск программы «Зеленая дипломатия» с бюджетом 300 млн дол. США [9, p. 19].

Современный этап развития бразильской дипломатии характеризуется попыткой синтеза традиционных подходов с новыми вызовами, где возвращение Лулы да Силвы к власти в 2023 г. сопровождалось анонсированием «экологической перезагрузки» внешней политики и активизацией участия в многосторонних форматах, особенно в БРИКС.

В условиях поляризованного мирового порядка и нарастающей геополитической конкуренции Бразилия стал-

кивается с необходимостью переосмысления своих инструментов влияния, балансируя между традиционными партнерами в глобальном Юге и необходимостью взаимодействия с развитыми странами по вопросам климатической повестки и технологического развития [10; 11].

Перспективы развития концепции связаны с необходимостью балансирования между США и Китаем, цифровизацией инструментов влияния и адаптацией к новой геоэкономической реальности, а максимальная эффективность достигается при соблюдении «золотого правила» распределения ресурсов между культурной дипломатией, экологической повесткой, образовательными проектами и спортивными мероприятиями [12].

Таким образом, анализ формирования концепции «мягкой силы» в бразильской дипломатии XXI в. позволяет сделать вывод, что бразильский опыт подтверждает возможность эффективного использования «мягкой силы» как инструмента повышения международного статуса развивающихся стран, однако ее эффективность напрямую зависит от внутренней политической и экономической стабильности, а успешная реализация этой стратегии требует комплексного подхода, сочетающего культурную дипломатию, участие в решении глобальных проблем и создание привлекательного образа страны.

Бразильский случай демонстрирует уязвимость «мягкой силы» к резким изменениям внутреннего политического курса, что подчеркивает необходимость ее институционализации и защиты от конъюнктурных колебаний. Перспективы бразильской «мягкой силы» в текущих геополитических условиях будут определяться способностью страны выработать новую модель влияния, органично сочетающую традиционные преимущества с адекватным ответом на современные вызовы, такие как цифровая трансформация и климатические изменения. Как показывает исторический опыт, наибольшей эффективности Бразилия достигала тогда, когда ее внешняя политика ос-

новывалась на традиционных ценностях и долгосрочной стратегии, а не на краткосрочных имиджевых проектах, и именно этот урок может быть наиболее ценным для других развивающихся стран, стремящихся укрепить свои позиции в системе международных отношений через инструменты «мягкой силы».

Библиографический список

1. Nye, J. S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. S. Nye Jr. – New York: Public Affairs Group. – 2004. – 191 p.
2. Nye, J. S. The Future of Power / J. S. Nye. – New York : PublicAffairs Group. – 2011. – 272 p.
3. Conceito de Diplomacia Pública // Governo do Brasil. – 15.11.2022. – URL: https://www.gov.br/mre/pt-br/delbrasonu/diplomacia-publica-1/conceito-de-diplomacia-publica (date of access: 01.04.2025).
4. Barros, P. Desafios econômicos para a integração regional latino-americana: reconstrução e transformação / P. Barros, J. B. Gonçalves, A. Faleiro // Teoria e debate. – 30.09.2022. – URL: https://teoriaedebate.org.br/2022/09/30/desafios-economicos-para-a-integracao-regional-latino-americana-reconstrucao-e-transformacao/ (date of access: 01.03.2025).
5. Fernandes, I. F. Retomada, protagonismo e equilíbrio: a política externa no novo governo Lula / I. F. Fernandes, G. A. De A. L. Fernandes // CEBRI Revista. – 2024. – A. 3, N 9. – P. 123–143. – URL: https://cebri.org/revista/br/artigo/139/retomada-protagonismo-e-equilibrio-a-politica-externa-no-novo-governo-lula (date of access: 01.03.2025).
6. Governo Federal apresenta balanço de dois anos, em evento em Brasília, com a presença do presidente Lula // Agência Gov. – URL: https://www.gov.br/mcti/pt-br/acompanhe-o-mcti/noticias/2025/04/governo-federal-apresenta-balanco-de-dois-anos-em-evento-em-brasilia-com-a-presenca-do-presidente-lula (date of access: 01.04.2025).
7. 2 anos de reconstrução: Lula reduz extrema pobreza ao menor nível da história // Partido dos Trabalhadores. – 30.12.2024. – URL: https://pt.org.br/2-anos-de-reconstrucao-lula-reduz-extrema-pobreza-ao-menor-nivel-da-historia/ (date of access: 01.04.2025).
8. Veja as principais conquistas dos 100 dias do governo Lula // PTMG. – 11.04.2023. – URL: https://ptmg.org.br/veja-as-principais-conquistas-dos-100-dias-do-governo-lula/ (date of access: 01.04.2025).

9. Resumo das Realizações do Governo Bolsonaro // Poder360. – URL: https://static.poder360.com.br/2022/08/PL-RESUMO-DE-REALIZACOES-DO-GOVERNO-BOLSONARO-08-08-22.pdf (date of access: 11.04.2025).

10. De aprovação recorde ao impeachment: relembre os principais momentos do governo Dilma // BBC Brasil. – 29.08.2016. – URL: https://www.bbc.com/portuguese/brasil-37207258 (date of access: 21.04.2025).

11. Presidente Jair Bolsonaro apresenta principais ações do governo de 2021 na abertura do Ano Legislativo // Governo Federal. – 03.02.202. – URL: https://www.gov.br/pt-br/noticias/financas-impostos-e-gestao-publica/2022/02/presidente-jair-bolsonaro-apresenta-principais-acoes-do-governo-de-2021-na-abertura-do-ano-legislativo (date of access: 01.04.2025).

12. Koehler Zanella, Ch. Cultural Diplomacy and Soft Power: critical analysis and methodological application / Ch. Koehler Zanella, E. J. Neves Junior, L. Ribeiro da Silva // Revista Brasileira de Política Internacional. – 2024. – Vol. 67, N 1. – URL: https://doi.org/10.1590/0034-7329202400112 (date of access: 14.05.2025).

ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ КИТАЯ В 1927–1949 гг.

Жэнь Сюэ

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
2533206821@qq.com

В статье рассматриваются особенности и результаты воздействия идей конфуцианства на внешнюю политику Китая в 1927–1949 гг. Выявлена сущность и особенности внешней политики Китая в условиях сохранения внутреннего конфликта и экспансии со стороны Японии в 1931–1945 гг. в контексте китайских исторических традиций и идеологии. Установлено, что в рассматриваемый период конфуцианство не играло значительной роли во внутренней и внешней политике Китая, но в качестве элемента традиционной китайской культуры воздействовало на поведение китайцев в отношении внешнего мира. Оно способствовало формированию патриотических чувств у китайского народа, акцентированию внимания на китайских проблемах, стремлению китайских политиков к самостоятельным действиям, использованию морального компонента в практической политике и дипломатии Китая. Из основных противоборствующих сил внутри Китая – партии Гоминьдан и Коммунистической партии Китая – в большей мере к использованию конфуцианских идей были склонны сторонники партии Гоминьдан, но некоторые конфуцианские догматы в условиях борьбы с японской агрессией использовались и китайскими коммунистами.

Ключевые слова: Китай; Гоминьдан; Коммунистическая партия Китая; конфуцианство; внешняя политика; японо-китайская война 1937–1945 гг.; внутренние конфликты в Китае.

THE INFLUENCE OF CONFUCIANISM ON CHINA'S FOREIGN POLICY IN 1927–1949

Ren Xue

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
2533206821@qq.com

The article examines the features and results of the impact of Confucian ideas on China's foreign policy in 1927–1949. The article reveals the essence and features of China's foreign policy in the context of the persistence of internal conflict and expansion by Japan in 1931–1945 in the context of Chinese historical traditions and ideology. It has been established that during the period under review, Confucianism did not play a significant role in China's domestic and foreign policy, but as an element of traditional Chinese culture influenced the behavior of Chinese people in relation to the outside world. It contributed to the formation of patriotic feelings among the Chinese people, the focus on Chinese problems, the desire of Chinese politicians to act independently, and the use of a moral component in China's practical politics and diplomacy. Of the main opposing forces within China, the Kuomintang Party and the Chinese Communist Party, supporters of the Kuomintang Party were more inclined to use Confucian ideas, but some Confucian dogmas were also used by the Chinese Communists in the fight against Japanese aggression.

Keywords: China; Kuomintang; Communist Party of China; Confucianism; foreign policy; Sino-Japanese War of 1937-1945; internal conflicts in China.

Цель статьи заключается в оценке сущности и особенностей осуществления китайской внешней политики в условиях политической трансформации Китая в 1927–1949 гг. и борьбы с японской агрессией в 1931–1945 гг.

Политические и военные успехи партии Гоминьдан, достигнутые в 1927 г., укрепили ее позиции на международной арене. В 1928 г. правительство Гоминьдана было признано США, после чего последовала полоса призна-

ний со стороны европейских государств (Великобритании, Франции, Германии, Италии, Швеции, Бельгии, Дании, Испании, Нидерландов, Португалии, Греции, Норвегии). В конце 1920-х гг. Китай пересмотрел неравноправные договоры с Испанией, Португалией, Италией, Данией, в 1928 г. от права экстерриториальности в Китае отказались Бельгия, Италия, Дания, Португалия, Испания [1, с. 262, 267].

Несмотря на усиление позиций Гоминьдана, Китай в конце 1920-х – 1930-х гг. испытывал большие трудности. Внутри страны обострилась борьба между Гоминьданом и коммунистами. Внешние проблемы были связаны с политикой Японии, которая усилила политическое и военное давление на Китай. В начале 1930-х гг. японцы отторгли от Китая Маньчжурию, создав марионеточное правительство Маньчжоу-Го (главой этого государства стал последний цинский император Пу И). В 1933 г. Япония усилила давление на Китай и 7 июля 1937 г. начала широкомасштабную войну против него, которая продолжалась до сентября 1945 г.

Лидер Гоминьдана Чан Кайши пытался добиться сплочения Китая с помощью конфуцианских постулатов преданности (чжун, 忠) и сыновней почтительности (сяо, 孝). В документе «Цели образования и принципы их реализации», принятом китайским национальным правительством в 1929 г., указывалось, что основу нравственного воспитания граждан должны составить «преданность, сыновняя почтительность, гуманность, любовь, верность, справедливость и гармония» (чжун-сяо-жэнь-ай-синь-ихэпин, 忠孝仁爱信义和平) [2].

В 1934 г. на территории, подконтрольной национальному китайскому правительству, возникло «движение за новую жизнь», ориентированное на пропаганду здорового образа жизни, «нравственного поведения» и патриотизма. Традиционные моральные принципы были дополнены нормами морали современного общества [2]. В 1935 г.

V съезд Гоминьдана принял 12 правил поведения, которые в значительной мере выстраивались на принципах «верности ритуалам, справедливости, честности и стыдливости» (ли-и-лянь-чи, 礼义廉耻) [3, с. 101].

Весной 1943 г. Чан Кайши опубликовал книгу «Судьба Китая», где активно пропагандировал необходимость сохранения китайских традиций, защиты старой китайской этики и морали, а также развития традиционной духовной культуры Китая [2]. Как отмечали российские исследователи Ю. С. Мыльникова и Д. Е. Мартынов, Чан Кайши выступал за приведение конфуцианской морали в соответствие с духом нового времени, рассматривая восстановление порядков старого времени в качестве залога успеха при возрождении и дальнейшем развитии Китая [4, с. 75; 5]. Также он стремился к очищению идеологии Сун Ятсена от зарубежных заимствований в пользу традиционной конфуцианской доктрины «Великого Единения» (Да Тун) [5].

По мнению российских и китайских исследователей, деятельность Чан Кайши по реставрации традиционного конфуцианства в Китае была направлена на укрепление его авторитарного правления [2; 4, с. 75; 5; 6, с. 14].

Будучи приверженцем норм конфуцианской этики, Чан Кайши пытался перенести их и на сферу международных отношений [7, с. 196]. В 1931 г. он выдвинул план защиты Китая от японской агрессии, в основу которого были положены действия по установлению порядка внутри страны и привлечению симпатий внешних сил [3, с. 89–90]. План предполагал пассивное сопротивление японской агрессии [3, с. 93]. Этой тактики национальное китайское правительство придерживалось и в условиях полномасштабной войны с Японией, начавшейся в 1937 г. По мнению российского исследователя Ю. Галеновича, Чан Кайши пытался доказать Японии необходимость поддержания не враждебных, а дружественных отношений, основанных на равноправии [3, с. 98]. В 1935 г. он призывал Японию

к родственному сотрудничеству ради сохранения мира в Восточной Азии [3, с. 100]. Однако эти призывы не принесли желаемого результата.

В 1930-х гг. лидер Гоминьдана в 1930-х гг. неоднократно обращался к Лиге Наций, странам – участницам Пакта о ненападении и участникам Конференции девяти держав с призывом встать на защиту международной справедливости [7, с. 196]. Однако международные структуры не смогли оказать воздействие на японцев (попытки Лиги Наций подключиться к урегулированию конфликта в Маньчжурии привели лишь к выходу Японии из этой организации в 1933 г.).

Отказ от соблюдения нравственных принципов в политике произвел тяжелое впечатление на Чан Кайши. 27 августа 1939 г. он сделал запись в своем дневнике, в которой посетовал, что «международная мораль уничтожена, а враги и друзья непредсказуемы» [7, с. 196].

Помимо войны с Японией Чан Кайши добивался пересмотра неравноправных договоров с зарубежными государствами. В книге «Судьба Китая» он характеризовал их как основу всех бед Китая, разрушившую гармонию в китайском обществе [4, с. 71]. Вред неравноправных договоров, с точки зрения лидера Гоминьдана, заключался и в том, что они усилили в китайском обществе стремление к чужим ценностям и привели к забвению исконных китайских добродетелей [4, с. 72].

Чан Кайши призывал всех китайцев развивать дух старания и опоры на собственные силы. Также он утверждал, что политическое устройство освобожденного Китая «не будет скопировано с демократических теорий индивидуализма и классового сознания XIX века Европы и США» [4, с. 72]. Неприемлемым для Китая он считал и марксистко-ленинское учение, хотя в 1932 г. санкционировал восстановление дипломатических отношений с СССР, а в 1937 г. по политическим соображениям пошел на военное и политические сближение с этой страной.

Основные политические конкуренты Гоминьдана в Китае – коммунисты – также не отрицали влияния Конфуция на формирование китайской идентичности. Руководитель Коммунистической партии Китая (КПК) Мао Цзэдун очень хорошо знал конфуцианские произведения и нередко цитировал их [8, с. 57]. В октябре 1938 г. он отметил: «Современный Китай есть продукт прошлого развития Китая. Мы – сторонники марксистского подхода к истории, мы не можем отмахиваться от нашего исторического прошлого. Мы должны обобщить все наше прошлое – от Конфуция до Сунь Ятсена – и принять это ценное наследие... Коммунисты являются сторонниками интернационального учения – марксизма, однако марксизм мы сможем претворить в жизнь только с учетом конкретных особенностей нашей страны и через определенную национальную форму» [9, с. 265]. В июне 1944 г. Мао Цзэдун заявил, что «для руководства Китаем не обязательно знание марксизма-ленинизма. Главное – знание Китая, его нужд, обычаев» [8, с. 299].

Вместе с тем, руководитель КПК не призывал к восстановлению конфуцианских канонов. В статье «О новой демократии», написанной в январе 1940 г., он подчеркнул, что новая культура Китая должна быть антиимпериалистической и антифеодальной, выражающей интересы широких народных масс [9, с. 472]. В этой же статье он назвал Конфуция представителем полуфеодальной культуры [9, с. 468].

Двойственность в отношении конфуцианства предопределяла двойственность политики руководства КПК. Мао Цзэдун уделял большое внимание духовному воспитанию людей. В 1937 г. он заметил: «Оружие является важным, но не решающим фактором войны. Решающий фактор – человек, а не вещь. Соотношение сил определяется не только соотношением военной и экономической мощи, но также соотношением людских ресурсов и морального состояния» [9, с. 178]. Однако он отрицал абстрактный гуманизм, подчеркивая, что в условиях войны с Японией «гуманная» по-

литика будет «гуманной» только в отношении японских империалистов [10, с. 145]. Руководитель КПК призывал сочетать борьбу за независимость с борьбой против китайских феодалов и реакционеров [9, с. 22; 277, 453; 10, с. 293; 11, с. 203–204; 232–233; 248–252; 12, с. 506].

В отличие от Чан Кайши Мао Цзэдун на рассматривал поддержку из-за рубежа в качестве решающего фактора победы Китая в войне с японцами. Он призывал китайцев рассчитывать прежде всего на собственные силы и готовиться к долгой партизанской войне, сориентированной на постепенный подрыв боеспособности японских войск [9, с. 145]. Лидер КПК утверждал, что война против Японии является справедливой, поэтому Китай может рассчитывать на рост поддержки международного сообщества и на победу над японцами, несмотря на временные трудности, связанные с отсталостью китайского государства и слабостью его армии [9, с. 179, 338].

Рассматривая борьбу с японцами как безусловный приоритет внешней политики Китая, китайские коммунисты выступали против «глобальной» внешней политики. В сентябре 1939 г. Мао Цзэдун заявил, что Китай не должен присоединяться ни к одной из воюющей сторон в начавшейся европейской войне [9, с. 355]. Лишь 23 июня 1941 г. ЦК КПК принял решение об объединении со странами, которые ведут борьбу против фашизма [10, с. 32].

В апреле 1945 г. VII Всекитайский съезд КПК приветствовал отказ западных стран от неравноправных договоров, но указал, что подлинное равноправие не может быть просто получено из рук иностранных правительств, а должно быть завоевано прежде всего усилиями китайского народа [10, с. 333].

Руководствуясь чувством патриотизма, сторонники Гоминьдана и коммунисты все же пошли на сближение после 1937 г. В 1939 г. КПК поддержала программу всеобщей мобилизации национального духа и мер по ее осуществлению, разработанную Высшим советом национальной обо-

роны Китайской Республики. В этой программе в качестве моральной основы национального спасения предлагалось принять «восемь добродетелей», включая «верность стране и сыновнюю преданность нации» [4].

Сближение на патриотической основе, сформированной в числе прочего, конфуцианскими канонами, поспособствовало успехам в борьбе китайского народа против японской агрессии и росту авторитета Китая на международной арене. В октябре 1942 г. Великобритания и США объявили об аннулировании неравноправных договоров с Китаем и в январе 1943 г. подписали новые договоры с ним, сделав упор на равноправие и равенство сторон [3, с. 123–124]. В ноябре 1943 г. Чан Кайши был приглашен на международную конференцию в Каире, где обсуждались вопросы послевоенного мироустройства (на встрече в Каире США и Великобритания пообещали вернуть в состав китайского государства северо-восточные провинции, Тайвань и Пэнху (Пескадорские острова)) [3, с. 125]. В 1944 г. китайские дипломаты принимали участие в обсуждении вопросов создания международной организации по поддержанию мира [3, с. 126]. Весной 1945 г. китайская делегация, в состав которой вошли представители Гоминьдана и КПК, участвовала в международной конференции в Сан-Франциско, где была учреждена ООН [10, с. 332]. При этом Китай получил статус постоянного члена Совета Безопасности ООН. 2 сентября 1945 г. представитель Китайской Республики принял участие в церемонии подписания Акта о капитуляции Японии на борту линкора «Миссури», 9 сентября 1945 г. процедура капитуляции Японии перед Китаем была продублирована в Нанкине [3, с. 130].

Однако примирение между Гоминьданом и КПК было недолгим. После победы над японцами политические разногласия в Китае усилились. В 1946 г. в стране началась гражданская война, которая в 1949 г. завершилась победой КПК и провозглашением КНР.

В целом период с 1927 по 1949 гг. стал временем масштабных внутренних и внешних потрясений в Китае. В рассматриваемый период конфуцианство не играло значительной роли во внутренней и внешней политике Китая, но в качестве элемента традиционной китайской культуры воздействовало на поведение китайцев в отношении внешнего мира. В частности, оно способствовало формированию патриотических чувств у китайского народа, акцентированию внимания на китайских проблемах, стремлению китайских политиков к самостоятельным действиям, использованию морального компонента в практической политике и дипломатии Китая.

Библиографический список

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. Т. VII : Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н. Л. Мамаева. – М. : Наука – Вост. лит., 2013. – 863 с.

2. 陈来. 现代中国文化与儒学的困境 // 爱思想. = Чэнь Лай. Дилемма современной китайской культуры и конфуцианства / Чэнь Лай // 爱思想= Идея любви. – 30.07.2008. – URL: https://www.aisixiang.com/data/19544.html (дата обращения: 24.04.2025).

3. Галенович, Ю. М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши / Ю. М. Галенович. – М. : Муравей, 2000. – 368 с.

4. Мыльникова, Ю. С. Осмысление исторического пути и будущее страны в книге Чан Кайши «Судьба Китая» / Ю. С. Мыльникова // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. – 2009. – №. 2. – С. 69–76. – URL: https://aasjournal.spbu.ru/article/view/1569 (дата обращения: 25.04.2025).

5. Мартынов, Д. Е. Сунь Ятсен и Чан Кайши о древнекитайском идеале Великого Единения / Д. Е. Мартынов // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – № 4. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17309387 (дата обращения: 25.04.2025).

6. 吕明灼. 儒学与民国政治 // 文史哲. = Люй Минчжо. Конфуцианство и политика в Китае / Люй Минчжо // Вопросы истории и философии. – 1995. – № 3. – С. 9–18.

7. 戴鸿超. 蒋介石战时外交：谈判策略与内外互动 / 戴鸿超 // 民国人物与民国政治. 社会科学文献出版社. = Дай Хунчао. Военная дипломатия Чан Кайши: стратегии переговоров и внутреннее и внешнее

взаимодействие / Дай Хунчао // Люди и политика Китайской Республики. – Пекин : Изд-во обществ. наук, 2009. – С. 194–211.

8. Владимиров, П. П. Особый район Китая. 1942–1945 гг. / П. П. Владимиров. – М. : Изд-во АПН, 1973. – 656 с.

9. Мао Цзэдун. Избранные произведения : в 5 т. Т. II / Мао Цзэдун: пер. с кит. – Пекин : Изд-во литературы на иностр. языках, 1969. – 609 с.

10. Мао Цзэдун. Избранные произведения : в 5 т. Т. III / Мао Цзэдун : пер. с кит. – Пекин : Изд-во литературы на иностр. языках, 1969. – 377 с.

11. Мао Цзэдун. Избранные произведения : в 5 т. Т. I / Мао Цзэдун: пер. с кит. – Пекин : Изд-во литературы на иностр. языках, 1969. – 450 с.

ВЛИЯНИЕ «ДЕКИТАИЗАЦИИ» ЭКОНОМИКИ ИНДИИ НА КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Ли Цзинин

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
2179351079@qq.com

Статья посвящена анализу влияния на китайско-индийские отношения политики «декитаизации» экономики, проводимой индийским правительством с 2020 г. в связи с конфликтом в долине Гархван. Под «декитаизацией» экономики Индии понимаются различные меры, предпринимаемые Индией с целью сокращения экономических связей с Китаем. Проведение политики декитаизации в различных сферах в последние годы оказало глубокое и многоуровневое негативное влияние на китайско-индийские отношения, став одним из основных факторов постоянной напряженности в отношениях между двумя странами.

Ключевые слова: Индия; Китай; китайско-индийские отношения; декитаизация экономики; программы стимулирования производства.

THE IMPACT OF INDIA'S ECONOMIC «DECOUPLING FROM CHINA» ON SINO-INDIAN RELATIONS

Li Jingying

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
2179351079@qq.com

This article analyzes the impact of the Indian government's policy of decoupling the economy from China, which has been in place since 2020 in connection with the conflict in the Garhwan Valley. The decoupling of India's economy refers to various measures taken by India to reduce

economic ties with China. The continuous implementation of the de-Chinaization policy in various areas in recent years has had a profound and multi-level negative impact on Sino-Indian relations, becoming one of the main factors of constant tension in relations between the two countries.

Keywords: India; China; Sino-Indian relations; Sino-Russian relations; Economic decoupling from China; The Production Linked Incentive.

Конфликт в долине Гархван в 2020 г. считается ключевым событием, после которого Индия начала проводить политику «декитаизации». До начала эскалации отношений в 2019 г. состоялась неформальная встреча лидеров Индии и Китая в Ченнаи, в ходе которой стороны положительно оценили отношения между двумя странами, обсудили возможности углубления взаимодействия и приняли решение провести в 2020 г. 70 мероприятий в честь 70-летия установления дипломатических отношений между двумя странами [1]. Однако внезапная вспышка коронавируса в конце 2019 г. повлияла на планы обеих стран. Вслед за пандемией с мая 2020 г. пограничные войска Китая и Индии вступили в противостояние в нескольких точках вдоль линии фактического контроля, а в июне того же года в долине Гархван произошел кровопролитный конфликт. Этот конфликт стал переломным моментом, приведшим к замораживанию двусторонних отношений. Несмотря на четырехлетнее противостояние, в конце 2024 г. стороны пришли к соглашению о выводе войска из зон противостояния, а в начале 2025 г. лидеры обеих стран вновь публично заявили о своих больших надеждах на развитие отношений. Однако после конфликта Индия продолжает реализовывать ряд экономических мер по «декитаизации», используя в качестве предлога следующие аспекты.

1. Торговые барьеры и ограничения на импорт. Индия, стремясь уменьшить зависимость от импортных товаров из Китая и стимулировать развитие отечественной

промышленности, применяет такие меры, как введение дополнительных пошлин, ограничение импорта определенных категорий товаров и антидемпинговые меры. После конфликта в долине Гархван правительство Индии объявило, что рассматривает возможность введения ограничений на импорт товаров, поставляемых из Китая. В 2021 г. импорт некоторых товаров, таких как игрушки, строительные материалы и электроника, был ограничен в связи с включением их в систему обязательных индийских стандартов (*IS*) или несоответствием стандартам, а также их невостребованностью. Индия давно обеспокоена относительно своей зависимости от импортных товаров из Китая, особенно в таких областях, как электроника, фармацевтика и машиностроение. Индийское агентство по безопасности и стандартам пищевых продуктов отказалось импортировать продукты питания из Китая, Японии и других стран, включая яблоки, орехи, алкогольные напитки, водоросли и т. д., на основании несоответствия требованиям безопасности и стандартам качества. Основная цель Индии состоит в сокращении импорта и увеличении экспорта, чтобы уменьшить зависимость от импорта китайских товаров и доли китайских товаров на индийском рынке. Индия стремится стимулировать развитие отечественной промышленности и реализовать программу «Сделано в Индии», создав образ «самодостаточной Индии» (*Atmanirbhar Bharat*).

С окончанием конфликта в долине Гархван между Китаем и Индией в конце 2024 г. лидеры двух стран обменялись поздравительными телеграммами по случаю 75-летия установления дипломатических отношений и выразили уверенность в том, что отношения между Китаем и Индией вступают в новую фазу развития. Для нивелирования негативного влияния на положительную динамику развития отношений между Китаем и Индией, индийская сторона планирует пересмотреть ранее принятые ограничительные меры в отношении Китая. Тем не

менее, правительство Индии с 21 апреля 2025 г. приняло решение ввести временную пошлину в размере 12 % на импорт некоторых видов стальной продукции на 200 дней с целью защиты отечественной сталелитейной промышленности и «сдерживания резкого роста импорта дешевой стали из Китая и других регионов» [2]. Хотя этот шаг Индии не окажет решающего влияния в условиях нынешней напряженности в торговых отношениях между Китаем и США, он все-таки является довольно негативным сигналом и не способствует налаживанию доверительных отношений между Китаем и Индией.

2. Контроль инвестиций и доступа на рынок. Помимо ограничений на товары и продукты питания, Индия также запретила использование более 200 китайских приложений на индийском рынке. После конфликта в долине Гархван Индия запретила 59 китайских приложений, включая *TikTok*, *WeChat* и *UC Browser*, сославшись на соображения национальной безопасности. Затем Министерство информационных технологий Индии запретило еще 118 китайских мобильных приложений, сославшись на то, что они «наносят ущерб суверенитету и целостности Индии, ее обороне, национальной безопасности и общественному порядку» [3]. По данным издания «*India Today*», после серьезной напряженности на границе между Индией и Китаем в 2020 г. Министерство электроники и информационных технологий Индии постепенно ограничило доступ к 267 китайским приложениям, мотивируя это угрозой суверенитету и безопасности Индии. Однако 36 из этих приложений вернулись на индийский рынок, слегка изменив название или разработчика. В новости отмечается, что повторное появление этих приложений подчеркивает сложность введения абсолютного запрета [4].

В то же время Индия усилила контроль над китайскими инвестициями. С 2020 г. на рассмотрении находятся предложения об инвестициях на млрд дол. США, в том числе от компаний *BYD* и *Changcheng Motor*. Такая политика Индии

рассматривается как попытка помешать китайским компаниям осуществлять поглощения и инвестировать в экономику. В 2023 г. Индия отклонила предложение *BYD* инвестировать 1 млрд дол. США в строительство завода в Индии, а в 2025 г. она вновь отказалась открыть рынок для *BYD*, но при этом позволила это сделать американской компании *Tesla* [5]. Это косвенно свидетельствует о том, что, несмотря на тенденцию к смягчению двусторонних отношений с начала этого года, Индия по-прежнему с осторожностью относится к инвестициям китайских компаний.

Главный экономический советник Индии В. Ананта Нагесваран заявил, что результаты изменения действующей политики ограничений не будут видны сразу, на это потребуется время и более глубокое взаимопонимание между двумя странами [6]. Это прямо указывает на то, что индийское правительство не собирается в ближайшее время отменять политику ограничений в отношении Китая.

Китайская сторона всегда считала, что запреты и ограничения негативно сказываются на деятельности китайских предприятий на индийском рынке, а также на индийских потребителях. Кроме того, на политическом уровне эти действия усугубляют напряженность в отношениях между Китаем и Индией. Китайское правительство решительно выступает против этой серии мер индийского правительства, считая их нарушением соответствующих правил ВТО, и призывает индийское правительство исправить свои действия и предоставить справедливые и равные условия для ведения бизнеса китайским предприятиям.

3. Поддержка промышленности и реорганизация цепочки поставок. Продвигаемая Индией поддержка промышленности и реорганизация цепочки поставок являются ключевой стратегией в реализации концепции «самодостаточной Индии». Реорганизация цепочки поставок осуществляется с помощью трех мер: политических стимулов, привлечения иностранных инвестиций и защиты отечественного производства. Индийская программа

стимулирования производства (*PLI*) охватывает несколько отраслей, включая полупроводники, фотоэлектрическую энергетику, электронное оборудование, фармацевтику, медицинское оборудование, автомобилестроение и т. д. Ее цель – стимулировать расширение производства в Индии, чтобы увеличить долю обрабатывающей промышленности в национальной экономике и повысить глобальную конкурентоспособность.

Существенные изменения зависимости Индии от импортных комплектующих, содействие росту производства в Индии, создание рабочих мест и повышение статуса страны в глобальной цепочке поставок продукции являются основными целями индийской программы *PLI*, а также краеугольным камнем концепции «самодостаточной Индии» и «сделано в Индии». По данным Министерства торговли Индии, для продвижения программы *PLI* правительство значительно увеличило бюджетные ассигнования, охватывающие такие области, как электроника, автомобилестроение и текстильная промышленность. В поддержку цели программы *PLI* по превращению Индии в более важный центр производства правительство ввело либеральную политику прямых иностранных инвестиций (*FDI*) для стимулирования производства и экономического роста [7]. Индия заявила об ограничении и запрете инвестиций китайских компаний, одновременно активно продвигая программу *PLI* и вводя политику ПИИ, высоко оценивая программу *PLI* и заявляя, что ее реализация уже принесла плодотворные результаты. Это равносильно ослаблению позиций Китая в цепочке поставок, подрыву и без того слабого политического доверия, ухудшению отношений между Китаем и Индией, что играет против полного восстановления двусторонних отношений.

«Декитаизация» индийской экономики – это долгосрочная геоэкономическая игра, в которой Индия рассматривает экономическую декапировку как инструмент стратегии подъема. На фоне противостояния между США

и Китаем этот шаг неизбежно окажет негативное и необратимое влияние на китайско-индийские отношения. Возможно, в будущем Китай и Индия смогут найти баланс между конкуренцией и сотрудничеством, достичь подлинного взаимовыгодного результата и избежать необратимых негативных последствий.

Библиографический список

1. 中印领导人第二次非正式会晤取得丰硕成果 = Вторая неформальная встреча лидеров Китая и Индии принесла плодотворные результаты // Синьхуа. – 13.10.2019. – URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-10/13/c_1125097594.htm (дата обращения: 10.06.2025).

2. 进口钢铁创9年来新高，印度征收临时关税 = Индия вводит временные пошлины на импорт стали, поскольку импорт достиг 9-летнего максимума // Country Trade and Investment Environment Information Network – 23.04.2025. – URL: http://itpp.trb.mofcom.gov.cn/article/cslx/gshqtgf/202504/22966.html (дата обращения: 10.06.2025).

3. India bans PUBG, Baidu and more than 100 apps linked to China // BBC. – 02.09.2020. – URL: https://www.bbc.com/news/technology-53998205 (date of access: 10.06.2025).

4. 36 previously banned Chinese apps make a comeback in India // India Today. – 12.02.2025. – URL: https://www.indiatoday.in/technology/news/story/36-previously-banned-chinese-apps-make-a-comeback-in-india-2678593-2025-02-12 (date of access: 13.02.2025).

5. Spirlet T. BYD faces a roadblock in India – just as Tesla tries to expand in the world's 3rd largest auto market / T. Spirlet // Business Insider. – 09.04.2025. – URL: https://www.businessinsider.com/byd-just-got-blocked-from-selling-evs-in-india-2025-4 (date of access: 13.02.2025).

6. Vivek, S. India to keep ban on Chinese investments for now, says Chief Economic Adviser / S. Vivek // India Today. – 11.02.2025. – URL: https://www.indiatoday.in/business/story/india-to-keep-ban-on-chinese-investments-for-now-says-chief-economic-adviser-v-anantha-nageswaran-2678213-2025-02-11 (date of access: 13.02.2025).

7. Santosh, K. Government Scales Up PLI Budget to Accelerate Manufacturing / K. Santosh // Ministry of Commerce & Industry. – 03.03.2025 – URL: https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2107825 (date of access: 13.02.2025).

КИТАЙСКИЕ ИММИГРАНТЫ В СИНГАПУРЕ

Ли Янян

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
zyh20190516@163.com

Сингапур, как многонациональная иммигрантская страна, имеет неразрывную связь с китайской иммиграцией в процессе своего развития. Начиная с XIX в., китайские мигранты непрерывно прибывали в Сингапур, внося значительный вклад в строительство и развитие этого города-государства. С ускорением процессов глобализации и углублением отношений между Китаем и Сингапуром численность и влияние китайских мигрантов в Сингапуре продолжают расти. В данной статье рассматривается история и современное положение китайской иммиграции в Сингапуре, а также ее социально-экономическое влияние. Анализируя движущие факторы миграционных волн, эволюцию политики и социально-экономические характеристики иммигрантских групп, автор раскрывает важную роль мигрантов в экономическом развитии Сингапура и культурном разнообразии.

Ключевые слова: китайские мигранты; Сингапур; иммиграционная политика; социально-экономическое влияние; иммиграционное государство; многообразие культур; социальная интеграция; инвестиционная миграция.

CHINESE IMMIGRANTS IN SINGAPORE

Li Yangyang

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
zyh20190516@163.com

As a multi-ethnic immigrant country, Singapore has an inseparable connection with Chinese immigration during its development process. Since the 19th century, Chinese migrants have continuously arrived in

Singapore, making significant contributions to the construction and development of this city-state. With the acceleration of globalization and the deepening of relations between China and Singapore, the number and influence of Chinese migrants in Singapore continue to grow. This article examines the history and current situation of Chinese immigration in Singapore, as well as its socio-economic impact. By analyzing the driving factors of migration waves, the evolution of policies, and the socio-economic characteristics of immigrant groups, the important role of migrants in Singapore's economic development and cultural diversity is revealed.

Keywords: Chinese migrants; Singapore; Immigration policy; Social and economic impact; immigration country; multiculturalism; Social integration; Investment migration.

Сингапур – это многонациональная иммигрантская страна, где этнические китайцы составляют около 74 % от общего населения; многие из них являются иммигрантами из Китая или их потомками [1]. История китайской миграции в Сингапуре восходит к началу XIX в. В то время Сингапур, будучи британской колонией, активно развивал реэкспортную торговлю и остро нуждался в рабочей силе. Жители прибрежных районов Южного Китая, особенно провинций Фуцзянь и Гуандун, спасаясь от нищеты и войн, массово отправлялись в «Наньян» (Южные моря) в поисках заработка. Эти первые переселенцы в основном занимались тяжелым физическим трудом – работали портовыми грузчиками, плантационными рабочими и т. д., став важной частью раннего сингапурского общества.

В начале XX в. и до Второй мировой войны численность китайских мигрантов продолжала расти, а их структура стала более разнообразной: помимо рабочих появились купцы, ремесленники и другие категории. В этот период китайские иммигранты создали в Сингапуре собственные общины и организации, такие как землячества и ассоциации, которые оказали важную поддержку последующим переселенцам. После Второй мировой войны, по мере обретения Сингапуром автономии и независимости, мигра-

ционные потоки из Китая стали более регулируемыми. Постепенно сформировались новые каналы иммиграции, включая воссоединение семей и обучение в учебных заведениях [2, с. 70–71].

Начиная с 1990-х гг., на фоне стремительного развития торгово-экономических отношений между Китаем и Сингапуром, а также трансформации сингапурской экономики, китайская иммиграция вступила в новую фазу. Правительство Сингапура внедрило более либеральную политику привлечения квалифицированных кадров, что способствовало притоку большого числа китайских специалистов и технических работников. Параллельно быстрый рост китайской экономики и повышение уровня образования в КНР создали благоприятные условия для «экспорта» квалифицированной рабочей силы.

Иммиграционная политика Сингапура претерпела изменения – от ограничительной к селективной либерализации. В настоящее время в Сингапуре действует многоуровневая система управления иммиграцией, включающая *Employment Pass* (*EP*), *S Pass* и *Work Pass* (*WP*) для иммигрантов разного уровня квалификации. Для высококвалифицированных специалистов Сингапур предоставляет возможность получить статус постоянного жителя (*PR*) и гражданство, а также ввел меры по привлечению инвестиционных мигрантов (программа «Глобальный инвестор»). Такая политика предоставила китайским иммигрантам разнообразные возможности выбора и определила особенности современных миграционных потоков.

Современные китайские иммигранты в Сингапуре демонстрируют разнообразие характеристик. Среди них есть как профессионалы в таких областях, как высокие технологии и финансы, так и простые рабочие (строительство и сфера услуг). Новое поколение иммигрантов, как правило, высокообразованно, многие из них получили высшее образование в Китае или Сингапуре. С другой стороны, уровень доходов значительно варьируется в зависимости от

рода занятий и уровня квалификации, при этом наблюдается общая тенденция к поляризации.

Китайские мигранты играют значительную роль в экономике Сингапура, демонстрируя высокую предпринимательскую активность. Основанные ими предприятия охватывают различные сферы – от традиционной торговли до высокотехнологичных отраслей, внося существенный вклад в экономическое развитие страны [3, с. 86–89]. Многочисленные китайские профессионалы занимают ключевые позиции в транснациональных корпорациях, местных компаниях и государственных учреждениях, выступая важным связующим звеном между экономиками Китая и Сингапура. Параллельно денежные переводы мигрантов оказывают заметное влияние на развитие их родных регионов в Китае, способствуя росту местной экономики.

Социальная интеграция китайских иммигрантов в Сингапуре – сложный процесс [4, с. 87]. С одной стороны, общий китайский культурный фон способствует интеграции; с другой стороны, различия в ценностях и поведении могут привести к разрыву. Язык – важный фактор, и хотя в Сингапуре широко распространен мандаринский язык, уровень владения английским и диалектами влияет на социальную интеграцию иммигрантов.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются китайские иммигранты, – это необходимость культурной адаптации, путаница в социальной идентичности и трудности в карьерном росте. Правительство Сингапура и общественные организации способствуют интеграции иммигрантов, проводя языковые курсы и мероприятия по культурному обмену. В то же время китайские иммигранты активно создают ассоциации, издают СМИ, защищают свои права и интересы, а также выражают свои культурные устремления. Эти усилия способствуют снижению социальной напряженности и гармоничному многокультурному сосуществованию.

Китайские мигранты внесли значительный вклад в экономику Сингапура, восполнив дефицит рабочей силы

в ключевых секторах, таких как строительство, здравоохранение и образование [3, с. 86–89]. Привнесенные ими профессиональные навыки и знания способствовали модернизации промышленности, а предпринимательская активность создала новые рабочие места. В культурном аспекте китайская диаспора обогатила многогранный ландшафт Сингапура, познакомив страну с новыми художественными формами, кулинарными традициями и праздничными обрядами, что еще больше укрепило уникальный мультикультурный характер города-государства.

Тем не менее, резкий рост иммиграции породил ряд социальных проблем, включая напряженность на рынке жилья, нагрузку на инфраструктуру и конкуренцию за рабочие места с местным населением. Эти вызовы побудили правительство Сингапура к постоянной корректировке миграционной политики, направленной на поиск баланса между открытостью и контролем. В долгосрочной перспективе умеренный и регулируемый приток мигрантов имеет стратегическое значение для решения проблем старения населения и поддержания экономической динамики города-государства.

С продолжением устойчивого развития китайской экономики и углублением китайско-сингапурских отношений, привлекательность Сингапура для китайских мигрантов, вероятно, сохранится. Ожидается, что в будущем миграционная структура будет смещаться в сторону высококвалифицированных специалистов, с вероятным увеличением доли образовательной и инвестиционной миграции. Параллельно можно прогнозировать дальнейшее совершенствование иммиграционной политики Сингапура, которая будет все более селективно ориентирована на привлечение кадров, соответствующих национальной стратегии развития.

Технологический прогресс и глобальная конкуренция за таланты существенно преобразуют модели миграционных потоков. Широкое распространение удаленной

работы может переосмыслить традиционное понимание миграции, способствуя формированию нового класса «цифровых кочевников». Сингапуру предстоит адаптироваться к этим изменениям, разрабатывая инновационные подходы к управлению миграционными процессами. Для китайских мигрантов приобретает особую важность развитие межкультурной компетентности и способности к интеграции в принимающее общество.

На фоне реализации инициативы «Один пояс, один путь» и дальнейшего экономического развития Юго-Восточной Азии можно ожидать продолжения роста численности китайских мигрантов в Сингапуре. В этой связи правительству страны предстоит адаптировать миграционную политику и механизмы социальной интеграции, чтобы обеспечить баланс между экономическим прогрессом и социальной стабильностью.

Библиографический список

1. 新加坡国家概况 = Общая информация о Сингапуре // 外交部 = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – URL: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677076/1206x0_677078/ (дата обращения: 30.05.2025.)

2. 刘宏. 新加坡的中国新移民形象:当地的视野与政策的考量 / 刘宏 = Лю Хун. Образ новых китайских мигрантов в Сингапуре: взгляд местного населения и политические аспекты / Лю Хун // 南洋问题研究 = Исследования по вопросам Юго-Восточной Азии. – 2012. – № 2. – С. 69–77.

3. 吴前进. 1990年以来中国-新加坡民间关系的发展：以中国新移民与当地华人社会的互动为例 / 吴前进 = У Цяньцзинь. Развитие народной дипломатии между Китаем и Сингапуром с 1990 г.: на примере взаимодействия новых китайских мигрантов с местной китайской общиной / У Цяньцзинь // 社会科学 = Социальные науки. – 2006. – № 10 – С. 83–91.

4. 张慧梅. 《新加坡与中国新移民融入的境遇》书评 / 张慧梅 = Чжан Хуэймэй. Обзор книги «Сингапур и ситуация с интеграцией новых иммигрантов в Китае» / Чжан Хуэймэй // 南洋资料译丛 = Тематическая подборка переводов материалов по Наньяну, 2022. – № 3 – С. 86–88.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА И ИНИЦИАТИВЫ КНР

Лю Вэньдун

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
1240880904@qq.com

Статья посвящена анализу эволюции Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на фоне трансформации глобальной архитектуры безопасности и экономического взаимодействия. Устанавливаются ключевые этапы институционального становления ШОС и выделяются основные направления ее функционального развития – от обеспечения региональной безопасности до формирования механизмов экономической координации и цифрового сотрудничества. Особое внимание уделяется переходу от доминирования антитеррористической повестки к многоуровневой системе безопасности, включающей цифровую и гуманитарную составляющие. Рассматривается развитие экономического трека ШОС с акцентом на инфраструктурные проекты, инициативы в области цифровой экономики и «зеленого» развития. Указывается на рост стратегической устойчивости ШОС и ее способность к адаптации к новым вызовам посредством институциональных инноваций. Делается вывод о значении ШОС как комплексного регионального механизма, обеспечивающего взаимосвязанное развитие и стабильность, при ключевой роли Китая в формировании и продвижении ее стратегических ориентиров.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества; региональная безопасность; институциональное развитие; цифровая экономика; зеленое развитие; Китай.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION AND INITIATIVES OF THE PRC

Liu Wendong

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
1240880904@qq.com

The article is devoted to analyzing the evolution of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) against the backdrop of the transformation of the global security architecture and economic interaction. The paper identifies the key stages of the SCO's institutional development and highlights the main directions of its functional evolution – from ensuring regional security to the formation of mechanisms for economic coordination and digital cooperation. Special attention is given to the shift from a counterterrorism-focused agenda to a multi-level security system that includes digital and social components. The development of the SCO's economic track is examined, with emphasis on infrastructure projects, initiatives in the digital economy, and green development. The article points to the growth of the SCO's strategic resilience and its ability to adapt to new challenges through institutional innovations. The conclusion underscores the SCO's role as a comprehensive regional mechanism that ensures interconnected development and stability, with China playing a key role in shaping and promoting its strategic direction.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization; regional security; institutional development; digital economy; green development; China.

В условиях ускоряющихся изменений международной обстановки и реструктуризации глобальной системы управления, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), как важный многосторонний механизм сотрудничества в трансрегиональном и многокультурном контексте, стала ключевой точкой понимания новых тенденций регионального взаимодействия и многополярности международного порядка. Ее институциональное строительство и функциональное развитие в таких сферах, как безо-

пасность, экономика и институциональное строительство уже приобрели значительную глубину. С момента своего основания ШОС, руководствуясь ключевой концепцией «Шанхайского духа», в процессе углубления практического сотрудничества постепенно сформировала модель взаимодействия, основанную на безопасности и стабильности, поддерживаемую экономической взаимосвязанностью и обеспеченную институциональным совершенствованием. Это демонстрирует ее растущую стратегическую устойчивость и зрелость институциональной структуры.

В рамках этой эволюции и укрепления организационной структуры, обеспечение безопасности изначально заняло центральное место в приоритетах ШОС. В июне 2001 г. главы шести государств собрались в Шанхае и официально подписали «Декларацию о создании Шанхайской организации сотрудничества» и «Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», заложив прочную правовую основу для совместного противодействия «трем силам зла» (терроризму, сепаратизму и экстремизму). Этот шаг ознаменовал вступление механизма безопасности ШОС в этап институционализации под руководством новой концепции безопасности, когда сотрудничество в этой сфере стало регулироваться четкими нормами.

Для противодействия новым вызовам в июне 2002 г. на встрече глав государств ШОС в Санкт-Петербурге был подписан уставной документ организации – «Хартия Шанхайской организации сотрудничества», что стало важным шагом в становлении ШОС как международной региональной организации [1]. На том же саммите было подписано «Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре», официально учредившее антитеррористический механизм ШОС и закрепившее прочную правовую основу для последующего сотрудничества в сфере безопасности [2].

По мере развития ШОС сотрудничество в сфере безопасности постепенно расширилось от традиционной борьбы с терроризмом до множества других направлений. В мае 2003 г. в Москве состоялось третье заседание Совета глав государств ШОС, на котором была принята «Московская декларация». В ней было принято решение об учреждении Секретариата ШОС в Пекине и Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры в Бишкеке, что значительно укрепило антитеррористический механизм Организации [3]. Эти меры не только способствовали институционализации ШОС, но и обеспечили прочную основу для безопасности и стабильности в регионе. Тем самым была заложена трехуровневая структура безопасности, включающая политическую волю, правовую базу и исполнительные механизмы. На фоне укрепления институционального фундамента ШОС постепенно расширяла сферу своей деятельности от реагирования на угрозы к предотвращению рисков. С 2007 г. организация регулярно проводит совместные учения «Мирная миссия», в которых отрабатываются задачи по противодействию терроризму, обеспечению стабильности и защите территориальной целостности. Эти мероприятия способствовали углублению оперативной совместимости между вооруженными силами государств-членов, усилению военного доверия и формированию согласованных механизмов кризисного реагирования.

Одновременно с нарастанием темпов технологического прогресса и распространением цифровых технологий, внимание государств-членов все чаще стало сосредоточиваться на киберпространстве как на новом стратегически важном измерении безопасности. Появление таких угроз, как киберпреступность, информационные атаки и трансграничное распространение вредоносных данных, потребовало от организации соответствующего институционального ответа. Именно в этом контексте в 2009 г. на саммите ШОС в Екатеринбурге было подписано Согла-

шение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности – первый юридически обязывающий документ Организации в области кибербезопасности [4]. Этот шаг ознаменовал начало институционализированного подхода к нетрадиционным угрозам в цифровой среде. Соглашение закрепило основы взаимодействия по вопросам обеспечения информационного суверенитета, регулирования киберпространства и борьбы с киберпреступностью, тем самым заложив основу для дальнейшего углубления сотрудничества в сфере цифровой безопасности.

В целом механизм сотрудничества Шанхайской организации сотрудничества в сфере безопасности завершил эволюцию от «доминирования антитеррористической деятельности» к «многомерной координации безопасности». На данный момент сотрудничество охватывает традиционную и нетрадиционную безопасность, транснациональное реагирование на кризисы, управление киберпространством, гуманитарную безопасность и другие аспекты. Это многоуровневое и поэтапное построение механизмов безопасности придает ШОС все большую институциональную гибкость и стратегическую глубину для противодействия новым вызовам, способствуя формированию более стабильной и сбалансированной региональной архитектуры безопасности.

На основе постепенно сформированной институционализированной системы сотрудничества в сфере безопасности ШОС начала смещать акценты своей деятельности от традиционных вопросов безопасности к более широким проблемам экономической безопасности и регионального развития. Такое стратегическое расширение демонстрирует внутреннюю логику эволюции ШОС как комплексного механизма регионального взаимодействия: достижение устойчивой безопасности через экономическое процветание и взаимосвязанность, формируя

тем самым сбалансированную модель «безопасность + развитие».

Экономическое сотрудничество было включено в повестку дня ШОС с самого момента ее создания и со временем стало одним из структурных опор организации. Еще на раннем этапе своего развития ШОС определила стратегическое направление на содействие региональному экономическому взаимодействию, организуя многосторонние консультации и проектное сотрудничество в таких ключевых сферах, как энергетика, транспорт, сельское хозяйство, наука и техника, а также финансы. С целью укрепления финансовой опоры Организации последовательно выдвигались инициативы по созданию региональных механизмов развития, что способствовало реализации ряда проектов, направленных на развитие инфраструктуры, трансграничную логистику и промышленную взаимосвязанность.

В условиях глубоких трансформаций глобальной экономической структуры цифровая экономика и зеленое развитие постепенно становятся важными новыми точками роста в экономическом сотрудничестве ШОС. Столкнувшись с общими для государств-членов проблемами недостаточного цифрового инфраструктурного обеспечения, неравномерного развития информатизации и отставания в переходе к зеленым технологиям, ШОС придает особую актуальность и практическое значение укреплению координации в области цифровизации и экологически ориентированного развития. Китай, опираясь на свои передовые достижения в строительстве сетей 5*G*, применении искусственного интеллекта и развитии трансграничной электронной коммерции, активно продвигает инициативу «Цифровой шелковый путь», способствуя взаимному соединению данных, развитию электронной торговли и сотрудничеству в сфере кибербезопасности между странами ШОС. На практике, в 2019 г. на Бишкекском саммите в документе впервые официально было заявлено о необ-

ходимости «усиления сотрудничества в области цифровой экономики и продвижения развития платформ трансграничной электронной коммерции и цифровых платежей» [5]. На Душанбинском саммите 2021 г. было дополнительно подчеркнуто «создание интегрированного механизма сотрудничества в цифровой экономике и обмен опытом в сфере цифровой экономики, подчеркивание важности использования цифровых технологий для содействия развитию». Кроме того, была выражена поддержка государствам-членам в развитии интеллектуальной логистики, удаленной работы, онлайн-образования и других новых цифровых форматов [6].

На фоне того, что экологическая трансформация стала общемировым направлением развития, ШОС определила оптимизацию энергетического баланса и устойчивое экологическое развитие в качестве одного из ключевых направлений регионального взаимодействия. Страны-члены ШОС в целом сталкиваются с проблемами однообразной структуры энергоснабжения и недостаточной эффективности экологического управления, что обостряет необходимость внедрения передовых зеленых технологий и концепции устойчивого развития через механизмы регионального сотрудничества. На саммите в Душанбе в 2021 г, было четко заявлено о необходимости «активизировать обмен в области возобновляемых источников энергии и создать платформу совместного использования зеленых технологий», с целью стимулирования совместных научных исследований и трансфера технологий в таких приоритетных сферах, как солнечная и ветровая энергетика, а также комплексное управление водными ресурсами [6]. На практике Китай, обладая широкими возможностями в производстве оборудования для возобновляемой энергетики и в реализации соответствующих проектов, активно продвигает сотрудничество с государствами Центральной Азии в сфере «зеленой» энергетики. Так, благодаря технической и финансовой поддержке Китая, в Казахстане

был реализован проект ветровой электростанции в Жанатасе, а в Узбекистане был реализован проект солнечной электростанции *Nur Navoi Solar Power Plant* мощностью 100 МВт, расположенной в Навоийской области, при поддержке компании *Masdar*. Эти инициативы способствовали увеличению доли чистой энергии в энергетическом балансе данных стран, содействуя диверсификации источников энергии и достижению целей по снижению выбросов углерода. Одновременно ШОС продвигает развитие механизмов «зеленого финансирования», включая предоставление специализированных кредитов на устойчивое развитие со стороны таких институтов, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Государственный банк развития Китая. Это обеспечивает долгосрочную и стабильную финансовую поддержку экологических проектов и повышает практическую осуществимость и согласованность регионального зеленого перехода.

В перспективе механизм экономического сотрудничества ШОС будет продолжать углубляться на существующей основе и ускорит трансформацию по трем ключевым направлениям: технологические инновации, «зеленое» развитие и региональная финансовая интеграция. Для достижения этих целей Организации необходимо далее совершенствовать стратегическое планирование, усиливать механизм координации политики, оптимизировать способы распределения ресурсов, а также повышать институциональную устойчивость и эффективность реализации платформ сотрудничества. Одновременно ШОС следует расширять направления взаимодействия, продвигать сопряжение с другими международными и региональными структурами, формируя открытую, инклюзивную и скоординированную модель регионального экономического сотрудничества нового типа. В этом процессе Китай, как ключевая экономика региона, продолжит оказывать мощную поддержку в сферах технологий, капитала и институциональных инноваций, способствуя совместной трансфор-

мации и долгосрочному процветанию государств-членов в условиях новой глобальной экономической реальности.

Таким образом, Шанхайская организация сотрудничества, пройдя путь от первоначального механизма региональной безопасности к многоуровневой платформе комплексного взаимодействия, вступает в новый этап своего развития. В условиях глобальных вызовов и трансформации международного порядка ШОС демонстрирует возрастающую институциональную зрелость, стратегическую адаптивность и способность к структурной эволюции. Углубление сотрудничества в сферах технологических инноваций, цифровой экономики, экологического развития и финансовой интеграции закладывает прочную основу для формирования устойчивого и сбалансированного регионального порядка. В этом процессе Китай, как ведущий участник и стратегический двигатель организации, продолжит играть ключевую роль, способствуя формированию новой модели открытого, инклюзивного и устойчивого регионального сотрудничества. Будущее ШОС – это не только вопрос институционального расширения, но и отражение общего стремления ее государств-членов к устойчивому миру, взаимовыгодному развитию и коллективной безопасности в XXI в.

Библиографический список

1. Хартия Шанхайской организации сотрудничества от 7 июня 2022 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=I00200089 (дата обращения: 04.06.2025).

2. Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре // Президент России. – 06.06.2002. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3864 (дата обращения: 04.06.2025).

3. 上海合作组织成员国元首第三次会晤在莫斯科举行 = Проведена третья встреча глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в Москве // 中华人民共和国外交部. =

Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – 30.05.2003. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/zt2003_675963/hjtcf_675967/200305/t20030530_7964804.shtml (дата обращения: 04.06.2025).

4. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 16.06.2009. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50243/ (дата обращения: 04.06.2025).

5. 上海合作组织成员国元首理事会比什凯克宣言 = Бишкекская декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // 中华人民共和国外交部. = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – 15.06.2019. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/dozys_673577/dqzzoys_673581/shhz_673583/zywj_673595/201906/t20190615_7627442.shtml (дата обращения: 04.06.2025).

6. 上海合作组织二十周年杜尚别宣言 = Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – 18.09.2021. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/zywj_683106/202109/t20210918_10405994.shtml (дата обращения: 04.06.2025).

ПАРТНЕРСТВО КИТАЯ И РОССИИ КАК ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРИКС

Лю Лу

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
2751292482@qq.com

В данной статье рассматривается ключевая роль Китая и России в создании и развитии механизма БРИКС, а также оценивается воздействие их отношений на сотрудничество в рамках БРИКС. Обращено внимание на то, что сотрудничество Китая и России в политической сфере, сфере безопасности, экономике, энергетике и других областях укрепляет сплоченность БРИКС и позволяет странам БРИКС играть более значительную роль в глобальном развитии и управлении. Тесное стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией привносит значительную институциональную и стратегическую стабильность в механизм сотрудничества БРИКС, а также активно способствует эволюции системы глобального управления в направлении большей многополярности и сбалансированности. Однако, такая высокая степень координации может вызывать у других стран-членов потенциальные опасения относительно неравномерного распределения влияния и дисбаланса властных структур внутри группы.

Ключевые слова: партнерство Китая и России; БРИКС; политическая безопасность; экономика и энергетика; развитие; глобальное управление.

CHINA-RUSSIA PARTNERSHIP AS THE FOUNDATION OF BRICS ACTIVITY

Liu Lu

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
2751292482@qq.com

This article examines the key role of China and Russia in the creation and development of the BRICS mechanism, as well as assesses the

impact of their relationship on cooperation within the BRICS. Attention was drawn to the fact that cooperation between China and Russia in the political, security, economic, energy and other fields strengthens BRICS cohesion and allows the BRICS countries to play a more significant role in global development and governance Close strategic cooperation between China and Russia brings significant institutional and strategic stability to the BRICS cooperation mechanism, and actively promotes the evolution of the global governance system towards greater multipolarity and balance. However, this high degree of coordination may raise potential concerns among other member states regarding the uneven distribution of influence and imbalances in power structures within the group.

Keywords: China-Russia partnership; BRICS; political security; economics and energy; development; global governance.

Начало углублению сотрудничества между Китаем и Россией было положено в 1996 г., когда обе страны объявили об установлении отношений стратегического партнерства и взаимодействия. В последующие годы эти отношения были повышены до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия [1].

Близость политических установок и идейных ценностей Китая и России поспособствовала созданию и развитию БРИКС. В 2006 г. российская сторона выступила в роли инициатора преобразования идеи объединения четырех государств (Бразилии, России, Индии и Китая) в реальный механизм сотрудничества. В 2009 г. в Екатеринбурге состоялся первый саммит БРИК. Российская инициатива была активно поддержана Китаем, который на начальном этапе существования объединенной «четверки» являлся его самым представительным членом с точки зрения экономических параметров, роли в мировой торговле и темпов развития. Экономическое влияние Китая и его способность стимулировать глобальные производственные и логистические цепочки обеспечили прочную основу для повышения статуса и влияния БРИКС на международной арене.

В настоящее время Россия и Китай определяют направление и глубину сотрудничества в рамках этого объединения. В условиях глобальных политических кризисов они совместно выражают свою позицию в Совете Безопасности ООН, продвигают отличную от позиции стран Запада повестку дня в мировой политике, отстаивают интересы развивающихся стран и обеспечивают политическую сплоченность объединения.

Китай и Россия последовательно выступают за укрепление сотрудничества стран БРИКС в таких областях, как глобальная безопасность, борьба с терроризмом и кибербезопасность. К началу 2025 г. встречи высоких представителей, курирующих вопросы безопасности в рамках механизма БРИКС, проводились 15 раз. Участники этих встреч поддерживали главенство ООН в решении возникающих проблем современного развития и содействовали реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН [2]. В качестве основного проявления глобальной экономической несбалансированности рассматривался дисбаланс развития между Севером и Югом [3, с. 10].

В Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, подписанном в 2023 г., подчеркивается неприятие однополярного мирового порядка и выражается поддержка многосторонности и активному продвижению реформы системы глобального управления [4]. Сотрудничество Китая и России усиливает согласованность и возможности стран БРИКС в таких многосторонних институтах, как ООН и *G*20, и представляет коллективные интересы развивающихся стран в этих объединениях. На саммитах БРИКС эти две страны неоднократно акцентировали внимание на необходимость реформирования Совета Безопасности ООН, международной финансовой системы и т. д. и призывали международное сообщество усилить значение стран с развивающейся эко-

номикой в международных структурах, определяющих основные параметры экономического развития. Такая стратегическая координация создает стабильную основу для сотрудничества и укрепляет их способность совместно противостоять внешним вызовам.

В экономической и энергетической сферах китайско-российское сотрудничество служит примером экономического сотрудничества БРИКС, способствует реализации совместных проектов развития. Китай на протяжении последних 13 лет остается крупнейшим торговым партнером России, взаимодополняемость экономик Китая как крупной промышленной державы и России как ресурсной державы способствует развитию торговли и направлению инвестиционных потоков внутри БРИКС [5, с. 30]. В Совместном заявлении Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 г., подписанном в 2023 г., выражается намерение обеих сторон развивать электронную торговлю и другие инновационные модели сотрудничества, углублять сотрудничество в области цифровой экономики и экологически устойчивого развития [6].

Энергетическое сотрудничество является одним из наиболее весомых, результативных и широких направлений практического сотрудничества между Китаем и Россией. В 2024 г. товарооборот между двумя странами достиг 244,8 млрд дол. США, увеличившись на 1,9 % [7]. При этом доля энергоресурсов в двустороннем товарообороте значительно возросла, особенно в нефтегазовой сфере. Также Государственное энергетическое управление Китая объявило о полном завершении строительства китайского участка газопровода «Сила Сибири» – газопровода с самой высокой пропускной способностью в Китае, позволяющей увеличить годовую мощность до 38 млрд кубометров газа [8]. Энергетическое сотрудничество между Россией и Ки-

таем не только удовлетворяет потребности обеих стран, но, благодаря долгосрочным соглашениям и взаимосвязанной инфраструктуре, укрепляет энергетическую безопасность стран БРИКС в целом, снижая их зависимость от энергетических рынков, контролируемых Западом.

Рост товарооборота между Китаем и Россией также будет способствовать оптимизации торговых правил между странами БРИКС. Китай и Россия инициировали процесс взаимного признания валют стран БРИКС, продвигая расчеты в национальных валютах. Также они предложили создать систему трансграничных платежей между странами БРИКС с целью уменьшения зависимость от *SWIFT* [9].

Немаловажной была поддержка Китаем и Россией идеи создания Нового банка развития БРИКС, с помощью которого осуществляется финансирование инфраструктурных проектов стран БРИКС. К 2025 г. банк выразил готовность профинансировать 120 проектов [9].

Углубление китайско-российских отношений в сфере образования и гуманитарных обменов придает устойчивую энергию странам БРИКС. Обе страны тесно сотрудничают в налаживании связей между университетами и другими образовательными учреждениями, организации совместных научных исследований, обмена студентами, а также изучение языка и культуры друг друга. Используя Альянс университетов стран БРИКС в качестве платформы, Китай и Россия возглавили разработку междисциплинарных курсов, продвигая расширенное участие студентов и аспирантов в совместных программах, а также в создании и совместном использовании ресурсов онлайн-обучения. Этот механизм способствует расширению знаний, инноваций и «мягкой силы», поощряя поиск новых талантов по всему миру и формирование разнообразных способностей для всех стран БРИКС.

Гуманитарные обмены с активным участием Китая и России укрепляют культурную идентичность и общественную поддержку между странами БРИКС, способствуют

устранению недопониманий и укреплению взаимного доверия между государствами, которые входят в состав этого объединения. К примеру, проведение молодежных саммитов, фестивалей культуры, недель искусства стран БРИКС формирует и углубляет понимание и признание друг друга гражданами стран-участниц, что в условиях растущей неопределенности мирового порядка становится важной гарантией стабильности БРИКС в целом.

Китайская инициатива «Один пояс, один путь» и российская идея «Большого Евразийского партнерства» послужили отправной точкой для расширения БРИКС, привлекая развивающиеся страны к участию в этом объединении. Устойчивый партнерские отношения между Китаем и Россией могут эффективно смягчать разногласия между различными членами этого объединения, определяя будущее направление их развития.

Воздействие китайско-российского партнерства на БРИКС имеет сложный характер. С одной стороны, высокий уровень доверия и координации политики между Китаем и Россией, а также опыт сотрудничества двух стран в экономической и энергетической сферах обеспечивают БРИКС надежную институциональную основу и стратегическую стабильность, эффективно смягчая структурные разногласия между странами-участницами. Общая позиция Китая и России по реформированию системы глобального управления содействует повышению влияния стран с формирующимся рынком и развивающихся стран в международной системе, помогает изменять систему глобального управления в направлении большей многополярности и инклюзивности.

С другой стороны, активная роль Китая и России в БРИКС может вызывать у других стран-участниц опасения по поводу распределения власти и чувства дисбаланса, в особенности в отношении определения повестки дня и распределения ресурсов. Кроме того, диверсификация интересов и культурные различия, вызванные расширением

БРИКС, предъявляют более высокие требования к координации действий и лидерским качествам Китая и России. Уже в ближайшей перспективе им придется приступить к поиску динамического баланса между стратегическим лидерством и учету интересов других стран — членов БРИКС для обеспечения долгосрочного и устойчивого развития механизма этого объединения.

Библиографический список

1. 双边关系（俄罗斯）。外交部 = Двусторонние отношения (Россия) // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/sbgx_679114 (дата обращения: 13.05.2025).

2. 王毅谈金砖国家反恐和网络安全合作。外交部 = Ван И обсудил сотрудничество стран БРИКС в области борьбы с терроризмом и кибербезопасности // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – 01.05.2025. – URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbzhd/202505/t20250501_11614769.shtml (дата обращения: 13.05.2025).

3. 中国与二十国集团。陈东晓，（德）史丽娜主编。 = Китай и «Группа двадцати» / под ред.: Чэнь Дунсяо, Шилина (Германия). – 上海：上海人民出版社 = Шанхай : Шанхайское народное издательство, 2015. – 293 с.

4. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Президент России. – 21.03.2023. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5920 (дата обращения: 15.05.2025).

5. 金砖国家国别研究报告（2023）俄罗斯卷 = Страновой отчет по БРИКС (2023): Россия. 华侨大学国际关系学院金砖合作研究团队 = Исследовательская группа по сотрудничеству БРИКС Института международных отношений Университета Хуацяо, 2023. – 94 с.

6. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 г. // Президент России. – 21.03.2023. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5919 (дата обращения: 15.05.2025).

7. 2024年统计月报 = Статистический ежемесячный отчет за 2024 год // 中华人民共和国海关总署 = Главное таможенное управление Китайской Народной Республики. – URL: http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302277/5668662/index.html (дата обращения: 16.05.2025).

8. 中俄东线天然气管道全线贯通 = Полностью завершено строительство восточного маршрута газопровода Китай – Россия // 国家能源局 = Государственное энергетическое управление Китайской Народной Республики. – 06.12.2024. – URL: https://www.nea.gov.cn/2024-12/06/c_1310787439.htm (дата обращения: 17.05.2025).

9. All Projects // New Development Bank. – URL: https://www.ndb.int/projects/all-projects/ (mode of access: 17.05.2025).

СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ: КАК ИЗБЕЖАТЬ ЛОВУШКИ ГЕГЕМОНИЗМА

Лю Юань

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
1007343397@qq.com

Целью данной статьи является анализ того, как Китай может оказывать влияние в Северной Африке, избегая при этом ловушки гегемонии. За последние годы экономическое, политическое и культурное влияние Китая в Северной Африке значительно возросло. По мере углубления инициативы «Один пояс, один путь» сотрудничество Китая со странами Северной Африки в таких областях, как строительство инфраструктуры, торговля и инвестиции, а также культурные обмены, становится все более тесным. Однако в международном общественном мнении часто возникают сомнения относительно связи Китая с «неоколониализмом» или «гегемонизмом». В данной статье основное внимание уделяется североафриканскому региону и на конкретных примерах анализируется, как Китай может избежать попадания в гегемонистскую риторику с помощью таких стратегий, как модели равноправного сотрудничества, создание многосторонних механизмов и использование культурной мягкой силы, а также обеспечить устойчивый импульс региональному развитию посредством равноправного сотрудничества и расширения прав и возможностей в области развития.

Ключевые слова: Северная Африка; инициатива «Один пояс, один путь»; гегемония; культурная мягкая сила.

CHINA'S NORTH AFRICA STRATEGY: AVOIDING THE HEGEMONIC TRAP

Liu Yuan

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
1007343397@qq.com

This article aims to analyze how China can exert influence in North Africa while avoiding the trap of hegemony. China's economic, political and cultural influence in North Africa has increased significantly in recent years. With the deepening of the Belt and Road initiative, China's cooperation with North African countries in areas such as infrastructure construction, trade and investment, and cultural exchanges has become increasingly close. However, international public opinion often doubts China's association with «neo-colonialism» or «hegemony». This article focuses on the North African region and, through specific examples, analyzes how China can avoid falling into hegemonic rhetoric through strategies such as equal cooperation models, the establishment of multilateral mechanisms, and the use of cultural soft power, and ensure sustainable momentum for regional development through equal cooperation and development empowerment.

Keywords: North Africa; Belt and Road initiative; hegemony; cultural soft power.

Гегемония – это идея, согласно которой определенные страны или группы полагаются на собственную силу, чтобы контролировать суверенитет других стран с помощью принудительных мер и манипуляций международными правилами с целью сохранения своего мирового господства [1, с. 59]. В политическом плане это проявляется главным образом в произвольном вмешательстве во внутренние дела других стран, экспорте идеологии и манипулировании общественным мнением; В экономическом плане это проявляется в основном в манипулировании финансовыми и денежными рынками, установлении не-

равных рыночных правил и разграблении ресурсов слабых стран. Китай всегда придерживался принципов многосторонности и международного сотрудничества, решительно выступал против гегемонии и идеологической конфронтации, заменял конфронтацию сотрудничеством, продвигал справедливость через развитие и разрешал конфликты посредством инклюзивности [2, с. 175].

В своем политическом сотрудничестве с Северной Африкой Пекин придает большое значение реконструкции системы дискурса и сотрудничеству с третьими сторонами. В своих официальных заявлениях по Северной Африке Китай часто использует такие концепции, как «сообщество единого будущего» и «сотрудничество Юг – Юг», преуменьшая разницу в силе между «донором и получателем» [3, с. 73]. Например, министр экономики Туниса Абдель Хафез на переговорах 2025 г. подчеркнул, что китайско-тунисское сотрудничество – это «партнерство, основанное на общих целях», а не односторонняя зависимость. В торгах второго этапа проекта высокоскоростной железной дороги в Марокко китайские компании участвуют совместно с французскими компаниями. Интегрируя многонациональный капитал и технологии, они избежали впечатления «исключительного китайского контроля» и уменьшили обеспокоенность стран Северной Африки относительно вмешательства Китая в их национальную политику и экономику [4, с. 113].

В то же время Пекин уделяет особое внимание обеспечению равенства в сотрудничестве посредством институциональных рамок и избеганию односторонних гегемонистских тенденций. Форум по сотрудничеству между Китаем и Африкой – Пекинский план действий (2025–2027 гг.), опубликованный в 2025 г., четко предложил создать долгосрочный механизм связи с североафриканскими региональными организациями (такими как Союз арабского Магриба), проводить регулярные встречи по налаживанию деловых связей между Китаем и Африкой и гаранти-

ровать, что потребности в сотрудничестве будут активно предлагаться африканской стороной [5]. Например, Марокко предложило построить солнечную электростанцию с помощью этого механизма в 2024 г. Китайские компании участвовали в проекте в форме совместного владения акциями, при этом Марокко принадлежало 51 % акций и операционное доминирование [6, с. 25]. В то же время с декабря 2023 г. КНР ввел политику нулевых тарифов на 100 % тарифные позиции для стран, включая наименее развитые страны Северной Африки (например, Мавританию), что значительно увеличило масштабы экспорта североафриканской сельскохозяйственной продукции в Китай. В первой половине 2024 г. импорт Китаем сельскохозяйственной продукции, такой как оливковое масло и финики из Северной Африки, увеличился на 23 % в годовом исчислении, что принесло прямую выгоду местным мелким и средним фермерам [7, с. 41]. Эти механизмы включают интересы стран Северной Африки в основу сотрудничества, фактически исключая риторику «под руководством Китая».

Экономическое сотрудничество КНР в Северной Африке основано на взаимной выгоде и обоюдовыгодных результатах. Китай избегает ярлыка разграбления ресурсов, внедряя инновационные модели экономического сотрудничества и делая упор на передачу технологий и местное развитие, а не просто на захвате ресурсов [8, с. 186]. Например, Тунис является важным партнером по сотрудничеству в Северной Африке. В ходе визита президента страны в Китай в июне 2024 г. стороны подписали ряд соглашений, охватывающих инфраструктуру, здравоохранение и транспорт. Посол КНР в Тунисе Вань Ли ясно дал понять, что целью сотрудничества является «поддержка процесса развития Туниса», а не односторонние инвестиции. В проектах по расширению портов в Тунисе, в которых участвовали китайские компании, более 70 % рабочей силы было нанято среди местного населения, а передовые

китайские технологии управления портами были внедрены для повышения конкурентоспособности Туниса в средиземноморской судоходной сети [9, с. 35].

В Алжире Пекин в рамках сотрудничества двух стран построил завод по переработке фосфатов, который не только удовлетворяет спрос Китая на удобрения, но и помогает Алжиру создать полную цепочку производства фосфорной химической продукции за счет передачи технологий, что позволяет стране превратиться из экспортера сырья в производителя продукции с высокой добавленной стоимостью.

Инфраструктурные проекты Китая в Северной Африке направлены на обеспечение баланса между экологическими и социальными выгодами. Возьмем в качестве примера проект скоростной автомагистрали Восток-Запад в Алжире; в проекте использована независимо разработанная Китаем технология укрепления дорожного полотна в пустыне, что позволяет снизить ущерб уязвимым экологическим зонам. В период строительства были введены вспомогательные системы водоснабжения для деревень вдоль маршрута, а также было нанято более 2000 местных сотрудников для участия в обучении по техническому обслуживанию, что эффективно решало проблемы проживания и занятости людей. Такая практика показывает, что инфраструктура Китая не является «хищническим развитием», а скорее способствует устойчивому развитию региона посредством расширения технологических возможностей [10, с. 400].

Такая модель сотрудничества ломает традиционную колониальную экономическую логику одностороннего потока «ресурсы – рынок», воплощает концепцию развития Китая «научить человека ловить рыбу» и отражает открытую позицию Китая, направленную на взаимную выгоду и обоюдный выигрыш в международном экономическом и торговом сотрудничестве.

В сфере мягкой силы Пекин усиливает свою близость посредством культурной дипломатии и проектов по обе-

спечению средств к существованию населения, выстраивает локализованные нарративы и избегает гегемонистского характера своих ценностных продуктов.

В 2021 г. в Алжире КНР и Алжир подписали «План реализации китайско-алжирского культурного соглашения на 2021–2025 годы», в котором основное внимание уделяется укреплению политического диалога, сотрудничеству в сфере туризма и институционализации культурных обменов. Посол Алжира в Китае Бухалифа подтвердил результаты культурного сотрудничества двух стран в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [11].

В Тунисе с 2018 г. муниципальное правительство Монастира и Университет Монастира сотрудничают с Китаем в рамках проекта «Посол культурного обмена Китай – Тунис», который включает в себя: академические обмены (в основном обучение истории Туниса и арабской культуре, посещение университетских лабораторий и больниц), культурное взаимодействие (изучение тунисских народных танцев, участие в средиземноморских пляжных вечеринках и организация общественных благотворительных мероприятий, таких как уборка морского мусора) и т. д. Информационное агентство Синьхуа также открыло свое африканское отделение в Тунисе для публикации новостей на арабском языке в противовес общественному мнению, в котором доминируют западные СМИ. Арабский канал Китайской глобальной телевизионной сети транслирует большое количество локализованных дублированных драм, что сократило культурную дистанцию между Китаем и североафриканскими народами и способствовало познанию и пониманию Китая североафриканскими народами [12, с. 4].

Эти инициативы создали имидж Китая как «партнера по развитию», а не «культурного гегемона», уважающего местную культуру и удовлетворяющего реальные потребности.

Таким образом, расширение влияния Китая в Северной Африке успешно обошло традиционные гегемонистские установки с помощью таких стратегий, как инсти-

туциональное равенство, расширение технологических прав и возможностей и культурная эмпатия. Основной опыт организации заключается в преобразовании преимуществ сотрудничества во внутренние возможности развития стран Северной Африки и обеспечении совместного использования выгод посредством многосторонних механизмов. В будущем Китаю необходимо будет еще больше усилить прозрачность (например, сделать оценки воздействия проектов на окружающую среду общедоступными) и поощрять местных ученых и СМИ в Северной Африке к участию в совместных нарративах с целью укрепления своего международного имиджа как «ответственной крупной державы».

Библиографический список

1. Миронюк, М. Г. Преемственность и изменчивость международных порядков и беспорядков / М. Г. Миронюк // Полит. наука. – 2024. – № 2. – С. 55–79. – URL: https://www.politnauka.ru/jour/article/view/1075 (дата обращения: 12.05.2025).

2. Сафранчук, И. А. Гегемония и мировой порядок: обзор концепции «сложной гегемонии» / И. А. Сафранчук, В. М. Жорнист, А. Д. Несмашный // Вестн. междунар. организаций: образование, наука, новая экономика. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 172–183. – URL: https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-01-09 (дата обращения: 12.05.2025).

3. Верченко, А. Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица / А. Л. Верченко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2022. – Вып XXVII. – М. : ИКСА РАН, 2022. – С .71–83. – URL: https://chinainworld.ru/2022/09/30/495/ (дата обращения: 12.05.2025).

4. 刘玉照. 中国企业»走出去»中的控制权问题/刘玉照 = Лю Юйчжао. Проблема прав контроля при «глобализации» китайских предприятий / Лю Юйчжао // 文化纵横 = Горизонты культуры. – 2024. – № 1. – С. 107–116.

5. Beijing Declaration on Jointly Building an All-Weather China-Africa Community with a Shared Future for the New Era. Beijing, 5 September. 2024 // Ministry of Foreign Affairs People's Republic

of China. – 05.09.2024. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485993.html (date of access: 03.04.2025).

6. 中国对外投资合作国别（地区）指南　摩洛哥2024版，　2024年12月31日在北京签订 = Руководство по зарубежным инвестициям и сотрудничеству Китая со странами (регионами). Марокко, издание 2024 г., Пекин, 31 декабря 2024 г. // 中华人民共和国商务部 = Министерство коммерции Китайской Народной Республики. – URL: https://www.mofcom.gov.cn/dl/gbdqzn/upload/moluoge.pdf (дата обращения: 12.05.2025).

7. Otenia, T. Chinese Zero-Tariff Treatment for Least Developed Countries: China's Soft-Power in Action in Africa / T. Otenia // International and Public Affairs. – 2017. – Vol. 1, N 2. – P. 39–46. – URL: https://www.sciencepublishinggroup.com/journal/546/archive/5460102 (date of access: 03.04.2025).

8. Виноградов, И. С. Сотрудничество Китая со странами северной Африки: состояние и перспективы / И. С. Виноградов // Китай в мировой и региональной политике, История и современность. – 2023. – № 28. – С. 185–198.

9. Damak, D. The research to remove barriers between China and Tunisia in the shipping field / D. Damak // International Business Research. – 2018. – Vol. 11, № 5. – P. 28–41.

10. 高飞.　«一带一路»　倡议下中非基础设施合作项目效益评价与优化路径探索/高飞 = Гао Фэй. Исследование путей оценки выгод и оптимизации проектов инфраструктурного сотрудничества Китая и Африки в рамках инициативы «Один пояс, один путь» / Гао Фэй // 世界经济探索 = Мировые экономические исследования. – 2025. – № 3. – С. 399–409.

11. 中阿签署文化协定2021-2025年执行计划.　2021年1月27日在北京签订 = Китай и арабские страны подписывают план реализации культурного соглашения на 2021–2025 гг., Пекин, 27 января 2021 г. // 中华人民共和国文化和旅游部 = Министерство культуры и туризма Китайской Народной Республики. – URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/202101/t20210128_921105.htm (дата обращения: 23.04.2025).

12. 李玉洁.　非洲媒体发展态势及中非媒体合作路径探析 / 李玉洁 = Ли Юцзе. Анализ тенденций развития африканских СМИ и пути китайско-африканского сотрудничества в области СМИ / Ли Юйцзе // 浙江师范大学学报（社会科学版）= Журн. Чжэцзян. педагог. ун-та (издание по социальным наукам). – 2024. – № 5. – С. 1–11.

УСТАНОВЛЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ОТТАВЫ И ПЕКИНА В 1970 г.: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА П. ТРЮДО

Сун Юйхун

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
cym0210042514@gmail.com

В 1970 г. Канада под руководством премьер-министра П. Трюдо официально установила дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой. Это решение было частью стратегической корректировки внешней политики правительства Канады, направленной на уменьшение зависимости от США и создание независимого дипломатического курса. П. Трюдо предложил политику «третьего выбора», чтобы уменьшить долю торговли с США за счет диверсификации торговли с другими странами. Исторически дружественные отношения Канады с Китаем, а также их активное развитие ос стороны П. Трюдо сделали возможным установление дипломатических отношений между Канадой и Китаем. Эта инициатива получила широкую поддержку в Канаде и положительную оценку со стороны Китая.

Ключевые слова: Пьер Эллиот Трюдо; Китайская Народная Республика; Канада; дипломатические отношения.

ESTABLISHMENT OF OFFICIAL RELATIONS BETWEEN OTTAWA AND BEIJING IN 1970: POLITICAL AND ECONOMIC IMPERATIVES OF THE P. TRUDEAU GOVERNMENT

Song Yuhong

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
cym0210042514@gmail.com

In 1970, Canada formally established diplomatic relations with the People's Republic of China under the leadership of Prime Minister

P. Trudeau. This decision was part of the Canadian Government's strategic reorientation of foreign policy to reduce dependence on the United States and establish an independent diplomatic track. P. Trudeau has proposed a «third option» policy to reduce economic dependence on the United States by diversifying trade. Canada's historic friendship with China and Trudeau's active promotion of it made it possible to establish diplomatic relations between China and Canada. This initiative not only gained wide support within Canada, but also received positive comments from the Chinese side.

Keywords: Pierre Elliott Trudeau; People's Republic of China; Canada; diplomatic relations.

Канада стала одним из первых западных государств, установивших дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой. Цель данного исследования – установить политические и экономические императивы, которыми руководствовалось канадское правительство при принятии решения об установления официальных отношений с КНР.

Весной 1968 г. в канадской политике произошли значительные изменения: премьер-министр Лестер Боулс Пирсон ушел в отставку, и 6 апреля Пьер Эллиот Трюдо стал лидером Либеральной партии, а 20 апреля официально занял пост премьер-министра. На выборах 25 июня Либеральная партия одержала победу, и Трюдо укрепил свои позиции. В качестве важного инициатора установления дипломатических отношений между Китаем и Канадой, Трюдо сыграл ключевую роль в этом процессе, что оказало значительное влияние. После вступления в должность он проводил активную и реалистичную внешнюю политику, ясно выражая желание установить дипломатические отношения с Китаем, что получило поддержку большинства канадцев. Трюдо возглавил и ускорил этот процесс, а его новые инициативы в отношении Китая стали частью стратегической корректировки внешней политики, направленной на уменьшение зависимости от США и установление независимого дипломатического курса.

Правительство П. Трюдо проводило более независимую внешнюю политику, целью которой было уменьшение влияния США на внешнюю политику Канады и выработка новой политики в отношении Китая [1]. В 1966 г., будучи членом канадской делегации в ООН, П. Трюдо участвовал в работе по вопросу представительства Китая и понимал влияние жесткой позиции США на канадскую позицию, а также выразил недовольство нерешительной и уступчивой политикой правительства Пирсона. Поэтому, став премьер-министром, Трюдо провел значительный пересмотр и корректировку внешней политики Канады. В 1970 г. Министерство иностранных дел Канады опубликовало доклад под названием «Внешняя политика для канадцев» («*Foreign Policy for Canadians*»). Основная идея доклада заключалась в том, что национальные интересы Канады превыше всего, а внешняя политика по своей сути является результатом эволюционирующих взглядов правительства и стремления к национальным целям и интересам, являясь продолжением государственной политики за рубежом. В докладе были перечислены три главные национальные цели Канады: обеспечение Канады как независимого политического образования; обеспечение процветания Канады и канадцев; обеспечение гуманного образа жизни для канадцев. Цель доклада заключалась в том, чтобы превратить Канаду из незначительного государства, следовавшего за США в дипломатии, в среднюю державу с независимой внешней политикой и определенным влиянием. Доклад состоял из шести частей: общая часть, Европа, Тихоокеанский регион, Латинская Америка, ООН и международное развитие, но не включал раздел о США. В докладе специально рассматривалась позиция Канады в отношении Китая: «Безопасность Азии в значительной степени зависит от будущих действий и позиций Китая, и положение Китая в структуре мировых держав станет полностью ясным только после окончания его изоляции… Китай в конечном итоге будет участвовать в мировых делах,

таких как переговоры по разоружению и ООН, что более точно отразит баланс сил в мире» [2, p. 22]. В докладе особо подчеркивалось, что под огромным влиянием США суверенитет, независимость и культурная самобытность Канады постоянно находятся под угрозой, поэтому «Канада должна сознательно прилагать усилия, чтобы контролировать ситуацию» [2, p. 14].

Пьер Трюдо понимал, что зависимость Канады от США в области внешней политики имеет экономическую основу. Чтобы изменить эту ситуацию, Трюдо предложил политику, называемую «третьим вариантом» («*the Third Option*»), целью которой было уменьшение доли торговли между Канадой и США за счет диверсификации торговли с другими странами [3]. Поскольку Канада исторически не участвовала в западных интервенциях в Китай и сражалась бок о бок с Китаем во Второй мировой войне, это облегчало диалог между Оттавой и Пекином. Кроме того, в китайской исторической памяти положительную роль сыграл доктор Генри Норман Бетьюн (*Henry Norman Bethune*), принимавший участие в отражении японской агрессии в конце 1930-х гг.

П. Трюдо считал, что все это были благоприятные условия для того, чтобы Канада первой установила дипломатические отношения с Китаем. Канада должна была сыграть ведущую роль в установлении отношений между Китаем и Западом, чтобы вернуть Китай в международное сообщество. Таким образом, политика в отношении Китая стала одной из основных составляющих новой внешней политики правительства П. Трюдо, целью которой было установление дипломатических отношений между Китаем и Канадой. Канадские правительственные чиновники, особенно сотрудники Министерства иностранных дел, высоко оценили действия Трюдо по установлению дипломатических отношений. Один из высокопоставленных дипломатов заявил: «Мы преодолели огромные препятствия и сделали шаг вперед на международной арене. В то время даже не было уверенности в том, что китайская сторона

примет участие (в переговорах по установлению дипломатических отношений), а американская сторона в основном не поддерживала нас... Соглашение об установлении дипломатических отношений стало результатом мудрого суждения и высокого профессионализма канадцев, участвовавших в процессе разработки внешней политики» [4, p. 190].

Оценка со стороны Китая также была весьма положительной. Яо Гуан（姚广）, который с 1968 по 1970 г. в Пекине отвечал за переговоры по установлению дипломатических отношений между Китаем и Канадой, а в 1972—1973 гг. был послом Китая в Канаде, считал, что Трюдо сыграл ключевую роль, и отметил: «Мы считаем, что правительство и народ Канады всегда стремились установить дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой. В Канаде силы, поддерживающие признание, всегда превосходили силы, выступающие против признания» [4, p. 194]. Говоря о переговорах по установлению дипломатических отношений, Яо Гуан признал, что переговоры были долгими, но между двумя странами существовала основа для взаимного доверия: «У нас не было конфликтов интересов... Мы никогда не рассматривали Канаду как противника на переговорах, а как страну, с которой можно установить дружественные отношения» [4, p. 192].

Установление дипломатических отношений между Китаем и Канадой стало результатом гибкой и реалистичной дипломатии, при этом обе стороны придерживались своих национальных интересов. С момента основания Китайской Народной Республики в октябре 1949 г. до нормализации отношений между Китаем и Канадой в октябре 1970 г. несколько раз возникали благоприятные возможности для установления дипломатических отношений между двумя странами, но они не увенчались успехом. Основным препятствием был тайваньский вопрос. Позиция китайского правительства по этой проблеме была очень твердой и яс-

ной: Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая, и любое государство, желающее установить дипломатические отношения с Китаем, должно уважать эту позицию китайского правительства и разорвать отношения с группировкой Чан Кайши (蒋介石). После основания Китайской Народной Республики канадское правительство несколько раз активно контактировало с китайской стороной, пытаясь признать новое китайское правительство, стремясь положить конец дипломатической изоляции Китая и ввести его в международное сообщество.

Во время «холодной войны», под давлением США и в связи с такими событиями, как Корейская война, Канада поддерживала «дипломатические отношения» с режимом Гоминьдана на Тайване и выдвигала различные компромиссные концепции, такие, как «два Китая». Позиции Китая и Канады по тайваньскому вопросу значительно различались, что привело к тому, что переговоры об установлении дипломатических отношений длились 21 месяц. Правительства обеих стран проявили мудрость и гибкость, в конечном итоге достигнув консенсуса. Установление дипломатических отношений между Китаем и Канадой стало началом новой волны установления дипломатических отношений между Китаем и западными странами. Через экономическое сотрудничество с Канадой Китай повысил свой международный статус и укрепил экономические связи с западными странами. Канада, сотрудничая с Китаем, также успешно расширила свое влияние в азиатском регионе.

Библиографический список

1. Pearson, G. Trudeau and Foreign Policy / G. Pearson // Peace Magazine. – 01.01.2001. – URL: https://peacemagazine.org/archive/v17n1p07.htm (date of access: 11.05.2025).

2. Foreign policy for Canadians / published by authority of the Honourable Mitchell Sharp, Secretary of State for External Affairs. – Ottawa : Department of External Affairs, 1970 // Global Affairs

Canada Digital Library. – URL: https://gac.canadiana.ca/view/ooe.b1603784E/1 (date of access: 11.05.2025).

3. Hillmer, N. Third Option / N. Hillmer // The Canadian Encyclopedia. – 07.02.2006. – URL: https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/third-option (date of access: 11.05.2025).

4. Frolic, M. B. Canada and the People's Republic of China: Twenty Years of a Bilateral Relationship, 1970–1990 / M. B. Frolic // Transactions of the Royal Social of Canada. – 1990. – N 1. – P. 187–206.

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (на примере Союза южноамериканских наций)

М. И. Тертель

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Статья посвящена анализу сотрудничества в сфере безопасности в Латинской Америке на примере Союза южноамериканских наций (УНАСУР). Автор исследует особенности развития, основные направления и проблемы сотрудничества в сфере безопасности в рамках УНАСУР. С начала XXI в. наблюдается постепенная смена однополярной модели международных отношений на многополярную, активизация процессов регионализации в Латинской Америке, консолидация усилий по формированию латиноамериканского пространства безопасности. Делается вывод о том, что страны демонстрируют заинтересованность в повышении роли Латинской Америки, в укреплении сотрудничества по вопросам обеспечения мира и стабильности в регионе. Однако различия в подходах и внешние факторы осложняют сотрудничество латиноамериканских стран в сфере безопасности. Это свидетельствует о том, что странам региона необходимо приложить значительные усилия для укрепления позиций Латинской Америки в новой формирующейся системе международных отношений.

Ключевые слова: Латинская Америка; Союза южноамериканских наций; УНАСУР; региональная организация; регионализация; многополярный мир.

COOPERATION IN THE FIELD OF SECURITY IN LATIN AMERICA (Using the Example of the Union of South American Nations)

M. I. Tertel

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article analyzes security cooperation in Latin America using the example of the Union of South American Nations (UNASUR). The author examines the characteristics of development, main directions, and problems of security cooperation within UNASUR. Since the beginning of the 21st century, there has been a gradual transition from a unipolar model of international relations to a multipolar one, an intensification of regionalization processes in Latin America, and a consolidation of efforts to form a Latin American security space. The conclusion is that countries are showing interest in strengthening the role of the Latin American region, in particular in expanding cooperation on issues of peace and stability in the region. However, differences in approaches and external factors complicate cooperation between Latin American countries in the field of security. This indicates that they need to make significant efforts to establish the region as a pole of the new system of international relations.

Keywords: Latin America; Union of South American Nations; UNASUR; regional organization; regionalization; multipolar world.

Проблема обеспечения безопасности является важным фактором, способствующим сближению государств на региональном уровне. Союз южноамериканских наций (УНАСУР) является региональной организацией, целью которой является содействие экономической, политической и социальной интеграции между государствами-членами. Особое значение приобретает развитие сотрудничества в сфере безопасности, однако данный процесс сталкивается со значительными трудностями, обусловленными различиями в подходах латиноамериканских государств к решению проблем безопасности.

После окончания «холодной войны» Латинская Америка не привлекала серьезного внимания мировой общественности с точки зрения безопасности. Однако рост влияния США в межамериканских и межлатиноамериканских отношениях стал вызывать все большую обеспокоенность. В начале XXI в. стала наблюдаться постепенная смена однополярной модели международных отношений на многополярную. Этот процесс нашел свое отражение также и в Латинской Америке. В Декларации Куско 2004 г. было заявлено о стремлении к углублению региональной интеграции и укреплению позиций латиноамериканских государств как активных участников в контексте становления многополярного миропорядка [1, с. 124].

Союз южноамериканских наций, созданный по инициативе Бразилии в 2008 г., объединил 12 государств континента (Аргентину, Боливию, Бразилию, Чили, Колумбию, Эквадор, Гайану, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай и Венесуэлу) и претендовал на статус гаранта региональной безопасности.

Сотрудничество в сфере безопасности в рамках УНАСУР охватывало обмен разведывательными данными и передовым опытом в области обороны, а также консолидированные меры по противодействию терроризму, коррупции, наркоторговле и другим формам транснациональной преступности, включая торговлю людьми и незаконный оборот стрелкового оружия. Особое внимание уделялось предотвращению распространения ядерного оружия и оружия массового уничтожения [2, с. 113]

Подход латиноамериканских стран к проблеме обеспечения региональной безопасности основывался на укреплении доверия, принципе безопасности развития, диффузии ответственности, а также интегрированной плюралистической безопасности с опорой на человеческое измерение [3, с. 67]. При этом безопасность рассматривалась в широком спектре измерений, охватывающих

военные, социальные, экологические и энергетические аспекты.

В целях поддержания региональной безопасности в рамках УНАСУР 16 декабря 2008 г. в Сальвадоре (Бразилия) был создан Южноамериканский совет обороны (ЮАСО) – координационный и консультативный орган, направленный на консолидацию Южной Америки как зоны мира, создание основы для демократической стабильности и общего развития стран-членов, построение южноамериканской идентичности в сфере обороны, укрепление доверия и предотвращение конфликтов [2, с. 114].

УНАСУР сыграл важную роль в снижении напряженности между отдельными странами-членами, в урегулировании политических кризисов в Боливии в 2008 г., Эквадоре 2010 г. и Парагвае в 2012 г., а также в разрешении межгосударственного конфликта между Колумбией и Венесуэлой в 2010 г. [4]

В период с 2017 по 2019 гг., в условиях резкого изменения политической ситуации в регионе, связанной с приходом к власти правых правительств, таких как Маурисио Макри в Аргентине и Жаир Болсонару в Бразилии, поддержкой политики президента США Дональда Трампа по изоляции Венесуэлы [5] восемь из двенадцати членов УНАСУР (Аргентина, Бразилия, Чили, Колумбия, Эквадор, Парагвай, Перу и Уругвай) вышли или приостановили свое членство в блоке из-за институциональной несостоятельности организации.

Кризис УНАСУР привел к ограничению функционирования Южноамериканского совета обороны вследствие разного восприятия вызовов и угроз, сохраняющейся зависимости ВПК стран от внерегиональных акторов и капиталов. Страны Латинской Америки, стремясь к роли одного из полюсов многополярного мира, осознавали необходимость уделять больше внимания вопросам обороны. В то же время, в связи с кризисными явлениями в существующих институтах региональной безопасности наблюдалась

фрагментация латиноамериканского пространства безопасности, что являлось отражением общемировой тенденции на одновременное усиление интеграционных и дезинтеграционных трендов [6, с. 57].

С приходом к власти левых правительств в странах Латинской Америки и ослаблением позиций США в крупнейших латиноамериканских странах, Бразилии и Аргентине, вновь стали предприниматься усилия к возобновлению взаимодействия в рамках УНАСУР, к укреплению регионального сотрудничества и усилению позиций региона в мире. В апреле 2023 г. сначала Аргентина, а затем и Бразилия объявили о возращение в УНАСУР и о своей приверженности консолидации стран Латинской Америки как зоны мира и сотрудничества и о содействии региональной интеграции. Аргентинской стороной на повестку дня также был поднят вопрос о создании новой системы обороны стран Латинской Америки [7]. В июне 2023 г. в УНАСУР вернулась также Колумбия.

Таким образом, в начале XXI в. в странах Латинской Америки активизировались процессы регионализации. Создание Союза южноамериканских наций должно было консолидировать сотрудничество в политической, экономической, социальной сферах. Была предпринята попытка выстроить эффективное сотрудничества в сфере региональной безопасности без вмешательства внешних акторов. Для латиноамериканских стран обеспечение безопасности в регионе предполагало комплексный подход, включающий в себя акцент на мерах доверия, принцип взаимной обусловленности безопасности и развития, распределение ответственности между участниками, а также интегрированную и плюралистическую систему безопасности, в которой приоритет отдается человеческому измерению. Однако, в конце 2010-х гг. политические разногласия привели к институциональному кризису УНАСУР и заявлению восьми стран о выходе. Смена политических элит и ослабление влияния США способствовали возвра-

щению Аргентины, Бразилии и Колумбии в региональную организацию в целях усиления сотрудничества в сфере безопасности и повышения роли Латинской Америки на международной арене.

Библиографический список

1. От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений / отв. ред. В. Л. Хейфец. – М. : Полит. энциклопедия, 2018. – 494 с.

2. Березина, Е. К. Роль УНАСУР в конструировании системы региональной безопасности Латинской Америки / Е. К Березина // Науч. труды Северо-Западного ин-та управления. – 2017. – Т. 8, № 2 (29). – С. 112–119. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30108247 (дата обращения: 27.05.2025).

3. Кузнецов, Д. А. Латиноамериканская интеграция и субрегионализация на современном этапе: политико-идеологическое измерение / Д. А. Кузнецов // Сравнит. политика. – 2015. – Т. 6, № 3 (20). – С. 65–84. – URL: https://doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-3(20)-65-84 (дата обращения: 27.05.2025).

4. Bullard, E. Union of South American Nations (UNASUR) / E. Bullard // EBSCO. – URL: https://www.ebsco.com/research-starters/politics-and-government/union-south-american-nations-unasur (date of access: 27.05.2025).

5. Alberto Fernández: «Unasur no es un espacio ideológico, sino de intereses comunes» – 30.05.2023. - URL: https://www.pagina12.com.ar/553959-alberto-fernandez-unasur-no-es-un-espacio-ideologico-sino-de (date of access: 27.05.2025).

6. Хейфец, В. Л. Место Латинской Америки в многополярном мире: взгляды и подходы российских ученых / В. Л. Хейфец // Латинская Америка. – 2021. – № 5.– С. 50–68. – URL: https://latamericaras.ru/s0044748x0014504-3-1/ (дата обращения: 27.05.2025).

7. Lopes, L. A. UNASUR, integración regional y el papel de Argentina / L. A. Lopes // POLITIZE. – 08.05.2025. - URL: https://politize.org.ar/unasur-integracion-regional-y-el-papel-de-argentina/ (date of access: 27.05.2025).

РОЛЬ ЕГИПТА В АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ 1948–1949 гг.

И. А. Т. С. Хемеда

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
eslamashry2231@gmail.com

Палестино-израильский конфликт является неотъемлемой частью ближневосточного конфликта и привлекает внимание исследователей как один из важнейших факторов развития отношений в регионе. Арабо-израильский конфликт оказал большое влияние на внешнюю политику Египта во второй половине XX в. Неурегулированность палестинской проблемы во многом определила характер конфликта между арабскими государствами и Израилем. Внешняя политика Египта в этот период заложила основу его многолетней ориентации на неприятие Израиля как государства. В силу своего геополитического положения и внешнеполитических приоритетов, Египет играет важную роль в арабо-израильском конфликте. Для того, чтобы понять природу и особенности арабо-израильского конфликта, целесообразно проанализировать позицию Египта в арабо-израильской войне 1948–1949 гг.

Ключевые слова: арабо-израильский конфликт; внешняя политика; противостояние; наступление; военные действия.

THE ROLE OF EGYPT IN THE ARAB-ISRAELI CONFRONTATION OF 1948–1949

E. A. T. S. Hemeda

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
eslamashry2231@gmail.com

The Palestinian-Israeli conflict is an integral part of the Middle East conflict and attracts the attention of researchers as one of the most

important factors in the development of relations in the region. The Arab-Israeli conflict had a great impact on the foreign policy of the Arab Republic in the second half of the 20th century. The unresolved Palestinian problem has largely determined the nature of the conflict between the Arab States and Israel. Egypt's foreign policy during this period laid the foundation for its long-term orientation towards rejection of Israel as a State. Due to its geopolitical position and foreign policy priorities, Egypt plays an important role in the Arab-Israeli conflict. In order to understand the nature and features of the Arab-Israeli conflict, it is advisable to analyze Egypt's position in the Arab-Israeli war of 1948–1949.

Keywords: Arab-Israeli conflict; foreign policy; confrontation; offensive; military actions.

Арабо-израильский конфликт оказал большое влияние на внешнюю политику Арабской Республики Египет во второй половине XX в., причем позиция Египта во многом определила характер, развитие и особенности этого конфликта.

Палестинский вопрос сформировался на заключительном этапе Первой мировой войны, когда страны Антанты с учетом предстоящего распада Османской империи попытались определить будущее народов, населявших эту многонациональную страну. Декларация министра иностранных дел Великобритании А. Бальфура от 2 ноября 1917 г. предусматривала создание еврейского государства: «Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели» [1, с. 8]. В декларации также отмечалось, что при этом не должны нарушаться гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине.

В основе палестино-израильского конфликта лежит вопрос об этнических правах более 4 млн палестинцев, в частности, о праве на самоопределение и право на создание собственного государства.

29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 181 о создании на территории Палестины двух независимых государств – еврейского (площадью 14 100 кв. км) и арабского (площадью 11 100 кв. км), а для Иерусалима создать специальный международный режим [2]. Согласно резолюции, арабам было предоставлено менее 44 % территории, несмотря на то, что они владели большей частью земли.

14 мая 1948 г. британский мандат на Палестину окончился, Израиль провозгласил независимость, практически сразу же началась война между израильской армией и коалицией арабских государств (Египет, Сирия, Ливан, Трансиордания, Саудовская Аравия, Ирак, Йемен). Арабские войска вступили в войну 15 мая после того, как народный гнев достиг своего пика, особенно после массовых убийств сионистами в Дейр-Ясине 9 апреля 1948 г.

В конце мая 1948 г. в Аншасе (Египет) под руководством короля Мухаммеда Фарука состоялся саммит семи арабских государств. На саммите был принят ряд решений, важнейшими из которых стали поддержка независимости Палестины и арабской идентичности.

Первоначально военные действия развивались в пользу арабских сил: к концу мая – началу июня 1948 г. Трансиорданский арабский легион и иракские войска заняли большую часть восточной Палестины, включая арабский квартал Иерусалима, а одна дивизия египетских экспедиционных сил продвинулась до Исдуда (Ашдода), примерно в 30 км к югу от Тель-Авива, другая дивизия достигла южных подступов к Иерусалиму через Биршебу (Беэр-Шебу).

11 июня 1948 г. при посредничестве ООН было подписано соглашение о перемирии. Израиль использовал это соглашение для организационного и военного укрепления своих сил. 8 июля 1948 г., когда истек срок перемирия, египетская армия возобновила боевые действия. Израильские батальоны первоначально были выбиты с нескольких позиций, однако в дальнейшем израильская армия пере-

шла в контрнаступление, заняла большую часть нижней Галилеи и расширила контролируемый коридор в Иерусалим [3].

18 июля стороны конфликта временно прекратили боевые действия. Во время перемирия посредник ООН, шведский дипломат Ф. Бернадотт подготовил и направил в ООН новый вариант мирного урегулирования конфликта. В соответствии с планом, палестинские территории делились между Израилем и Иорданией, при этом вся Западная Галилея передавалась еврейскому государству, Иерусалим и Негев – Иордании, а беженцы получали право вернуться на территорию своего проживания. Тем не менее и этот компромиссный вариант был неприемлем для противоборствующих сторон. Арабское население, в особенности мусульманские священнослужители в Иерусалиме и египтяне, не желавшие покидать Негев, посчитали себя ущемленными в правах. Израиль, в свою очередь, расценил «план Бернадотта» как попытку изменить решение ООН о разделе Палестины [3].

20 октября 1946 г. израильские войска начали наступление на позиции египетских войск в Негеве и взяли в окружение группировку противника численностью 35 тыс. человек в районе города Фаллуджи, расположенного в 50 км к юго-западу от Иерусалима. Египетское командование было вынуждено начать эвакуацию своих войск из этого района. Продвинувшись вглубь Синайского полуострова, израильские части разгромили также и иорданские подразделения. Однако вскоре наступление пришлось приостановить из-за позиции Великобритании, которая была озабочена возможностью установления израильского контроля над всем Синайским полуостровом. Не рискуя идти на ухудшение отношений с Соединенным королевством, израильские части покинули этот район [3].

Поражение египетских войск создало условия для начала переговорного процесса между Израилем и арабскими государствами, участвовавшими в конфликте. Этому

также способствовали резолюции Совета Безопасности ООН от 4 и 13 ноября 1948 г., которые требовали от сторон конфликта прекратить военные действия и начать переговоры о заключении перемирия.

Деятельность американского дипломата Р. Банча, сменившего Ф. Бернадотта на посту представителя ООН после его убийства израильскими экстремистами, по выполнению решений ООН, привело к непрямым переговорам между Израилем и всеми арабскими государствами, участвовавшими в войне (кроме Ирака) на греческом острове Родос. 24 февраля 1949 г. было подписано соглашение о прекращении огня между Израилем и Египтом, оно стало первым в серии соглашений о постоянном перемирии между арабскими странами, армии которых участвовали в войне с Израилем. Особенностью Родосских соглашений было то, что они носили временный характер и не являлись мирными договорами [4, с. 142].

В апреле–сентябре 1949 г. Согласительная комиссия ООН по Палестине провела в Лозанне (Швейцария) серию встреч между арабскими и израильскими представителями для решения вопроса о завершении арабо-израильской войны и урегулирования конфликта в Палестине. В ходе конференции был подписан Лозаннский протокол, который предусматривал признание резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по Палестине в качестве основы для будущих переговоров, но в итоге окончательных договоренностей достичь не удалось. Дальнейшие попытки Комитета посредников добиться сдвигов в решении палестинского вопроса не увенчались успехом, в основном из-за отказа Израиля уступить оккупированные им во время войны территории и репатриировать беженцев. Таким образом, заключение Родосских соглашений не было подкреплено дальнейшими шагами на пути к миру [5, с. 206].

По итогам войны сформировались основные аспекты палестинского вопроса: статус Иерусалима; проблема палестинских беженцев; территориальный вопрос.

Израиль оккупировал большинство палестинских земель, за исключением Западного берега реки Иордан, который был присоединен к королевству Трансиордания на основании решений Иерихонской конференции в декабре 1948 г., а также сектора Газа, контролируемый Египтом с 1948 по 1967 гг. Иерусалим был разделен между Израилем и Иорданией. Как уже отмечалось, мирный договор подписан не был, действовало соглашение о перемирии. Таким образом, между Израилем и соседними арабскими государствами существовала линия перемирия, а не граница. Египетское правительство запретило израильским судам пользоваться Суэцким каналом, впоследствии Египет блокировал Акабский залив, по которому товары через Красное море доставлялись в израильский порт Эйлат. Кроме того, арабские государства объявили экономический бойкот Израилю.

Одна из главных проблем, оставшихся после войны – проблема палестинских беженцев. По данным ООН, на территории подмандатной Палестины проживали 1278 тыс. арабов, из них 497 тыс. – на территории, которая отошла к Израилю в соответствии с резолюцией 181. По итогам войны 1948–1949 гг. в пределах границ, выделенных Израилю, осталось 70 тыс. палестинцев, еще 248 тыс. палестинцев находились на оккупированной части Израилем части территории предполагаемого палестинского государства. Всего за время войны с территории Израиля и оккупированной им части Западного берега было насильственно изгнано 700 тыс. палестинцев [6, с. 76].

Несмотря на официальное окончание войны, вооруженные столкновения между арабами и израильтянами продолжались. Нестабильная ситуация и множество нерешенных вопросов привели к активизации террористической деятельности в регионе. В Египте обсуждались причины поражения, правительству были предъявлены претензии в закупке некачественного вооружения. Поражение Египта в войне, недовольство правящей династией

стало одной из причин революции 23 июля 1952 г., которую осуществила группа военных, объединенных в тайную организацию «Свободные офицеры» во главе с Г. А. Насером. Новое правительство в своей внешней политике продолжило курс на противостояние Израилю и поддержку палестинского народа.

Первый президент Палестины Я. Арафат в своем интервью отметил роль Египта в палестинском вопросе: «Без сомнения и с полной беспристрастностью я отмечу, что Египет никогда не отказывался платить самое дорогое – кровь ради Палестины. 86 тыс. египтян погибли ради защиты палестинской земли и ради защиты всей арабской нации» [7].

Итоги арабо-израильской войны 1948–1949 гг. закрепили ведущую роль Египта в деле защиты прав палестинского народа на самоопределение. Во внешней политике Египта в этот период были заложены основы курса, который на многие годы сформировал неприятие Израиля как государства. Египет в силу своего геополитического положения и роли в арабском мире и в дальнейшем играл важную и решающую роль в арабо-израильском противостоянии.

Библиографический список

1. Истоки и история проблемы Палестины. 1917–1988 годы. – Нью-Йорк: ООН, 1990. — 282 с.

2. Будущее правительство Палестины: док. ООН A/RES/181 (II), 29 нояб. 1947 г. // Цифровая библиотека ООН. — URL: https://digitallibrary.un.org/record/210008 (дата обращения: 24.02.2024).

3. Дудайти, А. К. К вопросу о причинах возникновения палестинской проблемы (Арабо-израильская война 1948-1949 гг. и ее последствия) / А. К. Дудайти // kvkz.ru. – 30.07.2014. – URL: https://kvkz.ru/history/3193-k-voprosu-o-prichinah-vozniknoveniya-palestinskoy-problemy-arabo-izrailskaya-voyna-1948-1949-gg-i-ee-posledstviya.html (дата обращения: 24.02.2024).

4. Тузмухамедов, Р. А. Движение неприсоединения и международное право / Р. А. Тузмухамедов. – М. : Наука, 1989. – 190 с.

5. Осинцева, Н. А. Ближневосточное противостояние СССР и США в 1940–1960-е гг. как отражение борьбы двух держав за доминирование в мире / Н. А. Осинцева // Молодой ученый. – 2016. – № 25. – С. 205–209. – URL: https://moluch.ru/archive/129/pdf/770/ (дата обращения: 24.02.2024).

6. Социальный протест на современном Востоке / Под ред. Д. В. Стрельцова. — М. : Аспект Пресс, 2016. – 304 с.

7. Альгара, С. Свидетельство Ясира Арафата: «Египет предложил самое ценное (кровь) ради Палестины» / С. Альгара // Elwatan news. – 21.10.2023. – URL: https://www.elwatannews.com/news/details/6884662 (дата обращения: 24.02.2024) (на араб. яз.).

ПОЛИТИКА КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА (2014–2021 гг.)

Хэ Бицзюань

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
1870444929@qq.com

В статье определены тенденция развития политики КНР в отношении Афганистана. Автор анализирует ведущие направления китайско-афганского сотрудничества в разных сферах. Сделан вывод о том, что благодаря продвижению инициативы «Один пояс, один путь», Китай через многостороннее участие в политической безопасности, торгово-экономическом сотрудничестве и гуманитарном обмене существенно активизировал политику в отношении Афганистана. Эти изменения отражают глубокую вовлеченность Китая в вопросы региональной безопасности и стратегическое планирование внешней политики Пекина, направленной на стабилизацию региона через экономические связи.

Ключевые слова: КНР; Афганистан; внешняя политика; китайско-афганские отношения; региональная безопасность; «Один пояс, один путь»; гуманитарное сотрудничество.

CHINA'S POLICY TOWARDS AFGHANISTAN (2014–2021)

He Bijuan

Belarusian State University,
4 Niezalieznasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
1870444929@qq.com

The article defines the development trends of China's policy towards Afghanistan. The author analyzes the leading areas of Chinese-Afghan cooperation in various fields. It is concluded that, thanks to the promotion of the Belt and Road initiative, China through multilateral participation in political security, trade and economic cooperation and humanitarian

exchange, has significantly intensified its policy towards Afghanistan. These changes reflect China's deep involvement in regional security issues and strategic planning of Beijing's foreign policy aimed at stabilizing the region through economic ties.

Keywords: PRC; Afghanistan; foreign policy; Chinese-Afghan relations; regional security; Belt and Road initiative; humanitarian cooperation.

Начало реализации КНР инициативы «Один пояс, один путь» способствовало значительной активизации диалога Пекина со своими соседями. Успех планируемых экономических проектов был неразрывно связан с решением вопросов региональной безопасности и улучшения гуманитарной ситуации. В связи с этим Афганистан занимал особое место во внешнеполитической стратегии КНР в рассматриваемый период. Выбор верхней границы исследования обусловлен возвращением к власти талибов и началом нового этапа в китайско-афганских отношениях. Цель статьи заключается в определении основных направлений политики КНР в отношении Афганистана в 2014–2021 гг., анализе их содержания и форм реализации.

Региональная безопасность. После 2014 г. Китай значительно усилил участие в решении афганского вопроса. В октябре 2014 г., вскоре после вступления в должность президента Афганистана Ашрафа Гани, он совершил официальный визит в Китай. По итогам визита стороны опубликовали совместное заявление о глубоком укреплении стратегического партнерства, подчеркивая полное сотрудничество в политической, экономической сферах и области безопасности [1].

В октябре 2014 г. Китай впервые провел министерскую встречу по Стамбульскому процессу, определив 64 приоритетных проекта по созданию доверия. Эти проекты охватывали различные сферы, включая политику, экономику и безопасность, и предусматривали конкретные направления для восстановления Афганистана [2]. В этом же году

Китай впервые направил в Кабул специального посла по вопросам Афганистана – Сунь Юйси, что отражало важность афганской проблемы для внешней политики КНР.

В многостороннем контексте Китай впервые создал трехсторонний диалоговый механизм Китай – Афганистан – Пакистан и в 2017 г. провел министерскую встречу. Этот инновационный механизм преодолел ограничения традиционного сотрудничества в сфере безопасности, интегрировав сотрудничество в борьбе с терроризмом, безопасность границ и экономическую взаимосвязь в едином формате, открыв новые пути для региональной стабильности. Он также способствовал улучшению отношений между Афганистаном и Пакистаном [3].

Торгово-экономическое сотрудничество. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» экономическое участие Китая в Афганистане демонстрировало рост.

В торговле Китай впервые создал «зеленый коридор для сельскохозяйственной продукции». В 2018 г. запущенный проект «воздушного коридора для миндаля» позволил доставлять афганский миндаль на китайский рынок через чартерные рейсы [4]. Эта торговля способствовала экономическому развитию и созданию рабочих мест, обеспечивая местных жителей устойчивыми источниками дохода и снижая риск их вербовки террористическими организациями. Кроме того, торговля миндалем укрепляла экономические связи между регионами, способствуя стабильности и сотрудничеству, ослабляя влияние террористических групп. Таким образом, торговля миндалем может рассматриваться как не военный, а экономический инструмент снижения угроз терроризма. «Китайская международная импортная выставка», которая с 2008 г. проводится каждый год в Шанхае, создала дополнительную платформу для ввоза в Китай афганских ковров и сухофруктов.

Инициатива «Один пояс, один путь» определила инфраструктурную интеграцию как приоритетное направление, что также стимулировало китайские инвестиции

в инфраструктурные проекты в Афганистане. Проект автодорожного соединения Кабул – Джелалабад, выполненный китайской компанией «Северо-западный мост» в 2013 г., стал важным этапом: сумма контракта составила 110 млн дол. Эта дорога является основным маршрутом торговли между севером Афганистана и Пакистаном, и имеет важное значение для экономического роста и улучшения региональной торговли [5].

В 2014 г. завершилась реализация проекта электрификации Баглана и Кундуза, выполненного китайскими компаниями. Это был первый случай, когда китайские строительные компании осуществили *EPC*-подряд («*Engineering, Procurement, Construction*») в Афганистане. Позже китайские энергетические компании, опираясь на свои технологические преимущества, разработали несколько проектов солнечных электростанций, интегрировав возобновляемую энергию с климатическими особенностями высокогорной местности Афганистана. Например, в 2018 г. компания *«Shuangdeng»* выиграла тендер на строительство солнечной электростанции мощностью 40 МВт в Афганистане [6].

Гуманитарная сфера. В 2014–2021 гг. усилия Китая в сфере сохранения культурного наследия Афганистана постоянно усиливались. В 2018 г. Институт Дуньхуан впервые направил экспертную группу в Афганистан для проведения научных исследований в области культурного наследия. В 2019 г. председатель КНР Си Цзиньпин предложил инициативу «Действие по защите культурного наследия Азии» на форуме «Цивилизации Азии». В декабре 2019 г. в Урумчи (Синьцзян) успешно прошел форум по культурному наследию Китая, Афганистана и Пакистана. В мае 2021 г. три государства подписали совместное заявление о реализации программы «Действия по защите культурного наследия Азии», что стало первым подобным соглашением среди азиатских стран.

С 2015 г. Центр Конфуция в Китае запустил программу «Обучение китайских преподавателей в странах Южной

Азии», ежегодно предоставляя около 50 стипендий для афганских студентов, чтобы они изучали китайский язык в Китае и затем преподавали его в Афганистане. В сфере образования китайский Институт Конфуция расширил преподавание китайского языка в Афганистане. Например, в 2016 г. был создан учебный центр по китайскому языку в школе Малифат.

В сфере медиа, в рамках инициативы «Один пояс, один путь», обмен между Китаем и Афганистаном становился все более тесным. В 2015 г. Посольство Китая в Афганистане совместно с отделом пушту в международном радио организовало «Форум Китай – Афганистан по СМИ», предоставив платформу для обмена и сотрудничества между журналистами обеих стран [7]. В том же году программы новостей Китайского глобального телевидения (*CGTN*) были показаны на телеканале Шамшад в Афганистане, распространяя китайскую информацию среди местного населения через пуштунский язык, укрепляя взаимопонимание между народами Китая и Афганистана [8]. С 2016 г. мероприятие «Путешествие знаменитостей по Китаю» приглашало важных представителей афганской медиасферы в Китай, что способствовало культурному обмену [9].

В сфере гуманитарной помощи Китай значительно увеличил ее объемы. В октябре 2014 г. китайское правительство объявило о предоставлении Афганистану в 2015–2017 гг. совокупной безвозмездной помощи в размере 1,5 млрд юаней (около 500 млн юаней ежегодно) [10].

Подводя итоги, отметим, что период 2014–2021 гг. стал ключевым этапом стратегической трансформации китайской политики в отношении Афганистана. В этот период Китай, через многостороннее участие в политической безопасности, экономическом сотрудничестве и культурно-гуманитарном обмене, создал более активную и системную модель взаимодействия с соседом. В сфере политической безопасности Китай, через высокий

уровень взаимодействия, инновации в многосторонних механизмах (например, трехсторонние диалоги Китай – Афганистан – Пакистан) и сотрудничество в борьбе с терроризмом, оказался глубоко вовлечен в решение вопросов безопасности Афганистана, предоставив новые идеи для региональной стабильности. В экономическом сотрудничестве Китай, руководствуясь инициативой «Один пояс, один путь», через торговлю сельскохозяйственными продуктами, строительство инфраструктуры, энергетическое сотрудничество и другие пути, способствовал восстановлению экономики Афганистана, одновременно соединяя экономические связи с региональными целями стабильности, формируя логику «развития для стабильности». В культурно-гуманитарном обмене Китай укрепил взаимопонимание с Афганистаном через сохранение культурного наследия, образовательное сотрудничество и медиа-взаимодействие, обеспечив долгосрочную поддержку двусторонних отношений.

Эти практические меры отражали глубокую озабоченность Китая вопросами безопасности Афганистана и стратегическое планирование Пекина, направленное на укрепление региональной интеграции через экономические и культурные связи. Китай в афганском вопросе перешел от позиции «наблюдателя» к роли «строителя», демонстрируя свою ответственность как великой державы в глобальном управлении. Вместе с тем сложность и неопределенность ситуации в Афганистане все еще представляет вызов для развития китайско-афганского сотрудничества.

Библиографический список

1. 中华人民共和国与阿富汗伊斯兰共和国关于深化战略合作伙伴关系的联合声明 = Совместное заявление Китайской Народной Республики и Исламской Республики Афганистан об углублении стратегического сотрудничества и партнерства // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – 29.11.2014. – URL: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/

gj_676203/yz_676205/1206_676207/1207_676219/201410/t20141029_7966252.shtml (дата обращения: 21.05.2025).

2. 盘点2014：中国外交丰收之年–王毅出席2014年国际形势与中国外交研讨会开幕式并发表演讲 = Обзор 2014 г.: плодотворный год для китайской дипломатии – Ван И присутствовал на церемонии открытия семинара по международной ситуации и дипломатии Китая 2014 г. и выступил с речью // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – 24.12.2014. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/201412/t20141224_9869466.shtml (дата обращения: 21.05.2025).

3. 首次中国—阿富汗—巴基斯坦三方外长对话举行 = Состоялся первый трехсторонний диалог министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – 26.12.2017. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjbz_673089/zyhd_673091/201712/t20171226_7578112.shtml (дата обращения: 21.05.2025).

4. Toasting Pine Nuts – The China-Afghan Air Corridor Turns One // Bakhtar News Agency. – 17.01.2020 – URL: https://www.bakhtarnews.af/en/toasting-pine-nuts-the-china-afghan-air-corridor-turns-one/ (date of access: 21.05.2025).

5. 北新路桥获阿富汗1.1亿美元道路工程合同 = Китайская компания «Северо-западный мост» выигрывала контракт на строительство дороги в Афганистане на сумму 110 млн дол. США // 新浪网 = Китайская сеть. – 25.12.2013. – URL: https://finance.sina.com.cn/stock/t/20131225/170217749110.shtml (дата обращения: 21.05.2025) (на кит. яз.).

6. 双登集团获阿富汗40MW太阳能混合动力项目 = Компания «Shuangdeng» выиграла тендер по гибридной солнечной электростанции мощностью 40 МВт в Афганистане // 国际太阳能光伏网 = Международная солнечная фотоэлектрическая сеть. – 21.05.2018. – URL: https://solar.in-en.com/html/solar-2308018.shtml (дата обращения: 21.05.2025).

7. 中国—阿富汗媒体论坛在北京举行 = В Пекине прошел Китайско-афганский медиафорум // 环球网 = Ctnm Хуаньцю. – 07.09.2015. – URL: https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnJPbZ1 (дата обращения: 21.05.2025).

8. 中国新闻节目落地阿富汗，将用普什图语每天播出15分钟 = Китайская новостная программа прибывает в Афганистан и будет транслироваться на пушту в течение 15 минут каждый день // 澎湃

新闻 = Пэнпай Синьвэнь. – 17.12.2017. – URL: https://thepaper.cn/newsDetail_forward_1827803 (дата обращения: 21.05.2025).

9. 中华网文化应用门户 = Портал культурного канала China.com – URL: https://culture.china.com/zt/zonghe/silu/?t5bzz (дата обращения: 21.05.2025) (на кит. яз.).

10. 中国同阿富汗双边关系 = Китайско-афганские двусторонние отношения // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/sbgx_676211/ (дата обращения: 21.05.2025).

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КНР В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Цинь Сяосюань

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
Qinxiaoxuan099@gmail.com

В статье анализируется внешнеполитическая стратегия Китая в отношении Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) фокусируясь на взаимодействии с ЕС и развитии субрегионального сотрудничества в рамках формата «Китай – ЦВЕ». Автор утверждает, что регион Центральной и Восточной Европы является важная опора для реализации инициативы «Один пояс, один путь». В работе выявляются три основные проблемы, препятствующие сотрудничеству: ограничения, накладываемые институтами ЕС, геополитическое соперничество великих держав и существенная неоднородность стран ЦВЕ в политическом, экономическом и социальном аспектах. Автор делает вывод о том, что последовательное развитие отношений между Китаем и странами ЦВЕ соответствует целям инициативы и отражает стремление Китая к построению новой модели международных отношений.

Ключевые слова: Китай и страны Центральной и Восточной Европы; инициатива «Один пояс, один путь»; субрегиональное сотрудничество; связность, многосторонний механизм.

CHINA'S FOREIGN POLICY STRATEGY TOWARDS CENTRAL AND EASTERN EUROPEAN COUNTRIES THROUGH THE LENS OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE IMPLEMENTATION

Qin Xiaoxuan

Belarusian State University,
4 Nezalezhnasci Avenue, 4, Minsk 220030, Belarus,
Qinxiaoxuan099@gmail.com

This article analyzes China's foreign policy strategy towards Central and Eastern Europe (CEE), focusing on engagement with the EU and the development of sub-regional cooperation within the «China – CEE» format. The author argues that the Central and Eastern European region serves as an important pillar for the implementation of the Belt and Road Initiative (BRI). The study identifies three main problems hindering cooperation: restrictions imposed by EU institutions, great power geopolitical rivalry, and the significant heterogeneity of CEE countries in political, economic, and social aspects. The author concludes that the consistent development of relations between China and the CEE countries aligns with the objectives of the BRI and reflects China's aspiration to build a new model of international relations.

Keywords: China and Central and Eastern European countries; Belt and Road initiative; sub-regional cooperation; connectivity, multilateral mechanism.

С момента начала сотрудничества между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы в 2012 г. Китай активно содействовал участию стран региона в инициативе «Один пояс, один путь» и подписал меморандумы о сотрудничестве по этой инициативе со всеми странами ЦВЕ. Сотрудничество между Китаем и странами ЦВЕ является важной платформой и инструментом продвижения китайской инициативы. Приоритетным направлением сотрудничества между Китаем и странами ЦВЕ в рамках инициативы «Один пояс, один путь» является развитие

взаимосвязанности и инфраструктурной интеграции. В июле 2015 г. Ван И, член Политбюро ЦК КПК и министр иностранных дел, в ходе переговоров с министром иностранных дел Хорватии Г. Грлич-Радманом в Пекине подчеркнул основополагающие принципы «открытости, прозрачности и взаимной выгоды», определяющие взаимодействие Китая со странами Центральной и Восточной Европы. Он также призвал страны ЦВЕ к анализу накопленного опыта, планированию дальнейшего сотрудничества и углублению обменов и взаимодействия на всех уровнях [1]. Председатель КНР Си Цзиньпин на саммите лидеров стран Центральной и Восточной Европы 2021 г. заявил, что Китаю и странам региона следует продолжать совершенствовать структуру интеграции и закладывать прочную основу для еще более высокого уровня взаимосвязанного развития в будущем, совместно работать над реализацией инициативы. Лидер КНР сделал особый акцент на необходимости придерживаться прагматичного подхода и расширять взаимовыгодное сотрудничество. Экологическая проблематика, являясь важным аспектом инициативы «Один пояс, один путь», получила особое внимание со стороны Си Цзиньпина. Инвестиции и строительство новых энергетических объектов, в частности, привели к активизации реализации инициативы в Центральной и Восточной [2]. В рамках встречи с европейскими лидерами в 2024 г. председатель КНР отметил, что Китай и Европа должны придерживаться стратегии развития партнерских отношений, основанной на диалоге и сотрудничестве, а также на углублении стратегического взаимодействия с целью достижения консенсуса по актуальным проблемам [3].

Регион Центральной и Восточной Европы характеризуется значительной гетерогенностью и внутренней сложностью, что обуславливает разнонаправленность и неравномерность развития двусторонних отношений между Китаем и отдельными государствами ЦВЕ. Различия в за-

интересованности, стремлении к сотрудничеству и политической воле стран ЦВЕ требуют от Китая разработки и применения дифференцированных подходов и стратегий в рамках взаимодействия с данным регионом [4, с. 35]. Например, Чжэцзянский китайско-чешский промышленный парк сотрудничества (Нинбо) выступает в качестве платформы для взаимодействия предприятий из КНР и стран Центральной и Восточной Европы посредством содействия инвестициям, трансфера передовых технологий, а также проведения совместных исследований и разработок. Данная деятельность способствует привлечению инвестиций крупных китайских предприятий в проекты, ориентированные на освоение рынков ЦВЕ, в различных секторах, включая новые экологически безопасные материалы, электротехнику и электромеханику [5].

Варшавский саммит 2012 г., посвященный сотрудничеству между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы, заложил институциональную основу для углубления экономических связей, охватывающих торговлю, инвестиции и финансовые потоки. Последующее выдвижение инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г. придало значительный импульс развитию китайско-центральноевропейского взаимодействия, особенно в сферах инфраструктурной взаимосвязанности, интеграции промышленных секторов и гармонизации нормативно-правовой базы. Результативность взаимодействия Китая со странами ЦВЕ проявилась в следующем:

1. Улучшение связности и эффективности транспортной системы. Сотрудничество между Китаем и странами Европы проявляется в различных формах, включая существенное увеличение грузоперевозок по железнодорожному маршруту Китай-Европа (с 42 составов в 2012 г. до 16 000 в 2023 г.), где ключевым логистическим узлом является Малашевиче в Польше [6]. Помимо этого, китайские технологии находят применение в реализации инфраструктурных проектов, таких как строительство Пе-

лешацкого моста на юге Хорватии, способствуя тем самым решению транспортных проблем и стимулируя экономический рост, в частности, через увеличение туристических потоков [7].

2. Развитие производственной цепочки. В Венгрии наблюдается формирование нового кластера по производству электромобилей: компания *BYD* построила первый в Европе завод по производству электробусов, *CATL* обеспечивает поставки аккумуляторов, *Huawei* предоставляет технологии Интернета транспортных средств, а также местная компания *Vedea* поставляет комплектующие, формируя полную производственную цепочку. Данная модель кластерного развития эффективно снижает производственные затраты. Стоит отметить, что китайские компании, интегрированные в цепочку поставок, не только поддерживают китайские бренды, но и активно расширяют свою международную деятельность, тем самым повышая общую конкурентоспособность венгерской цепочки поставок [8].

3. Создание институциональной структуры финансовых отношений. Интернационализация китайского юаня сыграло позитивную роль в развитии сотрудничества Китая со странами Центральной и Восточной Европы. Примером углубления финансового сотрудничества является выпуск правительством Венгрии «панда-бондов» при содействии Банка Китая на общую сумму 6 млрд юаней, что рассматривается как важный элемент взаимодействия в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [9]. Помимо Венгрии, расширение использования китайского юаня наблюдается и в Сербии, где он был включен в состав валютных резервов. Соглашение о свободной торговле между Китаем и Сербией, предусматривающее обнуление таможенных пошлин по 90 % товарных позиций [10], привело к существенному росту экспортных потоков, в частности, экспорт сербской сельскохозяйственной продукции в Китай увеличился в 185 раз [11; 12].

С момента выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» китайские руководители неоднократно использовали двусторонние и многосторонние форматы сотрудничества для стимулирования взаимодействия со странами ЦВЕ. Несмотря на активное продвижение Китаем инициативы и ее позитивное восприятие в странах ЦВЕ, интеграция последних в данную инициативу сталкивается с рядом геополитических ограничений. Ключевым фактором, сдерживающим углубление сотрудничества, является доминирующая роль Европейского Союза как основного торгового-экономического партнера стран ЦВЕ [13, с. 19]. Влияние ЕС формирует политический и экономический контекст, в котором страны ЦВЕ вынуждены учитывать интересы и политику Европейского союза при взаимодействии с Китаем. Так, новое правительство Румынии, сформированное в 2021 г., заявляло о приверженности всестороннему сотрудничеству с Китаем, однако подчеркивало необходимость соответствия данного взаимодействия экономическим и стратегическим интересам Румынии и положениям «Совместного заявления Европейской комиссии и Верховного представителя по иностранным делам и политике безопасности 2019 г.», что свидетельствует о стремлении к координации своей политики в отношении Китая с общеевропейской [14].

Российско-украинский конфликт, наряду с усилением геополитической напряженности в Евразии, негативно повлиял на экономическое сотрудничество между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы. Выход Латвии, Литвы и Эстонии из механизмов сотрудничества с Китаем в 2021–2022 гг. отражает изменение политических приоритетов в регионе. Растущая конкуренция между Китаем и США за лидерство в области взаимосвязанности усложняет экономическое планирование и реализацию совместных проектов. В принятом в 2019 г. документе «Стратегическое видение ЕС отношений с Китаем» выра-

жена готовность к сотрудничеству с Китаем в различных областях, однако подчеркнуто, что Китай является «системным конкурентом, внедряющим альтернативные модели управления», и все страны-члены должны действовать в полном соответствии с общеевропейской линией [15]. Это ограничение создает новые препятствия для экономического сотрудничества с Китаем. Расширение сферы действия европейского законодательства о регулировании иностранных инвестиций на стратегические секторы экономики в 2024 г. привело к тому, что ряд китайских компаний отказались от участия в инвестиционных проектах в Болгарии, Греции, Румынии и Польше [16, с. 93], что может замедлить темпы экономического развития в регионе.

Выдвижение Китаем инициативы «Один пояс, один путь» отражает его стремление к расширению международной ответственности. Страны Центральной и Восточной Европы, являясь важными участниками этой инициативы, в большинстве своем демонстрируют готовность к сотрудничеству в ее рамках. Несмотря на достигнутые успехи в развитии стратегического сотрудничества на субрегиональном уровне, существующие механизмы нуждаются в совершенствовании для более эффективного решения практических задач. В частности, необходимо решить проблему торгового дисбаланса, повысить уровень доверия между участниками и стимулировать более активное участие всех стран. Для этого Китаю необходимо учитывать специфику стран ЦВЕ, развивать сотрудничество в перспективных секторах, таких как «зеленая» энергетика, высокие технологии и производство оборудования. Особое внимание необходимо уделять наращиванию «мягкой силы». Последовательное развитие отношений между Китаем и странами ЦВЕ соответствует целям инициативы и отражает стремление Китая к построению новой модели международных отношений.

Библиографический список

1 王毅同克罗地亚外长拉德曼会谈= Ван И провел переговоры с министром иностранных дел Хорватии Радманом // SOHU.com. – 21.07.2025. – URL: https://www.sohu.com/a/916046934_121107000 (дата обращения: 20.05.2025).

2 习近平在中国－中东欧国家领导人峰会上的主旨讲话（全文）= Программная речь Си Цзиньпина на саммите Китая и стран Центральной и Восточной Европы (полный текст) // 中华人民共和国商务部 = Министерство коммерции Китайской Народной Республики. – 10.02.2021. – URL: https://lv.mofcom.gov.cn/tpjj/art/2021/art_d5766e55e9f1418c953cd70f2684eae5.html (дата обращения: 20.05.2025).

3 习近平同法国总统马克龙、欧盟委员会主席冯德莱恩举行中法欧领导人三方会晤 // 中华人民共和国中央人民政. = Си Цзиньпин провел трехстороннюю встречу с президентом Франции Эммануэлем Макроном и председателем Европейской комиссии Урсулой фон дер Ляйен // 中国政府网 = Правительство Китайской Народной Республики. – 06.05.2024. – URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6949448.htm (дата обращения: 08.06.2025).

4 华红娟. «一带一路» 框架下中国与中东欧国家 «精准合作» 研究 / 华红娟，张海燕 = Хуа Хунцзюань. Исследование «точного сотрудничества» Китая со странами Центральной и Восточной Европы в рамках инициативы «Один пояс, один путь» / Хуа Хунцзюань, Чжан Хайянь // 国际经济合作 = Международное экономическое сотрудничество – 2018. – № 2. – С. 31–36.

5 浙江中捷（宁波）产业合作园 = Парк промышленного сотрудничества Чжэцзян-Китайско-Чешская (Нинбо) // 浙江商务厅// Министерство торговли провинции Чжэцзян, 13.03.2023. – URL: https://zcom.zj.gov.cn/art/2023/3/13/art_1416320_58939264.html (дата обращения: 20.07.2025).

6 唐诗凝. 中欧班列累计开行9万列 / 唐诗凝，樊曦，张博文 // www.news. cn. 新华网 = Тан Шинин. Общее количество грузовых поездов по маршруту Китай – Европа составило 90 000 / Тан Шинин, Фань Си, Чжан Боуэн // Синьхуа. – 25.05.2025. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/20240525/052a7e37fdf94424a9a73051659138a2/c.html (дата обращения: 20.05.2025).

7 Построенный Китаем Пелешацкий мост дал мощный импульс развитию Хорватии // Синьхуа. – 27.08.2022. – URL: https://russian.xinhuanet.com/20220827/b5aef8c19f5b4b7da690f843388c8083/c.html (дата обращения: 20.05.2025).

8 2025年中国新能源汽车产业链出海匈牙利深度分析：欧洲桥头堡的战略价值与挑战 = Углубленный анализ новой цепочки произ-

водства электромобилей в Китае, которая выйдет на глобальный уровень в Венгрии в 2025 г.: стратегическая ценность и проблемы европейского плацдарма // 亿欧智库= Аналитический центр. – 03.07.2025. – URL: https://www.iyiou.com/research/202507031537 (дата обращения: 09.06.2025).

9 中国银行协助匈牙利发行绿色熊猫债 = Ю Ян. Банк Китая помогает Венгрии в выпуске облигаций «зеленой панды» // 人民网 = Жэньминь Жибао. – 17.11.2022. – URL: http://m.people.cn/n4/2022/1117/c23-20352292.html. – (дата обращения: 20.07.2025).

10 中国－塞尔维亚自由贸易协定将于 2024年7月1日正式生效 // Соглашение о свободной торговле между Китаем и Сербией официально вступит в силу 1 июля 2024 г. // 商务部新闻办公室 = Информационное бюро Министерства коммерции Китайской Народной Республики. – 28.06.2024. – URL : https://fta.mofcom.gov.cn/article/zhengwugk/202406/55637_1.html (дата обращения: 28.05.2024).

11 2023年统计月报= 2023 Ежемесячный вестник статистики // 中华人民共和国海关总署 主办单位= Главное таможенное управление Китайской Народной Республики. – URL: http://gdfs.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302277/4899681/index.html (дата обращения: 20.05.2025).

12 2024年统计月报= 2024 Ежемесячный вестник статистики // 中华人民共和国海关总署 主办单位= Главное таможенное управление Китайской Народной Республики. – URL: http://gdfs.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302277/5668662/index.html (дата обращения: 20.05.2025).

13 孔寒冰. 中国与中东欧国家 «16+1» 合作机制的若干问题探讨 / 孔寒冰，韦冲宵 = Кун Ханьбин. Обсуждение некоторых вопросов механизма сотрудничества «16+1» между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы / Кун Ханьбин, Вэй Чунсяо // 社会科学 // Социальные науки. – 2017. – № 11. – С. 14–23.

14 Programul de Guvernare 2021–2024: Coaliţia pentru rezilienţă, dezvoltare şi prosperitate // Ministerul Afacerilor Externe – URL: https://www.mae.ro/sites/default/files/file/anul_2021/2021_pdf/program_de_guvernare_2021%E2%80%942024_1.pdf (date of access: 20.05.2025).

15 EU – China – A Strategic Outlook, 12 March 1019 // European Commission. – URL: https://commission.europa.eu/system/files/2019-03/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf (date of access: 11.07.2024).

16 Гамза, Л. А. «Восточный фронт» Китая в Европе / Л. А. Гамза // Россия и АТР – 2025. – Т. 2. – С. 85–100. – URL: http://www.riatr.ru/2025/2/Russia_and_ATR_2025-2_085-100.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПО МЕДИАЦИИ КАК ПЕРЕДОВОЙ ИНСТРУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

А. Д. Черняк

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
chernyakad@bsu.by

Материал данной статьи обращается к истокам создания и потенциалу Международной организации по медиации (*IOMed*) как нового института в системе разрешения глобальных конфликтов. Актуальность обсуждения данной темы обусловлена ростом востребованности посредничества и отсутствия среди широкого перечня международных структур специализированного института урегулирования некоммерческих межгосударственных споров путем посредничества. Длительная подготовка и подписание 30 мая 2025 г. Конвенции о создании *IOMed* в Гонконге при ведущей роли Китая с участием 33 стран-учредителей знаменует новый шаг в развитии инструментов регулирования международных конфликтов. В тексте рассматривается текст самой Конвенции, анализируются основные принципы и сферы компетенции ее функционирования, и указывается на связь идейного наполнения *IOMed* с китайской внешнеполитической риторикой. Делается вывод о потенциале *IOMed* в продвижении «беспроигрышных» решений и трансформации практики урегулирования межгосударственных конфликтов в сторону большей справедливости и адаптивности.

Ключевые слова: дипломатия; международное посредничество; урегулирование конфликтов; Международная организация по медиации (*IOMed*); Китай; институционализация посредничества.

INTERNATIONAL ORGANIZATION FOR MEDIATION AS A LEADING TOOL FOR INTERNATIONAL CONFLICT RESOLUTION

A. D. Cherniak

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, chernyakad@bsu.by

The material in this article addresses the origins and potential of the International Organization for Mediation (IOMed) as a new institution in the global conflict resolution system. The relevance of the discussion of this topic is due to the growing demand for mediation and the absence of a specialized institute for the settlement of non-commercial interstate disputes through mediation among a wide range of international structures. Long-term preparation and signing on May 30, 2025 The Convention establishing the IOMed in Hong Kong, with China leading the way and 33 founding countries participating, marks a new step in the development of international conflict management tools. The text examines the text of the Convention itself, analyzes the basic principles and areas of competence of its functioning, and points out the connection between the ideological content of the IOMed and Chinese foreign policy rhetoric. It is concluded that IOMed has the potential to promote «win-win» solutions and transform the practice of resolving interstate conflicts towards greater fairness and adaptability.

Keywords: diplomacy; international mediation; conflict resolution; International Organization for Mediation (IOMed); China; institutionalization of mediation.

Всепроникающий характер конфликтов, от межличностных споров до крупномасштабных вооруженных столкновений нескольких государств, обусловил повышенное внимание к этой теме даже первоначально незаинтересованных акторов, в особенности, когда конфликт вызывает широкий общественный резонанс и начинает оказывать влияние на международную обстановку. Многогранность и сложность истоков конфликтов, тотальная взаимосвязанность и взаимозависимость современных государств

стали причинами создания широкого спектра инструментов и институтов на международном уровне, чья миссия нацелена на предотвращение, смягчение и разрешение конфликтов между различными субъектами. В зависимости от специфики действий все механизмы международного регулирования конфликтов можно условно разделить на три группы по преобладающему подходу – дипломатическому (переговоры, посредничество, расследование и примирение, превентивная дипломатия), юридическому (обращение в международные суды и арбитражи) и принудительному (санкции, поддержание и принуждение к миру). У каждой категории из данной группы есть и традиционные инструменты, и сильные стороны, и ограничения, но быстротечность международной обстановки требует постоянного анализа и обнаружения новых тенденций в сложных глобальных условиях.

Дипломатия в целом остается краеугольным камнем управления международными конфликтами, делая упор на процесс общения, переговоры и достижение консенсуса между конфликтующими сторонами. Наибольший интерес в данном случае вызывает посредничество, так как оно по своей природе реализуется через привлечение третьей непричастной стороны, обладающей свойствами нейтральности/беспристрастности, с одобрения всех конфликтующих участников, имеет ситуационный, гибкий и, как правило, конфиденциальный характер. Полномочия посредника также зависят от предварительной договоренности, и варьируются от функций коммуникатора до активного актора, участвующего в выработке совместного решения. Регулирование конфликта с привлечением международного посредника в теории позволяет сторонам сохранять «лицо», максимальный контроль над ситуацией и результатом конечного решения на основе достижения компромисса, а не навязывании каких-либо действий, чего не наблюдается в других форматах участия третьих сторон (обращении в международный суд или арбитраж)

Посредничество как способ урегулирования конфликтов, затрагивающих международное пространство, получило широкое распространение в современном мире, и в то же время обладает богатой многовековой практикой реализации. Так, исследование К. Холсти показало, что с 1919 по 1965 гг. в 64 % крупных конфликтов применялись формы посредничества, а по выборке Баттерворта за 1945–1974 гг. этот показатель составил уже 82 % [1, p. 44]. Анализ Я. Берковича и А. Хьюстон фиксирует, что в период 1945–1990 гг. посредничество использовалось хотя бы однократно в 57 % случаев [2, p. 39]. Более того, согласно содержанию доклада Центра международного регулирования конфликтов Университета Мериленд, в эпоху «холодной войны» лишь 30 % конфликтов регулировались через посредничество, однако уже к началу XXI в. этот показатель вырос до 60 %, что свидетельствует о возрастающей востребованности данного инструмента в условиях изменяющейся международной системы [3, p. 45].

Посредничество упоминается в статье Устава ООН в качестве одного из способов регулирования споров, способных угрожать поддержанию международного мира и безопасности. Европейский союз, ОБСЕ, АСЕАН и Организация американских государств также в своей практике ориентируются на содействие посредничеству как способу предотвращения и разрешения конфликтов, а Африканский Союз рассматривает себя как платформу для посредничества и диалога между конфликтующими сторонами. Безусловно, существуют и более специализированные структуры, которые осуществляют посредничество/медиацию на международном уровне: Комиссия ООН по праву международной торговли, Европейская ассоциация судей в поддержку медиации, Международная академия разрешения споров, Международная академия медиаторов, Объединение частных лиц и организаций, Американская коммерческая организация, Международный центр этнорелигиозной медиации, Медиаторы без границ, Европей-

ская ассоциация трансформативной медиации – однако во многом их деятельность сосредоточена на повышении осведомленности о медиации как методе альтернативного разрешения споров, обмене подобным опытом между сообществами разных стран, и если и участвует в регулировании споров на международном уровне, то исключительно в сфере бизнеса и коммерции [4, с. 89].

До недавнего времени не существовало какого-либо международного специализированного института, чья деятельность была бы направлена именно на мирное урегулирование международных споров некоммерческого характера путем посредничества. Новым этапом в положении посредничества как институционального инструмента регулирования международных споров стало подписания Конвенции об учреждении Международной организации по медиации (англ. *International Organization for Mediation – IOMed*), состоявшееся 30 мая 2025 г. в Гонконге. На встрече присутствовали представители высокого уровня из 85 стран Азии, Африки, Латинской Америки и Европы, а также почти 20 международных организаций, в том числе ООН. Среди них 33 государства, включая Китай и Беларусь, подписали Конвенцию на месте, став ее членами-учредителями [5].

На возникновение данной организации оказал существенное влияние конфликт между Эфиопией, Египтом и Суданом по поводу строительства Великой Эфиопской Плотины Возрождения, способной повлиять на количество воды, доступной Судану и Египту ниже по течению, решение Эфиопии начать экономить воду в 2020 г. привело к серьезному спору между тремя сторонами. Китай, в силу распространения своих экономических интересов, оказался неизбежно вовлеченным в этот спор как крупнейший инвестор и участник инфраструктурных проектов, кроме того, КНР участвовала в строительстве самой плотины, и в том числе построила и занимается обслуживанием энергосистемы, к которой подключена плотина [6].

С 2021 г. Китай осуществлял посредничество в споре между Эфиопией, Суданом и Египтом, что в конечном итоге и сподвигло к созданию *IOMed*. О плане создания *IOMed* было объявлено 21 октября 2022 г., когда Министерство иностранных дел КНР и правительство Специального административного района Гонконг подписали «Договоренности о создании Подготовительного отделения Международной организации по медиации в Специальном административном районе Гонконг», в котором были оговорены вопросы создания и размещения новой организации на территории Гонконга [7]. С октября 2022 г. развернулся процесс подписания «Совместного заявления о создании Международной организации по медиации, и на момент Церемонии учреждения Подготовительного отделения Международной организации по медиации, прошедшей 16 февраля 2023 г., к числу государств, подписавших данное Заявление, относились непосредственно Китай, Индонезия, Пакистан, Лаос, Камбоджа, Судан, Алжир, Джибути, Сербия, Республика Беларусь, а также «другие подписанты» [8].

Подписание вышеназванной Конвенции имеет знаковый характер для развития всей современной системы урегулирования конфликтов в международном пространстве. И хотя Конвенция и носит общий характер, в ней прописаны основополагающие принципы деятельности (ст. 4): суверенное равенство государств, добросовестное выполнение обязательств, мирное разрешение споров, невмешательство во внутренние дела, уважение политической независимости и территориальной целостности государств; а в статье 24 указывается, в спорах какого характера организация будет предоставлять услуги: 1) между государствами; 2) между государством и лицами, имеющими принадлежность к другому государству; 3) международные коммерческие споры между частными сторонами – что при более подробном анализе демонстрирует глубокую взаимосвязь концептуального базиса данной организации с китайской

внешнеполитической риторикой [9]. В китайских нарративах в качестве обоснования создания *IOMed* подчеркивается отсутствие «пропорционального и справедливого» представительства стран Глобального Юга в международных правовых системах, включая международные суды и арбитражные системы.

Хотя текст Конвенции говорит об разрешении споров в общем смысле, прописывая отдельные исключения, на которые деятельность организации не распространяется, можно предположить, что Китай, особенно в условиях реализации глобальной инициативы «Один пояс, один путь», видит в *IOMed* и инструмент защиты своих экономических интересов (в частности, в отношении инвестиционных и коммерческих споров), поскольку традиционный международный арбитраж неоднократно подвергался критике за несправедливость и сильное влияние Запада на развивающиеся страны. Демонстративным примером для Китая стал собственный опыт международного регулирования территориальных споров в Южно-Китайском море в 2016 г. между Китаем и Филиппинами. Международный арбитраж в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву, зарегистрированный в Постоянной палате третейского суда, вынес решения против китайских претензий, несмотря на отвержение китайской стороной самой законности данного процесса. Таким образом, в рамках *IOMed* Китай подчеркнул, что посредничество должно быть добровольным, основанным на согласии всех вовлеченных сторон, а его результат должен быть необязательным для исполнения, а не «принудительным исполнением результата, которое только усугубляет споры» [6].

Предлагаемый Китаем подход в разрешении споров через медиацию/посредничество демонстрирует отказ от принципа «победитель получает все», как правило проявляемый в судебном процессе или арбитраже. Сама процедура посредничества по своей структуре представляет собой более гибкий и адаптивный инструмент, способный в

большей степени удовлетворить первоначальные претензии конфликтующих сторон и гораздо лучше соответствует духу «беспроигрышных» решений, а институционализация данного подхода в отношении межгосударственных некоммерческих конфликтов, чего не было ранее, открывает не только новую веху в международной юридической практике, но и позволяет Китаю активизировать свои дипломатические усилия в сфере международного посредничества в конфликтах. В условиях динамично меняющегося международного порядка, потребность в гибких и легитимных инструментах разрешения споров становится все более очевидной. *IOMed*, с ее акцентом на добровольность, гибкость и интересы всех сторон, имеет все шансы стать ключевым элементом в создании более справедливой и эффективной системы глобального управления конфликтами, знаменуя собой новую эру в международной дипломатической практике и способствуя формированию «беспроигрышных» решений, столь необходимых для стабильности в современном мире.

Библиографический список

1. Bercovitch, J. A case study of mediation as a method of International conflict resolution: the Camp David experience / J. Bercovitch // Review of International Studies. – 1986. – Vol. 12, N 1. – P. 43–65. – URL: https://doi.org/10.1017/S0260210500114123 (date of access: 07.06.2025).

2. Bercovitch, J. The study of international mediation. Theoretical issues and empirical evidence / J. Bercovitch, A. Houston // Theory and Practice of International Mediation: Selected essays / Ed. by J. Bercovitch. – New York : Routledge, 2011. – P. 35–52.

3. Peace and conflict 2003 : a Global Survey of Armed Conflicts, Self-Determination Movements, and Democracy. – College Park : Center for International Development and Conflict Management (CIDCM), University of Maryland, 2003. – 72 p.

4. Липка, Д. В. Медиация в зарубежных странах / Д. В. Липка // Право и управление. – 2023. – № 6. – С. 88–93. – URL: https://law.law-books.ru/2023/07/12/%d0%bf%d1%80%d0%b0%d0%b2%d0%be-%d0%b8-%d1%83%d0%bf%d1%80%d0%b0%d0%b2%d0%bb%d0%b

5%d0%bd%d0%b8%d0%b5-%e2%84%96-6-2023/ (дата обращения: 07.06.2025).

5. Беларусь подписала конвенцию об учреждении Международной организации по медиации // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 30.05.2025. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/maj/88931/ (дата обращения: 07.06.2025).

6. Yun Sun. The purpose and promise of China's International Organization for Mediation / Yun Sun // Brookings. – 06.06.2025. – URL: https://www.brookings.edu/articles/the-purpose-and-promise-of-chinas-international-organization-for-mediation/ (date of access: 07.06.2025).

7. 中方将在香港特区设立国际调解院筹备办公室 // = Китай создаст подготовительное отделение для Международной организации по медиации в Специальном административном районе Гонконг // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики, 01.11.2022. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjbxw_new/202211/t20221101_10795358.shtml (дата обращения: 07.06.2025).

8. 秦刚在国际调解院筹备办公室成立仪式上发表视频致辞 = Цинь Ган выступил с видеообращением на церемонии открытия Подготовительного отделения Международной организации по медиации // 中华人民共和国外交部 = Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – 16.02.2023. – URL: https://www.mfa.gov.cn/wjbzhd/202302/t20230216_11025952.shtml (дата обращения: 07.06.2025).

9. Convention on the Establishment of the International Organization for Mediation // International Organization for Mediation. – URL: https://www.international-mediation.org/basic-documents/ (date of access: 07.06.2025).

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ БРИКС И АФРИКАНСКИХ СТРАН

Ян Минхуэй

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
YangMH@bsu.by

В статье анализируется эволюция взаимодействия между странами Африки и странами – членами БРИКС. Исследуются причины и актуальность взаимодействия между Африкой и странами – членами БРИКС в контексте нового раунда расширения. 1 января 2024 г. механизм БРИКС был расширен во второй раз. Увеличение числа африканских членов механизма БРИКС расширило и углубило сферы сотрудничества между развивающимися странами в соответствии с развитием времени и отвечает объективным потребностям развития многостороннего механизма в интересах стабильности и прогресса.

Ключевые слова: БРИКС; Африка; расширение; развитие; механизм.

COOPERATION BETWEEN BRICS MEMBER STATES AND AFRICAN COUNTRIES

Yang Minghui

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, YangMH@bsu.by

The article analyzes the evolution of interaction between Africa and BRICS member States. In the context of the new round of expansion, the article examines the reasons for and the relevance of the interaction between Africa and the member countries. On January 1, 2024, the BRICS mechanism was expanded for the second time. The increase in the number of African members of the BRICS mechanism has broadened and deepened the areas of cooperation among developing countries in keeping with the times, and is in line with the objective development needs of the multilateral mechanism for its stability and sustainability.

Keywords: BRICS; Africa; expansion; development; mechanism.

Египет, ОАЭ, Иран и Эфиопия официально присоединились к БРИКС 1 января 2024 г, а Индонезия была официально принята в качестве нового члена механизма 6 января 2025 г. Присоединение ЮАР в 2011 г. стало первым случаем, когда механизм пополнился новым членом, и ЮАР стала первой африканской страной, присоединившейся к механизму сотрудничества БРИКС. Южная Африка играет ключевую роль в расширении структуры БРИКС и укреплении сотрудничества между развивающимися странами, и на саммите в Дурбане в 2013 г. в Южной Африке был запущен механизм открытого диалога БРИКС для стран с формирующимися рынками и развивающихся стран. Новые члены в основном сосредоточены в регионе Западной Азии и Северной Африки, который является глобальным транспортным узлом и геополитической горячей точкой [1, с. 14].

Африка – континент с самой высокой концентрацией развивающихся стран в мире, и хотя она также является геополитической площадкой с самым низким уровнем экономического развития в мире, она обладает большим потенциалом и имеет непревзойденные преимущества с точки зрения населения, энергетических ресурсов и размера интегрированного рынка [2, с. 9]. Египет и Эфиопия, как новые африканские страны – члены механизма, надеются, что в качестве представителей Северной Африки и Африки к югу от Сахары они смогут использовать механизм БРИКС для расширения представительства и право голоса африканского региона в международных делах, расширения торговых обменов и экономического сотрудничества с другими странами БРИКС, получения трансфера технологий для расширения и модернизации собственных промышленных цепочек, а также получения большего финансирования развития через Новый банк развития.

Расширение БРИКС увеличило глубину и широту сотрудничества Юг-Юг, способствовало общему развитию и привело к участию большего числа развивающихся стран в

глобальном управлении. На фоне возросшей нестабильности международной ситуации в сфере безопасности, неопределенных перспектив восстановления мировой экономики в целом, а также усиления политизации и нестабильности в экономической и торговой сферах, страны БРИКС всегда придерживались первоначального намерения защищать интересы развивающихся стран. Укрепление консенсуса «Глобального Юга» путем расширения членства, завоевало признание и доверие развивающихся стран, которые хотят ускорить свое развитие и одновременно сохранить свою независимость. В рамках существующего партнерства БРИКС необходимо обновить и расширить как двустороннее, так и многостороннее сотрудничество. Увеличение числа членов и повышение репрезентативности стран БРИКС существенно повысит объем двустороннего сотрудничества в рамках механизма, а также позволит изучить более широкие и разнообразные возможности для сотрудничества на существующей основе. Расширение членства в БРИКС имеет огромное значение для развития Глобального Юга.

Механизм БРИКС поддерживает африканскую интеграцию и делает акцент на укреплении партнерства между странами БРИКС и Африкой для раскрытия взаимовыгодных возможностей в сфере торговли, инвестиций и развития инфраструктуры. Механизм БРИКС продолжит уделять внимание индустриализации, продовольственной безопасности, модернизации сельского хозяйства, здравоохранению и другим областям, имеющим значение для устойчивого развития Африки.

Механизм БРИКС смог достичь консенсуса по укреплению сотрудничества с Африкой благодаря тому, что страны-участницы имеют геополитические, геоэкономические или историко-культурные связи с африканскими странами. Так, в силу исторических и культурных причин Африка занимает важное место в дипломатической стратегии Бразилии. На протяжении многих лет Бразилия

инициировала создание Сообщества португалоязычных стран (СПЛП) и продолжает укреплять «особые и традиционные отношения» между Бразилией и Африкой через механизм СПЛП. Президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва придает особое значение развитию сотрудничества с Африкой в рамках механизма БРИКС и неоднократно выступал за то, чтобы страны БРИКС уделяли приоритетное внимание проблемам африканских стран и своевременно повышали позиции Африки в механизме регионального сотрудничества.

Аналогичным образом Индия придает большое значение сотрудничеству с Африкой. В 2008 г. запущен механизм саммита Индия – Африка, масштабы и содержание которого способствуют наполению регионального рынка индийской продукцией. Премьер-министр Индии Нарендра Моди активно поддерживает строительство «Экономического круга Индийского океана» и развитие стратегии Индии в отношении.

В условиях обострения соперничества между великими державами Африка становится все более важным политическим и экономическим партнером для России. Президент Владимир Путин публично заявил, что африканские страны – важные и надежные партнеры России [3]. В июле 2023 г. в Санкт-Петербурге состоялся второй саммит Россия – Африка, который продвинул весь спектр российско-африканского партнерства.

Китай заложил прочную основу дружбы с африканскими странами. Механизм Форума китайско-африканского сотрудничества (*FOCAC*) стал образцовой платформой для сотрудничества Юг – Юг. Китай был ведущей силой в привлечении Южной Африки в семью БРИКС, выступая за то, что Африка может стать ключевым регионом для сотрудничества БРИКС, и взял на себя инициативу по поддержке и реализации создания Африканского регионального центра Нового банка развития БРИКС в Южной Африке.

Официальный Пекин укрепляет сотрудничество с Африкой, поддерживает ее развитие и стремится превратить сотрудничество БРИКС и Африки в модель сотрудничества Юг – Юг [4, с. 43]. 5 сентября 2024 г. председатель КНР Си Цзиньпин на церемонии открытия Пекинского саммита Форума китайско-африканского сотрудничества (*FOCAC*) выступил с программной речью. Он заявил, что «Китай поднял двусторонние отношения со всеми африканскими странами, с которыми он установил дипломатические связи, до уровня стратегических отношений, и вместе они преследуют мечту о модернизации на глобальном Юге и пишут совершенно новую главу в построении сообщества единой судьбы человечества» [5].

Очередной раунд расширения БРИКС укрепил механизмы сотрудничества, а новые члены привнесли дополнительные капитал, технологии, ресурсы, рынки и опыт развития, что еще больше усилило экономическую взаимодополняемость между членами механизма. Усиление экономического сотрудничества стран – членов БРИКС будет способствовать дальнейшему снижению экономической зависимости от развитых стран [6, с. 6].

Три раунда расширения в рамках механизма сотрудничества БРИКС демонстрируют его последовательный и устойчивый прогресс. Расширения сыграли положительную роль в продвижении как сотрудничества БРИКС, так и сотрудничества Юг – Юг, ознаменовав вступление БРИКС в новую фазу. Механизм сотрудничества БРИКС реализует новую модель международных отношений, концепцию целей и программу глобального управления, а само обьединение становится все более важным игроком на мировой арене и привлекательным для развивающихся стран. В перспективе модернизация и расширение механизма сотрудничества БРИКС будет способствовать усилению экономической и политической мощи, а также влияния «Глобального Юга» на международной арене.

Библиографический список

1. 金砖扩员：事实、挑战与展望 / 徐秀军，袁晓慧，王有鑫，王诚，王磊，徐飞彪，岳云霞. = Сюй Сюцзюнь. Расширение БРИКС: факты, вызовы и перспективы / Сюй Сюцзюнь, Юань Сяохуэй, Ван Юсинь [и др.] // 国际经济合作 = Международное экономическое сотрудничество. – 2024. – Т. 40, № 2. – С. 13–31. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2024&filename=GJJH202402008&uniplatform=OVERSEA&v=E1WslRN86wiDVbzXunzurlDu9nnwOn1MEEGrXgv8I29KJEjcD3Px7Otg6PAtVu6m (дата обращения: 26.05.2025).

2. 杨明杰 / 南非峰会与金砖合作新愿景 / 杨明杰. = Ян Минцзе. Саммит в Южной Африке и новое видение сотрудничества БРИКС / Ян Минцзе // 现代国际关系 = Современные международные отношения. – 2023. – № 9. – С. 5–23. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2023&filename=XDGG202309001&uniplatform=OVERSEA&v=SKp5vN9wVFx-WW9FU3IGyURupFmuHrzO3vEcEDQn2hBJsTpDTZQ_raMl1OrEOW8S (дата обращения: 26.05.2025).

3. Участникам 36-й Ассамблеи глав государств и правительств стран – членов Африканского союза // Президент России. – 18.02.2023. – URL: http://kremlin.ru/events/president/letters/70553 (дата обращения: 26.05.2025).

4. 王友明. «金砖南非年» 视角下的金砖机制建设评析 / 王友明. = Ван Юймин. Комментарий о строительстве механизма БРИКС в перспективе «Года БРИКС в Южной Африке» / Ван Юймин // 当代世界 = Современный мир. – 2023. – № 9. – С. 40–45. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2023&filename=JSDD202309008&uniplatform=OVERSEA&v=I7zblz0aKMHg6k44iInvOb1jdHUwFzueXsgJwuyDnYPBowjQCdVAFeS70zbpK0jW (дата обращения: 26.08.2025).

5. 中国主席习近平在中非合作论坛北京峰会开幕式的讲话 = Си Цзиньпин объявил о повышении двусторонних отношений Китая со всеми африканскими странами с дипломатическими отношениями до уровня стратегических отношений // Baidoo. – 05.09.2024. – URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1809320556941710058&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 27.08.2025).

6. 崔庆波. 国际经贸关系的失衡与重构：理论逻辑与实践路径 / 崔庆波, 范欣晨, 邹洋婧. = Цуй Цинбо. Дисбаланс и реконструкция международных экономических и торговых отношений: теоретическая логика и практический путь / Цуй Цинбо, Фань Синьчэнь, Цзоу Янцзин // 国际贸易 = Международная торговля. – 2023. – № 8. – С. 3–11. – URL: https://chn.oversea.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2023&filename=GJMY202308001&uniplatform=OVERSEA&v=oBvfouPYYI-tdztv5xQTPgoIwOYVTAyVu3XGlZd9LLA9H_g3QWCjjcJU53Mc31du (дата обращения: 26.08.2025).

Секция 3

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

С. М. Ананич

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
AnanichSM@bsu.by

Статья посвящена специфике брачно-семейных отношений с иностранным элементом. Раскрыты вопросы автономии воли при заключении брачного договора и других видов соглашений по вопросам брака и семьи. Автор показывает пробелы и недостатки коллизионного регулирования в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье и предлагает пути совершенствования белорусского законодательстве с учетом необходимости кодификации материальных и коллизионных норм. Определены преимущества либерализации коллизионного регулирования брачно-семейных отношений с иностранным элементом, а также показаны объективные границы выбора применимого права в данных отношениях путем применения личного закона, места нахождения недвижимости и наиболее тесной связи.

Ключевые слова: брачно-семейные отношения с иностранным элементом; международное частное право; коллизионные нормы; кодификация; Кодекс Республики Беларусь о браке и семье; кодекс международного частного права Республики Беларусь.

IMPROVEMENT OF CONFLICT OF LAWS FOR CONTRACTUAL MARITAL AND FAMILY RELATIONS WITH A FOREIGN ELEMENT

S. M. Ananich

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, AnanichSM@bsu.by

The article is devoted to the specifics of marital and family relations with a foreign element. The issues of autonomy of will in concluding a marriage contract and other types of agreements on marriage and family issues are disclosed. The author shows the gaps and shortcomings of conflict regulation in the Code of the Republic of Belarus on Marriage and Family and suggests ways to improve Belarusian legislation taking into account the need to codify substantive and conflict rules. The advantages of liberalizing conflict regulation of marital and family relations with a foreign element are determined, and the objective boundaries of choosing the applicable law in these relations are shown through the application of personal law, the location of immovable property and the closest connection.

Keywords: marital and family relations with a foreign element; private international law; conflict of laws rules; codification; Code of the Republic of Belarus on Marriage and Family; Code of Private International Law of the Republic of Belarus.

Брачно-семейные отношения регулируются с учетом национальных моральных и этико-культурных традиций. Соответственно, постановка и решение коллизионного вопроса нередко сталкивается с проблемами экстерриториального признания иностранных законов судами и другими органами, которые рассматривают отношения с иностранным элементом. Миграция, международные браки, усыновление детей из-за рубежа, раздельное проживание супругов в разных странах и другие проявления иностранного элемента в брачно-семейных отношениях порождают сложные проблемы на практике. Брачно-семейных от-

ношения, как правило, являются длительными и для них характерна связь с несколькими странами. Действующие коллизионные нормы, призванные определить применимое право к частноправовым отношениям с иностранным элементом в Гражданском кодексе Республики Беларусь [1] и Кодексе Республики Беларусь о браке и семье [2] в недостаточной степени учитывают широкую практику брачно-семейных отношений с иностранным элементом, поскольку многие виды таких отношений не урегулированы или содержат слишком жесткие коллизионные привязки. В наибольшей степени эти нарекания относятся к договорам по вопросам брака и семьи.

Цель статьи состоит в формулировке возможных изменений законодательства Республики Беларусь по вопросам международного частного права в договорных брачно-семейных отношениях.

Коллизионные нормы о договорах в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье не получили развития. Прием аналогии по нормам Гражданского кодекса Республики Беларусь затруднен, поскольку статья 237 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье довольно жестко ограничивает экстерриториальность иностранного законодательства о браке и семье в Республике Беларусь. Согласно положениям данной статьи «применение в Республике Беларусь законодательства о браке и семье иностранных государств или признание основанных на нем актов гражданского состояния не может иметь места, если такое применение или признание противоречило бы законодательству Республики Беларусь» [2]. Поэтому более целесообразным представляется закрепление необходимых коллизионных норм, регулирующих брачно-семейные отношения с иностранным элементом, в специальном нормативном правовом акте, обеспечивающем применение общих принципов семейного права к регулируемым отношениям, в том числе договорным отношениям с иностранным элементом.

В первую очередь, жесткость и отсутствие гибкости коллизионного права не соответствует развитию договорных отношений по вопросам брака и семьи. Осторожное отношение к проникновению элементов иностранного права в результате принятия коллизионной отсылки к заключению и расторжению брака, к правоотношениям между родителями и детьми и т. д. вполне понятно по соображениям поддержки и сохранения на своей территории тех ценностей, которые определены конституцией, другими национально-правовыми актами, обычаям и традициями. С такой точки зрения специфика коллизионного режима брачно-семейных отношений понятна и оправдана. Вместе с тем, стороны брачно-семейных отношений вправе самостоятельно определять режим своих отношений на договорной основе по ряду вопросов. Соответственно, диспозитивность должна распространяться и на выбор применимого права. Однако здесь следует, что при выборе применимого права опасно ставить брачно-семейные отношения с иностранным элементом, которые реализуются на территории разных стран, к применению права, которое не имеет реальной связи с отношениями или не отвечающего интересам участников.

В литературе уделяется значительное внимание нежелательности возникновения «хромающих отношений», к которым наиболее часто относятся именно брачно-семейные отношения с иностранным элементом. В частности, проблемные аспекты ситуации, когда стороны не могут в равной мере полагаться на защиту своих отношений в нескольких странах, затрагиваются в работах следующих авторов: Л. А. Лунц [3, с. 244], В. Г. Тихиня, Н. И. Рудович [4, с. 53], Н. С. Анцух [5, с. 10], Н. В. Кузнецова [6, с. 13].

Расширение возможности лиц самостоятельно формировать определенный правовой режим брачно-семейных отношений с иностранным элементом обеспечивает стабильность и предсказуемость имущественных и некоторых личных неимущественных отношений субъектов семейно-

го права (брачные договоры, соглашения о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, соглашения об алиментах, соглашения о детях, договоры суррогатного материнства), а также защищает интересы «слабой стороны», под которой обычно понимаются дети и лица, нуждающиеся в уходе и содержании. При таком подходе реализуется защитная функция коллизионного регулирования.

Совершенствование в Республики Беларусь должно коснуться также приемов коллизионной отсылки. Целесообразно повышать гибкость коллизионных норм и в большей степени использовать отсылку по критерию наиболее тесной связи. Это позволит суду применять право страны, с которой отношения имеют наиболее существенную связь по факту. При этом формулировка коллизионной привязки может быть построена на цепочке коллизионных привязок, когда отношение регулируется по жесткой коллизионной привязке, с возможностью автономии воли, но нормы по наиболее тесной связи превалируют в определенных случаях, в частности для защиты слабой стороны в отношениях. В таком случае право, применимое к соглашению о детях, может регулироваться по месту его заключения, если стороны не выбрали иное право, но при этом должны быть приняты во внимание нормы права, наиболее благоприятного для ребенка. Для соглашений по алиментным обязательствам целесообразно предусмотреть такую схему с отсылкой к нормам, которые гарантируют эффективное взыскание алиментов.

Таким образом, автономия воли в брачно-семейных отношениях с иностранным элементом не может носить настолько же свободный характер, как в гражданско-правовых договорах. Схема коллизионного регулирования по статьям 1124 и 1125 Гражданского кодекса Республики Беларусь не может быть на них безоговорочно перенесена. Супруги и другие стороны в договорах по брачно-семейным вопросам имеют право на «эффективную адаптацию»

своих отношениях, но находятся под большим контролем со стороны публичного порядка и императивных норм [7, с. 96–97]. Ограничительный подход к автономии воли в брачно-семейных отношениях с иностранным элементом признан в результатах международной унификации. Так, Гаагская конвенция о праве, применимом к режимам собственности супругов 1978 г., основана на довольно ограниченной автономии воли по праву гражданства, местожительства одного из супругов, места нахождения недвижимости (ст. 3) [8].

Пробел коллизионного регулирования договорных отношений по вопросам брака и семьи может быть восполнен дополнением норм разделе VI Кодекса Республики Беларусь о браке и семье либо путем разработки и принятия Кодекса международного частного права Республики Беларусь со специальным разделом по брачно-семейным отношениям. Детализация коллизионного регулирования должна исходить из закрепления в объемах коллизионной нормы тех видов договоров, которые есть в материальном праве Республики Беларусь. Привязки следует сформулировать по цепочке жесткой коллизионной привязки личного закона, места нахождения недвижимости и наиболее тесной связи для защиты слабой стороны. Признание договоров, которые не предусмотрены белорусским правом, необходимо поставить в связь с последствиями применения иностранного права по аналогии с механизмом оговорки о публичном порядке по статье 1099 Гражданского кодекса Республики Беларусь. От жесткого подхода оговорки по статье 237 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье необходимо отказаться. Совершенствование коллизионного регулирования брачно-семейных отношений целесообразно осуществлять именно по второму пути – в рамках единого кодифицированного акта. Во-первых, в случае необходимости покрытия пробелов коллизионного регулирования брачно-семейных отношений общие принципы и нормы кодекса позволят избежать противоречия

или дублирования, которые возникают при сопоставлении разных актов законодательства по международному частному праву. Во-вторых, специальные правила для брачно-семейных отношений можно будет согласовать с режимом других отношений. Специфика оговорки и императивных норм в брачно-семейных отношениях станет более очевидной. В настоящее время особенности регламентации оговорки о публичном порядке могут быть восприняты как запрет на экстерриториальное действие иностранных законов по вопросам брака и семьи.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.06.2025).

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 года // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.06.2025).

3. Курс международного частного права: в 3 т. / А. Б. Альтшулер, В. П. Звеков, Л. А. Лунц. – М. : Спарк, 2002. – 1007 с.

4. Тихиня, В. Г. Международное частное право : учебник / В. Г. Тихиня, Н. И. Рудович. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – Минск : Академия МВД, 2019. – 346 с.

5. Анцух, Н. С. Сравнительное и международное семейное право : пособие / Н. С. Анцух. – Минск : Четыре четверти, 2015. – 254 с.

6. Кузнецова, Н. В. Международное частное право : учебно-методическое пособие / Н. В. Кузнецова – Ярославль : ЯФ МФЮА, 2013. – 156 с.

7. Базедов, Ю. Автономия воли в регулировании международных отношений: к Общему курсу Мм еждународного частного права / Ю. Базедов; пер. с англ. Ю. М. Юмашева. – М.: Норма : Инфра-М, 2019. – 134 с.

8. Гаагская конвенция о праве, применимом к режимам собственности супругов от 14 марта 1978 г. // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 04.06.2025).

ПОГРАНИЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ, НА ПРИМЕРЕ МИРОВОЙ СДЕЛКИ, В КОДИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Д. Л. Давыденко

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
DavydenkoDL@bsu.by

Настоящая статья приводит эмпирические доказательства весьма широкого распространения в правовых системах мира тенденции к кодификации международного частного права. Выявлены преимущества консолидации в одном нормативном акте (законе или кодексе) положений, регулирующих и вопросы компетенции судов по спорам с иностранным элементом, и применимое материальное право. Рассмотрены правовые институты, находящиеся на пересечении международного частного права и процесса, в том числе, мировая сделка. Такие институты свидетельствуют в пользу тесной взаимосвязи между материальным частным правом и цивилистическим процессом, а также международным частным правом и процессом. В свою очередь такая тесная взаимосвязь делает еще актуальнее кодификацию законодательства в области международного частного права, включая процессуальные, коллизионные и материально-правовые нормы.

Ключевые слова: пограничный правовой институт; кодификация; международное частное право; мировая сделка; мировое соглашение; иностранное право; трансграничная преюдициальность.

BOUNDARY LEGAL INSTITUTIONS, USINGTHE EXAMPLE OF A SETTLEMENT AGREEMENT, IN THE CODIFICATION OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

D. L. Daydenko

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
DavydenkoDL@bsu.by

This article provides empirical evidence of the very widespread trend in legal systems around the world towards the codification of private international law. The article reveals some advantages of consolidating in one legal instrument (law or code) the provisions governing both the jurisdiction of courts in disputes with a foreign element and the applicable substantive law. Legal institutions at the intersection of international private law and the process, including the settlement agreement, deserve special attention. Such institutions prove a close relationship not only between substantive private law and the civil procedure but also between international private law and procedure. In turn, such a close relationship makes the codification of legislation in the field of private international law, including procedural, conflict-of-laws and substantive rules, even more relevant.

Keywords: boundary legal institution; codification; international private law; settlement agreement; foreign law; international res judicata.

В настоящее время кодификация в сфере международного частного права является широко распространенной мировой практикой. Так, более 100 государств мира либо приняли специальные законы (кодексы) о международном частном праве, либо по крайней мере включили такого рода законодательные положения в состав законодательного акта с более широкой сферой действия, как правило, гражданских кодексов [1].

Так, отдельные законы о международном частном праве действуют в более 30 странах мира, включая Австрию,

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Венгрию, Венесуэлу, Китай, Польшу, Швейцарию.

Самыми объемными законами о международном частном праве являются законы Швейцарии (1987 г.), Чехии (2012 г.), Северной Македонии (2020 г.), Нидерландов (2011 г.), Бельгии (2004 г.). Как видно, это малые и средние европейские страны, с относительно небольшой территорией и численностью населения. Для таких стран особенно актуально установление правил частноправового оборота с иностранными лицами и правил взаимодействия с иностранными правопорядками. Это в большой степени справедливо и для Республики Беларусь.

В более 20 странах законы/кодексы международного частного права включают отдельные разделы о международном гражданском процессе, включая вопросы международной юрисдикции, правовой помощи, признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений и ряд прочих вопросов. Например, к ним относятся законы Албании (2011 г.), Бельгии (2004 г.), Венгрии, Венесуэлы (1998 г.), Грузии (1998 г.), Италии (1995 г.), Польши (2011 г.), Словакии (1963 г.), Туниса (1998 г.), Турции (2007 г.), Уругвая (2020 г.), Хорватии (2017 г.), Черногории (2013 г.), Чехии (2012 г.), Швейцарии (1987 г.).

Консолидация в одном нормативном акте положений, регулирующих вопросы компетенции судов по спорам с иностранным элементом и применимое материальное право, имеет свои преимущества. В частности, это обусловлено практическими соображениями: наличие в правоотношениях иностранного элемента является предпосылкой для применимости специальных правил процессуального, коллизионного и материально-правового характера.

Кроме того, ряд правовых институтов являются пограничными между материальным частным правом и цивилистическим процессом. Одним из наиболее важных примеров этого является **мировая сделка** (мировое соглашение). Когда она заключается в ходе цивилистиче-

ского процесса, то ее стороны нередко распоряжаются как своими материальными, так и процессуальными правами [2, с. 73]. Мировое соглашение справедливо признается наиболее предпочтительным для сторон способом окончания спора [3, с. 37], хотя, следует заметить, это зависит от условий конкретного мирового соглашения.

Материально-правовые аспекты международной мировой сделки состоят в том, что она по своей природе является гражданско-правовым договором *sui generis*. *Causa* этого договора состоит в урегулировании (устранении) спора или правовой неопределенности. Такой подход широко распространен в мировой законодательной практике [4, с. 132]. Например, в статье 2044 Гражданского кодекса Франции мировое соглашение («*transaction*») определяется как договор, по которому стороны путем взаимных уступок прекращают возникший спор или предотвращают возникновение спора [5]. Аналогично этот правовой институт регулируется, в том числе, в ст. 1965 Гражданского кодекса Италии [6].

Коллизионные аспекты мировой сделки с иностранным элементом включают вопрос о выборе применимого к ней права как к договору. Специфика этого договора состоит в том, что к ней во многих случаях не подходит общий коллизионный критерий «характерного исполнения» (п. 4 ст. 1125 Гражданского кодекса Республики Беларусь): нередко из содержания мировой сделки затруднительно установить, какая из сторон осуществляет такое исполнение, поскольку обе стороны урегулируют ею спор посредством взаимных уступок. В этой связи актуальным является поиск иных коллизионных критериев, таких как право, применимое к предшествующим отношениям сторон, спор из которых урегулирован в мировой сделке [7, с. 36]. Если такой подход оказывается неприменимым, тогда представляется обращаться к коллизионному критерию наиболее тесной связи или коллизионному критерию наибольшего экономического веса правоотношений [8, с. 334].

Процессуально-правовые аспекты мирового соглашения по спору, возникшему из международных частноправовых отношений, посредством которых мировое соглашение интегрировано в международный гражданский процесс, включают вопросы его *трансграничной преюдициальности*. А именно, речь идет о том, какое значение для судебного процесса имеют ранее заключенное за рубежом и утвержденное иностранным судом мировое соглашение и согласованные в нем обстоятельства, отказы от требований, признания права и фактов. В частности, являются ли они, в силу принципа *res iudicata* в его международном измерении [9], основанием для суда отказать в рассмотрении иска с тем же предметом, по том же основанию и между теми же сторонами.

Кроме того, процессуально-правовые аспекты мировой сделки по спору, возникшему из международных частноправовых отношений, включают вопросы ее трансграничного признания и приведения в исполнение (ст. 11 Гаагской Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам 2019 г.; Сингапурская конвенция о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации 2018 г.).

Среди прочих примеров правовых институтов, пограничных между материальным правом и цивилистическим процессом, следует назвать:

– арбитражное соглашение (стст. 1507–1508 Гражданского кодекса Франции [5], ст. 7 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже [10], ст. 11 Закона Республики Беларусь «О международном арбитражном (третейском) суде)» [11];

– медиативное соглашение (ст. 15 Закона Республики Беларусь «О медиации») [12]; впрочем, ее вернее рассматривать как разновидность мировой сделки, заключенной в результате процедуры медиации;

– соглашение о применении медиации (ст. 10 Закона Республики Беларусь о медиации) [12];

– соглашении о подсудности спора с участием иностранных лиц – пророгационное соглашение (ст. 510 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь) [13];

– соглашение о партисипативной процедуре (*la convention de procédure participative* – Титул XVII Книги III Гражданского кодекса Франции) [5];

– соглашение об урегулировании спора с участием адвокатов сторон (ч. 4 ст. 165 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь) [13]. Отмечается его тесная связь с соглашением о партисипативной процедуре в праве Франции и Казахстана [14, с. 59];

– *pactum de non petendo*: соглашение с обязательством о непредъявлении иска (решение Высшего апелляционного суда Южной Африки по делу *Coral Lagoon Investments* 194 (*Pty*) *Ltd and Another v Capitec Bank Holdings Limited* [15];

– исковую давность;

– зачет;

– несостоятельность (банкротство).

Приведенные примеры демонстрируют, что существуют правовые институты, находящиеся на «стыке» материального права и процесса, в том числе международного. Это служит соображением в пользу тесной взаимосвязи между материальным частным правом и цивилистическим процессом. Данное обстоятельство следует учесть при дальнейшем изучении вопроса о кодификации законодательства в области международного частного права, включая процессуальные, коллизионные и материально-правовые нормы.

Библиографический список

1. Международное частное право : сб. нац. кодификаций / сост. и ред. В. Плеханов). – М., 2021. – 1112 с.

2. Белова, Т. А. Мировое соглашение в процессуальной доктрине, законодательстве и практике судов общей юрисдикции / Т. А. Бе-

лова // Судовы веснік. – 2014. – № 1. – С. 72–74. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/190402 (дата обращения: 25.05.2025).

3. Хотько, Е. П. Мировое соглашение в гражданском процессе: теоретический и практический аспекты / Е. П. Хотько // Судовы веснік. – 2015. – № 4. – С. 33–37. – URL: https://court.gov.by/upload/222222/Hotko.pdf (дата обращения: 25.05.2025).

4. Давыденко, Д. Л. Извлечения из иностранных гражданских кодексов о мировых сделках / Д. Л. Давыденко // Актуальные проблемы кодификации международного частного права : материалы круглого стола, Минск, 29 марта 2024 г. – Минск : БГУ, 2024. – С. 132–144. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/321663 (дата обращения: 02.06.2025).

5. Code civile // Légifrance – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/ (mode of access: 25.05.2025).

6. Codice civile italiano // Normattiva. – URL: https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:regio.decreto:1942-03-16;262 (mode of access: 25.05.2025).

7. Давыденко, Д. Л. Мировое соглашение в международных частноправовых спорах / Д. Л. Давыденко // Международный коммерческий арбитраж. – 2005. – № 1 (5). – С. 24–36.

8. Давыденко, Д. Л. Право, применимое к международным мировым сделкам (мировым соглашениям) / Д. Л. Давыденко // Инновационный потенциал развития юридической науки и практики в современном мире : сб. науч. ст. – Гродно : ГрГУ, 2023. – С. 330–334.

9. Report on Res Judicata in International Arbitration: IBA Arbitration Committee Task Force on Res Judicata in International Arbitration / International Bar Association. – 71 p. – URL: https://www.ibanet.org/document?id=arbitration-res-judicata (mode of access: 25.05.2025).

10. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (1985 год) с изменениями, принятыми в 2006 году // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли – URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/modellaw/commercial_arbitration (дата обращения: 25.05.2025).

11. О международном арбитражном (третейском) суде : Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h19900279 (дата обращения: 25.05.2025).

12. Закон Республики Беларусь «О медиации» от 12 июля 2013 г. № 58-З. Национальный правовой Интернет-портал Республ-

лики Беларусь – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11300058 (дата обращения: 25.08.2025).

13. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.06.2025).

14. Здрок, О. Н. Переговоры при содействии адвокатов: новелла КГС / О. Н. Здрок // Юрист. –2024. – № 1. – С. 58–61.

15. Coral Lagoon Investments 194 (Pty) Ltd and Another v Capitec Bank Holdings Limited (887/2021) [2022] ZASCA 144; [2023] 1 All SA 1 (SCA) (24 October 2022) // Supreme Court of Appeal of South Africa – URL: https://www.supremecourtofappeal.org.za/index.php/component/jdownloads/summary/38-judgments-2022/3905-coral-lagoon-investments-194-pty-ltd-and-another-v-capitec-bank-holdings-limited (mode of access: 25.05.2025).

КОМПЛЕКСНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ОСНОВЕ СИНТЕЗА КОЛЛИЗИОННЫХ И МАТЕРИАЛЬНЫХ НОРМ

Е. Б. Леанович

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
leanovich@bsu.by

В статье показаны теоретико-прикладные проблемы соотношения коллизионных и материальных норм, регулирующих частноправовые отношения с иностранным элементом. Определение применимого права по коллизионным нормам, процедуры обращения в компетентные инстанции по регистрации актов гражданского состояния и оформлению наследственных отношений, урегулирование споров и другие вопросы разрешения трансграничных отношений требуют применения различного вида норм. Нередко результат коллизионной отсылки приводит к сложностям в применении материальных норм для обеспечения полного цикла развития частноправовых отношений с иностранным элементом. Дисбаланс правовых механизмов, которые содержатся в разных нормативных правовых актах, предложено предотвратить посредством разработки и принятия кодекса международного частного права Республики Беларусь.

Ключевые слова: международное частное право; коллизионные нормы; метод материального регулирования в международном частном праве; кодификация; кодекс международного частного права Республики Беларусь.

COMPREHENSIVE RESOLUTION OF CROSS-BORDER PRIVATE LAW RELATIONS BASED ON THE SYNTHESIS OF CONFLICT AND SUBSTANTIVE RULES

E. B. Leanovich

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, leanovich@bsu.by

The article shows the theoretical and practical problems of the correlation between conflict and substantive rules governing private law relations with a foreign element. Determination of the applicable law according to conflict of laws, procedural rules of applying to competent authorities for registration of civil status and registration of inheritance relations, dispute resolution and other issues of resolving cross-border relations require the recourse to various types of rules. Often, the result of a conflict of laws reference causes difficulties in applying substantive rules to ensure the full cycle of development of private law relations with a foreign element. It is proposed to prevent the imbalance of legal mechanisms contained in different legal acts by developing and adopting the Code of Private International Law of the Republic of Belarus.

Keywords: private international law; conflict of laws; method of material regulation in the context of private international law; codification; Code of International Private Laws of the Republic of Belarus unification.

Трансграничные частноправовые отношения на различных стадиях развития затрагивают несколько государств. Постановка коллизионного и юрисдикционного вопросов часто ставит необходимость применять право разных стран одновременно. Наиболее сложные ситуации возникают, когда отсылка коллизионной нормы приводит к тому, что орган одного государства должен действовать по праву другого государства. Суд, сталкиваясь с необходимостью рассмотреть дело по частноправовому отношению с иностранным элементом, по отсылке коллизионной нормы применяет право другого государства. Вместе с тем,

и при отсутствии конфликта между сторонами, особенно в брачно-семейных и наследственных отношениях, компетентные органы оказываются перед выбором применимого. Так, согласно пункту 4 статьи 1093 Гражданского кодекса Республики Беларусь «Правила настоящего раздела об определении права, подлежащего применению судом, соответственно применяются другими органами, наделенными правомочиями решать вопрос о подлежащем применению праве» [1].

Отсылка к иностранному праву не отменяет местное право. Иностранное право решает тот вопрос, который указан в объеме коллизионной нормы. В результате норма иностранного права будет применяться в контексте национальной правовой системы, которая определяет статус, полномочия и порядок осуществления процедур местным компетентным органом, и в совокупности материальных норм (возможно и международно-правовой природы), которые регламентируют рассматриваемое отношение.

Разрешение трансграничных частноправовых отношений, существующих в различных юрисдикциях, предполагает установку прав и обязанностей, определение порядка их реализации и защиты.

Практика свидетельствует, что различия национально-правого регулирования в разных странах, отсутствие межгосударственных каналов правовой помощи способны вызывать противоречий коллизионной отсылки и применения совокупности материальных норм разных правопорядков. Юридическая судьбы отношения может оказаться под угрозой, а его участники сталкиваться с затруднительностью или невозможностью реализации прав в разных странах. Яркий примером наступления такого рода рисков является дело по наследованию с иностранным элементом в условиях необходимости следования процедурам в недружественной стране, что заставило наследника добиваться устранения дисбаланса коллизионного и материального регулирования в Конституционном

суде Российской Федерации («дело Стаценко») [2]. В литературе отмечается, что способом преодоления проблем, аналогичных тем, которые выявило дело Стаценко, является развитие международно-правовой базы источников международного частного права, в частности договоров о правовой помощи, а также налаживание и улучшение дипломатических отношений со странами, с которыми нет такого рода договоров [3, с. 176]. Однако, на наш взгляд проблема гораздо глубже и не может быть решена подобным образом.

Цель настоящей статьи в выявлении правовых механизмов преодоления разрыва коллизионного и материального регулирования для обеспечения комплексного разрешения трансграничных частноправовых отношений, в первую очередь, на национальном уровне. Данная проблематика особенно актуальна в свете возможной кодификации белорусского законодательстве о международном частном праве.

База международных договоров не может покрыть все ситуации проявления иностранного элемента по той или иной стране, тем более если сторонам частноправовых отношений приходится осуществлять процедуры в нескольких юрисдикциях. Международные договоры имеют ограничения по сфере применения. В частности, договор не решит проблемы согласования действий компетентных органов государств – участников договора и третьих стран. Далеко не все виды частноправовых отношений с иностранным элементом охвачены каналами межгосударственного сотрудничества в рамках правовой помощи. Кроме того, даже если бы между Российской Федерацией и недружественным государством был договор о правовой помощи, в специфических условиях, сложившихся на тот момент, реализация наследственных прав в деле с иностранным элементом все равно была бы невозможна. Именно данное обстоятельство показывает, что практически каждое частноправовое отношение с иностранным

элементом уникально и складывается в результате стечения многих факторов, которые часто являются непредсказуемыми, неизвестными для сторон, вводят суд или другой компетентный орган в сомнение о правильном решении дела. Поэтому регулирование в международном частном праве довольно часто исходит из возможности корректировки коллизионных и материальных алгоритмов. Например, это относится к различным моделям использования критерия наиболее тесной связи. Так, согласно пункту 3 статьи 1093 Гражданского кодекса Республики Беларусь в случае невозможности определения применимого права по имеющимся коллизионным нормам, применяется право, наиболее тесно связанное с частноправовым отношением, осложненным иностранным элементом. В соответствии с пунктом 6 статьи 1125 Гражданского кодекса Республики Беларусь устанавливается приоритет за применимым правом к договору по критерию наиболее тесной связи [1].

Возможность корректировки материального регулирования после отсылки коллизионной нормы следует из правил Гражданского кодекса Республики Беларусь об ограничительных механизмах международного частного права (императивные нормы, оговорка о публичном порядке – см., напр., статьи 1099, 1100 Гражданского кодекса Республики Беларусь [1]). особые характеристики трансграничного частноправовых отношения (иностранный элемент, международный характер) отделяют их от национальных отношений и определяют их особый правовой режим. Можно найти массу других примеров, однако нет положений основополагающего характера, которые бы четко указали на оптимум и сбалансированное соотношение коллизионного и материального регулирования.

После определения применимого права по коллизионным нормам, трансграничные частноправовые отношения не уравниваются с национальными отношениями. По своим особым свойствам они могут опять проявиться

в другой юрисдикции (например в результате необходимости оформления документов, признания и исполнения судебного решения). Поэтому регулирование частноправовых отношений с иностранным элементом в условиях двойственности методов и источников не позволяет считать достаточным простую и однозначную последовательность шагов алгоритм действий: выбрать коллизионную норму и применить национальное право того или иного государства по определенному вопросу.

Мы исходим из того, что проблема возможной противоречивости коллизионной отсылки и задача учесть и предотвратить риск затруднений при реализации трансграничного отношения с иностранным элементом. прежде всего, относятся к национальному законодательству о международном частном праве. Причем добиться оптимального соотношения коллизионного и материального регулирования в условиях разрозненных нормативных правовых актов по вопросам международного частного права невозможно. Необходимо системное регулирование в кодифицированном акте. В Республике Беларусь целесообразно разработать и принять кодекс международного частного права не только для развития коллизионных норм. Безусловно, необходимо совершенствование коллизионного регулирования (введении коллизионных норм для новых видов отношений, уточнение привязок, и т. п.). Однако более важной новацией станет развитие и дополнение материальных норм, которые разъясняют правила применения коллизионных норм и обеспечивают сбалансированный результат коллизионного и материального регулирования.

Именно кодекс международного частного права позволяет закрепить принципы – основополагающие правила, которые определяют правомерность и целесообразность использования коллизионных и материальных норм, особенно в их комплексе. Кроме того, выделение в главах кодекса международного частного права отдельных видов

отношений позволяет объединять коллизионные и материальные нормы, которые решают наиболее сложные проблемы реализации таких отношений при осуществлении процедур в нескольких юрисдикциях. Например, такие вопросы наиболее важны для наследственных, брачно-семейных отношений, установлению опеки, попечительства.

Включение в кодекс международного частного права Республики Беларусь принципов и процедурных вопросов позволит предотвратить риск недостаточной согласованности применения норм разрозненных нормативных правовых актов по международному частному праву. Кодекс и закрепленные в нем принципы должны иметь приоритет по крайней мере в трех базовых началах: право сторон на автономию воли; защита государственных интересов (включая защиту слабой стороны в отношении); приложение максимальных усилий для сохранения юридической силы и реализуемости отношения в разных юрисдикциях.

Проблема принципов международного частного права довольно глубоко освещена в отечественной доктрине (О. Н. Толочко [4], М. В. Мещанова [5], Н. В. Оксютчик [6]) и иностранной доктрине (Т. В. Новикова [7]). В современных условиях актуализировалась проблема их нормативного закрепления. Кодекс является именно тем нормативных правовым актом, в который они могут войти. Статус закона не обеспечит их основополагающего значения при применении материальных норм других нормативных правовых актов, в частности Гражданского кодекс, Кодекса Республики Беларусь о браке и семье. Кроме того, использование модели кодекса и закрепление в нем принципов и процедурных вопросов позволит развить в едином нормативных правовых актов вызовов отношений смешанной правовой природы в международного частного права Республики Беларусь: трансграничные банкротства, снятие иммунитетов с собственности иностранного государства, медиация.

Библиографические ссылки

1. Гражданский кодекс Респ. Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.06.2025).

2. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. Э. Стаценко : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 26 марта 2024 г. № 12-П // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472904/ (дата обращения: 03.06.2025).

3. Мартынова, А. Е. Теоретические и практические аспекты наследования с участием иностранного элемента в международном частном праве / А. Е. Мартынова // Молодой ученый. – 2024. – № 39 (538). – С. 173–176. – URL: https://moluch.ru/archive/538/117941 (дата обращения: 03.06.2025).

4. Толочко, О. Н. Принципы международного частного права / О. Н. Толочко // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2001. – № 2 – С. 24–28. – URL: https://evolutio.info/ru/journal-menu/2001-2/2001-2-tolochko (дата обращения: 03.06.2025).

5. Мещанова, М. В. Система международного частного права Республики Беларусь: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Мещанова Мария Валентиновна ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2022. – 51 с.

6. Оксютчик, Н. В. Автономия воли сторон как принцип международного частного права / Н. В. Оксютчик // Беларусь в современном мире : материалы X Междунар. конф., посвященной 90-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 28 окт. 2011 г. – Минск : Изд. центр БГУ, 2011. – С. 113–115. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/24322 (дата обращения: 02.06.2025).

7. Новикова, Т. В. Принцип автономии воли в международном частном праве / Т. В. Новикова. – М. : РГУП, 2021. – 236 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И КОНСУЛЬСКИХ ИММУНИТЕТОВ И ПРИВИЛЕГИЙ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

А. А. Маглыш[1)], И. С. Кузнецова[2)]

[1)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, alexmaglysh@gmail.com

[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kuznira@bsu.by

Актуальность темы обусловлена необходимостью разработки нового подхода к проблемам дипломатических и консульских иммунитетов и привилегий, что является следствием общественных изменений и технического прогресса и неизбежно приводит к появлению новых вызовов и угроз. В статье рассматриваются особенности применения дипломатических и консульских иммунитетов и привилегий в киберпространстве, имеющиеся пробелы в кодификационном закреплении и возможные способы их восполнения. Авторы приходят к заключению, что в современных реалиях преждевременно ожидать принятия быстрых и точных поправок к Венской конвенции 1961 г. и Венской конвенции 1963 г. На данный момент наиболее возможным вариантом адаптации международных договоров к деятельности в киберпространстве является расширенное толкование их положений. Авторы также делают вывод о том, что защита дипломатических и консульских иммунитетов и привилегий в киберпространстве может быть обеспечена положениями национального законодательства или предусмотрена положениями двусторонних международных договоров.

Ключевые слова: дипломатические и консульские иммунитеты и привилегии; кибератака; киберпространство; дипломатическое и консульское право.

PROBLEMS OA APPLICATION OF DIPLOMATIC AND CONSULAR IMMUNITIES AND PRIVILEGES IN CYBERSPACE

A. A. Mahlysh[a], I. S. Kuznetsova[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
alexmaglysh@gmail.com
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, kuznira@bsu.by

The relevance of the topic arises from the necessity to develop a new approach to problems of diplomatic and consular immunities and privileges, which is a consequence of social changes and technological progress and inevitably leads to the emergence of new challenges and threats. The article examines the features of the application of diplomatic and consular immunities and privileges in cyberspace, existing gaps in codification, and possible ways to fill them. The authors conclude that in the current reality, it is premature to expect the adoption of quick and precise amendments to the Vienna Convention of 1961 and the Vienna Convention of 1963. At present, the most possible option for adapting international treaties to activities in cyberspace is an expanded interpretation of their provisions. The authors also conclude that the protection of diplomatic and consular immunities and privileges in cyberspace can be ensured by provisions of national legislation or provided for by provisions of bilateral international treaties.

Keywords: diplomatic and consular immunities and privileges; cyberattack; cyberspace; diplomatic and consular law.

Дипломатические и консульские иммунитеты и привилегии сталкиваются с различными вызовами, связанными с развитием компьютерных технологий и появлением искусственного интеллекта. Информационно-коммуникационные технологии активно применяются в деятельности дипломатических представительств и консульских учреждений. Использование таких технологий, с одной стороны, упрощает взаимодействие между дипломатиче-

ским представительством или консульским учреждением и государством аккредитации или между аккредитующим государством и государством пребывания; позволяет хранить большие объемы информации на компактных носителях и создавать базы данных, как следствие, исчезает необходимость отводить помещения под архив и др., но, с другой стороны, приводит к глобальным изменениям в дипломатической и консульской практике и появлению угроз, связанных с деятельностью в киберпространстве.

На современном этапе появляются новые концепции: «кибердипломатия», «цифровая дипломатия» и «технологическая дипломатия». Отдельные страны уже начали уделять особое внимание возникающим в киберпространстве угрозам как с точки зрения безопасности, так и с точки зрения дипломатического сотрудничества с целью решения киберпроблем. Например, в таких странах, как Эстония, Австралия, Соединенные Штаты Америки и др. были созданы новые министерства и учреждены должности киберпослов. В США такая должность была введена в 2022 г. после создания нового Бюро киберпространства и цифровой политики, которое возглавляет посол США по особым поручениям в киберпространстве и цифровой политике. Швейцария также создала Отдел цифровизации в Федеральном департаменте иностранных дел Швейцарии, в функции которого входит обеспечение цифровизации и кибербезопасности, являющихся приоритетными направлениями внешней политики страны [1].

Кроме того, следует отметить, что в отдельных странах также создаются специальные посольства, которые занимаются исключительно вопросами технологий и помогают их странам улучшать не только отношения со своими коллегами в технологической сфере, но и налаживать сотрудничество с крупными технологическими компаниями и привлекать их инвестиции в страны. В частности, в 2017 г. в Дании, в одном среди первых государств, была введена должность технологического посла, в то же вре-

мя его основные обязанности несколько отличались от характера функций классического посла, как предусмотрено в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. (далее – Венская конвенция 1961 г.). Особенностью являлось полностью технологическая направленность его деятельности, которая имела целью установление сотрудничества с компаниями Кремниевой долины в США [1]. И хотя подобные технологические посольства нельзя считать таковыми в прямом смысле, значительное влияние киберугроз и развития информационно-коммуникационных технологий на дипломатическую и консульскую деятельность невозможно отрицать. Такие изменения не были предсказуемыми на момент принятия Венской конвенции 1961 г. и Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. (далее – Венская конвенция 1963 г.), в связи с чем возникают пробелы в практическом применении отдельных положений данных международных договоров, в том числе связанных с дипломатическими и консульскими иммунитетами и привилегиями. Поэтому для комплексного анализа проблемы считаем необходимым обратиться к нескольким примерам.

В 2020 г. Посольство Российской Федерации в Австрийской Республике подверглось хакерской атаке. В результате спам-атаки официальный почтовый аккаунт дипломатического представительства был взломан [2].

В 2022 г. правительство Пакистана выпустило предупреждение по кибербезопасности, в котором предупреждало чиновников о хакерских атаках на «дипломатические миссии в Афганистане и Пакистане» и попытках закрепиться на зараженных системах [3].

В 2023 г. индийской хакерской группой «*Kerala Cyber Xtractors*» были уничтожены 10 веб-сайтов посольств Пакистана по всему миру после того, как пакистанская хакерская группа «*Team Insane PK*» провела атаку на 23 веб-сайта индийских правительственных и частных организаций [4].

В 2023 и 2024 гг. подозреваемая в кибершпионаже группа «*Golden Jackal*», действующая по различным данным с 2019–2020 гг., атаковала правительственные и дипломатические учреждения на Ближнем Востоке и в Южной Азии, используя набор вредоносных программ, способных контролировать компьютеры жертв и извлекать системные и учетные данные [3; 5].

В 2025 г. были зафиксированы попытки взлома сайта посольства Республики Казахстан в Российской Федерации. Отмечалось, что в свободном доступе оказалась конфиденциальная информация, среди которой личные данные граждан, включая 24,5 тыс. телефонных номеров и 32,5 тыс. адресов электронной почты [6].

По нашему мнению, рассматриваемые случаи представляют собой нарушения ряда иммунитетов и привилегий дипломатических представительств и консульских учреждений в киберпространстве. Неприкосновенность помещений дипломатического представительства и консульского учреждения гарантируются статьей 22 Венской конвенции 1961 г. и статьей 31 Венской конвенции 1963 г. [7; 8]. Фундаментальность данного принципа была подтверждена решением Международного Суда ООН в деле о заложниках американского посольства в Тегеране 1980 г. [9, с. 135–136]. Неприкосновенность помещений дипломатического представительства и консульского учреждения распространяется, в том числе, на все имущество представительства (учреждения), включая электронные технические средства (компьютеры, телефоны, принтеры, факс и пр.). В соответствии со статьей 25 Венской конвенции 1961 г. и статьей 28 Венской конвенции 1963 г. государство пребывания должно предоставлять все возможности для выполнения функций представительства (консульского учреждения) [7; 8]. Тем не менее, сербским профессором и исполнительным директором Секретариата Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству ООН Й. Курбалией выделяется пробел в отношении международно-правового регулиро-

вания иммунитета цифровых активов, которые находятся за пределами представительства (учреждения), например, на Интернет-серверах в облаке. Исследователь проводит аналогию иммунитета цифровых активов с иммунитетом банковских счетов, что рассматривалось ранее, и приходит к выводу о том, что цифровые активы могут пользоваться той же защитой, что и банковские счета [10, p. 415]. Мы в полной мере соглашаемся с представленным мнением. Решение данной проблемы применения, на наш взгляд, станет возможно только с последовательной практикой государств и установлением международного обычая наравне с иммунитетом банковских счетов представительства (учреждения). В рамках конвенционного регулирования для преодоления пробела необходимо расширение понятия «имущество» по смыслу статьи 22 Венской конвенции 1961 г. и статьи 31 Венской конвенции 1963 г. по аналогии со статьей 25 Конвенции о специальных миссиях 1969 г.: *включить положение о распространении неприкосновенности на «другое имущество, используемое для работы [специальной миссии]*» [11].

Неприкосновенность архивов и документов дипломатического представительства (консульского учреждения) (ст. 24 Венской конвенции 1961 г. [7] и ст. 33 Венской конвенции 1963 г. [8]) применяется также по отношению к электронным документам и электронной почте ввиду возможности расширенного толкования понятия «архив» в статье 1 Венской конвенции 1963 г. [7], которое применяется по аналогии к Венской конвенции 1961 г. Необходимо отметить, что, по мнению профессора Й. Курбалии, порождать проблемы практического применения способно также использование беспроводных средств связи дипломатическими представительствами (консульскими учреждениями), что предусмотрено статьей 27 Венской конвенции 1961 г. и статьей 35 Венской конвенции 1963 г. [12].

В отношении защиты цифровых активов дипломатического представительства (консульского учреждения) от

неправомерных действий в киберпространстве на государство пребывания в соответствии со статьей 22 Венской конвенции 1961 г. [7] и статьей 31 Венской конвенции 1963 г. [8] может быть возложена обязанность уведомлять аккредитующее государство о любых обнаруженных киберугрозах. Однако такие или иные меры могут оказаться неэффективными, так как кибератаки совершаются удаленно без возможности их предвидеть и предотвратить. В частности, возникает вопрос о том, насколько практически возможно осуществление государством пребывания защиты от кибератаки без вмешательства в компьютерные системы дипломатического представительства (консульского учреждения) и допустимо ли вмешательство в компьютерные системы консульского учреждения на основании «пожарной оговорки» в случае неминуемой киберугрозы. Здесь следует принимать во внимание, что не каждая злонамеренная деятельность в киберпространстве, достигает порог кибератаки, однако она все равно способна нанести значительный функциональный ущерб и привести к длительному ремонту и восстановлению.

Кроме того, следует принимать во внимание возможность обратной ситуации, при которой кибератаки совершаются с территорий дипломатических представительств или консульских учреждений, обладающих соответствующими иммунитетами и привилегиями. И хотя подобные случаи в международной практике крайне редки, они представляют собой не только требующую решения проблему применения дипломатических и консульских иммунитетов и привилегий в киберпространстве, но и серьезное нарушение международно-правовых обязательств.

В числе возможных реформ в доктрине рассматриваются внесение изменений в соответствующие положения международных договоров, а также разработка дополнительного «Интернет-протокола», который должен будет внести разъяснения по применению договорных норм в Интернет-пространстве [12, p. 423; 13, p. 132]. На наш

взгляд, такие изменения могут быть весьма эффективными, однако в современных реалиях преждевременно в ближайшее время ожидать принятия «Интернет-протокола» к рассматриваемым документам.

Таким образом, проблемы практического применения дипломатических и консульских иммунитетов и привилегий не теряют своей актуальности и достаточно мало изучены в доктрине, многие вопросы остаются без ответа. Случаи хакерских атак на компьютерные системы дипломатических представительств и консульских учреждений периодически происходят, однако на международном уровне данная проблема не нашла разрешения.

На данный момент наиболее возможным вариантом адаптации Венской конвенции 1961 г. и Венской конвенции 1963 г. к деятельности в киберпространстве является расширенное толкование их положений с учетом технологического прогресса. Защита дипломатических и консульских иммунитетов и привилегий в киберпространстве может быть обеспечена положениями национального законодательства или предусмотрена положениями двусторонних международных договоров.

Библиографические ссылки

1. Abbakumova, D. Cyber challenges and modern diplomacy / D. Abbakumova // Geneva Graduate Institute. – 04.11.2024. – URL: https://executive.graduateinstitute.ch/communications/news/cyber-challenges-and-modern-diplomacy (date of access: 22.05.2025).

2. Ботороева, Е. Электронную почту посольства России в Австрии атаковали хакеры / Е. Ботороева // Парламентская газета. – 01.09.2020. – URL: https://www.pnp.ru/in-world/elektronnuyu-pochtu-posolstva-rossii-v-avstrii-atakovali-khakery.html (дата обращения: 12.05.2025).

3. Chakravarti, J. GoldenJackal APT Targeting South Asian GovernmentAgencies/J.Chakravarti//24.05.2023.–BankInfoSecurity.– URL: https://www.bankinfosecurity.com/goldenjackal-apt-targeting-south-asian-government-agencies-a-22157 (date of access: 22.05.2025).

4. Khaitan, A. Indian Hackers Mount «Payback» Attack on Pakistani Embassy Websites / A. Khaitan // The Cyber Express. – URL: https://

thecyberexpress.com/indian-hackers-attack-pakistani-embassy/ (date of access: 22.05.2025).

5. Lakshmanan, R. GoldenJackal Target Embassies and Air-Gapped Systems Using Malware Toolsets / R. Lakshmanan // The Hacker News. – 08.10.2024. – URL: https://thehackernews.com/2024/10/goldenjackal-target-embassies-and-air.html (date of access: 22.05.2025).

6. В Казахстане подтвердили атаку хакеров на сайт посольства в России // РБК. – 12.03.2025. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67d15dd59a7947171f278505 (дата обращения: 22.05.2025).

7. Венская конвенция о дипломатических сношениях : принята 18 апр. 1961 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 31.05.2025).

8. Венская конвенция о консульских сношениях : [принята в Вене 24 апр. 1963 г.] // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf (дата обращения: 31.05.2025).

9. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948–1991 гг.: док. ООН ST/LEG.SER.F/1. – Нью-Йорк : ООН, 1993. – 297 с. – URL: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf (дата обращения: 31.05.2025).

10. Kurbalija, J. E-Diplomacy and Diplomatic Law in the Internet Era / J. Kurbalija // Peacetime Regime for State Activities in Cyberspace: International Relations, International Law and Diplomacy / Ed. by K. Ziolkovski. – Tallinn : NATO CCD COE, 2013. – P. 393–424. – URL: https://www.diplomacy.edu/wp-content/uploads/2021/06/PeacetimeRegime-JK-Chapter.pdf (date of access: 11.05.2025).

11. Конвенция о специальных миссиях : [принята резолюцией 2530 (XXIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 8 декабря 1969 г.] // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/sp_missions.shtml (дата обращения: 31.05.2025).

12. Kurbalija, J. Diplomatic Privileges and Immunities in the Internet Era / J. Kurbalija // Diplo. – 19.01.2010. – URL: https://www.diplomacy.edu/blog/diplomatic-privileges-and-immunities-internet-era/ (date of access: 22.05.2025).

13. Choi, W.-M. Diplomatic and consular law in the Internet age / W.- M. Choi // Singapore Year Book of International Law and Contributors. – 2006. – № 10. – P. 117–132. – URL: http://www.commonlii.org/sg/journals/SGYrBkIntLaw/2006/8.pdf (date of access: 31.05.2025).

THE INTERNATIONAL STATUS OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND CHINA'S LEGISLATIVE RESPONSES

Huang Zeyan

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
1034016074@qq.com

This article primarily examines the impact of the rapid development of artificial intelligence (AI) on intellectual property protection. It expands the scope of intellectual property objects while also raising novel legal challenges in areas such as copyright, trademarks, and patents. The World Intellectual Property Organization (WIPO) continues to promote international discussions on AI and intellectual property rules, emphasizing core issues like authorship determination and rights ownership. Currently China lacks specific legislation in this area, primarily relying on existing frameworks and pilot measures, resulting in a somewhat ambiguous legal status. However, China has actively promoted the modernization of intellectual property legislation in recent years and has continuously explored adjudication standards for AI-related cases in judicial and administrative practice. Accelerating intellectual property legislation in the AI field, improving relevant rules, and strengthening international cooperation are crucial directions for future institutional optimization.

Keywords: Artificial Intelligence; Intellectual Property Protection; Chinese Legislation; WIPO; International Law.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАТУС ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ КИТАЯ

Хуан Цзэянь

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
1034016074@qq.com

В данной статье рассматривается влияние стремительного развития искусственного интеллекта (ИИ) на защиту интеллектуальной собственности. Оно расширяет перечень объектов интеллектуальной собственности, а также поднимает новые правовые вопросы в сферах авторского права, товарных знаков и патентов. Всемирная организация интеллектуальной собственности продолжает поддерживать международные дискуссии о правилах в области ИИ и интеллектуальной собственности, акцентируя внимание на ключевых вопросах таких, как определение авторства и владение правами. В настоящее время в Китае отсутствует специальное законодательство в этой области, и страна в основном полагается на существующие правовые рамки и экспериментальные меры, что приводит к некоторой неопределенности в правовом статусе. Тем не менее в последние годы Китай активно продвигает модернизацию законодательства об интеллектуальной собственности и постоянно изучает стандарты вынесения судебных решений по делам, связанным с ИИ, в судебной и административной практике. Ускорение разработки законодательства в области ИИ, совершенствование соответствующих норм и укрепление международного сотрудничества являются важнейшими направлениями будущей институциональной оптимизации.

Ключевые слова: искусственный интеллект; защита интеллектуальной собственности; китайское законодательство; ВОИС; международное право.

In recent years, artificial intelligence (AI) has achieved significant breakthroughs across various fields, not only

«creating» numerous products but also offering new ways to utilize knowledge products, thereby substantially expanding the scope of intellectual property subject matter. This rapid development in the AI field has raised numerous intellectual property concerns, primarily in the areas of copyright, trademark, and patent law.

The World Intellectual Property Organization launched the «AI and IP» Dialogue in 2019 [1]. Its initial publication in the «Technology Trends» series defined and measured innovation in the field of Artificial Intelligence (AI). In December of the same year, WIPO released a draft issues paper on intellectual property policy and AI. A revised version of this paper was published in May 2020 [2]. In 2022 WIPO held its sixth Dialogue on «Frontier Technologies – AI Invention» [3], discussing issues such as the determination of «authorship,» ownership, and protection periods for AI-generated content.

The World Intellectual Property Organization's document, «AI and Inventorship», details international framework agreements relevant to artificial intelligence, including the Paris Convention for the Protection of Industrial Property, the Patent Cooperation Treaty, the Patent Law Treaty, the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights, and regional legal frameworks. It also analyzes decisions from national intellectual property offices and court rulings [4]. Notably, the U.S. Copyright Office recently released a report clarifying its position on AI-generated works: purely AI-generated works are not eligible for copyright protection, but works created by humans using AI tools can still be copyrighted [5]. The «Thaler» case exemplifies the country's stance on AI copyright protection, with the copyright registration application for AI works having been rejected four times consecutively. In 2024, the Japanese government agency (Agency for Cultural Affairs) released a General Understanding on AI and Copyright in Japan [6], as well as a list and guidelines on artificial intelligence and copyright [7]. Regarding AI copyright protection, Japan adheres to the

principle of human creation under copyright law, refraining from readily including AI-generated outputs within the scope of «works». Simultaneously, it supplements copyright law with supporting measures to ensure that the development of the AI industry is not hindered by legal loopholes.

In 2024 WIPO stated in its «Generative AI: Navigating the Intellectual Property Landscape» that significant legal uncertainty exists regarding whether AI tools, their training, use, and output constitute intellectual property infringement [8]. The document summarizes the current state of international copyright protection for artificial intelligence.

In summary, establishing intellectual property protection laws is particularly crucial in the age of artificial intelligence. Currently, China lacks specific legislation for AI, primarily relying on existing legal frameworks such as the «Copyright Law» and the «Data Security Law». According to Article 11 of the «Copyright Law» [9], only natural persons or legal entities can be authors of a work, leaving the legal status of AI-generated content ambiguous.

Accelerating the legislative process for intellectual property in emerging fields is a crucial approach to improving intellectual property legislation. A comprehensive and in-depth legislative framework can effectively promote the establishment of intellectual property protection mechanisms in the age of artificial intelligence [10, p. 125]. The «Outline for Building a Strong Intellectual Property Nation (2021–2035)» [11], released in 2021, explicitly calls for promoting intellectual property legislation in areas such as big data and artificial intelligence. It also emphasizes the need to promptly adjust relevant laws and regulations and expand the scope of protected subject matter based on scientific and technological advancements and social development.

As a member of the National Committee of the Chinese People's Political Consultative Conference, Qiu Huadong proposed strengthening copyright protection in the field of artificial intelligence at the 2024 Two Sessions. He highlighted

existing issues, such as insufficient control by rights holders and the ambiguous legal status of AI-generated content, noting this as a crucial aspect of the current legislative landscape [12]. In 2023 China's State Council issued the Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services, which have been applied in judicial practice.

In March 2024, the Guangzhou Internet Court handled an infringement case involving AI-generated Ultraman images, marking China's first AI-related case. The court ruled that the defendant was at fault for failing to fulfill compliance obligations stipulated in the Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services, such as establishing a sound complaint mechanism and providing potential risk warnings. However, some lawyers argue that existing intellectual property laws may not be directly applicable to large language models and that specific research and judgment are needed based on new technologies, principles, and application scenarios [13]. In judicial practice, judicial organs should proactively exercise judicial activism in response to intellectual property disputes arising during periods of dynamic development [14, p. 198].

In 2024 the National Intellectual Property Administration issued the Guidelines for Examination of Patent Applications Involving Artificial Intelligence (Trial), addressing AI-related patent issues by clarifying that AI cannot be listed as an inventor and that the substantial contribution of a natural person is a key criterion for patent applications [15]. The National Copyright Administration has proposed using the revision of the Copyright Law Implementing Regulations as an opportunity to improve AI copyright rules and promote global consensus through international cooperation.

Combining international and Chinese perspectives on artificial intelligence copyright protection leads to the following conclusions.

Firstly, AI has become a significant driver of innovation, while simultaneously posing new challenges to intellectual

property rights. Existing IP systems require further development regarding subject eligibility, object determination, ownership attribution, and benefit distribution.

Furthermore, optimizing the theory and practice of AI copyright protection, in conjunction with international agreements such as those of the WIPO, holds significant practical importance. Treaties and agreements can address the limitations of Chinese domestic legislation, harmonize legal conflicts globally, and provide a more balanced framework for technological innovation and rights protection, responding to the evolving demands of AI technology.

Rule innovation can be promoted through platforms like WIPO by developing AI-specific supplementary provisions for existing conventions, establishing cross-border infringement collaboration mechanisms, and formulating dedicated treaties to standardize data usage and output protection. This would facilitate the construction of a globally governed ecosystem that empowers technology, achieving a dynamic equilibrium between incentivizing innovation and safeguarding rights.

References

1. WIPO's First «Technology Trends» Study Probes Artificial Intelligence: IBM and Microsoft are Leaders Amid Recent Global Upsurge in AI Inventive Activity : WIPO Doc. PR/2019/827, 31 Jan. 2019 // World Intellectual Property Organization. – URL: https://www.wipo.int/pressroom/en/articles/2019/article_0001.html (date of access: 17.05.2025).

2. The WIPO Conversation on Intellectual Property and Artificial Intelligence // World Intellectual Property Organization. – URL: https://www.wipo.int/en/web/frontier-technologies/artificial-intelligence/conversation (date of access: 17.05.2025).

3. Sixth session of the WIPO Conversation «Frontier technologies – AI Inventions» // World Intellectual Property Organization. – URL: https://www.wipo.int/meetings/en/details.jsp?meeting_id=72090 (date of access: 20.05.2025).

4. Artificial intelligence (AI) and inventorship : WIPO Doc. SCP/35/7, 13.09.2025 // World Intellectual Property Organization. –

URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/en/scp_35/scp_35_7.pdf (date of access: 19.05.2025).

5. Copyright and Artificial Intelligence Part 2: Copyrightability : a Report of the Register of Copyrights. January 2025 // U.S. Copyright Office. – URL: https://www.copyright.gov/ai/Copyright-and-Artificial-Intelligence-Part-2-Copyrightability-Report.pdf (date of access: 21.05.2025).

6. General Understanding on AI and Copyright in Japan : Overview. May 2024 // Agency for Cultural Affairs, Government of Japan. – URL: https://www.bunka.go.jp/english/policy/copyright/pdf/94055801_01.pdf (date of access: 22.05.2025).

7. AIと著作権に関するチェックリスト＆ガイダンス = AI and Copyright : Checklist & Guidance // Agency for Cultural Affairs, Government of Japan. – URL: https://www.bunka.go.jp/seisaku/bunkashingikai/chosakuken/seisaku/r06_02/pdf/94089701_05.pdf (date of access: 22.05.2025).

8. Generative AI Navigating intellectual property. 2024 // World Intellectual Property Organization. – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-rn2024-8-en-generative-ai-navigating-intellectual-property.pdf (date of access: 21.05.2025).

9. 中华人民共和国著作权法 = Copyright Law of the People's Republic of China // Central People's Government of the People's Republic of China. – URL: https://www.gov.cn/guoqing/2021-10/29/content_5647633.htm (date of access: 20.05.2025).

10. 李彦林。探索人工智能时代下的知识产权保护机制建设 = Li Yanlin. Explore the Construction of Intellectual Property Protection Mechanisms in the Era of Artificial Intelligence / Li Yanlin // Culture Journal. – 2024. – N 9. – P. 123–126. – URL: https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDLAST2024&filename=WHXU202409028&uniplatform=OVERSEA&v=Z4MYjoIxj5DK9BQNnw4jc625sIl3EsGgfTQyU9Vs9eoRZnY38z_R8tmtjW6kgm2l (date of access: 03.06.2025).

11. «知识产权强国建设纲要（2021－2035年）» = Outline for Building a Strong Intellectual Property Nation (2021–2035) // Central People's Government of the People's Republic of China. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-09/22/content_5638714.htm (date of access: 20.05.2025).

12. 2024全国两会––加强知识产权保护，有力支持全面创新 = 2024 National People's Congress (NPC) & Chinese People's Political Consultative Conference (CPPCC) – Strengthening Intellectual Property Protection to Powerfully Support Comprehensive Innovation // China

National Intellectual Property Administration (CNIPA). – 08.03.2024. –. URL: https://www.cnipa.gov.cn/art/2024/3/8/art_3344_190832.html (date of access: 20.05.2025).

13. «全球AIGC平台侵权首案» 审理思路与评议 = «First Global AIGC Platform Infringement Case» Trial Approach and Commentary // IPLEAD. – 07.03.2024. – URL: https://www.zhichanli.com/p/1515144563 (date of access: 22.05.2025).

14. 张吉豫。智能时代的知识产权制度和理论发展 = Zhang, J. Y. The Evolutions of Intellectual Property Systems and Theories in the Intelligent Era / J. Y. Zhang // Law and Social Development. – 2025. – N 3. – P. 189–207. – URL: https://www.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDAUTO&filename=SFAS202503012&uniplatform=OVERSEA&v=7zQ2PvSNsG7nctLgDt2P7t484jR1ar9ivvTvx13QvKGm4LHVOXcMUU1Ws2VyOdeE (date of access: 03.06.2025) .

15. 人工智能相关发明专利申请指引（试行） = Guidance on Patent Applications for Artificial Intelligence-Related Inventions (Trial) // China National Intellectual Property Administration. – 31.12.2024. – URL: https://www.cnipa.gov.cn/art/2024/12/31/art_66_196988.html (date of access: 22.05.2025).

ПРОБЛЕМАТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ОТОБРАНИЯ РЕБЕНКА БЕЗ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Е. В. Шандроха[1)], С. М. Ананич[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независисмости, 4, 220030, Минск, Беларусь,
iza.shandrokha@bk.ru
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независисмости, 4, 220030, Минск, Беларусь,
ananichsm@bsu.by

В статье рассмотрены правовые последствия применения такой меры, как отобрание ребенка без лишения родительских прав, с учетом подходов законодателя Республики Беларусь и Российской Федерации. Проанализированы внесенные изменения в брачно-семейное законодательство в данной части. Освещается авторская точка зрения относительно целесообразности закрепления в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье наравне с имущественными ограничениями также и ограничений личного неимущественного характера, как следствие отобрания ребенка, и вносится соответствующее предложение по совершенствованию семейного законодательства в данной области.

Ключевые слова: несовершеннолетние дети, родители, ненадлежащее исполнение обязанностей, отобрание ребенка без лишения родительских прав, правовые последствия, ограничения имущественного характера, личные неимущественные ограничения.

THE PROBLEM OF LEGISLATIVE RECORDING OF THE LEGAL CONSEQUENCES OF TAKING A CHILD AWAY WITHOUT DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS

E. V. Shandrokha[a], S. M. Ananich[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
liza.shandrokha@bk.ru
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, ananichsm@bsu.by

The article examines the legal consequences of applying such a measure as taking away a child without depriving him of parental rights, taking into account the approaches of the legislator of the Russian Federation. The amendments made to marital and family legal relations in this part are analyzed. The author's point of view is highlighted regarding the advisability of enshrining in the Code of Marriage and Family of the Republic of Belarus, along with property restrictions, personal non-property restrictions, as a consequence of taking away a child, and a proposal is made to improve family legislation in this area.

Keywords: minor children, parents, improper performance of duties, taking away a child without depriving him of parental rights, legal consequences, property restrictions, personal non-property restrictions.

В Республике Беларусь поддерживаются традиционные семейные ценности, основанные на стремлении к созданию союза мужчины и женщины, регистрации отношений в установленном законом порядке, рождению детей, достойному материнству и отцовству и солидарности поколений. В соответствии с частью 5 статьи 32 Конституции Республики Беларусь в нашем государстве обеспечивается приоритет воспитания ребенка в семье [1].

При этом в случае невыполнения надлежащим образом обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних детей, они могут быть отделены от родите-

лей против их воли на основании решения суда, органа опеки и попечительства либо комиссии по делам несовершеннолетних.

Данная работа посвящена правовым последствиям принятия одного из таких решений – об ограничении родительских прав, которое в Республике Беларусь реализуется в форме отобрания ребенка без лишения родительских прав.

Следует отметить, что до 8 июля 2024 г., когда был принят Закон Республики Беларусь № 26-З «Об изменении законов по вопросам регулирования брачных и семейных отношений» [2], Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) не содержал положений, касающихся последствий отобрания ребенка. Однако с 1 января 2025 г. вступили в силу изменения, касающиеся данной категории правоотношений, в том числе КоБС был дополнен статьей 85-2 «Последствия отобрания ребенка без лишения родительских прав» [3].

Так, согласно данной норме с момента принятия государственным органом решения об отобрании ребенка родитель претерпевает по отношению к нему определенные ограничения, а именно:

1) утрачивает право управлять его делами, а также распоряжаться имуществом отобранного ребенка.

Следует отметить, что данная категория прав относится к имущественным правоотношениям родителей и детей и регулируется главой 11 КоБС. Так, исходя из положений статьи 89 КоБС можно говорить о том, что управление делами ребенка – правомочие совершать сделки от имени малолетних (не достигших четырнадцатилетнего возраста) детей, давать согласие на их совершение детям в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также управлять имуществом несовершеннолетнего ребенка [3].

Таким образом в случае отобрания ребенка у родителей, последние утрачивают право на участие в имущественных правоотношениях от его имени, на дачу согла-

сия несовершеннолетнему на участие в данной категории правоотношений, а также на все правомочия в отношении материальных ценностей и денежных средств ребенка, в том числе внесенных и находящихся на банковских вкладах и депозитах, открытых на имя детей;

2) родитель становится неправомочным получать государственные пособия семьям, воспитывающим детей, причитающиеся ребенку пенсии, алименты и другие текущие поступления, связанные с содержанием отобранного у них ребенка;

К вышеназванным пособиям в соответствии со статьей 3 Закона Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» можно отнести: пособие по уходу за больным ребенком, по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет и ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет в случае болезни матери, при санаторно-курортном лечении детей-инвалидов, на пособие по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет и другие виды пособий [4].

При этом в части 2 пункта 4 Указа Президента Республики Беларусь «О некоторых вопросах обеспечения прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» законодатель закрепляет положение о том, что причитающиеся отобранному из семьи ребенку выплаты, связанные с его содержанием, перечисляются на текущий (расчетный) банковский счет несовершеннолетнего [4].

Так, с момента возложения обязанностей по опеке и попечительству за ребенком на конкретное лицо, на него также возлагается обязанность по открытию такого счета и возникает правомочие распоряжаться поступающими на него средствами в интересах ребенка;

3) лишается права пользоваться льготами и преимуществами, основанием предоставления которых является факт рождения и воспитания отобранного ребенка.

Согласно Трудовому кодексу Республики Беларусь к ним можно отнести: право на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет (ст. 185); отпуск отцу

(отчиму) при рождении ребенка (ст. 186); право на кратковременный отпуск без сохранения заработной платы женщин, имеющих двух и более детей в возрасте до 14 лет или одного ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет (п. 1 ч. 1 ст. 189); возможность привлечения женщин, имеющих детей в возрасте до четырнадцати лет (детей-инвалидов – до восемнадцати лет), к сверхурочным работам, работе в государственные праздники и праздничные дни (ч. 1 ст. 147), работе в ночное время, выходные дни и направляться в служебную командировку только с их письменного согласия (ч. 2 ст. 263); невозможность заключения контракта с женщинами, имеющими детей в возрасте до трех лет (детей-инвалидов – до восемнадцати лет), трудовые договоры с которыми были заключены на неопределенный срок, без их согласия (ст. 261); право женщин, имеющих детей в возрасте до 1,5 лет, в случае невозможности выполнения прежней работы на перевод на другую работу с сохранением среднего заработка по прежней работе до достижения ребенком возраста 1,5 лет (ч. 3 ст. 264); право женщин, имеющих детей в возрасте до 1,5 лет, помимо общего перерыва для отдыха и питания на дополнительные перерывы для кормления ребенка (ст. 267); право на установление дополнительного свободного от работы дня (ст. 265) [5].

П. В. Рагойша считает, что в данном случае ограничиваются права, связанные с предоставлением родителям в силу их родительского статуса ряда льгот и преимуществ, предусмотренных в первую очередь нормами трудового и социального законодательства [5], с чем, исходя из изложенного нельзя не согласиться.

Российский юрист М. В. Антокольская отмечала, что большинство имущественных прав родителей и детей не претерпевает негативных последствий в случае ограничения родительских прав [6, с. 227].

На наш взгляд невозможно полностью согласиться с мнением автора, ведь негативные имущественные послед-

ствия в отношениях родитель – ребенок все же существенные, даже с учетом того, что сохраняются обязанности родителей по содержанию детей и права на получение в будущем алиментов от них, возможности наследования по закону друг после друга, а также за ребенком сохраняется право собственности или право пользования жилым помещением, которое он занимал вместе с родителем.

Однако на наш взгляд, несмотря на тот факт, что законодатель охарактеризовал данную норму КоБС как «Последствия отобрания ребенка без лишения родительских прав», в ней в большей степени освещается имущественный аспект ограничений родителей в случае отобрания у них ребенка.

В. И. Пенкрат в своих работах отмечает, что в случае применения к родителям данной меры, они утрачивают:

1) право личного воспитания ребенка.

Следует отметить, что подобный подход прослеживается и в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ). Так, согласно части 1 статьи 74 СК РФ в случае ограничения родительских прав, родителями утрачивается право на личное воспитание ребенка [7].

2) возможность определять место их жительства;

3) право на получение от государства льгот и пособий, установленных для граждан, имеющих детей [8, с. 173].

При этом в соответствии с части 1 статьи 85 КоБС за родителями сохраняется право на общение с ребенком по правилам статьи 83 КоБС (Общение с ребенком родителей, лишенных родительских прав), при условии, что такое взаимодействие отвечает интересам ребенка [3].

Подобное общение может происходить с разрешения опекуна или попечителя отобранного ребенка, а в случае его отказа по решению органа опеки и попечительства.

Однако отличительным признаком общения ребенка с родителем, у которого несовершеннолетний был отобран, является участие родителя в его жизни согласно плану защиты прав и законных интересов ребенка, в котором

четко прописывается место, время и порядок такого общения. Данные меры применяются с целью защиты прав и законных интересов ребенка, недопущения или предотвращения негативного воздействия родителя на детей, а также исправления ситуации в семье и поддержания эмоциональной связи родителя и ребенка.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что применение такой меры, как отобрание ребенка без лишения родительских прав влечет серьезные ограничения в отношениях родителя и отобранного ребенка. Однако семейное законодательство закрепляет лишь ограничения в имущественных правоотношениях вышеназванных субъектов. Поэтому считаем целесообразным изложить статью 85-2 «Последствия отобрания ребенка без лишения родительских прав» в новой редакции с освещением ограничений личного неимущественного характера, в частности, невозможности продолжения личного воспитания ребенка родителем, допустившим нарушение прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Библиографические ссылки

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г. // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 29.05.2025).

2. Об изменении законов по вопросам регулирования брачных и семейных отношений : Закон Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. № 26-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 30.05.2025).

3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 30.05.2025).

4. Рагойша, П. В. Постатейный комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье. Раздел III. Семья : [по состоянию на 20 авг. 2010 г.] / П. В. Рагойша // КонсультантПлюс. Беларусь: справ. правовая система (дата обращения: 02.04.2025).

5. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 30.05.2025).

6. Антокольская, М. В. Семейное право : учебник // М. В. Антокольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – 336 с.

7. Семейный кодекс Российской Федерации : 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ : принят Государственной Думой 8 дек. 1995 г. : в ред. Федер. Закона от 23.11.2024 № 405-ФЗ: с изм. и доп. вступ. в силу с 05 февр. 2025 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 30.05.2025).

8. Пенкрат, В. И. Семейное право : учеб. / В. И. Пенкрат. – Минск : Академия МВД, 2022. – 310 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УСЛОВИЙ И ПОРЯДКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

К. А. Шмакова

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
ksyushashmakova@icloud.com

Вступление в брак порождает множество прав и обязанностей супругов, а также их детей. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что перечень условий, соблюдение которых необходимо для заключения брака, порядок, формы вступления в брак значительно различаются в разных государствах. В настоящей статье проведен сравнительно-правовой анализ порядка и условий вступления в брак в Беларуси и Италии. В статье уделяется особое внимание брачному возрасту и его допустимому снижению в обоих государствах, делается акцент на возможности избрания фамилии другого супруга при вступлении в брак, рассматривается допустимость заключения брака по доверенности. Определяется роль свидетелей при регистрации заключения брака в обоих государствах. Анализируются препятствия к вступлению в брак в Беларуси и Италии. Также рассматриваются ограничения, предусмотренные брачно-семейным законодательством Италии, на вступление в повторный брак. Таким образом, в результате проведенного в настоящей статье исследования автором приводятся рекомендации по сохранению действующих правовых норм в белорусском брачно-семейном законодательстве. А также обосновывается нецелесообразность закрепления в законодательстве Республики Беларусь норм о запрете вступления в повторный брак женщинам в течение определенного периода, в отличие от итальянского брачно-семейного законодательства.

Ключевые слова: брак; семья; заключение брака в Беларуси; заключение брака в Италии; брачно-семейные отношения; порядок заключения брака; формы заключения брака; условия вступления в брак; заключение брака по доверенности.

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE CONDITIONS AND PROCEDURE FOR MARRIAGE CONCLUSION IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE ITALIAN REPUBLIC

K. A. Shmakova

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
ksyushashmakova@icloud.com

Marriage gives rise to many rights and obligations of spouses, as well as their children. The relevance of this study is conditioned by the fact that the list of conditions, the fulfilment of which is necessary for marriage, the procedure and forms of marriage differ significantly in different states. The present article provides a comparative legal analysis of the procedure and conditions of marriage conclusion in Belarus and Italy. The article pays special attention to the age of marriage and its permissible reduction in both states, emphasizes the possibility of choosing the surname of the other spouse, considers the admissibility of marriage by a power of attorney. The role of witnesses in the registration of marriages in both states is defined. Obstacles to marriage in Belarus and Italy are analyzed. The restrictions provided by the marriage and family legislation of Italy on remarriage are also analyzed. Thus as a result of the research conducted in this article, the author provides recommendations on the preservation of the existing legal norms in the Belarusian marriage and family legislation. The author also substantiates the inexpediency of enshrining in the legislation of the Republic of Belarus norms on the prohibition of remarriage of women during a certain period unlike Italian marriage and family legislation.

Keywords: marriage; family; marriage conclusion in Belarus; marriage conclusion in Italy; marital and family relations; marriage procedure; forms of marriage; conditions for entering into marriage; marriage conclusion by power of attorney.

При изучении актуальных теоретических и практических аспектов семейного права, несомненно, стоит уделить особое внимание условиям и порядку заключения брака,

которые существенно различаются в разных государствах. Условия и порядок заключения брака имеют свои особенности как в брачно-семейном законодательстве Республики Беларусь, так и в законодательстве Итальянской Республики.

Стоит начать с того, что в Италии зарегистрировать брак можно либо в компетентных государственных органах (гражданская форма), либо в церкви (церковная форма заключения брака). Обе формы имеют равную юридическую силу. Предпочитаемую форму заключения брака в Италии супруги выбирают самостоятельно по своему желанию. При регистрации брака в церкви также необходимо предоставить свидетельство о крещении и свидетельство о конфирмации каждого из лиц, желающих вступить в брак.

Однако в Республике Беларусь брак можно заключить только в органах, регистрирующих акты гражданского состояния (ст. 15 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) [1]. К числу таких органов в Республике Беларусь относятся отделы записи актов гражданского состояния местных исполнительных и распорядительных органов, Дома (Дворцы) гражданских обрядов городских исполнительных комитетов, городские, поселковые, сельские исполнительные и распорядительные органы, консульские учреждения, дипломатические представительства Республики Беларусь в случае выполнения ими консульских функций [2].

Рассмотрим условия вступления в брак в обоих государствах. В Италии для заключения брака необходимо достижение восемнадцатилетнего возраста лицами, желающими вступить в брак, а также наличие взаимного согласия. Кроме того, важным является отсутствие на момент вступление в брак другого зарегистрированного брака и отсутствие между супругами отношений родства, свойства, принадлежности или усыновления. В случае, если один из супругов ранее состоял в браке необходимо предо-

ставить соответствующие документы, подтверждающие, что предыдущий брак был аннулирован по решению суда, расторгнут либо прекращен вследствие смерти одного из супругов [3].

В Беларуси, анализируя условия вступления в брак, обязательным является взаимное согласие будущих супругов на заключение брака, достижение ими брачного возраста, а также отсутствие препятствий к заключению брака (ст. 17 КоБС). В свою очередь, согласно статье 19 КоБС, к таким препятствиям относятся наличие другого ранее зарегистрированного брака, недееспособность лица и наличие родственных связей по прямой восходящей и нисходящей линии, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, а также между усыновителями (удочерителями) и усыновленными (удочеренными) [1].

Рассматривая брачный возраст, стоит отметить, что и в Беларуси, и в Италии брачный возраст составляет 18 лет для мужчин и женщин. Однако при наличии определенных обстоятельств брачный возраст может быть снижен. Так, согласно статье 18 КоБС, «в исключительных случаях, обусловленных беременностью, наличием общего ребенка, а также в случае приобретения несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия орган, регистрирующий акты гражданского состояния, может снизить лицам, вступающим в брак, брачный возраст, но не более чем на три года» [1].

Важно обратить внимание, что для снижения брачного возраста необходимо совместное заявление будущих супругов. Кроме того, не имеет значение выраженное согласие или несогласие родителей, попечителей несовершеннолетних на заключение брака (ч. 3 ст. 18 КоБС) [1].

В Итальянской Республике также допустимо снижение брачного возраста при наличии определенных причин. Тем не менее, перечень таких обстоятельств не уточняется в Гражданском кодексе (далее – ГК) Италии, в отличие от Кодекса Республики Беларусь о браке и семье. Стоит отме-

тить, что снижение брачного возраста в Италии возможно не более чем на два года, т. е. с восемнадцати до шестнадцати лет. Для снижения брачного возраста необходимо обратиться в суд, однако период ожидания является довольно длительным.

Автор считает, что нормы, допускающие снижение брачного возраста в исключительных случаях являются серьезными и подлежат дальнейшему законодательному сохранению. Однако важным является снижение брачного возраста при наличии определенных обстоятельств, а не только при желании супругов. Несомненно, к таким исключительным обстоятельствам целесообразно отнести, например, беременность и рождение ребенка. Закрепление данных норм обеспечивает защиту прав на материнство и детство, а также является проявлением гуманных начал права. Следовательно, по мнению автора, правовые нормы, закрепляющие снижение брачного возраста, полежат дальнейшему сохранению на законодательном уровне (ст. 18 КоБС) [1].

Интересно, что в Итальянской Республике женщины не могут вступать в новый брак в течение определенного времени после расторжения предыдущего брака либо смерти супруга. Так, согласно ст. 89 ГК Италии, женщина не может вступать в новый брак в течение 300 дней после расторжения брака, смерти супруга, аннулирования брака. Стоит отметить, что нормы, запрещающие вступать в новый брак, связаны только с правами женщин и не распространяются на мужчин. Тем не менее, данное ограничение не будет действовать в случае, если расторжение брака было вызвано бесплодием супруги [3].

По мнению автора, поскольку данный запрет не действует, если расторжение брака было связано с бесплодием, можно сделать вывод, что вышеупомянутое ограничение на вступление в повторный брак направлено на предотвращение сложностей, которые могут возникнуть при установлении отцовства.

Важно обратить внимание, что в Италии с согласия прокурора суд вправе разрешить женщине вступить в новый брак до истечения 300 дней. Однако женщине нужно в судебном порядке доказать, что они не жили с мужем в течение последних 300 дней до расторжения брака, смерти супруга, аннулирования брака либо нужно предоставить суду доказательства, исключающие возможность отцовства бывшего мужа. К таким доказательствам относится, к примеру, медицинская справка о состоянии здоровья женщины, подтверждающая отсутствие беременности [3].

В брачно-семейном законодательстве Республики Беларусь, в частности в КоБС, аналогичная норма отсутствует. Автор считает, что введение в КоБС правовых норм, лишающих женщин прав на вступление в новый брак на протяжении определенного времени после расторжения брака, не является целесообразным.

Помимо этого, на данный момент в КоБС закреплена презумпция отцовства, которая является довольно важной в брачно-семейной сфере и направлена на защиту законных прав и интересов матери и ее ребенка. В соответствии с частью 4 статьи 51 КоБС, «отцом ребенка, рожденного в браке, является муж матери ребенка. Отцом ребенка, рожденного в течение десяти месяцев со дня прекращения брака или признания его недействительным, признается бывший муж матери ребенка» [1]. Таким образом, презумпция отцовства нацелена на упрощение процедуры определения отца ребенка при наличии действительного зарегистрированного брака, недействительного либо прекращенного брака. В случае, если возникают разногласия, сомнения или споры, возможно также провести генетическую экспертизу об установлении биологического родства (отцовства). Следовательно, по мнению автора, введение в белорусское законодательство норм, запрещающих женщинам вступать в брак в течение определенного времени после развода, не является целесообразным. Автор

также считает, что подлежит дальнейшему сохранению презумпция отцовства, закрепленная в части 4 статьи 51 КоБС [1].

Стоит отметить, что в Италии для регистрации брака необходимо присутствие двух свидетелей. Без этого брак не может быть заключен. Однако в Республике Беларусь вопрос о наличии свидетелей решается по усмотрению супругов и не влияет на процедуру заключения брака.

Важно обратить внимание на допустимость заключения брака по доверенности. На данный момент в Республике Беларусь невозможно заключить брак по доверенности. Для регистрации заключения брака необходимо личное присутствие обоих супругов (ч. 2 ст. 213 КоБС) [1]. Однако в Итальянской Республике допустимо заключение брака по доверенности в некоторых случаях в соответствии со статьей 111 ГК Италии. Так, например, заключение брака по доверенности возможно, если один из супругов проживает за границей. Военнослужащие и лица, которые по служебным обстоятельствам находятся на службе в вооруженных силах, также могут заключить брак по доверенности. Доверенность должна содержать имя лица, с которым заключается брак. Брак в Италии не может быть заключен, если прошло сто восемьдесят дней или более со дня выдачи доверенности [3].

По мнению автора, довольно интересным является вопрос о возможности избрания фамилии другого супруга при вступлении в брак.

В Италии по общему правилу фамилии супругов не меняются. Однако согласно статье 143 *bis* ГК Италии, супруга добавляет фамилию мужа к своей добрачной фамилии и сохраняет ее во время вдовства, пока не выйдет замуж повторно [3].

В Республике Беларусь право супругов на выбор фамилии при вступлении в брак регламентируется статье 21 КоБС. Так, в Беларуси «супруги могут избрать фамилию одного из супругов в качестве их общей фамилии или

каждый из них сохраняет свою добрачную фамилию» [1]. В случае, если супруги не пришли к единому мнению, возможно также избрать двойную фамилию, которая состоит из добрачных фамилий супругов. Однако важно иметь в виду, что избрание тройной фамилии не допускается.

Таким образом, анализируя условия и порядок заключения брака в Беларуси и Италии, стоит отметить множество сходств и различий. Общим в законодательстве как Республики Беларусь, так и Итальянской Республики является установление брачного возраста на уровне 18 лет и его возможное снижение. Однако в Беларуси снижение брачного возраста допустимо не более чем на три года, а в Италии – не более чем на два года. Схожими в обоих законодательствах также являются препятствия вступления в брак, в частности, наличие другого зарегистрированного брака и родственных связей между будущими супругами.

Отличительным является то, что в Италии возможно заключение брака также в церковной форме. Кроме того, итальянское законодательство допускает вступление в брак по доверенности. В Италии также обязательным является присутствие двух свидетелей на церемонии бракосочетания, в то время как в Республике Беларусь супруги самостоятельно решают вопрос о необходимости присутствия свидетелей при заключении брака. Помимо этого, в Италии предусмотрен запрет разведенной женщине вступать в брак в течение 300 дней после расторжения предыдущего брака. По мнению автора, введение аналогичной нормы в белорусское брачно-семейное законодательство не является целесообразным. Однако подлежит дальнейшему сохранению презумпция отцовства, закрепленная в части 4 статьи 51 КоБС. В Италии, в отличие от белорусского законодательства, супруги не наделены правом избрания фамилии другого супруга при заключении брака. По мнению автора, норма, закрепленная в статье 21 КоБС и предоставляющая супругам право на избрание фамилии

другого супруга при вступлении в брак либо двойной фамилии, является крайне важной и, несомненно, подлежит дальнейшему законодательному сохранению.

Библиографический список

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З : Принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.06.2025).

2. О порядке организации работы с гражданами в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, по выдаче справок либо иных документов, содержащих подтверждение фактов, имеющих юридическое значение: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 14 дек. 2005 г. № 1454 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 31.05.2025).

3. Civil Code (approved by Royal Decree N 262 of March 16, 1942, and amended up to Decree N 291 of December 7, 2016) [Italy] // World Intellectual Property Organization. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16608 (date of access: 31.05.2025).

Секция 4

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ООН: ВЗГЛЯД ИЗ БЕЛАРУСИ

РАСХОДЫ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СТРАНАХ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: СТРУКТУРА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Е. А. Богатырева

Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
bahatyrova@bsu.by

Статья посвящена определению значения расходов на формирование, развитие и реализацию человеческого потенциала. Определены основные виды расходов, которые оказывают значительное влияние на формирование человеческого потенциала, проведен сравнительный анализ расходов стран – лидеров рейтинга по Индексу человеческого развития (ИЧР) и стран, схожих по территории, общему прошлому и количеству населения с Республикой Беларусь и самой Республики. В результате сделан вывод о том, что Республика Беларусь нуждается в реструктуризации расходов в пользу тех, которые оказывают наибольшее влияние на формирование, развитие и реализацию человеческого потенциала.

Ключевые слова: человеческий потенциал; индекс человеческого развития; расходы на здравоохранение, расходы на образование, расходы на НИОКР, расходы на социальную защиту населения.

EXPENDITURES ON HUMAN POTENTIAL IN THE COUNTRIES OF THE GLOBAL ECONOMY: STRUCTURE AND EFFECTIVENESS

A. A. Bahatyrova

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, bahatyrova@bsu.by

The article is dedicated to defining the role of expenditures in the formation, development, and realization of a country's human potential. It identifies the main types of expenditures that significantly influence the shaping of human potential and presents a comparative analysis

of government expenditures in leading countries based on the Human Development Index, as well as in countries similar to the Republic of Belarus in terms of territory, historical background, and population size–including Belarus itself. As a result, the study concludes that Belarus requires a restructuring of expenditures in favor of those that have the greatest impact on the formation, development, and realization of human potential.

Keywords: human potential; Human Development Index; healthcare expenditures, education expenditures, R&D expenditures, social protection expenditures.

Развитие современной экономики все больше ориентируется на развитие человеческого потенциала и сферы услуг, которые становятся ключевыми факторами роста и устойчивого развития. Эти две области тесно связаны друг с другом, формируя основу для создания конкурентоспособной экономики и повышения уровня жизни общества.

Человеческий потенциал играет ключевую роль в развитии сферы услуг, поскольку именно качество труда, уровень знаний и навыков работников определяют конкурентоспособность сервисных компаний и эффективность их взаимодействия с клиентами.

Однако особую роль в формировании, развитии и реализации человеческого потенциала играет государство. Только благодаря государственной поддержке и стимулированию возможно развитие здравоохранения, образования, поддержания стабильного уровня занятости в стране.

Рассмотрим страны, занимающие лидирующие позиции в рейтинге ИЧР, который признан основным в определении условий формирования и реализации человеческого потенциала, с расходами государства, на основные сферы жизнедеятельности общества также влияющие на развитие человеческого потенциала.

Согласно Отчету ПРООН «О человеческом развитии» за 2025 г. первое место в рейтинге по ИЧР занимает Исландия, а Республика Беларусь – 65-ю позицию и относит-

ся к группе стран с очень высоким уровне человеческого развития. В табл. 1 представлены рассматриваемые страны и их место в рейтинге по ИЧР.

Таблица 1

Место страны в рейтинге по индексу человеческого развития в 2025 г.

Место в рейтинге	Страна	Место в рейтинге	Страна
1	Исландия	22	Австрия
2	Норвегия	29	Чехия
3	Швейцария	35	Польша
4	Дания	36	Эстония
5	Германия	39	Литва
6	Швеция	41	Латвия
8	Нидерланды	46	Венгрия
11	Ирландия	55	Болгария
12	Финляндия	55	Румыния
21	Словения	65	Беларусь

Источник: [1, p. 279–282].

Рассмотрим основные направления, где государство играет наибольшую роль в формировании, развитии и реализации человеческого потенциала.

Значительное влияние на место в рейтинге по ИЧР оказывает развитие системы здравоохранения в стране. Рассмотрим долю расходов в ВВП на здравоохранение в странах (табл. 2)

Таблица 2

Доля расходов на здравоохранение в ВВП стран в 2023 г., %

№	Название страны	Доля расходов	№	Название страны	Доля расходов
1	Германия	12,65	11	Исландия	8,57
2	Австрия	12,10	12	Болгария	8,56
3	Швейцария	11,8	13	Норвегия	8,14

Окончание табл. 2

№	Название страны	Доля расходов	№	Название страны	Доля расходов
4	Нидерланды	11,29	14	Литва	7,46
5	Швеция	10,67	15	Венгрия	7,38
6	Финляндия	10,25	16	Эстония	6,94
7	Дания	9,5	17	Польша	6,68
8	Чехия	9,49	18	Беларусь	6,57
9	Латвия	9,04	19	Румыния	6,48
10	Словения	8,85	20	Ирландия	6,07

Источник: [2].

Как видно из данных табл. 2 наибольшую долю в расходах на здравоохранение в ВВП занимают такие страны как Германия, Австрия и Швейцария (12,65 %, 12,10 % и 11,8 % соответственно). Наименьшую долю расходов на здравоохранение от ВВП несут такие страны как Румыния (6,48 %) и Ирландия (6,07 %). Данный показатель для Республики Беларусь (6,57 %), что составляет почти в 2 раза меньше чем у страны-лидера Германии, но все же больше, чем у Румынии и Ирландии.

На основании этих данных можно сделать вывод, что у стран, лидирующих в рейтинге по ИЧР расходы на здравоохранение выше, чем у стран, которые занимают более низкие позиции, но все же находятся в группе с очень высоким человеческим развитием.

Следующая сфера жизнедеятельности общества, которая оказывает значительное влияние на развитие и реализацию человеческого потенциала – это образование и наука. Рассмотрим долю государственных расходов на образование и НИОКР в % от ВВП в данных странах (табл. 3).

По данным табл. 3 наибольшая доля расходов на образование у таких стран как Швеция (7,6 %), Исландия (7,1 %), Финляндия (6,5 %), а наименьшая – у Норвегии (4,0), Румынии (3,3) и Ирландии (3,0). У Республики Беларусь доля расходов на образование в ВВП составляет 5 %,

Таблица 3

Доля расходов на образование и НИОКР в 2023 г., % от ВВП

№	Страна	Доля расходов на образование	Доля расходов на НИОКР
1	Швеция	7,6	3,42
2	Исландия	7,1	2,81
3	Финляндия	6,5	2,99
4	Словения	5,4	2,13
5	Дания	5,3	2,81
6	Эстония	5,3	1,75
7	Нидерланды	5,1	2,32
8	Беларусь	5,0	0,48
9	Швейцария	4,9	3,36
10	Австрия	4,8	3,26
11	Чехия	4,8	2
12	Польша	4,7	1,44
13	Венгрия	4,7	1,64
14	Болгария	4,7	0,77
15	Латвия	4,6	0,74
16	Германия	4,5	3,14
17	Литва	4,3	1,11
18	Норвегия	4,0	1,94
19	Румыния	3,3	0,47
20	Ирландия	3,0	1,13

Источник: [3; 4].

что позволяет ей занимать 8 позицию среди перечисленных стран. Следует обратить внимание на то, что у Норвегии, Ирландии, Германии, которые занимают очень высокие позиции в рейтинге по ИЧР довольно низкий процент расходов в ВВП на образование. В этих странах хорошо развита система частного образования и грантов на учебу среди частных предпринимателей, что снижает нагрузку на бюджет в этой области.

Еще одним важным показателем является доля расходов на НИОКР в процентах от ВВП. У таких стран как Швеция, Швейцария, Австрия, Германия данный показатель

составляет более 3 процентов от ВВП, у стран Исландия, Финляндия, Словения, Дания, Нидерланды – более 2 %, у Эстонии, Польши, Венгрии, Литвы, Норвегии, Ирландии – свыше 1 %, у остальных стран – менее 1 %. Республика Беларусь относится к группе стран, у которых расходы на НИОКР составляют менее 1 % от ВВП, а именно – 0,48. Это низкий показатель, который свидетельствует о том, что финансирование НИОКР в стране осуществляется недостаточно, что, безусловно, замедляет инновационное развитие государства и снижает возможности развития и реализации человеческого потенциала.

Развитая система социальной поддержки способствует созданию условий для полноценного развития личности. Государство также может оказывать поддержку уязвимым слоям населения, сокращая уровень бедности и обеспечивая доступ к базовым ресурсам. В табл. 4 показана доля государственных расход в % от ВВП на социальную защиту населения согласно Докладу МОТ о социальной защите в мире в 2024–2026 гг.

Таблица 4

Доля расходов на социальную защиту населения (без здравоохранения) в 2023 г., % к ВВП

№	Страна	Доля расходов	№	Страна	Доля расходов
1	Австрия	26	11	Латвия	13,8
2	Финляндия	24,7	12	Эстония	13,6
3	Германия	20	13	Чехия	13,6
4	Словения	19,9	14	Румыния	13,4
5	Дания	18,9	15	Болгария	13,4
6	Швеция	18,5	16	Беларусь	13,1
7	Польша	17,3	17	Венгрия	13,1
8	Нидерланды	15,5	18	Швейцария	12,5
9	Норвегия	14,7	19	Исландия	11,2
10	Литва	14,3	20	Ирландия	8,6

Источник: [5, p. 309–321].

Как видно из приведенных данных наибольшая доля государственных расходов на социальную защиту населения в % от ВВП приходится на такие страны как Австрия, Финляндия, Германия (20 % и выше), наименьшее значение этого показателя у Ирландии и Исландии 8,6 % и 11,2 % соответственно. У Республики Беларусь доля государственных расходов на социальную защиту населения составляет 13,1 % от ВВП. Это 16 позиция среди двадцати рассматриваемых стран. Следует отметить, что здесь наблюдаются существенные различия среди стран, которые являются лидерами в рейтинге по ИЧР, но их доля в расходах на социальную защиту сопоставима с рассматриваемыми странами, которые находятся в рейтинге ниже. Это говорит о том, что данный показатель является важным для социально-экономического развития любого государства, но при расчете Индекса человеческого развития не оказывает существенного влияния на его основные компоненты.

Как уже было отмечено выше, Республика Беларусь относится к странам с очень высоким уровнем человеческого развития, но среди рассматриваемых государств занимает самую нижнюю позицию. Проанализировав данные о расходах на здравоохранение, образование, НИОКР и социальную защиту, следует отметить, что по этим показателям (кроме доли расходов на образование в % от ВВП) у нашей страны значения ниже среднего среди выбранных государств. Это говорит о необходимости пересмотра структуры государственных расходов в пользу тех, которые будут способствовать формированию развитию и реализации человеческого потенциала страны.

Государство является системным институтом, определяющим направление и динамику развития человеческого потенциала. Устойчивое экономическое развитие, качественное образование, доступная медицина и поддержка инноваций формируют среду, в которой человеческий потенциал не просто реализуется, но и становится важным фактором экономического роста.

Библиографический список

1. A matter of choice: People and possibilities in the age of AI: Human Development Report 2025. – New York, 2025 – xi, 307 p. – URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2025reporten.pdf (date of access: 05.06.2025).

2. Рейтинг стран мира по уровню расходов на здравоохранение // Гуманитарный портал. – URL: https://gtmarket.ru/ratings/global-health-expenditure (дата обращения: 05.06.2025).

3. Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование // Гуманитарный портал. – URL: https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure (дата обращения: 05.06.2025).

4. Рейтинг стран мира по уровню расходов на НИОКР // Гуманитарный портал. – URL: https://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure (дата обращения: 05.06.2025).

5. World Social Protection Report 2024–2026. – Geneva : International Labour Organization, 2024. – xxv, 358 p. – URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/2024-09/WSPR_2024_EN_WEB_1.pdf (date of access: 05.06.2025).

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ

Г. Г. Головенчик[1)], Мэн Цзыминь[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
goloventchik@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
mengzimin1201@gmail.com

Трансграничная электронная коммерция, являясь новым двигателем мировой торговли в эпоху цифровой экономики, превратилась из экономического явления в зрелую бизнес-модель и далее эволюционировала в новый вид торговли, что привело к значительным изменениям в структуре мировой торговли. Согласно последним данным, в 2024 г. объем мировых продаж электронной коммерции составил около 3,72 трлн дол. США, что составляет 17,3 % от общего объема мировой розничной торговли. При этом, рынок трансграничной электронной коммерции в 2024 г. оценивается в 1,1 трлн дол. США. Однако с ростом глобального торгового протекционизма, обострением геополитических конфликтов, ужесточением регуляторной политики стран мира, необходимостью соответствовать принципам устойчивого развития и другими глобальными вызовами, компании трансграничной электронной коммерции сталкиваются с необход мостью перестраивать глобальные цепочки создания стоимости. В результате анализа мирового рынка выделены основные угрозы и вызовы, с которыми сталкиваются компании электронной коммерции: киберпреступления, рост торговых ограничений, проблемы в сфере логистики, ужесточение правового регулирования онлайн-торговли и возникновение необходимости соответствия принципам устойчивого развития. На уровне предприятий рекомендуется трансформация цепочек поставок, диверсификация рынков сбыта, внедрение и развитие технологий в сфере кибербезопасности, пересмотр стратегий компаний, удовлетворяя требования устойчивого развития. Регуляторам международной торговли рекомендуется адаптация существующих инструментов регламентации и управления к особенностям электронной коммерции.

Ключевые слова: электронная коммерция; трансграничная электронная коммерция; онлайн-ритейлеры; маркетплейсы; международная торговля; торговые барьеры; кибербезопасность; устойчивое развитие.

CHALLENGES AND THREATS OF CROSS-BORDER E-COMMERCE

G. G. Goloventchik[a], Meng Zimin[b]

[a] *Belarusian State University,*
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
goloventchik@bsu.by
[b] *Belarusian State University,*
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
mengzimin1201@gmail.com

Cross-border e-commerce, as the new driver of global trade in the digital economy era, has transformed from an economic phenomenon into a mature business model and further evolved into a new form of trade, leading to significant changes in the structure of global trade. According to the latest data, in 2024, global e-commerce sales amounted to approximately 3.72 trln USD, accounting for 17.3 % of total global retail trade. At the same time, the cross-border e-commerce market in 2024 is estimated at 1.1 trln USD. However, with the rise of global trade protectionism, the intensification of geopolitical conflicts, the strengthening of regulatory policies in countries around the world, the need to comply with sustainable development principles, and other global challenges, cross-border e-commerce companies are faced with the need to reorganize global value chains. As a result of the analysis of the global market, the main threats and challenges faced by e-commerce companies were identified: cybercrime, growing trade restrictions, logistical problems, tightening of legal regulation of online trade and the emergence of the need to comply with the principles of sustainable development. At the enterprise level, it is recommended to transform supply chains, diversify markets, implement and develop cybersecurity technologies, revise company strategies to meet sustainability requirements. International trade regulators are recommended to adapt existing regulatory and management tools to the peculiarities of e-commerce.

Keywords: e-commerce; cross-border e-commerce; online retailers; marketplaces; international trade; trade barriers, cybersecurity; sustainable development.

Введение. Глобальный рынок электронной коммерции демонстрировал постепенный рост: в 2024 г. объем розничных продаж в сфере электронной коммерции со-

ставил около 3,72 трлн дол. США, что в 1,9 раз больше, чем в 2019 г. По прогнозам, в 2029 г. показатель превысит 5,8 трлн дол. США [1]. При этом, мировой рынок трансграничной электронной коммерции в 2024 г. оценивается в 1,1 трлн дол. США [2]. Как отмечают международные организации, с развитием трансграничной электронной коммерции связано появление проблем и новых угроз, охватывающих социальную, правовую, экономическую и другие сферы общественной жизни и затрудняющих ведение онлайн-бизнеса и международной торговли [3, p. 150; 4, p. 113]. В статье анализируются ключевые вызовы и угрозы рынка трансграничной электронной коммерции.

Одной из особенностей глобального рынка электронной коммерции является явная дифференциация региональных рынков. Азия является мировым лидером в 2024 г., объем розничных продаж электронной коммерции достиг 1,97 трлн дол. США. При этом, размер рынка электронной коммерции в Юго-Восточной Азии оценивается в 159 млрд дол. США. Ожидается, что показатель достигнет 370 млрд дол. США в 2030 г. [5]. Одним из лидеров мирового рынка электронной коммерции, в том числе по объему продаж и уровню проникновения электронной коммерции является Китай. В Китае в 2024 г. объем розничных продаж электронной коммерции составил 1,14 трлн дол. США [6]. По данным Главного таможенного управления КНР, объем внешней торговли Китая в сфере трансграничной электронной коммерции составил более 365 млрд дол. США, что на 10,8 % выше, чем показатель прошлого года [7]. Структура экспортных товаров представлена в основном одеждой, обувью и сумками (27,3 %), электронными товарами (14,4 %) и товарами для дома и текстилем (12,4 %), а основными странами-импортерами являются США (34,2 %), Великобритания (8,1 %) и Германия (6,2 %) [8].

Объем розничных продаж электронной коммерции в Латинской и Северной Америке в 2024 г. составил

1,43 трлн дол. США, при этом на Латинскую Америку приходится 319 млрд дол. США [9]. В 2024 г. объем рынка электронной коммерции в США составил 1,16 трлн дол. США [10]. Объем розничных продаж электронной коммерции в Европейском союзе в 2024 г. составил 620,7 млрд дол. США, и, ожидается, что в 2029 г. объем рынка достигнет 960 млрд дол. США [11].

Таблица 1

Сравнение показателей роста рынка электронной коммерции на крупнейших региональных рынках в 2024 г.

Региональный рынок	Масштаб в 2024 г., млрд дол. США	*CAGR*, %	Основные факторы роста
Юго-Восточная Азия	159	15	Демографический дивиденд + цифровая инфраструктура
Латинская Америка	319	18,2	Повышение уровня потребления + интеграция в китайскую цепочку поставок
США	1163	5	Высокая покупательная способность + развитая система логистики
Европейский союз	620	6,1	Унифицированные правила цифрового рынка
Китай	1140	10,5	Высокий внутренний спрос и спрос на зарубежных рынках + государственная поддержка цифровой экономики

Источник: [1; 2; 5–11].

Международные организации утверждают, что развитие цифровой торговли, в том числе и трансграничной электронной коммерции, способствует росту международной торговли [3, p. 143; 4, p. 56]. Трансграничная электронная коммерция способствует структурным из-

менениям в глобальной торговле, в результате чего торговые субъекты переходят от доминирования транснациональных гигантов к широкому участию малых и средних предприятий. Некоторые ученые представляют трансграничную электронную коммерцию как усовершенствованную модель традиционной международной торговли, трансформированную за счет внедрения цифровых технологий и инноваций [12, с. 190]. Теория «воздушного торгового коридора», выдвинутая Чу Инь, показывает, что трансграничная электронная коммерция создала «воздушный торговый коридор», в котором главную роль играют малые и средние предприятия, которые через глобальную логистику предоставляют потребителям точные и персонализированные продукты и услуги [13]. Эта трансформация значительно снизила порог входа в международную торговлю: цифровые технологии решили проблему асимметрии информации, комплексные услуги платформ смягчили проблему недостаточного финансирования торговли, онлайн-процессы упростили сложные таможенные процедуры. Появление и развитие трансграничной электронной коммерции создает положительный эффект и для потребителей, предоставляя доступ к зарубежным товарам из любой точки мира с возможностью онлайн-оплаты, а также быстрой и безопасной доставкой [14, с. 306]

Однако, несмотря на стремительное развитие, трансграничная электронная коммерция сталкивается с большим количеством вызовов, рисков и угроз. Большинство научных работ по теме исследования посвящены проблемам безопасности совершения онлайн-сделок и обработки персональных данных [15; 16]. Некоторые зарубежные исследования посвящены комплексному анализу рисков электронной коммерции [17–19].

Анализ ключевых вызовов и угроз трансграничной электронной коммерции. Условно, основные вызовы, стоящие перед мировым рынком трансграничной

электронной коммерции, можно разделить на вызовы, связанные с: кибербезопасностью, логистикой, конкуренцией на локальных рынках со стороны традиционных розничных магазинов, ужесточением торговых барьеров странами-импортерами и усилением правового регулирования онлайн-торговли, необходимостью соответствовать требованиям устойчивого развития.

Резкий рост торговых ограничений стал одной из самых крупных угроз для развития трансграничной электронной коммерции. По данным МВФ, в последние годы количество торговых ограничений в мире увеличилось в четыре раза, причем 70 % из них носят разрушительный характер и оказывают значительное негативное влияние на мировую торговлю [20]. Основными причинами такого роста являются геополитическая напряженность и политика протекционизма многих стран мира, в том числе торговая война между Китаем и США, санкционная политика стран Запада против России, а также ограничения, вызванные пандемией *COVID*-19. Наблюдается ужесточение требований некоторых стран, касающихся конкретно электронной коммерции. Примеры ограничений, введенных в 2021–2025 гг., представлены в табл. 2.

Безусловно, одним из основных вызовов является конкуренция зарубежных онлайн-маркетплейсов с традиционными оффлайн-ритейлерами на локальных рынках. По данным *Statista*, в 2024 г. доля продаж оффлайн магазинов в общем объеме ритейл-продаж в мире составляет 82,7 %, однако прогнозируется снижение показателя до 78,6 % в 2029 г. [25]. Многие традиционные ритейлеры переходят в сегмент электронной коммерции, составляя конкуренцию онлайн-ритейлерам. Основными преимуществами традиционных ритейлеров являются лояльность и доверие потребителей к бренду, а также физическое присутствие, дающее возможность тестирования продукта перед покупкой.

Таблица 2

Ключевые изменения в нормативно-правовом регулировании в области трансграничной электронной коммерции стран мира в 2021–2025 гг.

Страна/ регион	Изменения	Объект ограничений	Влияние на трансграничную электронную коммерцию
США	Отмена правила *De Minimis*	Товары из КНР стоимостью <800 дол. США	Снижение выручки онлайн-ритейлеров
ЕС	Отмена льгот по НДС на импорт товаров стоимостью до 22 евро; требование обязательной электронной импортной декларации для всех отправлений до 150 евро; вступление в силу *Digital Services Act* со штрафом до 6 % глобального оборота за нарушения	Все импортируемые товары, в том числе товары с платформ электронной коммерции; контент маркетплейсов	Удорожание товаров на платформах электронной коммерции; увеличение издержек онлайн-ритейлеров
Бразилия	Положение о реформе налоговой системы, введение налога в размере 17 %	Зарубежные товары, приобретенные онлайн, стоимостью ≤50 дол. США	Удорожание товаров на платформах электронной коммерции
Индонезия	Запрет на электронную коммерцию на платформах социальных медиа	Продажи в социальных сетях	Снижение выручки маркетплейсов, например, *TikTok Shop*

Источник: [21–24].

Трансграничная электронная коммерция сталкивается с системными проблемами в сфере логистики. Во-первых, высокая стоимость быстрой доставки товаров в другие страны, увеличивающая издержки компаний электронной коммерции или снижающая количество покупок иностранными покупателями. Кроме того, изменения в таможенной политике многих стран привели к увеличению сроков таможенного оформления (например, в США срок таможенного оформления увеличился с 7–15 дней до 15–30 дней), увеличивающее сроки доставки товаров. Во-вторых, возврат товаров, приобретенных онлайн, в среднем по миру составляет 30 %. При этом, на данный момент 49 % онлайн-ритейлеров предоставляют бесплатный возврат товара [26]. Создание инфраструктуры для бесплатных или низких по стоимости возвратов товара требует значительных инвестиций компаний электронной коммерции, а при отсутствии такой инфраструктуры стоимость возврата будет высокой, что делает платформу не привлекательной для потребителя, или же будет значительно увеличивать затраты компании на доставку товаров. Кроме того, одной из крупных проблем глобального рынка электронной коммерции является непрозрачность информации об отслеживании посылок, снижающее доверие покупателей и, в последствии, сокращающее количество покупок онлайн. Возникающие проблемы с логистикой снижают конкурентоспособность товаров, приобретаемых онлайн, онлайн-ритейлеров и маркетплейсов.

Развитие трансграничной электронной коммерции и онлайн-платежей поспособствовало увеличению рисков онлайн-мошенничества и утечки персональных данных. Общемировые убытки от мошенничества с платежами в электронной коммерции составили 44,3 млрд дол. США [27]. Кроме того, наблюдалось увеличение количества захватов учетных записей пользователей на 131 % в 2022 г. по сравнению с показателем 2021 г. [28]. Согласно *Global Security Report*, розничная торговля, включая электронную

коммерцию, была наиболее подверженным кибератакам и утечке персональных данных сектором [29, p. 5]. Также возникают угрозы, стоящие перед компаниями, осуществляющими трансграничную электронную коммерцию, такие как: использование генеративного искусственного интеллекта для создания фейковых страниц оплаты, взлом электронных систем логистической инфраструктуры компаний, внедрение вредоносных кодов на страницы оплаты и т. д.

Как отмечает ЮНКТАД, развитие трансграничной электронной коммерции повлекло за собой увеличение эмиссии CO_2 и потребления электроэнергии [3, p. 154]. Основными факторами роста являются доставка, избыточная упаковка и долгосрочное хранение товаров. Во многих странах ужесточаются требования к упаковке товаров, что обязует онлайн-ритейлеров и маркетплейсы использовать биоразлагаемые упаковки. В связи с этим, одним из вызовов компаний электронной коммерции является необходимость соответствия принципам устойчивого развития. Оптимизация логистики и цепочек поставок, использование экологичной упаковки требует значительных инвестиций со стороны компаний электронной коммерции.

В соответствии с выделенными проблемами предлагаются следующие стратегические направления по решению проблем и увеличению устойчивости к вызовам на глобальном рынке, а также соответствующие рекомендации.

1. Трансформация на уровне предприятий электронной коммерции. Во-первых, ускорение реорганизации цепочки поставок и развертывание зарубежных складов. Несмотря на значительные первоначальные инвестиции, это позволяет избежать проблем с налогообложением товаров с низкой стоимостью и сократить сроки доставки. Рекомендуется *AI*-управление операциями, применение алгоритмов прогнозирования для оптимизации запасов на зарубежных складах, снижающих риск нереализации товаров. Во-вторых, компаниям, осуществляющим трансграничную электронную коммерцию, рекомендуется раз-

витие собственной инфраструктуры возвратов товара на зарубежных рынках, минимизирующих издержки на доставку возвращаемого товара. В-третьих, рекомендуется снижение зависимости от зрелых рынков Европы и США, ужесточающих требования к импорту товаров. Освоение рынков ЕАЭС, Ближнего Востока и Африки с более либеральной политикой по отношению к товарам, приобретенным на зарубежных платформах, и имеющих большой импортный потенциал для товаров, размещаемых на платформах электронной коммерции. В-четвертых, компаниям электронной коммерции для устойчивости к угрозам кибератак и онлайн-мошенничества рекомендуется использование двухфакторной аутентификации и шифрования данных. В-пятых, для увеличения конкурентоспособности рекомендуется развития *AR/VR*-технологий, предоставляющих возможность виртуального тестирования товаров. Кроме того, для минимизации затрат, связанных с адаптацией к требованиям устойчивого развития, рекомендуется внедрение принципов устойчивости в стратегию компании, постепенно снижая использование трудных в последующей переработке материалов упаковки, пересматривая логистические решения в пользу более экологичных и т. д.

2. Адаптация инструментов и методов регулирования торговли к особенностям электронной коммерции. В настоящее время инструменты торговли значительно отстают от практики трансграничной электронной коммерции. Во-первых, рекомендуется создать механизм сквозных трансграничных платежей, интегрирующий различные способы оплаты, такие как кредитные карты и электронные кошельки. Кроме того, рекомендуем внедрять странами практику электронной таможенной очистки через единое окно, как в малайзийской модели «*eWTP*».

Существующие барьеры торговли не адаптированы к фрагментированным заказам, а правила цифровой торговли еще не установлены. Рекомендуется установить

принципы налогообложения трансграничной электронной коммерции в рамках ВТО. Разработать положения об освобождении от налогов для малых и средних предприятий, например, установить разумный порог освобождения от налогов.

Сбалансированная налоговая суверенность стран и снижение торговых барьеров, сочетание защищенного местного рынка и доступности покупки иностранных товаров позволит трансграничной электронной коммерции действительно стать фактором роста мировой экономики.

Библиографические ссылки

1. E-commerce worldwide – statistics & facts // Statista. – URL: https://www.statista.com/topics/871/online-shopping (date of access: 14.05.2025).
2. Cross-border e-commerce market value worldwide from 2019 to 2025 // Statista. – URL: https://www.statista.com/statistics/1296796/global-cross-border-ecommerce-market-value/ (date of access: 14.05.2025).
3. Shaping an environmentally sustainable and inclusive digital future: 2024 Digital Economy Report. – Geneva: United Nations, 2024. – xxvii, 252 p. // United Nations Trade and Development. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2024_en.pdf (date of access: 14.05.2025).
4. Trade and inclusiveness: How to make trade work for all: World Trade Report 2024 // World Trade Organization. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtr24_e/wtr24_e.pdf (date of access: 14.05.2025).
5. E-commerce in Southeast Asia. Statistics report on e-commerce in Southeast Asia // Statista. – URL: https://www.statista.com/study/176083/e-commerce-in-southeast-asia/ (date of access: 14.05.2025).
6. E-commerce in China – statistics & facts // Statista. – URL: https://www.statista.com/topics/1007/e-commerce-in-china/ (date of access: 14.05.2025).
7. Statistics // General Administration of Customs of the People's Republic of China. – URL: http://english.customs.gov.cn/statics/report/trade.html (date of access: 10.05.2025).

8. 2025年全链路跨境电商发展现状调查报告 // 报告智库 = Отчет об исследовании состояния развития трансграничной электронной коммерции со всеми источниками за 2025 г. // 报告智库 = Информационное агентство BaoGaoZhiKu. –12.03.2025. – URL: https://www.baogaozhiku.com/15349.html (дата обращения: 14.05.2025).

9. E-commerce in Latin America. Statistics report on e-commerce in Latin America // Statista. – URL: https://www.statista.com/study/14764/e-commerce-in-latin-america/ (date of access: 12.05.2025).

10. E-commerce in the United States. Statistics report on e-commerce in the United States // Statista. – URL: https://www.statista.com/study/28028/e-commerce-in-the-united-states-statista-dossier/ (date of access: 12.05.2025).

11. E-commerce in the European Union. Statistics report on e-commerce in the European Union // Statista. – URL: https://www.statista.com/study/28488/e-commerce-in-europe-statista-dossier/ (date of access: 09.05.2025).

12. Голикова, С. К. Тенденции и условия развития рынка трансграничной электронной торговли / С. К. Голикова, А. Н. Кусков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Серия: Экономические науки. – 2024. – № 10–2 (97). – С. 190–194. – URL: http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2024/11/Golikova2.pdf (дата обращения: 12.05.2025).

13. 储殷. 推进 «一带一路» 跨境电商正在成为新动力/ 储殷= Чу Инь. Продвижение инициативы «Один пояс, один путь»: трансграничная электронная коммерция становится новой движущей силой / Чу Инь // 球化智库= Центр Китая и глобализации. –10.03.2018. – URL: http://www.ccg.org.cn/archives/33099 (дата обращения: 12.05.2025).

14. Головенчик, Г. Г. Трансграничная электронная торговля как проявление цифровой глобализации / Г. Г. Головенчик // Беларусь в современном мире: материалы XXII Междунар. науч. конф., посвящ. 102-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2023 г. – Минск : БГУ, 2023. – С. 305–310. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/309765 (дата обращения: 12.05.2025).

15. Электронная коммерция: возможности и угрозы современного бизнеса / Д. Л. Скипин, Т. А. Кольцова, М. В. Шаргина, А. В. Шаргина // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. – 2022. – Т. 8, № 2 (30). – С. 201–217. – URL: https://doi.org/10.21684/2411-7897-2022-8-2-201-217 (дата обращения: 12.05.2025).

16. Трунцевкий, В. Г. Криминальные угрозы электронной коммерции: международные и национальные аспекты / Ю. В. Трунцев-

ский, К. В. Кецко // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 6. – С. 18–22. – URL: https://old.lawinfo.ru/assets/files/MPCHP/2020/6/MPCHP_6_20-4.pdf (дата обращения: 12.05.2025).

17. Helmy, E. E-Commerce Challenges, Definitions, Solutions and Evaluation / Y. Helmy, M. Ashraf, L. Abdelhamid // Journal of Computer Science. – 2023. – Vol. 19, N 9. – P. 1087–1097. – URL: https://doi.org/10.3844/jcssp.2023.1087.1097 (date of access: 12.05.2025).

18. Khanna, P. Recent prospects and challenges in E-Commerce / P. Khanna, P. Kalra // Asian Journal of Management and Commerce. – 2023. – Vol. 4, N 1. – P. 286–289. – URL: https://www.allcommercejournal.com/article/172/4-1-42-383.pdf (date of access: 12.05.2025).

19. Identification of benefits, challenges, and pathways in E-commerce industries: An integrated two-phase decision-making model / S. Gupta, P. Kushwaha, U. Badhera [et al.] // Sustainable Operations and Computers. – 2023. – Vol. 4. – P. 200–2018. – URL: https://doi.org/10.1016/j.susoc.2023.08.005 (date of access: 12.05.2025).

20. Глава МВФ: количество торговых ограничений в мире за последние годы выросло в четыре раза // ТАСС. – 28.04.2024. – URL: https://tass.ru/ekonomika/20677957 (дата обращения: 15.05.2025).

21. 全球征税潮，亚马逊自发货凉了 // 网易 = Самовывоз с Amazon теряет популярность из-за глобального налогообложения // 网易 = Новостное агентство NetEase. – 03.06.2025. – URL: https://www.163.com/dy/article/K14EH4PJ0552DZD9.html (дата обращения: 05.06.2025).

22. Amendment to Duties to Address the Situation at our Southern Border // The White House. – 02.03.2025. – URL: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/03/amendment-to-duties-to-address-the-situation-at-our-southern-border/ (date of access: 15.05.2025).

23. Customs formalities for low value consignments // The Directorate-General Taxation and Customs Union, European Union. – URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/customs/customs-procedures-import-and-export/customs-operations/customs-formalities-low-value-consignments_en. (date of access: 12.05.2025).

24. Индонезия запретила коммерческие транзакции в соцсетях // ТАСС. – 23.09.2023. – URL: https://tass.ru/ekonomika/18852847 (дата обращения 12.05.2025).

25. Revenue share of the e-commerce market worldwide from 2019 to 2029, by sales channel // Statista. – URL: https://www.statista.com/statistics/534123/e-commerce-share-of-retail-sales-worldwide/ (date of access: 11.05.2025).

26. Salekh. Kh. E-commerce Product Return Rate: Statistics and Trends / Kh. Saleh // invesp. – 05.04.2025 – URL: https://www.invespcro.com/blog/ecommerce-product-return-rate-statistics/ (date of access: 18.05.2025).

27. Value of e-commerce losses to online payment fraud worldwide in 2023 and 2024, with forecasts for 2029 // Statista. – URL: https://www.statista.com/statistics/1273177/ecommerce-payment-fraud-losses-globally/ (date of access: 13.05.2025).

28. Ecommerce fraud trends and statistics merchants need to know in 2024 // MasterCard. – URL: https://b2b.mastercard.com/news-and-insights/blog/ecommerce-fraud-trends-and-statistics-merchants-need-to-know-in-2024/ (date of access: 13.05.2025).

29. 2020 Trustwawe Global Security Report // Trustwave. – URL: https://www.trustwave.com/hubfs/Web/Library/Documents_pdf/D_16791_2020-trustwave-global-security-report.pdf (date of access: 11.05.2025).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Е. Л. Давыденко

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
Davidenko@bsu.by

В статье рассматривается текущее состояние и перспективы цифровизации экономики Республики Беларусь. Отмечается значительный прогресс в развитии информационно-коммуникационной инфраструктуры и электронной торговли, проникновении цифровых технологий в бизнес-процессы, динамике валовой добавленной стоимости цифровой экономики во всех сегментах – ИКТ, контенте и СМИ, цифровой торговле, росте инвестиций, в том числе иностранных, в основной капитал. Дальнейшее развитие предполагает наращивание цифровой торговли и государственных услуг, укрепление кадрового потенциала. Подчеркивается, что особое внимание необходимо уделить сокращению межрегиональных различий в уровне цифровизации для обеспечения равномерного цифрового развития страны.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровая трансформация; цифровые технологии; Республика Беларусь.

DIGITALIZATION OF THE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF BELARUS AT THE PRESENT STAGE

E. L. Davydzenka

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, Davidenko@bsu.by

The article examines the current state and prospects of digitalization of the economy of the Republic of Belarus. Significant progress has been noted in the development of information and communication

infrastructure and electronic commerce, the penetration of digital technologies into business processes, the dynamics of the gross added value of the digital economy in all segments – ICT, content and media, digital trade, and the growth of investment, including foreign investment, in fixed assets. Further development involves increasing digital trade and public services, strengthening human resources. It is emphasized that special attention should be paid to reducing interregional differences in the level of digitalization to ensure the country's uniform digital development.

Keywords: digital economy; digital transformation; digital technologies; Republic of Belarus.

В настоящее время Республика Беларусь находится в активной стадии цифровой трансформации национальной экономики и развития информационно-коммуникационной инфраструктуры. По данным Национального статистического комитета по состоянию на 2023 г. «обеспеченность населения широкополосным доступом в интернет достигла высокого уровня: 35 абонентов стационарного и 103 абонента беспроводного доступа на 100 человек» [1]. Статистика свидетельствует о формировании устойчивой основы для дальнейшей цифровизации экономики Беларуси. Важно отметить охват населения услугами сотовой подвижной электросвязи по технологии *LTE* (4*G*), который по данным национальной статистики составил 98,4 %. «Доля населения, использующего сеть Интернет в возрасте 6–72 года, составляет 91,5 % при 82,1 % использующих его ежедневно, 56,1 % населения использует интернет для осуществления финансовых операций, 32,2 % – для взаимодействия с органами государственного управления» [1]. Активно развивается цифровизация государственных услуг – количество оказанных электронных услуг и административных процедур достигло 1401 на 100 человек за рассматриваемый период [1]. Около 20 % населения имеют доступ к высокоскоростному интернету со скоростью более 100 Мбит/с Данная статистика подтверждает поло-

жительную динамику развития и использования населением современных цифровых услуг.

Цифровые технологии активно проникают и в бизнес-процессы организаций. По данным национальной статистики, 95 % предприятий и организаций имеют широкополосный доступ в интернет [1]. Это создает благоприятные условия для цифровизации бизнеса. Необходимо отметить, что валовая добавленная стоимость организаций сектора ИКТ составляет 6,9 % от общей валовой добавленной стоимости национальной экономики, доля производства товаров и услуг сектора ИКТ в общем объеме производимых товаров и услуг равна 6 % [1]. Указанные цифры свидетельствуют о вкладе цифрового сектора в экономику страны.

Анализ занятости в секторе ИКТ, по данным национальной статистики, показывает, что доля работников организаций сектора ИКТ составляет 81,4 % от общей численности работников цифрового сектора, доля занятых в цифровой торговле – 9 %, в секторе контента и СМИ – 9,6 %. Из 7807 организаций цифрового сектора Беларуси 5415 относятся к сектору ИКТ, 1 429 – к цифровой торговле и 963 – к сектору контента и СМИ [1]. Доля ученых, осуществляющих исследования и разработки в области информационно-коммуникационных технологий, составляет 5,6 % общего количества исследователей в стране. Эти данные свидетельствуют о необходимости дальнейшего наращивания кадрового потенциала цифрового сектора белорусской экономики.

Инвестиционная привлекательность сектора ИКТ достаточно высокая. По данным статистики 2023 г. организации сектора ИКТ привлекли 9,8 % от общего объема иностранных инвестиций в страну, цифровой торговли – 0,9 %, сектора контента и СМИ – всего 0,02 % [1]. Экспортировано услуг в области информационно-коммуникационных технологий на более чем 30,0 % от общего объема экспорта услуг.

Анализ национальной статистики по регионам Беларуси позволил выявить неравномерность их цифрового развития по состоянию на 30 июня 2023 г. (рис. 1).

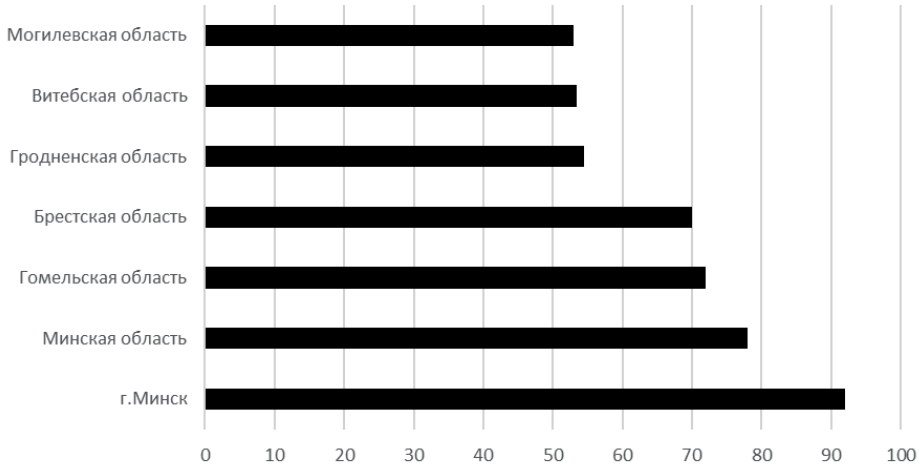


Рис. 1. Цифровое развитие регионов Республики Беларусь, %

Источник: [2]

Представленная на рис. 1 диаграмма показывает лидирующие позиции по уровню цифрового развития в Минске и Минской области, что объясняется концентрацией в столице человеческого капитала, ИКТ-компаний и развитой инфраструктуры.

Динамика валовой добавленной стоимости всех секторов цифровой экономики показывает устойчивый рост. Общий объем валовой добавленной стоимости достиг почти 13 млрд рублей к 2023 г. с доминированием сектора ИКТ. Цифровая торговля увеличилась до 595,5 млн руб., сектор контента и СМИ – до 531,3 млн руб. (рис. 2).

В Республике Беларусь сформировались конкурентные преимущества в цифровом секторе национальной экономики благодаря созданию Декретом Президента в 2005 г. Парка высоких технологий (ПВТ). Рис. 3 демонстрирует положительную динамику экспорта компаний ПВТ с

2007 по 2021 г. Объем экспорта вырос с нулевого уровня до 3,2 млрд дол. США в 2021 г. По информации Парка, по итогам 2024 г. компаниям удалось удержать экспорт на уровне 2023 г. – 1,8 млрд дол., что является наименьшим значением за последние 6 лет (рис. 3).

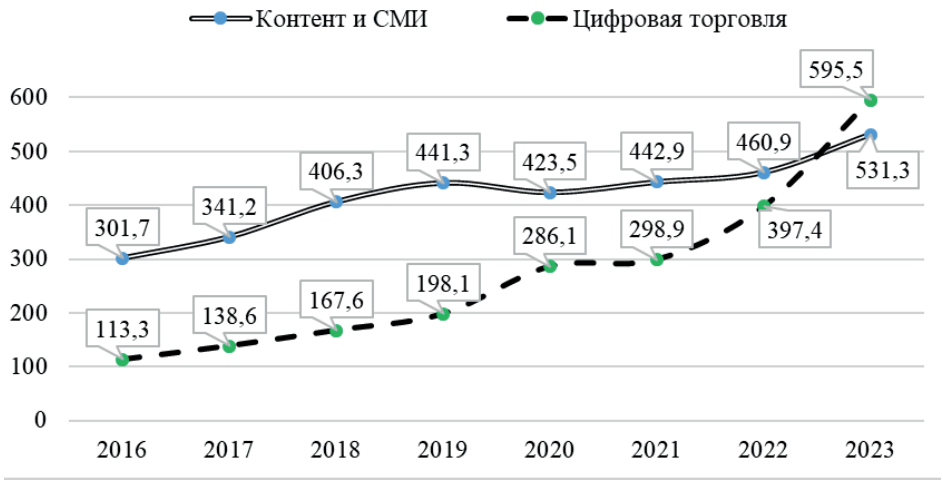


Рис. 2. Валовая добавленная стоимость по категориям цифровой экономики Республики Беларусь, 2016–2023 гг., млн руб.

Источник: [1].

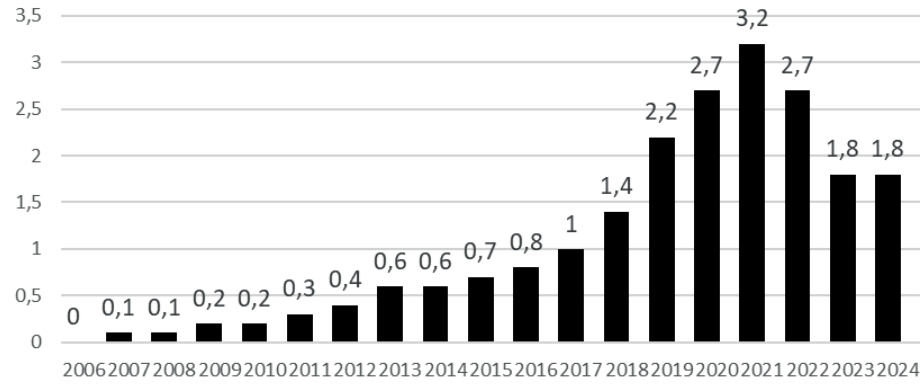


Рис. 3. Экспорт компаний ПВТ, 2006–2024 гг., млрд дол. США

Источник: [3].

В 2020–2021 гг. в Парк вступило 417 компаний, в 2022–2024 гг. – еще добавилась 221 новая компания. Сегодня в ПВТ более 1000 резидентов и порядка 60 тыс. работников. За 2024 г. резиденты ПВТ создали почти 7 тыс. новых рабочих мест [3].

В Парке сосредоточены порядка 100 центров разработки иностранных корпораций. Более 35 % резидентов Парка – компании с зарубежным капиталом. С 2017 г. Парк привлек суммарно более 2,3 млрд дол. США иностранных инвестиций [3].

Цифровая трансформация национальной экономики осуществляется на основе комплексной государственной политики и опирается на ряд документов. Основным является Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг., включающая 6 подпрограмм и 84 мероприятия. Программа направлена на внедрение информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества [4].

С принятием Декрета № 8 «О развитии цифровой экономики» в 2017 г. резиденты ПВТ расширили направления своей деятельности, получили возможность использовать институт английского права и нанимать высококвалифицированных иностранных специалистов по упрощенной системе. В апреле 2023 г. принято Постановление правительства № 280 от 21 апреля 2023 г. «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136», определяющее показатели уровня цифрового развития отраслей экономики и административно-территориальных единиц [5].

В современных условиях цифровая трансформация экономики Республики Беларусь развивается с положительной динамикой, характеризуется проникновением информационно-коммуникационных технологий во все отрасли национальной экономики. Дальнейший прогресс связан с расширением проникновения цифровых техно-

логий в бизнес-процессы, развития цифровой торговли, цифровых государственных услуг, увеличения человеческого потенциала и его капитализации в цифровом секторе национальной экономики. Рекомендуется обратить внимание на необходимость сокращения межрегиональных различий для обеспечения более равномерного цифрового развития страны.

Библиографические ссылки

1. Цифровая экономика // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/tsifrovaya-ekonomika/ (дата обращения: 09.06.2025).

2. Калиновская, И. Н. Анализ уровня цифровизации экономики Республики Беларусь и ее регионов / И. Н. Калиновская // Вестн. Витебск. гос. технолог. ун-та. – 2023. – № 2 (45). – С. 82–94. – URL: https://vestnik.vstu.by/rus/issues/vestnik-45/economy/analysis-digitalization-level-economy-republic-belarus-and-its-regions/ (дата обращения: 08.06.2025).

3. ПВТ сегодня // Парк высоких технологий. Беларусь. – URL: https://www.park.by/htp/about/ (дата обращения: 08.06.2025).

4. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – URL: https://www.mpt.gov.by/ru/gosudarstvennaya-programma-cifrovoe-razvitie-belarusi-na-2021-2025-gody (дата обращения: 15.05.2025).

5. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апр. 2022 г. № 136 : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 21 апр. 2023 г. № 280 // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь – URL: https:// https://mpt.gov.by/en/node/9098 (дата обращения: 09.06.2025).

«ЗЕЛЕНАЯ» ЭКОНОМИКА СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСОВ 2020–2022 гг.

К. С. Журавская

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
zhuravskayaks@bsu.by

Статья анализирует влияние кризисов 2020–2022 гг. на «зеленую» экономику стран Европейского союза. На примере роста доли возобновляемых источников энергии и инициатив вроде *RePowerEU* анализируются стратегические сдвиги в энергополитике ЕС, включая новые вызовы в виде необходимости импорта критических минералов. Устанавливается, что «зеленая экономика» может развиваться даже во время кризиса, но для этого необходима институциональная готовность и геополитическая адаптивность.

Ключевые слова: «зеленая экономика»; Европейский союз; энергетический кризис; энергетическая безопасность; возобновляемые источники энергии; *RePowerEU*.

GREEN ECONOMY OF THE EUROPEAN UNION IN THE CONTEXT OF 2020–2022 CRISES

K. S. Zhurauskaya

Belarussian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
zhuravskayaks@bsu.by

The article analyzes the impact of the 2020–2022 crises on the green economy of the European Union countries. Using the example of the growing share of renewable energy sources and initiatives such as RePowerEU, it analyzes strategic shifts in the EU energy policy, including new challenges in the form of the need to import critical minerals. It is established that the «green» economy can develop even during a crisis, but this requires institutional readiness and geopolitical adaptability.

Keywords: «green» economy; European Union; energy crisis; energy security; renewable energy sources; RePowerEU.

В условиях углубляющегося климатического кризиса необходимость перехода к устойчивой модели экономического развития приобретает стратегический характер. Зеленая экономика, направленная на достижение экологической, экономической и социальной устойчивости, становится ключевым направлением трансформации хозяйственных систем во всем мире.

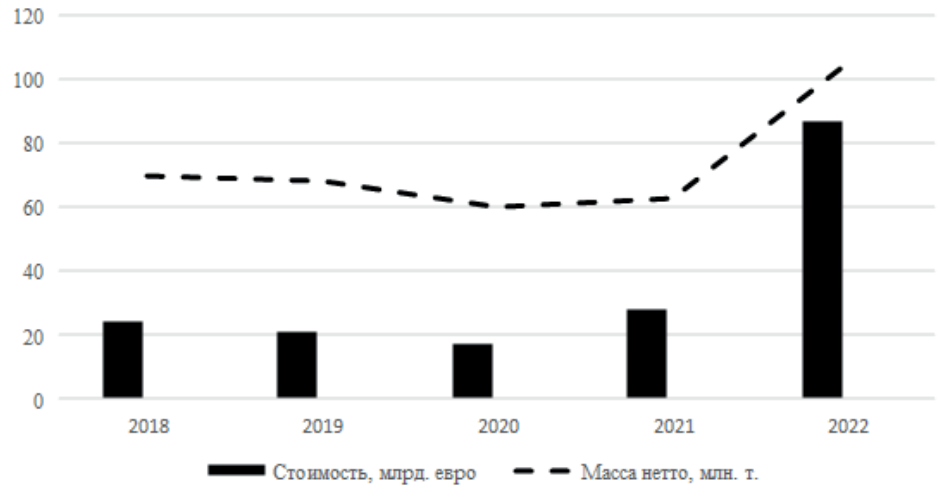
Европейский союз (ЕС), выступающий одним из лидеров в продвижении климатической повестки, еще до начала глобальных кризисов 2020–2022 гг. обозначил зеленый переход в качестве приоритета, утвердив стратегию «Европейская зеленая сделка» (*European Green Deal*, 2019 г.). В рамках ЕЗС предполагается достижение углеродной нейтральности к 2050 г., а также экологоориентированная трансформация промышленности, энергетического сектора, сельского хозяйства, транспорта и финансов. Реализация столь масштабного проекта происходит в условиях высокой неоднородности стран – членов ЕС: различия в уровне экономического развития, структуре энергетического баланса и степени зависимости от ископаемых ресурсов напрямую влияют на внутреннюю устойчивость экономики и чувствительность к внешним шокам [1].

Именно в такой фазе амбициозного экологического курса ЕС столкнулся с двумя крупными экзогенными кризисами – пандемией *COVID*-19 в 2020 г. и энергетическим кризисом 2022 г. Эти события существенно повлияли на темпы реализации ЕЗС, оказав как сдерживающее, так и стимулирующее воздействие. Так, пандемия привела к масштабным сбоям в глобальных цепочках поставок, что повлияло на доступ к экологическим технологиям и компонентам. Вместе с тем временное снижение экономической активности позволило странам ЕС временно уменьшить уровень выбросов парниковых газов, а также переосмыслить устойчивость своих экономических моделей [2].

В 2020 г., в условиях резкого сокращения экономической активности, ЕС зафиксировал беспрецедентное снижение выбросов парниковых газов. По оценкам Европейского агентства по окружающей среде (*EEA*), транспортный сектор, являющийся ключевым источником выбросов, испытал значительное сокращение спроса: пассажирские перевозки по автодорогам снизились на 57 %, а пассажирооборот в авиации упал на 65,2 % по сравнению с 2019 г. [3]. Вместе с тем нельзя не отметить, что после официального завершения локдауна и возврату к до-пандемийным темпам производства, объем выбросов парниковых газов вернулся к уровню 2019 г.

Кроме того, особое значение имеет то, что в ответ на пандемию ЕС запустил масштабный восстановительный фонд *NextGenerationEU*, значительная часть которого направлена на ускорение экологической трансформации [4]. Таким образом, кризис стал и вызовом, и возможностью: инвестиции в ВИЭ, цифровизацию и зеленую инфраструктуру были позиционированы как антикризисная мера, обеспечивающая не только восстановление экономики, но и ее устойчивость в будущем.

Тем временем, кризис 2022 г. поставил под сомнение энергетическую безопасность ЕС, особенно в контексте отказа от российских энергоносителей (рисунок). Можно отметить, что снижение импорта носило краткосрочный характер, однако ценовой шок на рынке энергоносителей (рост стоимости нефти в 2022 г. значительно опережает рост физического объема) побудил европейские страны задуматься об обеспечении энергетической безопасности посредством использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ). По данным Евростата, доля ВИЭ в генерации электроэнергии составила 45,3 % в 2023 г. по сравнению с 37,4 % в 2021 г. При этом темпы роста использования ВИЭ значительно увеличились (9,8 % в 2023 г. по сравнению с 6,1 % в 2019 г.) [5].



Среднемесячные показатели импорта энергоносителей
в Европейском союзе

Источник: [5].

В этой связи важнейшим политическим инструментом стала инициатива «*RePowerEU*», принятая в 2022 г. Ее цель – сокращение спроса на газ на 155 млрд кубометров, что равно объему газа, импортированному из России в 2021 г. На финансирование проектов, целью которых является сокращение зависимости от природных ископаемых, выделено 45 млрд евро, при этом ожидается, что к 2027 г. объем финансирования превысит 150 млрд евро (увеличившись в три раза за пять лет) [6].

В качестве альтернативы зеленой энергетике, Европейский союз продолжил искать альтернативы российскому импорту. Так, в кратчайшее время были усилены договоренности с Азербайджаном, Норвегией, Египтом и Израилем [7–9]. При этом с Норвегией, к примеру, объектом переговоров стало не только увеличение поставок газа, но и увеличение поставок электроэнергии, сгенерированной ветроустановками.

При этом переход к зеленой экономике имеет значительные геополитические последствия. Сокращение им-

порта нефти и газа из стран вне ЕС подрывает доходы традиционных экспортеров, таких как Россия и Алжир. Однако растущий спрос на редкоземельные элементы и металлы, необходимые для производства ВИЭ и аккумуляторов, открывает новые возможности для стран с соответствующими ресурсами. Перспективным партнером в таком случае может стать Китай, который обладает внушительными запасами лития, кобальта и никеля. По сравнению с 2021 г. доля Китая в импорте ЕС изменилась незначительно (20,2 % в 2021 г. и 20,5 % в 2023 г.), однако устойчивый характер этого показателя подтверждает стратегическое значение Китая как поставщика критически важных ресурсов, необходимых для развития зеленой экономики и перехода к технологиям низкоуглеродного производства в ЕС [10].

Таким образом, кризисы 2020–2022 гг. стали стресс-тестом для экологической повестки Европейского союза. Они выявили уязвимости текущих моделей, но одновременно подтвердили политическую решимость ЕС двигаться в сторону зеленой трансформации, и несмотря на краткосрочные сбои ускорили переход ЕС к ВИЭ.

Глобальные кризисы могут усиливать экологическую повестку, однако этот эффект зависит только от институциональной готовности (к примеру, наличия институциональных фондов вроде *NextGenerationEU* или готовности выделять большие объемы финансирования на инициативы вроде *RePowerEU*) и геополитической адаптивности. Ключевым вызовом для ЕС в таком случае становится минимизация новых зависимостей при одновременном обеспечении стабильно высоких темпов зеленого перехода.

Библиографический список

1. Regulation (EU) 2021/1056 of the European Parliament and of the Council of 24 June 2021 establishing the Just Transition Fund// EUR-Lex: Access to European Union law. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32021R1056 (date of access: 10.06.2025).

2. Post-COVID recovery and green transition: an ecosystem view // European Investment Bank. – 08.05.2024. – URL: https://www.eib.org/en/publications/20230325-post-covid-recovery-and-green-transition-an-ecosystem-view (date of access: 10.06.2025).

3. COVID-19 and Europe's environment: impacts of a global pandemic: Briefing 13/2020, 05.11.2020 // European Environment Agency. – URL: https://www.eea.europa.eu/en/analysis/publications/covid-19-and-europe-s (date of access: 10.06.2025).

4. A recovery plan for Europe // European Council. – URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-recovery-plan (date of access: 10.06.2025).

5. Energy statistics – an overview // Eurostat. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Energy_statistics_-_an_overview (date of access: 10.06.2025).

6. REPowerEU and the EIB // European Investment Bank. – URL: https://www.eib.org/en/projects/topics/energy-natural-resources/energy/repowereu (date of access: 10.06.2025).

7. EU – Azerbaijan energy cooperation: Joint statement on enhanced partnership : press-release, 18.07.2022 // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_4550 (date of access: 10.06.2025).

8. EU – Norway Green Alliance: Joint statement on climate, energy and environmental cooperation: press-release, 23.06.2022 // European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_22_3975 (date of access: 10.06.2025).

9. EU Egypt Israel Memorandum of Understanding, 17.06.2022 // European Commission. – URL: https://energy.ec.europa.eu/publications/eu-egypt-israel-memorandum-understanding_en (date of access: 10.06.2025).

10. EU – China trade relations: Critical raw materials and green technologies // European Commission. – URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/china_en (date of access: 10.06.2025).

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦУР В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ЭЛЕКТРОННЫМИ ОТХОДАМИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

А. В. Петрашевская

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
petrala@bsu.by

В статье анализируются актуальные подходы к реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) в контексте обращения с электронными отходами на международном уровне. Особое внимание уделяется интеграции принципов циркулярной экономики, таких как расширенная ответственность производителей, повторное использование и переработка, в практики управления электронными отходами. На основе сравнительного анализа страновых стратегий и корпоративных инициатив раскрываются институциональные и технологические инструменты достижения ЦУР, в частности целей 12 (Рациональное потребление и производство), 13 (Борьба с изменением климата) и 3 (Хорошее здоровье и благополучие). Подчеркивается значительная диспропорция между развитыми и развивающимися странами в уровне образования и переработки электронных отходов, что требует активизации международного сотрудничества, трансфера технологий и нормативной гармонизации. Представленные результаты демонстрируют, что эффективное управление электронными отходами является неотъемлемой частью устойчивого развития и требует межсекторальной координации и долгосрочного стратегического планирования.

Ключевые слова: ЦУР; циркулярная экономика; электронные отходы; жизненный цикл; эко-дизайн; ресейлинг; бизнес-модель; устойчивое развитие.

IMPLEMENTATION OF SDGS IN THE SPHERE OF ELECTRONIC WASTE MANAGEMENT: INTERNATIONAL EXPERIENCE

A. V. Petrasheuskaya

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, petrala@bsu.by

The article analyzes current approaches to the implementation of the Sustainable Development Goals (SDGs) in the context of e-waste management at the international level. Particular attention is paid to the integration of circular economy principles, such as extended producer responsibility, reuse and recycling, into e-waste management practices. Based on a comparative analysis of country strategies and corporate initiatives, institutional and technological instruments for achieving the SDGs are revealed, in particular goals 12 (Sustainable Consumption and Production), 13 (Climate Action) and 3 (Good Health and Well-Being). A significant disparity between developed and developing countries in the level of e-waste generation and recycling is emphasized, which requires enhanced international cooperation, technology transfer and regulatory harmonization. The presented results demonstrate that effective e-waste management is an integral part of sustainable development and requires intersectoral coordination and long-term strategic planning.

Keywords: SDG; circular economy; e-waste; life cycle; eco-design; reselling; business model; sustainable development.

Современная структура потребления характеризуется высокой степенью технологической насыщенности, что выражается в масштабном производстве электрического и электронного оборудования, устройств информационно-коммуникационных технологий и телекоммуникационных систем. Возрастающий спрос на данную продукцию обусловлен как ростом численности населения и уровнем урбанизации, так и ускоренной сменой поколений техники, стимулируемой инновациями и маркетинговыми

стратегиями производителей. По завершении жизненного цикла эти изделия утрачивают свою потребительскую ценность и переходят в категорию электронных отходов (е-отходов), формируя одно из наиболее остро стоящих экологических и экономических вызовов современной индустриализированной цивилизации. Эскалация объемов е-отходов обусловлена как кратким жизненным циклом продуктов, так и отсутствием универсальных, высокоэффективных механизмов их возврата в экономический оборот. В 2022 г. глобальное производство электронных отходов составило **62 млн т**, что эквивалентно **7,8 кг на душу населения.** Из них только **22,3 %** было официально собрано и переработано (формальная переработка), остальное либо незаконно экспортировано, либо захоронено/сожжено в неподходящих условиях. Для сравнения, в 2019 г. объем мировых электронных отходов составлял 53,6 млн т, что на 21 % больше, чем в 2015 г., что свидетельствует о быстрых темпах развития технологий [1]. В 2022 г. наибольший удельный объем образования электронных отходов среди развитых стран зафиксирован в Норвегии – около 26 кг на душу населения, за ней следуют Великобритания (24 кг/чел.) и Швейцария (23 кг/чел.). Сравнимо высокие значения наблюдаются также в ряде других индустриально развитых государств, включая Данию, Австралию, Нидерланды, Японию, Германию, Францию и Канаду, где средний объем электронных отходов на душу населения находится в диапазоне от 19 до 22 килограмм в год. В развивающихся странах этот показатель варьируется от 2 до 7 кг/чел. Производство электронных отходов также значительно различается по регионам: на Азию приходится 46,4 % мировых электронных отходов, за ней следует Америка с 24,4 % [2]. Эти показатели свидетельствуют о высокой степени насыщенности потребительского рынка электронными устройствами и обостряют необходимость в эффективных системах управления отходами и расширенного цикла переработки.

На современном этапе электронные отходы представляют собой сложные многокомпонентные техногенные материалы, включающие широкий спектр компонентов различной природы. В их состав входят полимерные соединения, используемые в корпусах и изоляционных элементах, а также токсикологически важные неорганические компоненты, в том числе тяжелые металлы – свинец, ртуть, кадмий, бериллий и хром. Наличие указанных веществ обусловливает высокую экологическую опасность электронных отходов при их неконтролируемом накоплении, нарушении условий хранения или несоблюдении технологий утилизации и переработки. При несоблюдении стандартов утилизации, особенно в случаях открытого сжигания, происходит выделение высокотоксичных летучих соединений, оказывающих острое и хроническое воздействие на здоровье человека, включая заболевания дыхательной системы, онкологические патологии, дерматологические реакции, репродуктивные дисфункции и нейротоксические эффекты. Свинец, в частности, представляет особую опасность для детского организма, нарушая когнитивное развитие и функционирование почек, а в высоких концентрациях может быть летален. Неправильная утилизация электронных отходов ведет к загрязнению почв и водоносных горизонтов вследствие миграции тяжелых металлов, что обусловливает как ухудшение агроэкологических характеристик земель, так и накопление токсикантов в продовольственной продукции. Таким образом, формируется долгосрочная угроза устойчивости продовольственных систем и здоровью населения, особенно в развивающихся странах и регионах с низким уровнем экологического контроля.

В связи с вышеописанными рисками происходит трансформация государственного и корпоративного дискурса в сторону концепции циркулярной экономики, предполагающей закрытие производственно-потребительских циклов через повторное использование, восстановление и

переработку компонентов ЭЭО. Ключевыми стратегиями в данном контексте являются: продление жизненного цикла продуктов, извлечение вторичной материальной и функциональной ценности, сокращение потребления первичных ресурсов и минимизация негативного воздействия на климат посредством снижения объема выбросов парниковых газов. Одним из эффективных механизмов в рамках циркулярной модели выступает внедрение расширенной ответственности производителя, согласно которой производители несут институционально закрепленную финансовую и/или физическую ответственность за послепотребительскую фазу жизненного цикла продукции. Данная модель стимулирует как эко-дизайн, так и инновационные формы логистики возврата, переработки и безопасной утилизации.

В **2022 г.** программы переработки электронных отходов позволили избежать добычи **900 млн т первичной руды** и сэкономить около **93 млн т CO_2 эквивалента,** из которых **52 млн т** за счет металлургии [3]. Наиболее успешными примерами циркулярного управления электронными отходами являются такие страны, как Швейцария, Южная Корея, Япония, Германия и Нидерланды. В Швейцарии действует одна из первых и наиболее эффективных систем расширенной ответственности производителей. Производители и импортеры электроники обязаны финансировать сбор, переработку и утилизацию устройств. В 2022 г. уровень переработки электронных отходов в стране превысил 75 %. Южная Корея реализовала модель «экосистемы переработки», где технологии искусственного интеллекта используются для автоматизированной сортировки компонентов. Государственная корпорация *Korea Electronics Recycling Cooperative* занимается сбором и переработкой электронных отходов, добиваясь возврата более 80 % цветных и редкоземельных металлов. В Японии система управления электронными отходами основана на Законе об утилизации бытовой электроники. В стране действует более 400 центров переработки, и

уровень возврата материалов достигает 89 % по четырем основным категориям продукции (телевизоры, холодильники, кондиционеры, стиральные машины). В Нидерландах функционирует национальная платформа *Weee Nederland*, координирующая переработку электроники, а также стимулирующая вторичное использование через платформы обратной логистики. Практика ремонтных мастерских и ресейлинга входит в национальную стратегию сокращения отходов [3].

Многонациональные компании также играют ключевую роль в переходе к циркулярной модели. *Apple* реализует программу «*Daisy*» – роботизированную систему демонтажа смартфонов для возврата редкоземельных металлов. По данным компании, в 2022 г. более 20 % используемых металлов было получено из вторичных источников. Компания *Dell Technologies* запустила инициативу «*Closed Loop Recycling*», включающую использование переработанных пластиковых и металлических компонентов в новых продуктах. К 2030 г. компания ставит цель использовать не менее 50 % переработанных или возобновляемых материалов в своей продукции. Компания *HP* внедряет программы в 60 странах мира, перерабатывая принтеры, картриджи и ноутбуки, а также использует переработанный пластик для производства новых устройств. В 2023 г. около 75 % пластиковых деталей принтеров *HP* производились из вторичного сырья [3].

Тем не менее, эффективное внедрение принципов циркулярной экономики в управление электронными отходами требует системного и многоуровневого подхода, сочетающего как нормативно-правовые инструменты, так и институциональные, технологические и поведенческие механизмы. В качестве ключевых условий успешной реализации циркулярной модели следует выделить:

– нормативное закрепление расширенной ответственности производителей как правовой основы обращения с электронными отходами.

– формирование современной инфраструктуры переработки, способной эффективно извлекать ценные материалы с применением автоматизированных технологий и ИИ;

– стимулирование инновационного редизайна электронных устройств с ориентацией на модульность, ремонтопригодность и экологическую безопасность;

– усиление международного надзора и правоприменения в отношении незаконного трансграничного перемещения электронных отходов в развивающиеся страны;

– проведение просветительских и образовательных кампаний среди потребителей, направленных на осознание экологических и экономических последствий электронных отходов.

Мировой опыт демонстрирует, что интеграция циркулярной экономики в сферу обращения с электронными отходами способствует не только снижению антропогенной нагрузки на окружающую среду, но и формирует новые рынки, способствует технологической модернизации и укреплению ресурсного суверенитета. Реализация данных подходов позволяет рассматривать управление электронными отходами как стратегический элемент устойчивого развития национальных экономик.

Библиографический список

1. Electronic waste: Digital dumpsites and children's health // World Health Organization. – 02.10.2024. – URL: https://www.who.int/news-room/questions-and-answers/item/children-and-digital-dumpsites-e-waste-and-health (date of access: 02.06.2025).

2. Creating a Circular Economy for Electronic and Electrical Equipment // International Telecommunication Union. – URL: https://www.itu.int/en/mediacentre/backgrounders/Pages/e-waste.aspx (date of access: 02.06.2025).

3. Global E-waste Monitor 2024: Edition 2, Nov. 2024 / C. P. Baldé, R. Kuehr, T. Yamamoto [et al.] // E-Waste monitors. – URL: https://ewastemonitor.info/wp-content/uploads/2024/12/GEM_2024_EN_11_NOV-web.pdf (date of access: 02.06.2025).

РОЛЬ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В СТРАНАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: ПОТЕНЦИАЛ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ю. В. Петрашевская[1)], А. А. Нестерова[2)]

[1)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, petrasheYV@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nesterova@bsu.by

Креативные индустрии играют важную роль в социально-экономическом развитии стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Обладая богатым культурным наследием и человеческим капиталом, государства организации обладают значительным потенциалом для роста креативных индустрий. Рассматривается вклад креативных индустрий в формирование валового внутреннего продукта, создание рабочих мест и цифровую трансформацию. Анализируются примеры развития креативных индустрий в Индии, Китае, России, Казахстане и других странах организации. Выделены основные вызовы: фрагментарность статистики и отсутствие единой стратегии. Подчеркивается необходимость межгосударственного сотрудничества, формирования национальных стратегий и интеграции креативных индустрий в экономическую политику. Сделан вывод о важности сектора для устойчивого и инновационного роста в регионе.

Ключевые слова: креативные индустрии; региональное сотрудничество; экономика стран ШОС; креативная занятость; государственная поддержка.

THE ROLE OF CREATIVE INDUSTRIES IN THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION COUNTRIES: POTENTIAL, CHALLENGES AND PROSPECTS

Y. V. Petrasheuskaya[a], A. A. Nesterova[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, petrasheYV@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, nesterova@bsu.by

Creative industries play an important role in the socio-economic development of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) countries. With a rich cultural heritage and human capital, the organization's states have significant potential for the growth of creative industries. The contribution of creative industries to the formation of gross domestic product, job creation and digital transformation is considered. Examples of creative industries development in India, China, Russia, Kazakhstan and other countries of the organization are analyzed. The main challenges are highlighted: fragmentation of statistics and the lack of a unified strategy. The need for interstate cooperation, the formation of national strategies and the integration of creative industries into economic policy is emphasized. A conclusion is made about the importance of the sector for sustainable and innovative growth in the region.

Keywords: creative industries; regional cooperation; economy of the SCO countries; creative employment; state support.

В условиях трансформации глобальной экономики креативные индустрии все чаще рассматриваются как один из ключевых драйверов инновационного, устойчивого и инклюзивного роста. Эти индустрии объединяют разнообразные сферы – от дизайна, моды и кино до архитектуры, музыки, цифровых технологий и рекламы. Главным ресурсом креативных индустрий выступает человеческий интеллект, креативность и способность создавать нематериальные активы с высокой добавленной стоимо-

стью. В отличие от традиционных отраслей, основанных на сырьевых или производственных ресурсах, креативные индустрии опираются на идею, как на главную экономическую единицу, и именно в этом заключается их современное значение.

Креативные индустрии активно способствует инновациям и технологическому прогрессу. Именно здесь часто опробуются и внедряются новейшие технологические решения – от искусственного интеллекта в генерации контента до виртуальной и дополненной реальности, цифровых платформ и метавселенных. Такие интеграции способствуют появлению новых продуктов и бизнес-моделей, повышают потребительскую ценность и задают тренды для других отраслей.

Одним из важнейших аспектов, демонстрирующих важность креативных индустрий, является ее вклад в ВВП. На глобальном уровне демонстрируется устойчивый рост креативных индустрий: согласно данным ЮНЕСКО, в 2022 г. креативные индустрии обеспечили 3,1 % мирового ВВП [1]. Это свидетельствует о расширении экономическоого значения сектора и его способности влиять на ключевые макроэкономические показатели. В России, по официальным данным Министерства экономического развития, в 2024 г. вклад креативных индустрий составил 7,5 трлн руб., или 4,1 % от ВВП страны, что сопоставимо с вкладом таких традиционных отраслей, как сельское хозяйство и строительство [2].

Не менее важным показателем является влияние креативных индустрий на занятость. На международном уровне креативные индустрии обеспечивают занятость почти 50 млн человек, а это около 6,2 % от общей глобальной занятости [3]. В России по состоянию на 2024 г. в этом секторе было занято около 4,6 млн человек, что составляет 6,3 % от общего числа занятых. Причем особое внимание заслуживает высокая доля молодежи: более 32 % специалистов в креативных индустриях – это молодые професси-

оналы, что значительно выше среднего значения по экономике целом [4]. Таким образом, креативные профессии становятся не только привлекательными, но и стабильными источниками дохода, особенно для молодежи и представителей новой цифровой генерации.

Креативные индустрии в Республике Беларусь постепенно формируются как важный сектор экономики, объединяя такие направления, как дизайн, архитектура, мода, цифровые технологии, реклама и культурное предпринимательство. Несмотря на отсутствие единой государственной стратегии развития креативных индустрий, в стране наблюдается рост интереса к этой сфере как со стороны бизнеса, так и со стороны образовательных и общественных инициатив.

Одним из ключевых драйверов креативных индустрий в Беларуси является сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). По данным на январь–октябрь 2024 г., доля ИКТ в валовом внутреннем продукте страны составила 4,7 %, с прогнозом увеличения до 7,5 % к 2025 г. [5]. Парк высоких технологий (ПВТ), функционирующий с 2005 г., стал центром развития IT-бизнеса, предоставляя налоговые и правовые преференции для резидентов [5]. К 2021 г. экспорт компьютерных услуг из Беларуси достиг 3,2 млрд дол. США, что свидетельствует о высоком потенциале цифрового сектора [5].

В 2025 г. Беларусь планирует внедрение обновленной Системы национальных счетов (СНС-2025), которая позволит более точно учитывать вклад креативных индустрий, включая интеллектуальную собственность, искусство и цифровой контент, в экономику страны. Это станет важным шагом к признанию и поддержке креативных индустрий на государственном уровне [6].

Несмотря на положительные тенденции, в Беларуси отсутствует комплексная концепция развития креативных индустрий и четкие механизмы государственной поддержки. Для дальнейшего роста индустрий необходимо

разработать стратегические документы, стимулирующие инвестиции, инновации и международное сотрудничество в области креативной экономики [7].

Креативные индустрии в Беларуси находятся на этапе становления, демонстрируя потенциал для значительного вклада в экономику страны. Развитие этого сектора требует системного подхода, включающего государственную поддержку, образовательные программы и стимулирование предпринимательской активности в креативных индустриях.

Креативные индустрии Казахстана с 2017 г. выросли в 3,2 раза в номинальном выражении, достигнув валовой добавленной стоимости (ВДС) в 1,2 трлн тенге (примерно 2,6 млрд дол. США) в 2023 г.. В первой половине 2024 г. ВДС составила 498,7 млрд тенге [8]. Основными драйверами роста являются IT и разработка видеоигр, на долю которых приходится 38 % ВДС сектора [9]. В 2024 г. количество занятых в креативных индустриях увеличилось на 15 %, достигнув 143,6 тыс. человек [10]. Введение специального налогового режима способствовало росту числа субъектов креативных индустрий на 15 %, до 45 597 единиц [11]. Кроме того, Казахстан поднялся с 93-го на 65-е место в индикаторе «Креативные товары и услуги» Глобального инновационного индекса [9].

В Кыргызстане креативное программное обеспечение стимулирует развитие креативных индустрий. В 2024 г. креативное программное обеспечение оценивается в 0,64 млн дол. США, с прогнозируемым среднегодовым темпом роста 3,5 % до 2029 г. [12]. Рост обусловлен увеличением спроса на цифровые инструменты среди местных художников и дизайнеров, особенно среди молодежи, ориентированной на цифровизацию.

Креативные индустрии Узбекистана демонстрируют рост, особенно в сферах дизайна, музыки и цифровых технологий. В настоящее время доля креативных индустрий в ВВП Узбекистана составляет 1,46 %. К 2030 г. правитель-

ство Узбекистана ставит перед собой цель довести этот показатель до 5 %. [13, p. 1]. Доля экспорта креативных индустрий в общем объеме экспорта Узбекистана составляет 4,74 %. Объем экспорта товаров и услуг креативных индустрий в 2022 г. составил 936,02 млн дол. США. Объем внутреннего рынка креативных индустрий в 2022 г. составил 3026,83 млн дол. США. В 2022 г. в Узбекистане насчитывалось 50 860 зарегистрированных предприятий, функционирующих в сфере креативных индустрий. Структурный анализ показывает, что на медиа- и коммуникационный сектор приходилось 38 % совокупного числа субъектов, тогда как 36 % составляли профессиональные и технические креативные направления, включающие архитектурную деятельность, рекламные услуги и фотографию [13, p. 3].

Ситуация развития креативных индустрий Таджикистана схожа с Кыргызстаном. Таджикистан фокусируется на увеличение рынка креативного программного обеспечения. Рынок креативного программного обеспечения в Таджикистане в 2024 г. оценивается в 0,51 млн дол. США, с прогнозируемым среднегодовым темпом роста 6,23 % до 2029 г. [14]. Рост обусловлен увеличением спроса на инновационные решения в области дизайна и мультимедиа в развивающейся технологической отрасли страны.

Для Индии актуальным является развитие аудиовизуальной индустрии. В 2024 г. сборы от музыкальных роялти в Индии превысили 700 крор рупий (около 84 млн дол. США), что на 42 % больше по сравнению с предыдущим годом, благодаря росту доходов от стриминговых платформ [15]. Правительство Индии также объявило о создании фонда в размере 1 млрд дол. США для поддержки экономики создателей контента и выделило 4 млрд рупий на создание Индийского института креативных технологий в Мумбаи [16].

В 2024 г. предприятия креативных индустрий Китая с совокупной выручкой превысили 14,15 трлн юаней (около 1,97 трлн. дол. США), увеличившись на 6 % по сравнению

с предыдущим годом. Прибыль этих предприятий выросла на 10,8 %, достигнув 1,29 трлн. юаней [17]. Основными драйверами роста стали цифровые контент-сервисы, интернет-информационные услуги и интернет-платформы культурных и развлекательных услуг.

Пакистан обладает богатым культурным наследием, что создает основу для развития креативных индустрий. Сектора кино, музыки, моды и ремесел активно развиваются, особенно в крупных городах. Правительство Пакистана предпринимает шаги по поддержке креативных индустрий, включая создание специальных экономических зон и программ финансирования [18].

Креативные индустрии не могут полноценно развиваться без поддержки со стороны государства. В России в последние годы разработаны и реализуются стратегические документы, направленные на поддержку этого сектора. В их числе – Стратегия развития креативных индустрий, предусматривающая меры по поддержке предпринимательства, цифровизации, международной кооперации и образования. Ключевая цель государственной политики – увеличить вклад креативной экономики в ВВП до 6 % к 2030 г. [19]. Международный опыт также показывает эффективность комплексного подхода: страны с развитой культурной и цифровой инфраструктурой активно инвестируют в развитие креативного сектора, видя в нем долгосрочный экономический потенциал.

Креативные индустрии приобретают все более весомое значение в экономической системе стран ШОС, формируя устойчивые источники роста, занятости и экспортного потенциала. Вклад креативных индустрий в ВВП, занятость и инновации постепенно увеличивается, особенно в странах с активной государственной поддержкой и инвестициями в цифровую инфраструктуру. При этом сохраняются вызовы – фрагментированность статистики, ограниченный доступ к финансированию и необходимость совершенствования механизмов регулирования и координации.

Таким образом, для устойчивого развития креативной экономики в странах ШОС необходимы согласованные стратегии, стимулирующие рост этого сектора, создание межгосударственных платформ для обмена опытом, а также интеграция креативных индустрий в макроэкономическую повестку и инструменты цифровой трансформации. В условиях цифровой трансформации и мировой конкуренции именно креативные индустрии способны обеспечить странам устойчивый рост, создать новые рынки и повысить ценность человеческого капитала.

Библиографический список

1. Everyone can make a difference: Diversity of Cultural Expressions // UNESCO. – URL: https://www.unesco.org/creativity/en/ifcd/support/private-sector (date of access: 01.06.2025).

2. Вклад креативной экономики в ВВП в 2024 г. составил 7,5 трлн рублей // Министерство экономического развития Российской Федерации. – 12.03.2025. – URL: https://economy.gov.ru/material/news/vklad_kreativnoy_ekonomiki_v_vvp_v_2024_godu_sostavil_75_trln_rubley.html (дата обращения: 01.06.2025).

3. Creative Industries // International Finance Corporation. – URL: https://www-ifc-org.translate.goog/en/what-we-do/sector-expertise/creative-industries?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sge#:~:text=The %20Creative %20Industries %20can %20play,emerging %20markets %20and %20vulnerable %20countries (date of access: 01.06.2025).

4. Картотека IQ: креативные индустрии в России // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. – 06.08.2021. – URL: https://issek.hse.ru/news/493161047.html (дата обращения: 02.06.2025).

5. ИТ в Беларуси // Официальный сайт Республики Беларусь. – URL: https://www.belarus.by/ru/business/doing-business/it-belarus (дата обращения: 02.06.2025).

6. Система национальных счетов 2025 г. (СНС-2025) // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 02.04.2025. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/natsionalnye-scheta/obnovlenie-sistemy-natsionalnykh-schetov/sistema-natsionalnykh-schetov-2025-goda-sns-2025 (дата обращения: 02.06.2025).

7. Беларусь в поисках модели поддержки развития креативных индустрий // Урал. федеральный ун-т имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – 09.11.2023. – URL: https://creind.urfu.ru/ru/news/?cHash=7236e16080e17ed3bda7826a0e45ae8e&news=48979& (дата обращения: 02.06.2025).

8. Creative Industries in Kazakhstan: Trends and Prospects // DKNews. – 30.01.2025. – URL: https://dknews.kz/en/articles-in-english/350764-creative-industries-in-kazakhstan-trends-and (date of access: 02.06.2025).

9. Omarova, Z. AIFC Highlights Triple Growth in Kazakhstan's Creative Economy Since 2017 / Z. Omarova // The Astana Times. – 28.01.2025. – URL: https://astanatimes.com/2025/01/aifc-highlights-triple-growth-in-kazakhstans-creative-economy-since-2017 (date of access: 02.06.2025).

10. Growth in Creative Industries and the Number of Employees in This Sphere by 15 % in Kazakhstan // Official Information Source of the Prime minister of the Republic of Kazakhstan. – URL: https://primeminister.kz/en/news/growth-in-creative-industries-and-the-number-of-employees-in-this-sphere-by-15-in-kazakhstan-29819 (date of access: 02.06.2025).

11. Kazakhstan Sees 15 % Rise in Creative Industries Post Tax Relief // The Astana Times. – 13.08.2024. – URL: https://astanatimes.com/2024/08/kazakhstan-sees-15-rise-in-creative-industries-post-tax-relief (date of access: 02.06.2025).

12. Creative Software – Kyrgyzstan // Statista. – URL: https://www.statista.com/outlook/tmo/software/productivity-software/creative-software/kyrgyzstan (date of access: 03.06.2025).

13. Useinov, K. Realizing the full potential of the creative economy in Uzbekistan: CPRO Policy Brief 2024-10 / A. Useinov, K.Karimov, B. Zakirov // Westminster International University in Tashkent. – URL: https://cpro.wiut.uz/images/documents/0.%20Creative%20Economy%20Uzbekistan%20CPRO%20template.edited.pdf (date of access: 03.06.2025).

14. Creative Software – Tajikistan // Statista. – URL: https://www.statista.com/outlook/tmo/software/productivity-software/creative-software/tajikistan (date of access: 03.06.2025).

15. Music royalty kitty crosses Rs 700 crore in 2024 on boost from streaming // The Economic Times. – 31.05.2025. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/industry/media/entertainment/music-royalty-kitty-crosses-rs-700-crore-in-2024-on-boost-from-streaming/articleshow/121525188.cms (date of access: 03.06.2025).

16. Agrawal, A. Centre plans $1 billion fund for content creator economy / A. Agrawal // Financial Times. – 14.03.2025. – URL: https://www.hindustantimes.com/india-news/centre-plans-1bn-fund-for-content-creator-economy-101741890393448.html (date of access: 03.06.2025).

17. China's cultural sector posts stable growth in 2024 // China Daily. – 27.01.2025. – URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202501/27/WS6797512da310a2ab06ea99d5.html (date of access: 03.06.2025).

18. Husain, A. M. Rescuing Pakistan's Economy / A. M. Husain // Atlantic Council. – 01.04.2025. – URL: https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/rescuing-pakistans-economy (date of access: 03.06.2025).

19. Государство будет поддерживать креативные индустрии в России // Региональный центр развития некоммерческих организаций. – 05.08.2024. – URL: https://reg-nko.ru/smi/gosudarstvo-budet-podderzhivat-kreativnye-industrii-v-rossii (дата обращения: 03.06.2025).

РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТА КРЕАТИВНЫХ ПРОДУКТОВ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ю. В. Петрашевская

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
petrasheYV@bsu.by

В статье рассматриваются особенности развития экспорта креативных продуктов, а также приводится трактовка определения «креативного продукта». На примерах Сингапура, Беларуси, Швеции, Нидерландов, Венгрии, Чехии, Швейцарии, Словакии, Чехия, Южной Кореи анализируются успешные модели продвижения креативных индустрий, таких как дизайн, мультимедиа, архитектура, музыка и IT-сервисы. Отмечается ключевая роль государственной поддержки, развитой цифровой инфраструктуры и глобальной ориентации национальных брендов. Особое внимание уделено статистическим показателям и конкретным кейсам, демонстрирующим рост креативного экспорта. Выводы подчеркивают, что креативные становится важным источником добавленной стоимости, занятости и культурного влияния на международной арене. Экспорт креативных продуктов в этих странах выступает как стратегический инструмент экономического роста и глобального позиционирования.

Ключевые слова: креативный продукт; креативные индустрии; экспорт креативных товаров и услуг; дизайн; it-сектор; музыкальная индустрия; архитектурная индустрия; киноиндустрия.

DEVELOPMENT OF CREATIVE PRODUCTS EXPORTS IN THE GLOBAL ECONOMY

Y. V. Petrashevskaya

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, petrasheYV@bsu.by

The article examines the development of creative products exports and provides an interpretation of the definition of a «creative product».

Using the examples of Singapore, Belarus, Sweden, the Netherlands, Hungary, the Czech Republic, Switzerland, Slovakia, the Czech Republic, and South Korea, successful models for promoting creative industries such as design, multimedia, architecture, music, and IT services are analyzed. The key role of government support, developed digital infrastructure, and global orientation of national brands is noted. Particular attention is paid to statistical indicators and specific cases demonstrating the growth of creative exports. The findings emphasize that creativity is becoming an important source of added value, employment, and cultural influence in the international arena. The export of creative products in these countries acts as a strategic tool for economic growth and global positioning.

Keywords: creative product; creative industries; export of creative goods and services; design; IT sector; music industry; architectural industry; film industry.

Развитие экспорта креативных продуктов в мировой экономике становится все более важным направлением экономической политики, особенно для стран с малой открытой экономикой. Эти государства, как правило, обладают ограниченным внутренним рынком и высокой степенью зависимости от внешней торговли, что делает экспорт креативных продуктов одним из ключевых инструментов устойчивого экономического роста и укрепления культурной идентичности на международной арене.

В зарубежных исследованиях креативный продукт рассматривается как товар или услуга, возникающие в результате творческой деятельности, обладающие экономической ценностью. Создание креативного продукта возможно как в сфере искусства, так и в научной среде. По мнению британского исследователя Дж. Хокинса, элементы творчества присутствуют на всех уровнях ведения бизнеса – от стратегического управления до разработки и позиционирования отдельных товаров. Он акцентирует внимание на связи результатов творческой деятельности с объектами интеллектуальной собственности, такими как авторские права и товарные знаки. В числе ключевых

креативных индустрий Дж. Хокинс выделяет рекламу, программирование, фотографию, дизайн, кино и видео, музыку, издательское дело, телевидение, радио и индустрию видеоигр. Понятие творчества в этом контексте охватывает широкий спектр проявлений, включая научные изобретения и патентное право, где интеллект становится основой для формирования новой формы собственности [1, с. 146].

В Федеральном законе о развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации представлено определение креативного продукта. «Креативный продукт – результат интеллектуальной деятельности или совокупность результатов интеллектуальной деятельности, а также продукция, работы, услуги, добавленная стоимость которых обусловлена использованием результатов интеллектуальной деятельности и (или) средств индивидуализации» [2].

Следовательно, можно утверждать, что креативный продукт – это результат интеллектуального и художественного труда, обладающий культурной, эстетической или символической ценностью, который может быть коммерциализирован и представлен на рынке. Он создается на основе индивидуального творчества, навыков и таланта, часто с использованием технологий и медиа.

Главное отличие креативного продукта от обычного товара – это уникальность, оригинальность и важная роль нематериальных активов, таких как идея, стиль, культурный код и авторское видение.

Стоит отдельно рассмотреть успешные кейсы креативных индустрий, таких как Венгрия, Словакия, Швейцария, Нидерланды, Швеция, Беларусь, Сингапур, Чехия, Южная Корея. В их основе заложены стратегическое государственное участие, поддержка стартапов, инвестиции в цифровую инфраструктуру и системная работа с брендингом страны.

Основные категории и примеры креативных продуктов

Категория креативного продукта	Примеры и содержание
Аудиовизуальный контент	Фильмы, сериалы, анимация, музыкальные клипы, телепередачи, видеоблоги, стриминговый контент
Музыка	Песни, музыкальные альбомы, живые выступления, музыкальное продюсирование, лицензии на использование треков
Изобразительное искусство	Живопись, графика, скульптура, фотография, цифровое искусство, *NFT*-объекты
Литература и издательская продукция	Книги, журналы, комиксы, поэзия, сценарии, электронные и аудиокниги
Мода и дизайн	Одежда, обувь, аксессуары, текстиль, промышленный, интерьерный и графический дизайн
Видеоигры и интерактивные медиа	Компьютерные и мобильные игры, продукты в *VR/AR*, интерактивные приложения, игровые сценарии
Архитектура и градостроительство	Архитектурные проекты, дизайнерские решения общественных пространств, интерьерные концепты
Реклама и брендинг	Рекламные кампании, фирменный стиль, визуальная айдентика, медиа-контент
Культурные и творческие мероприятия	Театральные постановки, выставки, фестивали, арт-инсталляции, перформансы
Креативные цифровые сервисы	*UX/UI*-дизайн, веб-дизайн, моушн-дизайн, визуальное программирование, 3*D*-моделирование

Швеция благодаря устойчивым инвестициям в музыкальное образование и технологические платформы (включая *Spotify*) смогла стать одним из ведущих мировых экспортеров музыкального контента. В 2022 г. оборот компаний отрасли от продаж записанной музыки составил чуть более 2 млрд шведских крон (около 208 млн дол. США) [3]. Десятью годами ранее эта сумма была почти вдвое меньше.

Южная Корея через политику «Корейской волны» (*Hallyu*) создала глобальный рынок для *K-pop*, кино и сериалов, опираясь на синергию между государством, частным бизнесом и культурными институтами. По данным Министерства иностранных дел Южной Кореи, в 2024 г. число поклонников *Hallyu* во всем мире достигло 225 млн человек, охватывая 119 стран практически на всех континентах и принося экспорт товаров и услуг, связанных с *Hallyu*, на сумму 19,54 трлн корейских вон (14,16 млрд дол. США) [4].

Столица Венгрии – Будапешт стал одним из ведущих центров европейского кинопроизводства, привлекая международные проекты, благодаря налоговым льготам и развитой инфраструктуре. Знаковые фильмы, такие как *Dune, Blade Runner* 2049 и сериал *The Witcher*, были сняты в Венгрии, что укрепило ее репутацию в мировой киноиндустрии. Общая стоимость зарегистрированных кинопроектов выросла на 30 % в 2021 г., а затем еще на 20 %, превысив 690 млн дол. США в 2022 г., когда в стране, в основном в ее столице, было поставлено более 300 постановок. Рост Венгрии как ведущего европейского центра кинопроизводства, уступающего только Лондону, вносит значительный вклад в ВВП Венгрии [5].

Словакия активно развивает креативные индустрии, особенно в области дизайна и архитектуры. Правительство поддерживает молодых дизайнеров и архитекторов через гранты и образовательные программы, что способствует росту экспорта дизайнерских услуг. В 2023 г. Словакия экспортировала картины, дизайн и фотографии на сумму 8, 07 млн дол. США, став 20-м крупнейшим экспортером картин, дизайна и фотографии (из 198) в мире [6].

Чешская Республика известна своими успехами в индустрии видеоигр. Компании, такие как *Bohemia Interactive* и *SCS Software, 2K Czech* разработали популярные игры, включая серию *Mafia* и *Arma*. Она занимает третье место в Центральной и Восточной Европе по доходам от игр, по-

сле Польши и Румынии. По последним данным, в чешской игровой индустрии занято более 2600 человек, оборот в 2022 г. превысил 7,52 млрд чешских крон (около 347 млн дол. США) [7]. Ожидается, что годовой темп роста выручки (*CAGR* 2025-2030) составит 7,33 %, что приведет к прогнозируемому объему рынка в 1,16 млрд дол. США к 2030 г. [8]. Игровой рынок Чехии переживает всплеск разработки инди-игр, что отражает растущий интерес к разнообразным сюжетам и инновационным игровым процессам [8].

Швейцария известна своими достижениями в дизайне и медиа. Кантон Цюрих выделяется высокой концентрацией творческих профессий, где креативные индустрии составляют значительную часть региональной экономики. Здесь в 2022 г. было занято 94 300 человек в 20 200 компаниях, а общий вклад сектора составил 10, 7 млрд франков (около 13 млрд дол. США) в добавленной стоимости и почти 40 млрд (около 49 млрд дол. США) в обороте [9]. Ключевые подотрасли в Цюрихе включают программное обеспечение и игры (30 %), архитектуру (16,3 %), дизайн (9,2 %), музыку (8,6 %) и прессу (8,1 %) [9]. Швейцарские дизайнеры и медиа-компании активно участвуют в международных проектах, укрепляя экспортный потенциал страны. Сфера дизайна является одной из самых динамичных в структуре креативных индустрий страны. Согласно *Creative Economies Report*, в Швейцарии работают более 10 000 компаний, занятых в области дизайна, с числом сотрудников около 25 000 человек. В последние годы зафиксирован рост на 9,2 % по количеству предприятий, 4,9 % по занятости, 2,9 % по добавленной стоимости и 6,3 % по объему оборота. Например, объем швейцарского рынка специализированного дизайна (продуктового и графического) в 2024 г. оценивается в 1,3 млрд евро (около 1,5 млрд дол. США) с прогнозируемым дальнейшим ростом [10].

Нидерланды известны своими достижениями в области дизайна и архитектуры. В дизайне страна занима-

ет прочные позиции, произведя более 140 000 дизайнеров, двое из трех из которых экспортируют свои услуги за рубеж, общая экспортная стоимость креативных товаров и услуг превышает 8,9 млрд евро (около 10 млрд дол. США). Нидерланды входят в топ 10 стран мира по объему креативного экспорта, по показателям торгового оборота, занятости и узнаваемости брендов [11]. Площадкой притяжения для дизайнерского сообщества и международных инвесторов стала ежегодная *Dutch Design Week* в Эйндховене. Девятиминутный фестиваль объединяет около 2600 дизайнеров и привлекает сотни тысяч посетителей – в 2025 г. их число превысило 295 000. Программа события включает более 430 выставок и презентаций, организованных на более чем 100 площадках. Во время проведения *Dutch Design Week* вручаются *Dutch Design Awards*, которые с 2003 г. ежегодно отмечают выдающиеся достижения в дизайне [12]. В экономическом измерении дизайн является важной отраслью: по отраслевому мониторингу, графический дизайн ежегодно растет на 34,6 % в период с 2010 по 2021 г., а промышленный и продуктовый дизайн – на 7,4 % ежегодно с 2017 по 2021 г. В 2019 г. вклад трех подотраслей в экономику составил более 1 млрд евро (около 1,2 млрд дол. США), что эквивалентно 0,13 % ВВП Нидерландов [13].

Сингапур активно инвестирует в развитие дизайна и мультимедиа. Организация *DesignSingapore Council* поддерживает стартапы и креативные проекты, способствуя росту экспорта креативных продуктов. В 2022 г. добавленная стоимость дизайнерских, медийных и культурных индустрий выросла с 5,7 млрд дол. США в 2012 г. до 11,4 млрд дол. США в 2022 г. – почти в два раза [14]. Этот рост отражает устойчивое расширение сектора в течение десятилетия. Согласно данным Министерства культуры и молодежи, номинальная добавленная стоимость дизайн-медиа-креативных индустрий выросла с 7,9 млрд дол. США в 2017 г. до 11,7 млрд дол. США в 2022 г., прирост составил поч-

ти 50 % за пять лет [14]. Это свидетельствует о быстром расширении сегмента. Одним из ключевых событий креативной среды Сингапура является ежегодная *Singapore Design Week*. В 2023 г. программа включала рекордное участие более 500 дизайнеров и специалистов, охватив более 80 мероприятий и 163 международных партнеров. В 2024 г. фестиваль привлек более 190 000 посетителей и собрал более 700 профессионалов, организовав свыше 80 событий по всей стране [15]. Среди заметных форматов – *Design Futures*, *Design Marketplace* и *Design Impact*, посвященные будущему дизайна и решению социальных проблем.

Беларусь заслуженно занимает лидирующие позиции в регионе по развитию *IT* и цифровых сервисов, в чем главным образом помогает Парк высоких технологий (ПВТ) и законодательная поддержка государства. В 2023 г. в ПВТ было зарегистрировано примерно 1 000 компаний с общим штатом свыше 60 000 человек [16]. *IT*-сектор стал драйвером экономики. В 2020 г. экспорт услуг ПВТ составил 2,735 млрд дол. США, в 2021 г. – рекордные 3,2 млрд дол. США, что отражает ежегодный рост порядка 18,9 %. При этом экспорт компьютерных услуг достигал 30 % от всех экспортных доходов страны [17]. В 2023 г. белорусский *IT*-сектор столкнулся с оттоком кадров: количество уволенных сотрудников значительно превысило число новых трудоустроенных. По данным, опубликованным Национальным статистическим комитетом Беларуси, в 2023 г. из отрасли «информация и связь» ушли 31 600 чел., тогда как на работу были приняты лишь 26 000 специалистов [18, с. 65]. Таким образом, кадровый дефицит составил почти 6 тыс. чел., что свидетельствует о заметных структурных изменениях на рынке труда в сфере ИКТ [18, с. 65]. В августе 2024 г. появились данные о росте численности *IT*-специалистов в Беларуси [19]. Согласно информации Белстата, в мае 2024 г. в секторе информационных технологий и связи было занято свыше 60 тыс. чел., что говорит

о завершении продолжительного периода сокращения занятости в данной индустрии [19].

Несмотря на снижение экспорта ИКТ-услуг на 23 % в 2023 г. на фоне санкционного давления, *IT*-сектор сохраняет потенциал [20]. Правительство инициировало новые меры – создание управляющей компании ПВТ в 2023 г. и усилия по удержанию кадров.

В то же время страны, где отсутствует комплексная политика в сфере креативных индустрий сталкиваются с рядом препятствий, таких как слабая защита интеллектуальной собственности, недостаточный доступ к финансированию, фрагментированность внутреннего рынка, а также ограниченные каналы международной дистрибуции. Без целенаправленной государственной поддержки, креативные продукты зачастую остаются в рамках локального культурного пространства, не достигая стадии коммерциализации на глобальном уровне.

Развитие экспорта креативных продуктов демонстрирует значительный потенциал как в экономическом, так и в культурном измерении. Рассмотренные страновые примеры показывают, что успех в креативных индустриях возможен при условии стратегического государственного участия, институциональной поддержки, инвестиций в инфраструктуру и интеграции креативности в национальный бренд.

Несмотря на различия в фокусах, будь то экспорт музыкального контента, *IT*-услуг, дизайна, медиа или архитектуры, все страны объединяет системный подход к развитию человеческого капитала, цифровых технологий и международной кооперации. Экспорт креативных продуктов не только обеспечивает валютные поступления и занятость, но и укрепляет культурное влияние стран на глобальном уровне.

Таким образом, креативные индустрии становятся ключевым элементом экономической устойчивости государств в условиях глобальной конкуренции и цифровой

трансформации, а экспорт креативных продуктов является стратегическим инструментом мягкой силы и интеллектуального позиционирования на мировой арене.

Библиографический список

1. Хокинс, Д. Креативная экономика: как превратить идеи в деньги / Д. Хокинс; пер. с англ. И. Щербакова. – М. : Финансовая корпорация «Открытие»; Классика-XXI, 2011. – 255 с.

2. О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации : Федеральный закон от 8 авг. 2024 г. № 330-ФЗ // Российская газета. – 16.08.2024. – URL: https://rg.ru/documents/2024/08/16/330-fz-kreativnye-industrii.html (дата обращения: 03.06.2025).

3. The Music Industry in Stockholm // Stockholm Business Region. – 26.03.2025. –URL: https://www.stockholmbusinessregion.com/insights/creative-cultural-industries/music (date of access: 03.06.2025).

4. Grincheva, N. Have you been taken by the K-Wave yet? / N. Grincheva // University of Melbourne. – 20.12.2024. – URL: https://pursuit.unimelb.edu.au/articles/have-you-been-taken-by-the-korean-wave-yet (date of access: 04.06.2025).

5. A booming film and television industry // Business Focus. – URL: https://businessfocus.org.uk/a-booming-film-and-television-industry (date of access: 04.06.2025).

6. Pictures, designs and photographs in Slovakia // Observatory of Economic Complexity. – URL: https://oec.world/en/profile/bilateral-product/pictures-designs-and-photographs/reporter/svk (date of access: 04.06.2025).

7. Czech Games Industry // Infinite Universes. – URL: https://infiniteczechgames.com/en/industry (date of access: 05.06.2025).

8. Games – Czechia // Statista. – URL: https://www.statista.com/outlook/amo/media/games/czechia (date of access: 05.06.2025).

9. Page, R. Creative industries Zurich 2022 / R. Page // Creative Economies Report. – 25.02.2025. – URL: https://creativeeconomies.com/creative-industries-zurich-2022 (date of access: 05.06.2025).

10. Specialised design activities in Switzerland – Market Size, Industry Analysis, Trends and Forecasts (2024–2029) // IBIS World. – URL: https://www.ibisworld.com/switzerland/industry/specialised-design-activities/200293/#IndustryStatisticsAndTrends (date of access: 05.06.2025).

11. Dutch design is present all over the world // Transfer LC. – 04.10.2024. – URL: https://transfer.lc/dutch-design-is-present-all-over-the-world (date of access: 05.06.2025).

12. Successful 15th DDW attracts more than 295 000 // Dutch Design Week. – 20.10.2016. – URL: https://ddw.nl/en/press1/press-archive/136/successful-15th-ddw-attracts-more-than-295000-visitors (date of access: 05.06.2025).

13. Domain design // Culture monitor. – 15.04.2025. – URL: https://www.cultuurmonitor.nl/en/domein/design (date of access: 05.06.2025).

14. Written reply to PQ on Economic contributions of creative industries in past 10 years // Singapore Ministry of Trade and Industry. – 14.10.2024. – URL: https://www.mti.gov.sg/Newsroom/Parliamentary-Replies/2024/10/Written-reply-to-PQ-on-Economic-contributions-of-creative-industries-in-past-10-years (date of access: 06.06.2025).

15. Singapore Design Week staged its most ambitious edition to date with expanded offerings, design districts and more than 500 creatives participating // Design Singapore Council. – 12.10.2023. – URL: https://designsingapore.org/news/singapore-design-week-staged-its-most-ambitious-edition-to-date-with-expanded-offerings-design-districts-and-more-than-500-creatives-participating (date of access: 06.06.2025).

16. Цифры и факты // Парк высоких технологий. – URL: https://park.by/htp/facts/ (дата обращения: 06.06.2025).

17. ИТ в Беларуси // Официальный сайт Республики Беларусь. – URL: https://www.belarus.by/ru/business/doing-business/it-belarus (дата обращения: 06.06.2025).

18. Статистический ежегодник 2024: стат. справочник / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2024. – 317 с. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_135040/ (дата обращения: 06.06.2025).

19. Капранов, О. Россия и Беларусь наращивают взаимодействие в сфере электроники / О. Капранов // Российская газета. – 23.01.2025. – URL: https://rg.ru/2025/01/23/rasstanovka-sil.html (дата обращения: 06.06.2025).

20. От санкций к переориентации: как идет восстановление экспорта компьютерных услуг в СНГ // Myfin. – URL: https://myfin.by/article/rynki/belorusskij-it-biznes-sokratil-eksport-komputernykh-uslug-na-20-za-2-goda-34424 (дата обращения: 06.06.2025).

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ СТРАН ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Н. В. Юрова

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; yurova@bsu.by

В статье охарактеризованы современное состояние экономического развития стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), направления и перспективы их дальнейшего развития с учетом реализации человеческого потенциала. Раскрыт прогресс стран ШОС в достижении экономического роста и в динамике человеческого развития. Охарактеризованы основные проблемы, которые находят свое отражение в документах ШОС и решаются с помощью реализации разнообразных национальных программ. Определено, что проблемы социально-экономического развития стран ШОС многогранны. Как результат, выявлены нерешенные проблемы социально-экономического развития стран ШОС и определены перспективы экономического развития с учетом уже принятых документов – Стратегии развития ШОС до 2025 г., Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества и Стратегии экономического развития ШОС, а также уровня их человеческого потенциала.

Ключевые слова: перспективы; Шанхайская организация сотрудничества; индекс человеческого развития; человеческое развитие; стратегия, экономическое развитие.

ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANISATION COUNTRIES THROUGH THE PRISM OF HUMAN POTENTIAL

N. V. Yurova

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, yurova@bsu.by

The article characterizes the current state of economic development of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) member states, outlining the directions and prospects for their further development,

considering the realization of human potential. It highlights the progress achieved by the SCO countries in attaining economic growth and in the dynamics of their human development. The main challenges, as reflected in SCO documents and addressed through the implementation of various national programs, are described. It is determined that the challenges of socio-economic development within the SCO are multifaceted. Consequently, the unresolved issues of socio-economic development of the SCO countries are identified, and prospects for economic development are outlined based on the adopted documents – the SCO Development Strategy until 2025, the Program for Multilateral Trade and Economic Cooperation, and the SCO Strategy for Economic Development—as well as their level of human potential.

Keywords: perspectives; Shanghai Cooperation Organisation; human development index; human development; strategy, economic development.

Двадцать лет существования для Шанхайской организации сотрудничества стали периодом ее расширения и расцвета. Несмотря на первоначальные цели при создании ШОС по объединению усилий стран в разрешении территориально-пограничных споров, предотвращении распространения терроризма, сепаратизма, экстремизма, противодействии международной преступности, постепенно организация распространила многостороннее сотрудничество и на экономическую сферу.

В 2015 г. на 15-м саммите Совета глав государств ШОС в Уфе (Россия) была утверждена первая Стратегия развития ШОС до 2025 г. [1]. Этот документ содержал анализ деятельности ШОС, ее влияния в регионе и мире, определил форматы взаимодействия с другими участниками международных отношений, а также установил новые приоритеты для организации, учитывая прогнозы развития международной и региональной ситуации. Стратегия базировалась на ключевых принципах Хартии ШОС и Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов, а также на документе «Основные направления стратегии развития ШОС на среднесрочную перспективу», принятом в 2012 г. в Пекине

[2]. В Уфимской декларации подчеркивалось, что страны ШОС считают приоритетом укрепление деятельности организации, дальнейшую консолидацию усилий в борьбе с угрозами безопасности, развитие экономического сотрудничества и гуманитарных связей в соответствии со Стратегией развития до 2025 г. [1].

С расширением ШОС произошло ожидаемое расширение обсуждаемых вопросов. В повестку были включены вопросы сотрудничества в области изменения климата, цифровой экономики, электронной коммерции, цифровой трансформации государственных услуг и развитие международных транспортных коридоров. Эти вопросы по сути перешли из национальной повестки каждой страны – участницы ШОС в область межгосударственного регулирования.

Среди основных направлений торгово-экономического сотрудничества стран ШОС актуальных для всех выделяют такие, как:

– содействие созданию благоприятных условий для торговли товарами и услугами;
– цифровая экономика;
– инновации;
– содействие развитию технопарков и стартапов;
– поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства;
– климатическая повестка;
– развитие удаленных и сельских территорий;
– межрегиональное сотрудничество;
– поддержка участия женщин в экономике [3].

На особом внимании обсуждение результатов стран ШОС по достижению Целей устойчивого развития и созданию условий для взаимовыгодного и доверительного социально-экономического сотрудничества. Так последние годы – это череда акцентов в повестке ШОС на устойчивое развитие: 2024 г. был «Годом экологии ШОС», а 2025 г. объявлен «Годом устойчивого развития ШОС».

В настоящее время ШОС – это крупнейшее региональное объединение стран, состоящее из десяти членов, с общей численностью населения порядка 3,4 млрд человек, что составляет 42 % мирового, общая территория стран ШОС занимает 24,4 % всей территории суши на планете, а на Евразийском континенте около 60 % его территории [4, с. 36]. В ШОС существует колоссальный потенциал развития, который складывается за счет участия всех стран-членов, но Россия, Китай, Индия и Иран объективно обладают большим влиянием во всех сферах жизнедеятельности: экономике, культуре, политике, науке. Расширение ШОС, начиная с присоединения Пакистана и Индии, упрочило позиции организации и в демографическом, и в экономическом плане. Затем присоединился Иран, а после него в члены организации вступила первая европейская страна – Республика Беларусь. С каждым новым присоединением стран ШОС становилась экономически и политически сильнее, что послужило «демонстрационным эффектом» для других государств и международных организаций, заявивших о желании включиться в справедливое межстрановое сотрудничество.

Экономический потенциал ШОС весьма разнообразен. С одной стороны, вклад стран ШОС в мировой ВВП значителен и составляет 23 %, что больше вклада стран Европейского союза (18,4 %), но меньше стран «Большой семерки» или *G*7 (46,8 %) [5] При этом природно-ресурсный потенциал стран ШОС заметно превышает ЕС и *G*7 и включает различные виды ресурсов, такие как полезные ископаемые, энергетические, водные и биологические ресурсы. По экспертным оценкам в странах ШОС располагается чуть менее 1/5 мировых запасов нефти, около 1/2 мировых запасов природного газа, около 2/5 мировых запасов угля и около 1/4 мировых запасов урана [6]. При этом природная рента в странах ШОС колеблется от 1,44 % в ВВП в Пакистане до 30,45% в Иране. Среднее значение природной ренты стран ШОС – 12,5 %. В странах «Боль-

шой семерки» среднее значение природной ренты в ВВП составляет 1 % [7]. Как показала практика, наличие значительных природных ресурсов позволяют снизить риски политического и экономического давления и высокие доходы от торговли природными ресурсами уже не воспринимается как некое «ресурсное проклятье».

В контексте наличия как минимум природных ресурсов и устойчивого демографического потенциала странам легче адаптироваться к односторонним ограничительным мерам (санкциям) со стороны недружественных стран. В ШОС в настоящее время входят три страны, на которые распространяются экономические санкции западных стран – Иран, Россия и Беларусь. Несмотря на оказываемое санкционное давление, государства — члены ШОС показали свою способность противостоять новым вызовам и сохранить устойчивость развития. С каждым новым присоединением стран ШОС становилась экономически и политически сильнее, что послужило «демонстрационным эффектом» для других государств и международных организаций, заявивших о желании включиться в справедливое межстрановое сотрудничество. Объективно в мировой экономике назрела потребность в достижении экономического суверенитета развивающихся стран. Данный процесс невозможно отменить, его можно только приостановить с помощью экономических и политических ограничений и то, до того времени, как страны-мишени адаптируются к новым условиям и наладят новые механизмы производства, поставок и платежей.

Динамика экономического роста стран ШОС существенно опережает общемировой показатель. В 2010–2022 гг. среднегодовые темпы роста совокупного ВВП ШОС составили почти 5 % против 2,8 % мирового ВВП [8]. Причем последние доступные статистические данные по динамике экономического роста стран ШОС сохраняют положительный тренд (среднее значение за 2024 г. +5,5%) [9]

Для позитивного экономического роста страны ШОС прежде всего ориентируются на доступные факторы производства, рациональность использования ресурсов и эффективность управления и производства. Это традиционные экономические подходы доказали свою особую ценность в эпоху сервисизации, цифровизации и неуемного использования финансовых инструментов развитыми странами. Последствия мировых финансовых кризисов и пандемии *COVID*-19 вернули внимание стран к необходимости решения проблемы ресурсного обеспечения, доступа на рынки и справедливого участия в координации глобальных процессов стран не по положению в глобальном рейтинге по ВВП. Страны ШОС в этом аспекте могут стать мощным мировым экономическим полюсом притяжения.

В условиях недостаточного или ограниченного доступа к международным финансовым ресурсам страны ШОС постепенно формируют свои механизмы сотрудничества. Наравне с финансовыми и природными человеческие ресурсы образуют основу экономической устойчивости в периоды геоэкономических и геополитических потрясений. Наличие человеческих ресурсов само по себе не гарантирует положительную динамику экономического развития, хотя и формирует к этому все предпосылки. Важным показателем на перспективу выступает качество человеческих ресурсов.

Еще одним условием для поддержания положительного тренда экономического развития странам ШОС является не столько решение ряда демографических проблем, сколько формирование высокого уровня человеческого потенциала. Именно человеческий потенциал при условии реализации усилий субъектов на всех уровнях (компаний, государств, международных организаций) и межгосударственного сотрудничества в данной сфере позволит в будущем улучшить качество человеческих ресурсов и стать драйвером дальнейшего экономического развития стран.

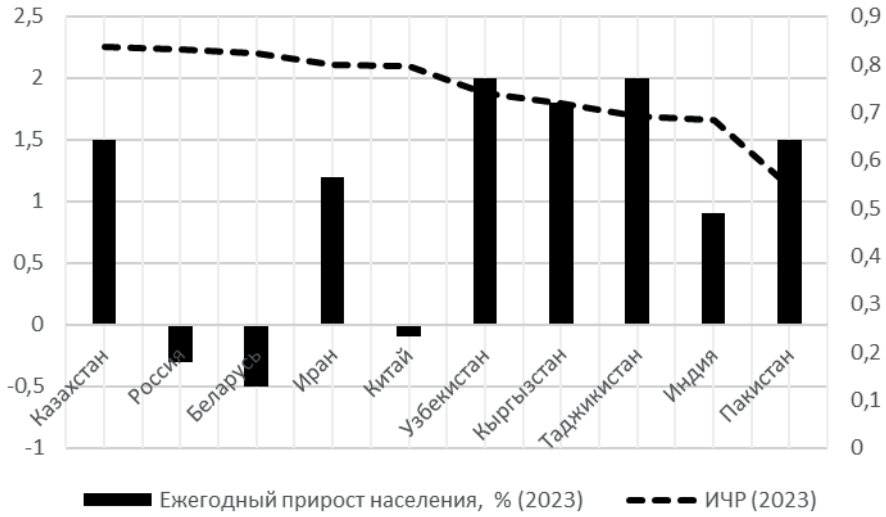
Страны ШОС с точки зрения наличия демографических проблем весьма отличаются друг от друга, а значит

подходы к решению проблем в развитии и реализации человеческого потенциала должны быть тщательно проработаны и учитывать опыт всех стран организации. Если проследить последние изменения численности населения, то можно заметить, что наиболее серьезные проблемы с естественным приростом населения наблюдаются у таких стран, как Китай, Россия, Беларусь [10]. Лидерами по приросту населения в мире в абсолютном выражении являются две страны ШОС: Индия и Пакистан, где прирост составляет 13,7 млн человек в год и 5,3 млн человек соответственно. Среди постсоветских стран ШОС темпы роста населения выделяются у Таджикистана и Узбекистана по 2 % ежегодно [10]. Прогнозируется, что темпы роста населения в этих странах будут сохраняться ввиду большой доли молодого населения, высокой рождаемости, улучшения медицинского обслуживания и др.

Несмотря на демографический спад, выражаемый в сокращении численности населения, Россия, Беларусь и Китай прочно занимают высокие позиции в рейтинге стран по индексу человеческого развития (ИЧР) ПРООН. Согласно последнему Докладу о человеческом развитии, опубликованному в мае 2025 года, Казахстан (0,837), Россия (0,832) и Беларусь (0,824) сохранили свои высокие показатели по ИЧР и продолжают входить в группу стран с очень высоким уровнем развития [11, p 274–277].

Китай – это единственная страна ШОС, которая сделала мощный рывок в человеческом развитии и, несмотря на высокую общую численность населения и надвигающийся демографический кризис, достигла высоких позиций как страна группы с высоким уровнем человеческого развития. Но среди стран ШОС есть и аутсайдеры. Так, Пакистан, за долгое время не смог урегулировать социально-экономические проблемы в обществе и замыкает список стран ШОС с ИЧР равным 0,544, что соответствует группе стран с низким уровнем человеческого развития. Безусловно, Индекс человеческого развития не отрежет

всю палитру социально-экономических проблем и достижений каждой страны ШОС, а лишь дает представление о том, как меняется положение страны в системе координат, отражаемых в ИЧР (ожидаемая продолжительность жизни, уровень образования и валовый национальный доход на душу населения по ППС). При этом динамичный прирост населения не является самоцелью стран, необходимо прорабатывать механизмы рационального прироста населения с формированием условий для получения образования, развитием здравоохранения, созданием мест профессиональной реализации и предпринимательства.



Индекс человеческого развития (ИЧР) и прирост населения в странах ШОС, по данным за 2023 г.

Источник: [10; 11]

Данные свидетельствуют о том, что при низкой или отрицательной динамике прироста численности населения справиться с задачей развития человеческого потенциала удается странам лучше. На рисунке видно, что страны с отрицательным ежегодным приростом населения или невысоким положительным ростом имеют отно-

сительно высокие результаты человеческого развития, что характерно для России, Беларуси и Китая. Обратная зависимость ИЧР и динамикой прироста населения характерна для Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Пакистана. Чем выше прирост населения, тем ниже уровень ИЧР. Данная ситуация лишь подтверждает ценность скоординированного сотрудничества стран ШОС в гуманитарной сфере, что позволить распространить на страны с высоким уровнем рождаемости опыт реализации образовательных и культурных программ тех стран ШОС, которым удалось преодолеть отрицательную или сохранить устойчивую положительную динамику человеческого развития.

Стратегия экономического сотрудничества ШОС до 2030 г. пронизана духом цифровизации и «зеленой повестки». В фокусе ключевых секторальных стратегий, концепций и программ преобладают возобновляемые источники энергии, экономика замкнутого цикла, «зеленые» индустриальные парки, цифровое развитие ШОС и другое. Данный подход весьма популярен на глобальном уровне, но существуют объективные критики доходности и экологичности инвестиций в «зеленые» проекты. С точки зрения стимулирования инвестиционной активности в регионе, приоритета экологизации в оценке экономических проектов и международного признания, эта стратегия весьма своевременная. Однако следовало сделать акцент в стратегии на комплексный подход, не только на экологии и природе, но и на человеке в ней. Экономический результат способен создавать только человек для удовлетворения собственных потребностей и потребностей общества, важная роль человека также увязывать данный экономический результат с будущим ответственным социально-экономическим развитием. Поэтому очень важно при разработке последующих стратегий более четко прописывать не только отдельные направления и приоритеты, но увязывать их с человеческим потенциалом.

В целом лидеры стран ШОС выступают за дальнейшее углубление ориентированного на людей взаимодействия по вопросам повышения благосостояния и уровня жизни населения на пространстве ШОС. Поэтому важно продолжить реализацию Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества, а также выполнение принятой Стратегии экономического развития ШОС на период до 2030 г. с учетом развития человеческого потенциала на перспективу с полноценным задействованием профильных механизмов, кооперационных платформ и общественных площадок.

Библиографические ссылки

1. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года // Российский союз промышленников и предпринимателей. – URL: https://rspp.ru/upload/iblock/e6d/Стратегия%20развития%20Шанхайской%20организации%20сотрудничества%20до%202025%20года.pdf (дата обращения: 08.05.2025).

2. Об утверждении Основных направлений стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества на среднесрочную перспективу: решение Совета глав государств от 7 июня 2012 г. № 1 // Шанхайская организация сотрудничества. – URL: https://rus.sectsco.org/images/07e8/0c/03/1608048.pdf (дата обращения: 22.04.2025).

3. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) // Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: https://economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/shanhayskaya_organizaciya_sotrudnichestva_shos/ (дата обращения: 22.04.2025).

4. Го Шухун. Шанхайская организация сотрудничества: новое качество экономических взаимоотношений Китая, России и Беларуси / Го Шухун, А. Е. Зубарев, Н. В. Юрова. – Минск : ИВЦ Минфина, 2025. – 143 с.

5. Zandt, F. How Much Does The Shanghai Cooperation Organization Contribute to the World's GDP? / F. Zandt // Statista. – 03.07.2024. – URL: https://www.statista.com/chart/32538/comparison-of-the-shanghai-cooperation-organization-with-selected-regional-international-organizations/ (date of access: 08.05.2025).

6. Халова, Г. Энергетическая геополитика и трансформация ШОС: от Центральной Азии к Евразии и многополярному миру / Г. Халова, Н. Иллерицкий // Энергетическая политика. – 21.02.2023. – URL: https://energypolicy.ru/energeticheskaya-geopolitika-i-transformacziya-shos-ot-czentralnoj-azii-k-evrazii-i-mnogopolyarnomu-miru/regiony/2023/12/21/ (дата обращения: 01.05.2025).

7. Total Natural Resources Rents (% Of GDP) By Country // Tradings Economics – URL: https://tradingeconomics.com/country-list/total-natural-resources-rents-percent-of-gdp-wb-data.html (date of access: 01.05.2025).

8. Дмитрий Вольвач: доля ШОС в общероссийском товарообороте возросла до 32%// Министерство экономического развития Российской Федерации. – 10.07.2023. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_dolya_shos_v_obshcherossiyskom_tovarooborote_vozrosla_do_32.html (дата обращения: 08.05.2025).

9. GDP Annual Growth Rate : World // Tradings Economics – URL: https://tradingeconomics.com/country-list/gdp-annual-growth-rate?continent=world (date of access: 01.05.2025).

10. Population growth (annual %) // World Bank Group. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW?end=2023&locations=RU-BY-IR-CN-KZ-UZ-KG-IN-PK-TJ&most_recent_value_desc=false&start=2001 (date of access: 08.05.2025).

11. A matter of choice: People and possibilities in the age of AI: Human Development Report 2025. – New York, 2025 – xi, 307 p. – URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2025reporten.pdf (date of access: 05.06.2025).

Секция 5

ИНДУСТРИЯ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА БЕЛАРУСИ: 80 ЛЕТ МИРНОГО СОЗИДАНИЯ

ПАДАРОЖЖА МІХАСЯ ЛЫНЬКОВА Ў ІНДЫЮ Ў 1956 г.: ПОГЛЯД ПІСЬМЕННІКА, ТУРЫСТА, ДЫПЛАМАТА

І. М. Аўласенка

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
AvlasenkIM@bsu.by

У артыкуле прааналізаваны ўдзел беларускага пісьменніка М. Ц. Лынькова ў рабоце IX Генеральнай канферэнцыі ЮНЕСКА 1956 г. у Дэлі, грунтуючыся, галоўным чынам, на матэрыялах яго падарожнага нарыса «Пад сонцам Індыі». Паказана, што нататкі, якія з'яўляюцца публіцыстычным творам, адрасаваным масаваму беларускаму чытачу, змяшчаюць няшмат інфармацыі пра канкрэтныя тэмы афіцыйных выступленняў прадстаўнікоў Беларускай ССР, але дапамагаюць удакладніць прадстаўленне аб асноўных напрамках і формах тагачаснай народнай дыпламатыі, зафіксаваць ключавыя пункты ў рамках турыстычнай праграммы для дэлегатаў. Зроблена выснова пра тое, што нарыс у асноўным носіць краязнаўчы характар, які знітоўвае даведачную інфармацыю з асабістым і суб'ектыўным поглядам савецкага пісьменніка і турыста.

Ключавыя словы: дыпламатыя БССР; беларуская літаратура; ЮНЕСКА; Індыя; Міхась Лынькоў.

ПУТЕШЕСТВИЕ МИХАСЯ ЛЫНЬКОВА В ИНДИЮ В 1956 г.: ВЗГЛЯД ПИСАТЕЛЯ, ТУРИСТА, ДИПЛОМАТА

И. М. Авласенко

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
AvlasenkIM@bsu.by

В статье проанализировано участие белорусского писателя М. Ц. Лынькова в работе IX Генеральной конференции ЮНЕСКО 1956 г. в Дели, основываясь, главным образом, на материалах его путевого очерка «под солнцем Индии». Указано, что заметки, ко-

торые являются публицистическим произведением, адресованным массовому белорусскому читателю, содержат немного информации о конкретных темах официальных выступлений представителей Белорусской ССР, но помогают уточнить представление об основных направлениях и формах тогдашней народной дипломатии, зафиксировать ключевые пункты в рамках туристической программы для делегатов. Сделан вывод о том, что очерк в основном носит краеведческий характер, спаивающий справочную информацию с личным и субъективным взглядом советского писателя и туриста.

Ключевые слова: дипломатия БССР; белорусская литература; ЮНЕСКО; Индия; Михаил Лыньков.

MIKHAS LYNKOV'S JOURNEY TO INDIA IN 1956: THE VIEW OF A WRITER, TOURIST, DIPLOMAT

I. M. Aulasenka

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, AvlasenkIM@bsu.by

The article analyzes the participation of the Belarusian Soviet writer Mikhas Lynkov in the work of the IX UNESCO General Conference in 1956 in Delhi, based mainly on the materials of his travel essay «Under the Sun of India». It is shown that the notes, which are a journalistic work addressed to a mass Belarusian reader, contain little information about the specific topics of the official speeches of the representatives of the Belarusian SSR, but help to clarify the main directions and forms of the public diplomacy of that time, to record key points of the tourist program for delegates. It is concluded that the essay is mainly of a publicist and informative character, combining background data with the personal and subjective view of the Soviet writer and tourist.

Keywords: diplomacy of the Byelorussian SSR; Belarusian literature; UNESCO; India; Mikhas Lynkov.

Пісьменнік Міхась Лынькоў адметны сваім удзелам у першых дыпламатычных крокаў Беларускай ССР на міжнароднай арэне. У 1945, 1952–1955 гг. ён пяць разоў наведваў Злучаныя Штаты Амерыкі: першы раз у якасці карэспандэнта на устаноўчай канферэнцыі Арганізацыі

Аб'яднаных Нацый у Сан-Францыска, а ў потым – яшчэ чатыры разы ў якасці дэлегата ад БССР на сесіях Генеральнай Асамблеі ААН [гл.: 1, с. 292–293]. Але на гэтым удзел у дыпламатычных місіях М. Ц. Лынькова не завяршыўся: пісьменнік быў уключаны ў склад беларускай дэлегацыі на IX Генеральную канферэнцыю ЮНЕСКА, якая адбылася ў лістападзе–снежні 1956 г. у Дэлі (Індыя), разам з міністрам культуры БССР Р. Я. Кісялёвым, прарэктарам БДУ А. Я. Малышавым, а таксама супрацоўнікамі Міністэрства замежных спраў БССР Б. В. Кудраўцавым, С. А. Броннікавым, Т. А. Шэльдавай [2, с. 60].

Перад вяртаннем дадому з Індыі ў лісце да жонкі С. З. Лыньковай-Куспіц пісьменнік адзначаў, што «назапасілася шмат цікавых назіранняў, больш, чым за ўсе паездкі ранейшыя. Будзе шмат пра што расказваць» [3, с. 300]. Свае назіранні М. Ц. Лынькоў абагульніў у дарожных нататках пад назвай «Пад сонцам Індыі», якія ўпершыню былі апублікаваныя ў газеце «Літаратура і мастацтва» ў студзені – лютым 1957 г., а потым неаднаразова друкаваліся ў зборах твораў пісьменніка [4, с. 181–241]. Гэты нарыс дазваляе атрымаць уяўленне пра візіт беларускай дэлегацыі і мерапрыемствы, у якіх пісьменнік прымаў удзел.

1956 г. адметны і тым, што менавіта ў гэтым годзе, пасля змен у грамадска-палітычным жыцці Савецкага Саюза, беларускія літаратары сталі ажыццяўляць падарожжы за мяжу ў складзе спецыялізаваных турыстычных груп. У гэтым годзе вясной група савецкіх пісьменнікаў – Максім Танк, Янка Брыль, Пімен Панчанка, Алесь Адамовіч – наведала Югаславію, а Іван Мележ прыняў удзел у асобным турыстычным падарожжы па розных краінах Еўропы [5, с. 458; 6]. Таму нарыс М. Ц. Лынькова можна разглядаць не толькі як нататкі дыпламата, але і як запісы турыста, прычым аднаго з першых сярод беларускіх літаратараў, кто ад'ехаў у далёкае замежжа ў краіны Азіі.

Такім чынам, мэтай гэтага даследвання з'яўляецца выяўленне крыніцазнаўчай каштоўнасці нататкаў

М. Ц. Лынькова для рэканструкцыі форм міжнароднай дзейнасці БССР і асаблівасцей тагачасных замежных турыстычных вандровак.

Нарыс «Пад сонцам Індыі», а таксама лісты М. Лынькова даюць інфармацыю пра тое, якім чынам будаваўся маршрут падарожжа афіцыйных прадстаўнікоў БССР. На той момант прамых авіярэйсаў з Савецкага Саюза ў гэтую краіну не было, таму беларускія ўдзельнікі Генеральнай канферэнцыі разам з членамі дэлегацый СССР і УССР дабіралася даволі складаным шляхам праз Маскву, Стакгольм, Капенгаген, Амстэрдам, Рым, Абадан (Іран), Карачы (Пакістан), Дэлі [3, с. 298; 4, с. 188]. Гэты маршрут заняў тры дні. Зваротны шлях пісьменніка з Індыі ў Савецкі Саюз аказаўся такім жа доўгім, праходзіў праз Стамбул, Рым, Жэневу, Лондан, Прагу, Варшаву і Маскву. Але на гэты раз ён суправаждаўся і непрыемнымі нечаканасцямі: самалёты двойчы рабілі аварыйныя прыпынкі, прычым адзін раз – на брытанскай ваеннай базе на востраве Бахрэйн [4, с. 239–241]. Згадкі пра такія інцыдэнты паказваюць, наколькі сістэма грамадзянскіх паветраных зносін паміж краінамі ў сярэдзіне 1950-х гг. адрознівалася ад сённяшняй і наколькі была далёкай ад дасканаласці.

Індыйская сталіца сустрэла пісьменніка цёплым надвор'ем (+ 25°С у лістападзе – снежні) [3, с. 299] і адначасова, як можна меркаваць з асобных радкоў яго нарыса, сапраўднай какафоніяй гукаў, пахаў і культурных асаблівасцей насельнікаў індыйскай сталіцы: «Няспынна цілінькалі званкі веласіпедаў, веласіпедных рыкшаў, перазвоньвалі званочкі на нагах вярблюдаў, на шыях ішакоў і буйвалаў, дудзелі сігналы рыкшаў-матацыклістаў, пафырквалі аўтамашыны. А над усім гэтым стаяў рознагалосы гул: крычалі, выкрыквалі, заклікалі, на ўсе лады расхвальваючы свой тавар, прадаўцы магазінаў, крам, палатак, кіёскаў, латкоў» [4, с. 188]. Пісьменнік асобна пералічваў і апісваў тыпажы мясцовых прадпрымальнікаў, якіх можна было часта сустрэць на індыйскіх вуліцах: га-

дальшчыкаў-махляроў, заклінальнікаў змей, вухаправаў, знахараў і г. д.

Удзел у Генеральнай канферэнцыі ЮНЕСКА пачаўся з агляду індыйскай сталіцы і наведвання выставы, прысвечанай 2500-годдзю будызму. Як адзначаў пісьменнік, «у Дэлі з'ехаліся буйнейшыя будысцкія дзеячы і дэлегацыі веруючых з многіх краін: Бірмы, Непала, В'етнама, Інданезіі, Кітайскай Народнай Рэспублікі і інш. Ва ўрачыстасцях удзельнічаў і Панчэн-лама, які спецыяльна прыбыў з Лхасы» [4, с. 214] (Панчэн-лама – адзін з духоўных лідараў тыбецкіх будыстаў. Лхаса – адміністрацыйная сталіца Тыбецкага аўтаномнага раёна КНР.)

Далей, з 12 лістапада, дэлегаты прыступілі ўжо да абмеркавання пытанняў, што былі прадугледжаныя праграмай Генеральнай канферэнцыі. М. Ц. Лынькоў прысутнічаў на пасяджэннях камісіі па праграме ЮНЕСКА, выступаў па асобных пытаннях праекту бюджэту арганізацыі на 1957–1968 гг. Таксама ён удзельнічаў у абмеркаванні зместу раздзелаў «Сацыяльныя навукі» і «Прыродазнаўчыя навукі» у праекце праграмы на наступнае дзесяцігоддзе, а таксама выступіў у падтрымку чэхаславацкай рэзалюцыі аб святкаванні 300-годдзя з дня апублікавання «Вялікай дыдактыкі Яна Амоса Каменскага» [3, с. 584–585].

Работа Генеральнай канферэнцыі доўжылася да 5 снежня 1956 г. і ішла з перапынкамі. Была прадугледжана і разнастайная культурная праграма для замежных дэлегатаў. Так, падчас трохдзённага перапынку (17—19 лістапада) М. Ц. Лынькоў з'ездзіў на экскурсію ў гарады Агра і Джайпур, размешчаныя на адлегласці 200–300 км. У Агры пісьменнік наведаў знакаміты маўзалей Тадж-Махал, узведзены імператарам Вялікіх Маголаў Шах-Джаханам у XVII ст. Пісьменнік быў вельмі ўражаны, дадаткова прыходзіў палюбавацца на гэты будынак ноччу. «Гэтыя казачныя гмахі... стагоддзямі буду цешыць чалавечае вока. Бо ў гэтай мармуровай сімфоніі скандэнсавана бязмежная чалавечая праца і такая ж бязмежная думка ча-

лавека-творцы, чалавека-мастака» [4, с. 222], – адзначаў ён. У Джайпуры Лынькоў пабываў у мясцовым музеі, дзе была сабраная экспазіцыя па гісторыі і геаграфіі гэтага рэгіёну, а таксама паглядзеў на джайпурскую старажытную абсерваторыю Джай-Сінгха [4, с. 223–224].

Спецыяльна для замежных турыстаў індыйцы прапанавалі асаблівую паслугу – падарожжа да загараднага Палаца махараджы вярхом на слане. Менавіта ў апісанні гэтага падарожжа ў нарысе праявілася своеасаблівасць лынькоўскага мастацкага слова, нярэдка насычанага гумарам і самаіроніяй. «Не сказаць, каб мы, апынуўшыся ў ролі слановых кавалерыстаў, засталіся ў захапленні ад гэтага спосабу перасоўвання. Як на тое ліха, нашай чацвёрцы... дастаўся самы наравісты слон. Увесь час ён выказваў яўныя намеры павярнуць назад і сігануць з гары, таптаўся на месцы, пагрозна размахваў хобатам і злосна пачмыхваў. Няшчасныя кавалерысты, замест таго каб любавацца навакольнымі краявідамі, трывожна пазіралі на свайго скакуна, гадаючы, калі нарэшце ён схопіць хобатам за нагу або за шыю таго ці іншага пасажыра» [4, с. 224–225].

Пасля таго, як асноўная праграма мерапрыемстваў у рамках IX Генеральнай канферэнцыі ЮНЕСКА завяршылася, некаторыя дэлегаты затрымаліся яшчэ на шэраг дзён. М. Ц. Лынькоў разам з Р. Я. Кісялёвым і Б. В. Кудраўцавым, а таксама двума прадстаўнікамі дэлегацыі Украінскай ССР – А. М. Русько і К. З. Літвінам – накіраваліся ў гарады Бенарэс (зараз называецца Варанасі) і Алахабад. Як адзначаў сам пісьменнік, «гэтыя паездкі не былі ўжо звычайнымі турысцкімі наведваннямі цікавых мясцін. Сумесна с мясцовымі арганізацыямі Таварыства індыйска-савецкай дружбы мы павінны былі правесці пэўную работу...» [4, с. 226].

Як сведчыць М. Ц. Лынькоў, прадстаўнікі індыйскай грамадскасці загадзя падрыхтаваліся да іх візіту, і савецкія дэлегаты былі ўрачыста сустрэтыя ў адпаведнасці з мясцовымі традыцыямі і абрадамі [4, с. 227]. Першым пунктам

праграмы стаў візіт да афіцыйнай асобы – да мэра Бенарэса. Потым адбылася сустрэча з чытачамі гарадской публічнай бібліятэкі: «На сустрэчы былі музыканты. Чытачы дэкламавалі вершы на санскрыце, выступаў адзін малады паэт з Непала» [4, с. 229]. Пад вечар у той жа дзень адбылася размова з выкладчыкамі Бенарэскага ўніверсітэта, падчас якой абмяркоўваліся пытанні развіцця сістэмы адукацыі, падрыхтоўкі навуковых кадраў і іншае [4, с. 229]. Лынькоў згадавае, што ў дар бібліятэцы Бенарэскага ўніверсітэта былі перададзеныя некалькі кніг беларускіх аўтараў [4, с. 230].

Паколькі Бенарэс і Алахабад з'яўляюцца буйнымі рэлігійнымі цэнтрамі індуізму (Бенарэс нават называюць «горадам тысячы храмаў»), то дэлегаты азнаёміліся з рэлігійнымі і культурнымі помнікамі: наведалі будысцкія і індуісцкія храмы, назіралі за рытуалам амавення паломнікаў у водах ракі Ганг, наведалі археалагічны музей [4, с. 231]. Але дэлегаты наведалі і сучасныя свецкія ўстановы: яны сустракаліся з індыйскімі дзецьмі, наведалі суд, радзільны дом і іншыя ўстановы [4, с. 236–237].

Апроч аповедаў пра асобныя прыгоды падчас камандзіроўкі, значную частку нарыса М. Лынькова склалі агульныя звесткі пра Індыю, яе гісторыю, эканоміку, культурныя і рэлігійныя асаблівасці. Пісьменнік неаднаразова выказваў захапленне старажытнасцю індыйскай цывілізацыі. Так, апісваючы абсерваторыю ў Джайпуры, ён звярнуў увагу, што «гэтыя астраномы былі перадавымі вучонымі сваёй эпохі... Некаторыя астранамічныя трактаты індыйскіх вучоных IV – V – VI стагоддзяў нашай эры сведчаць пра тое, што ўжо ў тыя далёкія часы індыйскі народ меў багатыя веды па астраноміі, матэматыцы, хіміі, фізіцы і медыцыне» [4, с. 224]. Кантрастам да гэтых думак пісьменніка выглядаюць разважанні пра супярэчлівую спадчыну каланізатараў – англічан [4, с. 192–199], ад улады якіх Індыя пазбавілася менш за дзесяцігоддзе да візіту Лынькова – у 1947 г. Пісьменнік падкрэсліваў выключна негатыўныя наступствы брытанскага панавання ў Індыі,

падкрэсліваў вялікі матэрыяльны ўрон, які панесла індыйская культура і эканоміка за апошнія два стагоддзі: «Дзе цяпер тое золата і дзе той рэдкі брыліянт – ніхто дакладна не ведае. Праўда, адзін з правадзнікоў робіць нясмелы намёк, што ў прапажы гэтых рэдкіх багацціяў вінаватыя еўрапейцы. Мы добра ведаем, што гэта за еўрапейцы, якія на працягу стагоддзяў, акрамя жорсткай эксплуатацыі індыйскага народа, грабілі і абдзіралі яго святыні і славутыя рэліквіі старыны» [4, с. 221]. У гэтых словах пісьменніка можна як заўважыць антыкапіталістычныя матывы, традыцыйныя для беларускай савецкай літаратуры, так і адчуць атмасферу пачатку «халоднай вайны».

Між тым, як адзначаў М. Ц. Лынькоў у лісце да М. П. Рака, «народ у Індыі выдатны, да нас ставіцца па-сяброўску. Праўда, жыве ён яшчэ бедна, зжываючы паступова цяжкія наступствы англійскага каланіялізму. ... Зямлю аруць яшчэ драўлянымі сохамі, якія ў нас і ў музеях цяжка знайсці. Шмат непісьменных, сказваецца яшчэ галеча і г. д. Але краіна мае найбагацешыя магчымасці стварыць лепшыя ўмовы для жыцця народа, які вызваліўся ад каланіяльнага прыгнёту» [3, с. 302].

На той момант, калі адносіны Дэлі з Савецкім Саюзам толькі пачалі ўсталёўвацца, а значная частка насельніцтва не мела нават пачатковай адукацыі, індыйцы звычайна разглядалі ўсіх грамадзян СССР як прадстаўнікоў адной краіны, аднаго народа, а не асобна як рускіх, беларусаў, украінцаў і г. д. (як і мы разглядаем жыхароў Індыі як прадстаўнікоў адзінай шматнацыянальнай супольнасці, нягледзячы на тое, што прадстаўнікі розных штатаў размаўляюць на абсалютна розных мовах і з'яўляюцца носьбітамі розных культурных традыцый). Па словах Лынькова, калі мясцовыя жыхары пазнавалі ў дэлегатах грамадзян Савецкага Саюза, то часта пачыналі называць усіх іменем «Апанас». Прычына была ў тым, што якраз у гэты час вяліся здымкі сумеснай савецка-індыйскай мастацкай кінематаграфічнай стужкі пра падарожніка і гандляра

XV ст. Афанасія Нікіціна [4, с. 188]. Між тым, пісьменнік узгадваў, што на сустрэчы з чытачамі гарадской публічнай бібліятэкі ў Бенарэсе індыйцы «спрабавалі дэкламаваць вершы ўкраінскіх і беларускіх паэтаў» [4, с. 229].

Міхась Лынькоў стаў першым, але не адзіным беларускім пісьменнікам, які ажыццявіў падарожжа ў Індыю: да прыкладу, пазней гэтую краіну наведалі Янка Брыль (1967 г.) і Алесь Адамовіч (1987 г.) [7, с. 32; 8, с. 68]. У адрозненне ад камандзіровак на сесіі Генеральнай Асамблеі ААН, пісьменнік не паспеў скарыстаць гэтую падзею ў якасці повада для напісання новых мастацкіх твораў. Пасля вяртання ён узяўся за дапрацоўку рамана-эпапеі «Векапомныя дні». Тым не менш, у асобных выступленнях перад чытачамі пісьменнік расказваў пра свае падарожжы, у тым ліку і ў Індыю. І менавіта М. Ц. Лынькоў у маі 1961 г. быў запрошаны выступіць у Беларускім дзяржаўным акадэмічным тэатры імя Янкі Купалы на вечары, прысвечаным 100-годдзю з Дня нараджэння Рабіндраната Тагора, найбольш выбітнага індыйскага паэта XIX–XX стст. [9]

Такім чынам, з'яўляючыся паводле свайго жанра публіцыстычным творам, адрасаваным масаваму беларускаму чытачу, нататкі «Пад сонцам Індыі» даюць аснову для рэканструкцыі асноўных падзей пад час Генеральнай канферэнцыі ЮНЕСКА, удакладняюць прадстаўленне аб асноўных напрамках і формах тагачаснай народнай дыпламатыі, фіксуюць ключавыя пункты ў рамках турыстычнай праграммы для дэлегатаў. Нататкі змяшчаюць няшмат інфармацыі пра канкрэтныя тэмы афіцыйных выступленняў прадстаўнікоў Беларускай ССР (у тым ліку самога Міхася Лынькова), аб прадметах спрэчак і дыскусій на палях Генеральнай канферэнцыі. Разам з тым, нарыс носіць краязнаўчы характар, які знітоўвае даведачную інфармацыю з асабістым і суб'ектыўным поглядам савецкага пісьменніка і турыста. Такая дзейнасць прадстаўнікоў грамадскасці стала падмуркам для ўмацавання савецка-індыйскіх і, у прыватнасці, беларуска-індыйскіх сувязей у далейшым.

Бібліяграфічны спіс

1. Аўласенка, І. М. Беларускія пісьменнікі ў Арганізацыі Аб'яднаных Нацый: выступленні, назіранні, уражанні / І. М. Аўласенка. – Мінск : ІВЦ Мінфіна, 2021. – 305 с.

2. Свилас, С. Ф. Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954–1964 гг.) / С. Ф. Свилас. – Минск : БГУ, 2013. – 463 с.

3. Лынькоў, М. Збор твораў : у 8 т. / М. Лынькоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981–1985. – Т. 2 : Апавяданні і нарысы, 1942–1975 / рэдактар тома М. Ярош. – 1981. – 541 с.

4. Лынькоў, М. Збор твораў : у 8 т. / М. Лынькоў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981–1985. – Т. 8: Пісьмы (1935-1975) Летапіс жыцця і творчасці / рэд. тома І. Я. Навуменка. – 1985. – 621 с.

5. Брыль, Я. Збор твораў : у 5 т. / Я. Брыль. – Минск, 1981. – Т. 4 : Свет далёкі і блізкі : дарожныя нататкі : Пра запаветнае : артыкулы, эсэ, партрэты. – 540 с.

6. Мележ, І. П. Вакол Еўропы / І. П. Мележ // Полымя. – 1956. – № 10. – С. 117–134.

7. Арганізацыйна-творчая работа Саюза пісьменнікаў Беларусі за перыяд паміж V і VI з'ездамі (1966–1971 гг.). – Мінск : Полымя, 1971. – 41 с.

8. Арганізацыйна-творчая і грамадская работа Саюза пісьменнікаў БССР: за перыяд паміж IX і X з'ездамі (1986–1990 гг.). – Мінск : Полымя, 1990. – 92 с.

9. Вечар памяці Рабіндраната Тагора // Літаратура і мастацтва. – 1961. – 9 мая. – С. 2.

VISA-FREE REGIME AS AN INSTRUMENT OF ECONOMIC COUNTERACTION TO SANCTIONS

E. A. Borovskaya[a], I. S. Yudchits[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, borovskaya@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, Yudchits@bsu.by

The article deals with the visa-free regime introduced in Belarus in recent years, its history and indicators. Under the conditions of economic sanctions, which the European countries applied against our country, Belarus, in its turn, uses its geographical position as a factor that allows to counteract the sanctions by opening the borders for foreign tourists, in particular, the abolition of consular fees for European citizens. It is determined that, despite the abolition of entry visas, Belarus receives payment for services provided to foreign tourists and goods purchased by them in return for the amounts underpaid to the state budget; Belarusian enterprises pay taxes to the state budget from the proceeds received.

Keywords: visa-free regime, sanctions, tourist arrivals, foreign citizens, consular fee.

БЕЗВИЗОВЫЙ РЕЖИМ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ САНКЦИЯМ

Е. А. Боровская[1)], И. С. Юдчиц[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
borovskaya@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
Yudchits@bsu.by

В статье рассматривается безвизовый режим, введенный на территории Беларуси в последние годы, его история и показатели. В условиях действия экономических санкций, которые страны Европы

применили в отношении нашей страны, Беларусь, в свою очередь, использует географическое положение как фактор, позволяющий противодействовать санкциям за счет открытия границ для иностранных туристов, в частности, отмены уплаты консульского сбора для граждан Европы. Определено, что, несмотря на отмену уплаты въездных виз, Беларусь взамен недополученных в государственный бюджет сумм, получает оплату за услуги, предоставляемые иностранным туристам, и товары, приобретаемые ими; из полученных сумм выручки белорусские предприятия уплачивают налоги в государственный бюджет.

Ключевые слова: безвизовый режим, санкции, туристские прибытия, иностранные граждане, консульский сбор.

The development of international relations in the XXI century is accompanied by changes in the nature of international conflicts, which is associated with the objective reasons for changes in the geopolitical situation and the development of scientific and technological progress. On the one hand, there is the development of the globalization process, which is facilitated by the widespread introduction of information technology, on the other hand, the processes of decentralization and the creation of new centers of power are actively developing in the international system. Such opposition cannot but give rise to new forms of international conflicts and methods of their resolution [1].

Conflict in international relations is understood as a special type of foreign policy interaction between entities, primarily states, which is expressed in an acute clash of their interests and goals [2, p. 31].

To the peculiarities of conflicts of the «new generation» can be attributed factors that condition the presence of superiority of some states over others, for example, the role of economics and finance is intensified, the use of new technologies is intensified, on the basis of which some countries become more developed, and others lag behind in development. As a result, «there is a transition from a world dominated by classical wars

to a world dominated by economic and technological conflicts» [3, p. 428].

In recent years, economic sanctions (a tool of pressure and coercion to actions in which the party under pressure is not interested) have been increasingly intensely used. It is obvious that prohibitions in international trade pursue the goal of creating such an economic situation in the country, in which the consequences of sanctions will cause no only complicated economic problems, but also subsequent political ones.

The Republic of Belarus, being a sub-sanctioned state for many years, has fully felt the impact of such a policy. Taking into account the fact that the country is affected by too strong adversaries, which are the countries of Europe and the United States, it is difficult to count on adequate counteraction, which means that counteraction tools should include other methods.

The Republic of Belarus establishes its foreign policy based on a combination of the following factors: geography, national policy, economic resources and political will. Of these factors, the geographical factor is the strongest and most accessible in countering sanctions. Being in the center of Europe geographically, the Republic of Belarus seeks to maximize the use of its position as a «crossroads», and the attraction of tourists under the visa-free regime can be considered one of the manifestations of this use.

Visa-free regime of visiting a country has long been part of international practice. Visa-free regime is a regime of relations between states, under which citizens of these states are not required to obtain a visa to enter their territory.

In the recent history of Belarus, the visa-free regime system appeared in 2000 with the signing of the Agreement between the Governments of the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Russian Federation and the Republic of Tajikistan on the operation of the visa-free regime. The next step was the decision to establish a visa-free entry to Belarus for official participants of the World Ice Hockey Championship and foreign tourists arriving for the

championship in the period from April 25 to May 31, 2014. Since July 12, 2015, visa-free entry of foreign tourists arriving through the border checkpoint «Bialowieza-Pererov» to the territory of Belovezhskaya Pushcha has been opened. The next step was to allow visa-free entry of citizens of other countries for the purpose of visiting the August Canal (since October 26, 2016).

The year 2017 marked the beginning of a more extensive introduction of the visa-free regime: from February 12 of this year, a visa-free regime was introduced for citizens of 80 countries with subsequent stay in Belarus for five days when crossing the border of the Republic of Belarus at the National Airport «Minsk» (established by the Decree of the President of the Republic of Belarus «On Establishing a Visa-Free Procedure for Entry and Exit of Foreign Citizens» of January 9, 2017, No. 8 with subsequent amendments and additions). The development of the visa-free regime continued next year: from July 27, the period of stay for tourists was extended to 30 days (based on the Decree of the President of the Republic of Belarus No. 295 of July 24, 2018). The first results of this policy showed that the number of tourist arrivals to Belarus through the National Airport «Minsk» in 2018 increased by almost 27 %, and since the extension of the period of stay to 30 days – by 43 % [4].

The year 2022 became a landmark in the visa-free regime policy: from April 15, this regime was introduced for citizens of Lithuania and Latvia, and from July 1 for citizens of Poland – i.e. the countries that, on their part, close the border for Belarusians.

As a result of this policy, 352,175 citizens of Latvia, 621,789 citizens of Lithuania and 113,640 citizens of Poland arrived in Belarus during the period of the visa-free regime, totaling 1,116,010 people (as of June 2, 2025) [5].

To compare the increase in arrivals, we will use the data as of January 13, 2025. The comparison of data is presented in Table 1.

Table 1

Arrivals of foreign citizens from Europe to Belarus during the period of visa-free regime

№	Indicators	As of 13.01.2025	As of 02.06.2025	Increase, people	Increase, %
1	Total number of foreign tourists arriving from Europe	1 116 010	1 116 010	79 373	7.7
2	Number of tourists arriving from Latvia	326 665	352 175	25 510	7.8
3	Number of tourists arriving from Lithuania	589 366	621 789	32 423	5.5
4	Number of tourists arriving from Poland	104 401	113 640	9239	8.8
5	Average increase per year			79 373	7.7
6	Average increase per month (4.5 months)			17 638	1.7

Source: [5; 6].

The given data confirm the correctness of the initial psychological assumption that citizens not only of friendly, but also of so-called «unfriendly» countries use the opportunity to visit a country that offers visa-free entry and stay on its territory for a period sufficient to familiarize themselves with it.

Data on foreign tourist arrivals under the visa-free regime are tracked by the State Border Committee of the Republic of Belarus, while the National Statistical Committee of the Republic of Belarus has not yet generated such statistics. Let us consider the dynamics of general indicators characterizing the number of trips of foreign citizens to the Republic of Belarus, presented on the official website of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus. These data are summarized in Table 2.

Table 2

Dynamics of the number of tourist trips of foreign citizens to the Republic of Belarus during the period of visa-free regime

№	Year	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	Number of tourist trips of foreign citizens to Belarus, thousand people	11 501.0	11 832.1	3598.5	3361.0	4920.5	5678.4
2	Increase per year, thousand people.		331.1			1559.5	757.9
3	Increase per year, %		2.9			46.4	15.4
4	Average growth per month, thousand people		27.6			130.0	63.2
5	Average growth per month, %		0.24			3.9	1.3

Source: [7].

The statistics presented in Table 2 show the division of the selected period into two: the first – from 2018 to 2019 and the second – from 2022 to 2023, which is due to a general drop in all indicators in 2020 and in 2021. Obviously, in the period 2018-2019 after the introduction of the visa-free regime, the number of foreign arrivals increased, but the figures are still low, with an increase of 2.9 % per year. For the first year of the regime, when there is not yet widespread information about it, this is quite a normal figure. In the second growth period, from 2022 to 2023, the growth rate of arrivals is different: 46.4 % in 2022 compared to 2021 and 15.4 % in 2023 compared to 2022.

Visa-free regime implies the abolition of payments for visa processing, which are related to consular fees and are credited to the state budget of the Republic of Belarus. The introduction of visa-free regime from the point of view of tax legislation is an act of preferential treatment. It means that as a result of the introduction of visa-free regime the state budget of the Republic of Belarus will not receive an amount equal to the unpaid cost of visas. However, the money saved on the cost of visas is used by visitors to pay for services provided by their host country:

accommodation, meals, transfers within the country, excursion services and others. Taxes paid to the budget from the services revenues provided to foreign visitors and for goods purchased by them may in the aggregate amount to and even significantly exceed the amounts of unpaid visas.

Thus, we can state that visits to Belarus by foreign citizens within the visa-free regime show positive dynamics, and thus, have an impact on consumption in the country.

References

1. Баранов, Н. Особенности международных конфликтов в XXI веке / Н. Баранов // Персональный сайт Николая Баранова. – 14.09.2018 – URL: https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-mezhdunarodnye-konflikty-v-xxi-veke/tema-2-osobennosti-mezhdunarodnykh-konfliktov-v-xxi-veke (дата обращения: 06.05.2025).

2. Челядинский, А. А. Теория международных отношений : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 2. – Минск : БГУ, 2001. – 93 с.

3. Цыганков, П. А. Теория международных отношений : учебник / П. А. Цыганков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Гардарики, 2007. – 557 с.

4. Нестеров, А. 25.by: История безвизового въезда в Беларусь / А. Нестеров // СБ – Беларусь сегодня. – 11.04.2019 – URL: https://www.sb.by/articles/vsegda-otkryty-dlya-druzey.html (дата обращения: 07.05.2025).

5. ГПК: более 84 тыс. иностранцев посетили Беларусь по безвизу с начала года // БЕЛТА. – 02.06.2025 – URL: https://belta.by/society/view/gpk-bolee-84-tys-inostrantsev-posetili-belarus-po-bezvizu-s-nachala-goda-718495-2025/ (дата обращения: 06.06.2025).

6. ГПК: с начала 2025 г. Беларусь посетили около 5 тыс. иностранцев без виз // Аргументы и факты в Беларуси. – 13.01.2025 – URL: https://aif.by/social/gpk_s_nachala_2025_goda_belarus_posetili_okolo_5_tys_inostrancev_bez_viz (дата обращения: 06.06.2025).

7. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь, 2024 : стат. буклет / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2024. – 28 с. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/turizm/statisticheskie-izdaniya/index_99837/ (дата обращения: 06.06.2025).

КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СТЕПЕНЬ ЕЕ ВЛИЯНИЯ НА БЕЗОПАСНОЕ РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ МАКРОРЕГИОНЕ

А. А. Латушко[1)], Л. М. Гайдукевич[2)]

[1)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, latushko.nastya@gmail.com
[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Gaydukevich@bsu.by

Статья посвящена исследованию влияния культурно-религиозной идентичности на восприятие безопасности туристами в Ближневосточном макрорегионе. Актуальность темы обусловлена критической ролью безопасности для привлечения международных путешественников в регионе с уникальными культурными и религиозными особенностями. Проблема заключается в необходимости баланса между сохранением традиционной идентичности и адаптацией к глобальным стандартам безопасности и комфорта. Объектом исследования выступает взаимосвязь культурных норм, религиозных убеждений, идентичности, ценностей, институтов и исторического опыта с восприятием безопасности. Анализ показывает, что восприятие безопасности культурно обусловлено и варьируется от приоритета физической безопасности в конфликтных зонах до психологического комфорта и социальной гармонии в стабильных странах. Выявлен парадокс религиозного туризма: строгие нормы обеспечивают безопасность верующих, но могут ограничивать других туристов. Установлено, что ключевым условием устойчивого развития является компромисс между традицией и модернизацией при активном участии местного населения. Практическое значение результатов подчеркивает необходимость учета культурного контекста при разработке туристических стратегий региона.

Ключевые слова: культурно-религиозная идентичность; безопасность туризма; Ближневосточный макрорегион; межкультурный диалог; социокультурные факторы; восприятие безопасности; религиозный туризм; культурные различия.

CULTURAL AND RELIGIOUS IDENTITY AND THE DEGREE OF ITS INFLUENCE ON THE SAFE DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE MIDDLE EAST MACROREGION

A. A. Latushko[a], L. M. Gaidukevich[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
latushko.nastya@gmail.com
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
Gaydukevich@bsu.by

The article is devoted to the study of the influence of cultural and religious identity on the perception of safety by tourists in the Middle Eastern macroregion. The relevance of the topic is due to the critical role of security in attracting international travelers to a region with unique cultural and religious characteristics. The problem lies in the need for a balance between preserving traditional identity and adapting to global standards of safety and comfort. The object of the research is the interrelation of cultural norms, religious beliefs, identity, values, institutions and historical experience with the perception of security. The analysis shows that the perception of security is culturally conditioned and varies from the priority of physical security in conflict zones to psychological comfort and social harmony in stable countries. The paradox of religious tourism has been revealed: strict regulations ensure the safety of believers, but may restrict other tourists. It has been established that the key condition for sustainable development is a compromise between tradition and modernization with the active participation of the local population. The practical significance of the results highlights the need to take into account the cultural context when developing tourism strategies in the region.

Keywords: cultural and religious identity; tourism security; Middle East macroregion; intercultural dialogue; socio-cultural factors; perception of security; religious tourism; cultural differences.

Развитие туристической отрасли в Ближневосточном макрорегионе требует учета культурно-религиозных осо-

бенностей данного региона, которые кардинально влияют на оценку безопасности – критически важного критерия при выборе места отдыха путешественников. Культура, понимаемая как система норм и ценностей, усвоенных в процессе социализации, определяет, как туристы оценивают потенциальные риски и уровень комфорта. Исследования подтверждают глубокую взаимосвязь между культурно-религиозной идентичностью и обеспечением безопасности туризма в изучаемом макрорегионе. Цель данной работы – охарактеризовать влияние культурно-религиозной идентичности на субъективное восприятие защищенности и на перспективы устойчивого развития туристической сферы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью находить равновесие между сохранением традиционных принципов и адаптацией к современным ожиданиям путешественников.

Один из основоположников этнографии и антропологии, английский ученый Э. Тайлор определял культуру как «сложное целое, которое включает знания, верования, искусства, мораль, законы, обычаи и любые иные способности и привычки, приобретаемые человеком как членом общества» [1, p. 1]. Данное определение подчеркивает социальное происхождение и межпоколенческую передачу культуры. Однако для углубленного анализа требуется более точная трактовка понятия.

Культура – это совокупность норм, определяющих человеческое поведение и общение, усваиваемых в процессе социализации и воспроизводимых людьми в ходе социальных практик [2, с. 17]. В этом определении важно, что:

– культура включает набор норм, которые влияют на поведение и взаимодействие людей;

– культура формирует модели коммуникации и деятельности, определяя социальные ожидания;

– передача культуры происходит через социализацию, где индивиды усваивают нормы и ценности своего общества;

– культура активно воспроизводится в повседневной жизни, а не только передается;

– культура материализуется в конкретных действиях и ритуалах, отражая повседневную жизнь общества.

Таким образом, культура выходит за рамки этнических обычаев, охватывая многообразие форм взаимодействия и самовыражения.

Несмотря на общие черты, каждая культура уникальна в своих проявлениях, порождая различия. Эти различия обогащают глобальное понимание мира, подчеркивают многообразие человеческого опыта и позволяют народам сохранять свою идентичность и традиции.

Культурные различия играют важную роль в формировании общественного сознания и поведения человека. Они определяют самовосприятие, мировоззрение и даже интерпретацию базовых концепций, среди которых выделяется безопасность. Восприятие безопасности культурно обусловлено, превращая его из индивидуального переживания в коллективный опыт, укорененный в истории и традициях сообщества. В качестве примера, в Йемене затяжной конфликт и гуманитарная катастрофа разрушили государственные институты, вынуждая население полагаться на локальные сообщества и вооруженные группы для защиты. В Иране же представления о безопасности тесно переплетены с культурными и религиозными установками. Государственные регламенты и нормы формируют понимание угроз: некоторые граждане ощущают порядок и безопасность благодаря строгим правилам со стороны правительства, в то время как другие воспринимают это как репрессии и нарушение личных свобод. Поэтому анализ влияния культурных особенностей на восприятие безопасности важен для понимания современных социальных процессов [3, p. 37].

Безопасность – это обширное понятие, охватывающее физические, психологические и социальные аспекты жизни человека. Известный американский психолог А. Маслоу относил ее к базовым человеческим потребностям [4, с. 63].

Восприятие безопасности – это субъективное ощущение индивида или группы относительно своей защищенности от внешних опасностей. Культурные различия в этом восприятии особенно важны в условиях глобализации. Одинаковые угрозы могут интерпретироваться разными культурами противоположно, порождая конфликты. Учет этих различий способствует более эффективному обеспечению безопасности и снижению напряженности. То, что для одной группы представляет угрозу, для другой может быть нормой.

Представители одной культуры могут оценить физическую безопасность, в то время как для представителей другой культуры в приоритете психологическое благополучие. Например, в Объединенных Арабских Эмиратах, где наблюдается высокий уровень экономической стабильности и низкий уровень преступности, безопасность часто ассоциируется с психологическим комфортом, устойчивостью социальной среды и доверием к государственным институтам [5]. Это контрастирует с ситуацией в конфликтных зонах.

В обществах, фокусирующихся на физической безопасности, люди ценят защиту жилища и семьи, считая внешние угрозы главной проблемой. В Йемене, где гражданская война вызвала гуманитарный кризис, приоритетом является физическая неприкосновенность и доступ к базовым потребностям (вода, еда, медицина) [3, p. 63].

Напротив, в обществах, где стабильность и мирное сосуществование являются нормой, безопасность может определяться более гибко и рассматриваться как многогранная концепция, включающая культурные и социальные аспекты. В Омане, который известен своей политической стабильностью, нейтралитетом и мирной внешней политикой, безопасность воспринимается не только как отсутствие внешних угроз, но и как гармония внутри общества. Страна делает акцент на сохранении традиций, социальной сплоченности и культурного наследия, укрепляя доверие и стабильность [6].

Следовательно, культурные различия создают вариативность в восприятии безопасности, что требует их учета при разработке стратегий безопасности и социальной политики. Понимание культурного контекста позволяет лучше удовлетворять потребности сообществ и укреплять их безопасность в соответствии с их ценностями и историей (таблица).

Социокультурные факторы и их влияние на восприятие безопасности туристов

Аспект	Характеристика	Влияние на восприятие безопасности туристов
Культурные нормы	Усваиваются через социализацию, включают поведение, коммуникацию, социальные ожидания	– Туристы ориентируются на принятые в стране пребывания нормы, ощущают себя комфортнее; – незнание местных норм может вызвать чувство неуверенности и отдаленности
Религиозные убеждения	Формируют законы, социальные практики и идентичность (например, нормы поведения, дресс-код)	– В странах с сильным религиозным влиянием туристы прислушиваются к ограничениям. Это либо дает ощущение порядка и предсказуемости, либо создает страх непреднамеренного нарушения правил
Идентичность	Чувство принадлежности к группе через язык, религию, историю, традиции	– Групповые туры создают «свой круг» → коллективное ощущение безопасности; – в странах с сильным национальным самосознанием туристы чувствуют поддержку со стороны местных при проявлении вежливости или соблюдении традиций

Окончание таблицы

Аспект	Характеристика	Влияние на восприятие безопасности туристов
Ценности	Цели общества: экономический успех, знания, социальная гармония, стабильность	– В туристических дестинациях, ориентированных на семейный отдых (ценность «социальная гармония»), создаются безопасные парки, аттракционы, медицинские пункты → туристы чувствуют защиту; – в экотуризме (ценность «сохранение природы») высокие экологические стандарты воспринимаются как гарантия ответственности и надежности
Институты	Формальные (законы) и неформальные (обычаи) правила, регулирующие общество	– Надежная полиция в туристических зонах повышает доверие: туристы знают, что могут обратиться за помощью; – в странах со слабыми институтами туристы опираются на гидов и локальные сообщества, чтобы чувствовать себя в безопасности

Источник: [1; 2].

Религиозный туризм, древнейшая форма путешествий, остается крайне востребованным на Ближнем Востоке и является важной составляющей экономик стран региона. Его потенциал напрямую зависит от способности сочетать аутентичность традиций с глобальными стандартами безопасности и комфорта.

Религиозные ритуалы в регионе часто служат механизмом обеспечения безопасности. Организация хаджа в Мекке – пример сложной системы управления рисками:

регулирование потоков паломников, технологический мониторинг, строгий график ритуалов минимизируют давку и конфликты. Для верующих эти меры – часть сакрального опыта, усиливающая защищенность. Однако для внешних наблюдателей, особенно немусульман, подобная регламентация создает образ «закрытости», что контрастирует с реальной статистикой: приблизительно 25 % всех туристов в мире приходится на религиозные объекты региона [7].

Концепция «гостеприимства», исторически связанная с обязанностью защиты гостя, трансформируется в современных условиях. В ОАЭ это проявляется в создании специализированных служб, обученных нормам шариата, что позволяет туристам чувствовать себя комфортно в рамках местных традиций. В Иордании безопасность для христианских паломников у библейских памятников обеспечивается через взаимодействие с местными общинами. Небольшие христианские общины в Мадабе и на горе Небо принимают гостей, знакомят их с бытом и традициями, что снижает недоверие и формирует атмосферу взаимоуважения [8]. Такое неформальное общение побуждает местных жителей оперативно сообщать властям о подозрительных событиях, так как они лично знают паломников и заинтересованы в их безопасности.

Ключевой парадокс развития религиозного туризма на Ближнем Востоке – поиск баланса между религиозными нормами и ожиданиями международных туристов. В Иране, например, посещение шиитских святынь сопровождается строгими правилами: запрет на фотосъемки в зонах молитв, обязательное ношение хиджаба для женщин, разделение пространств для мужчин и женщин. Эти меры, направленные на сохранение духовной аутентичности, ограничивают приток туристов, не готовых к подобным ограничениям, несмотря на историческую ценность объектов [9].

Экономическое значение религиозного туризма вынуждает страны внедрять инновации, не отказываясь от

традиций. Саудовская Аравия, получающая миллиарды долларов от хаджа, инвестирует в инфраструктуру, но ограничивает доступ немусульман к святыням, сужая туристический потенциал. ОАЭ применяют иную стратегию, совмещая религиозный и элитарный туризм: мечеть шейха Зайда в Абу-Даби открыта для посетителей всех конфессий, а экскурсии включают лекции о межрелигиозном диалоге, формируя образ толерантности и безопасности [10].

Однако подобные инициативы нередко вызывают сопротивление консервативных групп. Например, реставрация синагог в Абу-Даби для привлечения еврейских туристов критикуется как «искусственная» в преимущественно мусульманском регионе.

Также религиозный туризм на Ближнем Востоке имеет двойственные последствия. С одной стороны, он способствует межкультурному диалогу. В Ливане гиды, рассказывающие об общей истории христианских и мусульманских святынь, разрушают стереотипы, а в Иране мастер-классы по каллиграфии коранических текстов становятся мостом между посетителями и местной культурой.

С другой стороны, коммерциализация сакральных пространств ведет к утрате аутентичности. В Вифлееме сувенирные лавки у церкви Рождества Христова превращают святыню в рыночную площадь, вызывая недовольство верующих. В Каире развитие туристической зоны вокруг мечети Аль-Азхар провоцирует рост цен на жилье и вытеснение местных жителей, обостряя конфликт между экономической выгодой и социальной справедливостью [11].

Таким образом, восприятие безопасности в сфере религиозного туризма на Ближнем Востоке – это динамичный поиск компромисса между традицией и модернизацией. Инвестиции в инфраструктуру и инновационные решения могут снизить риски, способствуя устойчивому развитию. Ключевым условием успеха является вовлечение местных сообществ в процесс принятия решений: только их участие гарантирует, что меры безопасности не приведут к изоля-

ции, а обеспечат баланс между духовными ценностями и экономическими интересами.

Библиографический список

1. Tylor, E. B. Primitive culture: Researches into the development of mythology, philosophy, religion, language, art and custom / E. B. Tylor. – New York : Henry Holt and Company, 1889. – 417 p.
2. Гузикова, М. О. Основы теории межкультурной коммуникации : учеб. пособие / М. О. Гузикова, П. Ю. Фофанова. – Екатеринбург : Изд во Урал. ун-та, 2015. – 124 с.
3. Regional Security in the Middle East: Sectors, Variables and Issues / Ed. by B. Koch, Y. A. Stivachtis. – Bristol : E-International Relations, 2019. – ix, 230 p. – URL: https://www.e-ir.info/wp-content/uploads/2020/05/Regional-Security-in-the-Middle-East1-E-IR.pdf (date of access: 05.02.2025)
4. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – 3-е изд. / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2019. – 400 с.
5. Никитина, А. Безопасность в ОАЭ для туристов / А. Никитина // Tranio. – 11.07.2024. – URL: https://tranio.ru/articles/bezopasnost-v-oae/ (дата обращения: 03.02.2025).
6. Юрченко, В. П. Оман: национальная безопасность / В. П. Юрченко // Институт Ближнего Востока. – 14.12.2004. – URL: http://www.iimes.ru/?p=3398 (дата обращения: 03.02.2025).
7. Управление потоками людей во время хаджа и умры // Saudipedia – URL: https://saudipedia.com/ru/article/118/ (дата обращения: 11.03.2025).
8. In Jordan, a Community Disrupted Awaits Travel's Return / Y. Denisyuk // Condé Nast Travaler. – 01.05.2024. – URL: https://www.cntraveler.com/story/in-jordan-a-community-disrupted-awaits-travels-return (date of access: 05.02.2025).
9. Кириченко, И. Иран: страна, где ограничения определяют повседневность / И. Кириченко // GPVN. – 22.06.2025. – URL: https://gpvn.ru/65999 (дата обращения: 27.06.2025).
10. Bandial M.A. How Saudi Arabia is turning religious tourism into a growth engine / M. A. Bandial // Salaam Gateway. – 27.06.2025 – URL: https://salaamgateway.com/story/how-saudi-arabia-is-turning-religious-tourism-into-a-growth-engine (date of access: 28.06.2025).
11. Budovich, L. S. The impact of religious tourism on the economy and tourism industry / L. S. Budovich // HTS Theological Studies. – 2023. – Vol. 79, N 1. – URL: https://doi.org/10.4102/hts.v79i1.8607 (date of access: 05.02.2025).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ АГРОЭКОТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Л. Н. Давыденко

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
DavidenkoLN@bsu.by

Объект исследования: агроэкотуристический бизнес и его различные модели как субъекты хозяйствования. Проанализированы институцианальные подходы развития сельского туризма с учетом предпринимательских рисков в агроэкотуристическом бизнесе. Выделены отличительные особенности управления инновационными стратегиями развития сельского туризма. Дан обзор методов государственного регулирования и поддержки развития сельского туризма. Предложены практические подходы и инструменты регулирования предпринимательских рисков агроэкотуризма.

Ключевые слова: агроэкотуристический бизнес; сельский туризм; модели сельских туристских объектов; управление рисками.

INSTITUTIONAL APPROACHES TO THE REGULATION OF AGROECOTOURISM IN THE REPUBLIC OF BELARUS

L. N. Davydenko

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
DavidenkoLN@bsu.by

Object of research: agroecotouristic business and its various models as business entities. The institutional approaches to the development of rural tourism are analyzed, taking into account entrepreneurial risks in the agroecotouristic business. The distinctive features of the management of innovative strategies for the development of rural tourism are highlighted. An overview of the methods of state regulation and support

for the development of rural tourism is given. Practical approaches and tools for regulating entrepreneurial risks of agroecotourism are proposed.

Keywords: agroecotouristic business; rural tourism; models of rural tourist facilities; risk management.

Ключевыми факторами современного экономического роста являются технологический суверенитет и развитие внутреннего рынка за счет привлечения как собственных, так и иностранных инвестиций. Это подтверждается изменениями рейтинга стран, развивающих различные отрасли экономики, включая туристическую инфраструктуру. Построения национальной экономики предложения, расширяющих спрос на белорусские товары и услуги туристического сектора и природных ресурсов-общий мировой тренд.

В настоящее время Минэкономики с отраслевыми министерствами разрабатывается проект концепции НСУР-2040, в котором в качестве стратегической цели долгосрочного развития Республики Беларусь предусматривается «рост качества жизни населения на основе достижений высокой устойчивости национальной экономики посредством развития человеческого и собственного научно-технологического потенциала, цифровой индустрии, создания рыночных институтов конкурентной среды, формирования бизнес-моделей на принципах ресурсной эффективности при сохранении природных экосистем и обеспечения экологической безопасности» [1].

Среди решения важнейших задач НСУР-2040 требуется: повышение качества человеческого потенциала путем развития новых профессиональных компетенций с обеспечением достойных доходов населения и формирования современной инфраструктуры жизнедеятельности; обеспечения технологического суверенитета и внедрения технологий искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности; последовательного улучшения институциональной среды в целях устойчивого экономического

роста. В этом контексте поставленные задачи на достижении технологического суверенитета делают выход агроэкологического бизнеса на глобальные рынки жизненно необходимым для возрождения сельских территорий Беларуси.

Ориентация туристического сектора экономики на экспорт товаров и услуг обеспечит ускоренное развитие различных форм агроэкологического бизнеса. В этой связи необходим комплексный анализ сложившихся моделей агроэкотуризма, их возможностей и угроз, а также предложений новых проектов по развитию их экспортной ориентации. В настоящее время в Республике Беларусь выделяется ряд основных моделей развития агроэкотуризма, каждая из которых имеет свои особенности и преимущества [2, с. 8–11; 3; 4, с. 9–10].

Исторически первая модель фермерских усадеб включает в себя развитие частных фермерских усадеб, предлагающих туристам возможность проживания, участия в сельскохозяйственных работах и знакомства с местными традициями. Усадьбы могут предлагать экологически чистые продукты питания, организовывать мастер-классы по традиционным ремеслам и проводить экскурсии по окрестным природным достопримечательностям.

Вторая модель агроэкологического туризма нацелена на образовании и повышении осведомленности о принципах устойчивого сельского хозяйства. Эта модель включает в себя экскурсии на экологически чистые фермы, где туристы могут ознакомиться с методами органического земледелия, а также участвовать в обучающих программах по охране окружающей среды и устойчивому развитию.

Третья модель культурного агроэкотуризма сосредоточена на культурных аспектах агроэкотуризма. Она включает в себя мероприятия, направленные на сохранение и популяризацию культурного наследия региона, такие как фестивали, ярмарки и мастер-классы по традиционным ремеслам. Туристы могут участвовать в местных праздни-

ках, что способствует укреплению связи между культурой и агроэкотуризмом.

Четвертая модель сельского экотуризма комбинирует элементы агроэкотуризма и экотуризма, предлагая туристам возможность исследовать природные территории и заниматься активным отдыхом. Это может включать в себя пешие походы, велосипедные экскурсии и наблюдение за дикой природой. Местные жители могут организовывать такие мероприятия, что способствует их вовлечению в туристическую деятельность.

Пятая модель агроэкотуризма с элементами волонтерства предлагает туристам возможность совместить отдых с волонтерской деятельностью на фермах и в сельских хозяйствах. Туристы могут работать на ферме в обмен на проживание и питание, что создает уникальный опыт и способствует культурному обмену. Эта модель также помогает фермерам привлекать дополнительную рабочую силу в период сезонных работ.

В научных исследованиях и практической деятельности стран Европейского союза, России и Беларуси используются различные термины-синонимы агроэкотуризма: «зеленый» туризм, сельский туризм или мягкий туризм [5]. В официальных документах Республики Беларусь под агроэкотуризмом понимается «деятельность, направленная на ознакомление агроэкотуристов с природным, сельскохозяйственным и культурным потенциалом республики, национальными традициями в процессе отдыха, оздоровления, временного пребывания в агроэкоусадьбах» [6].

Установлено, что в Республике Беларусь на законодательном уровне закреплено понятие «агроэкотуризм», который является превалирующим сегментом сельского туризма. При этом действующая регламентация осуществления агроэкотуризма не позволяет в полной мере обеспечить развитие рынка сельского туризма в стране в силу ограничения состава представляющих его субъектов. Основными предпосылками развития сельского туризма

в Беларуси являются: имеющийся геоэкономический потенциал, наличие социально-экономических диспропорций в развитии сельских территорий, существующий и недостаточно эффективно используемый рекреационный потенциал, богатое историко-культурное наследие. Важными факторами развития туризма на селе выступают этнографические, рыночные и инфраструктурные предпосылки, гостеприимство, открытость и коммуникабельность населения Республики Беларусь.

Вклад агроэкотуризма в сектор туризма Беларуси показал, что в структуре валовой добавленной стоимости туризма в 2021 г. на него приходилось порядка 2,0 % (а, например, в России – 6 %). При этом вклад в создание прямых (основных) рабочих мест в сфере туризма составлял 5,6 %, прямых и дополнительных рабочих мест – 4,6 %. В агроэкотуризме было занято 0,44 % трудоспособного сельского населения [2, с. 9]. Данные значения демонстрируют, что вклад агроэкотуризма в социально-экономическое развитие республики является незначительным, вместе с тем имеет важное значение для развития сельских территорий и повышения качества жизни сельских жителей.

Основные показатели деятельности субъектов агроэкотуризма в Республике Беларусь

	2010	2015	2020	2022	2023	2024
Число субъектов агроэкотуризма	1247	2473	2936	3043	2409	1408
Численность туристов, обслуженных субъектами агроэкотуризма, тыс. чел.	119,2	294,3	433,3	559,8	457,4	427,6
В том числе: граждан Республики Беларусь	108,5	261,3	424,2	540,5	432,8	413,6
граждан других стран	10,7	32,9	9,1	19,3	17,6	14,0

Источник: [7, с. 246; 8].

Очевидно, в 2024 г. количество субъектов агроэкотуризма в Республике Беларусь сократилось почти в 2,2 раза, а также численность туристов, обслуженных субъектами агроэкотуризма в 1,3 раза, по сравнению с 2022 г. Следует отметить тенденцию незначительного числа агроэкотуристов граждан других стран, что свидетельствует о недостаточном международным информационном обеспечении агроэкотуризма Республики Беларусь. Значительный интерес для нас представляет опыт стран Евросоюза привлечения туристов в сельскую местность через платформу Европейской Федерации Сельского Туризма *Rural Tour* (Сельский Туризм). Она включает 28 профессиональных организаций в 25 странах ЕС, которые предлагают более 100 000 вариантов сельского туризма в Европейских странах [5, с. 78].

Агроэкотуризм, как и другие формы сельского туризма Беларуси нуждаются в помощи и постоянной поддержки для дальнейшего успешного развития. Речь идет о введении кластерных структур и объединений. Кластерные структуры и объединения для Республики Беларусь являются довольно новым подходом к развитию. Они предполагают коллективное участие и управление, позволяют объединить всех представителей туристической инфраструктуры, обеспечить эффективное использование ресурсов, повысить конкурентоспособность, добиться синергического эффекта, расширить спектр предлагаемых услуг, сделать регион более известным и привлекательным, как для туристов, так и для потенциальных инвесторов.

В развитие агроэкотуризма большое внимание следует уделять качеству продуктов питания национальной кухни. Во всем мире растет спрос на органическую продовольственную продукцию. Особое внимание уделяется потенциалу синергии между сельским туризмом и сельским хозяйством в связи с развитием органического земледелия и производства продуктов. С 2000 г. продажи на мировом рынке органической сельскохозяйственной продукции

выросли почти в восемь раз, с 15 млрд евро до 135 млрд евро в 2022 г. [9, p. 107].

Правительство Беларуси поддерживает развитие органического сельского хозяйства через различные программы и инициативы, направленные на улучшение условий для фермеров. Высокая роль органического земледелия для формирования конкурентоспособного на мировом рынке и экологически безопасного производства сельскохозяйственных продуктов отмечена в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г.

Советом Министров Республики Беларусь от 7 октября 2020 г. утверждена «Национальная стратегия развития туризма в Республике Беларусь до 2035 года». Для достижения стратегических целей развития туризма на период до 2035 г. предусмотрено решение таких организационных задач как: «создание условий для объединения, взаимодействия и развития субъектов туристической индустрии на основе кластерных структур и объединений в целях формирования, продвижения и реализации конкурентоспособного туристического продукта» [10].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 декабря 2021 г. № 710 утвержден Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. В качестве стратегической цели утвержденного плана определено развитие инклюзивной, умной и цифровой «зеленой» экономики, содействующей достижению экономического роста [11].

Национальный план призван сформировать комплекс мер по приоритетным направлениям в соответствии с основными положениями Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, включая содействие достижению «зеленого» экономического роста в условиях сохранения природного капитала и повышение занятости путем создания «зеленых» рабочих мест. В число приоритетных направлений развития «зеленой» экономики

в нашей стране было включено развитие экологического туризма и агроэкотуризма на период до 2035 г.

Государственная политика в сфере сельского туризма позволяет определить приоритеты, цели и вектор развития сельского туризма, создать дополнительные нерыночные механизмы формирования благоприятной институциональной среды осуществления деятельности. Государственное регулирование позволяет реализовать ряд инструментов институциональной поддержки сельского туризма:

– введение особых режимов налогообложения;
– предоставление налоговых льгот, субсидий;
– государственный заказ;
– оказание имущественной, информационной и иных форм поддержки;
– регламентация системы управления в туристической сфере;
– сертификация и прочие административные решения;
– прогнозирование и программирование развития сельского туризма;
– соблюдение требований технических нормативных правовых актов;
– противодействие монополистической деятельности и др.

4 октября 2022 г. Президентом Республики Беларусь подписан Указ №351 «О развитии агроэкотуризма», в котором:

– уточнены требования к объектам агроэкотуризма по числу жилых комнат для агроэкотуристов (не более десяти), ведению личного подсобного хозяйства и количеству оказываемых в комплексе видов услуг (не менее двух). Перечень услуг дополнен проведением мастер-классов, направленных на ознакомление посетителей с ремеслами и национальными традициями региона;

– установлена ответственность владельцев агроэкоусадеб за нарушение (в том числе со стороны посетителей)

общественного порядка или спокойствия граждан, несоблюдение законодательства в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения, природоохранных, противопожарных требований;

– введены ограничения по проведению презентаций, юбилеев, банкетов, иных мероприятий в непосредственной близости от соседних жилых домов;

– установлена необходимость получения в райисполкомах разрешения на ведение деятельности в сфере агроэкотуризма [6].

В целях создания дополнительных условий для развития агроэкотуризма в глубинке облисполкомы наделены правом определять перечни населенных пунктов, на территории которых размещение агроэкоусадеб не допускается. Вместе с тем предусмотрена возможность продолжения работы существующих агроэкоусадеб на таких территориях при условии выполнения иных требований Указа Президента Республики Беларусь.

В разделе 7.2 проекта НСУР-2040 предусмотрено создание конкурентоспособного комплекса туристических услуг, устойчивого спроса на них на внутреннем и международном рынках, вхождения в Топ-50 стран мирового рейтинга развития сферы путешествий и туризма. Для расширения потенциала внутреннего рынка туризма в Республике Беларусь предусматривается дальнейшая популяризация историко-культурного и природного наследия, диверсификация туристических услуг путем приоритетного развития агроэкотуризма, лечебно-оздоровительного и историко-культурного туризма [12].

В концепции НСУР-2040 обоснованно поставлены задачи институциональных аспектов развития «зеленого» рынка труда в Республике Беларусь. Среди них выделены: институты устойчивого развития, включающих конкурентную бизнес-среду и качественный государственный менеджмент; инвестиции для устойчивого роста и безопасности; улучшение охраны окружающей среды и обеспече-

ния экологической безопасности; сохранение природных экосистем и биологического разнообразия; развитие циркулярной экономики.

Развитие «зеленого» рынка труда в сельском туризме будет способствовать обеспечению экологической устойчивости и сокращения негативного влияния агроэкологического бизнеса на окружающую среду. Для этого необходим комплексный институциональный подход, включающий:

1) обновление законодательной базы по созданию норм и стандартов экосистем «зеленой» экономики;

2) разработка и реализация региональных программ устойчивого развития агроэкотуризма;

3) организация специального образования, подготовки и переподготовки профессиональных специалистов для агроэкотуризма;

4) предоставление налоговых льгот и преференций для устойчивого развития агроэкотуризма;

5) создание благоприятной инвестиционной среды и партнерских отношений между государственными структурами и агроэкологическим бизнесом;

6) социальное партнерство между государством, бизнесом и образовательными учреждениями по формированию образовательных программ для туристической индустрии.

Библиографический список

1. Берченко, Н. Г. О разработке Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2040 г./ Н. Г. Берченко // Цели устойчивого развития Беларуси. – URL: https://sdgs.by/by/wp-content/uploads/sites/2/2024/02/berchenko-n.-g.-o-razrabotke-nsur-2040.pdf (дата обращения: 03.02.2025).

2. Соболь, К. Н. Организационно-экономический механизм развития сельского туризма в регионе : автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.05 / Соболь Кирилл Николаевич ; Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск, 2021. – 29 с.

3. Гайдукевич, Л. М. Агроэкодвижение и вузовская наука: перспектива сотрудничества / Л. М. Гайдукевич // Агроэкотуризм-2030: новые поколения – новые тренды : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11 дек. 2020 г. – Минск : БГУ, 2020. – С. 16–20. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/257958 (дата обращения: 01.06.2025).

4. Тарасёнок, А. И. Геоэкономический механизм обеспечения конкурентоспособности национальной туристической дестинации: методология и практика реализации: автореф. дис. … докт. экон. наук: 08.00.05 / Тарасёнок Александр Иванович ; Белорус. гос. экон. ун-т. – Минск, 2018. – 48 с.

5. Линин, В. В. Институциональные факторы стратегического развития сельского агроэкотуризма: европейский опыт / В. В. Линин // Прогрессивная экономика. – 2023. – № 11. – С. 64–84. – URL: https://progressive-economy.ru/vypusk_1/instituczionalnye-faktory-strategich/ (дата обращения: 01.06.2025).

6. О развитии агроэкотуризма: Указ Президента Республики Беларусь от 4 окт. 2022 г. № 351 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32200351 (дата обращения: 24.09.2024).

7. Статистический ежегодник 2024: стат. справочник / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2024. – 317 с. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_135040/ (дата обращения: 06.06.2025).

8. Пресс-релиз «Организованный туризм в 2024 г.» // Главное статистическое управление г. Минска. – URL: https://minsk-city.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ekonomicheskaya-statistika/turizm/godovye-dannye/organizovannyy-turizm-v-g-minske-v-2024-godu-/ (дата обращения: 24.09.2024).

9. The world of organic agriculture: statistics and emerging trends 2024 / ed.: W. Helga, J. Trávníček, B. Schlatter. – Frick : Research Inst. of Organic Agriculture FiBL, 2024. – 352 p. – URL: https://orgprints.org/id/eprint/52272/1/1747-organic-world-2024_light.pdf (date of access: 15.12.2024).

10. Национальная стратегия развития туризма в Республике Беларусь до 2035 года : утверждена протоколом Межведомственного экспертно-координационного совета по туризму при Совете Министров Респ. Беларусь от 7 окт. 2020 г. № 05/34пр // Национальное агентство по туризму. – URL: https://belarustourism.by/news/НАЦИОНАЛЬНАЯ%20СТРАТЕГИЯ.pdf (дата обращения: 24.09.2024).

11. О национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь 10 дек. 2021 г. № 710 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100710 (дата обращения: 24.05.2025).

12. Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. – Минск, 2024. – 118 с. // Министерство экономики Республики Беларусь. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/proekt-Natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitija-na-period-do-2040-goda.pdf (дата обращения: 24.05.2025).

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГОСТИНИЧНОМ СЕКТОРЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В. М. Дедок[1)], К. А. Тимофеева[2)]

[1)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dedokvm@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ksusha.timofeeva2000@gmail.com

Статья посвящена анализу инвестиционной деятельности в международном гостиничном секторе и ее значения для экономики. Рассматриваются специфические черты инвестиций в гостиничную недвижимость, включая высокую зависимость от качества управления, чувствительность к рыночным изменениям и устойчивость к инфляции. Анализируются ключевые участники инвестиционного процесса, источники финансирования и основные риски. В работе представлена классификация видов инвестирования: от полного владения отелем до пассивных вложений через трасты по инвестициям в недвижимость (*REIT*) и биржевые инвестиционные фонды (*ETF*). Также показана популярность бизнес-модели «*asset-light*» в современной практике.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность; международный гостиничный сектор; полное владение недвижимостью; кондоминиум; *REIT*; *ETF*; бизнес-модели «*asset-light*».

INVESTMENT ACTIVITIES IN THE INTERNATIONAL HOTEL SECTOR: THEORETICAL ASPECTS

V. M. Dedok[a], K. A. Timofeeva[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, dedokvm@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, ksusha.timofeeva2000@gmail.com

The article is devoted to the analysis of investment activities in the international hotel sector and its significance for the economy. Specific features of hotel real estate investments are considered, including high dependence on the quality of management, sensitivity to market changes and resistance to inflation. Key participants in the investment process, sources of financing and main risks are analyzed. The paper presents a classification of types of investment: from full ownership of the hotel to passive investments through real estate investment trusts (REIT) and exchange-traded investment funds (ETFs). The popularity of the «asset-light» business model in modern practice is also highlighted.

Keywords: investment activities; international hotel sector; full ownership of real estate; condominium; REIT; ETF; «asset-light» business model.

Привлечение инвестиций в гостиничный сектор является одним из самых быстрых способов развития гостиничной инфраструктуры, что играет важную роль в формировании экономического вклада индустрии туризма и гостеприимства в экономику страны (вклад в ВВП, налоговые отчисления, занятость населения, экспорт услуг, валютные поступления, эффект мультипликатора и др.).

Согласно данным *JLL*, глобальный объем инвестиций в гостиничный сектор в 2019 г. составлял 78,7 млрд дол. США; в 2020 г. наблюдалось падение рынка на 60 %; в 2022–2023 гг. последовал значительный рост

до 73 млрд дол. США (+131 % по отношению к 2020 г.); в 2023 г. – 53,5 млрд дол. США (-27 % по отношению к 2022 г.); в 2024 г. – 57,4 млрд дол. США (+7 % по отношению к 2023 г. [1].

Тема инвестиционной деятельности в гостиничном бизнесе является достаточно хорошо освещенной в зарубежной литературе; в меньшей степени – в публикациях отечественных авторов. Вместе с тем рост интереса в постпандемийный период к инвестициям в данной сфере формирует необходимость проведения дополнительных исследований в изучении теоретических аспектов инвестиционной деятельности в международном гостиничном секторе.

Инвестиции (от лат. *investre* – одевать, облачать) предполагают действия, направленные на вложение финансовых ресурсов с целью получения доходов в перспективе. Данный подход к трактованию понятия «инвестиции» является преобладающим как в отечественной, так и в зарубежной экономической литературе [2, с. 9].

В международном гостиничном секторе инвестиции могут осуществляться на макроуровне (на уровне государства) и на микроуровне (на уровне отдельной гостиничной компании) в виде инвестиционных проектов, которые представляют собой комплекс мероприятий по вложению различных ресурсов (интеллектуальных, финансовых, человеческих, временных, материальных) в определенном количестве с целью увеличения капитала и достижения других целей в установленные сроки. Проекты в гостиничном бизнесе связаны, как правило, с инвестициями в недвижимость, которые характеризуются стабильным и прогнозируемым уровнем доходности [3, с. 303].

Инвестиции в гостиничную недвижимость имеют свою специфику и значительно отличаются от инвестиций в другие виды недвижимости. Ключевую роль играет оценка инвестиционной сделки. Дело в том, что гостиничные объекты характеризуются сложным операционным аспектом

и в значительной мере экономическая результативность зависит от гостей, принимающих решение о проживании в отеле. Краткосрочная аренда объектов недвижимости (комнат в гостинице) посуточно отличается от долгосрочной аренды объектов недвижимости (например, апартаментов или офисов) на один год и более. В связи с этим гостиничная недвижимость подвержена высокой чувствительности к изменениям на рынке, что позволяет использовать преимущества высокого сезона и сократить риски в период низкого сезона, а также оптимизировать капитальные или операционные расходы. В то же время, в случае любых серьезных изменений на рынке, гостиничная недвижимость в первую очередь подвержена их влиянию.

Важно понимать, что, в отличие от инвестиций в ценные бумаги, доходность инвестиций в гостиничную недвижимость в очень сильной степени зависит от эффективности управления недвижимым имуществом, т. е. характерна высокая степень зависимости от качества менеджмента. К числу инвестиционных качеств также можно отнести высокую степень устойчивости по отношению к инфляции, бóльшую стабильность потока доходов от владения гостиничной недвижимостью.

В практической плоскости к важнейшим преимуществам инвестиций в гостиничную недвижимость относятся: текущий рентный доход и доход от перепродажи (реверсия); получение налоговых преимуществ (во многих странах налоговое законодательство позволяет вычитать стоимость вновь приобретенной недвижимости из общего дохода от нее, что уменьшает налогооблагаемую прибыль); защита от инфляции; диверсификация инвестиций с целью минимизации риска [4, с. 208].

Объектами инвестиционной деятельности в международном гостиничном секторе являются: вложения в основные средства (реконструкция номерного фонда отеля или открытие нового ресторана); покупка нематериальных активов (например, гостиничного бренда); покупка здания

отеля с целью развития и получения дохода; строительство нового или реконструкция существующего отеля, создание национальной гостиничной компании [3, с. 303].

Субъектами инвестиционной деятельности в гостиничном секторе могут выступать инвесторы, заказчики, исполнители работ (строительная компания), пользователи объектов инвестиционной деятельности (гостиничный оператор), а также поставщики, юридические лица (банковские, страховые и посреднические организации, инвестиционные биржи) и другие участники инвестиционного процесса.

Источники финансирования инвестиционной деятельности:

– собственные финансовые ресурсы и внутрихозяйственные резервы инвестора (прибыль, амортизационные отчисления, денежные накопления и сбережения граждан и юридических лиц, средства, выплачиваемые органами страхования в виде возмещения потерь от аварий, стихийных бедствий, и др.);

– заемные финансовые средства инвесторов (банковские и бюджетные кредиты, облигационные займы и другие средства);

– привлеченные финансовые средства инвестора (средства, получаемые от продажи акций, паевые и иные взносы членов трудовых коллективов, граждан, юридических лиц);

– денежные средства, централизуемые объединениями (союзами) предприятий в установленном порядке;

– инвестиционные ассигнования из государственных и местных бюджетов, а также из соответствующих внебюджетных фондов;

– иностранные инвестиции.

В процессе финансирования недвижимости могут принимать участие следующие основные участники.

1. Инвестор собственного капитала: владеет правом собственности на недвижимость; типичная мотивация –

получение будущих выгод от вложений, произведенных в настоящий момент; именно инвестор собственного капитала инициирует процесс инвестирования и принимает решение об условиях и методах инвестирования.

2. Ипотечный кредитор: имеет право на получение платежей по долговым обязательствам, если в инвестиционном договоре не предусмотрено участие в доходах от всего инвестиционного капитала (отличие от инвестора собственного капитала).

3. Арендатор: является косвенным участником процесса финансирования, временно владеющим правом пользования объектом недвижимости; параметры арендного договора могут оказать существенное влияние на инвестиционно-финансовые решения.

4. Государство: с одной стороны, является косвенным участником процесса финансирования, так как накладывает законодательные ограничения на остальных участников процесса финансирования инвестиций в недвижимость; с другой стороны, является самостоятельным инвестором собственного капитала [4, с. 214].

Факторы, влияющие на инвестиционную деятельность в сфере туризма и гостеприимства, подразделяются на внешние (экономические, политические, рыночные, демографические) и внутренние (финансовое состояние, научно-техническая политика, инвестиционная политика, организационно-правовая форма хозяйствования и др.); на объективные (не зависят от деятельности государства или субъекта хозяйствования, например, природные катаклизмы) и субъективные (полностью зависят от деятельности государства и отдельных субъектов хозяйствования) [2, с. 20].

Для осуществления инвестиционной деятельности как на макро -, так и на микроуровнях необходимо детально представлять существующие виды и типы инвестиций. В зависимости от типа актива инвестиции в международном гостиничном секторе реализуются посредством

полного владения недвижимостью; приобретения акций; вложения в трасты по инвестициям в гостиничную недвижимость (*REIT*); партнерства закрытого типа по управлению недвижимостью (*RELP*); вложения в биржевые инвестиционные фонды (*ETF*); кондоминиум.

Полное владение недвижимостью реализуется посредством покупки существующего отеля или строительства нового отеля; относится к высокорискованному инвестированию и требует экспертных знаний; лучше всего подходит инвесторам со значительным опытом работы в данной сфере. С другой стороны, если инвестирование окажется успешным, данный тип принесет долгосрочную прибыль. Из других особенностей данного инвестирования можно выделить полный контроль, при котором инвестор имеет право принимать ключевые решения о стратегии развития, маркетинге, персонале и других аспектах бизнеса, гибкость в управлении, заключающаяся в свободе внедрять инновации, вносить изменения и адаптироваться к изменяющимся рыночным условиям без необходимости согласовывать решения с другими владельцами [5].

Приобретение акций гостиничной компании не предполагает больших капиталовложений и подходит для инвесторов с небольшим бюджетом и желанием инвестировать в известные гостиничные бренды. Инвестирование в акции позволяет получать дивиденды, анализировать стоимость акций с течением времени и в случае необходимости их продать, что дает возможность получения быстрой прибыли посредством грамотного инвестирования. Приобретение акций нескольких гостиничных компаний не предполагает прямого участия в гостиничном управлении, но позволяет диверсифицировать инвестиционный портфель, снизить риски и зависимость от конкретного гостиничного объекта, как это происходит в случае инвестирования посредством полного владения недвижимость.

Вложения *в трасты по инвестициям в недвижимость* (*Real Estate Investment Trust, REIT*) – это пример пассив-

ной формы инвестирования в недвижимость без необходимости покупки физических объектов; хороший способ обеспечить стабильный поток дохода без необходимости управления физическими активами. *REIT* собирает средства от инвесторов и использует их для покупки и управления недвижимостью или для финансирования ипотечных кредитов; *REIT* обязаны распределять не менее 90 % своего налогооблагаемого дохода в виде дивидендов своим акционерам, что делает их привлекательными для инвесторов, ищущих стабильный доход [6]. Преимуществом *REIT* является диверсификация портфеля, так как они обычно включают множество объектов недвижимости в разных регионах. Однако доходность может снижаться в условиях спада в туристической отрасли. Еще одной особенностью данного типа является то, что обычно такие инвестиционные фонды освобождены от налога на прибыль, если выплачивают большую часть дохода акционерам. Для инвесторов немаловажным аспектом является котирование акций *REIT* на фондовых биржах, что обеспечивает ликвидность инвестиций.

К числу известных инвестиционных трастов по гостиничной недвижимости следует отнести *Apple Hospitality REIT* (*NYSE:APLE*; рыночная капитализация – 3,7 млрд дол. США); *Summit Hotel Properties* (*NYSE:INN*; 711,2 млн дол. США); *Park Hotels & Resorts* (*NYSE:PK*; 2,7 млрд дол. США); *Pebblebrook Hotel Trust* (*NYSE:PEB*; 1,5 млрд дол. США) [7].

Партнерства закрытого типа по управлению недвижимостью (*Real Estate Limited Partnerships, RELP*) дают возможность покупать доли участия в профессиональных риэлторских синдикатах, вкладывающие средства в конкретные виды недвижимости и (или) закладные. Преимущества связаны в основном с налоговыми льготами и относительно высоким уровнем текущего дохода и (или) прироста капитала; значительный недостаток – в среднем невысокая ликвидность таких партнерств [4, с. 214].

Инвестирование в отельный бизнес через *биржевые инвестиционные фонды* (*ETF*) предоставляет инвесторам возможность получить доступ к гостиничной недвижимости, диверсифицируя риски и минимизируя затраты на управление активами. *ETF* – это фонд, который включает акции компаний, связанных с гостиничным бизнесом, от управляющих сетей отелей до владельцев курортов. Одним из главных преимуществ инвестирования через *ETF* является диверсификация. Вместо вложений в акции одной компании инвесторы приобретают долю в фонде, который распределяет активы между несколькими компаниями. Это снижает риски, связанные с волатильностью отдельных акций или негативными событиями, влияющими на одну компанию. Ощутимым ограничением *ETF* является их меньшая чувствительность к изменениям стоимости отдельных акций. Если одна из компаний фонда показывает значительный рост, общая доходность *ETF* может не отразить этот прирост из-за распределения активов по всему портфелю. К числу известных биржевых инвестиционных фондов можно отнести *Invesco Leisure and Entertainment ETF* (*NYSEMKT:PEJ*; активы под управлением – 292,29 млн дол. США (по данным на февраль 2025 г.); *Amplify Travel Tech ETF* (*NYSEMKT:AWAY*; активы под управлением – 59,14 млн дол. США); *Defiance Hotel, Airline, and Cruise ETF* (*NYSEMKT:CRUZ*; активы под управлением – 31,94 млн дол. США); *AdvisorShares Hotel ETF* (*NYSEMKT:BEDZ*; активы под управлением – 4,11 млн дол. США) [8].

Кондоминиум. Данный вид инвестирования предполагает приобретение жилых единиц (юнитов) в кондо-отелях в постоянное владение физическим или юридическим лицом с их последующей вторичной временной сдачей в аренду по принципу гостиничных номеров. Инвестирование в жилые единицы в кондо-отеле обеспечивает выгодное вложение средств в недвижимость, постоянно растущую в цене. Для нормальной работы кондо-отеля,

в котором номерной фонд принадлежит различным владельцам, необходимо привлечение оператора, имеющего с ними договор на управление; при этом управляющая компания снимает с собственника проблемы по эксплуатации, охране и сдаче во временную аренду принадлежащих ему апартаментов [9].

Особое внимание хотелось бы обратить на популярность бизнес-модели «*asset-light*» в международной практике инвестирования, которая с английского языка дословно переводится как «облегченные активы». Иными словами, инвестор не владеет гостиничной недвижимостью, а занимается лишь организацией и управлением бизнес-процессов (зачастую посредством франчайзинга или контракта на управление). Это обеспечивает высокую масштабируемость за счет отсутствия капиталоемких вложений в здание и землю, что снимает уровень инвестиционных рисков и повышает рентабельность и окупаемость инвестиций.

Основные риски, связанные с инвестированием в гостиничный проект, можно разделить на три основные группы: неполное знание всех параметров, влияющих на изменение характеристик проекта, для принятия наиболее оптимального решения; наличие объективных факторов случайности, которые невозможно предусмотреть и спрогнозировать; наличие субъективных факторов несогласованности действий самих участников инвестиционного проекта. С рисками инвестирования можно столкнуться на всех этапах жизненного цикла гостиничного проекта.

Инвестиции, являясь экономической категорией, выполняют ряд важнейших функций, без которых невозможно нормальное развитие экономики любого государства. Специфика инвестирования в гостиничную недвижимость в международной практике характеризуется особенностями организации и управления краткосрочной арендой; высокой чувствительностью к изменениям на рынке; высокой степенью зависимости от качества менеджмента; высокой степенью устойчивости по отношению к инфляции.

Библиографический список

1. Global Hotel Investment Outlook 2025 / Z. Demuth, J. Jahns, M. Bracciani, O. Makis // JLL See a brighter way. – URL: https://www.jll.com/en-us/insights/2025-global-hotel-investment-outlook (date of access: 07.05.2025).

2. Боголюбов, В. С. Туристско-рекреационное проектирование. Оценка инвестиций / В. С. Боголюбов, С. А. Быстров, С. А. Боголюбова. – 2-е изд., испр. и доп.–– М. : Юрайт, 2018. – 256 с.

3. Иванов, В. В. Гостиничный менеджмент / В. В. Иванов, А. Б. Волов. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 429 с.

4. Андрианов, А. Ю. Инвестиции / А. Ю. Андрианов, С. В. Валдайцев, П. В. Воробьев – М.: Проспект, 2022. – 592 с.

5. Investing in hotels // Glion. – 11.03.2023. – URL: https://www.glion.edu/magazine/investing-in-hotels/ (date of access: 05.04.2025).

6. Инвестирование в фонды недвижимости (REIT): что нужно знать? // Benefit.by. – 05.05.2025. – URL: https://benefit.by/news/invest/investirovanie-v-fondy-nedvizhimosti-9187/ (дата обращения: 31.05.2025).

7. Waterworth, K. Investing in Hospitality REITs / K. Waterworth // The Motley Fool. – 21.02.2025. – URL: https://www.fool.com/investing/stock-market/market-sectors/real-estate-investing/reit/hospitality-reit/ (date of access: 07.05.2025).

8. Warren, R. Investing in Travel ETFs / R. Warren // The Motley Fool. – 10.03.2025. – URL: https://www.fool.com/investing/stock-market/market-sectors/consumer-discretionary/travel-stocks/travel-etfs/ (date of access: 31.05.2025).

9. Кондоминиум-отели: ничего общего с таймшером // Туристическое информационное агентство RTN (RATA-news). – 10.03.2006. – URL: https://ratanews.ru/news/news_10032006_1.stm (дата обращения: 31.05.2025).

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ОЦЕНКИ ЗНАЧЕНИЯ ТУРИЗМА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Жэнь Цянь

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
renqian92@icloud.com

В статье представлен обзор литературы современных китайских, российских и белорусских исследователей, отражающей подходы к роли туризма во внешнеполитической деятельности Китая. Среди научных исследований стоит выделить работы, посвященные состоянию и развитию туристической отрасли, особенностям въездного и выездного туризма, исследования туризма как имиджевой составляющей внешней политики страны, как инструмента наращивания экономического потенциала. В китайских научных кругах существует два противоположных мнения о роли туризма как средства достижения внешнеполитических целей страны: как независимая от государства сфера и как инструмент внешнеполитической стратегии государства. Российские и белорусские исследования в большей части направлены на имиджевый и межкультурный компонент туристической сферы, а также перспективы двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова: туризм; внешнеполитическая деятельность; исследовательские подходы; Китай; Беларусь; Россия.

SCHOLAR ASSESSMENT OF THE IMPORTANCE OF TOURISM FOR CONTEMPORARY CHINA'S FOREIGN POLICY

Ren Qian

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
renqian92@icloud.com

The article presents a review of the literature of modern Chinese, Russian and Belarusian researchers, reflecting approaches to the role of tourism in China's foreign policy. Among the scientific studies, it is worth highlighting the works devoted to the state and development of the tourism industry, the features of inbound and outbound tourism, studies of tourism as an image component of the country's foreign policy, as a tool for building up economic potential. In Chinese scientific papers, there are two opposing opinions on the role of tourism as a means of achieving the country's foreign policy goals: as a sphere independent of the state and as an instrument of the state's foreign policy strategy. Russian and Belarusian studies are mostly focused on the image and intercultural component of the tourism sphere, as well as the prospects for bilateral cooperation.

Keywords: tourism; foreign policy; research approaches; China; Belarus; Russia.

Туристическая сфера Китая получила стремительное развитие в конце XX в., при поддержке правительства государства, что в свою очередь поставило вопросы о значении туризма для внешнеполитической деятельности страны. Современные исследователи достаточно в большом количестве научных работ уделяют внимание самому феномену туризма и особенностям его развития в КНР, а также его значению для внешнеполитической сферы. Исследования таких ученых как Суянь Шэн, Хао Ван, Цяньхун Куан, Цзянь Сюй [1], Чунъянь Лю, Сюетин Доу, Цзянфэн Ли, Липин Цай [2], Яньюнь Чжао, Бинцзе Лю [3], Цзинь-

шэн Чжу Д. Эйри, А. Сирифон [4], Суншань Хуан, Цзюнь Вэнь [5] посвящена проблемам въездного и выездного туризма, роли туризма во внешнеполитической деятельности Китая.

В трудах китайских ученых, Чжан Би Юй и др., отражена идея укрепления статуса КНР в мире за счет туристической отрасли [6]. Сунь Цзяньдун Эти авторы говорят о негативном влиянии политических событий, которые становятся причиной для снижения туристических потоков, в частности на туризм оказывают внутриполитические кризисы, а туризм выступает фактором формирования международных связей [7]. Чжан Би Юй устанавливает рост популярности определенных видов туризма, а также рост инвестиционного потенциала туристической отрасли Китая [8].

Следует отметить, что исследователи из Китая по-разному относятся к вопросу значения туризма для внешнеполитической деятельности страны. Первая группа ученых, к которым относятся такие авторы, как Б. Мак считают, что туризм не может оказывать влияния на внешнюю политику страны и не должен рассматриваться как инструмент внешнеполитических целей. Более того авторы подчеркивают, что участие государства в регулировании туризма и вмешательство в эту сферу имеет негативные последствия для самой отрасли [9, p. 1]. Автор считает, что туризм не способен оказывать идеологическое воздействие на массовое сознание народов.

Еще одна группа специалистов придерживается мнения, что туризм –возможность воздействовать на умы населения и поэтому управление и контроль сферы туризма – часть внешней политики Китая. Страна имеет ресурсы для управления туристическими потоками [10], а туризм является частью национальной дипломатии КНР. В свою очередь, Сун Цзямэй [11], Чжун Лунбяо и Лю Ли [12] отмечают роль «туристической дипломатии» в процессах построения благоприятного имиджа КНР.

Ян Иньинь и Чэнь Инь прослеживают связь направления туристических потоков от политической ситуации в стране – доноре туризма [13], а также зависимость туристической сферы от прямых иностранных инвестиций. Таким образом, в понимании авторов инвесторы также оказывают влияние на туристические потоки, поэтому инвестиционные возможности Китая в сфере туризма – это эффективная форма внешнеполитического воздействия КНР. Об укреплении управления туристическими потоками говорит о факт реформирования системы государственных институтов в 2018 г. В ходе реформы Министерство культуры и министерство туризма были объединены в одну организацию, созданы специальные органы по туризму, что свидетельствует об усиленном внимании государства к сфере туризма.

В исследованиях российских авторов значение туризма для внешней политики Китая показана косвенно. Так Д. А. Владимирова, Е. В. Журбей и А. А. Карловская обосновывают перспективы использования межгосударственных туристических связей для сближения культур России и Китая, отмечают значение культурных связей и туризма в достижении внешнеполитических целей КНР. Однако на первый план выходят путешествия и личное знакомство с культурой страны, дружба, образование, культура и спорт, посредством которых возможно сотрудничество [14, с. 125].

К. А. Кокарев, И. Н. Комиссина и В. Л. Сведенцов, О. И. Казаков, А. В. Шустов отмечают имиджевую роль туризма, его способность формировать образ Китая в мире [15, с. 15; 16, с. 258; 17]. О. И. Казаков установил зависимость объемов туристического обмена от эмоционального восприятия Китая гражданами, а также отметил возможность использования туризма как инструмента воздействия на общественные настроения [16, с. 260]. К. А. Тарабарко отмечает важность туризма для продвижения национальных культурных брендов Китая [18, с. 6], что

также формирует положительный образ страны в мире. Е. О. Заклязьминская подчеркивает экономическую выгоду от привлечения туристов, а с ними и пополнение валютных резервов страны [19, с. 135].

А. В. Шустов, С. А. Дорожкова и Н. А. Абрамова отмечают тенденцию к усилению роли туризма как инструмента улучшения имиджа КНР на мировой арене [17; 20, с. 13]. Особую роль авторы приписывают въездному туризму. Тем не менее существует мнение и о негативном влиянии туристических потоков из Китая на туристические организации принимающих стран ввиду роста китайских туристических агентов и операторов, что создает конкуренцию и тем самым имеет отрицательное воздействие на имидж КНР за рубежом [21, с. 132].

Среди белорусских авторов вопрос о значении туризма в современной внешней политике Китая затрагивался в трудах Л. М. Гайдукевича [22], М. В. Данилович [23], В. М. Мацеля [24], В. Е. Снапковского [25] и др. Белорусские исследователи фокусируются на развитии двустороннего сотрудничества в сфере туризма с КНР. Л. М. Гайдукевич подчеркивает важность туризма как инструмента современной коммуникационной политики двух государств [22, с. 27].

Таким образом, среди научных исследований стоит выделить работы, посвященные состоянию и развитию туристической отрасли, особенностям въездного и выездного туризма, исследования туризма как имиджевой составляющей внешней политики страны, как инструмента наращивания экономического потенциала. В китайских научных кругах существует два противоположных мнения о роли туризма как средства достижения внешнеполитических целей страны: как независимая от государства сфера и как инструмент внешнеполитической стратегии государства. Российские и белорусские исследования в большей части направлены на имиджевый и межкультурный компонент туристической сферы, а также перспекти-

вы двустороннего сотрудничества. Вопросам деятельности КНР в туристических организациях уделено недостаточно внимания.

Библиографический список

1. Rurality and rural tourism development in China / Shen Suyan, Hao Wang, Qianhong Quan, Jian Xu // Rurality and rural tourism development in China, Tourism Management Perspectives. – 2019. – Vol. 30. – P. 98–106. – URL: https://doi.org/10.1016/j.tmp.2019.02.006 (date of access: 25.05.2025).

2. Chunyan, L. Analyzing government role in rural tourism development: An empirical investigation from China / Chunyan Liu, Xueting Dou, Jiangfeng Li, Liping A. Cai // Journal of Rural Studies. – 2020. – N 79. – P. 177–188. – URL: https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.08.046 (date of access: 25.05.2025).

3. Zhao Yanyun. The evolution and new trends of China's tourism industry / Zhao Yanyun, Bingjie Liu // National Accounting Review. – 2020. – N 4. – P. 337–353. – URL: https://doi.org/10.3934/NAR.2020020 (date of access: 25.05.2025).

4. Jinsheng (Jason) Zhu. Chinese outbound tourism: an alternative modernity perspective / Jinsheng (Jason) Zhu, David Airey, Aranya Siriphon // Annals of Tourism Research. – 2021. – N 87, Article 103152. – P. 103–152. – URL: (date of access: 25.05.2025).

5. Songshan (Sam) Huang. Developing and validating a Chinese cultural value scale in tourism / Songshan (Sam) Huang, Jun Wen // Tourism Management. – 2021. – N 86, Article 104327. – P. 104–327. – URL: https://doi.org/10.1016/j.tourman.2021.104327 (date of access: 25.05.2025).

6. Сунь Цзяньдун. Особенности развития индустрии туризма в Китае / Сунь Цзяньдун // Мировая экономика в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф, Москва, 7 дек. 2017 г. : в 2 т. Т. 2. – М. : РУДН, 2018. – С. 184–187.

7. Ци Вэйчао. Выездной туризм из Китая / Ци Вэйчао // Инновации и инвестиции. – 2017. – № 6. – С. 87–90.

8. Чжан Би Юй. Тенденции развития туристического комплекса Китая: дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Чжан Би Юй ; Институт стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова. – М., 2015. – 200 л.

9. Mak, B. The Influence of Political Ideology on the Outbound Tourism in China / B. Mak // Journal of China Tourism Research. –

2013. – Vol. 9, N 1. – P. 1–26. – URL: https://doi.org/10.1080/19388160.2013.756764 (date of access: 25.05.2025).

10. 李静. 中国旅游外交政策的历史演进 / 李静 = Ли Цзин. Историческая эволюция внешней политики Китая в области туризма / Ли Цзин // 天中学刊 = Журн. Тяньчжун. – 2020. – Vol. 35, N 4. – С. 8–14.

11. Сун Цзямэй. Туристическая дипломатия как механизм формирования имиджа страны / Сун Цзямэй // Журналістыка-2018: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 20-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 15–16 ліст. 2018 г. – Мінск : БДУ, 2018. – С. 256–259. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/209138 (дата обращения: 01.06.2025).

12. 钟龙彪. 国际旅游发展背景下的中国国家形象传播 / 钟龙彪, 刘力 = Чжун Лунбяо. Коммуникация национального имиджа Китая в контексте развития международного туризма / Чжун Лунбяо, Лю Ли // 对外传播 = Распространение во внешнем мире. – 2013. – № 7. – С. 41–43.

13. 杨莹莹. 来源国视角下的国际旅游对FDI发展影响分析－以美国为案例地 / 杨莹莹, 陈瑛 = Ян Иньинь. Анализ влияния международного туризма на развитие ПИИ с точки зрения страны-источника – США в качестве примера / Ян Иньинь, Чэнь Инь // 社会科学家 = Ученый-обществовед. – 2019. – № 10. – С. 76–83.

14. Владимирова, Д. А. «Мягкая сила» во внешней политике России и Китая: особенности национальных стратегий / Д. А. Владимирова, Е. В. Журбей, А. А. Карловская // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2020. – № 1 (52). – С. 123–137. – URL: https://ojkum.ru/images/articles/2020-1/_2020_1_123-137.pdf (дата обращения: 31.05.2025).

15. Кокарев, К. А. Политика «мягкой силы» Китая в Азии / К. А. Кокарев, И. Н. Комиссина, В. Л. Сведенцев // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – № 3 (54). – С. 11–67. – URL: https://riss.ru/upload/iblock/4e6/ji02zv5ysn3l9nx2i3h12tji9m308yd0/politika-myagkoy-sily-kitaya-v-azii.pdf (дата обращения: 31.05.2025).

16. Казаков, О. И. Китайский туризм в Японию: примирение «мягкой силой»? / О. И. Казаков // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXIII. – М. : ИДВ РАН, 2018. – С. 248–260. – URL: https://chinainworld.ru/release/China_in_world_politics_23_2018.pdf (дата обращения: 31.05.2025).

17. Шустов, А. Мягкая сила дракона: как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии / А. Шустов // Евразия. Эксперт. – 09.01.2018. – URL: https://eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat-vliyanie-v-tsentralnoy-azii/ (дата обращения: 09.01.2018).

18. Тарабарко, К. А. Мягкая сила культуры Китая: концептуальное содержание и практики реализации: дис. ... канд. философ. наук : 09.00.13 / Тарабарко Ксения Александровна ; Забайкал. гос. ун-т. – Чита, 2017. – 216 л.

19. Заклязьминская, Е. О. Туристическая отрасль в стратегии развития Китая / Е. О. Заклязьминская. – М. : ИМЭМО РАН, 2021. – 234 с.

20. Дорожкова, С. А. Туристическая отрасль в современном Китае: состояние, проблемы, перспективы / С. А. Дорожкова, Н. А. Абрамова // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник восточного центра. – 2016. – № 17. – С. 11–14.

21. Нестеренко, А. М. Китайская экспансия на Байкале / А. М. Нестеренко // Устойчивое развитие в Восточной Азии: актуальные эколого-географические и социально-экономические проблемы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию высшего географического образования и 60-летию фундаментальной географической науки в Бурятии. – Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т, 2018. – С. 132–134. – URL: https://www.bsu.ru/university/publisher/publication/publications/?article=599 (дата обращения: 25.05.2025).

22. Гайдукевич, Л. М. Белорусско-китайское сотрудничество в сфере туризма: состояние и перспективы развития / Л. М. Гайдукевич // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 9. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2021. – С. 27–36. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/273630 (дата обращения: 25.05.2025).

23. Данилович, М. В. Центральноазиатский вектор внешней политики КНР в 2001–2013 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / Данилович Мария Владимировна ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2014. – 168 л.

24. Мацель, В. М. Перспективы наращивания экспорта белорусских туристических услуг на рынок Китая / В. М. Мацель // Бизнес. Образование. Экономика : междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2 апр. 2020 г. : сб. ст. : в 2 ч. Ч. 1. – Минск, 2020. – С. 378–383. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/250740 (дата обращения: 25.05.2025).

25. Снапкоўскі, У. Е. Беларуска-кітайскае супрацоўніцтва ў міжнародных арганізацыях / У. Е. Снапкоўскі // Беларусь – Китай : сборник / Белорус. гос. ун-т, Респ. ин-т китаеведения, Ин-т непрерыв. образования. – Минск, 2008. – Вып. 3, ч. 1. – С. 88–94.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ И СТРАНАМИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО МАКРОРЕГИОНА

О. С. Мозговая[1)], М. А. Яцута[2)]

[1)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030. г. Минск, Беларусь, Mozgovaya@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030. г. Минск, Беларусь, margaritayatsuta@mail.ru

Азиатско-Тихоокеанский туристический макрорегион демонстрирует высокие темпы восстановления международных прибытий и устойчивый рост в сфере международного туризма после пандемии *COVID*-19. В статье рассматриваются особенности развития туризма в странах АТР на современном этапе, выявляются ключевые тенденции и конкурентные преимущества региона, основанные на данных *UN Tourism* и индекса *TTDI*. В качестве практических рекомендаций предложены меры по адаптации успешного опыта стран АТР для повышения привлекательности Беларуси на международном туристическом рынке (модернизация транспортной системы, развитие интернет-инфраструктуры и т. д.).

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский туристический макрорегион; показатели международного туризма; тенденции развития туризма.

THE CURRENT STATE AND PROSPECTS OF TOURISM DEVELOPMENT IN THE ASIA-PACIFIC TOURISM MACRO-REGION

O. S. Mosgovaya[a], M. A. Yatsuta[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
Mozgovaya@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
margaritayatsuta@mail.ru

The Asia-Pacific tourism macro-region demonstrates high recovery rates of international arrivals and sustainable growth in international tourism after the COVID-19 pandemic. The article discusses the features of tourism development in the APR countries at the present stage, identifies key trends and competitive advantages of the region based on the data of UN Tourism and TTDI index. As practical recommendations, the article proposes measures to adapt the successful experience of APR countries to increase the attractiveness of Belarus in the international tourism market (Modernization of the transport system, development of internet infrastructure etc.).

Keywords: Asia-Pacific tourism macro-region; international tourism indicators; tourism development trends.

На выявлении современных тенденций и перспектив развития международного туризма в регионе, анализе его устойчивого развития сосредоточено внимание экспертов различных международных организаций, таких как *UN Tourism, World Economic Forum, Asian Development Bank*. Такая направленность продиктована необходимостью комплексной оценки влияния глобальных факторов и вызовов, таких как пандемия *COVID*-19, на трансформацию тенденции в туризме, динамику потребительских предпочтений и уровень конкурентоспособности туристических дестинаций.

Цель статьи – определить направления развития международного туризма между Республикой Беларусь и странами Азиатско-Тихоокеанского макрорегиона.

Туристический потенциал стран Азиатско-Тихоокеанского макрорегиона характеризуется богатым разнообразием природных ресурсов, уникальными культурными традициями и инфраструктурными возможностями. Такое многообразие привлекает туристов из разных уголков мира, способствует динамичному развитию туристической отрасли, позволяя формировать привлекательные и конкурентоспособные туристические продукты, ориентированные на широкий спектр потребительских сегментов. Страны АТР демонстрируют стабильный рост туристических потоков. Согласно данным Международной организации туризма *UN Tourism*, в 2019 г. вклад региона в мировой ВВП туризма составлял 36,2 %, что соответствовало примерно 1,2 трлн дол. США – наибольший показатель среди всех туристических макрорегионов. Однако к 2022 г. ситуация изменилась: АТР занял третье место по объему вклада в мировой ВВП туризма (около 20 % мирового ВВП), уступая Европе и Америке [1, p. 16 ; 2, p. xi–xii]. В период с 2022 по 2024 гг. страны Азиатско-Тихоокеанского туристического макрорегиона демонстрируют стремительное восстановление ключевых показателей международного туризма. По статистике *UN Tourism* с 2022 по 2024 г. объем международных туристических прибытий увеличился на 40 % по сравнению с уровнем 2019 г., что является самым высоким темпом роста среди макрорегионов мира. Согласно данным за январь-июль 2024 г., АТР восстановил 82 % туристических прибытий по сравнению с уровнем 2019 г. (Европа и Америка приблизились к 100 %-му восстановлению). При этом в странах Южной Азии этот показатель составил 92 %, в Юго-Восточной Азии – 88 %, в Океании – 83 %, в Северо-Восточной Азии – 75 % [3, p. 3]. Это обусловлено строгими ограничениями, введенными в период пандемии в странах АТР,

что послужило причиной задержки в открытии границ и возобновлении международного туризма. Временное снижение ключевых показателей международного туризма в странах АТР из-за пандемии *COVID*-19 подчеркивает важность изучения современных тенденций и стратегий развития туризма в регионе.

После пандемии *COVID*-19 развитие туристического сектора в странах Азиатско-Тихоокеанского региона определялось рядом ключевых тенденций. Среди них наибольшее значение имели, во-первых рост доходов среднего класса. По прогнозам *World Data Lab*, уже в 2024 г. более половины жителей Азии вошло в категории среднего (ежедневные расходы от 12 до 120 дол. США) и богатого класса (ежедневные расходы свыше 120 дол. США), впервые превысив численность бедного населения. Особенно заметен рост потребительской способности в Китае и Индии, где, соответственно, около 900 млн и более 500 млн человек тратят свыше 12 дол. США в день. Ожидается, что к 2030 г. этот сегмент потребителей увеличится до 773 млн человек в Индии и 1,06 млрд человек в Китае [4]. Во-вторых стремительное распространение цифровых технологий, и, наконец, формирование устойчивых потребительских предпочтений в пользу экологически ответственного туризма [5].

Одним из главных факторов роста спроса на туристические услуги стало увеличение доли среднего класса в странах региона. Согласно данным *World Bank*, с 1987 по 2023 г. доля стран Южной Азии, относящихся к категории стран с низким уровнем дохода снизилась со 100 % до 13 %. Кроме того, по прогнозам, к 2030 г. Южная Азия (Индия, Пакистан, Бангладеш) обеспечат 40 % прироста глобального среднего класса, общая численность которого увеличится с 3,7 до 5 млрд человек. Таким образом, каждый пятый представитель среднего класса будет из Южной Азии, а почти две трети – из Азии в целом [6;7].

Развитие интернет-технологий и цифровых платформ ускорило трансформацию туристической отрасли, способ-

ствуя автоматизации бизнес-процессов, внедрению виртуальных туров, онлайн-мероприятий и дистанционного обслуживания. Это позволило туристическим компаниям формировать более гибкие и индивидуализированные предложения для клиентов.

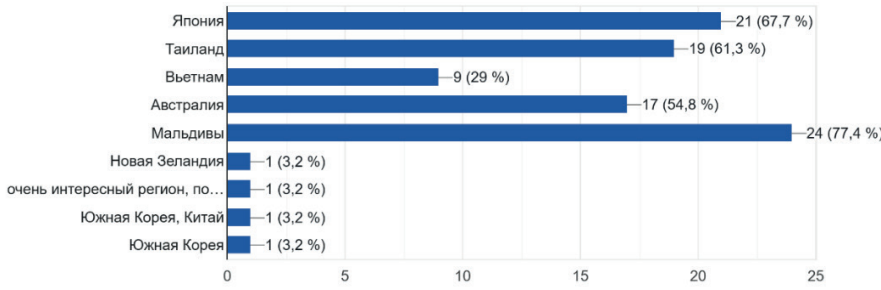
Также возрос интерес к экологическим маршрутам и форматам отдыха, направленным на минимизацию негативного воздействия окружающую среду [5]. Эта тенденция способствовала становлению нового подхода к туризму, основанного не на массовости, а на создании ценностей, связанных с качеством и глубиной туристического опыта, сохранением природного и культурного наследия и смягчением последствий избыточного туризма (*overtourism*). Важной предпосылкой к развитию «зеленых» туристических продуктов стало стремление потребителей стран АТР участвовать в экологических инициативах и практиковать ответственное потребление как в повседневной жизни, так и во время путешествий.

На современном этапе международной интеграции туристическая отрасль Республики Беларусь обладает значительным потенциалом для установления устойчивых связей со странами Азиатско-Тихоокеанского туристского макрорегиона. Драйверами этого процесса выступают как внутренние сильные стороны страны, так и внешние условия.

Образовательный туризм выступает в качестве одного из стратегических направлений развития туризма и сотрудничества между Беларусью и странами АТР. Расширение академической мобильности и заключение двусторонних соглашений между белорусскими и азиатскими вузами способствуют росту числа иностранных студентов и развитию межкультурных обменов, что формирует устойчивый поток туристов. Важную роль играют агро- и экотуризм. Беларусь обладает широкой сетью особо охраняемых природных территорий, что позволяет предлагать туристические продукты, ориентированные на растущий

интерес туристов из АТР к экологически ответственным и «медленным» (*slow-tourism*) видам туризма. Стимулирующее воздействие оказывают также участие Беларуси в международных и региональных организациях (ШОС, БРИКС, ЮНЕСКО, ВТО), наличие безвизового режима с рядом государств региона и наличие инфраструктурных ресурсов и туристических продуктов для развития *MICE*-туризма. Эти условия создают благоприятную основу для углубления партнерских связей и продвижения белорусского туристического продукта на рынках АТР.

Однако необходимо учитывать и существующие *ограничения*. Низкая узнаваемость Беларуси как туристической дестинации в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, визовые и транспортные барьеры, затрудняют эффективное позиционирование страны на конкурентном международном рынке. Результаты социологических опросов свидетельствуют об интересе со стороны белорусских граждан к странам АТР, особенно к таким направлениям, как Мальдивы, Япония и Таиланд. Это указывает на потенциальную возможность развития двустороннего туристического потока, особенно при условии формирования адаптированных туристических продуктов и активизации информационно-маркетинговой деятельности на туристическом рынке АТР.



Результат социологического опроса, направленного на исследование предпочтений белорусов, относительно посещения Азиатско-Тихоокеанского туристического макрорегиона (31 ответ)

Источник: [8]

Согласно данным Индекса туристической конкурентоспособности 2024 (*TTDI*), страны Азиатско-Тихоокеанского региона демонстрируют высокий уровень конкурентоспособности на международном туристическом рынке, уступая по совокупному баллу за все категории индекса только макрорегионам Европа и Евразия. Среди лидеров АТР выделяются Япония, Сингапур, Индия и Австралия, получившие самые высокие итоговые баллы в своих мезорегионах. Показатели стран АТР значительно превосходят показатели стран макрорегиона Европа по таким компонентам индекса, как ценовая конкурентоспособность, развитость инфраструктуры воздушного транспорта, наличие природных и культурных ресурсов, устойчивость туристического спроса и социально-экономическое воздействие туризма [9, p. 15].

Опыт стран-лидеров может послужить основой для разработки комплексного подхода к развитию туризма. Одним из направлений данной стратегии выступает обновление транспортной инфраструктуры с акцентом на экологически чистый общественный транспорт. Другим важным направлением является цифровизация туристических услуг. В ряде стран региона, особенно в Северо-Восточной Азии, активно развиваются цифровые платформы для бронирования и мониторинга маршрутов, внедряются интегрированные системы бесконтактных платежей и биометрические системы регистрации, расширяется доступ к высокоскоростному интернету [10, p. 12]. Эти меры способствуют формированию цифровой устойчивости туризма и повышению качества обслуживания современного потребителя туристических услуг. Указанные практики могут быть адаптированы и использованы другими странами, включая Беларусь, в целях интеграции в глобальный туристический рынок и укрепления сотрудничества с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Таким образом, для повышения туристической привлекательности Беларуси и выстраивания эффективной архитектуры туризма со странами АТР следует внедрить

успешные практики стран АТР в стратегию развития туризма Беларуси. К числу приоритетных направлений могут быть отнесены следующие инициативы:

– расширение и модернизация транспортной инфраструктуры, включая автомобильное и железнодорожное сообщение, что обеспечит лучшую связность внутри страны и повысит доступность туристических дестинаций для иностранных гостей;

– создание и развитие цифровых платформ бронирования белорусских туристических услуг и размещения, ориентированных в том числе на международных путешественников;

– повышение качества интернет-инфраструктуры как необходимой базы для цифровой трансформации туристического сервиса и интеграции в глобальные туристические системы.

В контексте углубления сотрудничества с государствами АТР особое значение приобретает развитие совместных туристических продуктов. Перспективным направлением может стать создание ко-брендированных и мультидестинационных туристических маршрутов через партнерство между белорусскими и азиатскими туроператорами – например, объединяющих культурное наследие Индии и природные достопримечательности Шри-Ланки. Такая синергия позволит объединить культурные, природные и иные ресурсы нескольких стран в единый туристический продукт, усиливая конкурентные преимущества всех участников и предлагая уникальный опыт путешественникам. В качестве дополнительной меры следует рассматривать внедрение программ повышения квалификации сотрудников белорусских туристических компаний с акцентом на межкультурную деловую коммуникацию и специфику обслуживания туристов из стран АТР. Это будет способствовать формированию профессиональной среды, способной эффективно выстраивать устойчивые партнерские отношения и обеспечивать высокий уровень сервиса.

Азиатско-Тихоокеанский регион представляет собой один из наиболее динамично развивающихся туристических макрорегионов, характеризующийся высоким уровнем конкурентоспособности и разнообразием ресурсного потенциала. Для Республики Беларусь адаптация успешных практик стран АТР, таких как модернизация транспортной системы, развитие Интернет-инфраструктуры и т. д., представляет собой перспективное направление для укрепления позиций страны на международной арене и расширения международного сотрудничества.

Библиографический список

1. The Impact of COVID-19 on Tourism (2020–2022): 2023 International Tourism Highlights. – World Tourism Organization, 2023. – 32 p. // United Nations World Tourism Organization. – URL: https://www.e-unwto.org/doi/epdf/10.18111/9789284424986 (date of access: 30.10.2024).

2. COVID-19 and the Future of Tourism in Asia and the Pacific (March 2022). – Manila : Asian Development Bank ; Madrid : World Tourism Organization, 2022. – xxi, 86 p. // Asian Development Bank. – URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/784186/covid-19-future-tourism-asia-pacific.pdf (date of access: 30.10.2024).

3. United Nations World Tourism Organization. – URL: https://pre-webunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/2024-09/UNWTO_Barom24_03_Sep_EXCERPT.pdf?VersionId=dZpzCBJfy7zZpRJkFf4A9h6uXKnuuuYC (date of access: 25.05.2025)

4. Экономический восход. Перспективы роста стран АТР // Росконгресс. – 04.09.2024. – URL: https://roscongress.org/materials/ekonomicheskiy-voskhod-perspektivy-rosta-stran-atr/?ysclid=mb41fjyoul709254478 (дата обращения: 25.05.2025).

5. Bremner, C. Reimagining Tourism: Top Three Travel Trends in Asia Pacific 2024 / C. Bremner, P. Lai // Euromonitor International. – 06.05.2024. – URL: https://www.euromonitor.com/article/reimagining-tourism-top-three-travel-trends-in-asia-pacific-2024 (date of access: 30.10.2024).

6. Metreau, E. World Bank country classifications by income level for 2024-2025 / E. Metreau, K. E. Young, Sh. G. Eapen // World Bank Blogs. – 01.07.2024. – URL: https://blogs.worldbank.org/en/opendata/

world-bank-country-classifications-by-income-level-for-2024-2025 (date of access: 25.05.2025).

7. Кувшинова, О. Мировой средний класс, конец «китайского чуда» и три дилеммы ЕЦБ / О. Кувшинова // ЭКОНС. – 06.06.2022. – URL: https://econs.online/articles/blogs/mirovoy-sredniy-klass-konets-kitayskogo-chuda-i-tri-dilemmy/?ysclid=mb43db1n1921184729 (дата обращения: 25.05.2025).

8. Азиатско-Тихоокеанский макрорегион : [результаты социологического опроса об уровне осведомленности и предпочтений респондентов относительно Азиатско-Тихоокеанского региона] // Google Docs. – URL: https://docs.google.com/forms/d/1Jwk_Pq1EGuo1fhKbg9_2OzzQJeo7lj_QGex3lLnI4X0/viewanalytics?usp=forms_home&ths=true (дата обращения: 17.04.2025).

9. Travel & Tourism Development Index 2024 : Insigt report, May 2024. – Geneva, 2024. – 96 p. // World Economic Forum. – 21.05.2024. – URL: https://www.weforum.org/publications/travel-tourism-development-index-2024/ (date of access: 16.11.2024).

10. Song, L. Development Trends of Cross-border Cooperation in Northeast Asia in the Post-epidemic Era / T. Nakajima // The Northeast Asian Economic Review. – 2023. – Vol. 8, N 1. – P. 1–15. – https://doi.org/10.57320/economicreview.8.1_1 (date of access: 16.11.2024).

ПУТИ ПРОДВИЖЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ПРОДУКТА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 2024–2025 гг.

Д. В. Морозов

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь
Национальное агентство по туризму,
ул. Кирова 8, корп. 2, 220030, г. Минск, Беларусь,
dzmitry_marozau@yahoo.com

В статье предпринята попытка раскрыть наиболее эффективные механизмы продвижения белорусских туристических предложений в Китае на примере деятельности Национального агентства по туризму в 2024–2025 гг. Показаны примеры мероприятий в различных форматах: онлайн, офлайн, B2B, B2C. Рассматривается опыт участия в международных туристических выставках, проведения презентаций, информационных туров, воркшопов (бирж контактов), а также продвижения в китайских социальных сетях. Сделан вывод о том, что наибольшую эффективность проявляет комбинированный подход, с акцентом на работу с китайскими отправляющими туристическими операторами, а также таргетирование граждан КНР, обучающихся в Беларуси.

Ключевые слова: Беларусь; Китай; туризм; международное сотрудничество; Национальное агентство по туризму; безвизовые соглашения; маркетинг в туризме.

WAYS TO PROMOTE THE BELARUSIAN TOURISM PRODUCT IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN 2024–2025

Dz. V. Marozau

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus
National Tourism Agency,
8 Kirova Street, Building 2, Minsk 220030, Belarus,
dzmitry_marozau@yahoo.com

The article attempts to reveal the most effective mechanisms for promoting Belarusian tourism offerings in China, using as an example the activities of the National Tourism Agency in 2024–2025. Examples of various types of events are presented, including online and offline formats, as well as B2B and B2C activities. The experience of participation in international tourism exhibitions, organizing presentations, familiarization trips, workshops (contact exchanges), and promotion in Chinese social media is examined. The conclusion drawn is that a combined approach proves most effective, focusing particularly on collaboration with Chinese outbound travel operators and targeting citizens of the PRC studying in Belarus.

Keywords: Belarus; China; tourism; international cooperation; National Agency of Tourism; visa-free agreements; marketing in tourism.

Развитие туристических связей с Китайской Народной Республикой, учитывая максимальный уровень политического доверия между двумя странами, является чрезвычайно важной задачей для Республики Беларусь. С точки зрения Посла КНР Чжан Вэньчуаня, путешествия китайцев по Беларуси и белорусов по Китаю позволяют туристам не просто насладиться невиданными ранее природными пейзажами, изведать другую культуру, но и укрепить взаимопонимание и традиционную дружбу между двумя сторонами [1].

Туризм – это и эффективный инструмент для увеличения белорусского экспорта туристических услуг, так как КНР является отправляющей дестинацией с колоссаль-

ным потенциалом развития. Китай уже входит в число основных стран экспорта туристических услуг Беларуси, занимая третье место после Российской Федерации и Турецкой Республики по итогам 2023–2024 гг. [2, с. 24]. Учитывая текущие тенденции, в 2025 г. Китай может выйти на второе место по данному показателю.

Только в 2024 г. 39 668 граждан КНР приобрели 106 011,5 койко-суток в белорусских гостиницах и аналогичных средствах размещения (включая санаторно-курортные, оздоровительные организации и другие специализированные средства размещения). При этом количество организованных китайских туристов в прошлом году составило всего 272 человека, а экскурсантов – 491 человек [3, с. 13]. Очевидно, что большинство бронирований китайские граждане делают самостоятельно, а количество организованных туристов может быть значительно увеличено. Для этого необходимо определить наиболее эффективный набор маркетинговых инструментов и вести системную адресную работу с представителями отправляющих китайских операторов.

Государственное учреждение «Национальное агентство по туризму» (НАТ) как организация, содействующая развитию белорусского внутреннего и международного въездного туризма, в 2024 г. апробировало различные формы маркетинговых мероприятий на китайском направлении в формате «бизнес с бизнесом» (*B2B*), позволяющих белорусским субъектам туристической индустрии установить прямые связи с партнерами из Китая.

Национальный туристический стенд был представлен 16–18 октября 2024 г. на пекинской Международной туристической выставке (*COTTM*) [2, с. 21]. Белорусские делегации приняли участие в воркшопах (биржах контактов) в Шанхае во время Международной туристической выставки (*CITM*) 22 ноября 2024 г., а также в Лояне во время информационного тура по провинции Хэнань 29 ноября 2024 г. [2, с. 22].

Представители НАТ провели 6 ноября 2024 г. презентации туристических ресурсов Республики Беларусь в Шанхае во время работы белорусского павильона на Китайской международной выставке импорта (*CIIE*). 12 ноября 2024 г. в посольстве Беларуси в Пекине была проведена презентация нового прямого рейса ОАО «Авиакомпания “Белавиа”» Минск – Урумчи – Минск [2, с. 21]. презентация возможностей белорусского агроэкотуризма на Международного форума по развитию сельского туризма в провинции Чжэцзян была проведена 9 ноября 2024 г. [4, с. 473].

Был также успешно проведен обмен информационными турами для туристических операторов двух стран. 22–29 августа 2024 г. китайская группа ознакомилась с туристическими ресурсами Минска, Минской, Брестской и Гродненской областей. 25–30 ноября 2024 г. белорусские туристические операторы ознакомились с туристическими ресурсами Шанхая и провинции Хэнань [2, с. 21].

Для информационного обеспечения данных мероприятий НАТ ведется постоянная работа по разработке аудиовизуальных и печатных материалов на китайском языке. В апреле 2024 г. был переведен видеоролик «Бренды Беларуси», а в декабре был опубликован новый видеоролик с китайским закадровым текстом «Вандруй. Адчуй. Натхняйся». Ранее на китайском языке был озвучен видеоролик «Беларусь. Звыш за чаканне» [2, с. 23]. Помимо изданных ранее брошюр «Оздоровительный туризм», «Культурно-познавательный туризм», «Экологический туризм», «Гастрономический туризм», «Промышленный туризм», «Культурно-познавательный туризм», «Экологический туризм», «Найди свою Беларусь», в 2025 г. была разработана и опубликовна краткая и информативная листовка «Виды туризма». Все они доступны для скачивания на портале *belarustourism.by* [5].

Для насыщения китайского сегмента Интернета сведениями о туристических ресурсах Беларуси, информирования профильной аудитории о *B2B* мероприятих, а

также привлечения самостоятельных туристов в 2024 г. был открыт аккаунт НАТ в китайской социальной сети *Xiaohongshu*, известной также как *RedNote* [6].

В 2025 г. перечень маркетиновых мероприятий был расширен. На основании наличия прямого рейса Минск–Урумчи акцент был сделан на Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР. Помимо этого особое внимание было уделено одному из наиболее экономически развитых регионов КНР, в котором широко используется английский язык – Специальному административному району Гонконг. В целом отработанную структуру плана мероприятий было принято сохранить.

Помимо участия в Китайская международная выставка выездного туризма (*COTTM*), проходившей 24–26 апреля 2025 г. в Пекине [7], НАТ организовало работу белорусских национальных стендов на Международной туристической выставке в Гонконге (*ITE*) 12–15 июня 2025 г., ЭКСПО «Китай – Евразия-2025» в Урумчи 26–30 июня 2025 г., а также Китайской международной выставки импорта «*CIIE* 2025» 5–10 ноября 2025 г. в Шанхае [8].

18–24 февраля 2025 г. в целях презентации туристических возможностей Республики Беларусь, продвижения регулярного рейса Минск – Урумчи – Минск, открытого 16 декабря 2024 г., совместно с ОАО «Авиакомпания «Белавиа», Брестским и Гродненским облисполкомами организован ознакомительный тур для представителей туристической индустрии Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики. В состав группы также вошли представители провинции Гуандун.

16 апреля 2025 г. представители НАТ провели презентацию туристических ресурсов Минска в рамках туристического саммита «Инновационный брендинг городов для повышения туристической привлекательности» в Гонконге, а 24–27 мая 2025 г. приняли участие в Синцзянской международной конференции по развитию туризма и воркшопе в городе Куча, Синьцзян-Уйгурский автономный

район. 13 июня 2025 г. в рамках выставки *ITE* была проведена презентации и организован воркшоп между белорусскими и китайскими туристическими компаниями из Гонконга, Макао и провинции Гуандун [9].

В ходе переговоров с представителями туристической индустрии Китая, России и Узбекистана был сделан вывод о целесообразности выработки совместных предложений для китайского туристического рынка. Интеграция белорусских турпродуктов в комбинированные туры с иностранными площадками позволят раздробить на комфортные отрезки утомительные перелеты и сформировать более разнообразные и привлекательные программы с точки зрения китайских туристов. Координация и кооперация маркетинговых усилий не только даст синергетический эффект, но и позволит эффективно использовать финансовые средства.

Контроль результатов проведенных маркетинговых мероприятий показывает их эффективность. Для дальнейшего увеличения роста экспорта туристических услуг необходима дальнейшая системная работа по обозначенным направлением с постепенным расширением на регионы, связанные с Республикой Беларусь прямыми рейсами (провинция Шаньси), а также демонстрирующие наибольшие доли в ВВП Китая: Гуандун, Цзянсу, Шаньдун, Чжэцзян и иные.

Библиографический список

1. Беларусь и Китай – что нас по-настоящему связывает? Первое большое интервью посла Китая в Беларуси // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь в Беларуси. – 21.01.2025. – URL: https://by.china-embassy.gov.cn/rus/sgxwdt/202502/t20250218_11557261.htm (дата обращения: 01.21.2025).

2. Морозов, Д. В. Развитие белорусско-китайского сотрудничества в индустрии туризма (на примере Национального агентства по туризму) / Д. В. Морозов // 跨文化研究 = Multicultural Research = Мультикультурные исследования. – 2025. – № 2 (23). – С. 18–28. –

URL: https://kwh.zjhu.edu.cn/_upload/article/files/3e/09/5a50d43b4fffa0c08a84e6c30804/07b7c5de-3f94-45ce-b27a-dcc0624b8c50.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

3. Развитие туризма, деятельность туристических организаций, средств размещения Республики Беларусь, за 2024 год / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2025. – 46 с. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/turizm/statisticheskie-izdaniya/index_145537/ (дата обращения: 03.03.2025).

4. Marozau, Dz. Ways to promote agrotourism resources of Chinese Zhejiang province in the Republic of Belarus / Dz. Marozau // Кросс-культурное образование в условиях глобализации: теоретическое осмысление и практики реализации : сб. науч. статей. Вып. 2 / Мульт/ исследовательский центр Университета Хучжоу, г. Хучжоу (КНР) ; отв. за выпуск: Л. В. Пироженко, И. Л. Шевлякова-Борзенко. – Псков : Логос, 2025. – С. 471–480.

5. Издательская деятельность // Национальное агентство по туризму. – URL: https://belarustourism.by/important-documents/?ELEMENT_ID=41030 (дата обращения: 07.06.2025).

6. Belarus.travel // Xiaohongshu. – URL: https://www.xiaohongshu.com/user/profile/6521069c000000002402e505?xsec_token=YBG8Fu7tztmP9pFID6PXtQmrZ-QESrAmGeRS291cXqREQ=&xsec_source=app_share&xhsshare=CopyLink&appuid=6257988e0000000021025f67&apptime=1752001028&share_id=d307d25be0a641ba8ae9df94a375a545 (date of access: 09.06.2025).

7. Беларусь укрепляет позиции на китайском туристическом рынке на выставке COTTM 2025 в Пекине // Национальное агентство по туризму. – 25.04.2025 – URL: https://belarustourism.by/news/belarus-ukreplyaet-pozitsii-na-kitayskom-turisticheskom-rynke-na-vystavke-cottm-2025-v-pekine/?sphrase_id=77335 (дата обращения: 25.04.2025).

8. Выставки и ознакомительные туры // Национальное агентство по туризму. – URL: https://belarustourism.by/vystavki-i-oznakomitelnye-tury/ (дата обращения: 08.06.2025).

9. Беларусь представила свой туристический потенциал на Гонконгской международной выставке ITE 2025 // Национальное агентство по туризму. – 13.06.2025 – URL: https://belarustourism.by/news/belarus-predstavila-svoy-turisticheskiy-potentsial-na-gonkongskoy-mezhdunarodnoy-vystavke-ite-2025/?sphrase_id=77335 (дата обращения: 10.06.2025).

Секция 6

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА И МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛОГИСТИКИ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛУЧШИХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ФАКТОРЫ И ПРИЧИНЫ ИХ УСПЕХА

М. А. Гапеева[1)], Н. Н. Капустина[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
margarita.gapeeva@gmail.com
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
Kapust@bsu.by

В статье рассматриваются основные факторы и причины успеха лучших логистических компаний Республики Беларусь. На основе сравнительного анализа деятельности лучших логистических компаний по результатам конкурса «Экспедитор года», проводимом Ассоциацией международных экспедиторов и логистики «БАМЭ», выведены закономерности развития и эффективности деятельности логистических компаний. Проведен конъюнктурный анализ логистического рынка в Беларуси, который показал увеличивающуюся долю инновационных логистических услуг, что связано с увеличением запросов клиентов в связи с открытием новых восточных рынков, которые требуют новых подходов и стратегий для успешного ведения торговли. В результате исследования разработан перечень рекомендаций для достижения успеха в логистической сфере. К результатам исследования относится разработка системы критериев оценивания успешной логистической деятельности с учетом различных экономических, социальных, экологических и инновационных параметров.

Ключевые слова: логистическая компания; логистические услуги; причины успеха; транспорт; логистическая деятельность; факторы развития; перевозки; регулирование; тенденции; инновации.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE BEST LOGISTICS COMPANIES OF THE REPUBLIC OF BELARUS: FACTORS AND REASONS FOR THEIR SUCCESS

M. A Gapeeva[a] , N. N Kapustina[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
margarita.gapeeva@gmail.com
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
Kapust@bsu.by

The article discusses the main factors and reasons for success of the best logistics companies in the Republic of Belarus. The development patterns of logistics companies were identified based on a comparative analysis of the activities of the best logistics companies according competition «Forvarder of the year» held of Assosiation of International forwarders and logistics «BAME», in them the patterns of development and efficiency of logistics companies are derived. The market analysis of the logistics in Belarus was also conducted, they showed an increasing share of innovative logistics services, which is associated with an increase in customer requests due to the opening of new eastern markets. This proses require new approaches and strategies for successful trading. As a result of the research, has been developed a list of recommendations for achieving success in the logistics sector. The results of the research include the development of a system of criteria for evaluating successful logistics activities, taking into account various economic, social, environmental and innovative factors.

Keywords: logistics company; logistics services; reason of success; transport; logistics operations; developmental factors; transportation; regulation; tendencies; innovations.

В Республике Беларусь логистика является основой производственных и торговых отношений и выступает как один из важнейших факторов организации мировых экономических отношений. Логистическая деятельность

способствует развитию экономики страны, способствует процессу международного разделения труда на территориальном и международном уровне, факторам развития международной торговли. Это стимулирует усложнение цепей поставок и увеличение сети торгово-транспортных потоков и связей между государствами и регионами, которые выступают важнейшими факторами размещения производства и дистрибуции товаров.

Сегодня востребованность логистики связана с возрастающими потребностями компаний и потребителей в распределении материальных и финансовых ресурсов. Логистика обеспечивает непрерывное обеспечение необходимыми видами сырья и продукции путем совершенствования управления материальными и сопутствующими им финансовыми и информационными потоками.

В логистическом секторе главными игроками являются транспортно-логистические компании и международные перевозчики. За последние 30 лет благодаря поддержке государства их сеть разрослась по всей стране. Именно они являются главным источником инвестиций в отрасли, что стимулирует развитие не только логистического сектора, но и экономики в целом.

В последние годы выделились компании-лидеры логистического рынка. Они смогли обойти своих конкурентов и занять доминантные позиции в индустрии.

Целью данного исследования является выявление причин успеха лучших логистических компаний Республики Беларусь, в связи с чем устанавливаются следующие задачи:

— рассмотреть и проанализировать конъюнктуру логистического рынка Беларуси, а также выявить факторы и предпосылки к установлению такой ситуации;

— провести сравнительный анализ деятельности лучших логистических компаний Беларуси и выявить в полученных данных основные виды деятельности и стратегий, используемых топовыми организациями;

— выявить критерии успеха деятельности логистических компаний Беларуси и на их основе провести сравнительную оценку их деятельности с целью выявления закономерностей и причин их успеха.

Изучение причин успеха компаний давно признано важным во всех сферах экономики, однако на сегодняшний день в логистическом секторе в отечественной и зарубежной литературе не выработано адекватной системы критериев оценивания успеха деятельности логистических компаний. Однако исследованию логистической деятельности посвящены многочисленные труды отечественных и зарубежных ученых.

Причинами актуальности исследования является растущее значение логистического сектора в хозяйстве Беларуси с целью создания благоприятных условий для осуществления экономической деятельности. Поэтому необходимость досконального изучения причин успеха логистических компаний и разработка критериев для оценки успеха их деятельности, выведение закономерностей в соотношении выбранных компаниями стратегий и степени их успешности очевидна и бесспорна.

Для проведения данного исследования были использованы эмпирические (наблюдение, сравнение, написание) и теоретические методы (анализ и синтез, абстрагирование, формализация).

В качестве информационной базы для проведения исследования использовались законодательные и нормативно-правовые акты, материалы статистических органов, научных учреждений, периодической печати, учебные пособия.

В ходе проведенного исследования стало ясно, что основными факторами, которые влияют на развитие логистической сферы в Беларуси являются:

— географический фактор (равнинная местность и обилие рек с выходом в северные моря) [1];

— транспортный фактор (развитая транспортная инфраструктура) [2];

— фактор развития торговли (расположение Беларуси между Западом и Востоком, что дало уникальные возможности для развития торговой деятельности) [3, с. 98];

— фактор развития нормативно-правового регулирования (развитие таможенного дела) [4];

— политико-экономические факторы (изменение вектора сотрудничества на восточный, чувствительность белоруской логистики к изменениям во внешнеэкономической среде);

— фактор процессов глобализации и регионализации (членство республики в международных и региональных организациях, деятельность которых влияет на формирование логистического сектора и его регулирование в самой стране) [5, с. 68];

— фактор государственной поддержки (разработка и реализация программ в секторе логистики и транспортной коммуникации, выгодные условия кредитования для развития малого бизнеса);

— фактор трудовых ресурсов (наличие высококвалифицированных кадров в логистическом секторе);

— фактор научно-технологического развития (внедрение инноваций, цифровизации и автоматизации).

Конъюнктурный анализ рынка показал, что динамика производства логистических услуг с 2020 по 2024 г. в Беларуси претерпела кардинальные перемены. Неизменными остались лишь основные фирмы-продуценты транспортно-логистических услуг, причем во всех видах деятельности отрасли. Постепенно увеличивается количество инновационных логистических услуг, что связано с увеличением запросов клиентов в связи с открытием новых восточных рынков, которые требуют новых подходов и стратегий для успешного ведения торговли. В динамике объемов инвестиций наблюдается двоякая ситуация: вместе с уменьшением объемов инвестиций в логистическую отрасль из-за санкций западных стран на смену им пришли инвестиции из стран Востока, а в международной торгов-

ле вектор изменился на восточный. На сегодняшний момент основными экспортерами логистических услуг белорусских компаний являются Россия, Китай, Турция, Иран, Туркменистан, Индия, страны Ближнего Востока. Они же являются и основными импортерами логистических услуг в республику. Говоря о международной арене, важно отметить международные и региональные организации. На данный момент первостепенными в логистическом секторе являются *FIATA* и ЕАЭС. В динамике оптовых цен в ведущих странах-производителях и потребителях логистических услуг наблюдается рост цен, они зависят, в первую очередь, от инфляции и курса валют, которая составила в республике в 2024 г. 105,2 % [6, с. 9].

Для определения лучших логистических компаний в своей работе в качестве экспертной оценки и статистической базы следует опираться на результаты конкурса «Экспедитор Года», проводимом Ассоциацией международных экспедиторов и логистики «БАМЭ». Причины успеха были определены путем проведения сравнительного анализа деятельности данного рейтинга команд с опорой на ранее обозначенные факторы и конъюнктурный анализ.

Для анализа выделяются следующие параметры:

— основные виды деятельности в логистической сфере: таможенная логистика (услуги таможенного перевозчика, услуги таможенного представителя, хранение грузов под таможенным контролем), экспедиторская деятельность, терминальная деятельность (погрузочно-разгрузочные работы), страхование грузов, торговые и брокерская деятельность, складская деятельность;

— основные виды перевозок: мультимодальные, проектная логистика (перевозка негабаритных и крупногабаритных грузов), перевозка опасных грузов, контейнерные перевозки, рефрижераторные перевозки;

— виды транспорта, которыми компаниями осуществляют перевозки (автомобильный, морской, железнодорожный, авиационный);

— направления перевозок;

— членство в ведущей международной организации логистического сектора *FIATA* (*International Federation of Freight Forwarders Associations*).

Данные параметры выбирались с опорой на ранее проведенный анализ конъюнктуры рынка, который выявил основные направления в логистическом секторе на данный момент, а также на основе информации с официальных сайтов рассматриваемых компаний и официального сайта БАМЭ. Для установления соответствия объекта какому-либо параметру использовалась двузначная система из знаков «+» и «–», где знак «+» означает наличие, а знак «–» – отсутствие какого-либо соответствия параметру.

На основании проведенных анализов для достижения успеха на логистическом белорусском рынке можно дать следующие рекомендации:

— необходимо учитывать колебания динамики спроса и предложения на логистическом рынке, быть чутким к их изменениям и подстраивать ассортимент своих услуг под нужды клиентов;

— важно следить за событиями, происходящими на международной арене, и подстраивать деятельность компании под изменившиеся реалии, так как экономика Беларуси очень чувствительна к внешнеполитическим изменениям;

— в планировании своей деятельности нужно учитывать влияние процессов глобализации и регионализации;

— необходимо анализировать географические условия территории маршрутов перевозок и оптимизировать выбор транспортного средства;

— целесообразно применять стратегию мультимодальных перевозок, так как такая стратегия позволяет осуществлять перевозки во все точки мира и снижает затраты на перевозки и их время;

— необходимо адекватно оценивать свой бюджет: важно понимать и чувствовать баланс между экономией и достижением необходимого качества оказываемых услуг.

После проведенного исследования можно с уверенностью сказать, что сегодня логистика и ее изучение и развитие играет важнейшую роль в эффективном функционировании экономики Беларуси.

Разработанные рекомендации по достижению успеха на логистическом рынке Беларуси подкреплены исследованием реальных обстоятельств, в которых на данный момент логистические компании осуществляют свою деятельность. На основе данных рекомендаций возможно повысить эффективность логистических компаний и логистического сектора Беларуси в целом.

Перспективы дальнейшего исследования могут включать в себя проведение более детальных анализов и сбор более точной и обширной информации для выявления еще более конкретизированных критериев и причин успеха лучших логистических компаний Республики Беларусь. Возможна разработка собственных систем критериев оценивания с опорой на различные экономические и политические параметры оценки деятельности с целью внедрения такой системы в логистическую систему Беларуси.

Библиографический список

1. Zelenin, E. A The Active Faults of Eurasia Database (AFEAD): the ontology and design behind the continental-scale dataset / E. A Zelenin, D. M. Bachmanov, S. T. Garipova, V. G. Trifonov, A. I. Kozhurin // Earth System Science Data. – 2022. – Vol. 14, N 10. – P. 4489–4503. – URL: https://doi.org/10.5194/essd-14-4489-2022 (date of access: 12.05.2005).

2. Транспортный комплекс Республики Беларусь: перспективы и состояние его развития // Республиканский центр экологии и краеведения. – Февраль 2020 г. – URL: https:// https://rcek.by/transportnyj-kompleks-respubliki-belarus-sostoyanie-i-perspektivy-ego-razvitiya (дата обращения: 12.05.2025)

3. Острога, В. А. История логистики: основные периоды развития / В. А. Острога // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2024. – № 1 (281). – С. 97–101. – URL: https://elib.belstu.by/handle/123456789/66576 (дата обращения: 12.05.2025).

4. Мыслыка, Г. Мытня / Г. Мыслыка // Беларуская энцыклапедыя ў 18 т. Т. 11. – Минск : Бел Эн, 2000. – С. 53.

5. Ястреб, Т. А. Сотрудничество в сфере транспорта как основной элемент формирования Большой Евразии // Большая Евразия: вызовы и возможности : материалы Междунар. «круглого стола» по инновациям в междунар. исследованиях, Минск, 4 апр. 2019 г. – Минск : БГУ, 2019. – С. 63–71. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/221585 (дата обращения: 12.05.2025).

6. Отчет о результатах реализации в 2024 году и в 2021–2024 годах Государственной программы «Транспортный комплекс» на 2021–2025 годы // Министерство транспорта и коммуникация Республики Беларусь. – URL: https://mintrans.gov.by/images/2025/09-06-25-14.docx (дата обращения: 12.05.2025).

INTERNATIONAL PRACTICE OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CUSTOMS: PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

E. M. Yelovaya

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
elovaya@bsu.by

The article is devoted to the application of artificial intelligence (hereinafter — AI) technologies in the activities of Belarusian customs authorities. It is emphasized that the use of AI is still limited, mainly to X-ray inspection systems at the border. The prospect of introducing automated kiosks for passenger control and the development of big data analytics is noted. The importance of international cooperation in the field of customs digitalization, especially with China and the EAEU countries, is emphasized. Problems of legal regulation of the digital transformation of customs authorities are noted: the lack of responsibility of AI systems and the need for human control. In conclusion, it is noted that successful digital transformation requires a comprehensive approach: infrastructure modernization, legislative development, staff training and integration with international standards. The potential of AI for improving the efficiency and transparency of customs procedures is noted.

Keywords: artificial intelligence; customs; implementation; Republic of Belarus; prospects.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТАМОЖЕННОМ ДЕЛЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. М. Еловая

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
elovaya@bsu.by

Статья посвящена применению технологий искусственного интеллекта (ИИ) в деятельности таможенных органов Беларуси. Подчеркивается, что использование ИИ пока ограничено — в основном в системах рентгеновского досмотра на границе. Отмечается перспектива внедрения автоматизированных киосков для пассажирского контроля и развитие аналитики на основе больших данных. Подчеркнуто значение международного сотрудничества в области цифровизации таможни, особенно с Китаем и странами ЕАЭС. Отмечаются проблемы правового регулирования цифровой трансформации таможенных органов: отсутствие ответственности у ИИ-систем и необходимость человеческого контроля. Обозначено, что успешная цифровая трансформация требует комплексного подхода — модернизации инфраструктуры, развития законодательства, обучения персонала и интеграции с международными стандартами. Отмечается потенциал ИИ для повышения эффективности и прозрачности таможенных процедур.

Ключевые слова: искусственный интеллект; таможенное дело; внедрение; Республика Беларусь; перспективы.

The development of national artificial intelligence solutions has been underway in Belarus since the latter half of the 20th century. Currently, the Republic of Belarus ranks 82nd out of 174 countries in the Global AI Readiness Index [1].

At present, the use of AI technologies by Belarusian customs authorities remains limited. While full integration into customs operations and control processes is not yet evident, partial

applications are observable, particularly through technical equipment deployed at border checkpoints. According to V. Orlovsky, Chairman of the State Customs Committee of Belarus, AI components are employed in the scanning of high-risk goods transiting from third countries through Russia into Belarus. X-ray inspection systems (hereinafter – XISs) do more than simply visualize cargo – they analyze the resulting images using specialized software. All border checkpoints operating along the western frontier are equipped with XISs [2].

Future integration strategies include the deployment of AI technologies for automated passenger processing in airports. Dedicated kiosks will be capable of scanning identity documents and utilizing embedded cameras to perform biometric verification.

Further developments in AI-enhanced X-ray analytics were discussed in October 2024 during a meeting between Vladimir Orlovsky and representatives of the Chinese Embassy. The parties emphasized the growing effectiveness of Belarus-China cooperation in customs modernization. The meeting's agenda covered bilateral engagement in technology deployment, specifically AI-assisted border infrastructure. Positive responses were expressed concerning the use of AI for interpretation of X-ray imaging in customs inspection systems. Enhancing the analytical capabilities of such systems was recognized as increasingly vital for improving border security and monitoring transboundary goods [3].

The processing of customs data generates large volumes of information, which may be assessed using algorithmic tools and machine learning methods. This analytical approach enables pattern recognition, identification of potential violations and risks, process optimization, and data-informed decision-making. Data analytics strengthens the operational responsiveness of customs services and contributes to improved risk mitigation.

Belarusian customs authorities are actively studying international best practices as a foundation for establishing an

environment conducive to AI integration. For example, in May 2024, Vladimir Orlovsky, visiting the Republic of Azerbaijan as part of the presidential delegation of Belarus, met with Shahin Baghirov, Chairman of the State Customs Committee of Azerbaijan. Discussions centered on bilateral cooperation, including AI deployment in customs modernization. At Baku's Main Customs Administration, Belarusian delegates observed electronic customs procedures and reviewed the Trans-Caspian Transit Customs Portal. They examined the implementation of an AI-driven risk assessment system and a range of digital services and projects [4].

Despite growing interest, legal constraints remain. AI lacks autonomous judgment and accountability, rendering it unsuitable for functions involving legal responsibility for customs violations. For instance, Article 14.4(2) of the Administrative Offenses Code of Belarus addresses non-payment of duties due to negligence – a determination AI systems cannot reliably perform [5]. Human oversight will remain essential, both for AI system maintenance and enforcement procedures.

As of now, Belarus lacks dedicated legal regulations governing AI use in customs. Relevant legislation is under development. Nevertheless, foundational provisions concerning digital regulation are articulated in the Law of the Republic of Belarus N 455-Z «On Information, Informatization, and Information Protection», dated 10 November 2008. Article 7 outlines government obligations to foster digital technology through standardization and compliance monitoring, while Article 8 defines the institutions responsible for governance in this domain. Article 25 affirms the right of public and private entities to develop IT systems and networks [6].

Thus, current applications of AI in Belarusian customs operations are minimal, with image analysis software representing the primary example. The Belarusian customs service continues to evaluate global practices and consolidate

theoretical frameworks for future implementation. Although legal infrastructure is still evolving, the potential for AI integration remains substantial.

During an address at the International Customs Forum held in Moscow in October 2021, the Head of the Main Information Technology Directorate of the Russian Federal Customs Service noted that automation in Russian customs began before the establishment of the State Customs Committee in 1990. He emphasized that customs are the only regulatory sector in the Russian Federation permitting legally binding decisions made by software agents – a legislative advancement unparalleled in other domains [7].

A key consideration for successful implementation is the professional training of customs personnel. Familiarity with AI principles, data processing, and information analysis is critical. Training programs and seminars are already being offered to support employee development. In parallel, several national projects aimed at process automation and risk analytics have already been introduced [8].

The assessment of advanced technological solutions has allowed for the identification of specific domains within customs control where automation may be effectively implemented – particularly in procedural inspections, documentation verification, and commodity classification.

The digital transformation of real-time physical border control systems is aimed at automating customs clearance procedures at border crossing points of the Eurasian Economic Union. This agenda contributes to the creation of smart border crossing points [9].

Sensor-based technologies integrated with intelligent data processing systems are envisioned as core components of these checkpoints. These devices will record the technical specifications of transported goods and vehicles, enabling the automated detection and interdiction of unauthorized shipments of radioactive materials, nuclear substances, and hazardous waste across national borders.

Documentary automation and risk management customs operations that rely solely on document verification-excluding product sampling – can be delegated to specialized departments within electronic declaration centers, enabling full automation of those procedures. Replacing conventional paper certificates with digital ones may resolve multiple operational inefficiencies. These electronic certificates must be structurally formalized to support automated processing without manual intervention. The information in the customs declaration is accompanied by a large number of documents (documents confirming the fact of the transaction, permits, transport documents, etc.), a list of which is contained in column 44. Document verification forms a key element of customs risk management systems [10].

Effective stewardship of digital technologies is a contemporary priority, requiring collaborative analysis based on global experiences and best practices.

The rapid evolution of robotics and algorithmic systems – driven by deep neural networks – has produced increasingly autonomous systems capable of independent decision-making. While neural architectures have long been understood, recent progress has enabled improved training and refinement of network-based algorithms. As robotic complexity increases – including in self-learning systems – so does the necessity for enhanced accountability in scenarios involving potential harm or liability.

In Belarusian legal scholarship, discourse on digital system responsibility remains limited, with existing literature primarily addressing isolated sectoral concerns. In contrast to jurisdictions with established legal research on autonomous technologies, Belarus faces nascent challenges in regulating public interactions with robotic systems. This calls for the assimilation of foreign legal doctrine and enforcement practices in shaping nationally coherent strategies for legal regulation.

Digital legislation resides at the intersection of several legal branches –particularly civil, administrative, and information

law. Harmonized legal regulation within the EAEU, alongside alignment with global standards and norms is essential.

Legal categorization approaches current international legal discourse offers three principal approaches to the legal status of autonomous systems:

— technology as legal object: only natural or legal persons can possess legal rights;

— system developers retain authorship of the underlying technology;

— electronic legal entity: the concept of an electronic person is introduced, with limited legal capacity. this raises questions of status, product legitimacy, and potential shared liability between the developer and the system;

— civil products extension: technologies producing new legal objects may fall under provisions such as article 136 of the Civil Code («fruits, products, and income»), though substantial adaptation of intellectual property law would be required [11].

Legal reform priorities enhancements to liability regulation should address: the origin of responsibility in automated system applications; definition of liable parties; technical and operational characteristics impacting risk attribution.

Integrated framework for digital customs transformation comprehensive regulatory and operational strategies must prioritize:

— data protection and legal compliance;

— long-term investment in human capital and technical infrastructure;

— the establishment of clear legal definitions and accountability frameworks for advanced technologies [11].

Advantages and implementation challenges key benefits of digital systems in customs operations include:

— rapid analysis of large datasets and data-driven decision-making;

— development of automated inspection tools for high-risk cargo monitoring;

— full automation of customs clearance procedures;

— intelligent checkpoint design for border processing;

— autonomous detection and prevention of unauthorized or restricted goods;

— automated document verification and code assignment based on semantic processing of unstructured information;

— barriers to adoption ethical, social, technical, and legal challenges continue to constrain broad implementation.

In conclusion, it is worth noting that in the context of rapid changes caused by the gradual digital transformation of the global market, the further success of the digital transformation of customs authorities depends on a comprehensive approach that includes not only technical upgrades to infrastructure, but also systemic changes in legal regulation and management, as well as staff training and the development of new competencies in the field of digital and information technologies. An important condition is synchronization with international standards and practices, which will allow successful models to be scaled up and integrated into regional and interregional digital platforms. Particular attention should be paid to the introduction of breakthrough technologies such as artificial intelligence, blockchain, big data and cloud solutions, which can significantly improve the efficiency of customs control, reduce bureaucratic barriers and increase the transparency of procedures.

It is also necessary to take into account the challenges associated with technical limitations, asymmetries in the development of digital infrastructure in EAEU partner countries, and the imperfection of the legal framework for regulating new technologies. Overcoming these challenges requires active interdepartmental and international cooperation, as well as investment in the development of digital literacy and telecommunications infrastructure.

Particular attention should be paid to the introduction of breakthrough technologies such as artificial intelligence, blockchain, big data and cloud solutions, which can significantly

improve the efficiency of customs control, reduce bureaucratic barriers and increase the transparency of procedures.

In addition, it is necessary to take into account the challenges associated with technical limitations, asymmetries in the development of digital infrastructure in EAEU partner countries, and the imperfection of the legal framework for regulating new technologies. Overcoming these challenges requires active interdepartmental and international cooperation, as well as investment in the development of digital literacy and telecommunications infrastructure. Ultimately, a comprehensive and strategic approach to the digitalization of customs authorities will not only improve their operational efficiency, but also strengthen the position of the Republic of Belarus as one of the leaders of digital transformation in the region, contributing to the sustainable development of international trade and economic security.

References

1. AI Preparedness Index (AIPI) // International Monetary Fund. – 2025. – URL: https://www.imf.org/external/datamapper/AI_PI@AIPI/ADVEC/EME/LIC/BLR (date of access: 23.05.2025).

2. Цифровизация и логистика. Глава ГТК о новшествах в таможенной сфере в год председательства Беларуси в ЕАЭС // Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. – 17.03.2025. – URL: https://gtk.gov.by/news/tsifrovizatsiya-i-logistika-glava-gtk-o-novshestvakh-v-tamozhennoy-sfere-v-god-predsedatelstva-belar/ (дата обращения: 24.05.2025).

3. Бакеренко, Ю. Орловский отметил, что сотрудничество Беларуси и Китая в таможенной сфере заметно укрепляется / Ю. Бакеренко // СБ – Беларусь сегодня. – 11.10.2024. – URL: https://www.sb.by/articles/orlovskiy-otmetil-chto-sotrudnichestvo-belarusi-i-kitaya-v-tamozhennoy-sfere-zametno-ukreplyaetsya.html (дата обращения: 24.05.2025).

4. Руководитель белорусской таможни Владимир Орловский обсудил с председателем таможенного комитета Азербайджана Шахином Багировым вопросы двустороннего сотрудничества // Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. –

17.05.2024. – URL: https://www.customs.gov.by/news/rukovoditel-belorusskoy-tamozhni-vladimir-orlovskiy-obsudil-s-predsedatelem-gosudarstvennogo-tamozhe/ (дата обращения: 24.05.2025).

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.04.2025).

6. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.04.2025).

7. От автоматизации таможенных операций к интеллектуальной таможне // Альта-Софт. – 24.12.2021. – URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/85937 (дата обращения: 20.05.2025).

8. О рисках, угрозах и отсутствии системности в цифровизации // InfoWatch. – 12.08.2021. – URL: https://www.infowatch.ru/resources/blog/tochka-zreniya-kasperskoy/o-riskakh-ugrozakh-i-otsutstvii-sistemnosti-v-tsifrovizatsii/ (дата обращения: 02.05.2025).

9. Доклад о развитии цифровой (Интернет) торговли ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b29/tsifrovaya-torgovlya.pdf?ysclid=lw6iyfdck4877022888 (дата обращения: 11.05.2025).

10. Яковлев, В. С. Интеграция искусственного интеллекта в системы управления рисками для оптимизации таможенных процедур / В. С. Яковлев // Научные высказывания. – 2024. – №12 (59). – С. 91–93. – URL: https://nvjournal.ru/article/Integratsija_iskusstvennogo_intellekta_v_sistemy_upravlenija_riskami_dlja_optimizatsii_tamozhennyh_protsedur (дата обращения: 11.05.2025).

11. Дубовик, С. Цифровая экономика: успеть за будущим / С. Дубовик // Навуковая, вытворча-практычная газета Беларусі «Навука». – 2018 – 2 крас. – С. 1, 3. – URL: https://gazeta-navuka.by/images/electronic-catalog/02.04.18.pdf (дата обращения: 17.05.2025).

О ФОРМАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ТАМОЖЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

А. А. Квятович

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
KviatovichAA@bsu.by

В данной статье подробно рассмотрена сущность международного таможенного сотрудничества, которое играет ключевую роль в обеспечении экономической безопасности государства. Предложено авторское определение понятия «международное таможенное сотрудничество». Исследовано понятие «форма международного таможенного сотрудничества» и его классификация. Это понятие включает в себя различные способы взаимодействия между таможенными службами разных стран, направленные на упрощение процедур, повышение уровня безопасности и борьбу с контрабандой. Также автором предложена классификация форм международного таможенного сотрудничества, отмечено, что данное сотрудничество осуществляется в пяти формах. Сформулированы выводы о формах международного таможенного сотрудничества, а также установлено, что указанные формы многообразны и включают в себя различные виды сотрудничества между государствами. Автор пришел к выводу, что при расширении международного таможенного сотрудничества особое внимание необходимо уделять обеспечению экономической безопасности Республики Беларусь. Указаны роль и значение таможенных органов Республики Беларусь в развитии и углублении международного сотрудничества.

Ключевые слова: международное таможенное сотрудничество; таможенные органы; формы международного таможенного сотрудничества; международные договоры и соглашения; международные конференции; международные организации; интеграционные объединения; преступления и административные правонарушения.

ON THE FORMS OF INTERNATIONAL CUSTOMS COOPERATION

A. A. Kvyatovich

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
KviatovichAA@bsu.by

This article examines in detail the essence of international customs cooperation, which plays a key role in ensuring the economic security of the state. The author's definition of the concept of «international customs cooperation» is proposed. The concept of «form of international customs cooperation» and its classification are investigated. This concept includes various ways of interaction between the customs services of different countries aimed at simplifying procedures, improving security and combating smuggling. The author also proposed a classification of forms of international customs cooperation, noting that this cooperation is carried out in five forms. Conclusions on the forms of international customs cooperation are formulated, and it is also established that these forms are diverse and include various types of cooperation between states. The author came to the conclusion that when expanding international customs cooperation, special attention should be paid to ensuring the economic security of the Republic of Belarus. The role and importance of the customs authorities of the Republic of Belarus in the development and deepening of international cooperation are indicated.

Keywords: international customs cooperation; customs authorities; forms of international customs cooperation; international treaties and agreements; international conferences; international organizations; integration associations; crimes and administrative offenses.

Обеспечение государственной и экономической безопасности Республики Беларуси невозможно без международного таможенного сотрудничества. Кроме того, в укреплении международных отношений и стимулировании экономического развития государства международное таможенное сотрудничество играет ключевую роль.

Международное таможенное сотрудничество – это комплекс мероприятий, осуществляемых во взаимодействии таможенных органов разных государств, направленных на развитие правовых, экономических, административных, информационных, технических, правоохранительных и других задач в таможенной сфере.

Статья 1 пункта 2 Закона Республики Беларусь от 10 января 2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании» гласит, что «Республика Беларусь участвует в международном сотрудничестве в сфере таможенного регулирования в целях гармонизации и унификации законодательства о таможенном регулировании с нормами международного права и общепринятой международной практикой» [1].

Республика Беларусь расширяет международное сотрудничество, так как такое сотрудничество является важным фактором устойчивого развития государства.

Для эффективного обеспечения данного сотрудничества таможенные органы наделены определенными полномочиями, и соответственно могут применять многообразные формы международного таможенного сотрудничества.

Как верно указывает В. Б. Коровин, «говоря о международном таможенном сотрудничестве, необходимо выделять разнообразные его формы, позволяющие решать разноплановые задачи, начиная от стратегических на самом высшем уровне государственного взаимодействия и заканчивая оперативными на уровне регионального (локального) взаимодействия» [2, с. 17].

Многие авторы, исследующие формы международного таможенного сотрудничества предлагают схожие, а зачастую и идентичные определения данного понятия. Так, предлагается следующее определение «форма международного сотрудничества таможенных органов – это предусмотренный законодательством порядок производства действий таможенных органов по участию разработке международных договоров, по непосредственному

осуществлению международных договоров о взаимной правовой помощи по уголовным и иным делам, по заключению и осуществлению соглашений о правовой помощи и сотрудничестве между таможенными органами различных государств, по сотрудничеству таможенных органов через межгосударственные органы» [3, с. 49–50]. Мы в целом разделяем мнение автора относительно приведенного определения и считаем, что оно в основном отражает все ключевые аспекты форм международного сотрудничества таможенных органов.

Исследовав специальную литературу, мы пришли к выводу, что среди авторов нет единства мнений касательно форм международного таможенного сотрудничества. Например, Н. Э. Буваева пишет, что «существует три основные формы международного таможенного сотрудничества:

— сотрудничество через заключение международных договоров и соглашений;

— сотрудничество при участии государств в различных международных конференциях;

— сотрудничество в рамках различных международных организаций» [3, с. 67].

Некоторые авторы слишком детализируют такой вид формы как «заключение международных договоров и соглашений», и указывают, что сотрудничество осуществляется путем «заключения международных договоров о взаимной правовой помощи по уголовным и иным делам, а также соглашений о правовой помощи и сотрудничестве между таможенными органами различных государств» [4, с. 52].

Проанализировав различные мнения авторов, мы пришли к выводу, что международное таможенное сотрудничество осуществляется в следующих пяти формах:

1) сотрудничество государств посредством заключения международных договоров и соглашений;

2) сотрудничество государств путем участия в международных конференциях;

3) сотрудничество государств через участие в различных международных организациях;

4) сотрудничество государств в результате участия в различных интеграционных объединениях;

5) сотрудничество таможенных органов разных государств в раскрытии и расследовании административных таможенных правонарушений и уголовных преступлений, совершенных в таможенной сфере.

Заключение международных договоров и соглашений является одной из самых распространенных форм международного таможенного сотрудничества. Данная форма сотрудничества позволяет создавать правовую базу для эффективного взаимодействия, определять общие правила, стандарты и процедуры, а также устанавливать механизмы правового регулирования вопросов, затрагивающих таможенную сферу.

На заключение международных договоров с государственными органами иностранных государств и международными организациями уполномочен Государственный таможенный комитет Республики Беларусь (ГТК). Международно-правовое управление ГТК осуществляет сотрудничество с таможенными и иными государственными органами иностранных государств, и международными организациями.

Международное сотрудничество Республики Беларусь в сфере таможенного дела, как мы полагаем, будет эффективно развиваться посредством заключения международных договоров, что положительно скажется на развитии внешнеэкономических отношений государства, повышении конкурентоспособности товаров отечественных производителей на мировых товарных рынках, обеспечении экономической безопасности республики и в целом усилении экономического суверенитета страны.

Международные соглашения в сфере таможенного дела затрагивают такие вопросы как: передача документов; обмен информацией; контроль за перемещаемыми

товарами, транспортными средствами, лицами; проведение расследований в отношении действий, нарушающих таможенное законодательство и др. В качестве примера международных соглашений можно привести: Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах (2016 г.), Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах (2019 г.) [5; 6].

Сотрудничество государств в международных конференциях по таможенным вопросам играет значительную роль в развитии и гармонизации этой сферы. Такие встречи позволяют странам прийти к общему пониманию основных положений, задач, принципов, правил и стандартов, которые лежат в основе таможенного регулирования. Участие в международных конференциях позволяет государствам получить передовые знания, опыт и прогрессивные практики по вопросам таможенного регулирования. Например, конференции Всемирной таможенной организации, в рамках которых обсуждаются различные вопросы затрагивающие наиважнейшие аспекты в таможенной сфере, такие как борьба с контрабандой и таможенными правонарушениями, гармонизация законодательства с международными стандартами, упрощение таможенных процедур, внедрение современных информационных технологий в сфере таможенного регулирования и др.

Необходимо отметить, что в рамках ООН функционирует Конференция по торговле и развитию (ЮНКТАД), которая занимается вопросами, затрагивающими таможенную сферу [7].

Многие государства принимают активное участие в деятельности различных международных организаций, занимающимися вопросами, относящимися к таможенной сфере. Республика Беларусь не является исключени-

ем, и принимает участие в международных организациях согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 21 ноября 2017 г. № 877 «О сотрудничестве с международными организациями и межгосударственными образованиями» [8].

Активное участие в международных организациях предоставляет государствам достаточно широкие возможности для взаимовыгодного сотрудничества и координации совместных действий на мировой арене. Важное значение это имеет во внешнеэкономической сфере. Принимая участие в различных международных организациях государства получают возможность совместно решать проблемы, возникающие в таможенной сфере.

Республика Беларусь сотрудничает со многими международными организациями как универсальными, так и специализированными, и региональными. В частности, такими как Всемирная таможенная организация, Всемирная торговая организация и другими международными организациями по вопросам, затрагивающим таможенную сферу.

Следует отметить, что Республика Беларусь принимает активное участие в различных интеграционных объединениях (Содружество Независимых Государств, Союзное государство Беларуси и России и Евразийский экономический союз (ЕАЭС)). Одним из ключевых направлений является участие в ЕАЭС. Такое участие позволяет республике расширять рынки сбыта продукции, производимой в Беларуси, расширять торговые отношения с партнерами, увеличивать объемы экспорта, что в целом не может не сказаться благоприятно на экономике страны. Кроме того, это обусловлено тем, что невозможно упорядочить таможенные правоотношения в рамках одного государства, так как данным правоотношениям присущ трансграничный характер.

ЕАЭС проводит единую торговую политику согласно которой осуществляется единое таможенное регулирова-

ние, на таможенной территории ЕАЭС применяются единые правила определения происхождения товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС, единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности, Единый таможенный тариф ЕАЭС и др.

Не вызывает сомнений тот факт, что международное сотрудничество таможенных органов Республики Беларусь с таможенными органами иностранных государств играет важную роль в борьбе с преступлениями и административными правонарушениями в таможенной сфере. Ведь такая борьба является важным направлением правоохранительной деятельности таможенных органов, реализация которого является необходимым условием обеспечения экономической безопасности страны.

Нарушения таможенного законодательства причиняют серьезный ущерб различным интересам государства (политическим, экономическим, финансовым, налоговым, торговым, социальным и др.). Полагаем, что совместные слаженные действия таможенных органов Республики Беларусь с таможенными и иными правоохранительными органами иностранных государств существенно повысят эффективность и результативность борьбы с нарушениями в таможенной сфере.

На сегодняшний день особую актуальность международное таможенное сотрудничество приобретает в борьбе с международным терроризмом и контрабандой запрещенных товаров. Следует отметить, что таможенные органы Республики Беларусь эффективно выполняют возложенную на них правоохранительную функцию. Так за 1 квартал 2025 г. таможенными органами было выявлено 126 преступлений, пресечено 8,7 тыс. нарушений [9].

Проведенный анализ форм международного таможенного сотрудничества позволяет сделать вывод о том, что указанные формы многообразны и включают в себя различные виды сотрудничества между государствами. Необходимо подчеркнуть, что в целом они направлены на

достижение следующих общих задач: совершенствование таможенной политики; сотрудничество с таможенными и иными уполномоченными органами иностранных государств, и международными организациями; гармонизацию законодательства; унификацию правил и стандартов; оптимизацию таможенных процедур; совершенствование проведения таможенного контроля; борьбу с преступлениями и правонарушениями в таможенной сфере; обеспечение экономической безопасности Республики Беларусь и др. Полагаем, что особое внимание необходимо уделять обеспечению экономической безопасности Республики Беларусь, ведь в современных условиях динамичного расширения внешнеэкономических отношений могут возникать проблемы с обеспечением безопасности национальной экономики государства, соответственно развивать международное таможенное сотрудничество необходимо комплексно, способствуя улучшению экономической ситуации в стране.

В заключение следует сказать, что таможенные органы играют ключевую роль в развитии и расширении международного сотрудничества государства. Так, они обеспечивают соблюдение и исполнение международных обязательств Республики Беларусь, затрагивающих таможенную сферу, а также активно осуществляют взаимодействие с таможенными и иными государственными органами иностранных государств, международными организациями, занимающимися таможенными вопросами.

Библиографический список

1. О таможенном регулировании: Закон Респ. Беларусь от 10 янв. 2014 г. № 129-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 28.05.2025).

2. Коровин, В. Б. Перспективные формы международного таможенного сотрудничества со странами СВА в условиях антироссийских санкций / В. Б. Коровин // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2024. – № 4 (109). – С. 16–24. – URL: https://

vfrta.customs.gov.ru/storage/folder_page/2021/09-30/zFkZsCRb/journal_2024-4_02korovin.pdf (дата обращения: 03.06.2025).

3. Буваева, Н. Э. Международное таможенное право : учебник / Н. Э. Буваева. – М. : Юрайт, 2013. – 376 с.

4. Галузо, В. Н. О формах международного сотрудничества таможенных органов Российской Федерации / В. Н. Галузо // Международное право и международные организации. – 2015. – № 1. – С. 49–53. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=65951 (дата обращения: 04.06.2025).

5. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах : [заключено в г. Минске 29 мая 2016 г.] // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 29.05.2025).

6. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах : заключено в г. Абу-Даби 4 апр. 2019 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 29.05.2025).

7. Конференция ООН по торговле и развитию // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – URL: https://mfa.gov.by/mulateral/organization/list/af23de621ed5479e.html (дата обращения: 03.06.2025).

8. О сотрудничестве с международными организациями и межгосударственными образованиями : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 21 нояб. 2017 г. № 877// ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 30.05.2025).

9. Правоохранительная деятельность за 1 квартал 2025 г. // Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.customs.gov.by/pravookhranitelnaya-deyatelnost/pravookhranitelnaya-deyatelnost/ (дата обращения: 04.06.2025).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НЕЗАКОННОГО ВВОЗА ТОВАРОВ: МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

А. В. Миронюк[1)], В. А. Острога[2)]

[1)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nestimironuk@gmail.com
[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, astroha@bsu.by

Контрабанда остается серьезной проблемой для таможенных органов Республики Беларусь, требующей понимания психологических мотивов нарушителей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных мер противодействия незаконному перемещению товаров через таможенную границу. Проблема заключается в недостаточном изучении психологических факторов, побуждающих граждан к совершению таможенных правонарушений. Результаты показывают, что контрабандисты руководствуются экономическими, социальными и психологическими мотивами. Выводы указывают на необходимость учета психологических особенностей нарушителей при формировании стратегии таможенного контроля.

Ключевые слова: контрабанда; психология; мотивация; таможенное дело; правонарушения; экономические факторы; социальные причины; профилактика; Беларусь.

PSYCHOLOGICAL PREREQUISITES FOR ILLEGAL IMPORT OF GOODS: MOTIVATIONAL ANALYSIS

A. V. Mironyuk[a], V. A. Astroha[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
nestimironuk@gmail.com
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, astroha@bsu.by

Smuggling remains a serious problem for the customs authorities of the Republic of Belarus, requiring an understanding of the psychological motives of violators. The relevance of the study is due to the need to develop effective measures to combat the illegal movement of goods across the customs border. The problem lies in the insufficient study of the psychological factors that motivate citizens to commit customs offenses. The results show that smugglers are guided by economic, social and psychological motives. The findings indicate the need to take into account the psychological characteristics of violators when forming a customs control strategy.

Keywords: smuggling; psychology; motivation; customs; offenses; economic factors; social reasons; prevention; Belarus.

Актуальность изучения психологии контрабандиста определяется тенденцией роста таможенных правонарушений в Республике Беларусь. По результатам правоохранительной деятельности за 1 полугодие 2025 г. таможенными органами выявлено 247 преступлений и возбуждено 191 уголовное дело [1]. Понимание психологических мотивов нарушителей становится критически важным для разработки эффективных стратегий противодействия незаконному перемещению товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации основных психологических факторов, побуждающих граждан к совершению противозаконных дей-

ствий и провозу контрабанды, а также определении их влияния на эффективность превентивных мер в системе таможенного контроля Республики Беларусь.

Современная криминальная психология активно исследует мотивационные структуры лиц, совершающих экономические преступления, уделяя особое внимание анализу факторов, определяющих выбор противоправного поведения. Зарубежные исследователи объясняют склонность к нарушению таможенного законодательства через три основные теоретические модели: теория рационального выбора (Кларк, Корниш, 1985 г.), где нарушение рассматривается как результат расчета выгод и рисков; теория социального научения (Акерс, 1985–1990-е гг.), согласно которой девиантное поведение формируется под влиянием окружения и примеров коллег; и теория когнитивных искажений (Канеман, Тверски, 1970–2000-е гг.), подчеркивающая роль психологических ошибок мышления в недооценке рисков и переоценке вероятности успеха нарушения.

Отечественная научная традиция также обращается к психологическим аспектам таможенных правонарушений, однако системных исследований мотивации контрабандистов проведено недостаточно [2, с. 47]. Существующие работы преимущественно фокусируются на правовых и процедурных аспектах борьбы с контрабандой, оставляя психологическую составляющую малоизученной. Необходимость углубленного анализа психологических детерминант противоправного поведения в сфере таможенного дела становится все более очевидной.

Необходимо отметить, что экономические мотивы традиционно рассматриваются исследователями как доминирующая движущая сила контрабандной деятельности. Стремление к получению сверхприбыли путем уклонения от уплаты таможенных платежей формирует устойчивую мотивационную основу для принятия решения о нарушении закона.

Психологический профиль современного контрабандиста характеризуется специфическими когнитивными особенностями, влияющими на восприятие риска и оценку последствий. Склонность к минимизации вероятности выявления правонарушения сочетается с переоценкой собственных возможностей по сокрытию товаров от таможенного контроля [3, с. 190]. Многие нарушители демонстрируют так называемое «оптимистическое искажение», полагая, что негативные последствия их не коснутся, а вероятность успешного совершения контрабанды значительно выше реальной.

Социальные факторы играют не менее важную роль в формировании мотивации к контрабандной деятельности. Влияние референтных групп, где незаконное перемещение товаров воспринимается как социально приемлемое поведение, создает благоприятную среду для рекрутирования новых участников. При этом используется потенциал соцсетей.

Феномен «ситуативной контрабанды» заслуживает особого внимания исследователей, поскольку затрагивает законопослушных граждан, принимающих решение о нарушении под влиянием конкретных жизненных обстоятельств. Финансовые трудности, семейные кризисы или внезапная возможность легкой наживы могут стать триггерами для совершения правонарушения.

Активно используются контрабандистами для оправдания своих действий и сохранения позитивной самооценки и механизмы психологической защиты. Рационализация незаконной деятельности происходит через обвинение государства в чрезмерном налоговом бремени или несправедливой торговой политике. Подобные когнитивные искажения позволяют нарушителям воспринимать свои действия не как преступление, а как справедливую реакцию на неблагоприятные внешние условия.

Гендерные различия в мотивации контрабандистов также представляют значительный интерес для понима-

ния психологических механизмов противоправного поведения. Женщины чаще руководствуются семейными обстоятельствами и необходимостью обеспечения детей, демонстрируя более выраженную эмоциональную составляющую в принятии решений. Мужчины, напротив, чаще демонстрируют склонность к риску, стремление к статусу и доминированию, что проявляется в более масштабных и организованных формах контрабандной деятельности.

Возрастные особенности существенно влияют на характер мотивации и способы совершения контрабанды. Молодые нарушители в возрасте 18–25 лет часто воспринимают свою деятельность как игру или вызов системе, не осознавая в полной мере возможных правовых последствий. Лица среднего возраста (26–45 лет) руководствуются преимущественно экономическими соображениями и демонстрируют более рациональный подход к планированию противоправной деятельности.

Технологические изменения кардинально трансформируют психологию современных контрабандистов и создают новые мотивационные стимулы. Развитие интернет-торговли и электронных платежных систем формирует иллюзию анонимности и безопасности незаконных операций. Многие нарушители полагают, что онлайн-покупки автоматически исключают возможность выявления правонарушений таможенными органами, что приводит к росту «цифровой контрабанды».

Нельзя недооценивать при анализе современных тенденций и роль социальных сетей в формировании контрабандного сообщества. Закрытые группы и каналы становятся площадками для обмена опытом, координации незаконной деятельности и психологической поддержки участников. Групповое воздействие усиливает готовность к риску и снижает критическое восприятие последствий, создавая эффект «размывания ответственности».

Профессиональные контрабандисты демонстрируют качественно иные психологические характеристики по

сравнению с ситуативными нарушителями. Систематическая незаконная деятельность формирует специфический тип личности с высокой толерантностью к риску, развитыми навыками планирования и глубокими знаниями таможенного законодательства. Такие лица часто обладают предпринимательскими качествами и рассматривают контрабанду как альтернативный вид бизнеса.

Эмоциональные факторы играют важную роль в принятии решения о совершении контрабанды, особенно в кризисные периоды. Фрустрация от экономических трудностей или стремление к некоему социальному признанию могут стать мощными мотиваторами для нарушения закона. В условиях экономической нестабильности подобные настроения усиливаются и находят выражение в противоправном поведении.

При этом экономическая ситуация в стране напрямую коррелирует с масштабами контрабандной деятельности и психологической готовностью граждан к нарушению закона. Периоды финансовых кризисов сопровождаются ростом количества правонарушений, поскольку граждане ищут альтернативные источники дохода. Стабилизация экономики, напротив, снижает привлекательность незаконной деятельности для большинства потенциальных нарушителей.

К примеру, в Беларуси региональные особенности мотивации контрабандистов связаны с географическим положением и экономической специализацией территорий. В приграничных районах доминируют традиционные формы «челночной» торговли, в то время как в крупных городах преобладает контрабанда высокотехнологичных товаров и предметов роскоши. Понимание этих различий критически важно для разработки именно региональных стратегий профилактики [4].

Судебная практика Республики Беларусь демонстрирует разнообразие мотивов и способов совершения контрабанды. Анализ приговоров районных судов показывает,

что в 45 % случаев нарушители руководствовались исключительно экономическими мотивами, в 30 % – сочетанием экономических и социальных факторов, а в 25 % случаев решающую роль играли личностные особенности и ситуативные обстоятельства [5].

В итоге, психологическое воздействие успешного опыта контрабанды создает устойчивую зависимость от незаконной деятельности, сходную с игровой аддикцией. Каждый удачный случай укрепляет уверенность в собственной неуязвимости и стимулирует к повторению правонарушений. Формируется своеобразная «контрабандная аддикция», преодоление которой требует специальных психологических методов воздействия и длительной реабилитационной работы.

Также отметим, что и семейные традиции контрабандной деятельности представляют особую проблему в некоторых приграничных сообществах, где незаконное перемещение товаров передается из поколения в поколение как семейный промысел. Дети с раннего возраста наблюдают за деятельностью родителей и воспринимают ее как норму, что формирует устойчивые поведенческие паттерны. Разрушение подобных традиций требует комплексного подхода, включающего социально-экономические и образовательные меры.

Психологические последствия выявления контрабанды варьируются в зависимости от личностных особенностей нарушителя и обстоятельств совершения преступления. Некоторые испытывают глубокое чувство вины и стыда, что может стать основой для отказа от дальнейшей незаконной деятельности. Другие воспринимают задержание как временную неудачу и планируют новые способы обхода таможенного контроля, демонстрируя высокую адаптивность к изменяющимся условиям.

Роль образования в формировании отношения к контрабанде носит неоднозначный характер и требует дифференцированного анализа. Высокообразованные нару-

шители часто демонстрируют более изощренные способы сокрытия товаров и лучшее понимание правовых последствий своих действий. Однако они же чаще осознают моральную неприемлемость своих действий и испытывают внутренний конфликт между ценностями и поведением.

Влияние средств массовой информации на формирование отношения к контрабанде также заслуживает внимания исследователей. Формирование псевдоромантического образа контрабандиста в художественных произведениях и фильмах создает искаженное представление о реальности этой деятельности. Недостаток информации о реальных последствиях таможенных правонарушений способствует формированию легкомысленного отношения к нарушению закона.

Психологические методы профилактики контрабанды должны учитывать выявленные мотивационные факторы и личностные особенности потенциальных нарушителей. Информационные кампании, направленные на повышение осведомленности о последствиях правонарушений, могут быть эффективными для ситуативных нарушителей. Профессиональные контрабандисты требуют применения более жестких мер воздействия и специализированных программ ресоциализации.

Международный опыт борьбы с контрабандой подтверждает важность психологического компонента в системе превентивных мер. Страны с развитой системой психологического профилирования нарушителей демонстрируют более высокую эффективность таможенного контроля. Адаптация зарубежных методик к белорусским условиям требует учета культурных и социально-экономических особенностей.

При этом, перспективы развития психологических исследований в области таможенного дела связаны с внедрением современных методов анализа поведения и мотивации. Использование больших данных, машинного обучения и нейропсихологических методов открывает но-

вые возможности для понимания механизмов принятия решений потенциальными нарушителями.

Анализ психологических факторов контрабандной деятельности выявляет сложную многоуровневую систему мотивов, определяющих поведение нарушителей в современных условиях. Хотя экономические стимулы и сохраняют доминирующее положение, однако также социальные, культурные и личностные факторы играют не менее важную роль в процессе принятия решения о совершении правонарушения. Понимание этих механизмов становится критически важным для разработки эффективной стратегии противодействия контрабанде в ходе таможенного контроля.

Таким образом, дифференцированный подход к различным категориям нарушителей требует учета их психологических особенностей и мотивационных структур. Ситуативные контрабандисты нуждаются в профилактическом воздействии и разъяснительной работе, в то время как профессиональные нарушители требуют применения строгих санкций и специализированных программ ресоциализации. Интеграция психологических знаний в систему таможенного контроля позволит повысить эффективность борьбы с незаконным перемещением товаров и обеспечить более надежную защиту экономических интересов государства.

Библиографический список

1. Таможенное дело и таможенная политика Республики Беларусь в 1994–2024 гг. – URL: https://www.customs.gov.by/pravookhranitelnaya-deyatelnost/pravookhranitelnaya-deyatelnost/ (дата обращения: 25.07.2025).

2. Волков, А. М. Психологические аспекты экономических преступлений / А. М. Волков // Юридическая психология. – 2018. – № 3. – С. 45–52.

3. Довлатова, Т. В. Психологический портрет контрабандиста: основные признаки и методы определения / Т. В. Довлатова,

А. С. Шестакова // Молодой ученый. – 2019. – № 24 (262). – С. 190–191. – URL: https://moluch.ru/archive/262/pdf/1331 (дата обращения: 25.05.2025).

4. Митюков, А. В приграничье активизировались мясные контрабандисты. Как поставить заслон на границе? / А. Митюков // СБ – Беларусь сегодня. – 13.04.2018. – URL: https://www.sb.by/articles/pereselenie-tush.html (дата обращения: 25.05.2025).

5. Криминалистическая характеристика контрабанды // Ассоциация профессионалов сыска «АПС». – URL: https://alldetectives.ru/crime/metodika-rassledovaniya-kontrabandy/kriminalisticheskaya-kharakteristika-kontrabandy.html (дата обращения: 25.05.2025).

РАЗВИТИЕ СТРУКТУРНОЙ СИСТЕМЫ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1918–1991 гг.

В. А. Острога

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, astroha@bsu.by

В 1918 г. на белорусских землях возродилась таможенная деятельность. К концу 1918 г. действовала 4 таможенных надзора. Новая волна реанимации таможенной системы проходила в 1920-х гг. На 1922 г. на территории БССР работало 9 таможен. Однако с середине 1930-х гг. после реорганизации и до 1939 г. работала только Негореловская таможня. С 1939 г. и до начала Великой Отечественной войны в Беларуси имелась лишь Брест-Литовская таможня. После окончания войны начали работу Брестская, Гродненская, Берестовицкая и Минская таможни. Но, вскоре число таможен вновь сократилось и осталась Брестская. Позднее их количество увеличивается и к 1975 г. достигает трех: Брестская, Гродненская и Минская. В конце 1980-х гг. в ходе реформ на базе Минской создана Белорусская территориальная таможня, а в 1991 г. еще 7 таможен на границе с Польшей, Литвой и Латвией.

Ключевые слова: Беларусь; БССР; история; таможенная служба; таможня; структура; таможенный кодекс; развитие.

DEVELOPMENT OF THE STRUCTURAL SYSTEM OF CUSTOMS AUTHORITIES IN BELARUS IN 1918–1991

V. A. Astroha

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, astroha@bsu.by

In 1918, customs activity was revived in the Belarusian lands. By the end of 1918, there were 4 customs supervisors. A new wave of resuscitation of the customs system took place in the 1920s. By 1922,

9 customs offices were operating on the territory of the BSSR. However, from the mid-1930s, after the reorganization, and until 1939, only the Negorelovskaya customs office operated. From 1939 until the beginning of the Great Patriotic War, there was only the Brest-Litovsk customs office in Belarus. After the war ended, the Brest, Grodno, Berestovitsa, and Minsk customs offices began operating. However, the number of customs offices was reduced again, and only the Brest customs office remained. Later, the number of customs offices increased, and by 1975, there were three: the Brest, Grodno, and Minsk customs offices. In the late 1980s, the Belarusian Territorial Customs was established on the basis of the Minsk Customs Office, and in 1991, seven more customs offices were established on the borders with Poland, Lithuania, and Latvia.

Keywords: Belarus; BSSR; history; customs service; customs; structure; customs code; development.

После Октябрьской революции 1917 г., весной 1918 г. на белорусских землях после почти семидесятилетнего перерыва, возродилась таможенная деятельность. В последующие десятилетия существования СССР продолжились различные структурные и количественные трансформации таможенных учреждений на территории Беларуси. Эта проблема и является целью настоящего исследования. Но, сама тема не оказалась в центре отечественной историографии. Фактически она отражена только в трудах В. Ю. Саяпина [1]. Поэтому данная работа имеет высокий уровень новизны, особо в акценте анализа материала.

В 1918 г. еще не окончилась Первая мировая война, но после подписания 3 марта Брест-Литовского мирного договора, в условиях стабилизации фронта с апреля 1918 г. все же появились возможности для подготовительных работ по созданию таможенной охраны границы. В качестве временного варианта было предложено сформировать разведывательно-таможенные надзоры. Самым первым 1 мая 1918 г. был создан таможенный надзор № 5 – Дриса (Верхнедвинск), 11 мая был образован тамнадзор № 6 в Витебске, затем 22 июня № 7 – Орша. В ноябре был создан четвертый в Могилеве [2, с. 74].

Однако ситуация на границе в 1918–1919 гг. была нестабильной. Проходившая борьба с многочисленными внутренними и внешними врагами не позволяла советскому правительству серьезно заниматься таможенными делами, а начавшаяся в 1919 г. советско-польская война, разрушила только что созданную хрупкую таможенную систему.

После окончания войны и подписания в марте 1921 г. Рижского мирного договора с Польшей, учитывая, что Советская Беларусь была поделена на две части – западную и восточную, а города с таможнями, восстановленными в 1918 г. (Витебск и Орша) оказались на территории отошедшей к РСФСР, то создавать таможенную систему молодой республике вновь пришлось с нуля.

Заметим, что 16 января 1920 г. между ССРБ и Советской Россией был подписан торговый договор, что было равносильно заключению между ними таможенного союза и объединением таможенных систем, а вхождение Советской Беларуси в состав Союза ССР, окончательно юридически закрепило статус белорусских таможенных учреждений как общесоюзных.

21 мая 1920 г., был сформирован Северо-Западный таможенно-пограничный округ с центром в Витебске. На его территории, в состав которого вошли часть Витебской губернии и белорусская территория, началось организация тамнадзоров. В итоге на май 1922 г. в округе дислоцировались следующие таможенные учреждения: управление округа и внутренний тамнадзор в Витебске, пограничный тамнадзор № 4 (Себеж), № 5 (Дрисса), № 6 (Полоцк), № 7 (Койданово), № 8 (Слуцк), № 9 (Житковичи), и № 10 (Изяславль) [2, с. 80].

17 мая 1922 г., на территории Белорусской ССР был образован Западный таможенный округ. Управление округа первоначально находилось в Витебске, но затем переехало в Минск. В его состав входило Управление и 9 таможен – I разряда: Себежская, Дриссненская, Полоцкая, Минская,

Негореловская, II разряда: Слуцкая, Житковичская и III разряда: Лепельская, Изяславская. Также продолжал действовать инспекторский участок в Витебске, переведенный вскоре с в Полоцк. Существовавшая Витебская таможня была ликвидирована [2, с. 82].

В последующие годы структура таможен округа неоднократно менялась. Так, 23 сентября 1922 г., Лепельская таможня была переведена в Вольбаровичи. В период с мая 1922 г. по июнь 1924 г. ликвидированы или вышли из состава округа: Себежская, Дрисненская таможни, но добавились – Вольбаровичская (Лепельская) и Бигосовская. Всего в округе функционировало 8 таможен [2, с. 82].

14 декабря 1924 г. был утвержден первый Таможенный устав СССР. Согласно ему, в союзных республиках в подчинении таможенному ведомству состояли районные таможенные инспекторы. Существовавше таможни делились на три разряда: 1-го – при железнодорожных станциях и портах с большим товарооборотом, 2-го – на шоссейных дорогах и небольших портах и 3-го – на грунтовых дорогах. Таможням подчинялись таможенные посты [3].

В ноябре 1924 г. в Минске было учреждено Белорусское районное Инспекторское управление. В БССР планировалось создать 5 районных таможен: Бигосовскую, Полоцкую, Минскую, Негореловскую и Житковичскую 1-го разряда, а также Вальбаровичскую и Изяславскую 3-го разряда. Однако в условиях небольшой территории тогдашней Беларуси это было неэффективно и было решено сохранить прежнюю организационную структуру.

В конце 1920-х гг. на дальнейшее развитие таможенного дела стало влиять нарастающая внешняя закрытость СССР, свертывание объемов торговли с зарубежными странами и международного пассажирского сообщения. За этим последовало и сокращение числа таможенных учреждений. В 1927 г. закрыта Полоцкая таможня. На 1 апреля этого года в Беларуси действовало 6 таможен: Бигосовская, Фариновская, Минская, Радашковичская,

Негореловская и Житковичская. 1 марта 1928 г. была закрыта во многих смыслах центральная Минская таможня. Отметим, что в Минске пытались оспорить решение союзного центра о ликвидации таможни. К примеру, представители Белорусского государственного университета заявляли об удобстве получения грузов именно в Минской таможне, а не в Негореловской, куда они должны были постоянно приезжать за ними. Однако доводы не были приняты во внимание и таможня была закрыта «в связи с рационализацией таможенного аппарата» [4, с. 43]. В сентябре 1929 г. ликвидирована Родошковичская (б. Изяславская) таможня.

В 1928 г. вступил в силу новый Таможенный кодекс СССР и закрепил территориальное деление таможенной территории СССР на отделения, таможни и таможенные посты. На территории БССР создано Белорусское отделение Главного таможенного управления Наркомвнешторга СССР (ГТУ) [5].

С 15 февраля 1930 г. в таможенной службе СССР началась «рационализация» – своеобразная реформа в таможенном деле. Таможни теперь стали только контролирующими органами. Это привело к сокращению штатов в среднем до 50 %. В результате, на 1 октября 1930 г. в Белотделении имелось 4 таможни: Негореловская, Фариновская, Бигосовская и Житковичская. К 1932 г. общая численность их работников достигла 33 человек [2, с. 88]. С 1 июля 1933 г. Белотделение расформировывается и создается аппарат Уполномоченного по борьбе с контрабандой (УБКБ) в г. Минске. С этого времени все белорусские таможни стали подчиняться непосредственно ГТУ [2, с. 89].

Во второй половине 1930-х гг. были ликвидированы практически все оставшиеся таможенные учреждения на территории БССР. В 1936 г. упразднена Житковичская таможня, в 1937 г. Бигосовская, в 1938 г. ликвидировался и аппарат уполномоченного по борьбе с контрабандой в

г. Минске. В итоге на территории республики действовала единственная Негореловкая таможня. Но в 1939 г., после присоединения Западной Беларуси к БССР, она была расформирована и 20 ноября 1939 г. создается новая также единственная в Советской Беларуси – Брест-Литовская таможня [6, с. 40].

Нападение фашистской Германии 22 июня 1941 г. на СССР нанесло колоссальный ущерб советской таможенной системе. Все 24 таможни, расположенные на западных границах, были уничтоженные гитлеровцами, в том числе таможня в Брест-Литовске.

Освобождение в 1944 г. Беларуси от немецко-фашистской оккупации, поставило вопрос о возрождении таможенной охраны государственной границы Советского Союза. И уже 27 октября 1944 г. восстановливается Брестская таможня 1-го класса. Осенью того же года на станции Лососно близ Гродно был открыт таможенный пост (с 1945 г. таможня 2-го класса Гродно), а в декабре начала свою работу таможня 2-го класса в Берестовице. В июне 1945 г. на территории аэропорта «Лошица» в Минске также была открыта таможня 3-го класса [4, с. 51].

Однако, в начале 1950-е гг. вследствие значительного уменьшения объемов перевозок и поездок граждан число белорусских таможен вновь начинает сокращаться. В итоге, в 1951 г. Гродненская таможня была преобразована в таможенный пост Берестовицкой таможни, упраздненный в 1954 г. С 1954 г. и сама Берестовицкая таможня преобразуется в таможенный пост Минской таможни, которая в 1955 г. была реорганизована в таможенный пост Вильнюсской таможни 3-го класса, в тоже время Берестовицкий таможенный пост был закрыт. В результате к середине 1950-х гг. в БССР, как и до войны, функционировала лишь одна Брестская таможня [2, с. 124].

Новая волна восстановления таможенной системы наблюдается лишь со второй половины 1950-х гг., в связи с расширением контактов СССР со странами – участница-

ми Совета Экономической Взаимопомощи, активизацией трансграничного товаро- и пассажиропотока. Период середины 1950-х – первой половины 1970-х гг. характеризуется созданием на территории БССР таможен. После открытия пассажирского движения Ленинград – Варшава и грузового Гродно – Польша, в 1957 г. на станции Гродно был открыт таможенный пост, подчиненный Вильнюсской таможне. В 1959 г. он был реорганизован в таможню, которой в том же году был подчинен Минский тампост (с 1965 г. он в составе Брестской таможни). Минский тампост был преобразован в самостоятельную таможню уже в 1975 г. и в столице Совестской Беларуси вновь была возрождена третья по счету таможня в республике [4, с. 57].

Таможенный кодекс СССР 1964 г. закрепил имеющуюся ситуацию нормой, что управление таможенным делом осуществляет ГТУ Министерства внешней торговли СССР, а на местах ему подчиняются таможни и таможенные посты [7, с. 4]. В 1980-х гг. продолжилось организационное развитие системы таможенных органов на территории БССР. Отметим, что к середине 1980-х гг. Брестская таможня становится самой крупной из сухопутных в СССР, лидируя по объему пассажиро- и автопотока.

Период конца 1980-х – 1991 гг. характеризуется кардинальными изменениями в сфере внешнеэкономической деятельности СССР и ее таможенного регулирования, модернизацией таможенной службы – Главного управления государственного таможенного контроля (ГУ ГТК) при Совете Министров СССР. Происходившие изменения затронули и таможенные учреждения в союзных республиках. Так, 6 апреля 1987 г. Минская таможня преобразованиа в Белорусскую территориальную таможню (БТТ), распространив зону ее деятельности на всю БССР, кроме Гродненской и Брестской областей [4, с. 65].

Следующим шагом в сторону тенденции передачи большей самостоятельности республиканским таможням стало создание Белорусского управления ГУ ТК. Почти через

60 лет после ликвидации Белорусского отделения ГТУ, на территории Беларуси вновь было сформировано территориальная таможенная структура. В этой связи, 15 июня 1990 г. БТТ преобразовывается обратно в Минскую таможню. В последний 1991 г. существования СССР активно происходило расширение таможенной инфраструктуры. Так, 15 мая 1991 г. на базе ПТО «Варшавский мост» и «Козловичи» была создана таможня «Западный Буг». 18 ноября 1991 г. приказом еще существовавшего Таможенного комитета СССР на белорусском участке госграницы с объявившими свою независимость от СССР Литвой и Латвией были созданы Браславская, Верхнедвинская, Вороновская, Островецкая, Ошмянская и Поставская таможни [1, с. 332].

Эти кардинальные изменения в устройстве таможенной службы закрепил новый Таможенный кодекс СССР 1991 г. Так, создание, реорганизация и ликвидация региональных таможенных управлений и таможен в союзных республиках производилась Таможенным комитетом СССР, но с согласия их руководства [8, с. 22].

В 1991 г. уже в новых социально-экономических условиях государственной независимости Беларуси Верховный Совет Республики Беларусь Постановлением «О таможенной службе Республики Беларусь» от 20 сентября 1991 г. указал «Преобразовать Белорусское управление государственного таможенного контроля СССР в Государственный таможенный комитет Республики Беларусь, подчинив ему таможенные органы СССР, расположенные на территории республики» [5, с. 150]. 13 марта 1992 г. белорусским парламентом была одобрено подготовленное правительством постановление «О концепции таможенной политики Республики Беларусь». Концепция имела целью заложить организационную и правовую основы развития таможенного дела в республике. В частности, была предложена существующая и поныне структура таможенных органов: ГТК Республики Беларусь; региональные таможни; таможни; таможенные посты [2, с. 152].

Сегодня Государственная таможенная служба Республики Беларусь структурно состоит из Государственного таможенного комитета, 8 таможен: Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской региональной, Минской региональной, Минской центральной, Могилевской и Оперативной, а также учреждения образования «Государственный институт повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь» и представляет собой одну из передовых, высокотехнологичных и интеллектуальных в ЕАЭС и СНГ.

Таким образом, богатый разносторонний исторический опыт структурного развития таможенных органов на территории БССР представляет сегодня не только академический интерес, но и практический для создания оптимальной модели современной организационной структуры таможенной службы нашей Беларуси.

Библиографический список

1. Саяпин, В. Ю. Таможенная служба : в 2 кн. / В. Ю. Саяпин. – Кн. 2: Борьба с контрабандой. – Гродно : Грод. тип., 2005. – 616 с.
2. Острога, В. А. История таможенного дела и таможенной политики Беларуси : учеб. пособие / В. А. Острога. – Минск : БГУ, 2019. – 243 с.
3. Таможенный устав Союза ССР : утвержден ЦИК Союза ССР 12 дек. 1924 г. // Е-ДОСЬЕ. – URL: https://e-ecolog.ru/docs/BHrhv4M4oHFv0D4etB_k9?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.by%2F (дата обращения: 10.05.2025 г.).
4. Острога, В. А. История Минской региональной таможни / В. А. Острога, С. В. Иванов. – Минск : РИВШ, 2022. – 172 с.
5. Таможенный кодекс Союза ССР, 19 дек. 1928 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/385091#mode/inspect/page/4/zoom/4 (дата обращения: 10.05.2025 г.).
6. Острога, В. А. История таможенного дела и таможенной политики Беларуси : учеб. пособие / В. А. Острога. – Минск : БГУ, 2019. – 243 с.
7. Таможенный кодекс Союза ССР. – М. : Юрид. лит., 1973. – 32 с.
8. Таможенное законодательство СССР : сборник. – М.: Внештерминал Комплекс, 1991. – 80 с.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ КРИМИНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЛИЧНОГО ТАМОЖЕННОГО ДОСМОТРА

Е. А. Попова[1)], Г. М. Власова[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
eapopova2609@gmail.com
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
VlasavaGM@bsu.by

Статья посвящена анализу основных методов криминальной психологии, которые используются в ходе личного таможенного досмотра. Показано, что ключевым аспектом использования инструментария криминальной психологии в таможенном деле остается подготовка специалистов, способных интегрировать психологические знания в методику досмотра. Перспективы внедрения методов криминальной психологии в практику работы таможенной службы связаны с развитием искусственного интеллекта и машинного обучения, открывающего новые возможности для автоматизации анализа поведенческих данных, повышения объективности оценки и снижения влияние человеческого фактора в ходе проведения досмотровых мероприятий.

Ключевые слова: криминальная психология; личный таможенный досмотр; искусственный интеллект; профпайлинг; таможенная служба.

APPLICATION OF CRIMINAL PSYCHOLOGY METHODS IN CONDUCTING PERSONAL CUSTOMS INSPECTION

E. A. Popova[a], G. M. Vlasova[b]

[a] *Belarusian State University,*
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
eapopova2609@gmail.com
[b] *Belarusian State University,*
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, VlasavaGM@bsu.by

The article is devoted to the analysis of the main methods of criminal psychology, which are used during personal customs inspection. It is shown that the key aspect of using the tools of criminal psychology in customs affairs remains the training of specialists capable of integrating psychological knowledge into the practice of inspection. The prospects for introducing methods of criminal psychology into the practice of customs service are associated with the development of artificial intelligence and machine learning, which opens up new opportunities for automating the analysis of behavioral data, increasing the objectivity of assessment and reducing the influence of the human factor during inspection activities.

Keywords: criminal psychology; personal customs inspection; artificial intelligence; professionalism; customs service.

Криминальная психология – это раздел юридической психологии, изучающий поведение, мотивы и эмоциональные реакции лиц, совершающих противоправные деяния. Эта наука анализирует не только личностные особенности преступников, но и их невербальное проявление, что особенно важно в оперативно-розыскной деятельности.

Философский подход к исследованию личности сталкивается с существенными ограничениями в научной практике из-за огромного разнообразия индивидуальных психологических особенностей. Когда мы пытаемся объединить в рамках единой исследовательской модели принципиально разные психологические типы, это неиз-

бежно приводит к чрезмерно обобщенным выводам, которые теряют практическую ценность из-за своей абстрактности. Однако именно это ограничение открывает новые перспективы для развития прикладных методов криминальной психологии в таможенном деле, позволяя сосредоточиться на разработке конкретных, адаптированных к реальным условиям методик анализа поведения, что в конечном итоге способствует повышению эффективности таможенного контроля и обеспечению безопасности [1, с. 114].

Методы выявления потенциальных нарушителей при проведении личного таможенного досмотра с применением криминальной психологии следующие.

Профайлинг – систематический анализ поведенческих паттернов, позволяющий выявлять подозрительные действия на основе невербальных и вербальных маркеров. В таможенной практике используются методики, разработанные на основе исследований Пола Экмана о микровыражениях и стрессе при обмане. Ключевые критерии включают невербальные сигналы (например, избегание зрительного контакта, неестественная жестикуляция, повышенная потливость) и речевые маркеры (например, противоречия в объяснениях, избыточная детализация или уклончивость) [2, с. 58]. В качестве примера можно привести систему *SPOT* (*Screening of Passengers by Observation Techniques*), применяемую в аэропортах стран ЕАЭС и США, где сотрудники обучаются фиксировать более 30 поведенческих «красных флагов».

Техника проведения опроса, которая представляет эффективное интервьюирование, сочетающее открытые и провокационные вопросы для выявления скрытой информации. Открытые вопросы (например, «Расскажите о цели поездки») помогают оценить последовательность повествования, в то время как провокационные вопросы (например, «Почему ваш багаж тяжелее, чем заявлено?») выявляют стрессовые реакции. По данным ВТамО (Все-

мирная таможенная организация), такой подход повышает точность выявления контрабанды на 40 % за счет создания «когнитивной нагрузки» на нарушителя.

Работа с «красными флагами». Криминальная психология выделяет типичные признаки риска: подозрительные маршруты (например, частые перелеты через транзитные страны без логичных на то причин), нелогичные действия (например, отказ от досмотра, попытки отвлечь инспектора).

Одним из ключевых индикаторов скрытого поведения физических лиц при проведении таможенниками личного таможенного досмотра является несоответствие одежды сезону. Например, если в жаркую погоду человек носит объемную куртку или пальто, это может свидетельствовать о попытке скрыть контрабанду под одеждой. Также вызвать подозрение могут слишком сложные прически, тюрбаны или платки: в таких «конструкциях» можно попытаться пронести что-то запрещенное [3]. Подобные действия часто сопровождаются неестественными жестами, такими как постоянное прикосновение к скрываемому предмету или нервное потирание рук, что выдает внутреннее напряжение. Микровыражения лица – кратковременные изменения мимики – также служат важным сигналом. Например, внезапное проявление страха или гнева при вопросах таможенника может указывать на попытку скрыть правду.

Также лица, пытающиеся провезти запрещенные вещества, часто демонстрируют противоречия в рассказе, излишнюю детализацию или, наоборот, уклончивость и обобщенность. Агрессивные или резкие ответы на стандартные вопросы (например, «А вам какое дело?», «Какое отношение это имеет к досмотру?») могут маскировать тревогу и желание избежать дальнейшего диалога [4]. Такие люди нередко отказываются от дополнительного досмотра в изолированном помещении, что усиливает подозрения таможенников.

Физиологические реакции, такие как повышенная потливость, учащенное дыхание или тремор рук, как было сказано ранее, также являются объективными признаками стресса, связанного с обманом. Эти проявления сложно контролировать, особенно в условиях давления со стороны правоохранительных органов. Интересно, что некоторые люди, пытаясь выглядеть спокойными, намеренно подавляют естественные реакции, что, однако, приводит к неестественной скованности и еще большей подозрительности. Кроме того, стоит отметить, что при явном стрессе и нервозности досматриваемого глаза широко раскрыты и могут «бегать» по окружающим его предметам [5, с. 40].

Важным аспектом является и поведенческий контекст. Например, лица, перевозящие наркотики или оружие, могут демонстрировать гиперконтроль над своим багажом, постоянно проверяя его содержимое, или избегать зрительного контакта с сотрудниками таможни. В некоторых случаях наблюдается парадоксальная реакция – избыточная демонстрация «нормальности», например, нарочитая улыбка или неестественная расслабленность, что также может быть признаком скрытого напряжения.

Перспективы развития методов криминальной психологии при проведении личного таможенного досмотра связаны с развитием искусственного интеллекта и машинного обучения, открывающего новые возможности для автоматизации анализа поведенческих данных, что способно повысить объективность оценки и снизить влияние человеческого фактора. Однако ключевым аспектом остается подготовка специалистов, способных интегрировать психологические знания в практику досмотра, поскольку даже самые совершенные алгоритмы не заменят профессиональной интуиции и способности к интерпретации контекстуальных факторов.

Таким образом, дальнейшие исследования в области криминальной психологии должны быть направлены на разработку комплексных методик, сочетающих достиже-

ния поведенческой науки с технологическими инновациями, что позволит оптимизировать процессы таможенного контроля и повысить его превентивную эффективность.

Библиографический список

1. Ахмедшин, Р. Л. Криминальная психология: проблемы и перспективы / Р. Л. Ахмедшин // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 341. – С. 114–117. – URL: https://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=854&article_id=13373 (дата обращения: 20.04.2025).

2. Экман, П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь / П. Экман; пер. с англ. – СПб : Питер, 2024. – 384 с.

3. На каких пассажиров обращают внимание таможенники // Рамблер. – 12.07.2020. – URL: https://travel.rambler.ru/lifehack/44493374-na-kakih-passazhirov-obraschayut-vnimanie-tamozhenniki/ (дата обращения: 20.04.2025).

4. 10 параметров, по которым сотрудники таможни скрытно оценивают вас в аэропорту // AdMe. – URL: https://adme.media/articles/10-parametrov-po-kotorym-sotrudniki-tamozhni-skrytno-ocenivayut-vas-v-aeroportu-2399415/ (дата обращения: 20.04.2025).

5. Куулар, Ш. В. Физиология стресса : учеб.-метод. пособие / Ш. В. Куулар, У. В. Доржу, С. К. Сарыг. – Кызыл : ТувГУ, 2018. – 89 с.

ОЦЕНКА СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С. В. Соркин

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
SorkinSV@bsu.by

В статье на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь и Международного торгового центра проведена комплексная оценка сбалансированности внешнеторговых связей Республики Беларусь. На основе расчета таких показателей, как экспорт, импорт, товарооборот, сальдо, коэффициент сбалансированности внешнеторговых потоков, коэффициент покрытия импорта экспортом сформулированы выводы о состоянии сбалансированности на текущем этапе. Обоснован вывод о необходимости по итогам 2024 г. увеличения экспортных поставок на традиционные рынки сбыта, а также выход на новые перспективные рынки сбыта.

Ключевые слова: Республика Беларусь; внешняя торговля; сбалансированность; экспорт; импорт; внешнеторговый оборот; внешнеторговое сальдо.

ASSESSMENT OF THE BALANCE OF FOREIGN TRADE RELATIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

S. V. Sorkin

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, SorkinSV@bsu.by

In the article, based on the data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus and the World Bank, a comprehensive assessment of the balance of foreign trade of the Republic of Belarus is carried out. Based on the calculation of such indicators as exports, imports, trade

turnover, trade balance, the coefficient of balance of foreign trade flows, import export coverage ratio, conclusions about the state of balance at the current stage are formulated. The conclusion that 2024 results will lead to an increase in export deliveries to traditional markets and access to new promising sales markets is substantiated.

Keywords: Republic of Belarus; foreign trade; equilibrium; export; import; foreign trade turnover; foreign trade balance.

Для Республики Беларусь, как страны с малой открытой экономикой, развитие внешнеторговых связей и внешнеторговой деятельности играет ключевую и важнейшую роль в обеспечении экономической безопасности. Данные вопросы особенно актуальны в современных условиях политики санкционного давления со стороны стран ЕС и США. Введенные в отношении Беларуси санкции актуализировали необходимость географической диверсификации внешней торговли и поиска новых рынков сбыта белорусской продукции.

Целью данной статьи является оценка сбалансированности внешнеторговых связей Республики Беларусь на основе ряда показателей. Статистической базой проведенного исследования послужили данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [1], а также Международного торгового центра [2]. В качестве объекта исследования выбраны основные торговые партнеры Республики Беларусь по итогам 2024 г. (табл.1).

Для оценки сбалансированности внешнеторговых связей Беларуси с крупнейшими торговыми партнерами использовались макроэкономические показатели развития внешнеторговых связей (экспорт, импорт, товарооборот, сальдо, доля экспорта/импорта страны в общем объеме экспорта/импорта Беларуси) и частные показатели, характеризующие развитие внешнеторговых связей (коэффициент сбалансированности внешнеторговых потоков, коэффициент покрытия импорта экспортом).

Таблица 1

Крупнейшие торговые партнеры Республики Беларусь по итогам 2024 г.

Страна	Экспорт, тыс. дол. США	Импорт, тыс. дол. США	Внешнеторговый оборот, тыс. дол. США
Россия	25 200 000	32 400 000	57 600 000
Китай	1 811 204	6 589 430	8 400 634
Польша	510 568	2 358 256	2 868 824
Германия	169 234	1 629 931	1 799 165
Узбекистан	765 895	237 332	1 003 227
Казахстан	745 100	154 887	899 987
Турция	234 335	1 614 604	1 848 939
Весь мир	40 300 000	46 000 000	863 00 000

Источник: [1; 2].

Коэффициент сбалансированности внешнеторговых потоков рассчитывает по формуле:

$$К_{сб} = ВС / ВО$$

где $К_{сб}$ – коэффициент сбалансированности; ВС – внешнеторговое сальдо; ВО – внешнеторговый оборот.

Коэффициент сбалансированности внешнеторговых потоков может принимать значения в пределах от «+1» до «–1». При сбалансированности экспортно-импортных операций коэффициент приближается к нулю. Если объемы экспорта и импорта значительно отличаются один от другого, то значение коэффициента в зависимости от знака внешнеторгового сальдо приближается к «+1» или «–1». Значение коэффициента, равное «+1» или «–1», свидетельствует о полной односторонности внешней торговли, т. е. внешнеторговые связи государства представлены либо только экспортными, либо только импортными поставками. При значении коэффициента, равном «0», внешнюю торговлю можно считать полностью сбалансированной.

Коэффициент (индекс) покрытия импорта экспортом может быть рассчитан следующим образом:

$$К_{покр} = Э / И$$

где $К_{покр}$ – коэффициент покрытия импорта экспортом; Э – стоимостный объем экспорта; И – стоимостный объем импорта.

Коэффициент покрытия импорта экспортом демонстрирует, во сколько раз объем экспорта превышает объем импорта. При превышении экспорта над импортом и положительном сальдо значение коэффициента будет больше единицы, при превышении импорта над экспортом и отрицательном сальдо значение коэффициента будет меньше единицы.

Результаты расчета макроэкономических показателей развития внешнеторговых связей Беларуси с крупнейшими торговыми партнерами по итогу 2024 г. представлены в табл. 2.

Таблица 2

Макроэкономические показатели развития внешнеторговых связей Беларуси с крупнейшими торговыми партнерами по итогам 2024 г.

Страна	Экспорт, тыс. дол. США	Импорт, тыс. дол. США	Внешнеторговый оборот, тыс. дол. США	Внешнеторговое сальдо, тыс. дол. США	Доля страны в общем объеме экспорта Беларуси, %	Доля страны в общем объеме импорта Беларуси, %
Россия	57 600 000	25 200 000	82 800 000	–7 200 000	62,5	70,4
Китай	1 811 204	6 589 430	8 400 634	–4 778 226	4,5	14,3
Польша	510 568	2 358 256	2 868 824	–1 847 688	1,3	5,1
Германия	169 234	1 629 931	1 799 165	–1 460 697	0,4	3,5
Узбекистан	765 895	237 332	1 003 227	528 563	1,9	0,5
Казахстан	745 100	154 887	899 987	590213	1,8	0,3
Турция	234 335	1 614 604	1 848 939	–1380269	0,6	3,5

Источник: [1; 2].

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что с большинством крупнейших торговых партнеров (за исключением Узбекистана и Казахстана) наблюдается отрицательное внешнеторговое сальдо, что свидетельствует о превышении объемов импорта над объемами экспорта. Кроме того, наблюдается низкий уровень географической диверсификации внешней торговли Республики Беларусь, о чем говорит сильная зависимость от Российской Федерации (более 60 % экспортных и порядка 70 % импортных поставок приходится на Россию). Также велика роль Китае в структуре внешней торговли Беларуси (доля Китая в общем объеме белорусского экспорта и импорта составляет 5 % и 14 % соответственно), в то время доля других стран невысока.

Расчет частных показателей развития внешнеторговых связей включал в себя определение коэффициента сбалансированности внешнеторговых потоков и коэффициента покрытия импорта экспортом (табл. 3).

Таблица 3

Частные показатели развития внешнеторговых связей Беларуси с крупнейшими торговыми партнерами по итогам 2024 г.

Страна	Коэффициент сбалансированности внешнеторговых потоков	Коэффициент покрытия импорта экспортом
Россия	–0,13	0,78
Китай	–0,57	0,27
Польша	–0,64	0,22
Германия	–0,81	0,10
Узбекистан	0,53	3,23
Казахстан	0,66	4,81
Турция	–0,75	0,15

Источник: [1; 2].

Результаты расчетов вышеперечисленных частных показателей позволили обосновать ряд выводов.

Во-первых, с большинством из анализируемых внешнеторговых партнеров Беларусь имеет значения коэффициентов сбалансированности близкие к «1» и «–1», что свидетельствует о несбалансированности внешнеторговых связей. Так, с Китаем, Польшей, Германией и Турцией наблюдается преобладание импортных поставок, в то время как с Узбекистаном и Казахстаном внешнеторговый оборот формируется главным образом за счет экспортных операций. Наиболее сбалансированной является внешняя торговля с Россией (-0,13), наиболее несбалансированной с Германией (-0,81) и Турцией (-0,75).

Во-вторых, коэффициенты покрытия импорта экспортом в большинстве случаев меньше единицы, что свидетельствует о том, что экспортные поставки не в полной мере покрывают импортные поставки. Наиболее критичной ситуация является во внешней торговле с Германией и Турцией, в то время как с Узбекистаном и Казахстаном наблюдается обратная ситуация: объемы экспортных поставок в разы превышают объемы импортных поставок из данных стран.

В целом, проведенное исследование позволило обосновать вывод о несбалансированности внешнеторговых связей Республики Беларусь с крупнейшими торговыми партнерами по итогам 2024 г. С большинством анализируемых торговых партнеров наблюдается отрицательное внешнеторговое сальдо и, как следствие, отрицательные значения коэффициентов сбалансированности внешнеторговых потоков и коэффициентов покрытия импорта экспортом. Это актуализирует необходимость увеличения экспортных поставок на традиционные рынки сбыта, а также выход на новые перспективные рынки сбыта.

Библиографический список

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. – URL: http://belstat.gov.by (дата обращения: 24.05.2025).

2. International Trade Centre : [site]. – URL: https://www.trademap.org/ (date of access: 24.05.2025).

РАЗРАБОТКА МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОЦЕНКИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАНСПОРТНО- ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. А. Семашко[1)], П. И. Лапковская[2)]

[1)] Белорусский национальный технический университет,
пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь,
semashkoevgeny@yandex.ru
[2)] Институт бизнеса
Белорусского государственного университета,
ул. Обойная, 7, 220004, г. Минск, Беларусь,
lapkouskayapi@bsu.by

Статья посвящена развитию цифровой трансформации транспортно-логистических организаций, где установлено, что эффективность от цифровой трансформации возможна только при внедрении в деятельность организаций различных современных инструментов. Проведен анализ существующих методик для оценки цифровой трансформации транспортно-логистической деятельности, выявлены их преимущества и недостатки. В результате чего предложено методическое обеспечение собственной разработки, которое позволит организациям оценить свое «цифровое» положение.

Ключевые слова: цифровизация; методическое обеспечение; транспортно-логистическая деятельность; организация; эффективность.

DEVELOPMENT OF METHODOLOGICAL SUPPORT FOR THE ASSESSMENT AND DEVELOPMENT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF TRANSPORT AND LOGISTICS ACTIVITIES

E. A. Semashko[a], P. I. Lapkovskaya[b]

[a] Belarusian national technical university,
65 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220013, Belarus,
semashkoevgeny@yandex.ru
[b] School of Business of Belarusian State University,
7 Oboynaya Street, Minsk 220004, Belarus, lapkouskayapi@bsu.by

The article is devoted to the development of digital transformation of transport and logistics organizations, where it is established that the effectiveness of digital transformation is possible only with the introduction of various modern tools into the activities of organizations. An analysis of existing methods for assessing the digital transformation of transport and logistics activities is carried out, their advantages and disadvantages are identified. As a result, a methodological support of our own development is proposed, which will allow organizations to assess their «digital» position without much effort.

Keywords: digitalization; methodological support; transport and logistics activities; organization; efficiency.

На современном этапе экономического развития важную роль играет цифровизация. Процессы цифровой трансформации развиваются очень стремительно, о чем свидетельствует ее проникновение во все без исключения виды экономической деятельности. Если обратиться к транспортно-логистической сфере деятельности, то использование в ней последних изобретений и новейших цифровых достижений, способствует повышению эффективности взаимоотношений между участниками, а также гарантирует получение конкурентных преимуществ, что делает представленную тему актуальной. Цифровизация транспортно-логистических потоков позволяет оптимизировать транспортно-логистический процесс. Цифро-

вые технологии гарантируют повышение экономической эффективности бизнес-процессов в логистике, повышают безопасность и качество транспортно-логистического обслуживания, дают значительное конкурентное преимущество.

Прежде чем разработать собственную методику для оценки цифровой трансформации транспортно-логистической деятельности необходимо провести анализ представленных на данном этапе развития методических обеспечений.

Существует различные методики для оценки уровня цифрового развития организаций среди различных видов экономической деятельности. В данной статье проанализируем некоторых из них.

Методика оценки уровня цифрового развития организаций, отраслей и функциональных сфер, разработанная ОАО «Гипросвязь» (Республика Беларусь), использует совокупность данных различных бизнес-процессов и их влиянии на общий результат. Данный подход к оценке уровня цифровизации организации представлен в формуле:

$$Ц = \frac{\sum_{1}^{n} \alpha_i Ц_i}{\sum_{1}^{n} \alpha_i} \left| \begin{array}{l} К_i \geq К_{тр} \\ А_i \geq А_{тр} \\ И_i \geq И_{тр} \end{array} \right.$$

где Ц – показатель уровня цифровизации организации; $Ц_i$ – показатель уровня цифровизации *i*-го бизнес-процесса; α_i – вес *i*-го бизнес-процесса в деятельности организации; $К_i$, $А_i$, $И_i$ – уровни компьютеризации, автоматизации и информатизации; $К_{тр}$,$А_{тр}$,$И_{тр}$ – требуемые уровни компьютеризации, автоматизации и информатизации [1, с. 9].

Рассмотренная методика оценки уровня цифровизации организации на основе информации об уровнях информатизации, компьютеризации и автоматизации по-

зволяет получать обобщенные сведения о предприятии, выявлять изменения в области цифровизации и определять направления роста.

Кафедрой менеджмента Пермского государственного национального исследовательского университета (Российская Федерация) была разработана методика, которая позволяет оценить степень использования современных информационно-коммуникационных технологий для осуществления различных бизнес-процессов организации.

Сущность данной методики состоит в выделении «шести крупных бизнес-процессов (управление персоналом, оказание услуг (производство), маркетинг, логистика, финансы и бухгалтерия, общехозяйственная деятельность) и разделение их на подпроцессы. Сам процесс оценки состоит из трех этапов: рассылки, заполнения и обработки анкет. В результате чего можно получить точный уровень цифрового развития» [2, с. 2385]. Фрагмент анкеты представлен в табл. 1.

Таблица 1

Фрагмент анкеты, для оценки уровня цифровизации по методике Пермского государственного национального исследовательского университета

IV. Логистика			
4.1 Управление закупками	да	нет	-
4.2 Управление сбытом	нет	нет	нет
4.3 Управление перемещением товарно-материальных ценностей внутри компании	да		нет
4.4 Транспортировка товарно-материальных ценностей (в компании/из компании)	да	да	«БелТрансСпутник» и «Ресурсконтроль»
4.5 Складирование	нет	нет	-
Является ли хотябы одно ПО из указанных Вами в пугктах 4.1-4.5 интегрированным модулем единой системы управление компанией (например, *ERP*-системы)?	нет		
Обеспечивает ли хотябы одно ПО/облачный сервис из указанных Вами в пугктах 4.1-4.5 взаимодействие хотябы с одним внешним контрогентом?	нет		

Источник: [2].

Аналитическое агентство – Arthur D. Little разработало индекс цифровой трансформации (США), который «оценивает уровень цифровизации по следующим секторам: стратегия и руководство, продукты и сервисы, управление клиентами, операции и цепочки поставок, корпоративные сервисы и контроль, информационные технологии, рабочее место и культура. Это кумулятивный показатель, выводимый на основе сравнительных оценок экспертов» [3, p. 7]. Сложность данной методики заключается в сборе необходимых статистических данных и наличии определенных знаний для построения радара с последующей обработкой результатов.

Таким образом, проведя сравнительный анализ трех методик оценки уровня цифрового развития транспортно-логистических организаций можно сделать вывод, что отличительная особенность всех методик состоит в итоговой интегральной трактовке полученных результатов оценки, при этом сами показатели оценки достаточно схожи.

На основании анализа различных методик для оценки уровня цифровой трансформации транспортно-логистической организации сделан вывод, что все подходы основываются на похожих аспектах. Однако *в рамках проводимого исследования предложена методика*, которая учитывает мнение об уровне цифрового развития транспортно-логистической организации с различных сторон.

Сущность предлагаемой методики состоит в том, что необходимо разработать конкретный перечень показателей, характеризующих цифровую трансформацию транспортно-логистического бизнеса и присвоить каждому из представленных показателей (критериев) вес. Данный вес будет отражать значение того либо иного критерия для процесса цифровизации. Стоит отметить, что методика достаточно гибка и как показатели, так и их вес можно регулировать в зависимости от случая и потребности. Отличительная особенность состоит лишь в том, что сум-

ма весов всех критериев должна равняться 1 (или 100 %, если вес представлен в относительном выражении). Кроме того, разработанная методика применяется дважды, а именно на первом уровне веса выставляет подготовленная группа экспертов, а уже на втором – сотрудники организации. Из полученных двух значений выводят среднее. Это позволяет более комплексно оценить степень цифровизации, так как при оценке учитываются мнения разных сторон. Важно отметить, что количество таких оценок можно увеличить, что позволит еще более точно оценить уровень цифровой трансформации транспортно-логистической деятельности.

Результат оценки уровня цифровой трансформации транспортно-логистической организации можно представить графически.

В табл. 2 представлены показатели для оценки уровня цифрой трансформации транспортно-логистической деятельности.

Таблица 2

Показатели для методики оценки цифровой трансформации транспортно-логистической организации

Эксперты		
№	Показатель	Вес (доля)
1	Затраты на инновации в цифровизацию	0,07
2	Собственные цифровые разработки (патенты)	0,25
3	Использование электронного документооборота	0,1
4	Наличие цифровых систем (например, *ERP*)	0,15
5	Работа с искусственным интеллектом (ИИ)	0,08
6	Обновление данных в режиме *online*	0,09
7	Работа в электронной платформе	0,06
8	Соотношение работников с техникой (компьютер)	0,05
9	Известность организации благодаря использованию достижений цифровой трансформации	0,05
10	Работа с клиентами *online*	0,1

Окончание табл. 2

Сотрудники организации		
№	Показатель	Вес (доля)
1	Затраты на инновации в цифровизацию	0,07
2	Собственные цифровые разработки (патенты)	0,25
3	Использование электронного документооборота	0,1
4	Наличие цифровых систем (например, *ERP*)	0,15
5	Работа с искусственным интеллектом (ИИ)	0,08
6	Обновление данных в режиме *online*	0,09
7	Работа в электронной платформе	0,06
8	Соотношение работников с техникой (компьютер)	0,05
9	Известность организации благодаря использованию достижений цифровой трансформации	0,05
10	Работа с клиентами *online*	0,1

После суммирования весов тех показателей, которые можно отнести к исследуемой организации можно оценить степень цифрового развития транспортно-логистической организации.

Если сумма всех показателей составили до 30 %, то можно говорить о цифровизации нескольких бизнес-процессов.

Если сумма всех показателей составили до 85 %, то осуществляется цифровизация основных бизнес-процессов организации.

Если сумма всех показателей составили свыше 85 %, то осуществляется полная цифровизация всех бизнес-процессов организации.

Таким образом, данная методика достаточно проста для оценки любой организации и показывает точные конечные результаты. Разработанная методика может стать для транспортно-логистической организации своеобразным инструментом определения своего текущего положения в процессе достижения цифровизации бизнеса. Кроме того, это руководство по разработке перечня мероприятий, необходимых для достижения целевого этапа цифровой

трансформации, которая открывает большие возможности для повышения конкурентоспособности организации на рынке транспортно-логистических услуг.

Библиографический список

1. Оценка уровня цифрового развития организаций, отраслей и функциональных сфер // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – URL: https://www.mpt.gov.by/sites/default/files/spravochno_1_kratkoe_opisanie_metodiki_ocenki_urovnya_cifrovizacii.pdf (дата обращения: 24.05.2025).

2. Комплексная методика оценки уровня цифровизации организаций / И. Ю. Мерзлов, Е. В. Шилова, Е. А. Санникова, М. А. Сединин // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 9. – С. 2379–2396. – https://1economic.ru/lib/110856 (дата обращения: 24.05.2025).

3. Digital Transformation – How to Become Digital Leader. Study 2015 Results // Arthur D. Little. – URL: https://www.adlittle.co.uk/sites/default/files/viewpoints/ADL_HowtoBecomeDigitalLeader_02.pdf (date of access: 24.05.2025).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ БЕЛАРУСИ И СТРАН АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

И. А. Торкайло[1)], А. А. Ходакова[2)]

[1)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, irinatorkailo2005@gmail.com
[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, hodakova@bsu.by

В статье проведен сравнительный анализ организационной структуры таможенных служб Беларуси и пяти стран Азии: Сингапура, Индонезии, Южной Кореи, Китая и ОАЭ. Актуальность исследования связана с необходимостью повышения эффективности таможенного администрирования Беларуси в условиях интеграционных процессов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Рассмотрены ключевые отделы и функции таможенных органов исследуемых стран, выявлены особенности их организационного построения. Анализ показал передовые практики в области цифровизации, межведомственного взаимодействия и развития кадрового потенциала. Так, наиболее продвинутые решения были обнаружены в Сингапуре и Южной Корее, где широкое использование цифровых технологий позволяет существенно сократить сроки обработки документов и повысить прозрачность процедур. Вместе с тем, Китай продемонстрировал высокий уровень координации между различными государственными органами, что способствует ускоренному обмену информацией и снижению бюрократических барьеров. Часть полученных данных могут быть использованы для адаптации и внедрения в таможенную службу Республики Беларусь, что будет способствовать улучшению работы таможенных органов и усилению интеграционного взаимодействия в ЕАЭС.

Ключевые слова: таможенная система; отдел; кадровое развитие; Азия; интеграция; департамент; Республика Беларусь; эффективность.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CUSTOMS AUTHORITIES OF BELARUS AND ASIAN COUNTRIES IN THE CONTEXT OF THE INTEGRATION PROCESSES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

I. A. Tarkaila[a], A. A. Khodakova[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
irinatorkailo2005@gmail.com
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, hodakova@bsu.by

The article presents a comparative analysis of the organizational structure of the customs services of Belarus and five Asian countries: Singapore, Indonesia, South Korea, China and UAE. The relevance of the research is connected with the necessity to increase the efficiency of customs administration of Belarus in the conditions of integration processes of the Eurasian Economic Union. The key departments and functions of the customs authorities of the studied countries have been reviewed, and the peculiarities of their organizational structure have been revealed. The analysis revealed best practices in digitalization, interdepartmental interaction and human resources development. Some of the data obtained can be used for adapting and implementing into the customs service of the Republic of Belarus , which will contribute to improving the work of customs authorities and strengthening integration interaction in the Eurasian Economic Union.

Keywords: customs system; department; human resource development; Asia; integration; department; Republic of Belarus; effectiveness.

В условиях активного развития интеграционных процессов на пространстве Евразийского экономического союза особое значение приобретает эффективность работы таможенных органов, обеспечивающих контроль и регулирование внешнеэкономической деятельности. Организационная структура таможенных служб выступает клю-

чевым фактором, влияющим на оперативность и качество исполнения таможенных процедур. При написании статьи использовались официальные сайты таможен Сингапура [1], Индонезии [2], Южной Кореи [3], ОАЭ [4], Китая [5], анализ которых показал разнообразие подходов к формированию отделов и функциональных подразделений, направленных на решение специфических задач в условиях глобализации.

Целью настоящей статьи является проведение сравнительного анализа организационных структур таможенных служб Республики Беларусь и выбранных азиатских стран с целью выявления эффективных решений, которые могут быть внедрены в белорусскую таможенную службу с целью повышения ее эффективности и интеграционной совместимости в рамках ЕАЭС. Особое внимание уделяется структуре по отделам и функциональным задачам, что позволяет оценить готовность данных служб к вызовам интеграционного взаимодействия и адаптации в условиях меняющегося нормативного поля. Данное исследование актуально как с научной, так и с практической точки зрения, поскольку способствует развитию таможенного администрирования и укреплению международного сотрудничества.

Так, комплексный анализ особенностей организации таможенных систем стран Азии выявил уникальные черты каждой из них. Введение отдельных элементов из опыта указанных государств в таможенную систему Республики Беларусь представляется перспективным направлением в целях повышения эффективности работы таможенных органов.

В результате проведенного анализа было выявлено, что в структуре таможенных органов Сингапура выделяется Таможенный консультативный совет. В его компетенцию входит консультирование по вопросам стратегических направлений развития таможенной службы. Исходя из вышеизложенного, интеграция такого структурного подразделения в таможенную систему Республики Бела-

русь способствовала бы своевременному становлению четкой концепции функционирования и развития сферы, что оптимизировало бы процессы работы таможен. Также в соответствии с компетенцией отдела система получала бы информацию, отзывы и рекомендации по отраслевым тенденциям, государственной политике и другим вопросам, которые могут повлиять на таможенное дело страны. Интерес представляет и «Подразделение планирования, коммуникаций и международного сотрудничества», составляющее планы деятельности государственного органа, а, как известно, когда есть соответствующий целевой план действий, то и работа органа проходит более слаженно и конструктивно [1].

В частности, Торговое подразделение при таможне Сингапура занимается упрощением процедур внешней торговли, содействием бизнесу в вопросах экспорта и импорта, а также развитием международных торговых отношений. В Беларуси создание подобного подразделения имело бы значение для оптимизации внешнеторговых процессов, улучшения взаимодействия с бизнесом и ускорения прохождения товаров через границу. Это могло бы способствовать росту международной торговли и повышению конкурентоспособности белорусских кампаний на мировом рынке.

Анализ таможенных органов Индонезии показал, что нам представляется необходимым перенять их опыт в создании Отдела развития персонала. Такой отдел направлен исключительно на человеческие ресурсы: развитие кадров улучшает моральное состояние работников и снижает риск «утечки мозгов», развития неэффективной борьбы с контрабандой, коррупцией на границе. Так, в Республике Индонезии мы видим и наличие уникального подразделения – группы функциональных позиций, которая направлена на повышение эффективности работы сотрудников через четкое распределение обязанностей и создание системы карьерного роста. Группа помогает упорядочить работу сотрудников, обеспечивая прозрачность и справедливость

в распределении рабочих нагрузок и продвижениях по службе. Поэтому в Беларуси также необходимо наличие вышеназванного подразделения, ведь управление человеческими ресурсами, а главное – осознание их ценности, является ключевым фактором для эффективного функционирования и развития организации [2].

Заслуживает внимания Департамент управления государственным имуществом, занимающийся управлением государственными активами, которые находятся в ведении таможенной службы Индонезии. Его функции включают учет, хранение, распределение и утилизацию имущества, используемого таможней, а также контроль за его использованием. Так как в нашей стране такой отдел отсутствует. Создание аналогичного департамента в Республике Беларусь могло бы способствовать наиболее эффективному использованию государственных ресурсов и повышению прозрачности в управлении имуществом. Интерес представляют и отдел по апелляциям, возражениям и предложениям. В Беларуси функции такого отдела частично реализуются, однако нет отдельной дирекции. В свою очередь в Индонезии, как мы видим, для этого существует определенная группа (также и в Южной Корее функционирует «отдел оперативной поддержки»), что подчеркивает стремление таможни к открытости и готовности учитывать интересы бизнеса и отдельных физических лиц, обеспечивая законность и справедливость таможенного администрирования.

Интерес представляют и центры поддержки таможни при ведомствах Южной Кореи. Они необходимы в целях повышения эффективности внешнеэкономической деятельности, что позволит Республике Беларусь снизить административные барьеры, упростить процедуры и сделать процесс ведения бизнеса более предсказуемым и понятным. Это будет способствовать увеличению объемов внешней торговли и улучшению инвестиционного климата в стране [3].

В то же время, Центральное таможенное аналитическое управление Кореи оказывает поддержку таможенным органам в сборе таможенных данных и применении соответствующих законов и нормативных актов путем детального анализа импортируемых и экспортируемых товаров, установления таможенного порядка и так далее. Для таможенной службы Беларуси внедрение данной дирекции станет полезным опытом и возможно началом нового этапа функционирования таможенной системы.

В дополнение, отдел политики и законодательства ОАЭ занимается таможенными делами и расследованиями, непосредственно правовыми вопросами, таможенным аудитом, решением вопросов касательно прав на интеллектуальную собственность. Создание подобного отдела в структуре таможенной службы Республики Беларусь могло бы способствовать совершенствованию правовой базы, повышению уровня профессионализма сотрудников и обеспечению защиты экономических интересов государства [4].

Представляет интерес и отдел развития таможенного дела. В компетенцию отдела входят вопросы цифровизации и улучшения функционирования информационных технологий. Похож по возлагаемым функциям Департамент науки и технологий в Китае, который отвечает за внедрение современных технологий и инноваций в работу таможенной службы Китая. Он способствует повышению оперативности и эффективности таможенных процедур, что, в свою очередь, улучшает общий климат для бизнеса и торговли. Департаменты привлекли наше внимание, так как они могут быть важными для Республики Беларусь, в частности, это позволило бы сделать сферу более эффективной, удобной и конкурентоспособной на международном уровне.

Известно, что в структуру организации таможенного дела КНР входит Департамент товарной инспекции ГТУ Китая, отвечающий за контроль качества и безопасности

ввозимых и вывозимых товаров. Департамент важен с целью защиты потребителей и обеспечения честной конкуренции, а также для соблюдения национальных стандартов качества. Перенятие опыта Китая в этой области могло бы значительно улучшить эффективность работы белорусской таможенной службы и создать условия для более активного участия страны в международной торговле.

Центр логистической поддержки и обслуживания при ГТУ Китая занимается организацией и координацией логистических процессов внутри таможенной системы. Данное учреждение обеспечивает эффективное взаимодействие между различными подразделениями ГТУ, оптимизируя процессы транспортировки и хранения товаров. Для Республики Беларусь оно могло бы стать полезным, особенно учитывая необходимость улучшения логистики на границе. Китайская таможенная пресса занимается изданием специализированной литературы и информационных материалов, связанных с деятельностью таможенных органов. Она способствует распространению знаний о таможенных процедурах и законодательстве среди широкого круга заинтересованных лиц. Создание подобной структуры в Беларуси могло бы способствовать повышению осведомленности бизнеса и населения о правилах международной торговли и таможенного регулирования [5]. Похожая структура есть в Южной Корее и осуществляет свою деятельность под эгидой пресс-секретаря. Освещение основной информации в СМИ, по мнению правительства, пропагандирует политику страны, а также служит каналом коммуникации с общественностью.

Вышеназванные и иные учреждения демонстрируют комплексный подход к управлению таможенными процессами, сочетающий технологические инновации, профессиональное развитие персонала и информационную открытость. Следовательно, интеграция указанных компонентов позволит оптимизировать управление таможенными процессами, повысить уровень взаимодействия с

международными партнерами и обеспечить эффективную реализацию стратегических целей таможенной службы Республики Беларусь, так как для дальнейшего развития таможенной сферы на данном этапе важно изучить новые возможности для ее совершенствования. В рамках института развития кадров Беларуси предлагается дополнить перечень задач следующими направлениями: внедрение систем оценки эффективности персонала и мотивации, организация регулярных тренингов и семинаров по актуальным вопросам таможенного дела, содействие развитию лидерских и управленческих компетенций среди кадрового состава для обеспечения устойчивого развития таможенных органов.

Исходя из вышенаписанного, можно заключить, что внедрение новых стандартов и процедур в таможенную систему Республики Беларусь ускорит прохождение грузов через границу, снижая временные и финансовые затраты участников внешнеэкономической деятельности. Вместе с тем, выявленные преимущества позволяют сформулировать рекомендации по оптимизации структурных подразделений, что будет способствовать повышению эффективности таможенного контроля и облегчению интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.

Библиографический список

1. Singapure customs : [site]. – URL: http://www.customs.gov.sg/ (date of access: 22.05.2025).

2. Direktorat Jeneral Bea dan Cukai : [site]. – URL: http://www.beacukai.go.id/ (date of access: 22.05.2025).

3. Korean Custom Service : [site]. – URL: https://www.customs.go.kr/english/main.do (date of access: 24.05.2025).

4. Overview // Federal Authority for Identity, Citizenship, Customs & Port Security. – URL: https://icp.gov.ae/en/overview-en/ (date of access: 25.05.2025).

5. Organizational Structure // General Administration of Customs of the People's Republic of China. – URL: http://english.customs.gov.cn/about/organizationalstructure (date of access: 25.05.2025).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ

А. А. Ходакова[1)], Д. В. Мазуренко[2)]

[1)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь,
hodakovaA@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь,
mazurenko.fir@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы обеспечения экологической безопасности в таможенной сфере как одного из ключевых направлений государственного регулирования. Подчеркивается актуальность темы в условиях роста международной торговли и усиления глобальных экологических угроз. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе реализации правовых, организационных и технических мер, направленных на предотвращение трансграничного перемещения экологически опасной продукции, отходов и иных объектов. Анализируются положения Таможенного кодекса ЕАЭС, Национального законодательства Республики Беларусь, а также международных соглашений, таких как Базельская и Стокгольмская конвенции, Монреальский протокол и Конвенция СИТЕС. Отдельное внимание уделяется деятельности таможенных органов по выявлению экологически опасных товаров и их взаимодействию с профильными ведомствами. Сделан вывод о необходимости совершенствования нормативной базы, повышения квалификации сотрудников и внедрения цифровых технологий. Обосновано, что экологическая составляющая таможенного контроля является важным элементом устойчивого развития и частью современной системы экологического управления.

Ключевые слова: экологическая безопасность; таможенное регулирование; внешнеэкономическая деятельность; опасные отходы; охрана окружающей среды; устойчивое развитие; международные соглашения; Базельская конвенция; Монреальский протокол; Таможенный кодекс ЕАЭС.

ENSURING ENVIRONMENTAL SECURITY IN THE CUSTOMS SPHERE

A. A. Khodakova[a] , D. V. Mazurenko[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, hodakova@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
mazurenko.fir@gmail.com

The article delves upon the issues of ensuring environmental safety within the customs sector as one of the key areas of state regulation. The relevance of the topic is emphasized in the context of growing international trade and increasing global environmental threats. The object of the study is the public relations that arise in the process of implementing legal, organizational and technical measures aimed at preventing the transboundary movement of environmentally hazardous products, waste and other objects. The article analyzes the provisions of the Customs Code of the Eurasian Economic Union, the national legislation of the Republic of Belarus, as well as international agreements such as the Basel and Stockholm Conventions, the Montreal Protocol, and the CITES Convention. Special attention is given to the activities of customs authorities in identifying environmentally hazardous goods and their interaction with relevant agencies. The article concludes on the necessity of improving the regulatory framework, enhancing the qualifications of customs personnel, and implementing digital technologies. It is substantiated that the environmental dimension of customs control constitutes an essential component of sustainable development and a part of the modern system of environmental governance.

Keywords: environmental safety; customs regulation; foreign economic activity; hazardous waste; environmental protection; sustainable development; international agreements; Basel Convention; Montreal Protocol; EAEU Customs Code.

Понятие обеспечения экологической безопасности в таможенной сфере представляет собой совокупность правовых, организационных и технических мер, направлен-

ных на предотвращение экологических угроз, связанных с перемещением товаров, транспортных средств, отходов и других объектов через таможенную границу. На фоне роста международной торговли и обострения глобальных экологических угроз усиливается значение контроля за соблюдением экологических норм при ведении внешнеэкономической деятельности. В связи с этим таможенные органы выступают не только инструментом экономического регулирования, но и важным элементом экологической политики государства.

Современные правовые системы требуют интегрирования экологизации в таможенное законодательство, чтобы своевременно реагировать на возникающие угрозы и ограничивать доступ на территорию государств продукции, способной нанести вред окружающей среде. С этой целью в Таможенный кодекс ЕАЭС были включены положения, напрямую связанные с защитой окружающей среды. В соответствии со статьей 351 Таможенного кодекса ЕАЭС, таможенные органы в пределах своей компетенции обеспечивают защиту национальной безопасности государств-членов, жизни и здоровья человека, животного и растительного мира, а также окружающей среды [1]. Подобная формулировка указывает на нормативное закрепление обязанности таможенных органов участвовать в обеспечении экологической безопасности. Однако практическая реализация данной инициативы сталкивается с рядом сложностей, требующих комплексного подхода.

Следует отметить, что связь таможенного и экологического законодательства особенно отчетливо проявляется при регулировании оборота объектов флоры и фауны, включенных в Красную книгу или находящихся под международной охраной. Так, например, в статье 89 Закона «Об охране окружающей среды» регламентируются нормы перемещения редких видов животных и растений, их частей и производных, который осуществляется в строгом соответствии с международными договорами, правом

Евразийского экономического союза и национальными актами о внешнеэкономической деятельности [2]. Аналогичный порядок закреплен в статье 69 упомянутого закона для источников ионизирующего излучения и радиоактивных отходов, обращение которых регулируется как национальным экологическим и радиационным законодательством, так и положениями Таможенного кодекса Евразийского экономического союза.

Важнейшую роль в формировании правовых основ экологического контроля в таможенной сфере играют международно-правовые акты, устанавливающие глобальные стандарты и обязательства в области охраны окружающей среды. Одним из таких документов является Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением, которая обязывает участников к предварительному уведомлению и согласию при перемещении отходов между странами [3]. Следующим важным документом выступает Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры [4], находящимися под угрозой уничтожения, направленная на охрану дикой фауны и флоры, требует наличия специальных разрешений на ввоз и вывоз охраняемых видов и их производных, а таможенные органы выступают гарантом соблюдения этих требований. Роттердамская [5] и Стокгольмская [6] конвенции регулируют трансграничное перемещение опасных химических веществ и стойких органических загрязнителей, предусматривая обязательства государств по надзору и регулированию международной торговли этими товарами. Монреальский протокол [7] также указывает на принятия мер в отношении оборота озоноразрушающих веществ, что относится к компетенции таможенных органов.

Как упоминалось ранее, Государства стремятся защитить окружающую среду в условиях роста международной торговли. Данный факт находит отражение в таможенной сфере. Законодательство предусматривает меры направ-

ленные на недопущение перемещения через границу продукции, способной нанести вред природе, здоровью людей, а также животным и растениям. Одним из приоритетных направлений работы таможенных органов является контроль за перемещением через границу опасных грузов и отходов. Сотрудники таможенных органов проверяют наличие всех необходимых документов и разрешений, а при возникновении спорных ситуаций могут направить груз на экспертизу. Особое внимание уделяется товарам подлежащей обязательной сертификации. Ввоз и вывоз продукции, потенциально опасной для окружающей среды, разрешается только при наличии разрешительной документации. Кроме того, в компетенцию таможенных органов входит предотвращение незаконного перемещения запрещенных веществ – таких как озоноразрушающие соединения, ртутьсодержащие материалы и радиоактивные элементы. Особую роль играют ветеринарно-санитарные, фитосанитарные и санитарно-эпидемиологические меры, проводимые в пунктах пропуска на границе [8]. В этих направлениях таможенные органы выступают в координации с профильными ведомствами. В рамках межведомственного взаимодействия осуществляется обмен данными, согласование процедур и организация совместных мероприятий, что позволяет повысить эффективность контроля.

Предвидится важным отметить, что немаловажную угрозу представляют нарушения, совершаемые участниками внешнеэкономической деятельности. Речь идет как о попытках незаконного перемещения запрещенных товаров, так и о предоставлении недостоверных сведений о характеристиках продукции. Одной из актуальных проблем остается затрудненная идентификация экологически опасной продукции, в особенности в тех случаях, когда она включает сложные химические формулы или не содержит полное описание выраженных признаков экологической угрозы.

В этой связи особое значение приобретает развитие механизмов обеспечения экологической безопасности в таможенной сфере. Среди приоритетных задач – актуализация и унификация нормативно-правовой базы. Существенное значение имеет также повышение профессионального уровня сотрудников таможенных органов, особенно в области экологической экспертизы, международного экологического права и обращения с опасными веществами. Дополнительно, внедрение цифровых технологий и развитие межведомственного информационного обмена способны значительно повысить эффективность, оперативность и прозрачность контрольных процедур. Перспективной инициативой выступает внедрение обязательной экологической маркировки в виде цифрового идентификатора – например, *QR*-кода или уникального трекера, содержащего всю необходимую информацию об экологических характеристиках товара. Такой цифровой элемент может стать обязательным для продукции, относящейся к категории экологического риска – химических веществ, средств, содержащих токсичные материалы, продукции с тяжелыми металлами, озоноразрушающими компонентами или неразлагаемой упаковкой.

Сканирование *QR*-кода или регистрация трекера на любом этапе логистической цепочки, от погрузки до таможенного оформления, позволит оперативно получить информацию о составе товара, разрешительных документах, стране происхождения, производителе и способе утилизации. Информация будет автоматически синхронизироваться с государственной и международной базами данных, что обеспечит прозрачность движения грузов.

Закрепление данного механизма на обязательной законодательной основе затруднит действия недобросовестных участников внешнеэкономической деятельности. Стремящихся скрыть экологически опасные свойства товаров путем фальсификации документов, недостоверного декларирования. Кроме того, цифровая маркировка соз-

даст условия для автоматизированного контроля и раннего выявления нарушений.

Также следует подчеркнуть необходимость создания специализированного подразделения в структуре таможенных органов, ориентированного на осуществление природоохранного контроля в целях обеспечения национальной экологической безопасности.

Таким образом, развитие экологизации в таможенной сфере представляет собой приоритетное направление государственной политики, обеспечивающее защиту окружающей среды от трансграничных угроз. Современная система таможенного регулирования все теснее связана с задачами охраны природы, а таможенные органы, действуя на пересечении экономических и экологических интересов, выполняют важную барьерную функцию. Для эффективной реализации необходимы четкие правовые механизмы, профессиональная подготовка кадров, создание профильной структуры, применение современных средств контроля, внедрение цифровых решений, нормативное закрепление маркировки, что позволит повысить прозрачность внешнеэкономической деятельности и обеспечить эффективную защиту окружающей среды.

Библиографический список

1. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза : [принят в г. Москве 11 апр. 2017 г.] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01700314 (дата обращения: 03.06.2025).

2. Об охране окружающей среды: Закон Респ. Беларусь от 26 нояб. 1992 г. № 1982-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=V19201982 (дата обращения: 03.06.2025).

3. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Базель, 22 марта 1989 г.) // Федеральная служба по надзору в сфере природопользования. –

URL: https://rpn.gov.ru/upload/iblock/23c/as9obdqp053eoxo5mul0cgd9x3ik9t2x/Bazel_konvenzia.pdf (дата обращения: 03.06.2025).

4. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения : [подписана в г. Вашингтоне 3 марта 1973 г.] // Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora. – URL: https://cites.org/sites/default/files/common/docs/RU-Text_Convention.pdf (дата обращения: 03.06.2025).

5. Роттердамская конвенция // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. – URL: https://www.fao.org/plant-production-protection/in-action/governance-and-normative-work/rotterdam-convention/ru (дата обращения: 03.06.2025).

6. Стокгольмская Конвенция о стойких органических загрязнителях : [принята в г. Стокгольме 22 мая 2002 г.] // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/pollutants.pdf (дата обращения: 03.06.2025).

7. Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой : [принят 16 сент. 1987 г.] // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 03.06.2025).

8. Ветеринарно-санитарные, фитосанитарные и санитарно-эпидемиологические меры, меры технического регулирования // Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.gtk.gov.by/participants-ved/zaprety-i-ogranicheniaya/veterinarno-sanitarnye-fitosanitarnye-i-sanitarno-epidemiologicheskie-mery-mery-tekhnicheskogo-regul/ (дата обращения: 03.06.2025).

COOPERATION WITH GOVERNMENTAL AND OTHER ORGANIZATIONS AND INSTITUTIONS AS A WAY TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF CUSTOMS AUTHORITIES

T. A. Chepik[a], A. A. Chepik[b]

[a] Minsk Regional Legal Consultation N 4,
11/2 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
chepikt@yandex.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
ChepikAA@bsu.by

The article is devoted to the analysis of cooperation with state, law enforcement, and regulatory bodies, as well as other organizations and institutions, in order to improve the quality and optimize the activities of customs authorities in carrying out their tasks. The article highlights several aspects of such cooperation that can significantly enhance the effectiveness of customs control and reduce risks to the economy. It emphasizes the importance of information exchange between cooperating entities, identifies key areas for using the information obtained, and highlights the significance of actively and correctly using information in making specific decisions during practical activities. The article concludes that it is important for customs authorities to cooperate with relevant services at both the national and international levels, and that this cooperation has a positive impact on the optimization of activities and the enhancement of economic security.

Keywords: cooperation; interaction; customs authorities; government agencies; law enforcement agencies; regulatory agencies; business entities.

СОТРУДНИЧЕСТВО С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И ИНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ И УЧРЕЖДЕНИЯМИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ

Т. А. Чепик[1)], А. А. Чепик[2)]

[1)] Минская областная юридическая консультация № 4, пр. Независимости, 11/2, 220030, г. Минск, Беларусь, chepikt@yandex.by
[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ChepikAA@bsu.by

Статья посвящена анализу сотрудничества с государственными, правоохранительными, контролирующими органами и иными организациями и учреждениями в целях повышения качества и оптимизации деятельности таможенных органов при осуществлении поставленных перед ними задач. Выделен ряд аспектов такого сотрудничества, которые позволяют значительно повысить эффективность таможенного контроля и снизить риски для экономики. Отмечается важность обмена информацией между взаимодействующими субъектами, определяются ключевые направления использования получаемой информации, а также значение активного и правильного использования информации при принятии конкретных решений при осуществлении практической деятельности. Сделаны выводы о важности взаимодействия таможенных органов с соответствующими службами как на национальном, так и на международном уровне, и о его влиянии на оптимизацию осуществляемой деятельности и обеспечение высокого уровня экономической безопасности.

Ключевые слова: сотрудничество; взаимодействие; таможенные органы; государственные органы; правоохранительные органы; контролирующие органы; субъекты хозяйствования.

Cooperation with other state, law enforcement, regulatory bodies and other organizations is key to improving the

effectiveness of customs authorities [1]. In the context of globalization and expanding foreign economic relations, customs authorities face numerous challenges requiring a comprehensive approach and interaction with various foreign economic actors. Highly effective cooperation optimizes processes and enhances the security, transparency, and trustworthiness of customs procedures. Modern technologies can help customs authorities implement environmental initiatives, such as controlling the movement of goods related to environmental protection. Such technologies can also include monitoring waste disposal compliance or controlling the movement of hazardous materials.

One of the key and highly effective aspects of such cooperation is interaction with other governmental, law enforcement, regulatory bodies, and other organizations and institutions that play a special role in controlling foreign economic activity [2]. Information exchange between these interacting entities allows for a unified and comprehensive view of the actual and substantive movement of goods across the customs border, as well as prompt response and, moreover, prevention of any offenses. For example, joint operations to detect smuggling or the movement of counterfeit goods across the customs border significantly increase control effectiveness and reduce risks to our state's economy. Customs authorities must interact not only at the national but also at the international level. The use of information technology allows for the integration of national systems with international platforms implemented within, for example, the World Customs Organization, as well as international law enforcement agencies. It facilitates the exchange of information, optimizes coordination, and enhances security. Effective cooperation examples include interactions between our republic's customs authorities and those of neighboring states. Sharing information on suspicious cargo, individuals, or transit flows improves overall control and prevents illegal import/export. For instance, if Belarusian customs receives data on non-compliance in a neighboring

country, they can intensify checks on specific shipments or entities within their territory. Furthermore, collaboration with national government bodies (e.g., state security, canine services, tax, sanitary, veterinary, and phytosanitary inspectorates) enables a comprehensive approach to problem-solving. For example, in cases of suspicious cargo movement, customs officers can coordinate with law enforcement agencies for joint inspections or to initiate relevant criminal cases. Such integration promotes more effective combating of smuggling and other customs offenses.

Engaging with the economic sector (e.g., registered carriers, logistics companies, importers and exporters, and other foreign economic activity entities) is also highly significant. For instance, organizations can participate in «trusted trader» programs, where legal and responsible business structures receive certain advantages in customs clearance. This speeds up cargo transit and reduces the risk of unnecessary delays. Another example is IT collaboration. Customs authorities can interact with IT companies to develop automated document verification platforms or remote cargo flow monitoring systems. Such partnerships enable effective implementation of innovative solutions and improve service quality. The importance of collaborating with research institutions for risk analysis and forecasting cannot be overstated. For example, joint research on emerging border situations and the development of new control methods contribute to the adoption of modern technologies and the optimization of response mechanisms. In certain situations, customs authorities cooperate with civil society organizations and media to enhance operational transparency. Through open discussion formats and various educational programs, citizens gain a better understanding of customs control processes.

Collaboration with government, law enforcement, regulatory bodies, and other organizations and institutions represents a comprehensive approach involving information exchange, activity coordination, new technology development

and implementation, and enhanced trust and transparency. Ultimately, such cooperation significantly boosts customs authorities' operational efficiency, ensures quality control, and promotes legitimate trade. Implementing customer relationship management systems helps customs authorities more effectively manage interactions with businesses and citizens, thereby improving service quality. Automating routine processes reduces administrative burdens on customs staff, allowing them to focus on more complex tasks requiring human intervention. Furthermore, collaboration with entities like logistics companies, freight carriers, and business associations also plays a crucial role, as these businesses possess valuable data and experience beneficial for customs authorities in optimizing procedures and enhancing customer service. Business participation in developing new rules and standards allows for consideration of their needs and expectations, fostering a more convenient and transparent customs regulation system. Interaction with various businesses can also include joint seminars, training sessions, and working groups aimed at exchanging experience and best practices.

To successfully perform tasks at the customs border, comply with existing international norms, and meet the needs of the global trading community, customs services require a high level of qualification in classifying and valuing goods, correctly determining the country of origin, and efficiently applying relevant procedures. Deviating from existing standards leads to violations of international obligations, ultimately resulting in additional costs and operational delays for all participants in international trade. In the context of growing global trade, which plays a key role in the economy, the importance of customs authorities is increasing. It is crucial that they ensure uniform, qualified, fair, and transparent management of complex trade legal relations. For this, customs must have highly qualified specialists with international experience, experts in logistics, trade, transport, and law, who receive adequate remuneration. International cooperation and interaction are

equally important. Customs authorities of different states must work together to solve common problems, such as combating smuggling, tax evasion, illicit trafficking of narcotic and psychotropic substances across the customs border of the Eurasian Economic Union or the state border of the Republic of Belarus, and other types of offenses. Participation in international organizations, such as the World Customs Organization, allows for the exchange of experience and the implementation of best practices at the national level. Joint projects and initiatives aimed at simplifying trade procedures between different states can significantly accelerate operations and procedures and reduce costs for businesses.

The use of information technologies (IT) helps reduce customs clearance times, minimize errors, and lessen the impact of human factors. Electronic information exchange systems ensure prompt interaction between foreign economic activity participants and customs services, significantly simplifying the processing and control procedures. Furthermore, the implementation of modern technologies like big data, artificial intelligence, and blockchain opens new avenues for information analysis, enhanced security, and violation prevention. For instance, analyzing large datasets helps identify suspicious operations and reduce illicit goods movement. Overall, the development and integration of IT in customs not only accelerate procedures but also strengthen national security and foster international trade. Customs authorities are increasingly adopting modern IT, making their work more transparent, efficient, and high-quality. Additionally, leveraging modern technologies within collaborative frameworks can significantly boost customs efficiency. Establishing unified information systems for real-time data exchange facilitates faster and more accurate analysis of trade flow information, enabling customs to promptly identify risks and make informed decisions on goods control. Developing automated data analysis mechanisms, utilizing AI to detect anomalies and predict potential violations, is also crucial. A key aspect of successful cooperation is building

trust among all stakeholders. Customs authorities must be open to dialogue with businesses and other government structures to eliminate barriers and find optimal solutions for all parties. Regular meetings, round tables, conferences, and other scientific events can help strengthen these relationships and improve mutual understanding.

Thus, cooperation with government, law enforcement, regulatory bodies, and other organizations and institutions is a crucial area for enhancing the effectiveness of customs authorities. This interaction optimizes processes, improves service quality for foreign economic activity participants, and increases security levels. In a rapidly changing world, such cooperation is not just desirable but a necessary condition for the successful operation of customs authorities and the sustainable economic development of the state.

References

1. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза : [принят в г. Москве 11 апр. 2017 г.] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01700314 (дата обращения: 03.06.2025).

2. Чепик, А. А. Основные направления совершенствования взаимодействия таможенных органов с государственными инспекциями при осуществлении профилактической деятельности / А. А. Чепик // Беларусь в современном мире : материалы XX Междунар. науч. конф., Минск, 29 окт. 2021 г. – Минск : БГУ, 2021. – С. 529–535. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/286787 (дата обращения: 25.04.2025).

Секция 7

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: БЕЗОПАСНОСТЬ, ТЕНДЕНЦИИ, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

И. В. Зеленева

Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д.7/9, 199034, Санкт-Петербург, Россия, i.zeleneva@spbu.ru

Статья посвящена определению перспективных направлений сотрудничества Беларуси и российского Дальнего Востока. Участие Беларуси в развитии Дальнего Востока играет не только важную роль в формировании ее региональных и межрегиональных связей, но и способствуют улучшению социально-экономического развития отдельных регионов. Дальний Восток играет важную роль в соединении международных транспортных коридоров, таких как МТК «Север – Юг» и Северный морской путь. Политика поворота России на Восток имеет серьезное влияние на белорусскую экономическую стратегию. Перспективными направлениями экономического сотрудничества Беларуси и региона Дальнего Востока являются инвестиционные проекты по модернизации региональных портов Северного морского пути, участие в развитии международной территории опережающего развития в Приморье, туристическом кластере. Дальний Восток может стать выходом Беларуси на международные рынки Азиатско-Тихоокеанского региона и, прежде всего, Китая.

Ключевые слова: Россия; Беларусь; Китай; Дальний Восток; международные транспортные коридоры; региональное сотрудничество.

PROSPECTS FOR COOPERATION BETWEEN BELARUS AND THE RUSSIAN FAR EAST

I. V. Zeleneva

St Petersburg State University,
7-9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia,
i.zeleneva@spbu.ru

The article is devoted to identifying promising areas of cooperation between Belarus and the Russian Far East. Belarus' participation in the development of the Far East plays not only an important role in the formation of its regional and interregional ties, but also contributes to the improvement of the socio-economic development of individual regions. The Far East plays an important role in connecting international transport corridors, such as the North-South ITC and the Northern Sea Route. Russia's policy of turning to the East has a serious impact on the Belarusian economic strategy. Promising areas of economic cooperation between Belarus and the Far East region are investment projects to modernize regional ports of the Northern Sea Route, participation in the development of the international territory of advanced development in Primorye, and the tourism cluster. The Far East can become Belarus's gateway to the international markets of the Asia-Pacific region and, above all, China.

Keywords: Russia; Belarus; China; Far East; international transport corridors; regional cooperation.

Возросший интерес политической элиты и бизнес-сообщества России и Беларуси к региону Дальнего Востока в XXI в., безусловно, неслучаен. Дальний Восток связывает европейскую часть России и Азиатско-Тихоокеанский регион, где сейчас наблюдается достаточно высокий экономический рост. Регион имеет выход к Тихому и Северному Ледовитому океанам, граничит с Китаем, Японией, США, Монголией, КНДР. Географическая близость с азиатскими странами открывает возможность для России развивать восточное направление внешней политики, находится не

только рядом с центром мировой политики и экономики, но и быть в центре. Решение ряда стратегических задач – подъем и оздоровление экономики ДФО, улучшение общего состояния региона, выявление его конкурентоспособности на мировых рынках, переориентация российского бизнеса, сосредоточенного в столице, на дальневосточный регион, а затем интеграция его в экономику АТР. Укрепление экологической, военной, экономической безопасности региона позволит России почувствовать себя более уверенно в АТР.

Политика поворота России на Восток имеет серьезное влияние на белорусскую экономическую стратегию. Большой российский Восток осмысливается как точка применения самых современных технологий и развития наиболее важных логистических проектов. Безусловно, российский Дальний Восток является выгодным экономическим направлением для Беларуси. Как отметил Президент Беларуси А. Лукашенко: «С Дальним Востоком мы всегда готовы развивать сотрудничество. Центр тяжести экономики России и Беларуси сместился сегодня на Восток. И вы (Россия) как никогда востребованы. Это хорошо. Но то, что железные дороги не справляются с этим потоком, – это факт. И тут нам надо работать вместе, чтобы расширить эти узкие места... Мы хорошо знаем, в чем нуждается ваш край. Все, что у нас есть, – к вашим услугам» [1]. Очевидно, что разрешить существующие внутренние проблемы можно только за счет международного сотрудничества и интеграции в мировое экономическое пространство.

Геополитическое положение Дальнего Востока диктует укрепление «морской силы», развитие морского транспорта – модернизация региональных портов (Владивостока, Восточного, Находки, Славянки и др.), повышение роли Северного Морского пути, трансформации портов (Тикси, Певека, Провидение), строительство угольного порта.

Как известно, транспортное обслуживание растущей экономики мира и Дальнего Востока во многом зависит от развития континентальных и региональных маршрутов. Через территорию Приморья проходят два из десяти перспективных международных транспортных коридоров Северо-Восточной Азии. Эти маршруты конкурируют между собой, но они же и дополняют друг друга как региональные, поскольку они формируют единую транспортную сеть Евразии. Развитие Северного морского пути предполагают формирование новых азиатских хабов. Россия и Беларусь расширяют связи Дальнего Востока с зарубежными партнерами. Расширение международного сотрудничества принесет привлечение инвестиций, технологий и развитие транспортных коридоров национального и даже глобального масштаба. По словам президента России В. Путина, партнеры заинтересованы в развитии Мурманского транспортного узла. «Коллеги из Беларуси предметно рассматривают перспективы развития портовой инфраструктуры и своих терминалов на Кольском полуострове», – отметил президент России в ходе пленарной сессии ВЭФ-2024. Планирует Минск увеличить перевалку своих грузов и через архангельский порт [2].

Северный морской путь может служить для транспортировки белорусских товаров как в интересах российских регионов, так и в направлении Китая. В частности, Магадан и Владивосток готовы предложить белорусским партнерам такое сотрудничество. Использование Северного морского пути для поставок в Беларусь рыбной продукции (в частности, магаданской креветки) позволит значительно экономить на услугах посредников. В обратном порядке могут идти белорусские продукты: колбасные изделия, замороженное мясо и молочные товары, в первую очередь сыры. На востоке России есть большая потребность в товарах легкой промышленности и деревообрабатывающих производств. Подобное встраивание в тематику Северного

морского пути даст возможность разнообразить каналы взаимных поставок.

Беларусь планирует участие в международной территории опережающего развития (ТОР). «Большой интерес к нему проявляют наши китайские партнеры, а также Республика Беларусь, с участием которой в Приморье может появиться новый глубоководный порт», – сообщил Владимир Путин. Опять же – с выходом на Северный морской путь [2]. Поэтому логично, что Беларусь будет участвовать в проекте международной территории опережающего развития в Приморье, как и в развитии порта в Мурманске. Этот порт соединяет два коридора и Севморпуть. Развитие Международных транспортных коридоров «Север – Юг» и «Запад – Восток», Севморпути являются стратегическими преимуществами Российской Федерации и Беларуси [3]. На Дальнем Востоке на территориях опережающего развития и в свободном порту Владивосток с участием китайского капитала реализуется 65 инвестиционных проектов с общим объемом инвестиций 1 трлн рублей. Таких проектов может быть больше [4].

Модернизация Транссиба, развитие Северного морского пути, создание транспортного коридора обеспечат тектонический сдвиг в развитии путей сообщения в регионе. Приморский край, Хабаровский, Сахалин, Магаданская и Амурская области представляют собой пространство для эффективного сотрудничества России и Азиатско-Тихоокеанского региона.

В ходе двусторонней встречи Посла Беларуси с губернатором Приморского края О. Кожемяко на полях Восточного экономического форума во Владивостоке (2024) был подписан план мероприятий на 2025–2026 гг. по реализации соглашения между правительствами Беларуси и Приморского края о торгово-экономическом, научно-техническом, социально-культурном сотрудничестве [5].

Еще одним направлением сотрудничества России и Беларуси на Дальнем Востоке может стать туризм. Амурской

области и в целом Дальнего Востока очень привлекательны для туризма и инвестиций. Необходимо привлекать на Дальний Восток бизнес со всей России и из-за рубежа, выстраивать долгосрочные партнерские отношения. Все, что производит российский Дальний Восток, очень интересно нашим соседям.

Белорусские коллеги приняли активное участие в российско-китайском экономическом форуме «АмурЭкспо» (АЭФ), который состоялся 22–25 мая 2025 г. в Благовещенске (Амурская область, Россия) и Хэйхэ (провинция Хэйлунцзян, КНР) в статусе выездной площадки Восточного экономического форума. Участниками АЭФ стали более 100 спикеров и экспертов из России, ОАЭ, Китая, Индии, Беларуси и Ирана. Форум «АмурЭкспо» продемонстрировал высокую заинтересованность России и Китая в углублении сотрудничества и взаимопонимания.

Встраивание Беларуси в региональное сотрудничество с российским Дальним Востоком способно принести преимущества как для российской, так и белорусской стороны, укрепить торгово-экономическое, научно-техническое, сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и, прежде всего, с Китаем.

Библиографический список

1. М. Чем привлекательны дальневосточные территории России для Беларуси / М. Короткин // СБ –Баларусь сегодня. – 05.10.2023. – URL: https://belrus.ru/info/chem-privlekatelny-dalnevostochnye-territorii-rossii-dlya-belarusi/ (дата обращения: 02.06.2025).

2. ТОР в Беларуси и России свяжут международные транспортные коридоры / Е. Гайва // Российская газета. – 11.09.2024. – URL: https://rg.ru/2024/09/11/tor-v-belarusi-i-rossii-sviazhut-mezhdunarodnye-transportnye-koridory.html (дата обращения: 02.06.2025).

3. Приходько, А. Досье: Развитие транспортного коридора «Север-Юг» / А. Приходько // Евразия Эксперт. – 10.05.2024. – URL: https://e-cis.info/news/566/118105/?ysclid=lyzvfhnlhg867124722 (дата обращения: 24.07.2024).

4. Инвестиции, сотрудничество и перспективы: подведены первые итоги форума «АмурЭкспо-2025» // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. – 29.05.2025. – URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/investitsii_sotrudnichestvo_i_perspektivy_podvedeny_pervye_itogi_foruma_amurekspo_2025/ (дата обращения: 01.06.2025).

5. Беларусь и Приморский край подписали план совместных мероприятий на 2025-2026 годы // БЕЛТА. – 06.09.2024. – URL: https://belta.by/society/view/belarus-i-primorskij-kraj-podpisali-plan-sovmestnyh-meroprijatij-na-2025-2026-gody-659297-2024/?ysclid=mbfdzd5qs9830038139 (дата обращения: 01.05.2025).

РАЗВИТИЕ ЭКОСИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Е. В. Масленкова

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
maslenkoff@bsu.by

Актуализирована проблема развития экосистемы регулирования трудовой миграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Выявлены основные тенденции в сфере привлечения трудящихся мигрантов из стран ЕАЭС на рынок труда Республики Беларусь. Рассмотрены сущность, структура и принципы функционирования экосистемы регулирования трудовой миграции. Определено, что ключевыми направлениями совершенствования системы регулирования процессов внешней трудовой миграции в ЕАЭС выступают углубление цифровизации, гармонизация законодательства и стандартов, стимулирование циркулярной (возвратной) миграции, усиление социальной защиты и интеграции мигрантов. Указывается, что развитие экосистемы регулирования трудовой миграции в ЕАЭС должно основываться на балансе экономической эффективности, социальной справедливости и безопасности.

Ключевые слова: миграция населения; внешняя трудовая миграция; государственное регулирование; экосистема; методы регулирования

DEVELOPMENT OF THE ECOSYSTEM FOR REGULATING LABOR MIGRATION

E. V. Maslenkova

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, maslenkoff@bsu.by

The problem of developing the ecosystem for regulating labor migration within the Eurasian Economic Union (EAEU) is updated. The main trends in attracting migrant workers from the EAEU countries to

the labor market of the Republic of Belarus are identified. The essence, structure and principles of functioning of the ecosystem for regulating labor migration are considered. It has been determined that the key areas for improving the system for regulating external labor migration processes in the EAEU are deepening digitalization, harmonizing legislation and standards, stimulating circular (return) migration, strengthening social protection and integration of migrants. It is indicated that the development of the ecosystem for regulating labor migration in the EAEU should be based on a balance of economic efficiency, social justice and security.

Keywords: population migration; external labor migration; state regulation; ecosystem; regulation methods.

В условиях глобальных вызовов и трансформации рынков труда формирование эффективной системы регулирования внешней трудовой миграции становится критически важным. Страны Евразийского экономического союза демонстрируют тесную взаимозависимость в этой сфере: ежегодный рост спроса на иностранную рабочую силу охватывает практически все отрасли экономики. Однако параллельно обостряются риски – неконтролируемые миграционные потоки способствуют развитию теневой экономики, криминализации отдельных секторов и эксплуатации трудящихся-мигрантов.

Современные вызовы требуют оперативного совершенствования миграционной политики ЕАЭС. В этой связи создание прозрачной и сбалансированной экосистемы регулирования трудовой миграции в рамках Союза приобретает стратегическое значение. Такой подход позволит не только удовлетворить потребности экономик стран-участниц, но и минимизировать сопутствующие риски, обеспечив устойчивое развитие общего рынка труда.

Исследование внешней трудовой миграции требует интеграции знаний из экономики, права, политологии, демографии и социологии. Проблематика развития и регулирования данных процессов в рамках ЕАЭС рассматриваются в работах И. В. Ивахнюк [1], Е. С. Красинца,

Л. Е. Тихоновой [2], Т. Н. Юдиной [3], А. С. Гаевой [4], Е. В. Давыденко [5] и др. Однако экосистема регулирования трудовой миграции (совокупность институтов, норм, практик и взаимодействий между ними) остается малоизученной, несмотря на ее критическую важность для устойчивого развития стран-доноров и реципиентов рабочей силы.

В этой связи цель статьи – исследовать развитие экосистемы регулирования трудовой миграции, выявить ключевые тенденции, принципы и направления ее совершенствования в рамках Евразийского экономического союза.

В таблице представим сведения о численности трудящихся – мигрантов, въехавших в Республику Беларусь из государств – членов Евразийского экономического союза в январе-декабре 2024 г. (согласно поступившим уведомлениям нанимателей).

Сведения о численности трудящихся – мигрантов, въехавших в Республику Беларусь из государств – членов ЕАЭС в январе–декабре 2024 г. (согласно поступившим уведомлениям нанимателей)

Страна гражданской принадлежности	2023	2024	Темп роста, %
Кыргызская Республика	106	382	360,4
Республика Армения	266	231	86,8
Республика Казахстан	281	479	170,5
Российская Федерация	3243	4136	127,5
Всего	3896	5228	134,2

Источник: [6].

В 2024 г. Беларусь продемонстрировала значительный рост притока трудовых мигрантов из стран ЕАЭС. Общее число работников, прибывших из государств – участников объединения, достигло 5228 человек, что на 34,2 % превышает показатель 2023 г. (3896 человек). Этот рост свидетельствует об усилении экономической привлекатель-

ности Беларуси для граждан ЕАЭС, а также о возможной перестройке миграционных потоков в регионе. Наиболее впечатляющая динамика наблюдается среди трудовых мигрантов из Кыргызской Республики: их число увеличилось в 3,6 раза – со 106 в 2023 г. до 382 в 2024 г. Такой резкий скачок может объясняться переориентацией кыргызских работников с российского рынка труда на белорусский, что, вероятно, связано с ужесточением миграционной политики России, а также с ростом заработных плат и доступностью рабочих мест в Беларуси.

Существенный прирост зафиксирован и у Казахстана: +70,5 % (с 281 до 479 человек). Это указывает на усиление экономических связей между двумя странами и повышение мобильности казахстанских граждан в поисках возможностей для трудоустройства.

Россия остается крупнейшим поставщиком рабочей силы в Беларусь: в 2024 г. оттуда прибыло 4136 мигрантов (рост на 27,5 %). Однако темпы увеличения оказались ниже, чем у других стран ЕАЭС, что может говорить о насыщении данного миграционного канала или о конкуренции со стороны других направлений для российских работников.

Единственной страной, откуда поток мигрантов в Беларусь сократился, стала Армения: число прибывших уменьшилось на 13,2 % (с 266 до 231 человека). Это может быть связано с охлаждением политических отношений между странами, поиском мигрантами из Армении альтернативных возможностей трудоустройства.

Рост трудовой миграции в Беларусь из стран ЕАЭС в 2024 г. отражает как внутренние экономические факторы (спрос на рабочую силу, уровень зарплат), так и внешние (изменение миграционной политики в регионе). Особенно показателен кратный рост числа кыргызских мигрантов, что может говорить о формировании новых трудовых коридоров в рамках ЕАЭС. В целом, данные подтверждают усиление роли Беларуси как центра притяжения рабочей силы в регионе.

Государственное регулирование внешней трудовой миграции в рамках ЕАЭС – это система мер, институтов и правовых механизмов, с помощью которых государство управляет процессами въезда, трудоустройства, пребывания и возвращения иностранных работников, а также выезда собственных граждан для работы за рубежом. Это регулирование направлено на:

1) оптимизацию экономических выгод отдающих и принимающих стран (восполнение дефицита кадров, привлечение квалифицированной рабочей силы, денежные переводы мигрантов);

2) защиту прав трудящихся-мигрантов (предотвращение эксплуатации, дискриминации, нелегальной занятости);

3) обеспечение национальной безопасности каждой отдельной страны – участницы евразийского интеграционного образования (контроль нелегальной миграции, предотвращение социальной напряженности);

4) соблюдение международных обязательств (Договор о ЕАЭС, двусторонние соглашения, нормы МОТ, ООН и других организаций).

Экосистема регулирования трудовой миграции – это динамичная система взаимосвязанных институтов, норм и механизмов, обеспечивающая управление перемещением рабочей силы между странами. Ее ключевая особенность – комплексное взаимодействие всех элементов: от государственных регуляторов до частных посредников и самих мигрантов. В эту систему входят:

1) **основные участники** (мигранты, работодатели, профсоюзы);

2) **институты регулирования** (государственные органы, международные организации);

3) **вспомогательные структуры** (миграционные сети, некоммерческие организации, диаспоры, цифровые платформы).

Главные принципы функционирования экосистемы:

1) **взаимозависимость** – ни один участник (включая государство) не может эффективно управлять миграцией в одиночку;

2) **саморегуляция** – неформальные сети и рыночные механизмы дополняют официальные институты;

3) **адаптивность** – система постоянно трансформируется под влиянием экономических, технологических и социальных факторов.

Такой подход позволяет не просто контролировать миграционные потоки, но и гибко реагировать на новые вызовы, минимизируя риски и максимизируя экономические выгоды для всех сторон.

Цель миграционной политики стран – участниц ЕАЭС состоит в повышении эффективности данной экосистемы, в результате чего все участники будут полностью удовлетворены ею. При этом ключевым системообразующим фактором выступает максимизация всеми участниками получаемой прибыли в краткосрочной перспективе, при обеспечении, по возможности, долгосрочных социально-демографических эффектов [см.: 7].

В настоящее время современная экосистема регулирования трудовой миграции в ЕАЭС демонстрирует устойчивую динамику, однако дальнейшее ее развитие требует системных изменений, направленных на повышение эффективности, снижение рисков и максимизацию взаимных выгод для всех участников. В условиях глобальных экономических вызовов, цифровизации и изменяющихся миграционных трендов ключевыми направлениями совершенствования системы регулирования процессов внешней трудовой миграции должны стать:

1) углубление цифровизации в сфере регулирования миграционных процессов. Внедрение единой цифровой платформы ЕАЭС для управления трудовой миграцией позволит:

— автоматизировать процессы трудоустройства (внедрить электронные трудовые договоры, вакансии, проверка квалификации);

— минимизировать бюрократические барьеры (упростить получение разрешений, организовать электронный обмен данными между странами);

— усилить контроль за легальностью миграции при помощи биометрической идентификации и блокчейн-верификации трудовых отношений;

2) гармонизация законодательства и стандартов. Необходимо продолжать работу по унификации требований к признанию квалификаций (создание общего реестра профессий и системы сертификации), сближению миграционного и трудового законодательства (единые правила найма, социальных гарантий, налогообложения); разработке общих механизмов противодействия нелегальной занятости (санкции для работодателей, система взаимного информирования);

3) стимулирование циркулярной (возвратной) миграции включает такие направления как развитие программ трудовой ротации (краткосрочные контракты с гарантией возврата); поддержка профессиональной мобильности (обучение мигрантов перед трудоустройством, программы реинтеграции);

4) усиление социальной защиты и интеграции мигрантов:

— введение единых стандартов медицинского страхования и пенсионных отчислений;

— развитие культурно-адаптационных программ (языковые курсы, правовая поддержка);

— создание механизмов обратной связи (горячие линии, цифровые сервисы для защиты прав мигрантов).

Выводы.

1. Экосистема государственного регулирования внешней трудовой миграции – сложная, динамичная и взаимосвязанная система институтов, норм, процессов и акторов,

которые совместно участвуют в формировании, реализации и контроле миграционной политики государства в сфере привлечения иностранной рабочей силы и трудоустройства граждан за рубежом.

Данная экосистема включает в себя не только формальные государственные механизмы, но и неформальные практики, международные соглашения, цифровые платформы, бизнес-структуры и общественные организации, которые прямо или косвенно влияют на миграционные потоки.

2. Развитие экосистемы регулирования трудовой миграции в ЕАЭС должно основываться на **балансе экономической эффективности, социальной справедливости и безопасности.** Реализация предложенных направлений позволит **повысить прозрачность и управляемость** миграционных процессов, **усилить взаимовыгодное сотрудничество** между странами-участницами, **создать устойчивую модель,** адаптивную к будущим вызовам. Дальнейшая интеграция в этой сфере не только укрепит экономики стран ЕАЭС, но и повысит качество жизни миллионов трудовых мигрантов, превратив временные трудовые потоки в инструмент долгосрочного развития всего региона.

Библиографический список

1. Ивахнюк, И. В. Евразийская миграционная система: от экономического прагматизма к возрождению цивилизационного единства / И. В. Ивахнюк // Центр Льва Гумилёва. – 23.01.2012. – URL: https://www.gumilev-center.ru/evrazijjskaya-migracionnaya-sistema-ot-ehkonomicheskogo-pragmatizma-k-vozrozhdeniyu-civilizacionnogo-edinstva/ (дата обращения: 04.06.2025).

2. Красинец, Е. С. Трудовая миграция и миграционная политика Республики Беларусь в рамках интеграции в Евразийский экономический союз / Е. С. Красинец, Л. Е Тихонова // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2015. – № 2. – С. 65–71. – URL: https://evolutio.info/ru/journal-menu/2015-2/2015-2-tikhonovakrasinets (дата обращения: 09.04.2024).

3. Юдина, Т. Н. Динамика развития миграционных взаимосвязей между странами ЕАЭС: итоги десятилетия / Т. Н. Юдина // Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 16 апр. 2024 г. – Минск : БГУ, 2024. – С. 312-–321. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/322205 (дата обращения: 09.04.2024).

4. Гаева, А. С. Миграционные процессы на Евразийском пространстве / А. С. Гаева // Россия и современный мир. – 2019. – № 1 (102). – С. 207–221. –URL: http://rossovmir.ru/article.php?id=384 (дата обращения: 09.04.2024).

5. Давыденко, Е. В. Трудовая миграция в Евразийском экономическом союзе: проблемы, вызовы и решения / Е. В. Давыденко // Экономические отношения. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 157–168. – URL: https://doi.org/10.18334/eo.15.1.122449 (дата обращения: 09.04.2024).

6. Учет трудящихся мигрантов // Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь. – URL: https://www.mvd.gov.by/ru/page/uchet-trudyashihsya-emigrantov-i-trudyashihsya-migrantov (дата обращения 05.06.2025).

7. Целостная оценка текущих стратегий экономического развития, трудовой миграции и денежных переводов в Республике Беларусь. – Женева: МОМ, 2021. – 64, vi с. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/Holistic-Assessment-Belarus-RUS.pdf (дата обращения 05.06.2025).

КОНСТИТУЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н. С. Минько

Институт правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, ул. Берсона, 1А, 220030, г. Минск, Беларусь, Natallia.Minko@gmail.com

В статье раскрывается теоретическая основа проблематики конституционной безопасности как основы экономической безопасности на евразийском пространстве. Отражена суть концепции конституционной безопасности, в том числе анализируются конституционные риски. Указано, что конституционная безопасность представляет собой состояние защищенности конституционных интересов, конституционного строя и правопорядка Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз в целях снижения конституционных рисков и достижения устойчивого развития. Осмыслены особенности экономической безопасности интеграционного образования. Представлено авторское определение экономического суверенитета интеграционного образования как способности государств или региональных объединений, участвующих в интеграционных процессах (например, в рамках союзов), обеспечивать независимость и самостоятельность своих экономических решений, сохраняя баланс между национальными и интеграционными интересами.

Ключевые слова: конституционная безопасность; конституционные риски; экономическая безопасность; экономическая безопасность интеграционного образования; экономический суверенитет интеграционного образования.

CONSTITUTIONAL SECURITY AS A BASIS FOR ENSURING ECONOMIC SECURITY IN THE EURASIAN SPACE

N. S. Minko

Institute of Legal Research of the National Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus,
1A Bersona Street, Minsk 220030, Belarus,
Natallia.Minko@gmail.com

The article reveals the theoretical basis of the problem of constitutional security as the basis of economic security in the Eurasian space. The essence of the concept of constitutional security is reflected, including the analysis of constitutional risks. It is indicated that constitutional security is a state of protection of constitutional interests, constitutional system and law and order of the Republic of Belarus from internal and external threats in order to reduce constitutional risks and achieve sustainable development. The features of economic security of the integration entity are understood. The author's definition of the economic sovereignty of the integration entity is presented as the ability of states or regional associations participating in integration processes (for example, within the framework of unions) to ensure the independence and autonomy of their economic decisions, maintaining a balance between national and integration interests.

Keywords: constitutional security; constitutional risks; economic security; economic security of integration entity; economic sovereignty of integration entity.

Грамотное и последовательное проведение конституционных преобразований в условиях интеграционного развития способствует продуктивной конституционализации правопорядка, в том числе посредством своевременного выявления, минимизации, устранения конституционных рисков в целях обеспечения конституционной стабильности и безопасности. Конституционализация посредством своевременного выявления и минимизации (устранения) конституционных рисков и угроз обусловли-

вает снижение иных правовых рисков, а также рисков и угроз экономического характера. В этой связи актуальной видится дальнейшая разработка доктрины конституционной безопасности с учетом достижения экономической безопасности. Вопросы конституционной (конституционно-правовой) безопасности раскрывались в отдельных доктринальных источниках. Так, Л. М. Рябцев анализирует некоторые сущностно-содержательные аспекты конституционной (конституционно-правовой) безопасности и обозначает, что «в важнейшей части Конституции – преамбуле содержатся исходные принципы формирования конституционно-правовой безопасности белорусского государства, его функционирования и развития» [1, с. 320]. По мнению ученого, «безопасность как конституционная категория является правовой основой всей системы национальной безопасности, основы обеспечения безопасности закреплены в различных конституционно-правовых нормах, нормативный аспект учредительной функции Конституции обусловливает основополагающее значение конституционных положений о безопасности» [1, с. 325].

Ю. Федотова и А. Рогов убедительны в том, что конституционная безопасность выступает «альтернативным, интегрирующим понятием. Содержание данного понятия включает в себя не просто состояние защищенности и обеспечения реализации совокупности основных конституционных начал организации государства, но и предполагает основные руководящие идеи обеспечения безопасности иных видов. Конституционная безопасность определяет основные принципы и содержание иных видов безопасности благодаря всеобъемлющему характеру конституционных норм. При этом детализация содержания иных разновидностей юридической безопасности происходит на подконституционном, законодательном уровне. Так, экологическая, экономическая, общественная и иная безопасность будет направлена на обеспечение реализации основ конституционного строя

и достижение норм-принципов, установленных в конституционных положениях» [2].

Концепция конституционной безопасности рассматривается как сопоставимая с государственной безопасностью, приобретая статус интегрирующей категории в системе безопасности государства, охватывающей экономическую, политическую, военную и иные сферы. Ядро конституционной безопасности образует комплекс взаимосвязанных политических, правовых, экономических и социокультурных факторов, обеспечивающих прогрессивное развитие общественных отношений. Обеспечение конституционной безопасности возлагается на институты публичной власти. Основу конституционной безопасности закладывают правовые законы, справедливая, обоснованная правовая и социально-экономическая политика. В системе правовых средств обеспечения безопасности главную роль выполняет Конституция, а также принятый в ее развитие ряд конституционных и иных законов и подзаконных актов. Примем во внимание выводы А. Н. Станкина, который утверждает, что «конституционно-правовая безопасность – это состояние защищенности конституционного строя от внутренних и внешних угроз, а также сама система мер его защиты. Основой конституционной безопасности выступает, прежде всего, качественное законодательство и его эффективная реализация различными субъектами общественных отношений, прежде всего властными субъектами, наделенными полномочиями по обеспечению национальной безопасности в целом и конституционной в частности. Она определяет основные принципы и содержание иных видов безопасности, в том числе и правовых; выступает в качестве системообразующей основы для других видов национальной безопасности» [3, с. 55].

Суть концепции конституционной безопасности состоит в эффективном и своевременном противостоянии (противодействии) современным угрозам и рискам в основных сферах правоотношений. Достижение конституту-

ционной безопасности видится возможным посредством сокращения (минимизации) конституционных рисков. Конституционные риски представляют опасность для устойчивого развития государства, стабильности государственного устройства, нормального развития политических и социально-экономических отношений. Т. С. Масловская утверждает, что ключевыми разновидностями рисков в конституционном праве признаются риски в *правотворческой* деятельности («инструментального», «излишнего», «изолированного», нестабильного законотворчества) и риски в *правоприменительной* практике (институциональные риски и риски, относящиеся к юридической безопасности) [4, с. 18–19].

Конституционные риски угрожают устойчивому развитию государства, стабильности государственного устройства, политических и социально-экономических отношений. Снижение конституционных рисков обусловливает снижение иных правовых рисков, включая риски и угрозы правового обеспечения экономической безопасности с предложением выработать и предусмотреть законодательно на конституционном уровне термин «конституционная безопасность» в тесной взаимосвязи с категориями национальная безопасность и экономическая безопасность, расширить научные представления о возможности управления конституционными рисками [5, с. 21].

Вместе с тем глубокого и всестороннего анализа проблематики влияния конституционной безопасности на развитие интеграционных образований в науке предпринято не было. Как отмечалось нами ранее, интеграционная безопасность как комплексная категория может обеспечиваться в том числе путем совершенствования системы конституционной безопасности [6, с. 22].

На основе проведенного доктринального анализа, можно рассматривать *конституционную безопасность как состояние защищенности конституционных интересов, конституционного строя и правопорядка Республ-*

лики Беларусь от внутренних и внешних угроз в целях снижения конституционных рисков и устойчивого развития. Компонентами конституционной безопасности являются государственный суверенитет; правовая устойчивость (стабильность), социальная безопасность, экономическая безопасность. Она охватывает меры по защите суверенитета, территориальной целостности, политической стабильности и правового порядка. В свою очередь конституционная безопасность создает правовые и институциональные условия для экономической безопасности.

В числе компонентов экономической безопасности учеными выделяются финансовая безопасность, технологическая безопасность, производственная безопасность, энергетическая безопасность, продовольственная безопасность, социальная безопасность и др. Так, Т. А. Горупа, используя отраслевой подход, разделяет правовые средства обеспечения экономической безопасности на конституционно-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые, гражданско-правовые [7, с. 36]. В рамках настоящей статьи поддержим научную дискуссию в рамках проблематики правового обеспечения экономической безопасности интеграционных образований.

Экономическая безопасность – это состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию Республики Беларусь [8, п. 4]. *Экономическая безопасность интеграционного образования может рассматриваться* состояние защищенности региональных экономических интересов от воздействия угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию экономики государств – участников интеграционного объединения при поддержании экономического суверенитета интеграционного образования. Опираясь на устоявшиеся в науке подходы, можно констатировать, что одним из важных факторов обеспечения конституционной безопасности и сокращения конституционных

рисков является обеспечение *экономического суверенитета*. В юридической науке экономический суверенитет традиционно понимается как способность государства самостоятельно определять и реализовывать свою экономическую политику, контролировать национальные ресурсы и обеспечивать экономическую безопасность.

И. Н. Плотникова указывает на широкое понимание экономического суверенитета как «возможности государства определять направления своей экономической политики и осуществлять ее; независимость государства в экономической сфере, экономическая самодостаточность и экономическая безопасность; сбалансированность, согласованность национальных экономических интересов с экономическими интересами других государств; контроль за всеми экономическими ресурсами, способность национального правительства принимать решения независимо от решений, принимаемых другими правительствами; а также регулировать и контролировать иностранные инвестиции, деятельность транснациональных корпораций (в пределах действия своей юрисдикции), принимать соответствующие меры, чтобы такая деятельность соответствовала экономической и социальной политике государства, участвовать в международном экономическом сотрудничестве, вступать в экономические союзы, реализуя внешнюю и внутреннюю формы экономического суверенитета» [9, с. 43].

Экономический суверенитет предполагает наличие у государства инструментов для защиты внутреннего рынка, стимулирования национального производства и привлечения инвестиций. Он также включает право на установление торговых барьеров, регулирование финансовых потоков и контроль над ключевыми отраслями экономики. Важным аспектом является обеспечение энергетической независимости. *В свою очередь экономический суверенитет интеграционных образований* предполагает возможность самостоятельно определять направления экономического

развития в интеграционных союзах, устанавливать торговые режимы и проводить согласованную макроэкономическую политику. Он проявляется в способности интеграционного союза защищать рынок от недобросовестной конкуренции, поддерживать производителей и обеспечивать экономическую безопасность. Важным аспектом является гармонизация законодательства и стандартов, что создает равные условия для осуществления экономической деятельности и устраняет барьеры для торговли.

Итак, в условиях интеграционных преобразований можно говорить о важности формирования *экономического суверенитета интеграционного образования, являющегося неотъемлемой частью его консолидированного (интеграционного) суверенитета*. Он должен быть основан на *стратегии экономической безопасности интеграционного образования*. *Экономический суверенитет интеграционного образования* можно рассматривать как способность государств или региональных объединений, участвующих в интеграционных процессах (например, в рамках союзов), обеспечивать независимость и самостоятельность своих экономических решений, сохраняя баланс между национальными и интеграционными интересами. Он включает в себя такие аспекты, как защита внутренних рынков, регулирование внешней торговли, инвестиции, а также развитие совместных программ и проектов. При этом бюджетное политика и развитие бюджетного права интеграционного образования могут предусматривать в том числе развитие банковских отношений.

Библиографический список

1. Рябцев, Л. М. Некоторые аспекты конституционной безопасности / Л. М. Рябцев // Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения заслуж. юриста Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. М. Абрамовича, Минск, 24–25 мая

2024 г. – Минск : БГУ, 2024. – С. 319–325. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/322442 (дата обращения: 20.05.2025).

2. Федотова, Ю. О категориях «конституционная безопасность» и «национальная безопасность»: терминологический анализ / Ю. Федотова, А. Рогов // Государственная служба. – 2014. – № 3 (89). – URL: https://pa-journal.igsu.ru/articles/r36/1852/ (дата обращения: 20.05.2025).

3. Станкин, А. Н. Конституционно-правовая безопасность: понятие, признаки и соотношение с национальной безопасностью / А. Н. Станкин // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2019. – № 3 (47). – С. 51–56. – URL: https://namvd.editorum.ru/ru/nauka/article/30804/view (дата обращения: 20.05.2025).

4. Масловская, Т. С. Риски в конституционном праве / Т. С. Масловская // Журнал российского права. – 2016. – № 12. – С. 17–26. – URL: https://izak.ru/upload/iblock/2ac/2ac8129f875595e0541e59bcc6d8ad2e.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

5. Минько, Н. С. Конституционно-правовые основания обеспечения экономической безопасности: теоретико-методологические аспекты / Н. С. Минько // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 10. – С. 18–21. (дата обращения: 20.05.2025).

6. Минько, Н. С. Конституционно-правовые основы интеграционного развития в современных условиях / Н. С. Минько // Теоретико-методологические основы совершенствования правового обеспечения экономической безопасности / Н. С. Минько, Е. Н. Гладкая, Т. А. Горупа [и др.] ; под ред. Н. С. Минько. – Минск : Беларус. навука, 2023. – С. 6–25. (дата обращения: 20.05.2025).

7. Горупа, Т. А. Теоретико-методологические основы механизма правового обеспечения экономической безопасности государства, общества, человека и политика защиты прав потребителей // Теоретико-методологические основы совершенствования правового обеспечения экономической безопасности / Н. С. Минько, Е. Н. Гладкая, Т. А. Горупа [и др.] ; под ред. Н. С. Минько. – Минск : Беларус. навука, 2023. – С. 25–50.

8. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Решение Всебелорусского народного собрания от 25 апр. 2024 г. № 5 // Национальный правовой интернет портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 (дата обращения: 20.05.2025).

9. Плотникова, И. Н. Конституционные основы экономического суверенитета Российского государства / И. Н. Плотникова // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2024. – № 3 (158). – С. 42–48. – URL: https://сгюа.рф/documents/vestnik/03_2024.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ В ПРОЦЕССАХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В. А. Сапрыка[1)], В. В. Солоха[2)]

[1)] Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, 6, 125047, Москва, Россия, sapryka@icbci.info
[2)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, 308015, г. Белгород, Россия,solokha.v@internet.ru

В статье рассмотрена роль общественной дипломатия приграничных регионов в процессах евразийской интеграции. Выделены особенности регионоального участия посредством инструментов и методов общественной дипломатии в Евразийском экономическом союзе. Выделяется институциональный потенциал в виде сети общественных объединений и институтов общественной дипломатии приграничных регионов. Выделяется опыт приграничного сотрудничества и реализации проектов общественной дипломатии Республики Беларусь и Российской Федерации в процессах евразийской интеграции. Особое внимание уделяется деятельности субнациональных акторов: региональных властей, структур гражданского общества, экспертно-аналитических сообществ, общественных организаций и инициатив. Показано, что именно общественная дипломатия выполняет критически важную функцию по обеспечению обратной связи между населением и институтами ЕАЭС, гармонизируя межгосударственное взаимодействие и формируя устойчивую основу для дальнейшего углубления евразийской интеграции. Выделена роль общественной дипломатии в условиях эскалации конфликта.

Ключевые слова: общественная дипломатия; приграничный регион; евразийская интеграция; проекты; общественная инициатива.

PUBLIC DIPLOMACY OF BORDER REGIONS IN THE PROCESSES OF EURASIAN INTEGRATION

V. A. Sapryka[a], V. V. Solokha[b]

[a] *Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow 125047, Russia, sapryka@icbci.info*
[b] *Belgorod State National Research University, 85 Pobedy Street, Belgorod 308015, Russia, solokha.v@internet.ru*

The article examines the role of public diplomacy of border regions in the processes of Eurasian integration. The features of regional participation through the tools and methods of public diplomacy in the Eurasian Economic Union are highlighted. The institutional potential in the form of a network of public associations and institutions of public diplomacy of border regions is highlighted. The experience of cross-border cooperation and the implementation of public diplomacy projects of the Republic of Belarus and the Russian Federation in the processes of Eurasian integration is highlighted. Particular attention is paid to the activities of subnational actors: regional authorities, civil society structures, expert and analytical communities, public organizations and initiatives. It is shown that it is public diplomacy that performs a critically important function in ensuring feedback between the population and the institutions of the EAEU, harmonizing interstate interaction and forming a sustainable basis for further deepening of Eurasian integration. The role of public diplomacy in the context of conflict escalation is highlighted.

Keywords: public diplomacy; border region; Eurasian integration; projects; public initiative.

Общественная дипломатия является одним из проявлений мягкой силы в международных отношениях. В контексте евразийской интеграции ее роль становится важной для формирования общего гуманитарного и ценностного пространства, общественная дипломатия выступает катализатором доверия и взаимопонимания между общественным сектором и населением стран-участниц интеграционных проектов, а механизмы общественной дипломатии напрямую способствуют углублению поли-

тического и общественного диалога. Положительного эффекта евразийской интеграции трудно будет добиться без вовлеченности широких слоев граждан на основе механизмов публичной, народной или общественной дипломатии, способной сблизить разные группы населения [1, с. 27].

Приграничное сотрудничество и взаимодействие регионов активно исследуется через призму теории парадипломатии. Данная концепция фокусируется на внешнеполитической активности субнациональных акторов, таких как субъекты федераций, регионы и муниципальные образования, их деятельность, хотя и осуществляется параллельно официальной межправительственной дипломатии, зачастую играет критически важную роль, выступая в качестве дополняющего, а в некоторых случаях и конкурирующего элемента в международных отношениях.

С точки зрения данного подхода, сотрудничество между приграничными регионами трактуется как неотъемлемая и стратегическая составляющая внешней политики государства и общественной дипломатии. Оно представляет собой практический инструмент реализации национальных интересов на локальном уровне, способствуя укреплению межгосударственных связей через развитие экономических, гуманитарных и культурных контактов, тем самым формируя устойчивую основу для долгосрочной региональной интеграции [2, с. 244].

Усиление роли общественного сектора и делегирование государственных полномочий структурам гражданского общества актуализирует необходимость интеграции механизмов общественной дипломатии в процессы приграничного взаимодействия и международной интеграции. Ключевой задачей становится вовлечение в эту деятельность не только экспертного сообщества, но и широких слоев населения, чья инициатива и непосредственное участие определяют практическую реализацию совместных проектов общественной дипломатии.

В рамках евразийской интеграции актуализируется задача разработки и поиска эффективных механизмов общественной дипломатии, направленных на устойчивое развитие приграничных регионов. Данное научное направление фокусируется на исследовании негосударственных каналов взаимодействия, способных гармонизировать приграничные процессы, усилить кооперационные связи и снизить возникающие социокультурные риски за счет повышения уровня взаимного доверия между локальными сообществами. Выявление оптимальных моделей приграничного взаимодействия регионов представляет собой значительный исследовательский интерес в контексте управления сложными социально-политическими системами в условиях нестабильности.

Эффективность и устойчивость международных интеграционных образований все в большей степени зависят от способности выстраивать прямые горизонтальные связи между общественным сектором стран-участниц. Общественная дипломатия становится реальным инструментом, который обеспечивает легитимность и общественную поддержку интеграционных процессов снизу вверх.

В государствах – участниках международных интеграционных объединений, к числу которых относится и Евразийский экономический союз, сосредоточен существенный институциональный потенциал в виде сети общественных объединений и институтов общественной дипломатии. Данные структуры функционируют как ключевые элементы формирующегося транснационального гражданского общества.

Указанные негосударственные акторы обладают значительными возможностями для содействия процессам интеграции. Их деятельность направлена на установление прямых горизонтальных связей между профессиональными, экспертно-аналитическими и культурными сообществами стран-партнеров, что способствует преодолению барьеров и формированию общего пространства доверия.

Активное и системное вовлечение данного потенциала в реализацию задач евразийской интеграции позволяет перевести ее из сугубо экономико-правовой плоскости в социально-гуманитарное измерение. Это создает прочную основу для устойчивого развития ЕАЭС, обеспечивая широкую общественную поддержку и углубляя взаимопонимание между народами государств-членов [3, с. 40]. Стоит отметить, что в рамках исследования процессов развития общественной дипломатии приграничных регионов в процессах евразийской интеграции, необходимо рассмотреть и опыт приграничного сотрудничества Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь, который позволит выделить приоритетные направления для ЕАЭС.

Системные приоритеты экономического развития приграничных регионов Российской Федерации и Республики Беларусь формируются в рамках многоуровневой иерархии стратегического планирования. Первостепенное значение имеют базовые ориентиры социально-экономического развития, закрепленные в национальных стратегических документах сопредельных государств и задающие общие рамки для всех нижестоящих уровней управления.

Следующий уровень определяется внешнеполитическими и региональными приоритетами, отраженными в межгосударственных договорах, программных документах о приграничном сотрудничестве, а также в межрегиональных договорах. Данные документы синхронизируют усилия сторон в приграничном пространстве и могут быть усилены проектами общественной дипломатии, направленными на реализацию этих соглашений на практике.

Непосредственную операциональную основу для сотрудничества составляют региональные стратегии социально-экономического развития соответствующих субъектов Российской Федерации и областей Республики Беларусь, которые детализируют общегосударственные

цели. Завершает иерархию уровень муниципальных образований, чьи приоритеты развития фокусируются на решении конкретных локальных задач.

Проекты общественной дипломатии выступают ключевым инструментом гармонизации этих разноуровневых приоритетов, обеспечивая их согласованную реализацию и достижение синергетического эффекта в приграничном взаимодействии. Отмечаем, что мультитрековая и общественная дипломатия как подход достаточно хорошо разработана в теории и к настоящему времени успешно апробирована в международной практике. кризисах большое значение имеет не только процесс достижения мирных соглашений, но и то, насколько стороны конфликта способны создавать и поддерживать коммуникационные каналы, налаживать конструктивное взаимодействие, препятствующее эскалации и способствующее укреплению доверия и взаимопонимания [4, с. 190]. Именно это дает возможность утверждать о необходимости ее использования при эскалации конфликтов на приграничных территориях ЕАЭС.

Таким образом, разработка и реализация проектов общественной дипломатии в приграничных регионах представляет собой научно обоснованный механизм укрепления приграничного взаимодействия и сотрудничества регионов ЕАЭС. Данные инициативы способствуют формированию устойчивых социальных сетей между локальными сообществами, что соответствует принципам теории социального капитала. Эмпирические исследования подтверждают их роль в снижении когнитивных барьеров и формировании общих ценностных ориентаций населения сопредельных территорий.

Общественная дипломатия обеспечивает канал прямой коммуникации, позволяя институтам ЕАЭС получать от местных сообществ актуальную информацию о практических проблемах и ожиданиях относительно интеграционных процессов. Она способствует легитимации

решений наднациональных органов через разъяснение их целей и выгод на локальном уровне, повышая уровень общественного участия на региональном уровне. Кроме того, общественная дипломатия формирует устойчивую инфраструктуру приграничного взаимодействия и сотрудничества через создание сетей профессиональных, образовательных и культурных обменов, что усиливает социальную основу интеграции.

Библиографический список

1. Нигматуллин, Р. В. Участие субъекта Российской Федерации в публичной дипломатии государства (на примере Республики Башкортостан) / Р. В. Нигматуллин, Р. Р. Сулейманова // Вестн. Казан. юрид. ин-а МВД России. – 2023. – № 4 (54). – С. 15–23. – URL: https://vestnikkui.ru/ru/nauka/article/73198/view (дата обращения: 10.05.2025).

2. Тарасова, А. С. Развитие концепции приграничного сотрудничества в российской и зарубежной историографии / А. С. Тарасова // Вестн, РУДН. Сер.: Всеобщая история. – 2024. – N. 16, № 2. – С. 240–259. – URL: https://journals.rudn.ru/world-history/article/view/40247 (дата обращения: 12.05.2025).

3. Волкова, О. А. Потенциал общественных объединений по обеспечению социальной и демографической безопасности ЕАЭС / О. А. Волкова, Е. В. Максименко // Society and Security Insights. – 2024. – N 7, № 2. – С. 37–46. – URL: https://journal.asu.ru/ssi/article/view/15483 (дата обращения: 12.05.2025).

4. Шевчук, Н. В. «Дипломатия всех треков»: опыт применения на постсоветском пространстве / Н. В. Шевчук // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. – 2024. – Т. 30, № 1. – С. 182–191. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=64900237 (дата обращения: 12.05.2025).

ФИНАНСЫ В ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: АСПЕКТЫ И ЗНАЧЕНИЕ

Л. И. Тарарышкина

Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
tararyshkina@bsu.by

Исследуются аспекты финансов в евразийской интеграции. Показано значение финансов в функционировании таможенной территории Евразийского экономического союза. Раскрыты финансовые инструменты Единого экономического пространства и их роль в формировании евразийских рынков. Отмечены тарифы, ценообразование на недискриминационной основе, промышленные субсидии, обеспечивающие результативность функционирования отраслевых евразийских рынков. Указано на необходимость бережного и грамотного отношения к финансам. Подчеркнута важность финансового образования в управлении финансами. Предложено прививать финансовую грамотность начиная со школы, а в высших учебных заведениях ввести обязательным изучение финансов.

Ключевые слова: финансы; финансовые инструменты; цены; тарифы; Евразийский экономический союз; таможенная территория; организации (предприятия); финансовая безопасность; финансовая грамотность.

FINANCE IN EURASIAN INTEGRATION: ASPECTS AND IMPORTANCE

L. I. Tararyshkina

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
tararyshkina@bsu.by

The aspects of finance in Eurasian integration are studied. The importance of finance in the functioning of the customs territory of the Eurasian Economic Union is shown. The financial instruments of the

Single Economic Space and their role in the formation of Eurasian markets are revealed. Tariffs, non-discriminatory pricing, industrial subsidies that ensure the efficient functioning of Eurasian industry markets are noted. The need for a careful and competent attitude to finances is indicated. It has been proposed to instill financial literacy starting in school, and to make the study of finance mandatory in higher education institutions

Keywords: finance; financial instruments; prices; tariffs; Eurasian Economic Union; customs territory; organizations (enterprises); financial security; financial literacy.

В условиях ужесточающейся международной конкурентной политики возрастает роль финансов в международных отношениях, в том числе при развитии интеграционных процессов, чем и обусловлена актуальность исследования. В статье рассматриваются практические финансовые аспекты евразийской интеграции.

Финансы, являясь основой экономики, играют определяющую роль в евразийской интеграции. В условиях Таможенного союза Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Беларуси и России финансовые отношения в сфере таможенного обложения, распределительных механизмов ввозных таможенных пошлин, антидемпинговых, компенсационных и специальных пошлин гарантируют эффективность функционирования единой таможенной территории. Евразийские отраслевые механизмы, установленные Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2024 г. (Договор о ЕАЭС) [1], содержат финансовые инструменты, которые обеспечивают результативность формирования и функционирования Единого экономического пространства.

Десятилетний период функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз) доказал работоспособность и прочность евразийских финансовых инструментов, выстроенных на общих принципах и правилах конкурентной политики в ЕАЭС, в основе которых заложено качество продукции, выравнивание цен и тарифов.

Декларацией о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 г. и на период до 2045 г. «Евразийский экономический путь» (далее – Декларация) определены направления углубления евразийской экономической интеграции [2], в числе которых выступает завершение формирования общих отраслевых рынков.

Практика функционирования на таможенной территории ЕАЭС с 1 января 2016 г. общих рынков лекарственных средств и медицинских изделий доказала эффективность применения финансовых инструментов, выражающих в установлении единых принципов и правил к ценообразованию, а также надзору за качеством и безопасностью, находящихся в обращении на территории Союза, лекарственных средств и медицинских изделий.

Проводится работа по запуску и других евразийских рынков: общего финансового рынка, общего рынка транспортных услуг, общего электроэнергетического рынка, общего рынка газа, общих рынков нефти и нефтепродуктов, согласованной промышленной политики и (скоординированной) агропромышленной политики, движущей силой которых также служат отраслевые финансовые инструменты.

С заключением 31 января 2025 г. в ЕАЭС соглашения о свободном допуске брокеров к размещению и обращению ценных бумаг на организованных биржевых торгах в государствах – членах Союза [3] улучшаются условия для общего финансового рынка ЕАЭС, направленного на обеспечение свободы движения услуг и капитала и включающего страховой рынок, банковский сектор, рынок ценных бумаг.

В год председательства Республики Беларусь в органах ЕАЭС в обращении Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко главам государств – членов ЕАЭС ставится цель: «Следует завершить формирование единого транспортного пространства с принятием равных

(недискриминационных) условий и обеспечением справедливой конкуренции... Предстоит продолжить работу по отмене разрешительной системы на все виды международных автомобильных перевозок грузов в третьи страны и из них...» [4].

Запуск общего электроэнергетического рынка ЕАЭС создаст промышленным организациям (предприятиям) условия для снижения затрат на электроэнергию, тем самым для уменьшения себестоимости производимой продукции, а для населения будут достигнуты стабилизированные цены на электроэнергию [5].

Объявленный введенным в действие с 1 января 2025 г. общий газовый рынок ЕАЭС с применением тарифов на транспортировку газа на недискриминационной основе предусматривает стабилизацию цен на газ для потребителей [6].

Установление общего тарифа для транспортировки нефти и применение единых принципов торговли нефтью и нефтепродуктами выступают основными элементами в рамках проводимой поэтапной гармонизации законодательства в нефтяной сфере.

В проведении скоординированной агропромышленной политики соблюдение единых правил предоставления промышленных субсидий выступает важным финансовым инструментом для создания равных условий производственным организациям (предприятиям) государств – членов ЕАЭС. На выравнивание ценообразования и его прозрачность, повышение качества и конкурентоспособности производимой продукции по сравнению с продукцией третьих стран направлена скоординированная агропромышленная политика в ЕАЭС.

Таким образом, финансы выступают основополагающим элементом евразийской интеграции и управлять ими следует бережно и грамотно.

Серьезной площадкой, способствующей укреплению евразийской экономической интеграции и выступающей

в защиту финансовой системы от угроз отмывания денег, финансирования терроризма и распространения оружия массового уничтожения, является Международная финансовая олимпиада, которая проводится организаторами (Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральная служба по финансовому мониторингу, Министерство просвещения Российской Федерации, образовательные организации, входящие в состав Международного сетевого института в сфере ПОД ФТ) с 2021 г. и объединяющая школьников, студентов, магистрантов из разных государств мира. Олимпиада проходит в два этапа: первый этап – национальный, второй – на федеральной территории «Сириус» (г. Сочи). В 2024 г. в нашей республике первый этап олимпиады прошел в апреле–мае в Белорусском государственном университете и Белорусском государственном экономическом университете. Во втором этапе IV Международной финансовой олимпиады (Сириус, г. Сочи, 30 сентября – 4 октября) участвовало 600 представителей из 36 стран (для сравнения: в 2023 г. – 19 стран): Азербайджана, Алжира, Аргентины, Армении, Бахрейна, Беларуси, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Вьетнама, Египта, Индии, Индонезии, Ирана, Ирака, Казахстана, Китая, Кубы, Кыргызстана, Ливана, Мавритании, Марокко, Мексики, Намибии, ОАЭ, Омана, Пакистана, Перу, России, Саудовской Аравии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, ЮАР, Эквадора и Эфиопии [7].

В рамках IV Международной олимпиады по финансовой безопасности прошли также важные международные события: круглый стол с участием глав финансовых разведок стран – участниц Олимпиады, 21-е заседание Совета Международного сетевого института в сфере ПОД ФТ, встреча представителей стран БРИКС по вопросам вовлечения молодежи в сферу финансовой безопасности, 3-й ежегодный Конкурс ЕАГ среди комплаенс специалистов финансовых учреждений на лучший финансовый

анализ в целях противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма, III Международный форум по финансовой безопасности «Сириус-2024» и др., направленные на обеспечение финансовой безопасности. Такие международные мероприятия вносят вклад в финансовое образование молодежи. В апреле 2025 г. в Беларуси организован и проведен I тур V Международной олимпиады по финансовой, осуществляется подготовка студентов для участия в финальном этапе V Международной олимпиады по финансовой безопасности в г. Красноярске, в котором примут участие представители 58 стран мира [7].

В современных условиях внешних вызовов и международной конкуренции следует прививать финансовую грамотность с дошкольного возраста, в школе финансы должны быть обязательным учебным предметом, а в ВУЗах государств – членов ЕАЭС – важным учебным курсом для расширения и углубления профессиональных компетенций в сфере финансовой безопасности.

Библиографический список

1. Договор о Евразийском экономическом союзе : [подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения 30.05.2025).

2. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь»: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 25 дек. 2023 г. // Евразийский экономический союз. – URL: https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894/ (дата обращения 30.05.2025).

3. Зарудницкий, А. В ЕАЭС формируется общий рынок ценных бумаг. Какие изменения произойдут? / А. Зарудницкий // MYFIN. – 13.02.2025 – URL: https://myfin.by/article/rynki/v-eaes-formiruetsa-obsij-rynok-cennykh-bumag-kakie-izmenenia-proizojdut-35584 (дата обращения 01.06.2025).

4. Обращение главам государств – членов Евразийского экономического союза // Президент Республики Беларусь. –

01.01.2025. – URL: https://president.gov.by/ru/events/obrasenie-glavam-gosudarstv-clenov-evrazijskogo-ekonomiceskogo-souza (дата обращения 30.05.2025).

5. Общие рынки энергоресурсов ЕАЭС обладают большим потенциалом для успешного противостояния основным вызовам в энергетике на евразийском пространстве // Евразийская экономическая комиссия. – 08.04.2024. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/obshchie-rynki-energoresursov-eaes-obladayut-bolshim-potentsialom-dlya-uspeshnogo-protivostoyaniya-o/ (дата обращения 30.05.2025).

6. О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза : решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 дек. 2024 г. № 22 // Национальный правовой портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F92400411 (дата обращения 30.05.2025).

7. Завершилась IV Международная олимпиада по финансовой безопасности // Международная Олимпиада по финансовой безопасности. – URL: https://rosfinolymp.ru/news/205 (дата обращения 01.06.2025).

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНОВ ЕАЭС, СНГ, ОДКБ И СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

А. Ю. Тома

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
TomaAY@bsu.by

Статья посвящена роли информационно-аналитического обеспечения в деятельности органов Евразийского экономического союза, Содружества независимых государств, Организации Договора о коллективной безопасности и Союзного государства России и Беларуси. Автором рассмотрены особенности аналитической работы и ее значение в процессе принятия политических решений. Отмечено, что целью аналитики является получение управленческих решений. На уровне интеграционных проектов на постсоветском пространстве такие решения автор предлагает разделить на идеологические (фундаментальные), стратегические, тактические и оперативные. Особое внимание уделяется роли информационно-аналитических центров и их взаимодействию с главами государств и наднациональных исполнительных и регулирующих органов. Обосновывается необходимость создания механизмов координации работы информационно-аналитических центров, разработки наднациональной идеологии, а также развития совместных программ по подготовке аналитиков для наднациональных органов.

Ключевые слова: информационно-аналитическое обеспечение; евразийская интеграция; наднациональные органы; информационно-аналитические центры.

INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT FOR THE BODIES OF THE EAEU, CIS, CSTO AND THE UNION STATE

A. Y. Toma

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, TomaAY@bsu.by

The article is devoted to the role of information and analytical support in the activities of the bodies of the Eurasian Economic Union, the Commonwealth of Independent States, the Collective Security Treaty Organization and the Union State of Russia and Belarus. The author examines the features of analytical work and its importance in the process of making political decisions. It is noted that the purpose of analytics is to obtain management decisions. At the level of integration projects in the post-Soviet space, the author proposes to divide such decisions into ideological (fundamental), strategic, tactical and operational. Particular attention is paid to the role of information and analytical centers and their interaction with heads of state and supranational executive and regulatory bodies. The need to create mechanisms for coordinating the work of information and analytical centers, developing a supranational ideology, as well as developing joint programs for training analysts for supranational bodies is substantiated.

Keywords: information and analytical support; Eurasian integration; supranational bodies; information and analytical centers.

Потребность в аналитике обусловлена фундаментальной потребностью общества в познании и организации всех сфер жизнедеятельности. Поэтому в широком смысле под аналитикой следует понимать знания, необходимые для понимания, описания, прогнозирования, проектирования и управления всеми сферами жизнедеятельности общества.

Целесообразно отметить следующее сущностное свойство аналитики, обусловленное ее функцией в любой социальной системе. Аналитика выступает в роли интегри-

рующей функции. На входе данной функции мы имеем дело с несистематизированной, разноплановой информацией об управляемых феноменах (процессах, объектах, явлениях). На выходе мы должны получить управленческие решения, принимаемые субъектами социальной системы. В целях выполнения такой функции аналитика может опираться на различные отрасли знаний, формируя собственную научно-методологическую основу: научные подходы, теории, гипотезы, методы и технологии сбора, передачи, хранения и обработки информации.

Аналитика, на наш взгляд, применяется там и тогда, где научные дисциплины не способны в рамках своей методологии охватить исследуемый феномен во всей его целостности, обеспечиваемой внутренними и внешними связями. Поэтому аналитик должен уметь представлять исследуемый феномен, как систему, находящуюся внутри другой системы. Однако это только первый уровень формализации исследуемого феномена. Следующий уровень формализации – это поиск или разработка моделей, отображающих свойства выявленных элементов и связей между ними. Причем выявленные элементы могут оказаться системами более низкого уровня.

Наиболее сложным в дальнейшей аналитической работе является формирование единой модели исследуемого феномена в результате синтеза разноплановых частных моделей. На содержательном уровне такая задача требует не только владения искусством декомпозиции целого, обращения к различным отраслям знаний, проведения междисциплинарных исследований, но и владения искусством синтеза разноплановых моделей.

В современном мире запрос на аналитику стремительно возрос. По нашему мнению, это обусловлено следующими факторами:

– резко повысилась «цена» управленческих решений;

– возросла динамика и сложность управляемых процессов в социальных системах;

– обострилась конкуренция между самими социальными системами;

– возросла роль культурологического (цивилизационного) фактора в оценке социально-политических и геополитических процессов;

– возросли массивы разноплановой несистематизированной информации, имеющей отношение к социальным системам и их взаимодействию.

Целью аналитики является получение управленческих решений в виде нового знания. На уровне интеграционных проектов на постсоветском пространстве (ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзное государство) такие решения целесообразно разделить на идеологические (фундаментальные), стратегические, тактические и оперативные.

Идеологические решения – это решения на выработку и принятие наднациональной идеологии, раскрывающей картину мира и формирующей образ будущего.

Стратегические решения – это решения на выработку и принятие программ, направленных на формирование систем жизнеобеспечения наднационального проекта.

Тактические решения – это решения, сформированные на основе декомпозиции стратегических решений на этапы и элементы, выражая их количественные характеристики.

Оперативные решения – это решения, направленные на решение задач, возникающих по конкретной ситуации.

Все эти решения системно связаны следующим образом. Не может быть эффективной наднациональной стратегий, если нет наднациональной идеологии. Невозможно принимать эффективные тактические решения, если нет стратегии. Оперативные решения текущих задач, принимаемые без учета управленческих решений более высокого уровня, рано или поздно приведут всю систему к кризису, за которым последует распад системы.

Под идеологией, на наш взгляд, следует понимать также систему смысловых координат (идей, концепций, нравственных ориентиров, норм, ценностей), формирующих

единое семантическое пространство, в котором можно отображать прошлое и конструировать будущее наднационального проекта. Это особо важно отметить, когда мы выходим на цивилизационный уровень, на котором включается ключевой фактор современной истории – фактор «столкновения цивилизаций». Образ будущего задает цели и смыслы совместной жизнедеятельности людей, позволяет направить их жизненную энергию к общим целям, выявить вызовы и угрозы их совместной жизни.

Идеология обеспечивает связь иррационального, представленного чувствами, национальными идеями, традициями, ценностями и верованиями в научные знания: категории, принципы, модели, концепции, гипотезы, теории, научное мировоззрение. В связи с этим идеология является стержнем всей аналитики, обеспечивающим качественную связь с наукой и культурой. Ошибки, допущенные или искусственно внедренные на идеологическом уровне, впоследствии неизбежно приводят к краху всего наднационального проекта.

Без идеологии проблематично не только обеспечить целостность наднационального проекта, но и организовать эффективный процесс сбора, накопления, хранения, передачи и обработки информации в целях организации и управления сферами жизнедеятельности общества. В этой связи уместно вспомнить изречение философа Сенеки: «Когда корабль не знает, в какой порт направляется, никакой ветер не будет попутным».

После распада Советского союза с утратой общих мировоззренческих позиций, некоторые создаваемые аналитические структуры в основу своих теоретических исследований стали закладывать хорошо разработанные на Западе концепции «столкновения цивилизаций», «демократического мира», «общего рынка», «гражданского общества» и т. д.

В зависимости от того, какая концепция или их смесь закладывалась в основу моделирования, появлялись те

или иные модели. На их основе давались определенные прогнозы, программы, стратегии и тактики развития общества и государства. На нынешнем этапе развития стран постсоветского пространства становится очевидным, что, без наднациональной идеологии невозможно обеспечить эффективное развитие таких масштабных интеграционных объединений, как ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзное государство. Идеология выступает как фундаментальная основа, объединяющая страны-участницы, задает общие цели и ценности, а также формирует внутреннюю мотивацию для совместных действий.

В условиях многообразия культур стран-участниц ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзного государства важно иметь единое понимание целей и принципов сотрудничества. Это способствует укреплению доверия, преодолению разногласий и формированию чувства единства. Например, «образ будущего ЕАЭС» помогает странам-участницам видеть свою роль в общем пространстве и работать ради общего будущего.

Также идеология служит мотиватором для реализации долгосрочных стратегий. В условиях глобальных вызовов наличие общей идеи помогает сохранять единство и преодолевать возникающие проблемы. Идеология стимулирует общество и лиц, принимающих политические решения, действовать в интересах общего блага, а не только краткосрочных национальных интересов.

Кроме того, наличие общей идеологии способствует формированию поддержки внутри стран-участниц. Если население разделяет общие ценности и идеи интеграционного объединения, то это способствует более активному участию граждан в интеграционных процессах. В противном случае возможна апатия или сопротивление интеграционным процессам.

Без развитой идеологической основы существует риск размывания целей интеграционного объединения и возникновения внутренних противоречий. Отсутствие обще-

го видения может привести к тому, что каждая страна будет ориентироваться только на собственные интересы, что снизит эффективность совместных инициатив.

В целом, без сильной идеологической платформы интеграционные процессы рискуют стать формальностью или бюрократическим механизмом без поддержки со стороны общества. Поэтому развитие ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзного государства невозможно представить без формирования четкой наднациональной идеи.

Другой проблемой является сложность процесса принятия наднациональных политических решений на уровне ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзного государства. В настоящее время процесс принятия наднациональных политических решений в рамках ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзного государства характеризуется сложной многоуровневой структурой. Он включает не только взаимодействие глав государств между собой, но взаимодействие государственных органов власти с наднациональными исполнительными и регулирующими органами. От эффективности их взаимодействия зависит процесс принятия наднациональных политических решений. В свою очередь это может приводить к определенным противоречиям.

Когда разные информационно-аналитические центры предоставляют противоречивую информацию или рекомендации, то лица, принимающие политические решения, сталкиваются с трудностями в формировании согласованной позиции. «В число первостепенных задач, решаемых аналитическими центрами, входят: поддержка принятия решений, прогнозирование, оценка проблемных ситуаций, помощь в осуществлении стратегического планирования, проведение мониторинга, анализ текущей обстановки внутри страны и на внешнем контуре, поиск альтернатив, просвещение граждан, обучение заинтересованных лиц, информационно-методическое обеспечение деятельности органов власти, осуществление публичной коммуникации и посредничества между государством

и обществом» [2, с. 135]. Решение данных задач особенно критично в условиях необходимости реагирования на внешние вызовы или при разработке наднациональных стратегических документов. Разногласия могут привести к затягиванию согласования решений, снижению их эффективности или даже к расколу внутри интеграционных объединений.

Различия в источниках информации и методологиях анализа могут приводить к тому, что разные информационно-аналитические центры будут предоставлять противоречивые оценки ситуации или предлагать совершенно разные решения. В результате такие расхождения могут тормозить процесс принятия наднациональных политических решений или приводить к внутренним конфликтам внутри интеграционных объединений.

Когда разные информационно-аналитические центры предоставляют противоречивую информацию или рекомендации, лица, принимающие политические решения, сталкиваются с трудностями в формировании согласованной позиции. Это особенно критично в условиях необходимости реагирования на внешние вызовы или при разработке наднациональных стратегических документов. Разногласия могут привести к затягиванию согласования решений, снижению их эффективности или даже к расколу внутри интеграционных объединений.

Помимо этого, большое значение имеет идеологическая ангажированность аналитиков и лиц, принимающих политические решения. Например, в Европейском союзе при подготовке аналитического материала аналитик будет учитывать те концепции и идеи, которые были им усвоены в процессе обучения и работы. В данном случае речь идет о «европейских ценностях», «правах человека» и т. д. Идеология, основанная на данных ценностях, которую еще называют европеизм, позволяет унифицировать модели поведения людей в определенных ситуациях.

Для преодоления вышеуказанных проблем необходимо создавать механизмы координации работы информационно-аналитических центров, разработать и согласовать наднациональную идеологию на уровне ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзного государства, а также развивать совместные программы по подготовке аналитиков для наднациональных органов.

Библиографический список

1. Филиппов, В. А. Аналитические центры вчера и сегодня / В. А. Филиппов, Л. В. Богатырева. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 136 с.

2. Черник, А. В. Аналитические центры: роль в современном мире / А. В. Черник // Веснік Гродзен. дзярж. ўн-та імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2025. – Т. 17, № 1. – С. 131–137.

Секция 8

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И АФРИКАНИСТИКИ

ИННОВАЦИИ В ОБЛАСТИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КИТАЯ

Е. С. Ботеновская[1)], Е Юйху[2)]

[1)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, batsianouskaya@bsu.by

[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yohoyeh@qq.com

В данной статье рассмотрены стратегии развития инноваций в области цифровых технологий, выявлены особенности их появления в Китае и преимущества. Установлено, что пандемия способствовала развитию новых потребительских форматов, бизнес-моделей и инноваций в области цифровых технологий. Показано, что Китай стал одним из мировых лидеров в разработке и инновациях в области цифровых технологий. Установлено, что к преимуществам инноваций в области цифровых технологий относятся модернизации традиционных отраслей, возможность перехода от опоры на иностранные технологии и имитации иностранных моделей к собственным инновациям и реализации инновационного потенциала с учетом характерных особенностей Китая. Установлено, что цифровые технологии предоставят инновационные решения для различных отраслей экономики Китая, повысив жизнеспособность и конкурентоспособность китайской экономики.

Ключевые слова: инновации; стратегия; цифровая экономика; цифровые технологии; большие данные; 5*G*.

DIGITAL INNOVATION AS A FACTOR IN INCREASING CHINA'S COMPETITIVENESS

K. S. Batsianouskaya[a], Ye Yuhu[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
batsianouskaya@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, yohoyeh@qq.com

This paper analyzes the strategy of digital innovation development in China, identifies the features and advantages of digital innovation for upgrading traditional industries and enhancing China's competitiveness. This paper examines the strategies for developing digital innovation, identifies the features of emergence in China, and their advantages. It is established that the pandemic has contributed to the development of new consumer formats, business models and in digital technology innovation. It is shown that China has become one of the world leaders in the development and digital technology innovation. It is established that the advantages of digital innovation include the modernization of traditional industries, the ability to move from reliance on foreign technologies and imitation of foreign models to their own innovations and the realization of innovation potential, taking into account the characteristic features of China. It is established that digital technologies will provide innovative solutions for various sectors of the Chinese economy, increasing the viability and competitiveness of the Chinese economy.

Keywords: innovation; strategy; digital economy; digital technology; big data; 5G.

В современных условиях конкурентоспособность отдельных стран во многом зависит от цифровой трансформации их экономик, в связи с чем актуальным является исследование стратегий развития инноваций в области цифровых технологий. Современный этап развития китайской инновационной системы характеризуется активным использованием цифровых технологий, которые являются «подрывными» инновациями для традиционных

процессов производства и потребления [1, с. 108]. В связи с этим особый интерес представляет исследование перехода к цифровым технологиям, особенностей их появления в Китае, факторов, способствующих их активному применению и распространению, а также их преимуществ.

Многие специалисты сходятся во мнении, что 1992 г. стал началом эры Интернета. После десятилетий развития Интернет прочно вошел в повседневную жизнь людей, число пользователей Интернета значительно увеличивалось. Правительство США разрешили коммерческую деятельность в Интернете в 1992 г., ознаменовав переход Интернета от академического и военного использования к коммерческому и общественному использованию. Новые концепции, такие как «Интернет-финансы» и «Интернет плюс» постепенно стали известны и широко используются общественностью. С развитием интернет-технологий мировая промышленность постепенно перешла от традиционной промышленной экономики к эпохе цифровой экономики.

После начала вспышки *COVID*-19 в 2019 г., из-за воздействия пандемии на традиционные отрасли и быстрого развития цифровых технологий, в разных странах были предложены стратегии развития инноваций в области цифровых технологий. Еще в 2015 г. Германия выдвинула концепцию «цифровые данные + экономика = цифровая экономика». В феврале 2015 г. Великобритания также опубликовала собственную стратегию цифровой экономики «Стратегия цифровой экономики на 2015–2018 гг.». В 2019 г. Япония и Южная Корея соответственно заключили двусторонние соглашения с США и Европой для поддержки международной передачи цифровых данных. В декабре того же года администрация Белого дома и Управление бюджета США выпустили Федеральную стратегию данных и План действий на 2020 г. В том же году Британский департамент цифровых технологий, культуры, СМИ и спорта опубликовал Национальную стратегию данных. Европейская комиссия опубликовала «Стратегию

данных ЕС» в феврале 2020 г. и предложила к 2030 г. превратить Европу в наиболее привлекательную, безопасную и динамично развивающуюся экономику в мире [2, с. 4–5].

Китай впервые упомянул концепцию «больших данных» в отчете о работе правительства в 2015 г. В 2016 г. реализация стратегии больших данных в 13-м пятилетнем плане стала важной частью инновационного развития. В документе было сказано: «Необходимо реализовать национальную стратегию больших данных и способствовать открытому обмену ресурсами данных. Кроме того, важно совершенствовать механизм телекоммуникационных услуг, проводить мероприятия по увеличению скорости сети и снижению стоимости, а также внедрять Интернет следующего поколения» [3, с. 19]. Другим важным шагом является содействие инновациям в промышленных организациях, бизнес-моделях, цепочке поставок и логистики, а также поддержка различных инноваций, разработанных на основе Интернета.

К апрелю 2020 г. Центральный комитет Коммунистической партии и Государственный совет Китая опубликовали «Взгляд на построение улучшенной системы и механизма рыночного распределения факторов». В этом документе «цифровые данные» названы одним из факторов производства. Содержание этих стратегий показывает, что в области научно-технических инноваций в цифровой экономике мир вступил в относительно жесткую конкуренцию. «Применение достижений цифровых технологий может помочь малым и средним предприятиям снизить затраты на программное и аппаратное обеспечение за счет оплаты по факту использования, сократить затраты времени на составление планов, согласование между предприятиями и формирование перепрофилированной команды, а также может предоставить малым и средним предприятиям персонализированные и гибкие решения» [3, p. 19]. Преимущества, демонстрируемые инновациями в области цифровых технологий, необходимы Китаю для осуществления модернизации и преобразования традиционных отраслей промышленности.

Цифровая экономика порождает новые отрасли, новые бизнес-форматы и новые модели. Благодаря быстрому развитию больших данных, облачных вычислений, искусственного интеллекта и других технологий цифровая экономика предоставила инновационные решения для различных отраслей экономики Китая, повысив жизнеспособность и конкурентоспособность китайской экономики.

Достижения интернет-экономики могут быть напрямую использованы во многих сферах экономического развития и инфраструктуры, для достижения скачка в производственных технологиях. Кроме того, Китай имеет обширное рыночное пространство для интернет-экономики. Китайские потребители обычно проводят больше времени в интернете по сравнению с другими рынками, используя такие торговые площадки как *Alibaba, Taobao, JD, Tmall, Pinduoduo*. Более того особенностью китайских потребителей является способность к легкой и быстрой адаптации к принятию всего нового [1, с. 108]. Можно сказать, что реализация стратегии больших данных в эпоху Интернета, дает Китаю важную возможность сократить отставание от развитых стран в сфере технологических инноваций.

В декабре 2020 г. число китайских пользователей сети достигло 989 млн, а процент распространения Интернета достиг 70,4 %. В декабре 2024 г. уровень проникновения Интернета в Китае составил 78,6 %, количество пользователей мобильного Интернета в Китае практически достигло 1,105 млрд человек, а число зарегистрированных пользователей Интернета составило 1,108 млрд [4, p. 11].

В настоящее время Китай занимает лидирующие позиции в мире в области 5*G*. По данным на октябрь 2020 г. в Китае было построено более 700 000 базовых станций 5*G*, а на конец марта 2025 г. их число превысило 4,39 млн [5].

China Mobile, один из крупнейших операторов связи Китая, начал широкомасштабное продвижение коммерческих операций 5*G* в 2020 г. В 2020 г. в выставочном зале

«Poly World Trade Center» в Гуанчжоу прошла восьмая Глобальная партнерская конференция *China Mobile*. На этой конференции всесторонне обсуждалась «Стратегия цифровых инноваций *China Mobile* 5*G*+» и демонстрировалось, как *China Mobile* и ее партнеры содействуют развитию инноваций в области цифровых сетей и продуктов, цифровых технологий и экологических инноваций на основе 5*G*+, а также способствуют всестороннему ускорению социальной и экономической цифровой трансформации. В настоящее время количество клиентов, выбравших пакет услуг *China Mobile* по эксплуатации мобильных телефонов 5*G*, достигло 578 млн [6].

На мировом рынке мобильных платежей преобладают в первую очередь китайские *Alipay* и *WeChat Pay*, несмотря на их доминирование именно в Китае. Далее следуют *Apple Pay, Google Pay, PayPal, Paytm, PhonePe, Samsung Pay*. Благодаря возможности платить за все с мобильного телефона постепенно в цифровые платежи были вовлечены все сферы повседневной жизни, 86 % из 1 млрд пользователей Интернета в Китае совершают мобильные платежи [7, p. 103]. *Alipay* стал предпочтительным способом оплаты на *Taobao*, а оплата *WeChat* получила распространение, когда Tencent использовали китайскую старинную традицию дарить нарядные красные конверты с наличными, раздав 1,2 млн цифровых красных конвертов во время празднования китайского Нового года в феврале 2014 г., что сделало возможным отправить в подарок настоящие деньги, привязав банковский счет к *WeChat* [7, p. 103].

В настоящее время китайская технология мобильных платежей уже используется во многих странах. Оперативное развитие и инновации цифровой экономики Китая помогли перейти от опоры на иностранные технологии и имитации иностранных моделей в прошлом к реализации собственного инновационного потенциала. Так, согласно Глобальному инновационному индексу 2024 г., опубликованному Всемирной организацией интеллектуальной

собственности, Китай занимает 11-е место среди более чем 130 стран индекса и остается единственной страной со средним уровнем дохода, входящей в его первой тридцатке [8, p. 21].

Быстрое развитие технологии 5*G China Mobile* – это классический пример непрерывных научных и технологических достижений многих китайских технологических компаний в контексте цифровой экономики и глобальных экономических преобразований.

По данным Национального бюро статистики КНР добавленная стоимость основных отраслей цифровой экономики составила 12,755 трлн юаней, что соответствует 9,9 % ВВП [9]. Масштаб цифровой экономики Китая может достигнуть 7,86 трлн дол. США в 2024 г., а доля цифровой экономики в ВВП страны выросла до 43 % по сравнению с уровнем в 15 % ВВП в 2008 г. [10, p. 81].

Таким образом, из приведенных выше данных видно, что Китай стал одним из мировых лидеров в разработке и инновациях в области цифровых технологий, а цифровая инфраструктура обслуживает более 1 млрд пользователей, которые легко адаптируются к новым инновационным решениям. Можно сделать вывод, что инновации в области цифровых технологий стали важной частью стратегии инновационного развития Китая и мощной движущей силой экономического роста, что значительно повысило уровень технологических инноваций и экономического развития Китая. В настоящее время Китай является одним из крупнейших рынков электронной коммерции, широкополосной сети и мобильного интернета. На современном этапе развития Китай находится в поисках эффективной стратегии роста, основываясь на цифровых технологиях и стимулировании внутреннего потребления. Оперативное развитие и инновации цифровой экономики помогут перейти от опоры на иностранные технологии и имитации иностранных моделей к реализации собственного инновационного потенциала.

Библиографический список

1. Цифровые технологии и инновации – драйверы мирового экономического развития в условиях неопределенности / Е. Л. Давыденко, Су Цян, Е. С. Ботеновская [и др.]. – Минск : ИВЦ Минфина, 2024. – 189 с.

2. 大数据白皮书 2020 年版 = Белая книга по большим данным, 2020 г. – 北京 : 中国信息通信研究院 = Пекин : Китай. акад. информационных и коммуникационных технологий, 2020. – 58 с.

3. 中国数字经济发展报告 = Отчет о развитии цифровой экономики Китая. – 北京 : 中国信息通信研究院 = Пекин : Китай. акад. информационных и коммуникационных технологий, 2022. – 51с.

4. The 55th Statistical Report on China's Internet Development, Jan. 2025 // China Internet Network Information Center (CNNIC). – 2025. – URL: https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202505/P020250514564119130448.pdf (date of access: 24.04.2025).

5. Развитие 5G в Китае 22.11.2024. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5_5G_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5 (дата обращения: 22.05.2025).

6. Waring, J. China 5G network users near 1.05B / J. Waring. // Mobile World Live. – 28.04.2025. – URL: https://www.mobileworldlive.com/china-mobile/china-5g-network-users-near-1-05-billlion (date of access: 10.05.2025).

7. Ultimate Guide to China Social Media Marketing in 2022 // KAWO. – URL: https://assets.kawo.com/KAWO-2022-Ultimate-Guide-to-China-Social-Media-Marketing.pdf (date of access: 07.06.2024).

8. Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship: Global Innovation Index. – Geneva: WIPO, 2024. – 323 p. // World Intellectual Property Organizationю – URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000%20Global%20Innovation%20Index%202024_WEB3lite.pdf (date of access: 24.05.2025).

9. National Bureau of Statistics of China, Value Added of China's Core Industries of Digital Economy Takes up 9.9 pct of GDP in 2023 // National Bureau of Statistics of China. – 01.01.2025. – URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202501/t20250108_1958159.html (date of access: 24.05.2025).

10. China Mega Report 2025 // Chozan, Alarice – URL: https://chozan.co/wp-content/uploads/2025/02/China-Mega-Report-2025.pdf (date of access: 01.05.2025).

КИТАЙ И АФРИКА: ПОСТРОЕНИЕ «СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ В НОВУЮ ЭПОХУ»

Р. О. Есин[1)], О. П. Рубо[2)]

[1)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь yesinro@bsu.by
[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, rubo@bsu.by

В статье проводится исследование теоретических основ концепции «сообщества единой судьбы», анализируется ее роль во внешней политике КНР, а также ее влияние на укрепление международного положения Китая. Построение «сообщества единой судьбы между Китаем и Африкой» рассматривается как стратегическое направление взаимодействия сторон. Анализируются практические аспекты реализации этой концепции с опорой на официальные заявления китайских должностных лиц, подтверждающие приверженность Китая данному подходу. В заключение делается вывод о том, что концепция «сообщества единой судьбы» является ключевым элементом внешней политики КНР, способствующим углублению партнерских отношений со странами Африки как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

Ключевые слова: Африка; Китай; «сообщество единой судьбы между Китаем и Африкой» ; внешняя политика; Си Цзиньпин; Форум китайско-африканского сотрудничества.

CHINA AND AFRICA: BUILDING A «COMMUNITY OF COMMON DESTINY IN THE NEW ERA»

R. O. Yesin[a], O. P. Rubo[b]

[a] *Belarusian State University,*
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, yesinro@bsu.by
[b] *Belarusian State University,*
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, rubo@bsu.by

This article investigates the theoretical foundations of the «community of common destiny» concept, analyzes its role in China's foreign policy, and examines its impact on strengthening China's international standing. Building a «community of common destiny between China and Africa» is considered a strategic direction for their interaction. The practical aspects of implementing this concept are analyzed, drawing on official statements by Chinese officials, confirming China's commitment to this approach. In conclusion, it is argued that the «community of common destiny» concept is a key element of China's foreign policy, contributing to the deepening of partnerships with African countries on both bilateral and multilateral levels.

Keywords: Africa; China; «China – Africa community of common destiny»; foreign policy; Xi Jinping; Forum on China-Africa Cooperation.

Концепция «сообщества единой судьбы», предложенная Си Цзиньпином, приобрела центральное значение во внешней политике Китайской Народной Республики. Китай последовательно использует эту концепцию для расширения и углубления сотрудничества с зарубежными партнерами, продвигая ее как альтернативу западному либеральному мировоззрению. В контексте построения сообщества Китая предлагает экономические, политические и социальные блага в обмен на поддержку своего внешнеполитического курса и признание своей лидерской роли [1, p. 6–8].

Концепция «сообщества единой судьбы» является ключевой теоретической основой для внешнеполитиче-

ской стратегии КНР, направленной на обеспечение благоприятной международной среды для достижения национальных целей развития. Китая исходит из того, что, придерживаясь концепции инклюзивного, справедливого и устойчивого развития и опираясь на принципы широкого консультирования, совместного вклада и взаимовыгодного сотрудничества, необходимо формировать общие рынки и содействовать обмену технологиями для ускорения индустриализации и преодоления существующих глобальных асимметрий [2, p. 6].

Построение сообщества служит инструментом для достижения «китайской мечты о великом возрождении нации», реализация которой требует активного вовлечения КНР в международные отношения, формирование благоприятного имиджа и выстраивания партнерских отношений с зарубежными странами, что позволяет успешно продвигать китайские интересы [1, p. 6].

Приверженность этой концепции находит отражение в заявлениях официальных лиц КНР всех уровней на встречах с африканскими коллегами, в ее включении в совместные заявления как на двустороннем, так и многостороннем уровнях развития сотрудничества. Китайские ученые также подчеркивают ключевую роль «китайско-африканского сообщества» в реализации внешнеполитической стратегии Китая. Концепция «сообщества единой судьбы», подразумевает создание сети «отношений стратегического партнерства нового типа», включающей несколько уровней сотрудничества между ее членами. Китайские исследователи утверждают, что для достижения общего будущего государства должны обладать высоким уровнем политического сотрудничества, сопоставимым с уровнем взаимодействия с другими (третьими) странами. Хотя сотрудничество в области политики и безопасности является ключевым компонентом, его форма отличается от формальных союзных отношений. С точки зрения теоретического и концептуального содержания, концепция

«сообщества единой судьбы» ближе к стратегии углубленных партнерских отношений [3, с. 78].

Данная концепция в отношении африканских стран, впервые озвученная Си Цзиньпином в 2013 г. в Танзании, основывается на общности исторического опыта, задачах развития и стратегических интересах Китая и Африки. Си Цзиньпин неоднократно возвращался к этой идее, в частности, в 2018 г., призывая к построению сообщества, основанного на взаимовыгодном сотрудничестве и защите общих интересов Китая и стран Африки [1, p. 8].

В своей речи на XIX съезде Коммунистической партии Китая в октябре 2017 г., Си Цзиньпин обозначил цель построения «сообщества единой судьбы человечества», которая заключается в укреплении позиций страны на международной арене. Председатель КНР заявил, что «дипломатия великой державы с китайской спецификой призвана содействовать созданию международных отношений нового типа и сообщества единой судьбы человечества». В данном контексте председатель КНР Си Цзиньпина подчеркнул необходимость дальнейшего развития концепции, рассматривая ее как неотъемлемый элемент для достижения «китайской мечты». Концепция «единой судьбы человечества» предполагает взаимосвязь национального процветания Китая с обеспечением мира и стабильности в международных отношениях. По словам председателя, Китай придерживается стратегии мирного развития, открытости, основанной на принципах взаимной выгоды и совместного выигрыша. В основе внешней политики Китая лежит приверженность принципам справедливости и обоюдной выгоды, а также формирование новой концепции всеобщей, комплексной и устойчивой безопасности, основой которой служит развитие сотрудничества. Китай намерен содействовать открытому, инновационному, инклюзивному и взаимовыгодному развитию, поддерживать межцивилизационный диалог, основанный на принципах гармоничного сосуществования при сохра-

нении культурного многообразия, взаимного уважения и взаимодополнения, создавать экологически устойчивый системы [4]. В своем докладе на XX Всекитайском съезде КПК в 2022 г. Си Цзиньпин заявил о необходимости продвигать создание «сообщества единой судьбы человечества», что должно послужить основой для будущего развития «народов всех стран мира» [5].

На саммите Форума китайско-африканского сотрудничества (ФКАС) в Пекине в 2018 г. была выдвинута инициатива по формированию более тесного «сообщества единой судьбы Китая и Африки», получившая единогласную поддержку африканских лидеров. По заявлению председателя КНР, устойчивый рост объемов торговли и инвестиций свидетельствует о динамичном развитии экономического сотрудничества. Присоединение большинства африканских стран к инициативе «Один пояс, один путь» укрепило основы всеобъемлющего стратегического партнерства между КНР и Африкой [6].

На восьмой министерской конференции ФКАС в 2021 г. Си Цзиньпин подчеркнул важность дальнейшего развития концепции «китайско-африканского сообщества единой судьбы», что позволит придать значительный импульс укреплению всеобъемлющего стратегического партнерства и сотрудничества между Китаем и африканскими государствами [6].

Председатель КНР Си Цзиньпин на Форуме китайско-африканского сотрудничества, состоявшемся в начале сентября 2024 г., предложил повысить общий статус китайско-африканских связей до «всепогодного китайско-африканского сообщества единой судьбы в новую эпоху». Он отметил, что благодаря неустанным усилиям сторон на протяжении почти 70 лет китайско-африканские отношения находятся на самом высоком уровне развития в своей истории [7].

Несмотря на меняющуюся глобальную архитектуру, Китай подтверждает приверженность прочным отноше-

ниям с Африкой, основанным на принципах правдивости и открытости. Министр иностранных дел Ван И подчеркнул неизменность данного курса в 2018 г., выступая на ежегодной сессии Всекитайского собрания народных представителей. Он заявил, что Китай позиционирует себя как партнера, ориентированного на удовлетворение нужд и интересов африканских стран. В рамках этой стратегии особое внимание уделяется решению двух ключевых задач: поддержанию мира и безопасности, а также стимулированию социально-экономического развития континента. Министр отметил, что Китай демонстрирует готовность к более активному посредничеству в урегулировании региональных конфликтов, а также к расширению сотрудничества в областях, касающихся борьбы с терроризмом, пиратством, предотвращения стихийных бедствий и реагирования на другие нетрадиционные вызовы безопасности. По словам Ван И, Африка рассматривается как неотъемлемая часть в контексте формирования «сообщества единой судьбы человечества» [8].

В рамках симпозиума, посвященного международной ситуации и китайской дипломатии в 2024 г., который состоялся 17 декабря 2024 г., министр иностранных дел Ван И подчеркнул прогресс в построении «сообщества единой судьбы человечества», охарактеризовав его как масштабный проект, привлекающий все большее число стран. Особое внимание было уделено договоренности между лидерами Китая и стран Африки о формировании «всепогодного китайско-африканского сообщества единой судьбы в новую эпоху». По заявлению Ван И, повышение уровня взаимодействия между сторонами отражает общую приверженность 2,8 млрд жителей Китая и Африки к совместному развитию, основой которой является укрепление солидарности [9].

Тематика построения «сообщества единой судьбы» рассматривается и на различных экспертных встречах. Например, в рамках ежегодного Всемирного форума мира

в Китае, в котором активное участие принимают представители африканских государств, неизменно подчеркивается необходимость укрепления единства и сотрудничества между государствами, уделяется особое внимание продвижению открытого сотрудничества для достижения глобального устойчивого развития.

В контексте углубления белорусско-китайского стратегического партнерства и расширения внешнеполитических интересов Беларуси в Африке, изучение опыта построения «сообщества единой судьбы» между Китаем и африканскими странами приобретает особую актуальность. Полученные результаты могут быть использованы для разработки эффективных стратегий сотрудничества Беларуси со странами африканского континента.

Таким образом, концепция «сообщества единой судьбы» является важным элементом внешней политики Китая, направленным на углубление партнерских отношений. Данная концепция отражает китайское видение новой модели международных отношений, в основе которых взаимновыгодное сотрудничество, взаимное уважение и взаимодополнение действий. Анализ данной концепции позволяет понять стратегические цели, инструменты и перспективы внешней политики КНР в современном мире. Заявления Си Цзиньпина и активное использование концепции «китайско-африканского сообщества единой судьбы» другими официальными представителями страны свидетельствуют о стратегическом значении, которое Китай придает развитию отношений со странами Африки, о большой заинтересованности китайской стороны в расширении сотрудничества со странами регионам в различных форматах. Китай неизменно декларирует намерение оказывать содействие африканским странам на пути их модернизации, расширять обмены и сотрудничество с ними в различных сферах. Поддержка концепции со стороны стран Африки свидетельствует об эффективности проводимого Китаем внешнеполитического курса в отношении континента.

Библиографический список

1. Shinn, D. H. China's relations with Africa: A new era of strategic engagement / D. H. Shinn, J. Eisenman. – New York : Columbia University Press, 2023. – xix, 484 p.

2. China's Development and the Construction of the Community with a Shared Future for Mankind / ed. L. Wang. – Singapore : Springer, 2023. – xxv, 972 p.

3. Семенов, А. С. Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая / А. С. Семенов, А. Н. Цвык // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 8. – С. 72–81. URL: https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81 (дата обращения: 19.05.2025).

4. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК // Синьхуа. – 11.03.2017. – URL: https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 19.05.2025).

5. Full Text: Keynote speech by Chinese President Xi Jinping at opening ceremony of 8th FOCAC ministerial conference // Secretariat of the Chinese Follow-up Committee of the Forum on China-Africa Cooperation. – 02.12.2012. – URL: http://www.focac.org/eng/ttxxsy/202112/t20211202_10461079.htm (date of access: 27.05.2025).

6. Полный текст доклада 20-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – 25.10.2022. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (дата обращения: 18.05.2025).

7. Full text: Keynote address by Chinese President Xi Jinping at opening ceremony of 2024 FOCAC summit. // Chinadaily.com.cn. – 05.09.2024. – URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202409/05/WS66d95a04a3108f29c1fca5c0.html (date of access: 27.05.2025).

8. Ван И: пусть китайско-африканское сотрудничество поднимется еще выше на мощных крыльях «Пояса и пути» // Синьхуа. – URL: https://russian.news.cn/2018-03/08/c_137025007.htm (дата обращения: 20.05.2025).

9. Ван И: Создание сообщества единой судьбы человечества стало великолепным делом, к строительству которого все больше стран по всему миру присоединяются // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. – 17.12.2024. – URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202412/t20241220_11507199.html (дата обращения: 18.05.2025).

АВТОБИОГРАФИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧНОСТЬ ПОЭЗИИ ВЭНЬ ТЯНЬСЯНА

К. И. Лещенко

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
Leshchanka74@bsu.by

Статья посвящена анализу поэзии Вэнь Тяньсяна, (文天祥, 1236–1283 гг.), поэта и государственного деятеля эпохи Сун (960–1279 гг.). Вэнь Тяньсян признается одним из «троих выдающихся деятелей конца эпохи Сун» (宋末三杰) и национальным героем Китая, поскольку он, будучи сунским полководцем и сражаясь против монгольских завоевателей, предпочел капитуляции и переходу на сторону противника тюремное заключение, а впоследствии и казнь. Поэзии Вэнь Тяньсяна свойственны автобиографичность и историчность, поскольку при написании произведений автор опирается на реальные исторические факты и события собственной жизни. Анализ поэзии Вэнь Тяньсяна призван дать дополнительную характеристику сущности процессов, происходящих в китайском обществе на рубеже эпох Сун и Юань, а также проиллюстрировать на конкретных примерах, каким образом Вэнь Тяньсян вошел в историю китайской литературы как поэт-патриот.

Ключевые слова: Вэнь Тяньсян; жанр ши; китайская поэзия; монгольское завоевание; Сунши; Хубилай-хан; эпоха Сун; эпоха Юань.

AUTOBIOGRAPHICAL APPROACH AND HISTORICITY IN WEN TIANXIANG'S POETRY

K. I. Leshchanka

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
Leshchanka74@bsu.by

The article analyzes the poetry of Wen Tianxiang (文天祥, 1236–1283), a poet and statesman of the Song Dynasty (960–1279). Wen Tianxiang is recognized as one of the «three outstanding figures of the late Song Dynasty» (宋末三杰) and a national hero of China, since he, being a Song commander and fighting against the Mongol conquerors, preferred imprisonment and later execution to capitulation and going over to the enemy. Wen Tianxiang's poetry is characterized by autobiographical approach and historicity, since when writing his works the author relies on real historical facts and events of his own life. The analysis of Wen Tianxiang's poetry is intended to provide additional characteristics of the essence of the processes occurring in Chinese society at the turn of the Song and Yuan eras, as well as to illustrate with specific examples how Wen Tianxiang entered the history of Chinese literature as a patriotic poet.

Keywords: Chinese poetry; Kublai Khan; Mongol conquest; shi genre; Song era; Songshi; Wen Tianxiang; Yuan era.

Династия Юань (元朝, 1271–1368 гг.), основанная Хубилай-ханом, внуком первого великого хана Монгольской империи Чингисхана, пришла к власти в Китае после длительного периода кровопролитных войн и завоеваний. Разгромив в 1234 г. чжурчжэньскую династию Цзинь (金朝, 1115–1234 гг.), монгольские войска начали изнурительную кампанию против династии Сун (宋朝, 960–1279 гг.), в то время контролировавшей южную часть Китая и поддержавшей до этого монголов в борьбе против Цзинь. Лишь в 1279 г. битва при Ямэнь положила

конец сопротивлению сунских войск и ознаменовала установление правления династии Юань [1, с. 399–400].

Китайские интеллигенция и аристократия были поставлены в непростые условия. Часть ученых, чиновников и военных офицеров поступили на государственную службу к монголам, однако нашлись и те, кто занял принципиальную позицию и отказался сотрудничать с новым руководством страны, рассматривая династию Юань исключительно как оккупантов и не желая нарушать присяги, принесенной династии Сун. Среди таковых был и Вэнь Тяньсян (文天祥, 1236–1283 гг.), поэт, государственный чиновник и полководец, национальный герой Китая, один из «троих выдающихся деятелей конца эпохи Сун» (宋末三杰), в число которых также входят Чжан Шицзе (张世杰, ?–1279 гг.) и Лу Сюфу (陆秀夫, 1238–1279 гг.) [2].

Основные биографические сведения о Вэнь Тяньсяне приводятся в династийной истории сунского государства «Сунши» (宋史, «История Сун», XIV в.) [3]. Изучением и переводом на русский язык поэзии автора занимались выдающиеся востоковеды В. М. Алексеев, И. С. Смирнов, а также доцент УрФУ Д. В. Возчиков, который посвятил отдельную статью историческим образам в поэзии Вэнь Тяньсяна. Д. В. Возчиков также отмечает, что такие западные исследователи, как Дж. Джей и У. Теодор де Бари, в своих работах раскрывают потенциал «произведений Вэнь Тяньсяна как исторических источников» [4, с. 593].

Целью настоящей статьи является характеристика творчества Вэнь Тяньсяна через призму его биографии и исторических реалий периода его жизни. Будучи активным участником важнейших общественно-исторических трансформаций в Китае, Вэнь Тяньсян предлагает собственный взгляд на события рубежа эпох Сун и Юань.

Вэнь Тяньсян был приверженцем конфуцианства и обладателем высшей ученой степени цзиньши (进士), более того, по результатам экзамена на получение данной степени он возглавил список соискателей – император Сун

Лицзун (宋理宗, 1205–1264 гг.) лично признал его наилучшим. Этот эпизод описан в исторических документах – в частности, в «Сунши» (宋史) [4].

На протяжении своей службы в качестве чиновника на различных постах Вэнь Тяньсян противостоял сторонникам проведения политики умиротворения в адрес монголов и, напротив, выступал за активизацию военных действий. С 1275 г., в период полномасштабного вторжения монгольских войск, Вэнь Тяньсян активно сражается против них со своим военным отрядом. Планы дальнейшей борьбы, предлагаемые Вэнь Тяньсяном, не находят поддержки у сунского двора. В 1276 г. у власти находились вдовствующая императрица Сун Се Даоцин (谢道清, 1210–1283 гг.) вместе с пятилетним императором Гунцзуном (宋恭宗, 1271–1323 гг.), которые вскоре признали капитуляцию, а Гунцзун был переправлен в столицу империи Юань Даду (大都, или Ханбалык, современный Пекин). Несогласные с капитуляцией военачальники короновали нового императора, семилетнего Сун Дуаньцзуна (宋端宗, 1269–1278 гг.), Вэнь Тяньсян же был назначен правым канцлером и совмещал этот пост с должностью главы Верховного Военного совета. Ему было поручено возглавить мирную миссию Сун на переговорах с представительством Юань, где он потребовал отступления монгольских войск и был заключен под стражу юаньским генералом Баяном (伯顏, 1236–1295 гг.), однако впоследствии Вэнь Тяньсяну удалось сбежать [4].

Вэнь Тяньсян продолжил активное участие в военных действиях против монгольских войск, но вскоре его контингент был разбит силами Юань под предводительством генерала Чжан Хунфаня (张弘范, 1238–1280 гг.), воевавшего на стороне монголов. Чжан Хунфань предложил Вэнь Тяньсяну престижную должность в аппарате империи Юань в обмен на капитуляцию, но тот отказался. После окончательного поражения сунских войск в битве

при Ямэнь 1279 г. Чжан Хунфань повторил предложение и вновь получил отказ. Тогда Вэнь Тяньсяна отправили в столицу, Даду, где он был заключен в военную тюрьму [4].

К вышеуказанному периоду относится известнейшее стихотворение Вэнь Тяньсяна 《过零丁洋》 («Проплывая по морю Линдин»), написанное в форме классического семисловного ши (七言诗) с рифмой в 1, 2 и 4 строках в первом и 2 и 4 строках – во втором четверостишии. Сначала поэт обращается к опыту своей жизни и суровой реальности событий на родной земле:

辛苦遭逢起一经，干戈寥落四周星。

山河破碎风飘絮，身世浮沉雨打萍 [5].

Не жалея себя, отдавался ученью канонов,

Уж четыре весны, как ломаются копья войною.

Поднебесье в руинах, и пыль уносится ветром,

Как болотная ряска, всплывает в мыслях былое.

(Здесь и далее переводы выполнены нами).

Во втором же четверостишии автор вспоминает, как был захвачен в плен, а также демонстрирует несгибаемость духа и верность своим идеалам:

惶恐滩头说惶恐，零丁洋里叹零丁。

人生自古谁无死，留取丹心照汗青 [5].

*Близ порога **Хуанкун** говорю, что охвачен **страхом**,*

*Проплывая по морю **Линдин**, **одиноко** вздыхаю.*

Кто из смертных на этой земле сможет смерти избегнуть?

Пусть же верное сердце в анналах свой след оставит.

В качестве художественного приема автор использует традиционную для китайской поэзии игру слов: географическое название «порог Хуанкун» (惶恐滩) может быть дословно переведено как «порог Страха» (惶恐 ‘страх’), а море Линдин (零丁洋, также Линдинъян, участок моря к югу от Гуанчжоу) – как «море Одиночества» (零丁 ‘одинокий’). Вэнь Тяньсян мастерски вплетает данные совпадения в сюжет произведения.

Можем заметить, что Вэнь Тяньсян иносказательно описывает реальные события и локации: содержание стихотворения не расходится с информацией, зафиксированной в исторических документах. В то же время он наполняет данные события автобиографическим контекстом и дает им личную оценку, проистекающую из его конфуцианских воззрений. Как указывает Д. В. Возчиков, «у Вэнь Тяньсяна война между Южной Сун и монголами… изображается… как *луань*, как катастрофа, гибель государства, разрушение вселенской гармонии и синоцентрической картины мира» [3, с. 595]. Под *луань* (乱, ‘хаос’) исследователь понимает смуту в государстве и замечает, что в данном понятии «закрепилась прочная связь между насилием, безнравственностью, войной, установлением нелегитимной власти, а также и утратой правящей династией легитимности» [3, с. 595].

Другое известное стихотворение Вэнь Тяньсяна, написанное в заключении, 正气歌 («Песнь моему прямому духу») – это пространное произведение, написанное пятисловным размером (по пяти иероглифов в строке). Стихотворение можно назвать манифестом идейной позиции поэта. Произведение предваряет предисловие, написанное в основном четырехловным («шицзиновским») стихом, где автор описывает тяготы тюремного заключения:

余囚北庭，坐一土室。室广八尺，深可四寻 [6]. *Я заключен в северном дворе, сижу в землянке. Комната восемь чи шириной и четыре чи глубиной…*

В предисловии также присутствуют отсылки к конфуцианской классике – в частности, к Мэнцзы. Затем следуют 12 пятисловных четверостиший, где автор воспевает «праведный», то есть несгибаемый и непримиримый дух, а также представляет ярчайшие, по мнению автора, примеры стойкости человеческого характера, зафиксированные в истории [3, с. 596].

Вэнь Тяньсян демонстрирует оптимизм и веру в то, что стойкость способна преодолеть все преграды:

如此再寒暑，百沴自辟易 [6]. *Пройдет так еще зима и еще лето – и сто напастей сами собой отступят.*

При этом дальнейшая жизнь Вэнь Тяньсяна сложилась не так благополучно. Хубилай-хан проявил личную заинтересованность в фигуре Вэнь Тяньсяна и также предлагал ему пост при дворе. Однако и тогда Вэнь Тяньсян ответил отказом. В конечном итоге поэт был казнен [3].

В «Сунши» Вэнь Тяньсяну приписывается стихотворение 《衣带赞》(«Восхваление, оставленное на одежде»), найденное уже после его казни [4]:

孔曰成仁，孟曰取义。惟其义尽，所以仁至。
读圣贤书，所学何事？而今而后，庶几无愧 [4].
Конфуций призывал – гуманным стань,
А Мэнцзы требовал – свой долг не забывай.
Лишь только до конца исполнив долг,
Гуманным зваться может человек.
Я изучал каноны мудрецов –
И что я смог познать и уяснить?
Но есть надежда, что сегодня я
Позор с себя навеки смыть смогу.

Лаконичное произведение, написанное четырехсловным стихом, обращается к фигурам Конфуция и Мэнцзы и категориям гуманности (仁) и долга (义). Автор дает понять, что свой отказ подчиниться монгольским завоевателям рассматривает как верность конфуцианским принципам и ставит долг превыше своей жизни.

Таким образом, поэзии Вэнь Тяньсяна свойственна автобиографичность, поскольку известнейшие его произведения вдохновлены событиями его жизни. Нельзя не отметить и историчность его стихотворений, ведь в них отражены реальные факты, достоверность которых подтверждена историческими документами. Анализ произведений Вэнь Тяньсяна в историческом аспекте также призван глубже раскрыть сущность процессов, происходящих в китайском обществе на рубеже эпох Сун и Юань. Стихотворения демонстрируют гражданскую и идейную пози-

цию той части высшего сословия государства Сун, которая не перешла на службу к новому правительству даже под угрозой гибели. В контексте же литературы Вэнь Тяньсяна можно рассматривать как поэта-патриота, чья стойкость и несгибаемость обеспечила ему вековую славу.

Библиографический список

1. История Востока : в 6 т. / редкол.: Р. Б. Рыбаков (пред.) [и др.]. – М. : Вост. лит., 2002. – Т. 2 : Восток в средние века / отв. ред.: Л. Б. Алаев, К. З. Ашрафян. – 716 с.

2. 宋末三杰是哪三杰? = Трое выдающихся деятелей эпохи Сун – кто они? // 求学网 = Стремление к знаниям. – URL: https://lishi.7139.com/4869/26/29694.html (дата обращения: 31.05.2025).

3. Возчиков, Д. В. «Пусть на летописи ляжет отблеск искреннего сердца»: исторические образы в поэзии Вэнь Тяньсяна / Д. В. Возчиков // Общество и государство в Китае. Т. XVII, Ч. 1. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2013. – С. 593–599. – URL: https://china.ivran.ru/xliii1 (дата обращения: 31.05.2025).

4. 宋史 ： 列传第一百七十七 = История династии Сун : биографии знаменитых людей. Т. 177 // 中国哲学书电子化计划 = Проект оцифровки китайских философских текстов. – URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=40999&remap=gb#p2 (дата обращения: 31.05.2025).

5. 过零丁洋原文|翻译|赏析_文天祥古诗_古诗文网 = Проплывая по морю Линдин, оригинал текста: интерпретация: Художественный анализ_Гуши Вэнь Тяньсяна // 古诗文网= Древняя поэзия. – URL: https://www.gushiwen.cn/gushiwen_5e952833f6.aspx (дата обращения: 31.05.2025).

6. 正气歌原文、翻译及赏析、拼音版及朗读_文天祥古诗_古诗文网= Песнь моему прямому духу, оригинал текста, интерпретация и художественный анализ, транскрипция пиньинь и декламация Гуши Вэнь Тяньсяна // 古诗文网= Древняя поэзия.. – URL: https://www.gushiwen.cn/shiwenv_8cd2e7482da9.aspx (дата обращения: 31.05.2025).

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ МОДЕЛИ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА НА ФАКУЛЬТЕТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

К. И. Лещенко[1)], Л. С. Журко[2)]

[1)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Leshchanka74@bsu.by

[2)] Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lidiazhurko@mail.ru

Статья посвящена обзору результатов проведения I Минской модели ШОС, организованной филиалом молодежной платформы для стран ШОС *SCOLAR Network* в г. Минске на базе факультета международных отношений Белорусского государственного университета. В статье отмечается активное участие Республики Беларусь в Шанхайской организации сотрудничества, а также важность и уникальность Модели ШОС как молодежного проекта и роль закрепления такого понятия, как консенсус, в сознании будущего специалиста. Авторы рассматривают итоги проведения I Минской Модели ШОС, включая принятые инициативы в рамках предложенных тем. Отмечается ключевая роль подобных проектов в контексте формирования профессиональных навыков специалиста-международника.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; международное сотрудничество; Модель ШОС; молодежная платформа *SCOLAR Network*; Республика Беларусь; факультет международных отношений; филиал *SCOLAR* в г. Минске; Шанхайская организация сотрудничества.

EXPERIENCE OF CONDUCTING THE SHANGHAI COOPERATION ORGANISATION MODEL AT THE FACULTY OF INTERNATIONAL RELATIONS OF BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

K. I. Leshchanka[a], L. S. Zhurko[b]

[a] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
Leshchanka74@bsu.by
[b] Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
lidiazhurko@mail.ru

The article is devoted to the review of the results of the I Minsk Model SCO, organized by the Minsk Hub of the Youth Platform for the SCO countries SCOLAR Network on the basis of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University. The article notes the active participation of the Republic of Belarus in the Shanghai Cooperation Organization, as well as the importance and uniqueness of the Model SCO as a youth project and the role of consolidating such a concept as consensus in the minds of future specialists. The authors consider the results of the I Minsk Model SCO, including the adopted initiatives within the framework of the proposed topics. The key role of such projects in the context of the formation of professional skills of an international relations specialist is noted.

Keywords: Belarusian State University; Faculty of International Relations; international cooperation; Model SCO; Republic of Belarus; SCOLAR Minsk Hub; SCOLAR Network Youth Platform; Shanghai Cooperation Organization.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) в настоящее время является одной из важнейших международных площадок для Республики Беларусь. Вступление в ШОС в качестве полноправного члена в 2024 г. считается историческим моментом во внешней политике страны. В данном контексте Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил: «Шанхайская организация сотрудничества для

Беларуси – это не просто международная организация, а стратегическая перспектива» [1].

С момента вступления в ШОС Беларусь не просто заняла место за столом переговоров, а зарекомендовала себя в качестве ответственного и инициативного участника, чей вклад высоко оценивают партнеры. В июле 2024 г. Беларусь впервые приняла участие в Саммите ШОС в Астане в статусе официального члена организации. Президент Беларуси А. Г. Лукашенко выдвинул ряд инициатив, в том числе проекты по обеспечению продовольственной безопасности и развитию транспортного сообщения. На саммите были подписаны меморандумы о сотрудничестве с несколькими странами-членами [2].

В октябре того же года в Ташкенте прошло заседание Совета глав правительств ШОС, где Беларусь предложила создать Межбиржевой союз ШОС, а также Банк развития и Фонд развития ШОС [3]. Таким образом, за первый год полноценного членства Беларусь не только полноценно адаптировалась к форматам ШОС, но и стала генератором практических инициатив.

Помимо экономического и политического сотрудничества, ШОС является и платформой укрепления дружественных отношений между странами и их народами. На Саммите в Астане Президент А. Г. Лукашенко отметил: «Беларусь приступает к работе в Шанхайской организации сотрудничества с пониманием, что ШОС – это не только безопасность, экономика и торговля. Это и взаимное обогащение культур, что приведет к обязательному сближению наших народов» [4].

Тематике сотрудничества Беларуси со странами ШОС, включая гуманитарное направление, посвящены многочисленные работы отечественных исследователей. Так, кандидат исторических наук, доцент О. П. Рубо в своей статье «Интересы и перспективы участия Республики Беларусь в Шанхайской организации сотрудничества в качестве полноправного члена» отмечает, что Беларусь заинте-

ресована в развитии образовательных контактов в рамках ШОС, включая взаимодействие по линии Университета ШОС [5, с. 166]. В данном контексте стоит выделить деятельность Белорусского государственного университета: так, например, делегация БГУ приняла участие в ежегодной конференции Университета Шанхайской организации сотрудничества, которая проходила 12–13 мая 2025 г. в г. Урумчи, административном центре Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР [6].

Аспектам взаимодействия Беларуси с зарубежными партнерами в рамках Шанхайской организацией сотрудничества посвящали научные публикации и такие белорусские исследователи, государственные и общественные деятели, как В. Л. Сенюта [7], Е. А. Достанко [8], А. В. Русакович [9], Е. А. Господарик [10] и др.

Целью настоящей статьи является рассмотреть опыт проведения Модели ШОС на факультете международных отношений БГУ, включая ее роль в формировании компетенций специалиста-международника. Новизна исследования обусловлена недостаточной освещенностью аспектов образовательного сотрудничества Беларуси как официального члена в рамках ШОС в научных публикациях, а также тем, что введение на факультете международных отношений практики моделирования ШОС, являясь инновационным для ФМО БГУ и призванным углубить развитие и формирование важнейших компетенций специалиста по международным отношениям, на данный момент исследователями не проанализировано.

Молодежное сотрудничество является важной составляющей направлений развития кооперации между странами-участницами в рамках ШОС. Среди ключевых механизмов молодежной кооперации в рамках ШОС особое место занимает молодежная платформа для стран ШОС *SCOLAR Network*. *SCOLAR Network* организует международные образовательные форумы и программы, способствуя формированию единого молодежного пространства

ШОС. Филиалы (хабы) организации в странах ШОС позволяют молодежи стать сплоченнее, развить навыки работы в команде, раскрыть свой потенциал как лидера. Будучи членом данного хаба, молодые люди получают уникальные возможности не только для профессионального роста, но и для установления ценных деловых контактов с молодыми лидерами стран ШОС, погружения в межкультурную среду, способствующую углублению взаимопониманию между народами.

После официального вступления Беларуси в ШОС 22 июля 2024 г. на базе факультета международных отношений Белорусского государственного университета был открыт филиал *SCOLAR* в г. Минске. Данный филиал стал важной частью студенческой жизни и международной деятельности факультета [11].

Среди образовательных и культурных мероприятий, проводимых филиалом, основным проектом выступает Модель ШОС, проведение которой уже стало традицией для многих хабов платформы *SCOLAR*. Модель ШОС – это конференция-симуляция, имитирующая работу органов Шанхайской организации сотрудничества. С 2018 г. ее организуют студенты и молодые специалисты для углубленного изучения деятельности ШОС. Участники развивают навыки дипломатии, командной работы и межкультурного взаимодействия, разрабатывая совместные проекты в формате дебатов и решения кейсов [12].

I Минская Модель ШОС состоялась с 13 по 15 ноября 2024 г. на факультете международных отношений БГУ. Ей предшествовала подготовка и разработка программы проведения в тесном сотрудничестве с руководством и профессорско-преподавательским составом ФМО БГУ и штаб-квартирой *SCOLAR Network* в Пекине. Первую Модель ШОС минский филиал *SCOLAR* проводил совместно с филиалами из Нижнего Новгорода и Санкт-Петербурга [13].

В рамках I Минской Модели ШОС были проведены два заседания: Совета глав правительств (рабочий язык – рус-

ский) и Совета Национальных координаторов (рабочий язык – китайский). Были смоделированы делегации Беларуси, Индии, Ирана, Казахстана, Китая (председатель), Кыргызстана, Пакистана, России, Таджикистана и Узбекистана, а также Секретариата ШОС (в лице Генерального секретаря). Делегации Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и Содружества Независимых Государств (СНГ) на I Минской Модели ШОС были представлены в качестве организаций-наблюдателей заседания Совета глав правительств [14].

В процессе моделирования заседания Совета глав правительств делегаты выступали с докладами в рамках общей тематики «Развитие молодежной политики: стратегии и инициативы для устойчивого будущего». По итогам заседания было рассмотрено совместное коммюнике, в которое вошли 11 инициатив, направленных, в том числе, на создание единого пространства в целях реализации кооперативных научных проектов представителей молодежи из государств-членов ШОС, на запуск и поддержку образовательных программ для повышения уровня политической грамотности среди молодежи и т. д. [14].

Моделирование Совета Национальных координаторов строилось в рамках повестки «Охрана природы, окружающей среды и климата». В итоговую дорожную карту вошли 7 инициатив, включавших такие инициативы, как создание многосторонней платформы в целях усиления законодательной и политической поддержки продвижения «зеленой» повестки ШОС, а также разработка образовательных программ с целью повышения осведомленности о разделении отходов, создание проекта «Водная стража ШОС» с целью управления трансграничными водными ресурсами и т. д. [14].

В I Минской Модели ШОС приняли участие более 60 студентов и магистрантов белорусских и российских вузов. БГУ представили около 40 обучающихся, среди которых студенты и магистранты факультетов международных

отношений, юридического, экономического, исторического и журналистики. Помимо участников из БГУ, среди делегатов заседаний присутствовали студенты из БГУ, БГЭУ, БГАМ, НГЛУ им. Н. А Добролюбова (г. Нижний Новгород), Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, а также Академии управления при Президенте Республики Беларусь [15].

Непосредственная процедура участия в Модели включала подготовку доклада на одну из вышеуказанных тем, где раскрывалась позиция одного из государств-членов ШОС и предлагались инициативы в рамках повестки заседания, а также презентацию доклада каждой делегацией и обсуждение предложенных инициатив. В таких условиях у молодых специалистов-международников формируются ключевые профессиональные компетенции: навыки анализа международной повестки с учетом национальных интересов разных стран, способность аргументированно отстаивать позицию, а также практика разработки международных инициатив в формате многосторонних переговоров. Помимо этого, у участников появляется возможность развивать свои навыки публичных выступлений, ораторства и коммуникации. Делегаты проводимого на китайском языке моделирования Совета национальных координаторов из числа тех обучающихся, для которых данный язык не является родным, получили шанс углубить навыки владения языком при написании докладов и общении по-китайски как с делегатами-носителями китайского языка, так и между собой.

Модель ШОС уникальна среди моделей других международных организаций тем, что по итогам заседаний в обязательном порядке должен быть достигнут абсолютный консенсус при принятии инициатив, т. е. каждый пункт совместного заявления (декларации, коммюнике, дорожной карты) должен быть единогласно поддержан всеми участниками заседания, поскольку ШОС следует принципу взаи-

мопонимания и взаимоуважения между всеми странами-участницами («шанхайский дух»). Данный формат является серьезным вызовом для участников и модераторов моделирования: так, несогласие одной из делегаций вынуждает многократно править содержание инициативы или же исключать ее из совместного заявления, что в связи с ограниченным регламентом мероприятия приводит к сокращению числа инициатив в итоговом документе. Однако такой формат максимально приближен к реальной работе в рамках Шанхайской организации сотрудничества, позволяя участникам получить ценный опыт для будущей карьеры. Отказ же от правила консенсуса при проведении моделирования в пользу голосования по принципу абсолютного или относительного большинства противоречит «шанхайскому духу» и базовым принципам организации.

Таким образом, проведение Модели ШОС на базе факультета международных отношений БГУ стало вкладом в дальнейшее развитие кооперации в образовательной сфере в рамках ШОС. Посредством диалога мероприятие сплачивает молодежь под знаком «шанхайского духа», прививая понимание консенсуса как ключа единства и взаимопонимания между государствами – членами ШОС. Такие проекты, как Модель ШОС, помогают молодым людям развивать базовые компетенции, являющиеся ключевыми для воспитания специалиста-международника.

Библиографический список

1. Лукашенко: ШОС для Беларуси – это стратегическая перспектива // БЕЛТА. – 03.07.2024. – URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-shos-dlja-belarusi-eto-strategicheskaja-perspektiva-645414-2024/ (дата обращения: 02.05.2025).

2. Исторический день. Что Беларусь привнесет в работу ШОС и зачем Лукашенко предложил строить Большую Евразию // БЕЛТА. – 05.07.2024. – URL: https://belta.by/president/view/istoricheskij-den-chto-belarus-privneset-v-rabotu-shos-i-zachem-lukashenko-predlozhil-stroit-bolshuju-646036-2024/ (дата обращения: 02.05.2025).

3. Роман Головченко принял участие в заседании Совета глав правительств стран-членов ШОС // Общенациональное телевидение. – URL: https://ont.by/special/list-data/roman-golovchenko-prinimaet-uchastie-v-zasedanii-soveta-glav-pravitelstv-stran-chlenov-shos (дата обращения: 02.05.2025).

4. Лукашенко о вступлении в ШОС : этот день войдет в историю Беларуси // БЕЛТА. – 04.07.2024. – URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-o-vstuplenii-v-shos-etot-den-vojdet-v-istoriju-belarusi-645542-2024/ (дата обращения: 03.05.2025).

5. Рубо, О. П. Интересы и перспективы участия Республики Беларусь в Шанхайской организации сотрудничества в качестве полноправного члена / О. П. Рубо // Постсоветские исследования. – 2023. – № 2 (6). – С. 160–168. – URL: https://postussr.org/journals/230602/9.%20%D0%A0%D1%83%D0%B1%D0%BE%20%D0%9E.%D0%9F..pdf (дата обращения: 07.06.2025).

6. БГУ участвует в ежегодной конференции Университета ШОС // Белорусский государственный университет. – 13.05.2025. – URL: https://bsu.by/news/bgu-uchastvuet-v-ezhegodnoy-konferentsii-universiteta-shos-d/ (дата обращения: 07.06.2025).

7. Сенюта, В. Л. О взаимодействии Республики Беларусь с Шанхайской организацией сотрудничества / В. Л. Сенюта // Материалы «круглого стола» по инновациям в международных исследованиях, посвященный 15-летию образования Шанхайской организации сотрудничества 31 марта 2016 г. – Минск, БГУ, 2016. – С. 4–10. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/156183 (дата обращения: 07.06.2025).

8. Достанко, Е. А. Взаимодействие Республики Беларусь с Шанхайской организацией сотрудничества : основные направления и перспективы / Е. А. Достанко // Материалы VII заседания Форума Шанхайской Организации Сотрудничества, Алматы, 24 апр. 2012 г. – Алматы : Ин-т мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации, 2012. – С. 59–62.

9. Русакович, А. В. Политика Республики Беларусь в интеграционных объединениях постсоветского пространства: особенности современного этапа / А. В. Русакович // Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 апр. 2024 г. – Минск : БГУ, 2024. – С. 26–37. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/322197 (дата обращения: 07.06.2025).

10. Господарик, Е. Г. Экономические возможности Беларуси в ШОС / Е. Г. Господарик // Банкаўскі веснік. – 2022. – № 9/710. –

С. 13–24. – URL: https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/11005.pdf (дата обращения: 07.06.2025).

11. Первый в Беларуси филиал Молодежной платформы для стран ШОС SCOLAR Network открыли в БГУ // Белорусский государственный университет. – 22.07.2024. – URL: https://bsu.by/news/pervyy-v-belarusi-filial-molodezhnoy-platformy-dlya-stran-shos-scolar-network-otkryli-v-bgu-d/ (дата обращения: 07.06.2025).

12. Модель ШОС // SCOLAR Network. – URL: https://scolar.life/ru/модель-шос/ (дата обращения: 07.06.2025).

13. На ФМО открылась I Минская Модель Шанхайской организации сотрудничества // Факультет международных отношений БГУ. – 13.11.2024. – URL: https://fir.bsu.by/news/news-2024/news-2024-11-13-03 (дата обращения: 03.05.2025).

14. I Минской Модели ШОС // SCOLAR Network. – URL: https://scolar.life/ru/i-минской-модели-шос/ (дата обращения: 07.06.2025).

15. Белорусские и российские студенты принимают участие в моделировании структуры ШОС в БГУ // Белорусский государственный университет. – 14.11.2024. – URL: https://bsu.by/news/belorusskie-i-rossiyskie-studenty-prinimayut-uchastie-v-modelirovanii-struktury-shos-v-bgu-d/ (дата обращения: 07.06.2025).

ЗНАЧЕНИЕ АФРИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

О. П. Рубо

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
rubo@bsu.by

В статье исследуется внешняя политика Китая в отношении Африки, рассматривается роль континента в реализации инициативы «Один пояс, один путь». Анализируются интересы Китая в вовлечение африканских стран в данную инициативу. Оценивается, насколько реализация проектов «Один пояс, один путь» способствует улучшению инфраструктуры, привлечению инвестиций и стимулированию социально-экономического развития континента. Анализируются мотивы африканских стран, стремящихся к расширению сотрудничества с КНР. Особое внимание уделяется роли Форума китайско-африканского сотрудничества (ФКАС) как важной платформы в реализации инициативы «Один пояс, один путь». Делается вывод о том, что вовлечение африканских стран в инициативу «Один пояс, один путь» позволяет Китаю реализовывать свои политические и экономические интересы, продвигать собственную экономическую модель, обеспечивать взаимосвязанность и развитие инфраструктуры. Использование площадки ФКАС способствует консолидации действий Китая и стран Африки, а также обеспечивает сопряжение Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. ООН, Повестки дня на период до 2063 г. Африканского союза, китайской инициативы «Один пояс, один путь» и африканских стратегий развития.

Ключевые слова: Китай; Африка; инициатива «Один пояс, один путь»; Форум китайско-африканского сотрудничества; стратегии развития; партнерство.

THE SIGNIFICANCE OF AFRICA IN THE IMPLEMENTATION OF CHINA'S BELT AND ROAD INITIATIVE

O. P. Rubo

Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, rubo@bsu.by

This article examines China's foreign policy towards Africa and considers the continent's role in the implementation of the Belt and Road initiative (BRI). It analyzes China's interests in involving African countries in the BRI. It assesses the BRI's contribution to improving infrastructure, attracting investment, and stimulating the continent's socio-economic development. The motives of African countries seeking to expand cooperation with China are analyzed. The role of the Forum on China-Africa Cooperation (FOCAC) as an important platform for the implementation of BRI is emphasized. It concludes that the inclusion of African countries in the Belt and Road Initiative allows China to pursue its political and economic interests, promote its own economic model and ensure connectivity and infrastructure development. The FOCAC platform facilitates the consolidation of actions between China and African nations, while simultaneously enabling the alignment of the United Nations' 2030 Agenda for Sustainable Development, the African Union's Agenda 2063, China's Belt and Road Initiative, and various African development strategies.

Keywords: China; Africa; Belt and Road initiative; Forum on China-Africa Cooperation; development strategies; partnership.

Африка, переживая период динамичного развития, испытывает острую потребность в развитии инфраструктуры и инновациях, что является ключевым условием для ее экономического и социального прогресса. Китайская инициатива «Один пояс, один путь» представляет собой масштабную инфраструктурную и инвестиционную программу. Страны Африки положительно оценивают инициативу «Один пояс, один путь» и рассматривают ее как возможность улучшить инфраструктуру, привлечь инвестиции и активизировать взаимную торговлю.

Китай активно выстраивает сотрудничество со странами африканского континента как на двусторонней, так на многосторонней основе. Хотя 53 из 54 африканских государства являются членами ФКАС, на начальном этапе реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 г. Африке уделялось относительно незначительное внимание. В 2017 г. председатель КНР Си Цзиньпин обозначил инициативу как «проект века». По его словам, инициатива «Один пояс, один путь» нацелена на всеобщее благополучие. Си Цзиньпин заявил, что все страны Азии, Европы, Африки или Америки могут стать партнерами по развитию международного сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [1].

Принятие Пекинской декларации и Плана действий на 2019–2021 гг. по итогам восьмого министерского заседания Форума по китайско-африканскому сотрудничеству, состоявшегося в Пекине в ноябре 2018 г., стало серьезным поворотом в политике Китая в отношении Африки, наглядно продемонстрировав приоритетное значение инициативы «Один пояс, один путь» в укреплении партнерских связей с африканскими государствами. В Плане действий на 2019–2021 гг. Африка представлена как часть исторического и естественного продолжения инициативы «Один пояс, один путь». В документе указано, что сотрудничество между Китаем и Африкой в рамках китайской инициативы позволит аккумулировать больше ресурсов и средств, расширить рынок и пространство для развития Африки и откроет перед континентом новые перспективы. В документе отмечено значение содействия синергии между инициативой «Один пояс, один путь» и Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Организации Объединенных Наций, Повесткой дня на период до 2063 г. Африканского союза, а также стратегиями развития отдельных африканских стран. Впервые на официальном уровне было заявлено о намерении использовать Форум китайско-африканского сотрудничества в

качестве ключевой платформы для координации и реализации проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [2].

Внешняя политика Китая в отношении Африки, проводимая под руководством председателя КНР Си Цзиньпина, характеризуется системным подходом, основанным на уверенности в собственных силах и убежденности в эффективности предлагаемой китайской модели экономического развития, известной как «путь социализма с китайской спецификой» [3].

Китай смог интегрировать Африку в инициативу «Один пояс, один путь», что в значительной степени способствовало изменению статуса континента в мире: от пассивного получателя помощи на цели развития до актора, расширяющего взаимодействие по таким направлениям, как торговля и инвестиции с другими странами – участницами инициативы [4, p. 14–15]. КНР определяет свои отношения с африканским континентом как сотрудничество и крепкое партнерство. Вовлечение стран Африки в инициативу «Один пояс, один путь» позволило Пекину успешно сформировать вектор прокитайской направленности, а самое главное расширить свое влияние на континенте [5, с. 65–66]. Включение Африки в инициативу «Один пояс, один путь» представляется логичным шагом, поскольку отражает общее видение Китая и африканских государств относительно устойчивого развития.

Поскольку инициатива «Один пояс, один путь» является ключевым элементом стратегии председателя КНР Си Цзиньпина по «великому омоложению китайской нации», то одобрение и поддержка со стороны африканских стран имеет большое значение для ее успешной реализации и укрепления позиций Китая в качестве глобальной державы. Сотрудничество на площадке ФКАС демонстрирует положительное отношение африканских правительств к китайским инвестициям в инфраструктуру и развитие континента, а также их убежденность в привле-

кательности китайской модели развития для других развивающихся стран [6, p. 172].

Для многих развивающихся стран Китай – это пример успешной трансформации, основанной на уникальном мировоззрении и строгой дисциплине. Усилия Пекина по институционализации отношений с Африкой через ФКАС, включение Африки в инициативу Один пояс, один путь создают благоприятные условия для обеспечения интересов Китая. В политической плоскости это выражается в поддержке устойчивого развития Африки и активном выстраивании партнерских отношений; в экономической – в использовании инициативы для переноса трудоемких производств и развития инфраструктуры; в военной – в обеспечении безопасности морских торговых путей. Идеологические интересы Китая заключаются в демонстрации успешности своей модели развития. Если ФКАС отражает стремление Китая уравновесить доминирование Запада, сформировать многополярный мир, то инициатива «Один пояс, один путь» – это демонстрация альтернативной модели развития для развивающихся стран, основанной на «социализме с китайской спецификой» [6, p. 172].

К 2023 г. инициатива «Один пояс, один путь» значительно расширила сферы по развитию международного сотрудничества. Помимо энергетики и инфраструктуры, инициатива стала охватывать здравоохранение, цифровые технологии, космос, экологию и устойчивое развитие, о чем свидетельствует продвижение проектов «Цифрового Шелкового пути», «Шелкового пути здоровья», «Зеленого Шелкового пути».

В 2021–2023 гг. Китай инвестировал в африканские страны почти 20 млрд дол. США. Эти прямые иностранные инвестиции (ПИИ) были направлены на реализацию 41 проекта в 18 африканских государствах в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Распределение китайских инвестиций, однако, остается неравномерным: основная часть (более половины от общего объема) пришлась всего на три страны –

Конго, Гвинею и Зимбабве. Египет и Эритрея также вошли в число ведущих получателей китайских ПИИ [7].

На саммите ФКАС, прошедшему 5 сентября 2024 г. в Пекине, были приняты Пекинская декларация о создании «всепогодного китайско-африканского сообщества единой судьбы в новую эпоху» и «Пекинский план действий на 2025–2027 гг. В указанном плане отмечено, что Африка является важным партнером в развитии сотрудничества по линии инициативы «Один пояс, один путь», а также подчеркивается важность укрепления синергии между инициативой «Один пояс, один путь» и Повесткой дня Африканского союза на период до 2063 г., Повесткой дня Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития на период до 2030 г. и соответствующими африканскими стратегиями. Обе стороны выразили намерение увеличивать вклад в международное сотрудничество, стимулирование глобального экономического роста и ускорение реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. [8].

Таким образом, включение африканских стран в инициативу «Один пояс, один путь» позволила Китаю реализовывать свои политические и экономические интересы, продвигать собственную экономическую модель развития, обеспечивать взаимосвязанность и развитие инфраструктуры, создавать условия для стимулирования социально-экономического развития континента. Страны Африки также заинтересованы в расширении сотрудничества с Китаем в рамках данной инициативы, поскольку активное включение в инициативу позволяет им привлекать инвестиции в различные сферы экономики, расширять сотрудничество по многим направлениям, решать проблемы своего экономического развития. Использования площадки ФКАС для продвижения инициативы «Один пояс, один путь» позволяет достичь бо́льшей консолидации усилий Китая и стран Африки и улучшить синергию Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. ООН, Повестки

дня на период до 2063 г. Африканского союза, китайской инициативы и африканских стратегий развития.

Библиографический список

1. Full text of President Xi's speech at opening of Belt and Road forum // Xinhuanet. – 14.05.2017. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136282982.htm (date of access: 27.05.2025).
2. Beijing Declaration-Toward an Even Stronger China-Africa Community with a Shared Future // State Council of the People's Republic of China. – 05.09.2018. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/ministrydocument/201809/05/content_WS5d3af6cbc6d08408f502295d.html (date of access: 27.05.2025).
3. Focus: Socialism with Chinese Characteristics: 10 Ideas to Share with World / Lu Hui // Xinhuanet. – 08.10.2017. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-10/08/c_136665156.htm (date of access: 27.05.2025).
4. Van Staden, C. In the Driver's Seat? African Agency and Chinese Power at FOCAC, the AU and the BRI : Occasional Paper 286, Sept. 2018 / C. Van Staden, Ch. Alden, Wu Yu-Shan // South African Institute of International Affairs. – URL: https://saiia.org.za/wp-content/uploads/2018/09/Occasional-Paper-286.pdf (date of access: 27.05.2025).
5. Михайличенко, К. М. Роль Африки в инициативе Китайской Народной Республики «Один пояс, один путь» / К. М. Михайличенко // Вестн. РУДН. Серия: Политология. – 2018. – Т. 20, № 1. – С. 60–68. – URL: https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/18129 (дата обращения: 27.05.2025).
6. Lau, R. K.-S. Africa-China Relations in the Context of Belt and Road Initiative: Realizing African-Chinese Dreams for Common Development? : Chapter 9 / R. K.-S. Lau // China's Globalization and the Belt and Road Initiative / Ed. J. A. Berlie. – London : Palgrave Macmillan, 2020. – P. 157–178.
7. Янькова, А. Интересы Китая в Африке / А. Янькова, К. Кондакова // Российский совет по международным делам. – 01.11.2023. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/interesy-kitaya-v-afrike/ (дата обращения: 27.05.2025).
8. Forum on China-Africa Cooperation Beijing Action Plan (2025–2027) // China-Africa Business Council. – URL: http://en.cabc.org.cn/?c=policys&a=view&id=44 (date of access: 27.05.2025).

A STUDY ON STRATEGIES FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE GREEN ECONOMY IN THE CHINA-BELARUS INDUSTRIAL PARK

Liu Ziqi

School of Business of Belarusian State University
7 Oboynaya Street, Minsk 220004, Belarus,
bmt.lyuC19@bsu.by

As global attention to environmental protection and sustainable development continues to rise, green economy has become an important development direction in international economic cooperation. China-Belarus Industrial Park actively responds to this global trend and aims to build a modernized industrial park with green, low-carbon and sustainable development. Through the introduction of advanced green technologies and the cultivation of green economy industries, the Park promotes the economic growth of the region and significantly reduces the negative impacts of development and construction on the ecological environment. This paper takes the Park as the study focus, and based on the perspective of green economy, systematically explores the strategies for industrial parks to achieve sustainable development, and analyzes the specific strategies that can be used in the implementation process, aiming to provide practical experience for more green economy sustainable development areas in China and Belarus.

Keywords: China-Belarus Industrial Park; green economy; implementation strategy; sustainable development; China; Belarus; «4+» solution; Green infrastructure construction; Environmental technologies.

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ «ЗЕЛЕНОЙ ЭКОНОМИКИ» В КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКОМ ИНДУСТРИАЛЬНОМ ПАРКЕ

Лю Цзыци

Институт бизнеса
Белорусского государственного университета
ул. Обойная, 7, 220004, Минск, Беларусь,
bmt.lyuC19@bsu.by

По мере того как глобальное внимание к вопросам охраны окружающей среды и устойчивого развития продолжает расти, «зеленая экономика» становится важным направлением международного экономического сотрудничества. Китайско-Белорусский индустриальный парк активно откликается на данный мировой тренд и стремится к созданию современного индустриального парка с ориентацией на экологичность, низкий уровень выбросов углерода и устойчивое развитие. Посредством внедрения передовых «зеленых» технологий и развития отраслей «зеленой» экономики Китайско-Белорусский индустриальный парк способствует экономическому росту региона и в значительной мере снижает негативное воздействие процессов развития и строительства на экологическую среду. В статье Китайско-Белорусский индустриальный парк рассматривается в качестве объекта исследования и, исходя из концепции «зеленой» экономики, системно анализирует стратегии достижения устойчивого развития индустриальных парков, а также исследует конкретные меры, которые могут применяться на этапе реализации, с целью предоставления практического опыта для дальнейшего развития сфер устойчивой «зеленой» экономики в Китае и Беларуси.

Ключевые слова: Китайско-Белорусский индустриальный парк; «зеленая» экономика; стратегия реализации; устойчивое развитие; Китай; Беларусь; решение «4+»; строительство «зеленой» инфраструктуры; экологические технологии.

As the highest-level bilateral cooperation project between China and Belarus, and the most ambitious development

project under the framework of the Belt and Road Initiative, the strategic value and demonstrative significance of China-Belarus Industrial Park is self-evident. Located in the geometric center of the European continent and adjacent to Minsk International Airport, the capital of Belarus, the park has developed into the largest and most functional comprehensive investment platform in Belarus by virtue of its unique spatial positioning. As a core engine of regional economic development and a key carrier of international cooperation, the Park plays an irreplaceable role in promoting the industrial upgrading of Belarus, facilitating the process of regional economic integration and deepening international production capacity cooperation [1, p. 265].

In particular, the further promotion of the Belt and Road initiative has built an all-round and multi-level strategic support system for the development of the China-Belarus Industrial Park. The initiative provides an important channel for the Park to link with global resources and integrate into the international industrial chain by building an extensive international cooperation network. At the same time, relying on the huge market scale and diversified demand structure of the countries along the route, China-Belarus Industrial Park has gained a highly potential market expansion space, and the cross-border flow and optimal allocation of various industrial factors have provided a systematic guarantee, thus significantly enhancing the competitiveness and influence of the Park in the industrial division of labor in the Eurasian continent.

Analysis of the situation in the China-Belarus Industrial Park. Located 25 km east of Minsk, the capital of Belarus, the Park, with a total planning area of 112.5 square km, is one of the largest economic and trade cooperation zones built by China overseas. After years of development and construction, the zone has made remarkable progress. As of 2024, the infrastructure construction of 8.5 square km in the first phase of the zone has been basically completed and has reached the standard, providing good hardware conditions for enterprises to move in [1, p. 266].

At present, the CBIP has initially formed a diversified industrial layout, «covering a wide range of fields such as machinery manufacturing, e-commerce, new materials, traditional Chinese medicine, artificial intelligence, 5G network development, etc. As of 2024, the zone has attracted 107 enterprises from 15 countries, with a total agreed investment of 1,336.52 mln USD. Among them, 49 Chinese-funded enterprises, accounting for 45.8 %, mainly come from machinery manufacturing, e-commerce, information technology and other fields»; 31 White-funded enterprises, accounting for 29 %, cover food processing, building materials and other industries; and 19 third-country-funded enterprises, accounting for 17.8 %, are involved in electronics, chemicals and other fields. In terms of investment scale, there are 5 enterprises with a total investment of over 100 mln USD, accounting for 4.7 %; 12 enterprises with a total investment of 50 mln USD – 100 mln USD, accounting for 11.2 %; 35 enterprises with a total investment of 10 mln US dollars – 50 mln USD, accounting for 32.7 %; and 55 enterprises with a total investment of less than 10 mln USD, accounting for 51.4 %. The presence of these enterprises not only brings capital and technology to the CBIP, but also promotes industrial agglomeration and economic development [2, p. 56; 3, p. 112—113; 4].

The Green and Sustainable Development of the China-Belarus Industrial Park. With the increasing global emphasis on sustainable development, environmental protection has become a key indicator of the development quality of an industrial park. From the very beginning of its planning, the Park has placed the concept of green economy development at its core, and is committed to building a modernized industrial new town that is ecological, intelligent and sustainable.

The China-Belarus Industrial Park clearly takes «green, intelligent, ecological and digital» as its core development direction. This concept runs through the entire process of planning, construction, investment and operation of the

CBIP. In order to ensure that green economy development is put into practice, the park strictly complies with Belarusian domestic environmental regulations and actively benchmarks itself against high international standards. It is positive to note that China-Belarus Industrial Park has been awarded the Environmental Management and Audit System certification by the European Union, which demonstrates that Park's environmental management system is at an internationally advanced level and that it is committed to continually improving its environmental performance. Besides, the Belarusian government also attaches great importance to the ecological environmental protection of the park and provides policy support and regulatory framework for the green economy development of the park through relevant presidential decrees and policy documents [5].

Next, we have analyzed the specific implementation aspects of the sustainable development of the CBIP, where a number of environmentally friendly technologies and concepts have been integrated into the infrastructure development in table 1.

Based on the above information, it can be seen that the China-Belarus Industrial Park is actively responding to the global trend of green transformation, and has made green industry one of the key directions for future development. in March 2021, the park welcomed its first project in the Chinese medicine industry, which marks the expansion of its biomedical field, and may also involve the cultivation of Chinese herbal medicine, green extraction, and other ecological-related segments. In addition, the Park plan also includes new materials, environmental technology and other developments and production, which have green attributes in their own right or help promote the green transformation of other industries.

In the process of development and construction of the China-Belarus Industrial Park, great importance was attached to the protection of the original ecological environment. A large number of original forest belts have been preserved in the master plan of the park, and it has been reported that more

than 30—50 meter wide original forest belts in the park have formed an ecological protection barrier business department. The overall greening rate in the park is planned to be nearly 50 %, and two ecological protection zones are preserved intact, as well as the original settlements. We can be certain that this approach reflects the concept of protection in development and development in protection, and seeks to achieve a balance between industrial development and ecological environmental protection, to promote the harmonious coexistence of man and nature, and to lay the foundation for the eventual construction of an ecologically livable industrial new city.

Table 1

Environmental technologies and implementation features

Technical approach	Implementation characteristics
Sewage treatment	The design of the wastewater treatment station takes full account of the complexity of the incoming water quality and the high requirements of the outgoing water, and adopts high standards, digitization and automation in order to ensure that the discharge standards are met and to protect the local water bodies (e. g., the Wusha River) [6]
Waste management and recycling	The China-Belarus Industrial Park has established a comprehensive solid waste classification, collection, treatment and recycling system. This includes the minimization, resourcing and harmless treatment of industrial waste
Clean energy and energy-saving technology applications	The China-Belarus Industrial Park has introduced digital and intelligent technologies in the construction of power grids and plant design. The design of standardized factory buildings makes full use of natural light, ventilation and energy-saving technologies to reduce energy consumption. The China-Belarus Industrial Park is increasing the low-carbon and intelligent transformation of water, electricity, gas and other infrastructures

Therefore, the sustainable development of green economy in the China-Belarus Industrial Park is to maintain the balance and stability of the ecosystem through measures such as reducing pollution emissions, protecting biodiversity, and improving the quality of the ecological environment, which are in line with the requirements of environmentally sustainable development in sustainable development. Green economy encourages enterprises to adopt environmentally friendly technologies and equipment, strictly abide by environmental regulations, and effectively treat and comprehensively utilize waste gas, waste water and waste residue generated in the production process, thus reducing the negative impact of economic activities on the environment.

The strategies implemented by the China-Belarus Industrial Park in the sustainable development of the green economy are next explored, as shown in Table 2.

The table above shows that our strategy of building green infrastructure + optimizing green industrial deployment is one of the most effective ways to provide sustainable development of green economy in the Park. We have adopted the «4+» solution (developing circular economy industries + fostering new green industries + building green transportation networks + improving environmental infrastructure) to ensure the implementation of the strategy.

China and Belarus are working together on green economy cooperation to promote ecological construction and sustainable development of the two countries, to seize the opportunity of high-quality development of the Belt and Road initiative, and to promote healthy and stable development of the relations between China and Belarus at a high level. Therefore, the green economy cooperation in the China-Belarus Industrial Park provides an important guarantee for the realization of sustainable development.

Table 2

Strategies for Sustainable Development of green economy in the China-Belarus Industrial Park

Strategies	Methodology	Content of implementation
Green Infrastructure Construction	Construction of green transportation infrastructure	«Plan and build a green transportation network within the industrial cooperation zone, giving priority to the development of public transportation systems» [7], such as the construction of light rail, rapid transit and other high-capacity public transportation facilities, and encouraging enterprise employees and residents to choose public transportation for their trips. Increase the construction of charging facilities for new energy vehicles, and «reasonably distribute charging piles in parking lots, along roads and other areas in the zone, so as to provide convenient conditions for the use of new energy vehicles and reduce the environmental pollution caused by motor vehicle exhaust emissions» [8].
	Improve environmental protection infrastructure	Construction of centralized sewage treatment plants, garbage treatment plants and other environmental protection facilities to ensure that industrial wastewater and domestic sewage in the cooperative zone are effectively treated, and garbage is harmlessly treated and utilized in a resourceful manner. Advanced sewage treatment technologies and garbage treatment processes will be adopted to improve the treatment efficiency and quality of the environmental protection facilities and provide solid infrastructure protection for the green economy development of the China-Belarus Industrial Park.
Optimization of green industrial deployment	Development of circular economy industries	Vigorously develop circular economy industries in the industrial cooperation zone to form an industrial chain with efficient utilization of resources [9].
	Cultivate emerging green industries	Increase efforts to cultivate emerging green industries, such as new energy automobile manufacturing, green building materials, and energy-saving and environmental protection equipment manufacturing. Using China's advantages in new energy technology research and development and industrial development, combined with Belarus's manufacturing base, we will jointly build an emerging green industry cluster with international competitiveness.

References

1. Поддубская, Е. Ф. Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» как элемент проект «Один пояс, один путь» / Е. Ф. Поддубская // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – Вып. 3, № 121. – С. 265–269. – URL: http://economyandbusiness.ru/wp-content/uploads/2025/04/Poddubskaya.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

2. Садыгов, Э. М. Развитие индустриального парка «Великий камень» как приоритетное направление белорусско-китайского экономического сотрудничества / Э. М. Садыгов, Е. П. Лисичёнок, С. В. Измайлович, Миао Цизян // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2024. – № 4. – 54–61. – URL: https://journals.psu.by/economics/article/view/7138 (дата обращения: 15.05.2025).

3. Круминя, В. А. Эволюция понятия «Прямые иностранные инвестиции» в современной экономической науке: тенденции, теоретические подходы и практические аспекты / В. А. Круминя // Journal of Monetary Economics and Management. – 2023. – № 3. – С. 107–118. – URL: https://doi.org/10.26118/2782-4586.2023.46.22.016 (дата обращения: 15.05.2025).

4. Zhang Ni. The China-Belarus Industrial Park connects Eurasia through industries / Zhang Ni, Xiao Xinxin // Global Times. – 04.03.2023. – URL: https://www.globaltimes.cn/page/202303/1286631.shtml (date of access: 31.05.2025).

5. 对外投资合作国别（地区）指南 – 白俄罗斯 (2024) = Country (regional) guides for outward investment cooperation – Belarus (2024) // 济源市人民政府 = Jiyuan People's Government. – URL: http://zt.www.jiyuan.gov.cn/zsyz/wstz_zsyz/zcfb/P020250305601804037536.pdf (date of access: 31.05.2025).

6. «一带一路» 绿色城市发展案例报告 = Belt and Road initiative Green City Development Case Report // «一带一路» 绿色发展国际联盟 = Belt and Road initiative International Green Development Coalition. – URL: http://www.brigc.net/zcyj/bgxz/2021/202110/P020211025595634426342.pdf (date of access: 31.05.2025).

7. 王文相. 中白工业园一期起步区污水处理站设计 / 王文相, 李涛 = Wang Wenxiang. Design of wastewater treatment station in the starting area of the first phase of China-White Industrial Park / Wang Wenxiang, Li Tao // 工程管理 = Engineering Management. – 2021. – Vol. 2, N 2. – P. 15 –19.

8. 吴浩鹏. «一带一路» 倡议实施以来中国–白俄罗斯经贸合作成果与展望 / 吴浩鹏, 李莉, 黄百俊 = Wu Haopeng. Achievements and Prospects of China-Belarus Economic and Trade Cooperation Since the Implementation of the Belt and Road Initiative / Wu Haopeng, Li Li, Huang Baijun // 对外经贸实务 = Economic Relations and Trade. – 2024. – Vol. 42, N 4. – P. 56–62.

9. Circular Economy as a Way to Ensure Sustainable Development: The Experience of China and Belarus / H. A. Shmarlouskaya, I. V. Babyna, N. S. Shalupayeva [et al.] // ESG Management of the Development of the Green Economy in Central Asia. – Cham : Springer, 2023. – P. 227–235.

Научное издание

БЕЛАРУСЬ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
•
БЕЛАРУСЬ
У СУЧАСНЫМ СВЕЦЕ
•
BELARUS
IN CONTEMPORARY WORLD

Материалы
XXIV Международной научной конференции,
посвященной 104-й годовщине образования
Белорусского государственного университета
и 30-летию факультета международных отношений

Минск, 23 октября 2025 г.

На русском, белорусском и английском языках

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. В. Селиванов*

Подписано в печать 30.09.2025.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 58,5. Уч.-изд. л. 32,26.
Тираж 40 экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Отпечатано с оригинал-макета заказчика